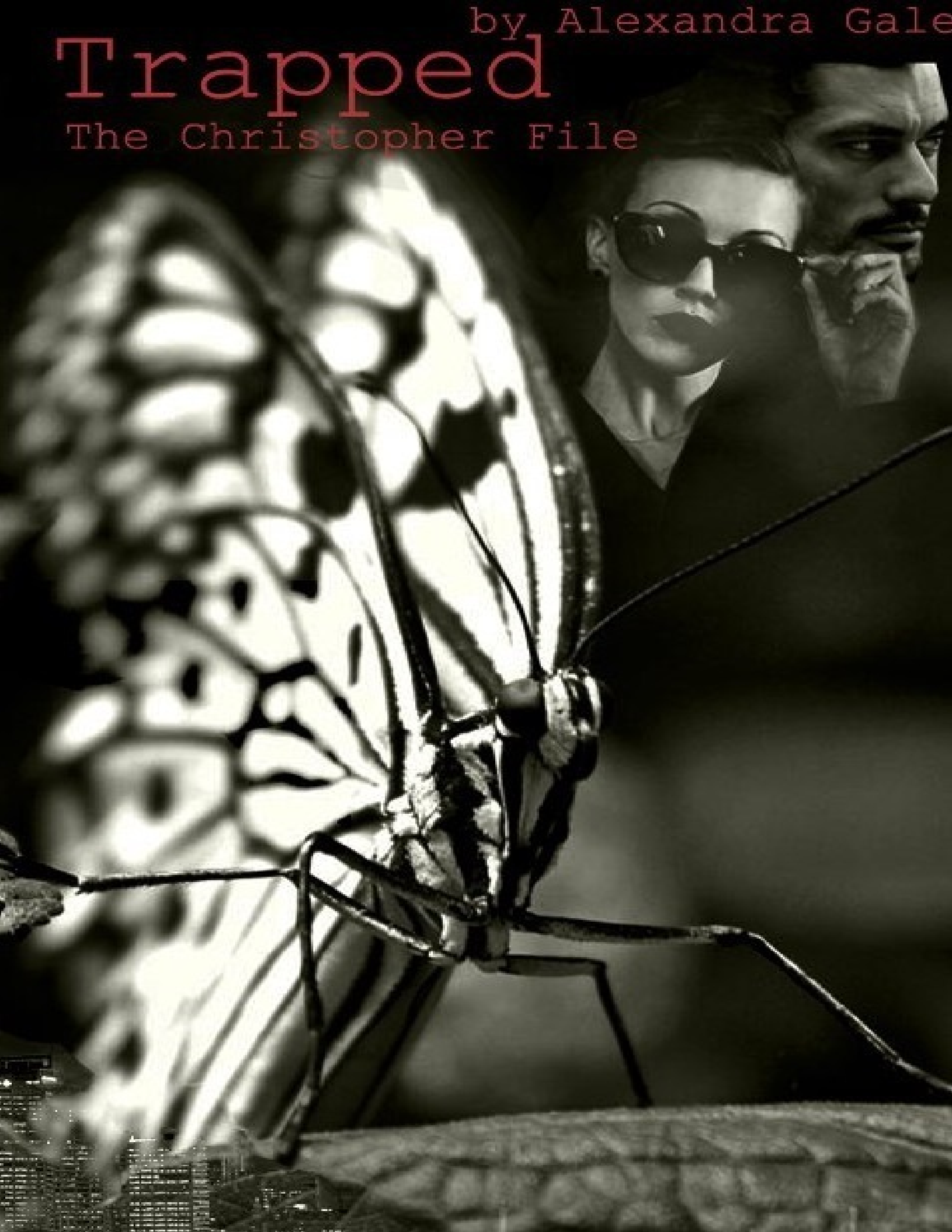

by Alexandra Gale

Trapped

The Christopher File

Всего несколько часов назад я была уважаемым ученым, а теперь волей случая оказалась соучастницей, которая летит на другой конец мира, чтобы спрятаться там от властей США. А еще я собираюсь работать на одного из самых опасных людей планеты, который по совместительству гадкий, жестокий, самовлюбленный кретин. И мой экс... Кстати, я выхожу замуж! Пфф, ну конечно не за него!

Пролог. Все еще

Настоящее время

Когда мы стоим на паспортном контроле, мои губы саднят. Я искусала их в кровь. Мама, папа и Брюс болтают между собой, а я переживаю и пытаюсь сохранять между нами с Шоном безопасное расстояние, потому что... ну он только что вытерпел перелет кошмара, и, скорее всего, в ближайшее время начнет плевать огнем.

Когда работник паспортного контроля смотрит на мое фото, а затем начинает искать в компьютере данные о скромной персоне Джоанны Конелл, я едва в состоянии сохранять вертикальное положение тела. За те сутки, которые мы провели в воздухе и зоне «без границ», могло произойти что угодно, и я хватаюсь рукой за металлический поручень. Пальцы мертвенно белые, ногти впиваются в ладонь. Внезапно мужчина снимает телефонную трубку, и я чувствую, как пот стекает по моей спине, хотя вокруг отнюдь не жарко. Он что-то тихо говорит, я не в состоянии расслышать, зрение начинает сужаться, а служащий так преспокойненько постукивает моим паспортом по столу. Мое воображение уже рисует толпу людей в форме, которые скручивают и меня, и отца, и маму, и Брюса, и бросают нас в смежные камеры...

— Добро пожаловать, мэ, проходите. — А затем поднимает глаза и мрачнеет: — Вам плохо?

— Перелетов побаиваюсь, — хрипло произношу я.

— Если что, мисс Конелл, медпункт дальше по коридору...

— Доктор Конелл... — автоматически поправляю я его, и прикусываю изнутри щеку, чуть не хлопая себя по лбу. Ну что за привычка сначала ляпнуть, а потом расхлебывать последствия?

— Извините, — сухо произносит мужчина, и нажимает на кнопку, разблокирующую дверь, которая ведет на территорию... да-да, Австралии. Я шмыгаю туда, надеясь, что моя феерическая глупость хотя бы на этот раз останется безнаказанной.

В попытке дождаться остальных, я останавливаюсь в коридоре и смотрю на выход из коридора, ведущий в общие залы аэропорта. И вспоминаю, как улетала отсюда, вся изломанная, искалеченная, потерявшая веру в себя и собственную привлекательность. Никогда бы не подумала, что меня снова занесет в Сидней, да еще и волей случая.

— Ты какая-то синяя, — сообщает Картер, выныривая откуда-то из-за моей спины.

— Да неужели? — намеренно громко говорю я, и он болезненно кривится, поднося пальцы к виску. Ничего-ничего, нашел силы заметить мое состояние, не надо теперь прикидываться больным и убогим. — Не переживай, Шон, сейчас даже трупы выглядят лучше, чем ты.

Он фыркает и начинает двигаться по коридору дальше, чуть-чуть покачивается при ходьбе. Кто бы мог подумать, что у такого неординарного человека может быть столь банальная болезнь, как мигрень? Наконец, контроль проходят и мама, и папа, и Брюс, и мы направляемся к ленте выдачи багажа, но я не дохожу до нее, так как вижу в толпе мисс Адамс с чопорной табличкой, на которой написано, цитирую, не шучу: проф. Картер и Ко. Я уже была уверена, что согнуть пополам от хохота прямо на месте, но она со мной заговаривает, и приходится держать лицо.

— Мисс Конелл! — восклицает секретарша Шона и улыбается мне так, словно действительно рада меня видеть. — Когда профессор сказал мне подготовить комплект документов на ваше имя, я ушам своим не поверила!

И вот на этом самом месте смех как рукой снимает.

— Комплект документов? — перевожу я взгляд с нее на Шона.

— Ах да, забыл сказать, что ты теперь будешь преподавать в университете на кафедре параллельного программирования.

— ЧТО?! — ору я снова. Шон аж отступает назад, будто исходящая от меня звуковая волна материальна. Но молчит, то ли поднимает, что заслужил, то ли в роли смиренной рубашки сегодня мои родители. — Я никогда ничего не вела, я не умею учить детишек...

— Клегг тоже, но его же это не смущает.

Подводим итог, я на территории Австралии меньше пятнадцати минут, а Картер уже успел составить мне экскурсионную программу и отпускает шпильки в адрес Клегга. Смотрю на покер-фэйс мисс Адамс, кажется, ее тирания начальника тоже задолбала. Однако она молчит. Эта женщина, должно быть, святая. Всем бы ее выдержку, ведь она терпит Шона не меньше девяти лет. Либо он ей оплачивает психотерапевта, как знать.

Кстати, мне всегда было интересно, почему у Картера в помощницах ходит старая дева с недокрашенным шиньоном, а не блондинка в мини-юбке. Учитывая его страсть решать вопросы не отходя от кассы, было бы очень даже удобно...

— Мисс Адамс отвезет вас в Ньюкасл, — сухо сообщает мне Картер, пока я размышляю о его требованиях к кадровому составу.

— Как это? Вот прямо сейчас? Стоп, погоди, я не подпишу документы.

— Подпишешь. Я твой начальник, и ты будешь делать, что я скажу. Иначе я тебе устрою неприятности, по сравнению с которыми Леклер покажется ангелом. В общем до начала семестра советую тебе разобраться со всеми вопросами, в том числе подлечить нервы, потому что если станешь продолжать на меня орать так, как сейчас, я тебе очень не завидую.

Уже готовлю гневную тираду, но чувствую, как меня кто-то тянет за рукав. Мама. Я чуть наклоняюсь, и она доверительно шепчет мне в ухо:

— Ханна, знаешь, мне не очень нравится твой начальник.

— Не переживай, мам, мы ему тоже, — «успокаиваю» ее я. — Кстати, мисс Адамс, это мои родители, Зои и Джон Конелл, и Брюс Монтгомери, мой жених.

— Оооо, — говорит она, вылупляясь на Брюса, а затем беззастенчиво опускает взгляд на мои руки, ищет подтверждение словам. Это что сейчас было?! — О, ну, поздравляю, счастья вам.

А затем секретарша как-то опасливо косится в сторону Шона. Что ж, в очередной раз убеждаюсь, что Роберт Клегг человек великий. Потому что он был прав. Я могла становиться доктором философии, решать судьбу мира, наводя ядерные боеголовки на Иран, отдавать взломщика Пентагона агентам ФБР, но в глазах некоторой прослойки общества я навсегда

останусь всего лишь блондинистой подружкой Шона Дамиена Картера.

Внутри становится так гадко-гадко, что я разворачиваюсь и направляюсь к ленте, на которой уже кружит мой более чем скромный чемоданчик. Разумеется, Брюс меня опережает. Он же военный, он человек, который привык защищать и оберегать... Но у меня нет сил отблагодарить его даже улыбкой, потому что мое настроение стремительно несется вниз, как кабинка на американских горках. По всему выходит, что я вернулась в Австралию, в университет, в жизнь Шона Картера, то есть к тому, от чего бежала сломя голову. Выходит, я нарушила каждую из клятв, данных себе в стенах этого самого аэропорта...

Дорога до Ньюкасла на удивление изматывающая. Наверное, это потому что если учесть все пересадки, мы летели порядка тридцати пяти часов, а теперь еще вынуждены добираться до другого города. Нет, я не жалею, это же так в духе Шона Картера, что иначе и быть не могло. Мама так же измотана, как я. Она спит, привалившись к папиному плечу, но они с Брюсом... да им будто по новой батарееке вставили, они обсуждают новенькие модели машин с невероятным рвением, при том, что весь полет, кажется, занимались тем же самым. Мисс Адамс дипломатично молчит, но посматривает на меня с глубочайшим женским пониманием.

К моменту въезда в Ньюкасл все мое тело стремится перейти в горизонтальное положение, и желательно на довольно долгий срок. Видимо, после событий с Леклером, Картером, Монацелли и прочей нечистью, я готова впасть в пожизненную спячку, ведь весь полет я занималась тем же. Но когда мисс Адамс останавливается около ну просто прелестного домика, я загораюсь энтузиазмом. Он и цветом, и размером, и лужайкой, и забором, всем хорош. А особенно он прекрасен наличием кроватей.

Мы выскакиваем из машины, довольные, даже позабывшие о моем недочемодане (а он у нас один, родные ведь почти без вещей на Сицилию приехали), радостно переговариваясь, подходим к порогу, где папа и мама, вечные чудо-романтики, устраивают нечто вроде церемонии переноса невесты через порог. А мы с Брюсом просто аплодируем, пока, видно, дружно не вспоминаем, что скоро нам предстоит проделать то же самое взаправду. Встречаемся глазами и пару секунд смотрим друг на друга. Проблемы с доверием, кажется, не только у меня... Видимо, Брюс рассматривает мое Сицилийское поведение как измену. Да неужели? Ну тогда мы квиты! Он предатель, я изменщица.

— Эм, Джоанна, иди-ка сюда, — зовет меня папа таким тоном, каким раньше сообщал, что я посуду вымыть забыла. Я понимаю, что что-то случилось, спешно захожу внутрь и понимаю, в чем проблема. Еще сказки учат нас тому, что свои желания нужно выражать предельно ясно и подробно, но мне, видимо, не помогло, потому что дом-то я у Шона потребовала, но не мебель!

И вот стоим мы все в... коробке. Не знаю как еще назвать цементный пол, девственно чистый ровненький потолок и только-только отштукатуренные стены. Интересно, хоть санузел тут имеется? Или Шон полагал, что я после подобного перелета чувствую себя достаточно расчудесно, чтобы устроить кросс наций по всем магазинам Ньюкасла?! К собственному ужасу, меня начинает скручивать дикий приступ хохота, я даже на колени плюхаюсь и больно ударяюсь ими о камень. По щекам начинают течь слезы. Но тут, ко всему, я слышу нечто просто убийственное:

— Эм, я могла бы сходить и купить спальные мешки, — предлагает мисс Адамс.

И на смену хохоту приходят безудержные рыдания.

— Ханна, милая... — растерянно говорит мама, обнимая меня за плечи.

— Хватит! Я не хочу думать о мебели, тем более что через пару недель на меня Картер три сотни нахальных детишек навесит, а я не хочу этих детишек, я их загодя ненавижу. Я не хочу больше никого спасать и ничего решать, не хочу думать об окружающих. Я буду сидеть и плакать, пока вы радуетесь жизни, и делаете здесь ремонт, и покупаете мебель! И смеетесь как ненормальные! Вы преступники, вы что, еще не поняли? Это не смешно, подумайте! Мы никогда не сможем уехать из гребаной Австралии, от гребаного Картера, университета и трех сотен детишек, а все почему? Потому что для вас все игрушки. Приговор — подумаешь, самолет коротнуло, и толпа людей погибла — ну а что, с нами же ничего не случилось! Алло, с нами случилось! Посмотрите как жесток этот мир, в нем даже мебели для нас не нашлось!

После этого все окончательно уверились в моей невменяемости и пошли... да-да, за спальными, мать его, мешками. И целых два дня, пока мама покупает в магазинах кастрюльки и вазочки, а папа с Брюсом кладут пол и собирают купленную на последние деньги мебель, а также обмениваются новостями по поводу новых теперь уже самолетов (ВВС, как-никак), я вою как белуга, закутавшись в три спальных мешка. Почему три? Потому что в четырех жарко, а на двух лежать на полу слишком жестко. Периодически за выделенную мне стенку заходит мама. Кормит меня куриным бульоном и топит в жалости. На искреннее человеческое участие у меня реакция особая. Аллергия называется. От жалости мои глаза начинают слезиться, в носу появляются сопли, а в горле — булькающие звуки, перерастающие в полноценный рев. Ну ведь правда же, все симптомы аллергии!

Иными словами, как и обещала, пока остальные работают и «заботятся на этот раз обо мне», лично я занята двумя делами: лью слезы по поводу собственной горькой участи, а также не переставая проклиная Шона-мать-его-Картера. Искренне надеюсь, что этому ублюдку икается!

Осознание, что жизнь продолжается и как она продолжается, накрывает меня во время прогулки по Ньюкаслу. Я не знаю, где теперь живет Керри. Уже подхожу к ее старому дому, и только там понимаю, что они с мужем еще в прошлом году переехали. И я не в курсе куда. Я хотела устроить Керри сюрприз, а потому не сказала, что вернулась. А теперь уже не уверена, что хочу рассказывать о своих злоключениях. У Керри все прекрасно. Любящий муж, трое детей, вечный декретный отпуск, а у меня детишки разве что в университете наклеиваются, жених может обо мне забыть на месяц, а статус преступницы и вовсе предел мечтаний. Завидую ли я ей? Конечно. Но я люблю подругу, не хочу идти к ней в плохом настроении, а потому сглатываю ком в горле, набираю ее номер и продолжаю делать вид, что я нахожусь в другом полушарии.

Теперь мы с Брюсом проводим много времени вместе. Стараемся решать сообща все насущные проблемы, а у нас их, как вы уже поняли, пруд пруди.

— Я думаю, что на следующей неделе нам нужно вернуться в Сидней, — говорю я ему. — Мисс Адамс любезно согласилась поискать несколько вариантов жилья, сегодня она переслала мне предложения по интернету, одна квартирка очень даже хороша. Но ты, разумеется, можешь выбрать ту, которая нравится тебе.

Мы сидим около моего ноутбука. Брюс смотрит браузерную вкладку, на которой представлены фотографии нашего потенциального жилья.

— Это слишком дорого, — говорит он.

— В смысле? — удивляюсь я. — Мы же посчитали общий бюджет, у нас даже останется.

— Мне некомфортно обсуждать с ним собственные сбережения, да и вообще я никогда ни с кем планами на жизнь не делилась, мое и все, не трогать!

— А машины?

— В смысле? — моргаю я.

— Как ты планируешь жить без машины?

— Брюс, не переживай, это Австралия, я не США, здесь не все ездят на машинах
Общественный транспорт...

Но он смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

— Мы возьмем вот это и купим две машины! Может, это и не США, но я механик и не стану ездить на метро!

— Брюс, у нас не хватит денег на две машины!

— Я же не говорю о новых, я сумею поддержать их в рабочем состоянии.

Иными словами, купим мы дорогой металлолом. Зачем? Вот чего ради? Я бы легко отказалась от машины, просто влет, однако Брюс неумолим. Наверное, если бы он предложил мне купить один компьютер на двоих, я вела бы себя так же. И только эта мысль заставляет меня согласиться на спичечную коробку зеленого цвета с портьерами в клеточку! Боже. Да я в общежитии жила в лучших условиях. Это самое дешевое из предложений мисс Адамс. И я даже боюсь представить, кто до меня спал на кровати, которую мы с Брюсом будем делить, ведь приоритетным условием при съеме нового жилья было следующее: наличие мебелировки!

— Неужели на наших счетах так мало? — бурчу я себе под нос, не рассчитывая на ответ, однако Брюс мне отвечает:

— Прости, я немножко потратился. — И указывает на помолвочное кольцо. Ну конечно я знаю, что хотя он шутит, но мне все равно обидно. Может, потому что потратился он не с умом. Кольцо мне безумно велико. Я его уже трижды теряла, но, к счастью или нет, пока оно находится. Представляете, что он мне скажет, если я потеряю этот обруч насовсем? Это же причина, по которой его банковский счет опустел!

— Кстати, почему ты попросила у своего начальника дом для родителей, но не для себя? — прерывает мои размышления Брюс.

— В смысле?

— В смысле ты сказала, что он был тебе должен за проект и...

— Родители это одно, но мы когда-то... эээ... встречались, и просьба о жилье для себя выглядела бы странно.

— А по-твоему то, что ты приехала через полмира, чтобы на него работать — не странно? Или нормально, что его секретарша ищет тебе квартиру?

Меня начинает раздражать этот разговор. Это сцена ревности или что? Потому что тон его довольно ядовитый.

— Брюс, по-твоему для того, чтобы жить в приличных условиях мне необходимы подачки Шона Картера?! — Ну, года четыре назад, может, так оно и было, но теперь... — Не переживай, я как-нибудь заработаю нам на приличное жилье.

— Нет, Джоанна, — хмурится Брюс и мрачно на меня смотрит. — Обеспечивать семью должен мужчина. Это я буду зарабатывать нам на жилье.

— Но...

— Как твой отец. Я не говорю, что ты не должна работать. Но зарабатывать больше, чем я, точно не должна.

У меня шок. Он, видимо, никогда не слышал о Бабочках Монацелли. Он не представляет, кто это, чем мы занимаемся и сколько получаем. Это что ж выходит? Я должна скрывать свой доход, пока Брюс не добьется тех же высот? Мы начинаем совместную жизнь со лжи? Прекрасно!

Когда мы вслед за агентом по недвижимости входим внутрь квартиры, я обнаруживаю, что если на фотографиях в интернете мне зеленый цвет стен просто не понравился, то в жизни он вызывает тошноту. И внезапно я очень рада, что скоро окажусь на кафедре с Клеггом, которая на вид определенно приятнее. Да что угодно лучше грязно-зеленых стен! Они грязные? Или они просто цвета такого? Я не буду говорить какого, потому что это некультурно (а я только что провела больше недели в обществе мамы и разузнала много нового о своей речи. Она, кстати, права, я на военной базе знатно испортилась.). Ставлю на пол свой маленькой чемоданчик, а Брюс — коробку с тем, что мама для нас наготовила и инструментами, которые одолжил ему папа.

— Ну? — спрашивает сияющий агент. — Что скажете?

— Прекрасно, — кивает Брюс. — Нас все устраивает. Джоанна?

— Да-да, конечно, — выдавливаю я улыбку, а в голову закрадывается странная мысль: если я попрошусь к Шону в домик в обмен за услуги интимного характера, он, скорее всего, согласился. И еще не поздно! Надо только трубку снять.

А потом я в очередной раз вспоминаю, какой Шон козел, и как мне снова будет некуда идти, и отказываюсь от своей крамольной мысли. Вместо этого я доверяю Брюсу купить нам по машине, пока я отдраиваю каждый уголок этого богом забытого места.

Еще недавно я считала дни до возвращения в родной Сидней, а теперь не уверена, что смогу вынести пребывание здесь. Кровать в спальне еще страшнее, чем я себе представляла. Хотя, признаться на ужасы у меня фантазия шикарная.

Глава 1. Модификаторы

Шесть с четвертью лет назад

Как я уже упоминала, Киану нам с Шоном пошел на пользу. Мы непостижимым образом нашли точки соприкосновения. Да и вообще он стал как-то проще ко мне относиться, и я ответила ему тем же. Это внезапно оказалось залогом очень даже мирного сосуществования. Теперь если даже он меня и третировал, я относилась к этому максимально спокойно. Как наoret, так и успокоится. Однако, случались у Шона и помешательства. Тот день как раз был из числа подобных, но отличался особой степенью паршивости, а также... внезапности.

Утром дверь в мою спальню распахнулась.

— Ты проспала, — торжественно объявил Картер.

Я лениво разлепила веки и взглянула на часы. Ну а что, на слово что ли ему верить? Да конечно! Проходили уже. Однако он не пошутил, а потому я буквально пулей вылетела из-под одеяла и начала быстро-быстро собираться. Из одежды напялила только платье-рубашку, решив, что на клетке не будет видно, насколько сильно мятая ткань, затем всего пару раз взмахнула тушью, прическа... ой, лучше не смотреть!

— Меня пригласили на конференцию по параллельному программированию, — протянул Шон, наблюдая за моими лихорадочными сборами. — Я так и не понял зачем, но

раз Такаши собирается прилететь, то, так и быть, я тоже доеду до чертова Мельбурна.

Прыгая на одной ноге и пытаясь попасть другой в туфлю, я подхватила сумку и побежала за Шоном на кухню.

— И что?

— Ее организовали те два профессора-параллельщика. Помнишь их?

— Ну да, близнецы. Крутые, значит ребята, Такаши выцепили. Ну а мне-то что? Это приглашение? Сообщение? Попытка заставить обзавидоваться?

— Ты тоже можешь туда поехать, если хочешь, конечно.

— Естественно, хочу, — ответила я просто и налила себе чашку кофе, чуть не забрызгав свое расчудесное платье.

— Поговори с Клеггом, может быть он даст тебе доложить. Выбей с него уже хоть что-нибудь! Этот хрен не произвел на свет еще ничего стоящего! Сделай так, чтобы ты стала первой, иначе я этого переманивателя студентов по миру пушу.

Я чуть не поперхнулась кофе. Шон давал мне дельный совет для моей карьеры параллельщика. Приехали! Видать, совсем отчаялся дружок.

— Ну, окей, — сказала я.

— Поехали. Быстрее.

Мы вылезли из его машины около университета. Он размашисто шагал к корпусу, явно не намереваясь опаздывать, а я смешно семенила следом, так как не успевала за ним на своих высоченных шпильках.

— И сколько дней конференция? — поинтересовалась я, чуточку задыхаясь от упомянутого полубега.

— Четыре, — сухо бросил через плечо Картер.

— И когда ехать?

Ну ведь вы не думали, что все так просто? Думали? Вы просто убиваете меня своей наивностью!

— Завтра.

— И что я буду докладывать?! — завопила я так, что студенты начали оборачиваться.

— Ты это мне? — меланхолично отозвался Шон.

И все-таки я опоздала. Но в аудиторию меня пустили, да даже если бы я заявила за пару минут до конца пары, меня бы все равно не выставили. Ведь Шон Картер — плотоядное существо, обладающее четко выраженным собственническим инстинктом. В общем проскользнула я в аудиторию и тут же шмыгнула на одну из первых парт, подвинув бедром Джека.

— Привет, — сказала я, пытаясь шпильками соорудить на затылке пучок, пока преподаватель задумчиво стирал с доски страшенькие тройные интегралы. Неа, бесполезно. Волосы все равно торчали как после ночи жаркого секса. Да, конечно, у меня почти каждая ночь была полна жаркого секса, но обычно я всегда заматала следы, принимая душ. Кроме сегодняшнего дня.

— У вас с Картером что, воду отключили? — протянула Хелен, буквально уничтожая меня взглядом.

— У нас с Картером отключили будильник, — максимально вежливо огрызнулась я.

Наконец, мне удалось справиться со своей сумасшедшей гривой, однако часть волос пришлось оставить «кокетливо свисать на глаза», притворившись, что так и было задумано. На самом деле мне просто не хватило шпилек.

— Хочешь дружеский совет? — улыбнулся Джек, посмотрев на странную конструкцию на моей голове. — Распусти волосы. До того, как ты их убрала, казалось, что наш достопочтенный ректор имел тебя минуту назад, а теперь выглядит так, словно ректор имел тебя минуту назад, но ты сильно стараешься сделать вид, что ничего не было.

— Он не имел меня минуту назад, — буркнула я и покраснела.

— Ну да, естественно.

— Я проспала, ясно?! — Должно быть, я из красной стала малиновой.

Парни ухмыльнулись и переглянулись. Они мне не поверили, прекрасно. Я подавила желание закрыть лицо тетрадь. Оставалось только надеяться, что у Хелен от ревности зубы болят, и я страдаю не одна.

Второй парой в расписании стояли лабораторные у Шона Картера. Мы сидели за компьютерами, Хелен защищалась. Она говорила, и говорила, и говорила. А Шон явно обитал в тот день где-то в параллельной реальности, он смотрел в противоположную стену и поглаживал пальцем ручку.

— Сэр... на теории все, — нервно проговорила Хелен. Отсутствие реакции преподавателя ее явно смущало. Она уже пересказала весь лекционный материал, а он так и не остановил монолог. Но вдруг вместо ответа с его стороны прозвучало:

— Конелл, вы сегодня защищаетесь?

— Н-нет...

— Тогда уйдите с глаз долой.

Я моргнула. Один раз, второй, пожала плечами и под дружный хохот согнувшихся пополам Аарона и Джека начала собирать вещи. Вот же два придурка! Они никак не могли успокоиться по поводу моей прически.

Однако, как выяснилось, ушла я недалеко, так как за моей спиной почти мгновенно хлопнула дверь, и внезапно мою талию обхватили знакомые руки. Шон резко вдохнул запах моих бог знает чем пахнувших волос, а затем резко толкнул меня к стене и стал жадно целовать.

Прямо. В открытом. Университетском. Коридоре!

— КАРТЕР! — вскрикнула я в испуге. Он казался совершенно невменяемым. — Отпусти,пусти меня! — И попыталась вырваться, но безуспешно.

Но он не отпускал. И не реагировал на попытки сопротивления. Нет, ну можно было бы еще понять, если бы я ему подневольный целибат устроила, но мы побывали в постели меньше двенадцати часов назад... чертovsky волосы, надо было пожертвовать первой парой во имя душа. Уж не отчислили бы. А теперь хоть смейся, хоть плачь, я вынуждена была отбиваться от своего ректора прямо в коридоре, который, по счастливому стечению обстоятельств, пустовал. Я не вынесла бы, если бы кто-то нас увидел! Кем бы там меня Картер не считал, я не так воспитана, чтобы позволять ему подобные вещи в общественном месте!

Однако, сил справиться с натиском Шона у меня не хватало. Он дернул вниз мое декольте, едва не разорвав ворот, одной рукой сжал грудь, а другой уже начал задира́ть юбку...

— Хватит! — закричала я снова. — Шон, пожалуйста!

И тут явилось спасение в крайне неожиданном лице:

— Профессор... — неуверенно позвала Хелен от дверей. Она... услышала меня. И не

только она, разумеется. Боже... Однако Шон меня отпустил, и, словно в теле не осталось ни одной кости, я сползла по стене на пол. Но на этом парад маразма не закончился:

— Хочешь на ее место? — спросил Шон. Я не могла поверить, даже глаза открыла, чтобы удостовериться, что не сплю. А Хелен сглотнула и сказала «да».

Я словно попала в ночной кошмар, и почему-то никак не могла проснуться. Однако, мои мучители так и не успокоились. Шон так и вовсе:

— Идем, — сказал он Хелен.

И она побежала. Кстати, я говорю «побежала», потому что она буквально побежала, иначе я бы сказала «полетела». А я сидела на полу, оперевшись спиной о стену в полнейшем анабиозе. И у меня закончились слова и наказания для Шона Картера. Все эпитеты, которыми можно было наградить мужчину, которого ненавидишь, я уже перебрала. Мои инстинкты вопили бежать собирать вещи, уходить, а разум все спрашивал: а куда? Что, опять? Но как было возможно существовать под одной крышей с таким человеком? То, что он делал со мной, было совершенно невыносимо. И хотя я понимала, что абсурдность собственных действий, не могла перестать думать об этой сдвинутой парочке. Где они? В его кабинете? В пустой аудитории? Уехали из университета? Дома? В нашей постели? Ну а мне-то куда идти? Так, у меня есть Клегг, мне срочно нужен Клегг!

Таким образом я притащилась на кафедру к Робу и... начала на него орать. Да так, что несколько раз открывалась дверь, и на меня начинали потрясенно пялиться посетители. Я вопила так, что дрожали стекла, и до тех пор, пока не посадила голос. Разумеется, о Шоне и Хелен я ни словом не обмолвилась. Причина была иной: он не сообщил мне о конференции, а ведь я для него в последнее время так много делала, так старалась. И вообще с его стороны это свинство, и хреновый он научный руководитель, если не в состоянии обеспечить себе тыл из перспективного подрастающего поколения... А он смотрел, как по моим щекам текут в три ручья слезы, и позволял орать на него. Роберт человек умный, он понимал, что не в нем дело, даже если и не знал про Хелен и Картера. Наверное, было очевидно, что если я не спущу на него собак, то попаду в психушку. Я никогда даже предположить не могла, что такие вещи могут случиться с кем-то вроде меня. Я знала, что у Картера связи на стороне бывали, но раньше он не заставлял меня знать его шлюх по именам!

Какая-то частичка меня просто не верила, что у него хватит скотства совершить подобное, чуть ли не у меня на глаза, чуть ли не на глазах у всего университета. Несмотря на то, что мою репутацию ничто спасти уже не могло, я все надеялась, что он пошутил, что просто пытался проучить меня за несговорчивость. Но это не было правдой.

В итоге Клегг меня взял на конференцию. А ночевала я, разумеется, у них с Мадлен. И намеренно выехали уже после Шона, чтобы я могла заехать за моими костюмами, когда Картера уже не будет в доме. Вы даже представить себе не можете унижение, которое испытывает женщина, прося, ну скажем, друга, тайком подбросить ее до дома, потому что ее приятель накануне, вероятно, развлекался там с другой. Одно утешало — постель Картера не пахла шампунем Хелен, моя — тоже. Поэтому с более ли менее спокойной совестью я собрала свой маленький чемодан и забралась в машину Клегга, намереваясь за неимением других вариантов как всегда заняться собственной карьерой.

Входя в конференционные помещения мельбурнского университета, я отчего-то полагала, что в Шоне после его гадкого поступка должно было хоть что-то измениться. Я не знала, что именно, меня бы устроило любое внешнее проявление, такое как надпись "шлюха"

на лбу или хвост со стрелочкой. Однако, мои надежды по поводу Шона Картера не оправдывались никогда. Он разочаровывал меня даже в этом. Иными словами, когда я вошла в двери, он просто и естественно разговаривал с людьми научной среды. И все в нем, и выражение лица, и прическа, и костюм — все было до тошноты знакомо и типично. Кажется, изменилось только одно: меня он стал отталкивать еще больше, хоть я и полагала, что такого случиться не может в принципе. Ну почему он не пропустил складочку на костюме, почему не бросил на меня виноватый взгляд? О нет, он был в точно том же порядке, что и всегда. А я не спала ночь под предлогом подготовки к конференции. Как он может быть психопатом настолько?! Картер сказал: я хочу секса, и мне плевать с кем он будет. Не ты, так она. И ведь нашлась же эта "она" — очередная восторженная идиотка. А он действительно не пошутил, воспользовался! Свинья, кобель. Чтоб ему гонорею подхватить! Ведь она мне не передастся? О нет, конечно, я к нему не вернусь! Еще чего! Урод! Кретин... Ах да, у меня доклад, у меня доклад!

Пока я глазела на Шона, пытаюсь доказать, что паранормальные явления существуют, и от одного лишь пристального ненавидящего взгляда вполне себе реально умереть на месте, до меня добрался один из профессоров-близнецов. Пришлось срочно включать свою улыбку а-ля мир полон добра и единорогов. Да, Шон Картер сбросил меня с высоты нескольких этажей, но это не значит, что я не должна была встать и найти лифт обратно! Я рассказала профессору, что буду делать доклад, один из двух, вместо Клегга, а затем, наконец, обратила внимание на остальную часть собравшихся. В этот момент Такаши Мияки как раз здоровался с Картером. Внезапно испугавшись еще одной случайной встречи, я поискала глазами Карину Граданскую, но той не обнаружилось.

— Клегг, ты знаешь кто это? — шепнула я, кивая на Такаши.

— Такаши Мияки? Ох, Конелл, давай, познакомь нас. Я бы полжизни за такую возможность отдал!

— Должен будешь? — прищурилась я, охотно забыв, что он за последние сутки на годы вперед со мной расплатился.

— Да! Да! — не стал он возражать.

— Отличненько!

Однако, свои силы я переоценила, потому что следующие пять шагов к Такаши стоили мне пяти лет жизни. Если бы не пыхтящий от восторга Клегг, который бы меня, поверни я назад, за волосы поволок в сторону японца, я бы с воплем рванула прочь.

— Доктор Мияки, — воскликнула я радостно, и только услышав этот комариный писк, поняла, что переигрываю. Но Такаши уже в прошлый раз видел мою многочасовую улыбку до ушей и, кажется, не удивился.

— Мисс Конелл! — без проблем вспомнил он меня, что не могло не радовать. — Вы с докладом? — Да, сэр, — улыбнулась я еще шире.

— Охотно послушаю! — закивал, как китайский... пардон, японский болванчик, Такаши.

— Позвольте представить вам моего научного руководителя, доктор Роберт Клегг. Параллельное программирование.

После этих слов Такаши внезапно как-то оживился и тут же протянул Робу руку для пожатия. А я все стояла и улыбалась, старательно игнорируя Шона Картера. Но когда Такаши и Клегг окончательно переключились друг на друга, я поняла, что улыбка становится натянутой и все больше напоминает откровенный оскал. Начала считать секунды до того

момента, когда смогу уйти и спрятаться ото всех в туалете. По-тихому сбежать, однако, мне не удалось, так как происходящим заинтересовались и два мельбурнских профессора-близнеца, и, не представляя, что творят, начали разговор с нами с Шоном одновременно. А я ничего не могла сделать, разве что во всеуслышание объявить, что кумир миллионов людей — кобель без стыда и совести! Моя улыбка все меркла и меркла, а банкет продолжался... И конца этому кошмару не было видно. Но я победила: за весь день не сказала Шону Картеру не единого слова. Я собой гордилась!

Было так странно спать с Клеггом в одном номере. Ну, в смысле, я и раньше ночевала у него дома, но там были Мадлен и отдельная комната... А тут уж пришлось довольствоваться малым, не могла же я отправиться к Шону в номер, я б его придушила. И села. А поскольку ученых приехало много, свободных комнат в отеле не осталось. Только люксы, а я все еще не нашла свой клад на Монте-Кристо. В общем, мы с Робертом застряли в одном номере, и хотя дружно делали вил, что все в порядке, уснуть мне не удалось. В итоге я закрылась в ванной и до заиканий повторяла свой доклад.

На второй день конференции, прямо перед первым кофе-брейком, я стояла на сцене и настраивала проектор. А владели мной неловкость и раздражение. Нет, не из-за доклада, выступление меня не пугало, просто мужчины... они как матричные принтеры, знаете ли, только набор поставленные. Лента у тех ездит вправо-влево-вправо-влево, а если поставить упомянутым образом, будет аккурат как надо — вниз-вверх-вниз-вверх. Разумеется, это я о том, с каким завидным энтузиазмом проходятся по мне их ученые глазенки. В любых других условиях меня бы это не бесило, но сейчас, когда я старалась выглядеть не просто блондинистой пустышкой, пыталась доказать, что чего-то стою, откровенно расстраивало. И успокоиться мне удалось только когда я увидела на экране свое имя, самое-самое первое. Тогда я улыбнулась огромному экрану и начала свой доклад, по итогам которого Такаши Мияки задал мне целых три вопроса. Это очень хорошо, значит ему было интересно. Справедливости ради надо сказать, что ему было интересно параллельное программирование, а не я, не Клегг и не конференция. Почему? О, вы очень скоро узнаете, где была собака зарыта.

Кофе-брейк явился для меня возможностью позавтракать, а то я не могла с утра ни крошки проглотить. Ну да, чуть-чуть переживала, а как же иначе? Так что долгожданные кофе и булочка стали для меня настоящим праздником. Поправка — могли бы стать, так как стоило мне откусить первый кусочек, за спиной раздался голос Шона:

— Мисс Конелл, поздравляю с блестящим докладом.

Я уже было заготовила пять вариантов, куда сейчас его с этими поздравлениями пошлю, но обернулась и замерла. За спиной Картера стояло не меньше дюжины человек. И все тоже как начнут выражать свои восторги, да еще и перебивая друг друга, словно журналисты на пресс-конференции. А у меня в одной руке стаканчик с кофе, в другой — надкушенная булка. Видно, у меня такой талант — загадочным образом оказываться в дебилных ситуациях. Шон, что, не видел, что я ем?! Я уже говорила, что ненавижу этого человека? Раз триста уже набежало?

Да с какого перепугу все ему чуть не в ножки кланяются? Он же моральный урод! И извращенец в придачу! Ну, вот сами подумайте, кто бы еще вместо извинений притащил толпу рассыпающихся в любезностях восторженных старцев? Так и хотелось спросить у кого-нибудь из них мое имя, а не длину ног. И теперь это сообщество матричных принтеров стояло около меня и пялилось на то, как я долбаную булку доесть не могу! Я зажмурилась.

Может быть, только может быть, Шон действительно полагал, что подобного рода извинения — то, что мне нужно. Но это было не так. Я была бы рада, если бы он просто подошел и сказал прости. Все. Это бы значило, что он что-то осознал, пошел на уступки. Да, для него слова, может, и пустой звук, но не для меня. Я бы оттаяла, если бы поняла, что не ему не все равно. Это бы значило, что он сделал что-то по-моему! А раз он все еще полагал, будто я глупая и ничего не понимаю, я только больше разозлилась. Клянусь, если бы не его дальнейшие действия, я бы по приезду в Сидней весь дом розовыми шариками завесила, разбросала бы вещи, разлила бы на его любимый ноутбук жидкость для снятия лака, да я бы даже на сутки заперла в его спальне бедняжку Франсин (поревела бы об участи несчастной собаки, но сделала)... что там, да я бы что угодно сделала, лишь бы только Картер решил, что меня лучше выставить из дому и оставить в покое. Только бы больше никогда не терпеть его присутствие! И выходки. И смешки Хелен тоже! Но он, как всегда, нашел во мне ту самую гнильцу, которую так упорно расковыривал. Ой, погодите-ка, это все случилось позже, а пока мне просто пришлось бросить булку и остаться злой и голодной.

Конференция оказалась очень плодотворной. Но возвращение наступило. За всю дорогу до Сиднея я ни слова не сказала. Потому что напряженно думала, куда бы податься... У жизни с Шоном Картером есть один недостаток: каждый день проходит на пороховой бочке. Рвануть может в любой момент. А идти перманентно некуда.

Я попросила Клегга доехать до дома Шона и чуть-чуть подождать. Он очень удивился, но расспрашивать не стал. А я вошла в коридор и сорвала с крючка ключик от небезызвестного люкса, решив, что выстрадала право там поселиться. И все выходные провалялась на трехметровой кровати (по диагонали!), обедаясь мороженым и проклиная Шона Картера. Вот это по мне! А в понедельник выяснилось, что у меня из одежды одно лишь пресловутое платье-рубашка с надорванным воротом. Я как-то не догадалась прихватить наряду с ключиком еще и тряпок, а конференционные костюмы... они только для мельбурнских близнецов годятся. Пришлось идти в платье.

Только я появилась в университете, все буквально замерло. Ну конечно, я-то уже немного успокоилось, а остальные — нет. Вероятно, Хелен тоже. Они ведь меня не видели целую неделю.

Я понятия не имела, как заявляюсь на пару Шона Картера, однако выбор был невелик. Либо я сдаю лабораторную вовремя, либо я теряю на экзамене баллы (если помните, на прошлой неделе я не защитилась). Подведем итог: Картер вел себя как последний урод, а я должна пострадать? Ну конечно, разбежались! Если бы только не эти взгляды, эдакие надменно-соболезнующие, и, главное, все от незнакомых людей, все было бы вообще спокойно, но ведь нет же! Кто вы вообще? Вы меня знаете, а я вас — нет, и да идите вы к черту. Скорее, скорее!

Когда я приближалась к аудитории, цокот моих каблучков был подобен взрывам петард. Вокруг было тихо-тихо. Видимо, окружающие рассчитывали, что я вцеплюсь Хелен в физиономию. Предвкушали. Только я толкнула дверь и появилась на пороге, как на лисьей морде Хелен засверкала такая улыбка, что моя конференционная еще-чуть-чуть-и-зубы-вывалятся показалась просто движением уголками губ.

И тут меня разобрал просто дикий хохот. Если Хелен вознамерилась вышвырнуть меня из постели Картера, то флаг ей в руки! Не это ли моя мечта? Он был бы виноват сам, а значит, позволил бы мне вернуться в комнатку к Керри, и жили бы мы с ней дружно, а самой

большой проблемой стало бы снова великое и ужасное отключение электричества.

Собственные мысли придали мне уверенности, я решительно уселась рядом с Джеком и Аароном и начала разговор:

— Меня пригласили в Мельбурн. Работать. По мне сходят с ума два профессора. К несчастью, их суммарный возраст составляет лет сто двадцать.

Джек захихикал, а Аарон нахмурился.

— Тебе стоило бы поехать, — мрачно заметил он. Хороший он парень, добрый, сопереживающий...

— Не, — покачала я головой. — После университета я вернусь в Штаты. Пойду штурмовать неприступные стены Силиконовой Долины... Или выйду замуж, рожу кучу детей и стану идеальной женой.

— Ты не сможешь. Ты же долбаная карьеристка, — отмахнулся Аарон.

— Но я хочу выйти замуж...

— Выйди, — дал мне дельный совет Джек.

— После университета...

— Так не пойдет. Вот смотри, Керри хочет выйти замуж, Керри меняет парней как перчатки, ищет и перебирает, — фыркнул он. — А ты хочешь быть фриком в очках. Иной причины зависнуть с ректором на восемь месяцев я не вижу...

— Зато теперь ее вижу я, — сладко пропела Хелен. Хм, мне показалось, или у нее язык раздвоился? Не показалось, вон и яд уже потек.

Гретхен и Темсин захихикали. Господи, она действительно им все рассказала? Все-все? К счастью, в этот момент в аудиторию вошел Шон, и мне не пришлось придумывать язвительный ответ. Когда Картер на меня взглянул, сдается мне, каждый из присутствующих задержал дыхание. Шон уселся за свой стол и снова задумчиво посмотрел на меня, но Хелен его отвлекла:

— Сэр, мы не закончили.

Она поднялась и, как гадюка, скользнула на стул около преподавательского стола. Мини-юбка, декольте. А она качественно подготовилась к сдаче лабораторной. Только вот... дело не в этом, не в юбке, не в самой Хелен, даже не во мне. Просто тараканы Шона в очередной раз бросились отбивать чечетку. Взбесило ли его, что он сорвался, или просто он решил доказать всем и себе тоже, что ничего не происходит, неважно, как бы то ни было, Хелен точно не стоило ни на что рассчитывать.

— Конечно, — кивнул Шон, взял в руки ее отчет, перелистнул на код и начал вычеркивать. Строчку за строчкой. Строчку за строчкой. Мне очень захотелось взглянуть туда, действительно он все вычеркнул каждую или мне только показалось? А Хелен оскорбилась и, кажется, искренне.

— А что не так в строчке «int a = 0;»¹?!

— А что такое «а», мисс Амберт? — угрожающе медленно протянул Шон. — Это буква алфавита, с нее начинаются некоторые слова, в том числе, скажем, ваша фамилия. Но при чем тут это я не понимаю. Никаких иных ассоциации она не вызывает. Эта ваша «а» — ничто. Пустота. Я вообще не представляю, что она здесь делает, — Аарон и Джек зафыркали. То есть мне его намек, тонкий, как удар кувалдой в лоб, не померещился на фоне застарелой обиды? — Никакой смысловой нагрузки для меня буква «а» не несет. А для вас?

— Она временная. Вы правы, особенного смысла в ней нет...

— Вы что, с английским не знакомы?! Временная переменная называется «temp»! —

ржавкнул на нее Шон так, что Хелен аж подпрыгнула. — И если она бессмысленная, как вы говорите, без нее можно было бы обойтись.

— Да это же игра слов, — прошептал Джек. На этот раз уже все поняли, что не почудилось, будто в этой комнате прямо сейчас не лабораторную работу защищают!

Но на этом Шон внезапно успокоился, швырнул отчет на стол и ледяным тоном произнес:

— Если вы не переделаете этот код в нормальный вид до завтра, вы отчислены.

Мы замерли. Тишина. Такая же стояла, когда я входила в аудиторию... Поднимаясь со стула, Хелен напоминала сломанную куклу, рваные движения, опущенная голова, потухший взгляд. Ого! Внезапно вспомнился тот косинус по Фурье, который чуть не сломал меня когда-то. Похоже? Безусловно. Но все же сейчас что-то было иначе. В прошлый раз Шон был зол, даже выгнал меня из аудитории, но ему было не все равно. А с Хелен... было.

— Мисс Конелл, — кивнул Картер на стул. — Надеюсь, хотя бы сегодня вы защищаетесь?

И даже в этом предложении мне привиделся скрытый смысл. Защищаюсь ли я «хотя бы сегодня»? Какой ублюдок! На прошлой неделе он не предоставил мне возможности постоять за себя, слишком торопился трахнуть Хелен!

— Да! — огрызнулась я, уже предвкушая новый виток воплей на пределе слышимости. Ну что ж, меня либо отчислят сразу, без переписываний кода, либо, напротив, приласкают. Одно из двух. Я это понимала. И угадала. Но того, что случилось дальше не ожидала никак.

Я уже было открыла рот, намереваясь заговорить... со столешницей Шона. У него она была такая чудесная, деревянная, милая, приветливая, она — мой лучший собеседник! Все понимает, не перебивает, и смотреть, ах, главное, есть на что посмотреть! Какая красавица!

— Такаши Мияки, — вдруг произнес Картер, не дав мне заговорить первой.

— Что? — От удивления я даже глаза на него подняла.

— Вы знаете, мисс Конелл, каким образом программист может стать Бабочкой Монацелли? — Я удивленно заморгала, и только потом одернула себя. Пока Шон не орет, не надо его раздражать, а все, что считается более ли менее женственным, бесит Картера до невероятия. — Можно пройти полосу препятствий, как это делал я, но это сложно, долго и незаконно, или вас могут пригласить. Видите ли, у каждой из Бабочек на руках изначально по одной контрамарке. И единственный человек, которого все уважают и который свою еще не истратил, — это Такаши Мияки.

Так вот почему Шон позвал меня на конференцию? И поэтому он приглашал Такаши к себе домой? Бросила на Картера опасливый взгляд.

— Хороших программистов среди Бабочек не так много, как хотелось бы, и у всех свои заморочки. Марко капризен, Пани ненадежна, а меня приятным в общении назовет только слабоумный, так что, объективно говоря, без поправок на родство, у Манфреда любимчик Такаши. И Монацелли бесит, что тот никак не определится с выбором преемника. Кем бы тот ни оказался, Манфред спорить не станет, он слишком устал от нерешительности японца. Кстати, они сошлись во мнении, что нам, Бабочкам, не хватает параллельщиков. То есть у Такаши имеется конкретно обозначенная область, в которой тот ищет специалиста. И в октябре он устраивает конференцию по параллельному программированию, где, разумеется, соберутся, в числе прочих, кандидаты. Она пройдет в Осаке. Кстати, вас Такаши приглашает. Вас и Роберта Клегга. — У меня кажется, остановилось сердце. Что именно пытался мне сказать Шон? Что мой учитель — мой соперник?! — Видите ли, мисс Конелл, я советую вам

этот шанс не прошляпнуть, иначе, боюсь, мне придется терпеть среди соратников одного идиота. Вот только нельзя не заметить, что в сравнении с Клеггом у вас есть один безусловно поправимый, но очень существенный недостаток: вы маленькая девочка и ни черта не знаете. Ну, с возрастом беда, ничего не сделать, а вот стремительно поумнеть за оставшиеся пять месяцев придется. Во всех смыслах.

Это предложение, разумеется, касалось не только учебы, но и личных отношений. Фактически Шон предложил мне повременить с разрывом еще как минимум пять месяцев. Ради мечты. Стоило ли соглашаться? Я подняла на Шона глаза. За черной радужкой, казалось, стояла пуленепробиваемая стена, не желавшая давать мне ответы ни на один из мучавших вопросов. Что ты хочешь от меня? Зачем отталкиваешь, а затем заставляешь оставаться? Ты отдаешь себе отчет в собственных действиях?

Но разве это имело значение? Разве мне было дело до Шона, когда на горизонте замаячил столь страстно желаемый приз? Без протекции Картера Такаши бы никогда меня не выбрал. И ждать иного шанса я не собиралась. Шон был мне нужен. Видимо, и я ему тоже. Пусть причины у нас были разные, результат оказался один: вздохнув, я залезла рукой в карман, достала электронный ключ от номера и бросила его на стол перед Картером.

— Правильно, Джоанна, — кивнул он и убрал ключ от меня подальше, а затем подписал мою работу.

— Но я...

— В чем дело? — удивился Шон. — Мисс Конелл, уверяю вас, если бы я не был уверен в том, что код в этой работе в порядке, я бы и рта не раскрыл. Чем вычищать остатки мусора из оперативной памяти, поберегите ночи для другого. Вам они очень понадобятся.

О нет! Я не могла оставить за ним последнее слово, тем более такое! И пусть никто больше не слышал, я наклонилась к нему и прошипела:

— Уверяю тебя, я знаю, когда ты мне изменяешь. Не думай, что я слепая идиотика. Мое молчание означает лишь то, что мне наплевать. Ты ведь этого добиваешься, верно? Чтобы я знала. Так не смей выставить меня посмешищем перед всем университетом и не заставляй учить имена собственных шлюх, потому что, некоторых из них я помню даже лучше, чем ты!

— Если у тебя проблемы с temp-переменными, Джоанна, — сладко протянул Картер, даже не пытаясь понижать голос. — Пользуйся явным прописыванием модификатора auto, ведь если какая-то из них служит только для одной функции, не стоит забивать ею память в рамках всей программы. Иначе так и до переполнения недалеко.

Аудитория дрогнула от коллективного хохота, а я вскочила со стула и вылетела из его кабинета, громко хлопнув дверью. И только потом позволила себе улыбку от уха до уха. Этот раунд был точно не за Хелен.

Когда Шон появился в гостиной, буквально кипит от злости, я с невинным видом читала статью.

— Тебе не кажется, что запах ацетона и появление побелевших паркетных досок в моей спальне как-то связаны? — весьма спокойно спросил Шон, хотя я была уверена, что поднеси спичку — взорвется.

— Откуда мне знать? Спальня-то твоя, — изобразила я искреннее недоумение.

— Но я не крашу ногти!

— А Хелен красит. И другая Хелен. И третья Хелен. И первая и единственная Пани.

Повисло молчание. Я старательно смотрела в монитор, закусывая щеки, чтобы не расхохотаться в голос. Но спустя пару минут я все-таки взглянула на Шона. Он занимался

явно тем же — тайно забавлялся происходящим.

— И розовый лак на клавиатуре у меня в кабинете тоже, наверное, кто-то из них разлил, — буднично заметил Шон.

— Нет, это была мисс Адамс. Не так давно, помнится, ты на нее орал за неправильно подготовленные бумаги... ну примерно так же, как на меня обычно. Не у всех, знаешь ли, такое ангельское терпение, — сочувственно покачала я головой. — Она всего лишь не выдержала.

Шон фыркнул, выразительно глядя на мои ногти. Ага, видно, он хорошо запомнил цвет лака на клавиатуре. Сравнил с маленькой батареей в моей комнате! Да ладно, я и не собиралась притворяться, что каждый из нас не понимает, кто виноват.

— И оторванные пуговицы на моей рубашке, должно быть, не имеют к тебе ни малейшего отношения.

— А, это мое, да. Ты порвал мне платье, я тебе — рубашку.

— Ах так, ну зашивай.

И швырнул ее мне в лицо.

— Еще чего. Я тебе не жена. — Я бросила ее обратно.

— Нет, Джоанна, ты порвала, ты и зашиваешь. Око за око, — и снова швырнул в меня рубашкой.

— Ах, ты, значит, Картер справедливости захотел, — пропела я и без малейших угрызений совести надорвала ткань. Ну конечно не по шву! — Помнится, я пуговичками не отделалась. Око за око!

На этом терпение Шона лопнуло. Он зарычал, рванул ко мне, схватил в охапку и куда-то потащил. После чего швырнул в ванную (полную уже воды, заметьте!). Я вынырнула, жадно хватая ртом воздух, и вдруг мне на голову что-то полилось. Я перепугалась не на шутку.

— Что ты делаешь?! — завизжала я. **МОИ ВОЛОСЫ — СВЯТОЕ. УБЬЮ, ДАЖ ДВАЖДЫ НЕ ПОДУМАЮ!**

— Крашу тебя и надеюсь.

— ЧТО?!

— Не что, а НА что. Надеюсь на то, что если избавить тебя от белых косм, то ты станешь выглядеть чуточку меньшей дурой, и тогда Такаши решится взять тебя в команду. Проще говоря, покрасишься в свой блонд до октября снова, и я отрежу твои патлы кухонными ножницами!

— Краску разводят с окислителем, идиот! Я же облысею, ты этого добиваешься?! — заорала я. Шон... прислушался и учел. В следующий момент мне на голову был вылит флакончик перекиси водорода.

Дальше все происходило по следующему сценарию: я выла, а Шон ликовал. Однако очень скоро первое поправило второе. После убийственного сочетания краски и перекиси, на моей голове появилось оттенков пятнадцать каштанового. Сплошные пятнышки и крапинки. Как же я из-за этого рыдала, сколько раз намазывала оттеночными шампунями голову. И выть у меня получалось так скорбно, что Франсин не выдержала — присоединилась. Когда утром Шон уходил в университет, он так врезал по кофемашине, что та чуть на пол не слетела. Под глазами у него, к моему удовольствию, образовались не синяки — полноценные фингалы. Разумеется, сама я выглядела еще хуже, чем Картер, и пошла я не на занятия, а в салон красоты!

Глава 2. Мадонна

Настоящее время

Я захожу в университет. Здесь почти все по-старому. Де-жа-вию. Те же коридоры, тот же стук моих каблучков. Будто ничто не поменялось. Иногда мне кажется, что Сидней — место, где время заморожено. Здесь не меняются ни люди, ни здания, ни ритм. Я все это так любила и, кажется, все еще люблю. Мое сердце щемит от счастья и предвкушения, когда я так привычно иду к кафедре Клегга и так привычно поворачиваю голову, чтобы бросить взгляд на окна приемной ректора. Кафедра там же, кабинет Шона там же, изменилась только я. Они — нет. Толкаю дверь кафедры, и первое, что замечаю: больше она не скрипит. Пожалуй, смазанные петли — чуть ли не единственное, что изменилось в здешних стенах! Ну, кроме перестановки внутри кабинета, в результате которой пропал мой стол... А, кстати, какого черта? Мне бы он не помешал!

Перевожу взгляд левее и вижу застывшего с открытым ртом Роберта Клегга. Ну, все ясно, Картер бы с большим удовольствием сдох, чем предупредил своего визави о моем прибытии.

— Клегг! — запоздало начинаю визжать я. И только после этого он вздрагивает и, кажется, начинает понимать, что я — не особо реалистичная галлюцинация!

— Конелл?! — хрипло и недоверчиво спрашивает он.

И мы бросаемся друг другу в объятия. Он меня так крепко обнимает, что, кажется, ребра треснут. А новенькая секретарша, которая понятия не имеет, кто я такая, смотрит на нас со смесью недоумения и неодобрения.

— Этот м***к мне даже не сказал! — жалуется Клегг, хватаясь за голову и окидывая меня взглядом. В его глазах я вижу облегчение, ведь в последний раз, когда мы виделись — на моей защите диплома, — я едва ходила!

— Роб... в топку Картера! — Я чуть не плачу от радости. — Как ты сам? Как Мадлен?

— По-старому. У нас все как обычно. Лучше скажи, какими судьбами в Сидней занесло тебя!

— Я теперь здесь работаю. С тобой, на этой самой кафедре.

Он на глазах мрачнеет, но я знаю, что не из-за новостей. Просто он предположил самое худшее.

— Картер? — спрашивает он лаконично.

— Нет, Господь с тобой!

— А я кое-что заметил, — с облегчением улыбается Клегг и берет меня за руку, рассматривает колечко. Все правильно, теперь все будут смотреть. Давай, Джо, срочно хвастаемся, все как положено.

— Брюс. Его зовут Брюс. Он прилетел из Штатов, со мной.

— Он красивый или порядочный? — сходу спрашивает Клегг.

— Ммм... порядочный, — отвечаю я.

Однако Клегг качает головой и вздыхает.

— Неправильный ответ.

— Почему?

— Правильный — единственный.

Спорю, Мадлен для Роберта единственная, он бы ни секунды не сомневался в своих

словах.

— Мне двадцать шесть, ему — тридцать. Мы уже год вместе. И он единственный. Единственный кто сделал мне предложение, Роб. Он милый, его любят мои родители. Все не так плохо, как ты думаешь.

— Но ради него ты домой не побежишь, никогда не станешь подглядывать за тем, как он спит, не будешь искать в детских лицах его черточки...

— Все, пойду и расплачусь, — поднимаю я бровь, старательно игнорируя разрастающуюся внутри панику. — А еще лучше кофе выпью. Я же к тебе первому прибежала. Ну, так что, ты со мной?

— Ты стала такой гадкой, — морщится Роб.

— У меня было ужасное лето, — фыркаю я. — Капучино со сливками! — уговариваю я Клегга.

— Уговорила, — бурчит он и открывает для меня дверь.

Мы сидим в буфете. Вот что изменилось здесь кардинально. И это к лучшему, стало значительно приятнее. Кстати, кофе мне определенно нравится. Кажется, я стану местным завсегдатаем.

— Новости? — спрашивает Клегг, явно намереваясь мне устроить блиц-опрос.

— Я Бабочка, — без обиняков сообщаю я.

Все, опрос окончен, потому что Клегг давится. Не ожидал. Я знала, что Робу не чужда зависть, и это не очень приятно, но так будут реагировать все. Привыкаем. Роберту я могу, должна рассказать все так, как оно было в действительности. Потому что он друг и обидится, если утаю.

— Около полутора месяцев назад меня приглашал к ним Монацелли. Но я ему отказала. — Клегг, кажется, давится снова. Я участливо стучу его по спине, представляя, что сделает со мной Мадлен, если ее муж умрет здесь из-за известий о моем недавнем прошлом. Наконец, Клегг вытирает платочком уголки глаз и смотрит на меня. Даже хочет что-то сказать, но задыхается, снова кашляет. И пока он не в состоянии высказать мне все, что думает по поводу моего идиотизма, я продолжаю. — Я отказала ему из-за Картера. А потом Картер сам стал сеньором Хакером и сделал мне предложение, от которого я не смогла отказаться. И вот тебе я, первая Бабочка Шона Картера. Ты только не умирай, Роб...

— Я стою и молюсь, чтобы эти белые вихры мне померещились, — громко говорит Хелен Амберт из-за моей спины. И весь кафетерий на нас оборачивается. Вот уж без кого бы моя жизнь в Сиднее точно стала лучше. Но разве в университете Шона Картера может не быть подянки размером с одно непомерно раздутое эго? Да это же меньшее из зол! — В двадцать твоё увлечение перекисью водорода казалось по-детски милым, Конелл, но в двадцать шесть — явный пережиток.

— Присаживайся, Хелен, может, полегчает, — так же громко отвечаю я. Теперь заинтересованы даже те, кто раньше не обращал на нас внимания. — Преподаешь, значит?

— Ага, на кафедре Картера, — улыбается она так, будто это достижение равносильно покорению Эвереста. У нее всегда были странные представления о жизни.

— Сочувствую, — поднимаю я бровь. Считать, что работать на Шона и рядом с Шоном — предел мечтаний, может только мазохистка.

И, словно неведомым образом нас услышав, в кафетерий входит Картер.

— Конелл, ты что тут делаешь? Предполагается, что в первый рабочий день люди приходят к начальству и подписывают необходимые бумаги.

— Привет, Картер. — Говорю я, безуспешно пытаюсь подавить нелепую радостную улыбку. Ну, или хотя бы превратить ее в ядовитую, потому что убираться с моего лица она явно не собирается. — А я думала, что это совсем не обязательно. Ты же не спрашивал, стану ли я тут работать, приказал и все. Неужели с бумагами так не работает? Рывкнул — подписались. Нет? Не выходит?

Разумеется, Шон не улыбается моей шутке, однако соревнование за титул самого ехидного преподавателя кампуса поддерживает:

— Как отдохнула, Джоанна, хорошо? Матушка тебя в ванильный сироп не закатала? — Остается только поморщиться. Он при Хелен и студентах говорит о моей маме. Это удар ниже пояса, придурок!

— Как видишь, нет, — огрызаюсь я. Ну вот и все, проблема улыбки сама разрешилась.

— И, пожалуйста, сделай вид, что не знаком с моими родителями, только так мы сможем нормально существовать в стенах этого университета.

— О Боже, Ханна, ты нездорова?! — вместо того, чтобы пойти на мировую, восклицает он, удивительно точно подражая интонациям и акценту моей мамы.

— Не смей трогать моих родителей! — забыв об остатках вежливости рычу я. — Они в Ньюкасле, глаза тебе не мозолят. Отвали от них и вернись к своим компьютерам.

Шон на мои слова не реагирует. Просто бросает на стол газету, чуть не опрокидывая при этом мой кофе. Раздраженно беру ее и замираю, там на первой странице во всю полосу заголовок: «Задержание сеньора Хакера прошло роскошно». И мое фото рядом с Монацелли, где последний уже в наручниках. Супер! Прическа запечатлена навеки.

— Почитываешь желтые газетенки, Картер? — вот и все, что я могу сказать, видя себя на первой полосе. От текста, который сопровождает не меньше десятка фотографий, главными действующими лицами которых являемся мы с Манфредом, меня откровенно тошнит.

— Да я уже какие только не читал, но самые шикарные ракурсы именно в этом издании. Подумал, ты оценишь.

— И самый гадкий текст я тоже оценила, — фыркаю я.

— Не думаю, что его хоть кто-то читал. На фоне картинок он просто меркнет. Bravo! Ты не зря вылила на себя цистерну лака для волос.

— О! Смотри, Картер, да у нас спустя семь лет появилась первая совместная фотка. Прогресс-то какой! — фыркаю я, а затем кладу газету на стол и аккуратно пристраиваю стаканчик с кофе на нос напечатанного Шона. Реальная версия раздраженно фыркает.

— Бумаги, — напоминает он. — И через двадцать три минуты у тебя первая лекция. Советую поспешить.

В кабинете Картера новые жалюзи и компьютер. Все остальное словно застыло во времени. Сажу в кресле напротив стола Шона и читаю бумаги. Зачем я это делаю? Интима, вроде, не наблюдается, а договор о добровольной продаже души я подписала еще в Риме.

— Все? — спрашиваю я, возвращая Картеру подписанные документы.

— Вот держи. Это учебный план. Можешь его выбросить самостоятельно. Толку от него никакого. Все, иди отсюда.

Хм, а может преподавание — не так уж и плохо? Вдруг мне по-настоящему понравится пить кофе с Клеггом и упражняться в словесном фехтовании с Хелен и Шоном. Тут же... целая жизнь со всем ее спектром! Не то, что на базе. Но словно услышав мои мысли, только я дохожу до дверей, Картер меня окликает и спускает с небес на землю:

— Конелл, я бы посоветовал тебе на парях быть суч**й. Ничто другое молодежь не вразумляет.

О вот он — минус, брать на себя ответственность за несколько сотен раздолбаев вообще не хочется!

Шон прав. Вхожу я в аудиторию, а там сидит толпа детишек. И все такие высокомерные и важные, хоть умирай от осознания собственной ничтожности. Ах да, тут же, полагаю, каждая собака знает, чьей я была подружкой. Что ж, воспользуемся советом Картера: выберу самую противную девушку, назову ее Хелен, стану концентрироваться на ней и истекать ядом. Решено!

— Всем привет, мое имя Джоанна Конелл. И двадцать три минуты назад мне объявили, что я буду вести это занятие. Полагаю, что вы обо мне узнали... пораньше. — Закрываю дверь на ключ. — Ректор был так любезен, что не только не сообщил мне о начале лекций, даже не сказал, кто вы такие. Ну так, с какой вы хоть кафедры?

— Защита информации, — насмешливо подсказывает весьма противная на вид девица.

— А вот и ты, Хелен, — улыбаюсь я криво.

— Я Элис.

— Уверю тебя, ты самая что ни на есть Хелен! — В аудитории звучат смешки.

— Амберт? — вдруг проявляет просто нечеловеческую прозорливость некий растрепанный парнишка. — Вы же учились с Хелен Амберт?

— Садись. Пять, — кисло говорю я. Жаль, что так быстро раскусили. — Вот и вы теперь тоже с ней учитесь. — Подозрительно смотрю на недоделанного шпиона и все-таки спрашиваю: — как тебя зовут?

— Энрике Каддини.

Итальянец. Шикарно. А по виду и не скажешь, зато по ощущениям... после летних событий у меня определенно аллергия на их нацию.

Собственно, как вы уже, наверное, догадались, я понятия не имею, о чем рассказывать детишкам, а потому начинаю исторический экскурс (а-ля цитата первой главы диссертации).

— Так, ладно, поехали. Распределенное и параллельное программирование — штука, которая требует особенного строения мозгов. У мельбурнских джентльменов есть на этот счет целая теория, кому будет сильно интересно — могу с ними познакомить, а на память цитировать не стану. Параллельное программирование — вложение интеллектуальных ресурсов в код, а не железо. Процесс особо извращенного головоломания был изобретен еще в 1960-х годах, когда в операционных системах появилось страшное словосочетание «системные прерывания» и, соответственно, второй вычислительный процесс. Затем нас всех своим изобретением благословил (или проклял, кому как больше нравится) Сеймур Крэй из Control Data Corporation (Силиконовая Долина, штат Калифорния), и было он первым в истории суперкомпьютером. В тот день небо почернело, и зелеными буквами, совсем как Матрице на нем нарисовалась надпись: добро пожаловать в эру параллельного программирования.

Народ переглядывается, но все слушают, а я сажусь на собственный стол и кладу ногу на ногу.

— И с тех самых пор человечество мучается, так как фоновый процесс-то они придумали, но так и не нашли способа в него посмотреть. Иными словами, я рада приветствовать вас в мире, где ваши главные помощники: принтер, карандаш, много кофе и семь кругов ада отладки на бумаге. В моем мире.

Студенты моргают, но не шепчутся — слушают, а дружок-итальяшка, кажется, вообще порами впитывает каждое слово.

— Обычный человек с феноменом суперкомпьютера сталкивается чаще всего при использовании неких облачных хранилищ данных, посредством которых вы радостно обмениваетесь лабораторными работами по ночам. Именно на них на самом деле ваши файлы-то и лежат. Очень ненадежные штуки эти облака, скажу я вам. Среднестатистический Шон Картер вскрывает их за два часа, — раздается хихиканье и, следом, стук в дверь. Я спрыгиваю с парты и открываю дверь. Заходят двое студентов, они опоздали, однако на лицах ни тени раскаяния. — И потому среднестатистический Шон Картер, а он у нас, к счастью, пока единственный и неповторимый, придумал классный алгоритм для шифрования данных (да-да, вспоминаем семинар с участием Киану), — и поворачиваюсь к опоздавшему. — Пойдите чуть-чуть здесь, господа, — снова к аудитории. — Мне посчастливилось прослушивать лекцию об этом феномене в стенах данного университета еще в бытность студенткой. И хотя нас уверяют, что создал достопочтенный ректор нечто до безобразия надежное, право на лицензирование и использование алгоритма имеют ТОЛЬКО Бабочки. Может быть лет через пять, — снова сажусь я на парту, — когда Картер изобретет нечто столь же феноменальное, он выкинет на интернет-просторы все формулки, и мы получим возможность спрятать все свои грязные делишки методом шифрования имени SDK, ну а пока что все мы беззащитны. Остальные сплетни о нашем непосредственном руководстве опустим и вернемся к Сеймуру Крэю и его феноменальным инновациям. Вы что-то хотели? — наконец, обращаюсь я к опоздавшему, которые выглядят не слишком довольными стоянием в дверях.

— Пройти в аудиторию, доктор Конелл, — фыркают товарищи так, будто это очевидно, и я им что-то должна. Ты был прав, Картер. Учатся тут сплошные хамы, в тебя, наверное.

— Ради всего святого, разве я похожа на некоего головастого ученого? Я даже очков не ношу! Придумайте какое-нибудь другое обращение. И в аудиторию вы пройдете не раньше, чем я увижу, что вы сожалеете об опоздании. Вернемся в лекции. Я не так давно еще работала на военной базе в США, в Неваде, и под моим ведомством находилось пять суперкомпьютеров, названных в честь соседних штатов: Калифорния, Орегон, Айдахо, Юта, Аризона. Я так и не поняла, для чем им столько вычислительной мощи, но, видимо, понадобилось. Кстати, год назад один из парнишек уничтожил Калифорнию...

В этот же день у меня лабораторные у группы параллельщиков. Ребята они ничуть не лучше защитников. Я бы даже сказала, еще более избалованные. Видно, вражда Клегга и Картера перешла на студенческий уровень. Защитники информации хоть слушали, эти вообще сидят и откровенно болтают вместо того, чтобы писать программу. Сижую и разрабатываю планы мести.

— На следующую пару чтобы все с отчетами пришли, — раздраженно говорю я. — Бездельники будут защищаться очень-очень долго!

Но угрозы не действуют. Несколько голов меланхолично поворачиваются ко мне, а затем все начинают болтать еще громче. И вот что, спрашивается, мне с ними делать?

— Как тебе группа параллельщиков? — спрашивает от дверей Шон. Не заметила, как он вошел. Однако, в аудитории после этих его слов воцаряется воцаренная тишина.

— Клегг их на амфетамине держит? Они вообще невменяемые.

— Они все у него такие, — хмыкает он. — И во времена твоего студенчества были

ничуть не лучше.

— Эй! С нами учились нормальные ребята!

— Да-да, — закатывает глаза Шон. — Теперь понимаешь, почему я не подписал тебе документы на перевод?

— Из врожденной вредности? — невинно спрашиваю я.

Картер хмыкает. Тишина в аудитории все еще абсолютная. Слушают. Боятся. Ура, они не окончательные самоубийцы!

— Знаешь, Конелл, я тебя экзаменовывать пришел, — объявляет вдруг мне Картер.

— А если я тест не пройду, ты меня уволишь? — с надеждой спрашиваю я.

— Нет. Всего лишь заклею пятном позора, как Клегга. — Мда, тут есть от чего поморщиться. — Видишь ли, когда я еще был студентом, я каждый раз я писал непараллельный код, который работал быстрее, чем его параллельный.

— Да ладно, ты просто на мелочевке выигрывал, — фыркаю я.

— Ну, тогда выбирай не мелочевку, только чтобы мы успели до конца пары, — фыркает Шон.

Честно говоря, облажаться жутко страшно. Студенты бегают между нами, заглядывают то в его монитор, то в мой. В любом случае с кодом Шон заканчивает быстрее. Не претендую, мне в принципе сложнее.

Запускаем один и тот же компьютер — мой ноутбук. Отключаю все, что может сработать в пользу Шона. И я запускаюсь первой, потому что подозреваю в его программе какую-нибудь шуковину, которая замедлит мне систему. На мою паранойю Картер откровенно умиляется. Студенты, напротив, крутят пальцами у висков.

Когда мы поднимаем файлы, в которых записано время, я обнаруживаю, что выиграла... **ВСЕГО ОДНУ МИЛЛИСЕКунДУ.** И хотя это вообще ничто, как Клегга меня долбить и станут, а значит...

— Лузер! Лузер-лузер-лузер! — прыгаю я по аудитории, тыкая в Шона пальцем. Счастливым он не выглядит.

— А ты? Параллельщик, который всего одну миллисекунду у меня выиграл. Да ее даже правила округления дают! — морщится Картер.

— Не надо тут ля-ля! Ты проиграл. Ты не написал код победителя. А если округление или Луна не в той фазе, то ты неудачник. А это не меняет факта, что ты продул. И прошляпил свое право на полноценный террор. Так что если не умеешь проигрывать с достоинством, залепи скотчем рот! И раз я выиграла, мне положен приз.

— Ну конечно, — фыркает он.

— Нет, серьезно. Или только тебе за выигрыш причитается? — мрачно смотрит на меня, но не вопит, не ругается. Значит, сделает. — Настраивай давай мне компьютер. Только чтобы без глупостей! Следить буду!

— Ты что, систему настроить не в состоянии?

— В состоянии. Но ты продул, а днем измывался при всех над моей мамой!

Студенты снова крутят пальцами у висков. А я встаю за спину Шона и начинаю... бдеть. Потому что стоит отвлечься, и он мне какой-нибудь вирус в ноутбук запустит, чтобы отслеживать, скажем, мои действия (ну типа как я за ними с Кариной когда-то подсмотрела). Зачем ему это? Да потому что он чокнутый и любит знать все на свете.

Однако следить не так просто, как кажется. Я не должна отвлекаться, но не могу. Мой взгляд опускается на волосы Шона. Я отчетливо помню, что чувствуешь, когда запускаешь в

них пальцы. Такие удивительно жесткие, толстые, как проволока. На мои совсем не похожи... А еще его волосы немножко кудрявые, и судя по тому, что на кончиках они уже начинают завиваться, Картеру пора постричься. Мне так хочется коснуться его волос... Я вынуждаю себя сдерживаться, хотя перед глазами так и стоит картинка, где я поднимаю руку и касаюсь пальцами черных прядей. От греха подальше скрещиваю руки на груди, и на мгновение меня что-то ослепляет. Ах да, это же колечко Брюса. Отличное напоминание. Дьявольщина, я же совсем о нем забыла! Ничему не быть как раньше.

— Все, — ошарашивает меня Шон. А я даже не в курсе, что он с моим компьютером сделал. Я действительно помешанная дура. Так в медкарту и запишите.

Он поворачивается ко мне, и вдруг происходит нечто совсем уж из ряда вон: я открываю рот и выдаю нечто предельно честное... как думаю и чувствую.

— Шон, пожалуйста, не надо никаких игр, вирусов, слезки и всего прочего. Мне это так надоело. Если ты что-то закачал мне на компьютер, просто убери, и разойдемся с миром. Потому что если я его обнаружу сама, то... война будет, понимаешь?

Но он закрывает мой ноутбук и все. Либо он совершенно непрошибаем, либо ничего не сделал. Я не уверена, что последнее в этой реальности возможно. Пока я обдумываю, что делать и как дальше себя вести, меня посещает просто гениальная идея. Поворачиваюсь к студентам:

— Хотите поиграть? Кто пишет аналогичную программу и повторяет время ректора, тот получает зачет автоматом без сдачи остальных лабораторных.

Ленивые студенты начинают шевелиться и переглядываться. Ну и что же для вас лучше, господа, десять монотонно-будничных лабораторных или одна, но жесткая? Мне плевать, я просто надеюсь, что они заинтересуются программированием.

Шон вопросительно на меня смотрит, кажется, он с моей манерой преподавания не согласен, но я лишь пожимаю плечами. Сам назначил? Терпи теперь.

Несмотря ни на что, домой я возвращаюсь в великолепном настроении. С Клеггом натрепались, с Мадлен о встрече договорились, и, готовя ужин, я напеваю. Жду Брюса с работы. С ней, кстати, история отдельная.

Сначала Брюс вздумал продолжать карьеру военного. Причем пока он об этом вдохновенно рассуждал, я была уверена, что он не всерьез. Кто ж возьмет его защищать Австралию при том, что он гражданин США? А когда я все-таки поняла, что это не шутка, и сообщила Брюсу о своих опасениях, он был в шоке. Ушел из квартиры, хлопнул дверью, а когда вернулся, был немного пьян и расстроен, но уверял, что найдет работу. И так как к обслуживанию самолетов его бы тоже не допустили, устроился он автомехаником. Но я знаю, что он недоволен своей работой и все еще винит меня за этот переезд.

Запеченная курица, рис с тмином, салат и купленные в моей любимой пекарне булочки. Вот так я собираюсь вымалывать прощение и скрашивать наш общий досуг. Когда Брюс возвращается, он удивленно улыбается. За ужином я рассказываю ему об обоих Хелен и Клегге. Он меня внимательно слушает, но затем я спрашиваю о том, как прошел его день, и он просто пожимает плечами, отмалчивается. После мы садимся смотреть американский бейсбол. Я знаю, что Брюс очень тоскует по Штатам — есть люди, которые тяжело переживают переезды. Видимо, он из таких. Он ненавидит Австралию, он ненавидит Сидней.

В попытке скрасить наше общее одиночество (а рядом с Брюсом я себя чувствую одинокой, и это не проходит со временем), я притягиваю его к себе. Он не противится.

Может быть, после моего сегодняшнего изучения шевелюры Картера мне поможет секс? Грязный, с криками до хрипа, валянием на полу, нечаянным сшибанием мебели... или проминанием капота. И если его не получу, я рехнусь... Я не имею права даже думать о Шоне, даже вспоминать как это было, а значит должна наладить отношения с Брюсом хотя бы в этом аспекте. И как можно скорее. Это не сложно, секс ведь всегда упрощает привыкание. Правильно? Правильно. Впиваюсь ногтями в спину Брюса в попытке побудить его к более страстным ласкам. Нет эффекта, но просить о таком вслух унижительно. Да и вообще, разве слова могут помочь? Следуя этой извращенной логике, пытаюсь действовать с помощью языка тела. Я как-то искусственно обвиваю его талию ногами и прижимаюсь теснее. Поцелуи Брюса становятся жарче, спускаются по шее ниже, к груди. Скорее имитируя страсть, чем ощущая ее вживую, я выгибаюсь к нему навстречу и запускаю пальцы в волосы. Они мягкие и тонкие. Совсем не такие, как у Шона. Черт возьми, ну что хорошего в волосах Картера? Кудряшки? Или, может, то, что они не похожи на мои? Я никогда раньше не была ими одержима! Гребаный Монацелли, сколько же он мне крови попортил! Из-за него я теперь не могу перестать думать о том, что не хочу больше трогать волосы Брюса. Я вообще, кажется, больше не хочу Брюса. Секс мне нужен, но не с ним... Убираю руку от волос Брюса и излишне осторожно кладу ее на его шею. Однако внезапно понимаю, что момент упущен, и поцелуи стали опять какими-то вялыми и скучными. Дежурными. О нет, так не пойдет! Есть у меня в запасе одно средство. Опрокидываю Брюса на спину и сдираю с него футболку. У него красивое тренированное тело. Классное. Стараюсь смотреть туда, лишь бы только не в лицо. Целую его грудь, пресс, опускаюсь ниже, берусь за пуговицу джинсов и черчу языком дорожку вдоль пояса, как вдруг:

— Джо, детка, ты что делаешь?

Эээ, а что, тут непонятного? Я определенно делала это и раньше. Пытаюсь продолжить, лишь бы не начинать разговор и не упускать последнюю возможность.

— Перестань. — Он вдруг начинает чуть ли не лихорадочно вырываться. ДА ЧТО ВООБЩЕ ПРОИСХОДИТ?! — ДЖОАННА!

Я сажусь на кровати и недоуменно на него смотрю, автоматически прикрываясь руками, хотя вся одежда на мне и в таком порядке, что жуть берет.

— В чем дело?

— Джо, ты не шлюха какая-нибудь! Я хочу на тебе жениться, понимаешь?

— Раз так, то спать мы вместе не будем?

— Что?

— Ты считаешь, что жена не должна быть сексуальной?

— Ты и есть сексуальная... для этого не надо... брать в рот.

— Но я же раньше...

— То было раньше, хорошо?

И просто уходит, хлопнув дверью. А я сижу на кровати и смотрю в окно. Я ни черта не понимаю!

В университете Шона Картера не меняется, кажется, ничто. Например, четверговый семинар все еще проходит, не поверите, в четверг. Мы с Клеггом садимся позади стратегически расположенной парты, принадлежащей нашему ректору. Настроение у меня паршивое. Потому что мы с Брюсом с тех пор как он ушел не нашли общего языка ни в чем. И я осознаю, что проблема не в нем, а точнее не только в нем. Я тоже веду себя

неправильно, но понятия не имею, как это исправить. Таким образом, голова моя забита отнюдь не наукой.

Когда в аудиторию под самое начало семинара входит Шон, я по старой привычке провожаю его взглядом, однако он смотрит не на меня, а в сторону. Поворачиваю голову и вижу студентку. Безумно симпатичная шатенка с огромными голубыми глазами. Я ее еще на лекции защитников информации заметила, однако она вела себя так тихо, что я забыла разузнать о ней больше. И благодаря собственной глупости теперь, видимо, каким-то образом оказалась в лифте, у которого порвался трос, и я с высоты лечу вниз. Вниз. Вниз. Ощущения точно такие же. А чего ты ждала, наивная, что после тебя у него никого не было? Но еще хуже другое — мой мрачный интерес замечает тот самый парнишка-итальянец с лекции, они с голубоглазкой сидят вместе. Стремительно отворачиваюсь и утыкаюсь взглядом ровно в затылок Шона. В затылок Шона с гребаными вьющимися волосами! У меня такое ощущение, что стены лифта еще и сжимаются. Я в западне. Даже когда начинается первый доклад, мне не становится легче, там нет ничего интересного, а в рассказчике — и того меньше.

Я сижу и тереблю волосы, манжеты блузки... Я расстроена и понятия не имею, что делать. Мне хочется встать и уйти, но не из университета, а из кошмара, в который стремительно превращается моя жизнь.

— Что с тобой? — спрашивает Клефф.

— Все в порядке.

— Тогда перестань дергаться! — шипит из-за моей спины Хелен.

И пока не начался второй доклад, я вскакиваю со своего стула, хватаю сумку и вылетаю из аудитории, ни разу не обернувшись. Я стою на порожке университета, оглядываясь по сторонам. Куда пойти? Я не хочу возвращаться в квартиру с зелеными стенами. Я устала чувствовать неправильность каждого собственного действия, а там неверно все. Вообще все!

На территории кампуса расставлены лавочки. На улице достаточно тепло, и, невзирая на утопающие в земле каблуки, я бреду прямо по газону к одной из них. Отсюда прекрасно виден вход в главный корпус. Мне просто необходимо подумать. Думаю, случившееся с Брюсом меня так задело, потому что я верила, будто у нас с ним есть химия, не атомная реакция, но какое-никакое влечение. А теперь обнаружила, что именно по этой причине он не хотел на мне жениться. Есть такое понятие — синдром Мадонны-Шлюхи. Некоторые мужчины разделяют брак и постель. Они считают, что жена должна быть святой, а если это не так, то и женой она быть не может, только женщиной для развлечений. И Брюс, видимо, искренне полагает, что теперь я должна исправиться. Может быть, Шон был прав, и брак между нами с Брюсом — заслуга моего отца? От этой мысли в висках начинает пульсировать боль.

Проходит еще минут тридцать, и я вижу на крылечке знакомую фигуру. Клефф оглядывается по сторонам, совсем как я, замечает свою непутевую протезу и направляется в мою сторону.

— Конелл, что с тобой происходит? — без обиняков спрашивает Роб, плюхаясь на лавочку рядом со мной. И хотя наша дружба прошла огонь, воду и медные трубы, он видел меня растопленной и раздавленной Шоном, я не представляю, как признаться мужчине, что мой жених меня не хочет.

— Дело в Брюсе.

— Я так и понял. То, что вас ничего, кроме этого колечка не связывает, очень заметно.

Ты о нем даже не говоришь. И ты не называешь вашу квартиру домом.

— Клегг, он мне чужой. Нас вообще ничто не связывает, если ты понимаешь о чем я.

Пару секунд он удивленно на меня смотрит, а потом у него расширяются глаза. О да, Роб, ты меня правильно понял!

— Джоанна, тебе нельзя за него выходить. Это просто самоубийство.

— Слушай, ты думаешь, я мазохистка? Нет. Просто он в этой стране чужак, он не знает никого, кроме меня и родителей. И оказался он в таком положении только потому, что решил сделать мне предложение. Как после этого я могу его бросить на произвол судьбы?

— Да, ситуация та еще, — мрачнеет Клегг. — Но он взрослый человек, который должен сам решать свои проблемы. Ты его не просила покинуть США. Он принял это решение самостоятельно, а значит это его вина, но почему-то ты охотно взяла ее на себя. И он позволил.

— У нас было не так все плохо. В Штатах нам было весело. Легко.

— Пока все хорошо, почти всем легко и весело, но брак — совсем другое дело. Ты не сможешь быть женой только в хорошие дни.

— Знаю. Но это, опять же мои проблемы. Давай взглянем объективно, я еще не нашла ни одного мужчины, с которым бы нам вместе было хорошо! Это ненормально. Мне двадцать шесть, куда тянуть? Если я в скором времени не придумаю способ измениться и ужиться хоть с кем-то, то стану напоминать Шона Картера, навечно запертого в комнатке с тысячей компьютеров.

— Может, это звучит банально и забито, но ты пытаешься построиться под человека, который того не заслуживает. Ты насилуешь себя и эти отношения. Меняться нужно не ради идеи, а ради человека. Может, Картер и заперт в своей комнатке, но там он счастлив. А тобой движет банальный страх.

Клегг, конечно, по-своему прав, но я еще не готова опустить руки и сдаться. Все еще можно наладить, исправить!

Вернувшись к Брюсу, я начинаю с малого, но, как выяснилось, проблемного — сдвигаю с мертвой точки процесс исполнения супружеских обязанностей. Без малейших непристойных намеков, чтобы, как это ни смешно, не спугнуть своего будущего благоверного. На этот раз он соглашается, однако, до сбитой мебели и вмятин на капотах нам как до Луны. Но это неважно. Не-важ-но! Мои шрамы подтверждают. Они хотят быть единственными и неповторимыми.

Пятница. Даже несмотря на то, что Брюс сегодня работает в ночь, я не хочу возвращаться в квартирку с зелеными стенами, сижу на кафедре, статьи читаю, на вход каждые пару минут посматриваю, надеюсь, что я тут не она такая ненормальная и найдется с кем поболтать. Но, видимо, я такая все-таки одна. Секретарша свалила в шесть-ноль-ноль, Клегг куда-то делся, а у остальных преподавателей личная жизнь складывается, видимо, удачнее, чем у меня. Кстати, мама вчера звонила, о дате свадьбы спрашивала. Я сделала вид, что у меня индейка подгорает, и бросила трубку. Мы с Брюсом даже не поднимали тему свадьбы. Но сейчас солнце как раз садится, и его лучики бликуют на колечке, снова и снова напоминая мне о моих обязанностях. Не хочу об этом думать, поворачиваю камушек на пальце к ладони лицом. И именно в этот момент на пороге появляется посетитель.

— Мм, привет, доктор Конелл, — зовет меня тот самый итальянец с лекции.

— Энрике Кадини, верно? — пытаюсь я отыскать в закромах памяти его имя.

— Все верно, — улыбается он.

— Тебе повезло оказаться в пустующем буфере вторым, сразу вслед за Хелен.

— Она Элис.

— Она Хелен! — огрызаюсь я.

— Да ладно, Хелен Амберт противная, но Элис ничего. Выскочка, конечно, но адекватная.

— Ну конечно! Ты зачем пришел?

— Работу сдать, — искренне удивляется он. Недоумевающе таращимся друг на друга.

— Так, мой друг, поправь меня, но сейчас пятница. Вечер. Лабораторные у вас были только сегодня днем, но ты ее уже сделал, пришел ко мне во внеурочное время и пытаешься ее сдать?

— А, да. — Он взлохмачивает пятерней свои и без того взъерошенные волосы. — В общем, я облажался. Взял у клеггинсов задание и хотел его к сегодняшнему дню уже сделать, но протупил, никак не мог найти ошибку, и только сейчас осенило. Так что к паре я не успел, но вот, — протягивает он мне мятый отчет.

— Парень, ты чокнутый? У тебя еще неделя до сдачи, а ты меня в семь часов вечера в пятницу ловишь на кафедре! И кто такие клеггинсы?

— Параллельщики, кто ж еще? — хмыкает он. — Это местный сленг такой. И я подумал, раз вы все равно тут, почему бы не сдать работу?

— Вечер пятницы потому что! Девушку себе найди! Я ведь видела тебя вчера на семинаре с какой-то особой, — закидываю я удочку.

— Это Бекс. Ребекка Йол. Она милая, — совершенно невозмутимо пожимает плечами парнишка. Не похоже, чтобы он был ее поклонником, слишком спокойно говорит. — Но она мне не девушка. Мы просто учимся вместе. Да бросьте, Док, — говорит он. — Вы все равно здесь, примите работу.

— Док? Ты вы меня теперь так зовете? Мне нравится.

— Это я только что придумал, — признается он и, устав держать отчет, кладет его перед самым моим носом.

А этот тип не промах, так просто от него не отделаешься.

— Ну, гляньте, Док, ну ведь все равно переделывать отправите. Я хочу сдать первым.

Беру его лабораторную, перелистываю теорию, открываю сразу код. А он молодец, без косяков, конечно, не обошлось, но сделано на совесть.

— Для студента второго курса ты просто чертовски крут, — признаю я. — Но если ты хочешь быть первым, придется все переделывать.

— Давайте, я согласен, — охотно соглашается он. — Вы только скажите, где не так. Я буду исправлять. Я принесу вам новый отчет уже к понедельнику, у меня будут целые выходные.

— Ты действительно чокнутый, да? — сочувственно спрашиваю я.

— Да что с вами, Док? — спрашивает он, хмурясь. — Я думал, вы меня поймете, ведь это вы — та самая Джоанна Конелл, которая устраивала программистские марафоны, чтобы стать Бабочкой Монацелли!

И ведь не скажешь же ему: да ладно тебе, парень, не прикидывайся, будто не знаешь, что для этого я по вечерам пятницы сдавала отчеты совсем не на кафедре параллельного программирования. И, как видишь, все равно не сработало!

Пока я мысленно подыскиваю наименее компрометирующий ответ на обвинения

собственного студента, на кафедре появляется Клегг с ключами.

— Что вы тут оба забыли? — Молча показываю отчет. — Аа, этот картерианец и до тебя добрался? — Клеггинсы и картерианцы. Ну не прелесть ли?

— Сейчас, я быстро, а то он не отстанет, — говорю я.

— Иди домой, тебя ждет Брюс, — морщится Клегг.

— Никто меня не ждет, Брюс сегодня в ночь работает! — отмахиваюсь я. И это даже правда, прошу заметить.

— Выметайся, сказал! — раздраженно говорит Клегг.

Однако я его не боюсь и все равно отмечаю ошибки в коде Каддини, только потом начинаю торопливо собираться. Подцепляю сумку, но ремешок задевает колечко, и оно слетает с пальца.

Я вскрикиваю и ползу за ним под стол. Впечатляющая, полагаю, картинка ...

— Если ты не хочешь потерять свое ненаглядное колечко, Конелл, подтяни его, — вздыхает Клегг.

Я встаю и уже собираюсь нацепить кольцо снова, но затем задумываюсь над словами друга.

— Ты прав. Я пока уберу его в карман, а то потеряю еще.

И отчего-то эта мысль меня радует. Не то чтобы я не люблю кольца, но на безымянный палец оно мне велико, а на средний мало... удивительно, и вообще, будто не мое. Без него привычнее. К тому же в Брюсе я искала защиту от Шона, а у того теперь есть Ребекка Йол так может... СТОП! В сторону подобные мысли.

Демонстративно радостно перебросив волосы через плечо, я кладу колечко в карман жакета и покидаю кафедру, чтобы отправиться не в семейное гнездышко, а на прогулку по городу.

Где оно? Где это чертово кольцо? Вернувшись, я бросила куда-то жакет, и оно, кажется, из него выкатилось. Но в доме его нет! Я перерыла все! Ночь не спала... Надеялась, что Брюс не заметит пропажу. Не объяснюсь же. Я вызываю такси и выкладываю сумму, которая мне явно не по карману за то, чтобы водитель провез меня по всем местам, где я вечером побывала. А вышло так неплохо... на целых три сотни баксов прогулялась. Именно столько я вынуждена отдать таксисту рано утром, когда еду искать безделушку, обнулившую счет Брюса. А я походила по центру, дошла до старбакса в доме Киану, потом направилась на побережье и долго наслаждалась тем, как ветер треплет мои волосы, и, наконец, дошла до любимого парка Керри... и где-то между этими пунктами я посеяла свое злосчастное колечко. Счастливое, Джо, счастливое! И свое счастливое колечко ты посеяла. Видимо, насовсем.

Стою у плиты и поливаю завтрак Брюса слезами. Как только он приходит, видит меня и спрашивает, что случилось, я резко поворачиваюсь и выпаливаю:

— Я потеряла твое колечко! — А ведь у меня целая речь была заготовлена. Но хуже всего, что я не знаю, на что надеюсь: на то, что он меня простит или на то, что разозлится и уйдет. Боже, я невыносима!

— Где?

— Оно соскользнуло с пальца еще в университете, и чтобы погулять по Сиднею и не бояться, я положила его в карман жакета...

— Стоп. Ты гуляла ночью? Одна?

— Мне захотелось прогуляться, и я... Стой. Ты на что это намекаешь? Конечно, я гуляла

одна, но не ночью, а вечером! Ты... ты о Шоне что ли? Я же говорила...

— Джо, это неважно, я...

— Важно!

— Просто скажи мне, где твой жакет.

— В шкафу, — и раздраженно швыряю лопатку в сковороду. Ну а где еще быть моему жакету? Зачем он это спросил?

Брюс кивает и уходит, а через пять минут возвращается и несет кольцо. У меня глаза на лоб лезут.

— У тебя в кармане порвалась подкладка. Ты, видимо, не заметила, — сухо говорит он, кладет на стол кольцо и уходит переодеваться.

Какая. Же. Я. Дура. Остается только покраснеть. Три сотни баксов, убейте меня!

Глава 3. Стерва

Шесть лет назад

Эй, зеркало, уймись уже! Но мольбам оно внимать отказывалось. На меня оттуда каждый день грустно взирала все та же серая и скучная особа с синяками под глазами. Только они в моей внешности яркими и остались. И не заметить их было нельзя, ведь каждый был с Техас размером. Нет, меня никто не бил. Шон занимался куда более жестокими вещами — он просто-напросто не давал мне спать. И совсем не так, как вы подумали!

О нет, на этот раз мы программировали. Много. Почти непрерывно. Написали три статьи... две по защите информации, одну — по параллельному программированию. И без Клегга, отчего моя занудная и куда как менее амбициозная совесть раз за разом шептала: ты предала его, стерва!

Собственно, этим описанный день и был памятен — в печать вышла наша с Шоном статья. И да держись, стерва, возмездие грядет! Но стоя утром у зеркала я еще ни о чем не подозревала, ни о кипах журнальчиков, вышедших из типографии, ни о Роберте Клегге, который поперхнулся кофе за завтраком.

После своего перенасыщенного событиями утра, профессора кафедры параллельного программирования явился на пару с растрепанными волосами и в мятом пиджаке. Для любого человека, не женатого на Мадлен, это было бы не странно. Но это как раз не про Роба, то есть либо они поругались, либо он просто не позволил ей отгладить свой наряд и расчесать волосы. И он был зол. Жутко зол. На меня.

— Мисс Конелл, — истекая желчью, выдавил Клегг. — Выходите сюда, не стесняйтесь.

Ну конечно я удивилась, однако от Роба подянки не ждала, он же (ха-ха) не Шон. Но тут он мне протянул мне только-только отпечатанную статью, и я задохнулась.

— Какое чудесное событие, какая радость! Поведайте, наконец, всем о своем триумфе.

— Триумфе? — едва выговорила я, глядя на Клегга огромными невинными глазами. Никакого восторга по этому поводу я не испытывала, прошу заметить.

— Естественно, триумфе. Ведь Джоанна Конелл и Шон Картер теперь вместе не только спят, но и печатаются!

И в аудитории раздался дружный злой хохот. О, как заливалась Хелен Амберт! Я же просто мучительно покраснела. Да какое Клегг имел право так говорить?!

— Не стесняйтесь, поведайте нам о своей работе.

Не имея возможности и желания начинать при всех оправдываться, я откашлялась, собралась по кусочкам и начала рассказывать о наших с Шоном планах и результатах. А занимались мы тестированием его алгоритма шифрования данных. Короче, взламывали различными методами. Поначалу работать с Картером было сложно, но спустя неделю мы четко распределили обязанности и производительность наладилась. Да что там, выходило на удивление эффективно. И, объективно говоря, стыдиться было нечего, мой вклад в работу определенно имелся, Джоанну Конелл не просто вписали в соавторы для галочки. Однако Роб был, очевидно, не согласен.

— Очень удобное... соседство у вас, мисс Конелл, — злобно прошипел он.

— Я не понимаю, о чем вы, — решила я попытаться дать отпор.

— Я о том, о чем уже говорил, и не раз. Репутация прилипает намертво, мисс Конелл. Наш ректор всегда щедро делится успехом со своими подружками. Это его понимание благодарности. Но никто иной ваших заслуг на этом поприще не оценит! — У меня глаза на лоб полезли. Нет, он что, серьезно полагал, будто я только в постели чего-то заслуживаю?! Я даже слов культурных для Роба не находила.

— При чем тут это вообще?! — возмутилась я.

— При том, что я смотрю на эту работу и не вижу здесь Джоанны Конелл? — легко парировал КлеGG. — Да и с чего бы мне ее тут увидеть? Это же алгоритм Картера, область Картера и методы Картера. Он написал проект под себя, а вас, мисс Конелл включил. Или, может быть, я не прав? Какой для вас в этой статье научный интерес. Как ты планируете использовать эти результаты в дальнейшем?

Уел. Результаты нужны были Шоноу. Для Манфреда и, разумеется, он все мог бы сделать один, но дал мне шанс, и я не отказалась поучаствовать. И сказать КлеGGу, что я стараюсь ТОЛЬКО для Осакской конференции, где мои работы будут рассматривать под микроскопом, я не посмела.

— Или, может, вы все-таки решили быть защитником информации и учиться с Картером, жить с Картером, жить в тени Картера?

— Эта работа и моя тоже, даже если она не совсем из моей области!

— Но вас в ней нет. В ней только Шон Картер.

— Это мог бы быть Шон, но не был! — рявкнула я, чуть ли не впервые при посторонних называя своего ректора просто по имени.

— Ты мозг вообще включала, или ты как автомат тарабанила код, который он тебе чуть ли не на ухо при этом шептал? Черт, да ты точь-в-точь его вторая собака. — Да твою мать, КлеGG, охренел что ли?! — Где. Твоя. Голова? Или она уже улетела в Осаку в попытке обскакать меня? Интересно, Картер так и будет толкать к Монацелли каждую, с кем переспит? Он, наверное, полагает, что знания передаются половым путем. И только его точка зрения имеет значения. Я могу понять Пани, ей было плевать, для нее это потолок, но ты, Конелл, вроде как многообещающий параллельщик, но все туда же. Знаешь, я был о тебе лучшего мнения!

— Мне двадцать! Двадцать! И, может, к тридцати я тоже стану человеком, с которым нельзя не считаться, смогу думать сама и иметь своих собачек. Но пока мне двадцать, и кто-то должен нашептывать мне на ухо задания. А учитывая, что в отличие от многих сверстников я могу их выполнить, по-моему, это уже не позорно! Если уж на то пошло, Картер, может, и безупречный параллельщик, но лучше меня, а значит ему есть что мне

рассказать. И я буду слушать, что он говорит. Потому что как программистом я Шоном восхищаюсь. Да, восхищаюсь, и не врите, что вы нет. И я хочу быть как он. Я отказываюсь сидеть со своими идеями в темном и одиноком, но высоконравственном углу. Если Картер согласен учить меня искусству добиваться целей, пусть это делает!

Да. Мы с Клеггом сказали друг другу слишком много гадостей, чтобы сейчас взять и сходу помириться. И все, что было потом, было абсолютно закономерно.

— Да, Конелл, ты своего добиваться умеешь. Только я бы все-таки посоветовал тебе сесть в этот самый уголок и подумать о том, какой ты бы хотела быть на самом деле. Ты права, я определенно не так умен и успешен, как Картер, но, как и он, я счастлив и доволен своей жизнью. А ты сможешь быть счастлива, если станешь во всем подражать ему? Очнись, он же почти аутист! А ты нормальный здоровый человек, который так жить, как он, не сможет, но упрямо топает по той же дорожке. Однажды ты поймешь свою ошибку.

— Это не так! Я ему в рот не заглядываю!

— И именно поэтому ты продолжаешь красить волосы и потеряла в весе фунтов пять за последнюю пару месяцев. О да, Конелл. Поздравляю, ты свободна от чужого мнения как никогда.

Он был прав. Во всем. Мне было всего лишь двадцать лет. И да, я считалась звездочкой среди сверстников, но Клегг был прав: мне было **ВСЕГО ЛИШЬ ДВАДЦАТЬ**. Как профессиональная личность я была полностью определяема учителями. И изменить это до Осаки у меня не было ни единого шанса.

Разумеется, Клеггу удалось посеять во мне зерно сомнения. Ну конечно я понимала, что страдаю ерундой, но все равно вместо четверговского семинара сидела в парке на лавочке и читала статьи, написанные зеленым студентом, таким же как я. Так я искала «почерк», о котором говорил Роб. И упорно не находила. Все, буквально все, было подиктовано исследованиями его научного руководителя. То есть Клегг бесился в основном, потому что мы с Шоном действовали за его спиной и как бы против него. Я согласна, поступала я низко, но он отплатил мне тем же: устроил публичную порку, четко обозначив мое место. От размышлений меня оторвал пронзительный скулеж. Франсин мое занятие явно не нравилось. Она бегала вокруг меня с палкой в зубах и скулила так жалобно, что прохожие оборачивались и качали головами. Жестокое обращение с животными и все такое.

Решив, что все бесполезно и перед Робертом нужно просто извиниться, я встала с лавочки, забрала у Франсин палку и отбросила ее подальше. Собака со счастливым лаем бросилась за ней, при этом уши ее так подпрыгивали, что, казалось, взлетит! Зрелище меня так позабавило, что я вызвонила Керри, и мы вместе с ней возились с псиной Шоно до позднего вечера.

Когда же я вернулась в домик Картера, того там не оказалось. Он вернулся около четырех часов ночи, с моим сбитым режимом сна и отдыха услышать хлопок двери труда не составило. Однако дальше случилось нечто неожиданное. Он вошел в мою спальню. Это не было обычной практикой, обычно он избегал моего девичьего царства. Не запрещал переделывать комнату на свой вкус, вообще ничего не говорил. За это я была ему очень благодарна. А теперь взял и нарушил нашу негласную границу, и мне это не понравилось. Я не хотела с ним говорить, притворилась спящей. Дверь он не закрыл, и сквозь сомкнутые веки я видела лившийся из прихожей свет. А Картер просто стоял в комнате, и, кажется, не так далеко от меня, потому что запах алкоголя ощущался очень отчетливо. Зачем он пришел?

Я не понимала, но старалась дышать ровно и молилась, чтобы веки не дрогнули. Что ему надо? Поговорить о Клегге и статье? Или вовсе не разговаривать? Я не собиралась заниматься ничем из перечисленного. Не то время, не то настроение.

— Ну-ну, — внезапно очень зло произнес Шон. Кажется, он все-таки понял, что не сплю.

Утром я исподтишка за ним наблюдала. Опасалась, что он припомнит мне ночной инцидент, но ничего подобного. Но на меня он даже не смотрел. Делал вид, что ничего не произошло, я и его охотно поддерживала. Мне не по душе пьяные выходки. А он был чертовски пьян, и без выяснения отношений не обошлось бы.

— До вечера, — бросила я, уходя. Он даже не кивнул.

Несмотря ни на что, у меня было чудесное настроение. Я придумала выход — извиниться перед Клеггом, все обещало сложиться хорошо. Погода подтверждала. Автобус ехал по залитому солнцем Сиднею. Я неотрывно смотрела в окно, наслаждаясь видами и радуясь, что мне довелось жить в таком чудесном месте. Но только вошла в университет, на меня начали оборачиваться. Ради Бога, что опять? Если раньше я реагировала на это болезненно, то теперь просто закатила глаза. Надоело, знаете ли. Подошла к Аарону и спросила в лоб:

— Что на этот раз? — спросила я устало. — Картер еще с кем-то переспал? Или, может, на этот раз я? Или это просто явление никчемной Джоанны после лекции Клегга и сплетен Хелен?

— Эээ... — как-то смущенно протянул Аарон и покраснел.

— Ты просто пропустила вчерашний семинар, — пояснил Джек.

— И что там было? — опасливо спросила я.

— Картер против Клегга. Мы все были уверены, что дойдет до рукоприкладства. То ли ректор прослышал о том, что случилось на лекции, то ли его так вовремя клинануло, но после доклада Клегга он встал, вышел к доске и прилюдно разнес в пух и прах каждое слово. Если бы мы не знали Клегга, серьезно, решили бы, что перед нами конченный идиот. К тому же какой-то аспирант с кафедры защиты решил облизать нашему ректору задницу, тоже что-то ввернул. Тогда-то Клегга и понесло, он стал орать, что тот щенок, припомнил тому его «натянутый» диплом. А Картер сказал, что Клеггу стоило бы помолчать, ведь тому присвоили звание доктора философии только благодаря старому ректору, его отцу — Бенжамину. В общем, прошлись по всем годам учебы и работы, кто что сделал, кто чего не сделал. Сначала в сторону Бенжамина, затем, напротив, добрались до вашей пресловутой статьи, в результате чего ректор вообще заявил, что если Клеггу нечего тебе предложить, то пусть вообще закроет рот и молчит, так и быть, его имя снова впишут для галочки... Мы думали, что Клегга еще до конца вечера заживо похоронят. Разошлись только к часу ночи. А мы все это время даже встать и уйти боялись. Это был ад, Джо. Реально. Ты ему что-то сказала? Ректору.

— Что? Я... да я его даже не видела после лекции...

В тот момент я поняла, что никакие слова прощения не помогут, а мои отношения с Робертом Клеггом разрушены.

Разумеется, Шону я собиралась устроить разбор полетов. Но его не было. Он не вернулся из университета. Снова где-то или с кем-то завис до четырех утра? Где эта скотина? Я бы многое ему сказала, попадись он мне. Но он упорно не желал возвращаться, и где-то около часа ночи я догадалась, что ему мог назначить встречу Манфред. Может быть,

он поэтому приходил ко мне в спальню ночью? Он Бабочка, он может улететь в любой момент. Не знаю почему, но меня это задело. Я хотела задать вопрос: зачем он так с Робом? А если бы я на тот семинар пришла, что-то бы изменилось? Может, он все это затеял, так как решил, что Клегг меня окончательно демотивировал.

В попытке прояснить ситуацию с отсутствием своего ректора я зашла в спальню Шона и открыла шкаф. Я этим обычно не занималась, а потому сложно было определить, сколько одежды он с собой взял, но несколько плечиков пустовали. Семь штук. Семь дней?

В общем, скажем коротко: я угадала. Наутро он все-таки изволил черкнуть мне пару строк. Разумеется, не о своем отсутствии, а о заданиях и сроках. Отпуск в связи с отсутствием руководства? Ага, как же. И потому я ответила ему ядовитыми строчками: «Благодарю, что сообщил о том, что жив, а не валяешься в какой-нибудь Сиднейской канаве. Отзываю копов».

Подумав немножко, я вдруг решила, что Шону там, в Италии, слишком хорошо без меня живется, и стала отправлять ему коды по почте. Ответы приходили очень сухие и короткие. Видимо, скучать там он не успевал, но мне на это было наплевать. А что, жалеть его что ли? Сам напросился!

Утром пятого дня Картер, видимо, не выдержал и выловил меня в скайпе. Сидел в своем номере и что-то пил. Один. Ночью. Не знаю почему, но даже спустя столько времени и обидя все еще радовалась тем моментам, когда знала, что он мне не изменяет, а ведь была велика вероятность, что в Италии он встречался с Пани... Возможно, все дело в том, что сколько бы ни было у меня парней, никого из них не называли моим. Только Шона. Твой ректор. Именно так говорили мои друзья. Больше никто и никогда не был наделен подобными привилегиями.

— Я очень занят. Возьми парочку выходных, — сказал он и отключился.

Отличненько. Я выбила с Шона Картера право на отдых! И отправилась я на радость печь свой любимый лаймовый пирог. Обычно он у меня получался просто объедением, однако на этот раз... лучше бы я писала коды. Я ухитрилась обжечь руку. Очень сильно. Даже съездила в больницу, однако мне это не слишком помогло, и вся тыльная сторона правой ладони покрылась тошнотворными волдырями. И это бы тоже ничего, если бы не страшная история, которую я вам сейчас поведаю.

Я намеренно отложила этот рассказ, и скоро вы поймете почему. Короче, проблему звали Роберт Клегг. Кажется, вы не очень удивлены, да? В общем, за неимением возможности отыграться на Картере, он поступил совсем как я с Франсин: нашел крайнюю. Меня. И не просто нашел, а устроил полноценный прессинг: вышиб с кафедры. И не уведомил собирать вещички, нет! Этот гад выставил мой стол в коридор! Стол и розовые сменные балетки с красивыми бантами сверху, будто без них было непонятно, с кем так поскотски поступили. И каждая университетская собака злобно пялилась в окошко на то, как Джоанна Конелл перетаскивала свои пожитки в присутствующую машину отсутствующего ректора. Было ужасно обидно, я даже всплакнула. Повезло в другом: по наследству от Шона мне досталась не только ненависть Роба, но и мисс Адамс, которая просто подошла и забрала одну из коробок, явно демонстрируя свое отношение к происходящему. Как я уже говорила, вражда Картера и Клегга ее еще в прошлой жизни задолбала. Кстати, именно с тех пор мы с ней всегда старались помогать друг другу.

На этом, однако, Роб не успокоился. Он полностью меня игнорировал, даже лабораторную не давал защитить. В довершение ко всему исключил меня из соавторов

своего четвергового доклада. После такого вот предательства я руку и обожгла. И если бы не поранилась и не нуждалась в помощи Мадлен, я бы начала ответные действия, но у мамы Керри был день рождения, она не могла остаться в Сиднее на выходные, а мне нужно было делать перевязки, и потому я была вынуждена воспользоваться помощью миссис Роберт Клегг. Собственно, именно поэтому полноценной войны и не случилось. А жаль! Он заслуживал каждую кнопку на преподавательском стуле!

А с другой стороны, я вовсе не хотела окончательно портить с ним отношения. Он ведь был мне хорошим другом. Могу доказать. Мадлен просить было вовсе не обязательно, потому что когда я в пятницу вечером вернулась в домик на окраине Сиднея, то прямо на пороге споткнулась о брошенный ботинок Шона. На его счет разочарований было куда как больше.

— Привет, — прошептала я с порога.

— Заходи, — зачем-то тоже прошептала Мадлен. И точно две шпионки, мы шмыгнули в квартиру.

— Роба нет? — осторожно заозиралась я по сторонам.

— В магазин отправила. Проходи. Чай будешь?

— Неа. Вдруг вернется.

— Не отпущу без чая. Мы быстренько!

Пришлось соглашаться, как бы странно это ни было. За чаем Мадлен рассказала мне, что Клегг сам не свой. С ним стало невозможно разговаривать, он стал злой и раздражительный. Это все глупая война между Робом и Шоном. Да, обоюдная неприязнь, что поделать, но она должна была остаться между мужчинами, зря они втянули в свои разборки и нас, и весь университет.

Я думала, что после сеанса лечения у Мадлен мне станет легче, но это оказалось вовсе не так. В домик Картера я вернулась с тяжелым сердцем. Теперь я точно знала, что Роб подумал, будто это я пожаловалась Шону, и тот спустил на него собак. Мадлен этого открыто не сказала, но намек я распознала. И вот еще, буду я оправдываться! Я не виновата, так о чем речь?

А Шон лежал на диване, и на лбу у него красовался мешок со льдом, потому я постаралась не шуметь, не привлекать внимания. Хотя желание наорать на него за Клегга так до конца и не ослабло. Просто, ну, инстинкт самосохранения, знаете ли! Он ведь и взбеситься может, а кому нужны его вопли?

Я уже почти пробралась мышкой мимо гостиной, когда вдруг услышала:

— То, что ты задумала, — проговорил он слабо. — Не сработает. Мне не нравится. Идея вообще странная. Принеси мне аспирин.

Я принесла ему воду и аспирин. Несмотря на мигрень, видимо, Шон пребывал в весьма хорошем расположении духа, и я решила с ним заговорить. Присела рядом, на диван, соблюдая на всякий случай дистанцию.

— Клегг сказал...

— Я в курсе, что сказал этот раздувшийся от собственной важности индюк, — фыркнул Картер и переместил лед, чтобы взглянуть прямо мне в глаза. — Не слушай его. Он кретин.

— Он прав, мне нужно придумать задачу по моей тематике, а не по твоей. Или хотя бы по общей.

— Хорошо. Я над этим подумаю. Только не сейчас. — После этого он привычным

жестом закинул в рот таблетку и запил ее водой.

В этот момент телефон в гостиной зазвонил. Мадлен. Мы договорились с ней встретиться на следующий день, опять же для перевязки, но Клегга внезапно одолела простуда, и тайком пробраться в квартиру возможности не осталось. Я мрачно посмотрела на свою перемотанную бинтами ладонь и все-таки решилась попросить Шона:

— Прости, это была Мадлен, — сказала я Картеру, который лежал на диване и, закрыв лицо подушкой, кажется, умирал. — Шон, как думаешь, ты в состоянии будешь завтра перевязать мне руку, в процессе ее не оторвав?

Он фыркнул, но ничего не ответил. Только подушку отложил в сторону. А на следующее утро, кажется, оклемался и даже без возражений перевязал мне руку. И в понедельник тоже. Видно, по большим праздникам он мог быть не совсем придурком.

Задание Шон мне придумал сам. И очень забавно преподнес. Однажды он просто плюхнулся на диван и поставил ноутбук на колени. Я не обратила внимания. Он подвинулся ближе к подлокотнику, словно освобождая место. Я подняла брови. Он злобно глянул на диванную подушку рядом. И я со вздохом пересела. Что, рот открыть трудно?! Однако пока я тихо негодовала, Шон ударился в философию взлома.

— Смотри, Джоанна, вон там чей-то компьютер, — показал он на экран, который, по моему, был очень даже здесь. — А это я, злобный и гадкий хакер.

Затем он начал что-то делать, раз, два, три, и бамц, я буквально увидела, как чужие файлы потекли по виртуальным проводам на компьютер Шона. Сказать, что я была под впечатлением — ничего не сказать. И вот вообще ничего не поняла.

— Вся беда от незащищенных протоколов. Они как рождественские гирлянды, мигают и ждут, чтобы на них обратили внимание, — я потрясенно вылупилась на него. — Разумеется, это для твоих ненаглядных суперкомпьютеров — настоящая трагедия. И поэтому я предлагаю их защитить. Тебе.

— Ты серьезно?

— Ты просила задачку? Вперед.

А затем он отставил ноутбук на стеклянный столик и повернулся ко мне.

— Ты никогда не хотела править миром? — внезапно спросил он.

Я понимала, что вопрос не обычный, не марзаматический, просто Шон всегда специфически выражался. У него свои ассоциативные цепочки. Но он, правда, смотрел на меня и ждал ответа.

— Н-нет, — опасно выдохнула я. А он только нахмурился и кивнул.

— А должна. Например, я стану следующим сеньором Хакером, но только в тысячу раз лучше. Я буду определять будущее развитие техники по всему миру, буду знать все его уязвимости и старательно их поддерживать в рабочем состоянии, чтобы иметь возможность воспользоваться. Это моя цель. Но чтобы ее добиться нужно мечтать. Каждую минуту и секунду. Как бы трудно ни было, ты должна знать, что это то, ради чего ты живешь. Это непросто, не отступать, не сдаваться, не слушать всяких убудочных Клеггов... — Боже, так вот он это к чему! — Бабочки Монацелли — не идеальны, мы ублюдки с манией величия, которые не скупилась средств. И Манфред ничуть не лучше. Вот почему Роберт Клегг не Бабочка, и не станет ею. Чтобы добиться мечты, нужно действовать так, чтобы каждый, кто стоит между тобой и нею убирался с пути, ибо иначе его просто раскатают.

Меня эта речь и восхитила, и напугала. Это же я, Джоанна Конелл, в душе все еще крашенная блондинка, которую воспитывали совсем иначе. Однако покопаться в себе Шон

мне не позволил.

— Просто сделай это, — сказал он, наклонившись ко мне.

— Ты наорал на Клегга. Зачем ты его так унизил?

— До стычки с ним ты была такой, какой я хотел, чтобы ты была. Сосредоточенной и собранной. Он тебя разбивает на кусочки, он не только сам в тебе сомневался, он заставляет тебя заниматься тем же. А на колебания времени нет.

— Слушай, Картер, это чересчур наивно даже для меня, а уж ты просто не можешь верить, что двадцатилетнюю девчонку выберут в Бабочки. — Мне как-то даже расхотелось наорать на Шона за его поступок. Он действовал в моих интересах, к тому же не без причины...

— Я не говорил, что ты ею станешь, я имел ввиду, что ты должна доказать, что это возможно. Такаши не слепец и не дурак. Если он просто обернется на тебя, проходя мимо, это уже огромный успех. В конце концов, на его капризы Монацелли уже восемь лет смотрит сквозь пальцы. Раньше терпел, и дальше потерпит.

В ответ я лишь промычала нечто невразумительное.

Тот день начался странно. Я, как обычно, встала с кровати, стала собираться в университет и, наконец, добралась до вожделенной кухни, недра которой таили в себе мой завтрак и, как выяснилось, Шона, который сидел за столом и пялился экран ноутбука. Будто в гляделки играл, кто же моргнет первым? Думаю, в тот момент я могла бы сплясать перед ним стриптиз, и он бы не заметил. В попытке проверить догадку, я несколько раз прошлась перед самым его носом. Реакции никакой. Решив не нарываться и не выводить его из транса, я просто поехала в университет. Однако, возможно, решение было ошибочным, так как на пару он не явился... Мы стояли около аудитории, и ждать, вроде, уже было бессмысленно, и уйти страшно. Что делать?

— Может, он опять уехал? — предположила Хелен.

— Утром был, — пожалала я плечами.

— А ты вечно не в курсе, в Сиднее он или улетел. — Это было сказано в обвинительном ключе. Стерва, ты его не заслужила!

Как вы, разумеется, догадались, после скандала на паре, Хелен все же ухитрилась написать код мечты Шона. И, не побоюсь так выразиться, он ее сломал. Меня она теперь оставила в покое, разве что так тоскливо-тоскливо поглядывала на него временами. Так же Франсин еду вымаливала. И, надо отметить, Хелен тактику выбрала верную. К несчастным псынам Картер, видимо, равнодушен. Не просто же так он стал дипломным руководителем этой... кхм.

— Леди и джентльмены, можете расходиться, — прервала нашу дискуссию мисс Адамс.

— Пары не будет. Мисс Конелл, а вы со мной. Вас ректор вызывает.

— Он зол? — нервно спросила я.

— Нет, он странный, — тактично ответила мисс Адамс. Ее слова мне нисколько не помогли. — Пожалуйста, пойдете скорее.

— Мисс Адамс, может быть, вы лучше скажете, что я безвременно исчезла? — опасно протянула я.

— А ну за мной! — вдруг зашипела на меня эта, как правило, милая леди. — Я тоже хочу жить!

— Ценой моей шкуры? Ну, уговорили, пойдете, — вздохнула я, вспомнив, как мы бок о

бок таскали злополучные коробки.

— Спасибо, мисс Конелл, — улыбнулась она, без проблем проглотив шпильку.

Когда я вошла в кабинет ректора, у меня возникло чувство острого дежавю. Картер точно в той же позе, что и утром, сидел и гипнотизировал ноутбук. Только декорации поменялись.

— Шон? — позвала я, прикрывая дверь.

Он ничего не сказал, но очень резко поднялся, подхватил ноутбук и направился к стене. Когда он проходил мимо, я задержала дыхание, не представляя, чего ждать. Однако, целью его, как выяснилось, был заветный ключик... от комнаты с суперкомпьютером. И я снова потеряла способность дышать.

— Идем, — велел Шон и вышел из кабинета.

В заветной комнатке Картер свет зажигать не стал, вместо этого подключил к шестнадцати здоровенным экранам, размещенным на свете, свой ноутбук. И те образовали единую картинку, совсем как в фильмах показывают. Я такого в жизни не видела, и чуть не завизжала от восторга, хотя, конечно, он просто выпендривался. Мог бы и банальным проектором воспользоваться, да не царское это дело! И я была с ним солидарна, буквально прилипла к этим мониторам.

— Картер, сейчас я могу начать в любви признаваться, но ты не слушай, это я не тебе, — от избытка чувств забормотала я. А Шон... кажется, Шон негромко засмеялся. Только вот мне было не до него.

— Иди сюда, — спустя несколько минут изучения заветной аппаратуры, позвал меня Картер.

— Я не могу.

— Иди сюда, сказал! — требовательно, но беззлобно повторил он. И я подошла. — Смотри. — И скользнул лазерной указкой по экрану. — Вот тут ошибка, я никак не мог понять, в чем. А теперь пытаюсь понять, как исправить.

— А я...

— А тебе просто полезно будет поучаствовать. Слушай...

Привет-привет, Джоанна, заходи, не стесняйся. Добро пожаловать в мир Шона Картера!

Код удалось поправить только часам к одиннадцати вечера. К тому моменту у меня на кофте образовалось кофейное пятно, а на голове — воронье гнездо, так как с моими умениями только и оставалось, что за голову хвататься. И поэтому, когда Шон объявил, что код работает, я сама повисла у него на шее, а он просто опрокинул меня на стол. Даже дверь не запер. Ладно хоть не в коридоре...

Этот суперкомпьютер стал моей стартовой площадкой. Не знаю, как так у нас получилось, но Шон мне отдал и исходные коды для статьи (вместе с ноутбуком почему-то), и ключик от комнаты с суперкомпьютером. О да, в том, что ты спишь с ректором, есть свои плюсы. Например, можно поселиться в комнате с игрушкой стоимостью в несколько миллионов баксов и выжить оттуда своего вроде как все еще научного руководителя. Да, вы правильно подумали, с Робертом Клеггом мы так и не помирились. И я как раз об этом.

Примерно спустя месяц после скандала на паре, он, кипя от злости, влетел в двери моего убежища и потребовал ответа на вопрос какого хрена я вообще столько времени делаю с суперкомпьютером. А я предельно ядовито ответила:

— Живу в величии славы собственного любовника.

— Хватит выставлять меня последним козлом. Или вы с Мадлен сговорились?

— То есть ты пришел мне жаловаться на то, что из-за меня у вас с женой отношения накалились?! — возмутилась я. — Выметайся.

— Ты, студентка, выгоняешь меня?!

— Я же не просто студентка, ты сам сказал. Я сплю с ректором, и это предоставляет хренову тучу возможностей, которых я не заслуживаю! Но все-таки они у меня есть. Поэтому я могу единолично сидеть за суперкомпьютером... или выгнать неугодного профессора Клегггггга.

— Да ты просто маленькая стерва!

— Иди отсюда.

— А я уже почти решил помириться...

— Иди отсюда!

И он ушел. А я, разумеется, расстроилась. Да, прощение — не моя сильная сторона, но это не значит, что я спокойно воспринимаю подобные стычки. И потому я стала дожидаться обеда. Почему? Потому что Роберт Клегг строго соблюдает режим. Это такой наказ Мадлен. И вообще-то, полагаю, это работает, ведь Роб почти никогда не болеет. Единственный раз на моей памяти — именно тот, когда у меня рука была обожжена. Закон подлости. Короче, это я к тому, что точно знала, в какое время он будет в столовой. В общем, я заперла комнату, взяла ноутбук Картера подмышку и направилась в кафетерий. Там я заказала кофе эспрессо с десятью ложками сахара, чем немало удивила окружающих, и встала за спиной у одного — угадывайте которого — профессора. А затем начала медленно и осторожно выливать ему на голову все эту гадкую липкую массу. Кафетерий замер в предвкушении.

И пока бедный Клегг не успел оклематься, я решила высказать все, что накопилось:

— Ты выставил мои вещи в коридор! А меня — жалкой неудачницей. Хотя мы оба знаем, что это не так! Я просто пытаюсь стать лучше. И у меня получается. И никакая я не стерва. Извинись еще раз и скажи, что ты осел, а я просто очаровашка!

Отплевавшись и стерев сахар с глаз платком, Клегг вдруг просто хмыкнул.

— Знаешь, Конелл, будь на моем месте любой другой преподаватель, тебя бы это не спасло. Но так как это все-таки я, а наш ректор меня люто ненавидит...

— Роб! Да он вообще не при чем! Это между нами. Между мной и человеком, которого я считала другом, и который меня унизил на глазах у всех знакомых, исходя из каких-то профессиональных соображений. Ты не был мне только преподавателем, ты человек, который слышал, как я плачу, помогал и поддерживал. Если ты хотел оставаться ТОЛЬКО преподавателем, зачем ты мне это позволял?! Или, может, для тебя это вроде бальзама, ведь я жалуясь на твоего злейшего врага. Может, тебе нравится собирать доказательства скотства Шона? Потому что я не понимаю, за что ты со мной так жестоко. Да, я написала статью, да, без тебя. Ладно, я гадкая и противная, но ты вышвырнул мои вещи на глазах у всего университета. И это было так гадко, что когда я обожгла руку, тайком приезжала к твоей жене на перевязку, пока ты ходил в супермаркет. Я, точно воришка, пробиралась в вашу с Мадлен квартиру. Интересно, она бы засунула меня в шкаф, если бы ты вдруг вернулся? Вот до чего ты нас с ней довел. Вот до чего довела нас ваша с Картером война. Хватит, Роб! Я устала перелезть через пятиметровую стену непонимания между тобой и Шоном Картером. Я человек посторонний, я не при чем! Вот почему я вылила тебе на голову чашку кофе. Тебе, не врагу парня, с которым я живу, не научному руководителю, преподавателю или заведующему кафедрой, а именно Роберту Клеггу, человеку, который позволял мне ночевать на диване в гостиной и говорил, что веду я себя как дура. Наши отношения не были сугубо

профессиональными никогда. Сначала ты меня презирал, затем пожалел, и, наконец, подружился со мной. А потом подставил! Гребаный предатель. — Я от избытка чувств даже ножкой топнула.

— Извини меня, — сказал он, наконец, уверенный, что прощу. А я не находила в себе сил вот так сходу броситься с головой в дружбу с ним снова.

— Не могу. Не сейчас. Может, завтра.

И после этого я просто ушла. Но я простила. Роберт Клегг — человек уникальный. Я не только простила ему его выходки, я о них забыла насовсем.

По итогам совместной работы мы с Шоном написали несколько статей, но до конференции их бы опубликовать не успели. Однако мы постарались сделать так, чтобы Такаши на глаза они попались — указали его в списках предпочитаемых рецензентов. Кстати сказать, когда спустя три года Картер взялся за усовершенствование написанного нами некогда продукта, и включил мое имя в число соавторов, и я очень удивилась этому обстоятельству. Но вернемся обратно.

— Мисс Адамс, ректор у себя? — спросила я.

— Да, мисс Конелл, — улыбнулась мне секретарша Шона.

Ни о чем не подозревая, я зашла в его кабинет... и увидела, они разговаривают с Хелен. Так и застыла в дверях истуканом.

— Простите, я не знала. — И что-то отвратительное поднялось внутри меня, злое и уродливое. Хотя ничего неприличного не происходило.

— Не спешите уходить, мисс Конелл. Поздравляю с успешным выходом релиза проекта, — сказал Шон.

— Д-да, я за этим и пришла. Тебя тоже. — Клянусь, я очень спешила уйти, но он не позволил.

— Манфред считает, что подобные события надо отмечать. Ты сегодня вечером что-то планировала?

— Поспать? — предположила я наиболее очевидное.

— Очень смешно.

Не смешно, в моих мешках под глазами скопилась тяжесть всего мира!

— А есть предложения?

— Ресторан...

— Да, хорошо, — согласилась я и поспешно ретировалась.

Но только пришла домой легла спать, а проснулась от воя будильника. Шона не было. Но меня ничуть не расстроило ни его отсутствие, ни то обстоятельство, что мы никуда не выбрались.

Глава 4. Точка перегиба

Настоящее время

На кафедре весьма тихо. Клегг побежал в ректорат подписывать документы. Зная Картера, он, скорее всего, оттуда выйдет часа через два. И еще четыре будет обтекать. Это знаю не только я, но и секретарша, а потому она одну минуту кликает мышкой, а четыре —

спит. Думаю, она из тех, кто по ночам развлекается в клубах. По крайней мере мешки под ее глазами со мной солидарны. А я... придумываю повод задержаться на работе, чтобы не возвращаться к Брюсу. Тут все так хорошо и очевидно, а в квартирке с зелеными стенами мне откровенно тошно. В этом университете царит она — идиллия, а у нас дома взаимопонимание закончилось. Тут даже те, кто друг друга ненавидят, относятся с глубочайшим уважением к этому чувству. Иначе, Роб бы не пошел к Шону за подписями лично, а заслал бы меня. Я бы покружила вокруг Картера, насобираала бы шпилек в собственный адрес, но вернулась через полчаса, а у Клегга уйдет времени на то же самое раза в четыре больше. Но это хорошо. Лучше, чем у меня и Брюса. После того, как нейтральные темы для разговоров закончились, мы, по большей части, молчим. А я не хочу возвращаться в звенящую от тишины квартирку, я хочу слушать храп секретарши.

Но, как выясняется, помощь уже близко, и перспективы на вечер куда как более радужные. И предвещает их с пинка распахнутая дверь и громкий вопль:

— Ах, ты с***а крашенная!

Со стороны секретарши раздается страшный грохот, шум и брань. Она с перепугу чуть не ударилась съехавшим с подставленной ладони подбородком о клавиатуру. И я не более расторопна, так как запуталась каблуками в проводе ноутбука. Вам точно нужно говорить, кто это явился по мои блондинистые космы или сами догадаетесь? Керри Робинс Прескотт, конечно.

— Джоанна Конелл, — продолжает она вопить, тем временем. — Я бросила мужа и троих детей в Ньюкасле, чтобы приехать к тебе в Сидней! А ты месяц в Австралии, несколько недель провела со мной в одном городе, но даже не сказала! Да я тебе половину волос выдеру... хотя нет, три четверти! Вот, я выдеру три четверти твоих-с****х-крашенных-косм!

— Керри! — Я, наконец, добираюсь до нее, пытаюсь обнять, а она меня бьет по рукам, не позволяет. На ее месте я бы не такое устроила. Каждый эпитет, которым она меня награждает, полностью правомерен.

— А еще ты выходишь замуж, и узнаю я это от кого бы вы думали?! ОТ МАДЛЕН КЛЕГГ! И узнаю я это походя, между рецептами яблочного-клегг-ее-возьми-пирожка и индейки в винном соусе! Для справки, все это я терплю раз в неделю ТОЛЬКО потому, что когда-то нас с ней познакомила ты, и у нее случится инфаркт, если я ей скажу, что являюсь хорошей женой не потому что знаю, что такое индейка в винном соусе, а потому что у меня уже трое детей и муж, и все они сыты, поддаются контролю и стопроцентно мне верны. О нет, я молчу, терплю, киваю и крашу ногти, делая вид, что пишу ее гребаный рецепт, а она вдруг просекает, и как выдаст: а вот Джо для Брюса будет готовить долбаную индейку! Какого Брюса? Ах да, того, который мистер-я-хочу-от-тебя-колючко-уже-год-а-ты-козел-всентянешь! И когда он решился, твою мать, Конелл, ты мне даже не сказала?! Или может быть это потому, что ты была так занята горячим летним сицилийским романом со своей карьерой, что все остальное просто выскользнуло из твоей покрашенной чуть ни не в платину головы?

— Керри! — пытаюсь я ее заткнуть, пока это еще в моих силах.

— Джоанна Конелл, ты официально...

— Керри! Было бы все хорошо — позвонила бы! А то представь, мы два с лишним года не виделись, и вдруг я объявляюсь, и начинаю с порога грузить тебя своими проблемами...

Это ее остужает в момент. И она, наконец, позволяет мне себя обнять. По щекам ее

бегут слезы.

— Конелл, какая же ты Love Mississippi, — прочувствованно произносит Керри, и я тоже начинаю рыдать от осознания, насколько сильно мне ее не хватало. Хочется ей рассказать все. Нет, не так. Не все, а все-все. И не о Сицилии, не о выкрутасах Брюса и родителей, а о том, что я понятия не имею, что делать дальше со своей личной жизнью. Я всегда спрашивала ее совета, так как она считалась, ну, опытнее что ли. У нее была толпа парней, и все разные, а у меня только минное поле имени Шона Картера... хотя, такой опыт, конечно, тоже бесценен. Хоть книжку пиши.

— Ты же, паршивка, Джо. Ты хоть понимаешь, какая ты негодяйка? Ты обещала крестить моих детей, но даже не сказала о том, что он сделал тебе предложение!

— Знаешь, я бы с радостью пригласила тебя на эту чудесную помолвку вместо Пани и Картера.

Керри удивленно взмахивает своими длиннющими, мокрыми от слез ресницами и, забыв обо всех обидах, начинает смеяться.

— Подробностей! — требует она.

— О, запросто. Во-первых, все было очень в моем духе. Мама орет, папа орет, Пани орет, Брюс орет. И раз, и я в обмороке... Разобрались только к следующему утру, в шахматы сыграли, и я согласилась выйти замуж с условием, что мы возвращаемся в Сидней.

— Это даже больше в твоём духе, чем ты думаешь... Ты все еще ходячая катастрофа, да, Love Mississippi?

— Я вообще не при чем! Это все они!

— Только почему-то каждый раз...

И тут дверь снова распаивается, и на кафедру с видом подравшегося взъерошенного воробья влетает Каддини, врезается в Керри, извиняется, зачем-то отряхивает ее, а потом сгибается пополам и опирается руками о колени в попытке отдышаться.

— Док! Вот, твой отчет. Держи.

— Дурдом, — выносит вердикт секретарша.

— Эх, дружок, опоздал, — хмыкаю я. — У меня сегодня намечается не сдача лабораторной, а грандиознейшая пьянка.

— Со мной, — охотно поддерживает меня Керри и доверительно сообщает парнишке. — Текила, знаешь ли. С водкой.

— О нет, — начинаю протестовать я.

— О да. Ты мне за Ньюкасл должна, детка!

Мы с Керри сидим в баре, знакомом нам еще со студенческих времен. Выпили мы вполне достаточно для того, чтобы потянуло на душевные беседы, но мысли пока не путаются. Я ей рассказываю о Брюсе и Сицилии. Керри так громко возмущается, что я опасюсь, как бы нас не выгнали. Но поскольку студенты (а мы, разумеется, неподалеку от кампуса), все равно громче, смысла просить ее не шуметь нет никакого. Оказывается, на фоне меня ей и рассказать-то нечего. Муж, дети, счастливая жизнь за белым забором, подержанный степенный седан на подъездной дорожке. Американская мечта. Вот бы и мне было нечего рассказать. Она счастливица. Я бы хотела иметь ее жизнь. И не смогла бы выдержать оную. Ведь Керри сидит дома, нянчит детей, не работает, мужа любит. Мне бы у нее поучиться искусству радоваться тому, что есть, любить, что есть, беречь, что есть. А мне Брюса мало. Я только и делаю, что раз за разом прокручиваю в голове слова Монацелли и

свою странную реакцию на голубоглазку Йол. Все ловлю в небе журавлей.

Звяк, пытается пообщаться со мной телефон. Открываю почту. Письмо от Пани. Что ей нужно? Стоило вспомнить... кхм... подружек Картера, как одна тут как тут. С третьей попытки попадаю по иконке непрочитанного сообщения, удивляюсь, ведь мы с Керри не так много выпили, а я... ах, черт, еще раз нажала, файл теперь какой-то грузится. Мрачно пытаюсь попасть по отмене, но значок просто крошечный, это выше моих пьяных сил, и в честь такого события, блэкбери устраивает окончательный демарш — демонстрирует трофей. И во весь экран высвечивается фото нас с Шоном, из числа тех, что были сделаны после крушения самолета. Пани отправила их всем Бабочкам. Хорошо хоть моих родителей и Брюса в рассылку не включила, и на том спасибо, ведь на картинке я сижу, закусив губу, а Картер застыл в какой-то неестественной позе. И, кажется, будто от срывания друг с друга одежды нас удерживают жалкие несколько секунд времени и сантиментов пятнадцать расстояния! Да не было такого! Не могло быть! Не в этой реальности! Монтаж, однозначно. Либо фотошоп, либо алкоголь. Решено! Но глюки, как выясняется, не только у меня.

— Ауч, как жарко, — игриво сообщает мне Керри, но полностью спрятать настороженность ей не удастся. А я молчу, потому что если Монацелли видел все именно так...

— Манфред сказал, что я влюбилась в него, — внезапно выпаливаю я. — И, я боюсь, он прав, — добавляю тихонько.

— Влюбилась в Ман-Манфреда? — пьяно икает от неожиданности подруга.

— Ты совсем спятила?! В Картера!

Но по наполненным праведным ужасом глазам Керри я вижу, ответ неверный. Да-да, в Манфреда, в кого ж еще? Керри, только не выгляди такой перепуганной! Словно вняв моим мыслям, она стремительно отворачивается и начинает размахивать рукой:

— Текилы, мне нужна текила. Много! Срочно! Сейчас! В этом гребаном баре есть текила? — кричит она. И так как Керри есть Керри, помочь ей парни в ряд выстраиваются.

После взрывной смеси из водки, текилы и тотального расстройств, кажется, рассудок становится лишним. Я ничего, вообще ничего больше не помню. Никаких нравоучений, душевных разговоров. Чистый лист. А затем я просыпаюсь в собственной квартире под треск разрывающегося негодованием будильника. Брюс сидит рядом на кровати. Смотрит и молчит. А в глазах такое разочарование. Ах да, Мадонна не должна себя вести подобным образом.

— Джо, что происходит?

— Керри приехала...

— Да, приехала, — сухо говорит он. — Я в курсе. Ее я тоже полуживую забираю вчера из бара. Самостоятельно вызвать такси вы оказались не в состоянии.

— Прости. Но мы с ней не виделись почти три года и...

— Ты гуляешь по Сиднею по ночам, напиваешься в барах, стоит мне отвернуться, спишь с кем попало... Видимо, я тебя совсем не знаю.

У меня даже челюсть отвисает. Меня только что записали в ряды шлюх-алкоголичек? Seriously?! С другой стороны, и меня посещают мысли, что я живу в квартире с незнакомцем. С этим нужно что-то делать. Даже думать смешно, что с Шоном мне могло бы быть лучше!

К часу дня Керри аккумулирует достаточно мужества, аргументов и аспирина, чтобы мне позвонить и заставить более ли менее трезво взглянуть на царящий в моей голове

маразм.

— Разберись с этим дерьмом и как можно быстрее! — без обиняков сообщает мне она.

— Я не шучу!

— Керри, что вчера было? — шепотом спрашиваю я, стремительно отворачиваясь от секретарши.

— Ты напилась до бессознательного состояния из-за этого ублюдка. И ты знаешь, о котором из них я говорю, но раз приходится уточнять, то их развелось у тебя слишком много!

— У меня никого не разводилось...

— Эй, Джо, очнись, если ты и дальше будешь прикидываться, что не понимаешь, о чем речь, разводиться придется тебе! С Брюсом.

В этот момент дверь кафедры открывается, и на пороге Шон. Со всех сторон подлянки. Сбрасываю звонок так поспешно, будто меня застали на месте преступления.

— Профееееессор, — излишне радостно приветствую его я. Переигрываю, но что поделать, мой взгляд точно примагничивается к волнистым прядям волос Шона. Они почти касаются сзади воротника рубашки. Это еще раз доказывает то, что у меня неприятности. С трудом сглатываю ком в горле.

— На столе аспирин, окна зашторены, вчера здесь... слышали Керри... Похмелье, Джоанна? — спрашивает он с понимающей усмешкой.

— Я нормально веду занятия, тебе не на что...

— А я и не жалуясь. Я ностальгирую, — хмыкает он.

— В смысле? — как-то пискляво спрашиваю я.

— По Риму. Ты помнишь Рим?

— Помню.

— О, это навряд ли, — выгибает он одну бровь.

— Что было в Риме? — На этот раз мой голос хрипит.

— О нет, Конелл, эти воспоминания я оставлю для личного пользования. — Разумеется, у меня шок, и я уже открываю рот, чтобы задать следующий вопрос, но он протягивает мне флэшку. — Твое задание.

— Бабочки? — мысли о Риме тут же вылетают из моей глупой головы.

— Они самые, — кивает Шон. — У тебя две недели.

И только когда дверь за ним закрывается, я понимаю, что не только не спросила о Риме, но и стояла и пялилась на него как идиотка, нервно вертя в руках телефон.

Два дня мы с Брюсом почти не разговаривали. Точнее лично я чувствовала свою вину и пыталась разобраться в произошедшем, но меня и слушать не стали. Вот как-то так. И потому на лабораторных параллельщиков я сижу с кислым видом. А они... они ничего не делают. Вообще. Как же меня бесит их группа! Сижу за столом и за неимением других вариантов изучаю коды, которые передал мне Шон, а параллельно разрабатываю планы особо изощренной мести для некоторых наглых детишек!

Где-то минут за пятнадцать до окончания пары в аудиторию входит Картер и ставит передо мной стаканчик кофе. Я на автомате сохраняю код и кошусь на презент. Это взятка такая что ли?

— Как дела с кодом? — спрашивает Шон.

— Прекрасно.

— Тогда прервись.

Попалась, блонди!

— Не настолько прекрасно, — морщусь я и утыкаюсь взглядом в экран ноутбука, демонстрируя полное нежелание общаться с собственным руководством. Однако Шон есть Шон, терпеть самоуправство он не намерен. И крышка с грохотом захлопывается, чуть мне пальцы не прищемив! Я так резко убираю руки, что больно ударяюсь спиной о спинку стула.

— Пара закончена. Все свободны, — раздраженно говорю я студентам, которые после появления ректора стали просто шелковыми. А пока они собираются, я вскакиваю и гневно шиплю на Картера: — Если ты мне сломал ноутбук — купишь новый!

— Вместо этой рухляди? Да с удовольствием, — фыркает он, раздраженно посматривая на мой ненаглядный девайс. — Кофе, — пододвигает он ко мне стаканчик. — Точно такой, как ты любишь.

— Ну и зачем ты принес мне кофе? Рассчитываешь на теплый дружеский прием? — спрашиваю я.

— На горячий и совсем не дружеский. Дружить с тобой в мои планы не входит, — буднично сообщает мне Шон. В попытке скрыть смущение, придумать достойный ответ, да и просто чтобы он не сболтнул еще что-нибудь, беру кофе и делаю глоток. Он действительно именно такой, как я люблю. Но, разумеется, я не могу не повредничать.

— Сахара мало.

— Какая жалость, — выгибает он бровь, демонстрируя вполне себе обоснованный скептицизм.

— Зачем ты пришел? — спрашиваю я, только за последним из студентов закрывается дверь.

— Решил проверить, как идут дела у нового сотрудника.

— И как они идут?

— Судя по всему, не очень, раз ты каждый день задерживаешься допоздна.

Я сглатываю ком в горле. Намекает Шон вовсе не на работу. Он следит, пытается доказать мою неправоту. Но даже если так, даже если Брюс — ошибка, спать с Картером снова я не собираюсь!

— Работы много, не хочу облажаться на первом же проекте, чтобы потом меня всю жизнь носом в это тыкала какая-нибудь Пани.

— Поверь, Пани до тебя никакого дела. У нее муж-наркоман и больной ребенок.

— Ты можешь хотя бы о своих друзьях не говорить гадости? — морщусь я.

— Это всего лишь правда. И у меня с ней проблем не имеется. В отличие от тебя.

— У меня вообще нет проблем, жизнь чудесна, — раздраженно говорю я и всплескиваю руками.

— Только вот выбираешь ты законченных неудачников. Ну и как тебе с этим Брюсом? Спокойно? Как с Киану? Сколько их тебе таких нужно, чтобы окончательно убедиться в том, что комфортная зона в постели вредна?

— Если ты пришел меня поунижать, лучше уходи, — машу я рукой в сторону выхода.

— Конелл, ты, кажется, подзабыла, кто здесь главный. Может, раньше я и подыгрывал, теперь-то у меня точно нет причин щадить твое эго.

— Ладно, уйду сама.

Я обхожу стол, чтобы смотать провода от ноутбука, но Шон хватает мое запястье и заламывает руку за спину, прижимая меня к себе всем телом. Его губы так близко, всего в нескольких сантиметрах, и я вдыхаю его выдохи, а он мои. Это даже интимнее поцелуя.

Заставляю себя отвернуться, и тогда он носом зарывается в мои волосы и продолжает жадно впитывать мой запах. Я не знаю куда смотреть, веки сами собой закрываются, но этого нельзя допустить, только самоконтроль у меня и остался. Я чувствую, как Картер скользит носом по моей шее вниз, а вслед за этим прикосновением по телу распространяются предательские мурашки. Нужно это прекратить и срочно.

— Ты в курсе, что это сексуальное домогательство? — Мой голос так сипл, что едва слышен.

— А ты в курсе, что здесь не Штаты? Больше скажу, ты там больше никогда не окажешься. Здесь, в Сиднее, отношение к подобным инцидентам куда лояльнее. Да и вообще профессиональная этика не так строга. Удобно, тебе не кажется?

— Отпусти меня, — шиплю я.

— А то что? Натравишь на меня тот мешок с дерьмом? Мне он не страшен.

— Это ты зря. Просто он не такой испорченный, как ты!

— Проще говоря, он тряпка. Не стесняйся, мне нравится слушать, как ты ругаешься. Я не ханжа.

— Тогда ты знаешь, по какому адресу я тебя в скором времени пошлю!

Он усмехается. Внезапно раздаётся щелчок, и я вскрикиваю, так как что-то обжигает мою ногу.

— Прости, кажется я пролил кофе... на твой ноутбук. И не только, — без тени раскаяния произносит Шон и кладет руку поверх моей промокшей юбки. Поспешно скидываю его ладонь чуть ли не с собственной задницы.

— Картер, что ты творишь?! Там же вся моя жизнь, даже проект для Бабочек!

Пытаюсь вырваться и включить ноут, чтобы проверить работоспособность, однако Шон не позволяет, даже встряхивает для острастки.

— На тебе мокрая юбка, не смей трогать электронные приборы! К тому же жесткий диск замкнешь, и все данные пропадут.

— Ты все-таки купишь мне ноутбук! — гневно шиплю я в лицо Картера.

— Хорошо, завтра пойдем и выберем его вместе, — легко, даже слишком легко, соглашается Шон.

— Сегодня, — рычу я.

— Сегодня я не могу.

— Сможешь, Картер! Это я без ноутбука не могу!

— Я освобожусь только после девяти вечера. У меня онлайн-совещание с Такаши, — пожимает он плечами.

— Значит, сегодня! И ты поставишь мне весь софт. Я не собираюсь тратить свое время из-за того, что ты решил, будто моя техника недостаточно хороша.

И ведь этот гад даже не отрицает, что намеренно убил мой ноутбук!

— Разумеется. Всю ночь глаз не сомкну, буду... настраивать. — Я даже думать не хочу о контекстах. Но с губ срывается отчаянный стон. Нет, нельзя было возвращаться в Сидней, надо было сдать власть!

— Так, хватит. Я сама куплю ноутбук и выставлю тебе счет...

— Глупости, Джо, — не скрывая злорадства, улыбается Шон. — Зачем тебе тратить собственное время, это моя вина, и я должен ее искупить. Ты же сказала, у тебя даже на установку программ времени не хватает. Видимо, на эту ночь у тебя большие планы. А я вот после девяти вопиюще свободен...

Мне становится жарко, воздуха не хватает. Мне вдруг слишком уж живо представляется процесс... настройки ноутбука и выдавший виды домик на окраине Сиднея. Он куда уютнее спичечного коробка с зелеными стенами. Когда я успела запутаться в собственной паутине? Я усложнила все в разы, и себе, и другим. Что мне делать с Брюсом? Что мне делать с Шоном? Керри права, у меня серьезные неприятности.

— Отпусти! — Я начинаю вырываться снова, даже пнуть Шона собираюсь, но вдруг выясняется, что причинить ему вред выше моих сил. Дожили!

Но он отпускает меня сам, чуть отстраняется и, вроде, собирается вложить в протянутую ладонь спасенную флэшку, вот только вместо этого ему на глаза попадает кольцо Брюса. И благородный порыв умирает на корню, вместо этого, Шон поднимает мою руку и начинает губами стягивать с пальца кольцо, а я оказываюсь парализована собственными ощущениями. Страх, смущение, желание, злость. О силы всевышние, это уже слишком! Когда я прихожу в себя настолько, что оказываюсь в состоянии отдернуть руку, палец без малейшего сопротивления выскользывает из ободка. Вот черт. А Шон, словно утратив ко мне интерес, начинает изучать камень в ярком свете электрических ламп.

— Это не бриллиант, — бормочет он скорее для себя.

И хотя его слова шокируют, хотя я не в состоянии поверить, что все это время щеголяла перед знакомыми обычной стекляшкой, даже не зная об этом, стараюсь разыграть невозмутимость.

— Это не твое дело. Верни мне кольцо.

Шон бросает на меня задумчивый взгляд и произносит:

— Чуть позже.

— Ты совсем с ума сошел?! Отдай! — пытаюсь я выхватить символ собственной принадлежности другому мужчине.

— Оно тебе велико. Я подтяну и верну, — пожимает он плечами. — Иначе потеряешь.

Это какой-то абсурд, какого черта вообще происходит? И словно потакая творящемуся беспределу, я спрашиваю нечто совсем уж странное:

— А Брюсу я как объясню отсутствие кольца?!

Картера мой вопрос несколько не смущает и не затрудняет.

— Скажешь, что потеряла. Ну а потом найдешь на дне сумке, куда оно и соскользнуло.

После этого Шон, не дожидаясь моего согласия, просто разворачивается и уходит, а я уже знаю, что поеду в девять вечера выбирать ноутбук. Потому что без него не представляю собственной жизни. Без ноутбука! А вы о ком подумали?

После морального и физического прессинга, который устроил мне Шон, я, если честно, рассчитываю на поддержку Брюса, намерена во что бы то ни стало объясниться и наладить отношения. Пойти на уступки, компромиссы, только не позволить одному нахалу разрушить все то, что я упорно стараюсь построить. А точнее себя. В смысле я вполне себе здорова, цела и счастлива. Я выжила. Но какая-то часть меня навечно осталась лежать среди груды окровавленных осколков на полу гостиной домика на окраине Сиднея. Я не хочу подвергнуть себя этой пытке снова. Я... я просто не могу вернуться к прошлому, осознавая риски.

Таким образом, я, цепляю на лицо жизнерадостную улыбку, достаю ключи от квартиры. Заговариваю речь о том, что кольцо отдала мастеру, чтобы подтянул. И старательно гоню прочь мысли о том, что переплавлять стекляшку глупо. Наконец, переступаю порог. В

прихожей стоит какой-то странный запах. Странно не это, ведь для меня квартирка с зелеными стенами пахнет всегда, потому что не моя. Нет, удивительно иное — запах не такой, как обычно. Зову Брюса, но в ответ тишина. Иду по коридору, вхожу в спальню. С каждым шагом облако ядовитого незнакомого аромата становится все плотнее, и когда я толкаю дверь, нос мне приходится закрыть обеими руками. Спиртовое амбре чуть с ног не сшибает. А Брюс, как ни в чем не бывало, лежит на кровати, рядом с ним на полу пустая бутылка.

И внезапно на место встает последняя частичка мозаики, которую мы недружным хором пытались собрать. Брюс ненавидит нашу жизнь не меньше моего, но при этом у него отдушины в виде любимой работы... и Сиднея. Я не знаю более страшной трагедии, чем жить в городе, который ненавидишь, заставляя себя каждый день шагать по ненавистным улицам, дышать ненавистным воздухом... Он хочет вернуться в Штаты, на любимую работу, но гребаное предложение перечеркнуло всю его жизнь, а я не обращаю на него внимания, все время занята собой и своими душевными терзаниями. Будто меня кто-то волоком тянул, будто мне Брюс всего лишь мешает. Да не существует мужчины, которому бы это понравилось. И после такого я серьезно собираюсь связать с ним свою жизнь? А если нет, то почему на моем пальце уже выгорел ободок помолвочного кольца?

Я должна быть терпимее. И неплохо бы начать с того, чтобы раздеть Брюса, нормально уложить его под одеяло и позвонить Шону, сказать, что поход за ноутбуком отменяется. Вот только ничего из перечисленного я сделать не в состоянии, потому что этот запах... в общем я бегу в ванную, где меня выворачивает в унитаз. А после я включаю горячий душ и отмываюсь от запаха алкоголя, который, кажется, въелся в кожу и волосы. Я так тру себя мочалкой, что на животе остаются красные царапины. Только после этого я трижды промываю волосы шампунем и не жалею кондиционера. А затем — духов. Не успокаиваюсь, пока не только на мне, но и во всей ванной не остается ни следа запаха чертова спирта.

Только я выключаю фен, телефон начинает разрываться. «Картер» услужливо подсказывает мне справочник. На часах девять ноль две. Пунктуален, как и всегда. Я не должна идти, нужно взять трубку и отказаться.

— Алло, Шон...

— Надеюсь, ты собралась? Я почти подъехал.

Дьявол... должно быть, адрес ему дала мисс Адамс. Ну конечно. Закусываю губу. Ну как я могу отказаться теперь, когда мне к подъезду подают карету? Никак. Но, вопреки всем заверениям, логике и инстинкту самосохранения, я оценивающе смотрю на себя в зеркало, крашу губы любимой помадой и высоко взбиваю прическу.

Мазда Шона припаркована около моего подъезда. Сажусь в машину, Шон задумчиво на меня смотрит, но на лице его ни тени эмоций. А я бы не против хоть что-нибудь из случившегося прояснить.

— Сказала ему куда едешь? — ехидно спрашивает Картер.

— С каких пор ты стал таким любопытным? — огрызаюсь я и чуть не закатываю глаза.

Ну, вот и провалилась моя попытка хоть что-то разузнать, потому что после этих слов Шон просто отворачивается и трогает газ. Сейчас десять вечера, темно и довольно прохладно, но на улицах полно людей. Мы проезжаем мимо компаний, где смеются и болтают, а мы молчим, но вовсе не тягостно, а... уютно. Раньше я никогда не чувствовала себя комфортно в обществе Шона Картера. И именно это страшно. Он же бьет исподтишка, играет, заманивает, дразнит. В его обществе нельзя расслабляться. Я ерзаю на сидении, не в

состоянии прогнать тревожные мысли, почти жалею, что утратила чувство комфорта, ведь даже если это хорошо разыгранная шахматная партия, я не могу предугадать последующих ходов.

Наконец, Шон останавливается около торгового центра, который встречает нас темными окнами.

— Закрывается, — на автомате сообщаю я очевидное, но Картер на мои слова внимания не обращает.

Он вылезает из машины, обходит ее и открывает мою дверь, намекая на «ничего-то ты не знаешь, женщина». И он прав, потому что охранник без проблем пропускает нас, да еще и чуть ли не кланяется. Встречайте его-величество-ректора-наилучшего-университета-кибернетики-в-стране и, по совместительству, сеньора-чтоб-его-Хакера. О да, мне бы порадоваться, что его статус позволяет покупать мне ноутбуки даже по ночам, но вместо этого хочется кричать. Кричать, потому что все это слишком заманчиво, кричать, потому что в квартирке с зелеными стенами (куда, кстати, я вскоре должна буду вернуться) спит мужчина, который не любит меня, и которого не люблю я, кричать, потому что я не вижу указателей на выход из этой ситуации. Я не могу не хотеть бросить Брюса и вернуться к Шону, но еще я не могу вернуться, ведь за то время, что мы были вместе, он намеренно переломал все мои моральные косточки, а это не то, с чем я готова смириться или даже смиряться.

Только когда мы оказываемся в магазине, доверху напичканном техникой, фокус внимания смещается. Ходим между полками и обсуждаем все достоинства и представленных моделей. Разумеется, Картер тянет меня к прилавку, на котором выставлен эпл. И все разногласия и неурядицы забыты, потому что техника — наша общая страсть. Однако, Шон ведет себя как джентльмен, ни единого пошлого намека, чего я, признаться, после сценки в аудитории опасалась. Нет. Ждала, ведь не просто же так я расстроена по этому поводу... Но спокойно, Джоанна. Все правильно. Все закономерно. Причем до такой степени логично и гладко, что в душу начинают закрадываться сомнения. А не было ли колечко просто случайностью? Только мы выходим торгового центра со сверкающим серебристым макбуком, я не выдерживаю и оборачиваюсь к Шону:

— Ты точно успеешь все сделать за ночь? — спрашиваю я, испытующе глядя на Картера. И хотя подтекст вопроса мне кажется не слишком очевидным, он, кажется, понимает, что именно меня беспокоит.

— Не переживай, Конелл, как бы то ни было, это, — поднимает он коробку на уровень моих глаз. — Станет приоритетным направлением моей ночной деятельности.

Какого дьявола?! Что он пытался мне сказать, что он поставил софт, а только потом почтит своим присутствием постель голубоглазки? Или он просто издевается, догадавшись о причине моего беспокойства? На обратном пути я раз за разом ловлю себя на том, что хочу открыть рот и спросить. Или сказать. Или сделать что-нибудь, что уничтожит всю мою волю к сопротивлению. Очнись, очнись, очнись, Джо, он ничего тебе не предлагал и ничего не обещал. Намекал, что был бы не против, но это отнюдь не то же самое! Да и даже если бы обещал, это бы ничего не изменило. Правильно? Правильно.

Когда машина останавливается около моего дома, я готова распахнуть дверь, вывалиться из нее и стремглав нестись прочь от Шона. И себя. И прошлого. Все возвращается на круги своя. Я начала устраивать себе ежедневные утренние пробежки именно из-за жизни с

Шоном Картером. Мне необходимо было под благовидным предлогом сбежать, чтобы прочистить голову. А теперь это стало просто полезной привычкой. Я уже почти и забыла об этой странной полузабытой необходимости...

— Спокойной ночи, Шон. Не забудь, что у меня аллергия на жучков. А если аллергия у меня, то и тебе я ее тоже обеспечу.

— Передавай привет своему оболтусу, — никак не реагирует на мою шпильку Шон.

— Обязательно, — язвлю я в ответ.

— А ты, однако, любишь рисковать, — вдруг замечает он. — Двенадцать ночи, ты возвращаешься домой с бывшим любовником и даже привет жениху намереваешься передать? Я впечатлен, Конелл. Неужели ты, наконец, взрослеешь?

После этого я становлюсь красной, как помидор. Выскакиваю из машины и, раздраженно стуча каблучками, направляюсь к двери подъезда. Вот же козел! И вы еще спрашиваете, почему я не возвращаюсь к Шону Картеру? Да мне же придется глотать горстями успокоительное вперемешку с антидепрессантами.

С другой стороны, он прав. Интересно, как бы я стала объяснять Брюсу, какой это магазин по моему персональному «хочу» оставили открытым до двенадцати ночи, если бы он не напился до потери чувств? Ладно, вернемся к реальности. Я захожу на крохотную кухонку и вдруг застываю столбом. У меня же нет ноутбука. Что мне делать? Спать в спальне, пропахшей алкоголем, я не могу, работать не на чем. Так что делать-то?

Отчего-то мне вдруг вспоминается реплика Шона о том, что у меня, видно, громадные планы на ночь. Ага, громадные, злобно думаю я, наливая воду в ванночку для маникюра.

Брюс ухитрился уйти так тихо, что я даже не слышала. Видимо, настолько умоталась со своим ночным маникюром, что уснула на кухонном столе как убитая. Сажу на кафедру и размышляю над сложившейся ситуацией. В этот момент входит Шон с моим ноутбуком в руках. И как-то так получилось, что мы одни. Секретарша носится по делам, Клегг — на паре, остальные преподаватели — тоже пропали. Спешно гоню прочь эти мысли.

— Спасибо, — улыбаюсь я и протягиваю к ноутбуку руки, но Картер пронесит его мимо и ставит на мой стол. Отлично, как всегда. Типичнее некуда. А еще он ничего мне не говорит, даже не здоровается, хотя мы сегодня еще не виделись. — Ты все настроил? — спрашиваю я, чтобы не молчать.

Он снова не отвечает, только подходит ко мне настолько близко, что становится неловко. Мгновение я смотрю на него, подавляя беспокойство. Ничего не происходит, ничего не происходит. Я ничего дурного не сделала! Он наклоняется ко мне, но как-то вбок...

— Перестань! — восклицаю я и пытаюсь отстраниться, но он, оказывается, держит меня за локоть, не позволяет вырваться, а затем достает из пиджака колечко. Когда он успел его переплавить? За одну ночь? Совсем не спал? Пока я об этом думаю, он находит мой палец и надевает на него кольцо. Оно стало совсем иным, с трудом проходит косточку, как влитое садится на фалангу. Касаюсь ободка, теперь колечко вращается на пальце с трудом. Не придраться.

— Лучше? — спрашивает Шон у самого моего уха.

— Лучше. Но я тебя об этом не просила, — по возможности равнодушно говорю я. Не особенно удастся, но учитывая, что мне безумно хочется повиснуть у Шона на шее и целоваться до потери сознания, то это уже большой прогресс. Я только и делаю, что раз за

разом скользну глазами по его шее, это душевному равновесию вовсе не способствует. — А за ноутбук спасибо.

— Я все настроил в точности как надо.

Я, это у меня проблемы, или подтекст действительно существует?

— Что? — откашлявшись, спрашиваю я.

— Ты спрашивала, настроил ли я ноутбук. Так вот все как надо и даже лучше.

Я вздрагиваю.

— Жучки? Шпионские программы? Что как надо?

— Все.

— Ты издеваешься?! Если я найду в интернете провокационные видео с собственным участием...

— Конелл, не будь наивной. Провокационные видео с твоим участием я храню для личного пользования.

Я закатываю глаза. И тут вспоминаю, что мы стоим рядом, чуть не приклеившись друг к другу. Надо отойти, он же больше меня не держит. Дьявол... По возможности неторопливо отступаю назад, хотя хочется спастись постыдным бегством.

— У тебя на этом все? — спрашиваю я у Шона, не отрывая глаз от новенького ноутбука. Притворяюсь, что именно он безраздельно владеет моим вниманием. Но ответа не слышно, только хлопок двери.

Оставшись одна, снимаю колечко, смотрю на него несколько секунд и снова надеваю. Оно тяготит, но почему-то уже не так, как раньше. По крайней мере, в сумку его убрать не хочется. Даже больше, несмотря на то, что это стекляшка, я до самого конца дня вообще не вспоминаю о ее существовании. Я даже думать не хочу, почему теперь она стала настолько более комфортной.

Собираюсь поговорить с Брюсом о вчерашнем, однако никак не могу заставить себя открыть рот и произнести опасные слова, боюсь, что с языка сорвутся обвинения, ведь у нас в последнее время все выходит исключительно криво. Но пока собираюсь с силами, проблема решается сама собой.

— Ты почему ты не пришла спать? — спрашивает меня Брюс.

Даже глаз на него не поднимаю, продолжаю расставлять тарелки.

— Потому что я не выношу резких запахов. У меня очень острое обоняние, — произношу я негромко и спокойно.

— Я тебя не понял.

— Я об алкоголе. В спальне был запах алкоголя.

— Чушь, — хмыкает он уверенно.

— Что? То есть я вру? — ну вот, сейчас я взорвусь.

— Тебе показалось...

— Показалось что?! Что вся спальня спиртом провоняла? И рядом с тобой лежала пустая бутылка? По-твоему, у меня еще и визуальные галлюцинации?!

— Это не моя бутылка.

— А чья? Может, моя? После Керри ты...

— Я думаю, это бутылка прежних жильцов.

— Когда мы въехали, я вылизала каждый дюйм этих отвратительных зеленых стен, пола, потолка... Не говори ерунды, Брюс! Это твоя бутылка. Я не обвиняю, я тоже напилась тогда, с Керри, и ты имеешь право расстроиться и выпить, но зачем ты врешь?

— А ты зачем придираешься? Ты же делаешь это все время, придираешься. А теперь еще и причины придумываешь!

У меня шок. Срываю фартук, бросаю его на стол и ухожу. Запираюсь в ванной. Это какой же наглостью надо обладать, чтобы отрицать очевидное?! Сажусь на опущенную крышку унитаза и снова начинаю мрачно изучать колечко. В попытке успокоиться методично вожу пальцем по ободку, ищу линию сплава. Зачем я согласилась на эту гребаную помолвку? Из-за Шона и только. Не думай об этом. Не думай об этом. Сделанного не веротишь. Я же не хочу все вернуть назад. Очень не хочу.

Палец обводит ободок раз, второй, третий. Но швов я не чувствую. Смотрю даже у самого камня... Ничего вообще. Руки у Шона, конечно, невероятно грамотно приделанные, но кольцо безупречное. Линии сплава просто нет. Меня начинает трясти от обилия предчувствий. Я выскакиваю из ванной.

— Я скоро вернусь, — кричу я уже от дверей, даже видеть Брюса сил нет.

Выскакиваю на улицу, хватаюсь за телефон и залезаю в приложение «Карты». Набираю в поиске: ломбард. Несколько минут у меня уходит на ориентирование на местности, пару раз я сворачиваю не туда, огибаю лишний квартал, но в итоге оказываюсь перед заветной вывеской. Они уже почти закрылись, влетаю в помещение. За прилавком стоит старик с водянистыми глазами. И выглядит он весьма ушлым, значит, придется и мне схитрить.

— Я пришла не продавать, просто спросить. Мне нужен честный ответ на вопрос: переплавлено ли кольцо.

— Сколько? — спрашивает он без тени интереса.

Неохотно выкладываю сто баксов. Удовлетворенно кивает и берет в руки кольцо.

— Ну, либо ваш мастер наравне с Богом. Либо его плавил в той форме, что сейчас.

— А бриллиант настоящий? — выпаливаю я порывисто.

— Еще сто.

Вот гад! Картеру хватило одного пристального взгляда, чтобы сообщить мне подробности.

— У меня только шестьдесят с собой, — признаюсь я. И это чистая правда. У меня останется доллар и двадцать пять центов...

— Пойдет, — ничуть не расстраивается мастер и сгребает все, что я ему предложила. — Камень подлинный. Чистейший.

Выхожу из ломбарда и хватаюсь за перила, ибо иначе упаду. Я окончательно запуталась. Вопрос с Шоном решается явно не так, как хотелось бы. Какого черта он делает?! Я обязана выяснить! Хватаю телефон и набираю номер Картера. Не знаю, что сказать. Какого черта ты мне подарил помолвочное колечко вместо того, которое у меня уже было, и даже не сказал? Сбрасываю звонок. Я в бешенстве, в ярости. Снова набираю его номер. А ноутбук, такого черта ты сломал мне ноутбук и купил новый? И колечко, на кой черт ты это сделал? Ты же явно не собирался мне ничего предлагать. Снова сбрасываю звонок и закрываю лицо руками, пытаюсь отдышаться. Но тут раздается входящий.

— Первый раз я подумал, что ты ошиблась номером, но на втором понял, что ты просто трусишь. Решил упростить тебе задачу, — меланхолично сообщает мне Шон. — Ну? Я слушаю.

Видно, день сегодня какой-то особенный, звезды, там, Луна, все не в тех фазах, и я моментально выхожу из себя. Хотя это неважно, Шона-то обидеть не страшно...

— Кольцо не переплавлено! Ты больной на всю голову! Какого черта, Картер?!

Ноутбуки и колечки, что дальше? Обменяемся паролями от фэйсбука?!

— Не обольщайся, — сухо говорит он.

— Слаааааа тебе Господи! — ядовито выдыхаю я в трубку.

— Обращайся. — Шон отзывается на Господа! Какая, чтоб его, неожиданность! —

Действительно жаждешь со мной пообщаться, Конелл?

— Не против бы выслушать развернутое объяснение хоть какому-нибудь из твоих гипернелогичных поступков!

— Жди, я скоро подъеду.

— Я...

Я не уверена, что встретиться с Шоном — хорошая идея. Но я должна выяснить про кольцо. Не пойду на уступки — ничего не скажет.

— Хорошо... — вздыхаю я.

Я стою в домашней одежде посреди весьма оживленного перекрестка и мерзну, надо сказать, здесь весьма прохладно. Шон приезжает минут через пятнадцать, значит, был где-то поблизости. Где? У своей голубоглазки, с которой ночью встретиться не удалось из-за моего колечка? Наверное, вы уже догадались, что я в бешенстве. Сажусь в машину и смотрю на его профиль. Даже головы ко мне не повернул!

— Зачем ты это сделал? — раздраженно спрашиваю я, пока он без труда вливается в поток машин. А ведь стоило бы спросить, куда мы едем. Я не рассчитывала на масштабное путешествие.

— Ну что ты, это ведь так мило — носить стекляшку не по размеру! — хмыкает он. — Считай это... моим свадебным вам подарком. Я, кстати, приглашен? А дату вы назначили?

— Нет еще, — сквозь зубы шиплю я. Вот гад. Он еще и усмехается!

Шон останавливается на светофоре, снимает руки с руля и проводит ими по бедрам. Нервничает? Ой! А куда это я смотрю?

— А ноутбук? Зачем ты убил мой ноутбук?

— Он старый и не раз с ФБР пообщавшийся.

— И все? Для этого не обязательно было проливать на него кофе, достаточно было меня припугнуть, и я бы побежала за новым.

— И купила бы дешевое дерьмо. А тут я хоть за процессом проследил.

Сжимаю зубы так, что они грозят разрушиться.

— Куда ты меня везешь? — Еще пара в пух и прах разбитых аргументов, и я точно выйду на тропу войны! Типа, какого хрена ты меня то на журнальный столик бросаешь, то подарочками осыпаешь, притворяясь, что все идет в точности как нужно?

— Увидишь, — бросает Шон, даже не глядя.

— Не увидишь, а отвечай, или я уйду!

Однако, он хмыкает и резко трогается с места, так как загорается зеленый. Я ударяю по приборной панели ладонью. Боль чуточку успокаивает, и только благодаря ей до странного офисного здания, на парковку которого заруливает мазда, мы доезжаем без потерь. Ну что ж, он меня привез не к себе и не в отель, а то он ведь может тонко намекнуть на продолжение банкета. Только вот я чувствую облегчение или расстройство?

Машин на стоянке почти нет, здание, судя по всему, пока не используется. Мы заходим в лифт, и Шон прикладывает к панели магнитный ключ. Кнопки отсутствуют. Обалдеть, это куда ж мы едем-то? Остается только удивляться. Наконец, двери лифта открываются, и мы входим в круглое абсолютно пустое громадное помещение с отштукатуренными стенами и

полной панорамой на Сидней. Отсюда видно воду. Красота!

— Где мы, Шон?

— В будущем офисе Бабочек.

— Серьезно? — у меня на лице появляется совершенно идиотическая счастливая улыбка. Шон, однако, моим эмоциональным состоянием не интересуется, он плюхается на пол и достает из кармана сложенный лист. Разворачивает. И я вижу чертеж. Присаживаюсь рядом. На мне спортивные бриджи и старый растянутый топик, волосы кое-как убраны наверх эластичной лентой. Вряд ли стоит расстраиваться, если на этом великолепии останется строительная пыль.

— Основное помещение, — сообщает мне Шон. Присматриваюсь к чертежу повнимательнее. В центре суперкомпьютер, а по кругу — столы хакеров. — Я невольно улыбаюсь. — Стены будут круглыми, без окон, чтобы машина была в безопасности. А тут будет мой кабинет, — гордо объявляет он, тыкая пальцем в сектор схемы. — Конференц-зал. Уголок отдыха с кофе.

У меня к горлу подступают слезы. Это всего лишь офис, а ощущение такое, будто он дом для меня строит. Ничего не могу с собой поделаться: мне хочется плакать оттого, что это неправда. И мысли о Брюсе совсем не помогают. Как же такое могло случиться? Когда?

— Здесь потрясающе, — хрипло произношу я. — Это хорошо, что Бабочки теперь не три кубометра воздуха и моток оптоволоконного провода.

— И, тем не менее, очень опасно. Бабочки не просто так не собираются в одном месте. И все, на что я делаю ставку, заключается в изолированности Австралии от остального мира. Но ощущение единства и надежности нам теперь необходимо. То, что сделали с нами власти... — и он замолкает, отворачивается к окну. Сколько бы я не смотрела туда же, его призраков я там не вижу.

— Расскажешь? — не сдержавшись, спрашиваю я. Он не поворачивается ко мне, но отвечает согласием.

— Тот день, когда меня впервые арестовали, стал всего лишь началом целой череды приводов. Когда они взяли меня впервые, у них не было ничего. А я сам вырыл себе могилу — ты исчезла. Меня допрашивали. Раз за разом. Я могу повторить все, что говорил агентам, не просыпаясь. А еще они мешали мне искать тебя. Приходилось действовать тайно, временами незаконно. Было сложно. И я не пожалел, что Леклер сдох, Джо. Смерти я ему не желал, но если бы была возможность вернуться в ту ночь — ничего не изменил бы. А ты?

— А при чем здесь я?

— А при том, что ты можешь мне объяснить зачем разыгрываешь невесту этого придурочного? — Вау! У нас случился такой плавный переход темы, что ощущение, будто по голове ударили. Сижу и ошалело моргаю. — Из-за меня? — продолжает, тем временем, Шон.

— Угу, и солнце из-за тебя всходит, — бормочу я себе под нос, закатывая глаза. А ведь он прав...

— Я спрашиваю серьезно. Его привезли на Сицилию твои родители. Чтобы на тебе женить. Не вижу иной причины на это подписаться.

Старательно не отрывая глаз от залива, меняю тему.

— Он ненавидит Австралию и Сидней... — и меня. — За что он ненавидит это место?

— Он не одинок. Пани тоже ненавидит.

— Пани? — Вот это новости!

— Я думал, что она затопит своими слезами и соплями весь город. Сколько тут жила — ныла хуже пятилетней девчонки.

Мне вдруг становится смешно и легко.

— А ты любишь Сидней? — спрашиваю я.

— Нет.

— Нет?

— Я люблю крепкий алкоголь, он отшибает лишние тревоги. Я люблю фирму эпл, она проверенная. Я люблю компьютеры, они мне интуитивно понятны и послушны. Я не люблю опаздывать, это признак ненадежности. Я не люблю летать, после перелетов я чувствую себя как после отжима в стиральной машинке. Я не люблю Сидней, я к нему ничего не чувствую. Это стены и лампочки.

— И море. Ты ничего не чувствуешь к морю?

— А что можно чувствовать к морю?

— Восхищение, оно сильное и самовольное, мы полностью зависимы от его власти. Дарит множество возможностей. Его приятно слушать, обонять и осязать...

И вдруг он фыркает, но не как обычно, а... беззлобно?

— А теперь подумай, что ты сказала. Это же определение идеального мужчины. — И у меня открывается рот. Действительно. Вот так сюрприз. — Ты любишь не море. Ты выбрала его для олицетворения собственной секс-ориентации.

И когда я начинаю обдумывать услышанное, у меня в голове возникает только один человек, который удовлетворяет всем этим качествам. Паника захлестывает с головой, а на коже появляются мурашки. Их не спрятать. И Шон, разумеется, замечает.

— Тебе не кажется, что это трагедия? — шепотом спрашиваю я. Вопросительно выгибает бровь. — Трагедия, что двое настолько разных людей, как мы с тобой, абсолютно совместимы в постели.

— И в чем же это мы разные? — хмыкает Картер. — Может, в том, что оба любим свою работу? Или в том, что идем к поставленной цели, вынуждая окружающих прогибаться? Конелл, если ты срочно не научишься идеализировать этот мир и саму себя, то умрешь одинокой. И неудачники, коих ты пускаешь в собственную постель в попытках доказать себе обратное, не помогут избавиться от этого ощущения.

— О чем ты говоришь? — раздраженно спрашиваю я. — О возврате к прошлому? К тебе? К отношениям, которые у нас были? — и заставляю себя безжалостно усмехнуться. — Все закончилось плохо, Шон, очень плохо. И с чего бы этому измениться? Ты вздумал вспылать ко мне пламенной любовью и уважением до гроба, бросив всех своих шлюх? Картер, мне нужно именно это! Не восемь бит, которые ты в состоянии обеспечить, а шестьдесят четыре байта². Смех, вечерние объятия, прогулки по побережью под дождем, тепло, уют, семейные ужины со мной и моими родителями. А ты жесток и черств. Был и будешь.

— Ты тоже. И человек, которого ты описала, будет с тобой всегда несчастен. Потому что он тебя не изменит, ты навечно останешься бессердечной стервой.

— Что?!

— Ты его поломаешь. Да, дьявол, вспомни ваш с Брюсом разговор о женитьбе. Я его прослушал дважды — не мог поверить. Ты сама сделала ему предложение, причем на кабальных условиях. Ты сказала: ты едешь со мной в Сидней, это не обсуждается, ведь тебе все равно податься некуда, а я там работать буду. И при условии, что ты станешь терпеть

моего начальника, с которым я спала и все еще сплю, ты можешь на мне жениться, уговорил. Это хреново невероятно, что он согласился. Любой другой на его месте тебя бы послал и пальцем у виска покрутить не забыл. А теперь удовлетвори мое любопытство: после такого у него на тебя все еще стоит?

Это слишком. Я бросаюсь к лифту, но ключик у Шона, а без него дурацкая кабина ехать отказывается. Здесь должна быть лестница, должна! Выпрыгиваю из лифта, оглядываюсь. Только Шон меня ловить не спешит, а значит выход отсюда только один. Однако, больше он свою линию не гнет, только медленно приближается, заходит внутрь кабины и прикладывает к панели ключ. Молча.

Я правда собираюсь добраться к Брюсу сама, но вспоминаю, что у меня остался один доллар и двадцать пять центов, и возвратиться я могу разве что пешком. А на улице весьма прохладно. В общем, сижу я в машине Шона, олицетворяю собой оскорбленную невинность. Но когда мазда останавливается около дома, в котором расположена квартирка с зелеными стенами, я просто сижу и смотрю на ее окна. И хотя так не кажется, судя по всему, я, наконец, разобралась с дурдомом, который творится у меня в голове. Я сказала Шону правду. Того, что он предлагает, мне мало.

И все же, я не могу отказать себе в маленьком удовольствии. Поворачиваюсь к Картеру, протягиваю руку и касаюсь его волос. Черные, жесткие и волнистые. Вращаю пальцами прядку.

— А ты кудрявый, — шепчу я.

Он молниеносным движением перехватывает мое запястье и сжимает до боли.

— Не играй со мной, Джо. Не советую.

— Я и не играю. Прощай.

С этими словами я отстегиваю ремень безопасности и толкаю дверь.

— До скорой встречи, Джоанна Конелл, — летит мне в спину. А затем Картер просто уезжает.

Глава 5. Осака

Чуть менее шести лет назад

До того дня я никогда не путешествовала с Шоном Картером, но неожиданностью перелет для меня не стал. Мой ректор сел в кресло, забросил в рот две пилюли снотворного и, приклеив табличку «не беспокоить!», завалился спать. А мне оставалось смотреть фильмы. Точнее фильм. До остальных дошли только мечты. Поспать мне тоже не удалось, — было так неудобно, что я просыпалась каждые пять минут и косилась на Шона. Его плечо выглядело настолько заманчиво, что не будь поблизости огнедышащей головы, я бы точно соблазнилась. Иными словами, к концу тринадцатого часа я возненавидела перелеты почти так же, как Шон. И искренне радовалась тому, что Картер предусмотрительно дал нам запасные сутки на то, чтобы всласть поумирать в номере. Ну а те, кто не страдал мигренями и шикарным денежным наследством (имею в виду Клегга, конечно), летели на следующий день.

Когда самолет приземлился, я, естественно, чувствовала себя ужасно, но никак не могла понять, почему после обычного сна, пусть на высоте в несколько тысяч футов, Картер выглядел так, будто по нему кто-то проехался. До отеля мы добрались на машине, которую

за нами прислал Такаши. Сначала, узнав порядок нашего размещения в отеле, я удивилась, что Шон заказал нам люкс с отдельными спальнями, даже о причинах погадать успела, но теперь порадовалась. Мне совершенно не улыбалось лежать рядом с больным и злым на весь подлунный мир Картером.

Когда мы добрались, наконец, до отеля, Шон привычно рухнул на кровать и притворился трупом. Пару минут я смотрела на его пиджак, затем мученически вздохнула и начала его стягивать с плеч мужчины. После — задернула шторы, принесла таблетку аспирина и стакан воды и, наконец, удалилась к себе.

Мы прилетели утром, и к вечеру я достаточно оклемалась, чтобы отправиться гулять. Шон, разумеется, со мной не пошел. Увидеть удалось не так много, но одно я узнала наверняка — японцы очень любят рассматривать приезжих. А у меня на лбу написано, что во мне азиатской крови нет, и никогда не было. Хотя я последовала совету Шону и так и не покрасила волосы в светлый, это вообще не помогло мне слиться с контингентом. Во-первых, потому что я оказалась выше большинства местных мужчин. Я и в Австралии, и в Штатах считалась высокой, а здесь совсем великаншей себя почувствовала. Во-вторых, я была очень нетипично одета, в-третьих, конечно, цвет кожи. Короче, внимания я привлекала столько, что не решилась задержаться на улице после заката.

Вернувшись в отель, я приступила к вызубриванию доклада. Ходила и бубнила себе под нос текст, пока из спальни не высунулась огнедышащая голова Картера, и не начала вопить, что ей спать мешают.

В общей сложности на мероприятие собралось не более восьмидесяти человек, но каких... Проштудированная программка подсказала, что мне придется встретиться с супер Бабочками вроде Марко Монацелли и... Пани. По этой причине я встала в пять утра и занялась собственной внешностью. Да-да, рыжая мегера, вышибить меня из постели бывшего любовничка тебе не удалось! Кусай локти, гримза. Примерно такие слова я прокручивала в голове все полтора часа, зная, что никогда ничего подобного этой гадине не скажу. Я так волновалась из-за предстоящего, что за завтраком не проглотила ни кусочка. В это же время Шон сидел напротив и уплетал за обе щеки.

Конференц-залы располагались неподалеку от нашего отеля, даже ехать никуда не пришлось. И мы шли вместе в полнейшем молчании. Точнее это Шон шел, а я семенила следом на своих каблучищах. Когда мы добрались до пункта назначения, мой желудок буквально извивался, требуя пищи и успокоительного. Однако, времени попереживать об этом не оказалось, так как только дверь за нашими спинами закрылась, помещение погрузилось в молчание. Все застыли, позабыв о собственных делах, и повернулись к нам. Они просто стояли и пялились на Шона. Все. Вместе. Разом. А еще они пялились на меня ведь я пришла с ним. Казалось, мои ноги гвоздями прибило к полу. Я при всем своем желании ни шагу бы не смогла ступить, если бы внезапно моя ладонь не оказалась зажата в руке Картера. Да-да, он чуть ли не силком потащил вперед. До этого дня он ни разу не демонстрировал на публике наших отношений подобным образом. Поиметь меня прямо в коридоре — да запросто, но коснуться ладони, предложить руку — никогда. Ни разу. И я бы не возражала, если бы так и продолжалось. От неожиданности я чуть не споткнулась, но все-таки опомнилась и посеменила за ним к столу регистрации. Очередь перед нами расступилась будто сама собой. Черт возьми, хорошо ему, однако, живется!

Заведовавшая процессом регистрации посетителей девушка-японка судорожно

сглотнула и, не отрывая от Шона испуганных глаз, протянула ему явно приготовленный заранее бейдж. А вот мой пришлось поискать. И уж не знаю, что за изверг описывал ей Картера, и в каких выражениях это было, но бедняжку буквально трясло оттого, что тот никак не желал находиться. Я попыталась ей улыбнуться, но японка только спрятала глаза и удвоила рвение. В общем, когда мой бейдж нашелся, кажется, девушка чуть не умерла от облегчения. Мне это очень не понравилось.

Тем временем, разговоры возобновились, и к Шону поспешили Такаши, Карина и, как я безошибочно угадала, Марко. Мне жутко захотелось сбежать подальше от мисс Каблучки, все слова бравады, разумеется, вылетели из головы. Я уже сделала шаг назад, но Шон так и не выпустил моей ладони. И пока я не сдалась, до боли ее сжимал.

В попытках вырваться я ухитрилась пропустить первую часть разговора, но когда Такаши обратился ко мне лично, удивив всех присутствующих, пришлось срочно вникать в происходящее:

— Мисс Конелл, — произнес он, и повисла тишина. Взгляды Марко и Пани метнулись ко мне. Недобрые такие взгляды. Кажется, Монацелли младший едва не фыркнул. — Слышал, что вы отбили у Шона приглашенный доклад.

— Боюсь это мне не по силам, он сам предложил. — На этот раз чуть не фыркнула Пани. Я не поняла, а ей-то на что жаловаться?

Я, видимо, слишком внимательно рассматривала рыжую бестию, так как палец Шона предупредительно надавил на мою ладонь.

— Кстати, отличная работа. Я отправил в редакцию пару замечаний, но в целом прекрасно. С нетерпением буду ждать вашего доклада.

После этих слов я чуть в обморок не упала. Сердце забилося как бешеное! Такаши одобрил, неужели все удалось? С трудом выдавила слова благодарности, никак не могла прийти в себя. И то, что меня со всех сторон разглядывали — ничуть не помогало. Вжик-вжик-вверх-вниз. Знакомьтесь, леди и джентльмены, это подружка Шона Картера. Рада, что послушалась и не вернулась к светлому цвету волос! Тогда бы они точно махнули рукой, решив, что гожусь я лишь для одной цели. Оглядев присутствующих, я не без труда нашла Роба.

— Клегг приехал, — шепнула я Шону.

— Хочешь его позвать? — спросил Шон, насмешливо глядя на меня. Это что, тест? Вскинув подбородок, я ответила:

— Нет! Урок я выучила.

— Знаешь, Конелл, иногда ты меня пугаешь, — задумчиво признался Картер и доверительно выпустил мою руку. Пока мы с Шоном обсуждали свое, Бабочки переключились на профессиональные проблемы, и я, наверное, заскучала бы, если бы не два товарища, которые с нормами субординации не знакомы.

— Доктор Мияки! Профессор! Мисс Конелл! — Да-да. Это мельбурнские близнецы. — Как приятно вас видеть.

Они по очереди пожали руки Такаши и Шону, а затем — мне. Первый выпустил мою ладошку быстро, второй — нагло удержал. Будь он помладше лет на двадцать, я бы сказала, что это неприлично, а так... выглядит, как будто мы старые друзья.

— Мы читали вашу последнюю работу.

— И остались в полном восторге.

Ну, еще бы. Это только Такаши смеет выискивать недочеты в писанине, над которой

стоит имя Шона Картера, остальным положено помалкивать. Пани и Марко снова переглянулись, будто пытаясь определить, когда же это они столько событий пропустили.

— Мисс Конелл, понимаем, что у профессора, наверное, куча дел здесь, так что, надемся, хотя бы вы не откажете в любезности поужинать с нами завтра? Хотелось бы расспросить вас поподробнее о статье.

Итак, там стояли три Бабочки, на которых банально наплевали с высокой колокольни, признанный во всеуслышание зазнайкой Шон и я, маленькая девочка, которой только что уделили внимания больше, чем всей остальной привилегированной компашке вместе взятой. Как вы думаете, каков должен был быть мой ответ на поставленный вопрос? А вот и не угадали! Я вообще ничего сказать не успела.

— Боюсь, Джоанна Конелл завтра приглашена на обед с нами, — сказал вдруг Такаши.

— Простите, мы не знали, — насупились близнецы.

— Как и я, — раздраженно пробормотала я себе под нос, предвкушая чудный вечерок в компании Пани и Картера. Пришлось откашляться и сказать: — У меня сегодня доклад на эту тему, надеюсь, на некоторые ваши вопросы я отвечу.

— Это замечательно! — закивали хором профессора, развернулись и ушли. Видимо, расстроились.

— Кажется, мисс Конелл, вы очень нравитесь этим двум джентльменам, — пошутил Такаши, а я лишь сдержанно улыбнулась. Сдается мне, здесь ничего не говорилось просто так. Раскрывать рот я начала опасаться.

Интересно, решение Такаши меня пригласить было спонтанным? А если нет, то знал ли о нем Шон? Намеренно ли он не сообщил мне, надеясь остаться с Пани наедине, или намеренно не сообщил, пытаясь в очередной раз выказать пренебрежение? Перевела на него взгляд и увидела, как Шон с Кариной стоят и мрачно смотрят друг на друга. О, видимо, все-таки первое. Выдержу ли я второй круг ада? Может, у нас было две спальни в номере, так как третьей меня никто приглашать не собирался? Я вздохнула, прикидывая варианты развития событий. К Клеггу второй раз подряд ехать нельзя, это попросту неприлично. Надо бы посмотреть стоимость и даты рейсов на Сидней. Тряхнув головой, я постаралась избавиться от мрачных мыслей. Вспомнила приятное — внимание близнецов. Представила, как бы проходил наш ужин. Например, они с рук кормят меня клубникой со сливками за каждый новый вопрос. Усмехнулась.

— Джоанна? — Щелчок пальцами перед моим носом.

— Да? — Я автоматически налепила вежливую улыбку, потом поняла, что передо мной Шон, и на лице сама собой появилась кислая гримаса. Ему мои улыбки ни к чему. Хуже, они его бесят.

— Идем, доклады начинаются.

Мое выступление стояло в программе сразу после кофе-брейка. Вполне близко и, думается мне, не так плохо, но время тянулось бесконечно долго. Плюс еще все косились. Никто ведь не знал, что у Картера есть официальная пассия, а теперь вдруг фаворитка короля объявилась. Совсем не помогало и то, что я сидела подле Бабочек на первом ряду. Слева от меня — Шон, затем — Такаши, Пани и, наконец, Марко. Я молилась, чтобы никто из них не увидел, как сильно меня трясло.

Чтобы не пришлось ни с кем общаться, кофе-брейк я провела в туалете, мысленно повторяя свой доклад. А выйдя на сцену, приклеила улыбку. Передо мной сидел целый зал матричных принтеров. Дьявол, в Мельбурне было в тысячу раз лучше! И надо вот было

Картеру вцепиться в меня своей клешней! Спокойно, спокойно, успокойся. Ну, или хоть разозлишься. Главное — не бояться. Со злостью было намного проще, нежели со спокойствием. Стоило опустить глаза на каблучки целомудренно скрещенных ножек Пани, как все встало на свои места. Может, кто-то там и думал, что мне за какие-то иные заслуги перепала поездочка сюда, я точно знала, что это не так. И настал момент это доказать. В Шоне Картере мне не принадлежало ничего, и каблучки Карины об этом живо напомнили. Отношения с ректором грозили разрушиться каждый день, но я не собиралась сливать туда же и себя. Необходимо было запомниться.

— Добрый всем день. Повторю, мое имя Джоанна Конелл... — Не подружка Картера, не первая леди университета, а именно Джоанна Конелл! — И данный проект хоть и относится неким боком к моей специальности — параллельному программированию, отношение к нему имеет весьма и весьма посредственное, за что я уже получила дисциплинарное взыскание. — Пара смешков из зала. — Идея, конечно, принадлежала профессору Картеру, который на наглядном примере однажды объяснил мне, как легко и просто вскрывается наш университетский суперкомпьютер. И его пожеланием было больше так не суметь. Чем мы, собственно, и озадачились в итоге.

Все. Это был первый и единственный раз, когда я упомянула имя Шона. Это не только его работа. И даже если кто-то думал иначе, никому бы об этом сказать не решился. А думать себе господа ученые могли что угодно, главное — молча.

После доклада я почувствовала себя такой голодной, как никогда в жизни. Села на свое место, скрестила ноги и руки и стала умолять свой живот не урчать. Но если вы думаете, что на перерыве мне удалось поесть — вы наивны. Со мной возжаждали пообщаться, кажется, все: и мельбурнские близнецы, и Такаши, и даже совершенно незнакомые люди (имена которых я сразу позабыла). Разумеется, последние подходили не ради меня, это они так специфически Шону в ножки кланялись.

Когда все участники уже расселись по местам, но свет еще не погас, я обернулась, чтобы найти среди собравшихся Клегга. А он, в свою очередь, махнул мне рукой, подзывая. И, плевав на привилегии места под солнцем, я встала и направилась к нему, ведь этот безумно клевый человек стырил для меня пару булочек и бутылку воды. Это значило, что теперь я сидела где-то в середине, а окружающие удивленно косились, но ничто из этого не помешало мне насладиться бытием среднестатистической голодной личностью. Не знаю, какие там у публики требования к подружкам Шона Картера, но есть им, судя по всему, не положено!

— Ты уверен, что мне стоит идти к Такаши? — не выдержав, спросила я у Шона.

— Тебе мало его приглашения? Нужно собрать подписи всех присутствующих? — поинтересовался Шон.

— Твоя не помешает, ведь именно ты фанат портить мне досуг! — мрачно взглянула я на Картера. — А здесь тебе это будет сделать проще простого.

— Не надо подавать мне идеи, — обманчиво-мягко проговорил Шон.

Два платья я взяла ТОЛЬКО из-за Пани, и, глядите-ка, пригодились. Розовое и черное. Что выбрать? Я по несколько раз прикинула и то, и другое. Подбирала туфли, аксессуары. Спустя минут сорок решила, что все-таки черное. С разрезом до бедра и длинным узким вырезом декольте. Очень низким. Решилась, потому что мне предстояло весь вечер наслаждаться компанией Пани. Прическу я тоже не сразу выбрала, перепробовала несколько вариантов, наконец, завязала волосы в высокий хвост с начесом. Будь я блондинкой, образ

получился бы более ярким. А за неимением данного преимущества пришлось спасать ситуацию макияжем и прочей атрибутикой. Но если глаза подвести черным оказалось не проблемой, то из украшений у меня нашлись только небольшие серьги и мамина золотая цепочка, которая к вырезу на платье совсем не подходила. Вздохнув, я мрачно посмотрела на нее и дважды обернула вокруг запястья. Хоть что-то.

Такаши жил как король. В шикарном особняке. Даже Монацелли бы, думаю, одобрил. И хотя мы приехали точь-в-точь ко времени, как оказалось, были не последними. Опаздывала Пани. А без нее сесть за стол было неэтично. Ждали. Спустя примерно час, Марко не выдержал:

— Она сумеет и на собственные похороны опоздать! — буркнул он, пригубляя очередной бокал вина. На мой взгляд, ему стоило бы остановиться, но нет. За тот час, что мы пробыли у Такаши, Монацелли младший успел набрать градус, и я начинала опасаться, что ужин пройдет далеко не так, как было запланировано. Собственно, я угадала.

Когда Пани наконец-таки прибыла, ее явление было подобно второму пришествию. Она буквально вплыла в помещение. Прекрасная. Неземная. В лазурном платье и бриллиантах. Думаю, если бы за окном в этот момент упал метеорит, никто из мужчин бы даже не обернулся. И если я могла претендовать на скромный статус фаворитки короля, то она была истинной королевой. Тоненькая, невысокая, изящная — она напоминала статуэтку.

До нее я не испытывала ни ревности, ни зависти. И я не знала, как простить им с Шоном именно то, что они познакомили меня с черной стороной моей же души. Сидя там, в гостях у Такаши, на глазах у Бабочек и... и на глазах у НЕЕ, я молилась только о том, чтобы удержаться, не рассыпаться на осколки прямо на месте. На осколки, которые уже однажды остались от меня по вине Пани и Шона. Волей или нет, но, благодаря собственной выходке, она — Карина Граданская — определила, кем я буду и кем не буду, притом, что сама того не хотела. И унижительнее ничего нельзя было даже представить, ведь я ей была нисколько не нужна, а для меня она начала что-то значить. Стала символом крушения надежд. Я не могла понять, что в ней было такого, что когда-то перевернуло мой мир с ног на голову. Что в ней заставляло меня часами выбирать наряды и дрожащими руками красить ресницы? Необходимость держать оборону? Да, я никогда бы не нашла в себе сил унижить ее так же, как она меня, а потому делала лишь то, что умела — прикидывалась цельной и по-прежнему прекрасной. Какое счастье, что мне хватило сил это перерасти. Ну, или почти...

— Мисс Конелл, мисс Конелл, — услышала я голос Такаши.

— Простите. — Но я даже не сумела ему улыбнуться. — Доктор Мияки, можно мне таблетку аспирина? Что-то нездоровится.

Я задержала бесполезную таблетку во рту и, скрывшись в ванной, выплюнула ее в унитаз. Глядя в шикарное зеркало Такаши на свои вычерненные глаза и тонкую старенькую цепочку, я могла думать лишь о том, что никогда, ни за что на свете не хочу больше видеть пани Граданскую. И хотя на этот раз у меня, вроде бы, не было повода, я раз за разом представляла, с каким смаком брошу Шона Картера по возвращению в Сидней. Только вот в моих грезах ему было больно, должно было быть больно. Я хотела, чтобы он признал, что я ему нужна, что он не хочет меня отпускать. Но понятия не имела, как добиться подобного эффекта. Я вообще знала и умела только одно — позорно сбегать. А что? Расписание рейсов я посмотрела, а папу попросила перевести на мою кредитную карту требуемую сумму. Путь к отступлению имелся.

Когда я вернулась за стол, поняла, что Марко еще более пьян, чем раньше. К вину

прибавилось сакэ. И то, как он беспардонно разглядывал Пани, порождало нехорошие предчувствия. Разумеется, она делала вид, что не замечает. А если точнее — она его мучительно игнорировала. И, кажется, была уже не рада, что так вырядилась. Вопрос, а на что тогда она рассчитывала?

Расклад заметили уже все, старания Такаши, направленные на поддержание беседы, канули в Лету. Наконец, видимо, не выдержав пристального внимания, Карина встала из-за стола и направилась в уборную. Но, к общему ужасу, Марко последовал за ней. Над столом повисло напряжение, все вцепились в вилки, понимая, что ничем хорошим ситуация закончиться не может. И как только послышался шум, все вскочили и побежали в коридор. Картинка была отвратительная. Марко пытался зажать свою добычу в углу, но та вырывалась. Разумеется, закончилось тем, что Шон врезал сынку Манфреда (и с чего бы это Монацелли старший его не любил, а?), схватил Пани за локоть и потащил к машине, даже не попрощавшись с хозяином вечера. И, как всегда, позабыв обо мне.

— Ммм, Такаши, спасибо за гостеприимство. Я тоже поеду, — воспользовалась я ситуацией.

Не знаю что, подумал Такаши, скорее всего решил, будто я собираюсь догнать Шона. Но я, разумеется, не стала этого делать. Пока Картер и Карина садились в машину, которую нанял для своих гостей японец, я прошла мимо и покинула сказочные владения. Кажется, Пани даже хватило совести меня окликнуть, но я сделала вид, что не услышала. Оказавшись около дороги, я вспомнила метод Шона и выкинула в сторону потока машин руку с зажатой в ней купюрой. Прохладный ветер взметнул мою юбку, до неприличия обнажив ноги и заставив прохожих зашептаться. Я могла бы расстроиться или попробовать прикрыться, но, с другой стороны, рядом с Шоном Картером со мной случались и худшие вещи, нежели подражание незабвенной Мерилин Монро. К такому, оказывается, тоже можно привыкнуть. Когда, наконец, такси остановилось около меня, я успела замерзнуть. В салон нырнула с облегчением.

— В отель Ариетта, — велела я водителю.

Разумеется, в этом месте остановились не мы с Шоном. И даже не Пани. Нет, я не собиралась искать доказательства неверности или порочности. Минуя эту стадию, я сразу двинулась за утешением в лице верного и бессменного Роберта Клегга. И спустя минут тридцать мы уже сидели в баре при отеле, намереваясь здорово надраться. Субординация и общественное мнение были позабыты и отодвинуты в дальний угол. Также отодвинута была в сторону тема моих шизанутых отношений. Иными словами, Роб не стал спрашивать о случившемся, а я не стала рассказывать. И все шло просто отлично, а еще лучше стало, когда оказалось, что в том же отеле живут и выпивают мельбурнские близнецы, звавшие меня на ужин. И под аккомпанемент звона стопок с текилой мы уже вчетвером принялись обсуждать научные вопросы. Где-то в районе одиннадцати часов вечера меня одолели депрессивные, но приносящие облегчение мысли. Окей, я не роковая красотка. Я даже не полноценная подружка ректора, просто его резиновая кукла на семь восьмых ставки (одну восьмую работают, видно, Пани, Хелен и остальные шлюхи). Я просто Джоанна Конелл! И когда-нибудь, пусть и не так скоро без Картера, но в более ли менее целом виде, я стану что-то значить. Меня будут уважать. А еще меня будут любить. Пусть разные люди и в разных ипостасях (железная стерва vs примерная жена), но по мне будут сходить с ума. И, окей, пусть не богачи и не шикарные ректоры на маздах RX-7. Но будут. Мельбурнские близнецы, например, или Роберты Клегги... Грустно прощаться с детскими иллюзиями, но однажды

смиряться приходится. Я не безупречная, Шон Картер во мне не заинтересован и никогда не заинтересуется, а, значит, найдется еще немало мужчин, которые посчитают меня, с моими розовыми ноготками, белыми волосами и простенькими цепочками недостойной, но однажды я стану Бабочкой, выйду замуж и буду все уметь и успевать. Может, не скоро, но обязательно. А пока можно надираться в баре с мужчинами, которые не представляют для меня опасности, которым я по-своему нравлюсь, в платье, которое настолько на грани приличий, что люди оборачиваются. А Пани... а что Пани? Ну что с ней тягаться? Она — не мой уровень. У меня нет россыпей бриллиантом, да я и не согласна, как она, брать подачки от мужчин, с которыми вожу пашни. В моем мире царят морские брызги, серфинг и ровненький загар. Вот она я. Королева лайма и текилы. А та девица из дома Такаши Мияки притворно умоляющая об аспиристине — совсем не Джоанна Конелл! Пора с этим всем завязывать.

Я доехала до отеля к часу ночи. Пьяная. Настроение было на редкость хорошим. Неприкрытое восхищение мужчин действует на меня как... как полироль на паркетный пол. Дурацкое сравнение, но и я не трезва! Хихикнув, открыла дверь в номер Картера (пять звезд — два ключа. Удобно!). Знала, что если услышу стоны Пани — за волосы выволоку! Неприятная правда о Джоанне Конелл — когда ей плохо, она зависает в баре в сомнительных мужских компаниях, пьет и чувствует себя от этой смеси намного лучше. Почти всемогущей.

Но нет, воевать оказалось не с кем. Картер просто сидел перед ноутбуком. Моим. Взломанным и со всех сторон изученным.

— Ч-что-то нашел? — спросила я, покачнувшись, пока он не начал атаковать первым.

— Ты еще вчера искала рейсы на Сидней. Удивительно, что вообще не в день прилета! — ледяным тоном произнес он. — Какого хрена, Конелл? Я уже было собирался за тобой в аэропорт кого-нибудь отправить!

— Я не собиралась улетать. Я пи-ла, — доверительно сообщила я очевидное. Спотыкаясь о собственную юбку, я попыталась выбраться из туфель, но повалилась на столик в прихожей и решила: хрен с туфлями. И в них неплохо. — А моральная готовность от тебя свалить никогда не помешает! — и гордо отбросила волосы, будто мое феерическое сшибание мебели было спланировано.

— Моральная?!

— Моральная-преморальная, — пьяно хихикнула я, а он только поморщился. — Ну, исходя из нашего опыта это так: сначала ты что-то для меня делаешь, а потом должен устроить противодействующую подлянку.

— Что ты несешь?

— Это не я, — рассмеялась я, всплеснув руками. — Это Ньютон, ты что, в школе не учился? Будь я таким мозгом, как он, я бы уже давно тебя бросила. — Ой, кажется, я перегнула, потому что, судя по выражению лица, Шон был готов меня в скором времени где-нибудь прикопать. — Ну, правда, Картер, ты же не думаешь, что я все еще питаю по поводу тебя какие-то романтические иллюзии? Я с тобой сплю, потому что твое имя Шон Картер и весь мир, когда тыходишь, застывает по стойке смирно. А ты со мной спишь лишь потому, что Пани тебя кинула, а кроме меня не нашлось другой иностранки, которая бы потом без претензий от тебя свалила. И чтобы я, упаси Господи, не задержалась с тобой дольше отпущенного, ты меня хлещешь по щекам, стоит хоть что-то хорошее для меня сделать. Чем больше делаешь, тем больше бьешь. А мы здесь, в Осаке, даже к Такаши Мияки на этот

гребаный преотвратный ужин сходили. Кстати, никогда еще мне не было так тошно, Картер. Можешь сделать на это скидку. Но, в остальном, я готова. Давай! Что ты мне там приготовил? — фыркнула я, скрестив руки и с трудом устояв на ногах. Но то, что ответил мне Шон, чуть не завершило начатое. Его слова вышибли почву из-под ног.

— Ты удивишься, Конелл, но я с тобой сплю, потому что мне нравится с тобой спать. Иначе я бы уже давно нашел другую иностранку, уверяю тебя. Вас человек по шесть-восемь на курсе ежегодно. Или даже не иностранку. Или даже не на программистских специальностях... Просто мне нравится трахать именно тебя.

Вот после именно этих слов я едва устояла на ногах и едва нашла слова опровержения.

— Не смог бы, Картер. Ты же просто пустышка. Кроме секса и привилегий, за каждую из которых приходится расплачиваться частичкой души, тебе и предложить-то нечего. О нет, ты не удержишь рядом женщину иного склада ума, нежели твой. Потому что терпеть тебя можно только ради чего-то. А что ты можешь предложить, кроме Бабочек? Ха! Да ты даже на адекватное человеческое общение не способен. Ты аутичен. С тобой даже разговаривать можно только на три темы: секс, компьютеры и перелеты.

— Это не моя проблема, — равнодушно пожал он плечами. Ни хрена-то ты, Конелл для него не открыла. Ты даже в этом не преуспела!

— Это твоя проблема, — взорвалась я, не выдержала. — По этой причине от тебя ушла Пани. Она ведь к Алексу ушла, верно? А все почему? Да потому что он живой и способен чувствовать, а ты гребаный робот. Ты работаешь как робот, живешь как робот, ты... ты даже трахаешься как робот. — Даааа, напиток было плохой идеей.

— Вот мы и докопались до сути. Опять Пани. Хочешь от меня четвертую тему для разговоров? Хорошо! Все твои проблемы не от Пани и даже не от меня, а от катастрофически низкой самооценки. Ты до дрожи боишься сделать не так хоть что-то, в чем-то провалиться, потому что для тебя важно общественное мнение. Будто только оно тебя и определяет. Ты ненавидишь Пани за то, что, по-твоему, она лучше. И вот в этом твоя проблема: не она лучше, а ты хуже. А если бы ты так себя не воспринимала, никто бы не воспринимал. Она выбрала Алекса, но для меня он не лучше. Никто, никогда, ни на мгновение не убедит меня в том, что есть кто-то лучше, чем я. А тем более такая неуравновешенная особа, как ты.

Иногда лучше принять правду и назвать вещи своими именами. И принимать их такими, какие они есть. Например, я тебя хочу, готов даже поступиться парочкой принципов, лишь бы ты продолжала со мной спать. В общем-то, мне плевать, кого трахать, если мне этого хочется. Как, например, Хелен Амберт, я хотел секса, не ее именно. Но тебя я хочу. И всегда так было. Поэтому тебя называют моей шлюхой. По крайней за нашими спинами. Но это только твое звание. Не Хелен Амберт, опять же. И не Пани. А говорят так, потому что завидуют, Конелл. Тебе, пойми ты, на хрен, завидуют. Ведь я беру тебя на Осакскую конференцию, проталкиваю в протезе к Такаши Мияки за простую возможность и дальше с тобой спать. А ты все пытаешься с фэйковым независимым видом задирать нос. Знаешь, Конелл, если перед тобой стоит мечта, которую уже почти готов осуществить Такаши Мияки, пусть рядом с ним хоть чертов огнедышащий дракон обретается, нужно стоять и с открытым ртом его слушать. Раньше у тебя так получалось. Что изменилось? Объявилась рыжая с***а, которая начинала точно так же как ты и видит на твоём месте себя? Конелл, она такая же, как и все. И тоже завидует. Потому что на нее больше никто не обращает внимания за просто так. За каждую крупицу внимания ей приходится теперь потеть, не

получая ответного удовольствия.

— Ты совсем спятил?! — Кажется, я до корней волос покраснела.

— Я всего лишь называю вещи своими именами, Джоанна. И то, что я, по-твоему, аутичен, тебе лишь в плюс. Будь я восприимчив ко всей этой психологической х**не, я бы уже давно схватился за голову и послал тебя подальше. Ты же дерганая истеричка, подобные тебе никому не нравятся. И, не обольщайся, я не один так думаю. Ты никому и никогда не будешь нужна, пока сама не решишь, что достойна, быть нужной.

— Что за бред?! Я достойна! Всего достойна! — закричала я на него. По щекам потекли слезы.

— Знаю. И кроме тебя все знают. И, если угодно, даже Пани знает. Иначе, зачем бы ей было цеплять на себя ценник.

— Ценник?

— Ну, всю эту сверкающую дребедень.

— Зачем? — прохрипела я.

— Да потому что она тебе завидовала. И завидует. Неужели, мать твою, это не очевидно, Конелл? В тот раз, когда она приехала, она сделала все, чтобы ты ушла. Потому что для нее ты соперница. Теперь все, что тебе нужно сделать, чтобы снова выиграть, — забыть о ней навсегда! Ты в Осаке, здесь Бабочки, Такаши тебя пригласил на ужин, она просто не может тебе помешать, только если ты ей сама не подыграешь. А ты подыгрываешь. Меня вообще поражает, что спустя столько времени вы все еще не даете друг другу спокойно спать по ночам!

— В нашей вражде виноват ты! Нечего теперь удивляться!

— Согласен, я полил бензином вашу пылкую неприязнь, и рвануло. Но что дальше? Тебе не кажется, что не имеет значения, кто виноват, если ты ухитришься просто забыть обо всем как о страшном сне?

— Забыть, чтобы тебя после этого перемякнуло в обратную сторону? Спасибо, я предпочитаю помнить.

— Конелл, когда я сказал, что не считаю себя хуже Алекса, это означало, что раз она выбрала его, то пусть катится к черту! Ждать, пока кто-то там нагуляется по всем, с кем его судьба сводила, — не мое.

— Однажды она уже возвращалась. И мне пришлось искать помощи у других людей. Теперь я верю им, а не тебе. И всегда так будет.

— Я знаю. Но сейчас-то я не ради тебя стараюсь.

— А ради чего ты стараешься? — устало спросила я, вконец запутавшись и даже протрезвев от избытка мыслительной деятельности. По крайней мере на пол больше упасть не пыталась.

— Ради того, чтобы побыстрее содрать с тебя эти тряпки, — бесцеремонно заявил он.

— На будущее, этот разговор совсем не возбуждает, — буркнула я, хотя вынуждена была признать, что соврала. Мне безумно понравились его слова. Настолько, что неплохо было бы принять какой-нибудь холодный душ из подлянок и противодействий.

— Разговоры вообще обладают обратным эффектом, — кивнул Шон, охотно поддержав мою игру.

Я не стала сопротивляться его желаниям, тем более что с моими они совпали. Черное платье не нуждалось в расстегивании. Чтобы оно упало, достаточно было просто спустить его с плеч. Собственно, так я и поступила. Ткань скользнула по телу, оставляя меня

практически обнаженной.

— Остальное тоже, — велел мне Шон своим лучшим менторским тоном. Даже не сделал попытки приблизиться. Просто налил себе виски. А я почувствовала себя героиней стриптиза, с той лишь разницей, что не было музыки, и там никто не обнажается полностью. Но я не удивлена. Шон — фанат правды без прикрас.

Я стояла посреди номера в одних лишь туфлях, с которыми окончательно сроднилась, а Шон все еще сидел на диване и запивал зрелище виски. Внезапно я почувствовала себя просто непозволительно трезвой.

— Я тоже хочу, — обиженно потребовала я, указывая на стакан и чувствуя себя на редкость глупо.

— Иди и возьми.

Я приблизилась к нему и вытянула из пальцев стакан. Морщась, я допила все содержимое и зажала губы рукой, пытаюсь проглотить обжигающую жидкость. Бешеное сочетание разных видов алкоголя подействовало моментально. Комната закружилась, и каким-то образом я оказалась на диване, мои ноги обхватили талию Картера, а пальцы пробрались под его рубашку. Мир вертелся и вращался, я не осознавала половину происходящего, только чувствовала. Мы добрались до спальни Шона, растеряв по дороге и всю его одежду тоже. Не знаю, как нам это удалось, ведь идти самостоятельно я не могла, и Картеру пришлось меня практически тащить, но он не жаловался. Когда я не сопротивлялась, он вообще становился на удивление адекватным.

Кажется, ему понравился пьяный вариант Джоанны, так как периодически он продолжал поить меня виски, поддерживая эту иллюзию легкости и правильности происходящего, пока мое тело не забыло, как сложно без его ласк. Я поверила, поняла, что, может, никогда не получу от Шона больше, чем просто секс, но в его случае это очень даже неслабое оружие порабощения.

Было часа четыре утра, когда в дверь раздался стук.

— Открой, — велел Шон, спихивая меня с кровати.

Поскольку протрезветь мне так и не позволили, я действительно чуть не оказалась на полу, после чего раздраженно сдернула с Картера одеяло и замоталась в него чуть ли не по самые уши, а только потом поплелась открывать дверь, спотыкаясь о свой импровизированный наряд и намереваясь выставить пинком даже королеву Британии. Наконец, я рывком распахнула дверь, а там... Пани. И у нее на лице у нее истинный шок.

— Джоанна?! — пискнула она.

Я тупо и нетрезво заморгала, пытаюсь вообразить причину ее появления в столь ранний час у нас на пороге. И ни одна не радовала. Но все оказалось куда как банальнее... но в то же время сюрреалистичнее.

— Ммм, Джоанна... эээ... мой номер под... вами. И не могли бы вы потише? Мне хотелось бы поспать.

— К-конечно.

Ну а что тут еще скажешь? Думаю, я покраснела. Но до нее мне было далеко.

— Не переживай, Пани. Мы зайдем другую спальню и больше беспокоить тебя не станем, — крикнул из глубин номера Картер.

— Ну... эээ... спасибо, простите за вторжение, — произнесла она и... сбежала. Иначе не назовешь.

— Спокойной ночи, — крикнула я ей вслед, но, думаю, за диким хохотом Шона Карина

этого не расслышала.

— Что ты ржешь, придурок?! — раздраженно спросила я, сдергивая с себя одеяло. — Ты знал, где ее номер, ты же ее провожал! Все нарочно, да?!

— Что тебя расстраивает?

— Да, кажется, ничего, — стушеввалась я тут же.

— Ну, так пойдём, на этот раз, к тебе, — фыркнул он.

— Ты это серьезно?! Я завтра со стыда сгорю!

— Я знаю, но ведь уже ничего не изменится. Будет забавно понаблюдать за тем, как вы с Пани будете друг от друга кругами бегать по конференционным помещениям, пытаясь не встречаться.

Меня разбудила головная боль. Однако это было не все: на животе было непривычно тяжело. Я в ужасе распахнула глаза и уставилась на Шона. Он спал, и одна его рука лежала на мне. Дьявол. Мы уснули вместе. Я тут же зареклась пить. Осторожно выкарабкалась из-под его руки, но не разбудить Картера не удалось.

— С добрым утром, — выдавила я улыбку.

Разумеется, он в ответ ничего не сказал, но попытался сгрести меня в охапку. И тут внезапно в голову вставили канал, по которому начали прокручивать ночные воспоминания. И секс, и алкоголь, и Карина, и слова Шона. Это было слишком, и я вырвалась.

— Н-нужно собираться, — сказала я, скатываясь с кровати. Как мы могли уснуть в одной постели? Нет, в жизни больше никогда. Ни за что!

— Не хочешь остаться в номере? — спросил он хрипло. — Моя секция завтра, а твой доклад уже был...

— Нет. Мы приехали сюда не для этого, — сказала я, лихорадочно перекапывая шкаф в поисках того, чем можно прикрыться. Не отбирать же одеяло, демонстрируя собственный ужас от мысли, что мы проснулись в одной постели. В конце концов, голый он меня успел изучить со всех ракурсов, смущало не это.

— Как скажешь, — кивнул он и ушел. А я с облегчением выдохнула.

За завтраком я мучилась похмельем и ни крошки не проглотила, но эта головная боль была не единственной — весь день я старалась избегать Пани. Это заставило меня наплевать на Шона и, бросив Бабочек, присоединиться к Роберту и мельбурнским близнецам. Разумеется, меня наградили просто убийственным взглядом, но фиг бы некоторым. Я просто пожалала плечами и постаралась обращать на Шона как можно меньше внимания. Плохо получалось.

— Вы не хотели бы поработать или поучиться у нас в Мельбурне? — вдруг услышала я вопрос одного из близнецов.

— Что, простите? — ошарашенно переспросила я.

— Не в ущерб профессорам Картеру и Клеггу, конечно, просто небольшая, так сказать, практика. У нас отличная кафедра параллельного программирования. Приезжайте, скажем, летом.

— Я подумаю.

— А после окончания университета у вас какие планы? — продолжили допрос.

— Я собираюсь вернуться в Штаты.

— А как же профессор? Из вас ведь такая удачная пара...

И вот в этом месте я подавилась. И у Роберта Клегга возникли те же проблемы. Удачная. Ага.

— У нас неплохой... научный альянс, — призналась я. — Но в остальном мы... довольно разные люди.

— Тем не менее вы уже довольно давно вместе.

— Чуть больше года.

И тут до меня дошло, что это самые долгие отношения в моей жизни. А уж если прибавить первое в истории Джоанны Конелл совместное проживание, то обнаружилась совсем уж мрачная картинка. Выходило, что, несмотря на все аномалии и заскоки Шона, он меня устраивал больше, чем нормальные мальчишки моего возраста? Вот ужас-то!

Переваривания этой мысли мне хватило до самого конца ланча, после которого Картер схватил меня за руку с твердым намерением не отпускать от себя ни на шаг. Так и шли до самых дверей ресторанчика. Но тут Такаши остановился и пожал вдруг руку какому-то японцу.

— Мисс Конелл, вы, кажется, еще не встречались с Кеном Оягавой, — представил он. Я улыбнулась этому человеку, но полюбезничать Картер не позволил — открыл дверь и буквально выволок на улицу.

До самого конца конференции мы почти не разговаривали. Даже о том, что Такаши так ничего и не сказал по поводу места Бабочек. Я была уверена, что холодная война была бы нарушена, если бы Картер что-то знал. Сказал бы, что я идиотка. Или сказал бы, что я идиотка, которая чудом не провалилась.

В самолете я потребовала у стюардессы плед, у Картера — снотворное, и, получив все блага этого мира, завалилась спать. В результате в Сидней я прилетела выспавшейся и почти довольной. Но не Картер, конечно. Пока следующие сутки он отсыпался, я тайком подглядывала за ним с порога спальни. Он спал и хмурился. Может, от боли. А, может, просто потому что мрачность уже вросла в него корнями. Ну, до чего же противоречивый человек!

На вторые сутки после прилета я приготовила себе кофе и тосты, намазала их джемом, напевая себе под нос что-то из родного кантри, и взяла в руки газету. У меня нет привычки их читать, но Шон это дело любит, и я решила просто положить ее на стол. Однако тот день был исключением, потому что я так к ней и приклеилась. Даже руки задрожали.

«Объявлена новая Бабочка Монацелли. Ставленником Такаши Мияки был назван Кен Оягава...»

То, что я в этот момент почувствовала, было не передать словами. И хотя я не имела на то никаких прав, у меня по щекам потекли слезы. Рваными движениями я сложила газету снова и, позабыв о своем завтраке, поднялась со стула. Под магнитом с логотипом браузера Safari оставила Шону записку, о том, что уехала на побережье, и стащила ключи от мазды.

Вернулась я только вечером. И настроение было просто великолепным. Вы скажете, что я ненормальная. Столько усилий, столько нервов, и все тщетно. Но нет. За прошедший день я поняла, что теперь, наконец, могу жить и дышать. Удавка, с которой я прожила последние полгода, развязалась. Теперь снова можно было спать, вечерами смотреть глупые фильмы у Роба и Мадлен, красить волосы хоть в платиновый блонд, пить с Керри, Аароном и Джеком текилу... да просто жить жизнью обычной двадцатилетней студентки! Я словно очнулась от транса. Лихорадочная спешка закончилась, и вне зависимости от результата я была этому рада. ВСЕ.

Но на повестке дня был еще один вопрос. Шон. Уйти или остаться? Я выглянула в

окошко кухни и обнаружила, что он играет на заднем дворе с собакой. И вдруг захотелось остаться здесь навечно, не приближаться к нему, ведь я знала, что он захочет отобрать у меня радость детства. Что он мне предложит? Лекарство для амбиций? Секс? Множество обид? Я устала от каждого из этих пунктов... Но прятки не являлись выходом.

— Ты видел? — спросила я с веранды.

— Да, — бросил он коротко. Даже не взглянул на меня. Я подумала, что на этом разговор исчерпан, но внезапно Картер продолжил. — Я знал, насколько сильно японцы ценят свою нацию, но надеялся, что Такаши другой. Он здорово упал в моих глазах.

— Думаешь, это что-то типа расизма?

— Нет, Конелл, что-то типа расизма только в Штатах. А японцы просто привыкли тянуть друг друга и не доверять чужакам. Поверь, Такаши теперь станет национальным героем.

В этот момент на меня со счастливым лаем прыгнула Франсин. Я привычно поймала ее лапы, чтобы не дать испачкать платье, и потрепала за ухом. А потому не спросила: что дальше будет со мной? Я вдруг поняла, насколько сильно устала говорить об одном и том же. Я вошла в дом

и отправилась спать.

Глава 6. Вина

Настоящее время

Домой я возвращаюсь с самым что ни на есть честным видом. А как иначе? Я ненадолго, сказала я Брюсу и пропала на три часа. Самых потрясающих за последние несколько недель. Да. Шону я солгала. Его отношение ко мне изменилось, и это заметно. Теперь он не так черств, как раньше. Но я даже думать об этом не хочу. И не хочу понимать, почему он так поступает. Привез меня в недостроенный офис бабочек, показал чертеж будущих помещений... Но не ловушка ли это? Он ведь из тех, кто скажет что угодно, лишь бы добиться своего. Честные методы? Я вас умоляю. А может, дело и не в нем, ведь тем, кто однажды уже потерял мое доверие, заполучить его назад ой как непросто. И Шон Картер последний в очереди на возврат моего доброго к нему отношения. От разочарования цокаю языком и открываю, наконец, дверь. Первое, что я чувствую, — как в нос ударяет запах алкоголя. Уронив голову на стол, заваленный салфетками с ромашками, спит Брюс. Рядом с ним пустая бутылка. Кажется, я только что возненавидела ромашки. Сначала Италия. Затем зеленый цвет. Теперь ромашки. По мере возникновения все новых и новых жизненных осложнений, розовый уютный мирок, в котором Джоанна Конелл с комфортом обитала все свои двадцать шесть лет, наполняется призраками печальных событий...

Господи, ну что я за идиотка. Даже теперь переживаю только о себе, в то время как мой мужчина, окончательно разочаровавшись во мне, взялся за бутылку. Я дура. Хуже, я влюбленная дура.

— Брюс, — трогаю я его за плечо. — Пожалуйста, пойдем спать.

В ответ нечто нечленораздельное.

— Пожалуйста, Брюс. — Вздохнув, я перекидываю его руку через плечо и тащу в спальню. Не знаю, что мы творим. Он так счастлив, что пьет, а мне комфортно с кольцом

другого мужчины на пальце. Хуже, мне комфортно прикидываться, что это кольцо от Брюса. Мир сошел с ума. Мы сошли с ума.

И хотя я открываю окно, впуская в спальню звуки ночного Сиднея, запах спирта побеждает все. Не могу. Хватаю подушку и ухожу. В квартирке с зелеными стенами всего одна комната, но на кухне угловой диван, где я и располагаюсь. Узко, но что поделать. Вторую ночь почти полного отсутствия сна я не выдержу. Однако асбтрагироваться от проблем не так-то просто. Я никак не могу забыть, что всего в нескольких сантиметрах от меня находится ноутбук, который мы еще вчера выбирали с Шоном. Эта мысль не дает мне уснуть. И когда я успела так влипнуть? Вздыхаю, и, потворствуя зарождающейся паранойе, вынимаю из подарочка аккумулятор. Ну, вот и славно. Теперь Картеру никоим образом не отследить мое бедственное положение. Чудненько. Теперь можно и поспать.

Посыпаюсь я от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Рывком вскакиваю и чуть не падаю с диванчика. Выглядит Брюс великолепно. Будто похмелье — байки для неразумных детишек.

— Джоанна, мы больше не спим в одной постели?

Сначала я думаю о том, чтобы пуститься в очередные выяснения отношений, но вдруг чувствую такую усталость, что вместо этого вру:

— Я так устала разбираться с новым ноутбуком, что уснула прямо тут. Прости.

О, кто-нибудь, убейте меня. Ведь я уснула настолько внезапно, что у меня обнаружили и плед, и подушка, а у ноутбука так вообще аккумулятор изъят. Премию года за лучшее вранье мне никогда не получить. Может, конечно, дело в том, что меня мучает адская головная боль из-за запаха спирта. Да что же это такое? Брюс пьет, а что-то типа похмелья только у меня. Одно радостно: он тоже предпочел ограничиться зыбкой ложью. Вот каково наше взаимопонимание — мы оба согласны прозрачно лгать, лишь бы не говорить о проблемах.

Когда я доезжаю до университета, сразу направляюсь в уборную в надежде, что если ополосну лицо холодной водой, мне полегчает. Перед выходом я сорок минут простояла под душем, чтобы гарантированно избавиться от запаха, но он мне все еще мерещится. Хорошо, что сегодня у меня ни одной пары, я приехала только ради проекта для Бабочек, и вместо кофе можно глотать таблетки. Которые стремительно заканчиваются, но не помогают...

Когда открывается дверь, и на кафедре появляется мой ночной кошмар в виде одного припадочного студента-итальянца, я в него готова кидаться и чесноком, и святой водой, и ладаном, и всем, что найду, лишь бы только не донимал мою несчастную голову своими академическими изысканиями.

— Я пришел защищаться, — жизнерадостно объявляет он, не обращая внимания на мой убийственный взгляд.

— Слушай, у меня выходной, а еще болит голова, давай сюда свои бумажки, я тебе даже контракт о передаче души подпишу, только сгинь.

— Не, тогда не надо. Если у тебя выходной, то что ты тут делаешь?

А вы думали, что я его припадочным для красного словца называю?

— Пишу проект для Бабочек. А раз и университет, и отряд чешуекрылых ныне принадлежат одному и тому же типу, все записанные за ним помещения я с чистой совестью могу занимать в любое время.

— Для Бабочек?!

Кажется, все, что следовало за этим словом, итальянец услышать даже не попытался.

— А можно посмотреть? Ну, пожалуйста! — начинает клянчить он.

И я бы его правда послала куда подальше, но у него есть то, что мне нужно: две ноги, посредством которых он добудет аспирин. И уже спустя пятнадцать минут у меня этого чудодейственного средства столько, что можно вылечить все больные головы мира, а за спиной сидит и пялится в код один восторженный мальчишка-энтузиаст.

Когда после своей первой и единственной пары на кафедру забредает Роберт Клегг, он начинает сходу начинать меня подкалывать:

— Как голова, Конелл? О, вижу ты приобрела... себя, — противно хмыкает он.

— Не начинай, Роб, — устало произношу я.

— Если бы у тебя было похмелье, я бы предложил тебе выпить, но у тебя никакого не похмелье, верно?

— Наверное, погода меняется, — охотно поддерживаю я игру. — Шел бы ты домой, Клегг. У тебя там жена.

— А у тебя жених.

— Он на работе.

— Он у тебя круглосуточно что ли работает?

— Клегг, тебе чего? Если ты всерьез вознамерился меня перевоспитать, уверяю тебя, я уже не в том возрасте.

— А мне вот чего. Познакомь нас. Испеки свой фирменный лаймовый пирог и пригласи меня и Мадлен в гости.

— А это хорошая идея. Давайте прямо сегодня и устроим. Часиков в семь-восемь. Я за вами сама приеду, чтобы не пришлось нас искать.

Роб прав: Брюсу нужны друзья, может, это ему поможет чувствовать себя в Австралии чуточку лучше. И как я раньше не додумалась? Ну и какой из тебя доктор философии после этого, Джо?

— Договорились, — кивает он. А затем как-то хмурится. Я вопросительно выгибаю бровь, а он, распознав намек, закатывает глаза и признается: — Я видел вчера, как тебя Картер подбирал.

— Он показывал мне будущий офис Бабочек. А ты что подумал?

— О, — мигом тушует Клегг. Разумеется, я не стану признаваться, насколько он был близок к правде. — И как он?

— Знаешь, чудесно. В хорошую погоду по утрам я выхожу на балкон и высовываюсь на опасное для жизни расстояние в попытке рассмотреть залив. Оттуда виден его крошечный кусочек. А Картер купил офис с полной панорамой Сиднея, неподалеку от залива и собирается выстроить стены кольцом, чтобы мы на виды не отвлекались. Для него мое любимое зрелище — всего лишь атрибут власти. Зато кабинет он выбрал с роскошным видом, вот только учитывая, что Картер это Картер, он ни разу и в окно-то не взглянет. Знаешь, жизнь — коварная стерва.

— А чего ты ждала? — хмыкает Клегг. — Может, Картер и не знает, что красивого в этом виде, но он прекрасно осведомлен о том, как пристало жить людям его круга, — пожимает плечами Роберт.

Мне безумно хочется броситься на защиту Шона, хотя умом я понимаю, что Клегг прав. Может, его отношение ко мне и изменилось, но не сущность. Он никогда не видел красоты и

не увидит. Эта мысль отврезвляет, и я освобождаю закушенную губу, потому что желание открыть рот и ляпнуть опасную глупость уже пропало.

Приход Роба и Мадлен меня так воодушевляет, что я забываю обо всех разногласиях с Брюсом и, пока пеку пирог, радостно рассказываю ему об этих изумительных людях. Он ведет себя значительно сдержаннее, но слушает. Неважно, я уверена, что Роберт ему понравится, чувство одиночества чуточку ослабеет, и можно будет постепенно, шаг за шагом, выстроить новую жизнь в новом месте и новом окружении. Все наладится, оно просто обязано.

— Эти люди так важны для тебя, — задумчиво замечает Брюс.

— Да. Роберт и Керри. Ближе у меня в Австралии никогда никого не было.

Он кивает, а мое сердце-предатель ждет вопроса о Шоне. Хотя бы вопроса. Но его не следует. А ведь я бы рассказала, лишний разок поубеждать себя в том, что Картер мне не пара, не повредило бы. В последнее время я подрастеряла аргументы.

— Мне бы хотелось, чтобы вы с Робертомладили, — признаюсь я. — Это для меня тоже важно.

Он задумчиво смотрит на меня, затем кивает и отворачивается.

— Как твоя работа? — спрашиваю я, чтобы не молчать.

— Неплохо.

То же самое я слышала и вчера, и позавчера, и на прошлой неделе, когда он сказал, что уволился и нашел новое место. Объяснять мне ничего не стал — просто отчитался для галочки... Опускаю голову, прячу глаза.

— Знаешь, я обещала съездить за Клеггами. Это минут сорок, не больше.

— Жду, — кивает Брюс.

Как только вынимаю из духовки пирог, целую Брюса и ухожу. Мадлен встречает меня на пороге, домашняя и приветливая. Совсем такая, какой я ее помню, будто и не было двух лет разлуки. Я так погрязла в своих проблемах, что не нашла времени с ней встретиться, а она, разумеется, не стала настаивать. Как всегда, ведь это Мадлен. И мне немножко совестно, так как она обнимает меня точно потерянного ребенка. Разумеется, к визиту в гости к Джоанне она подготовилась. Мои угощения внезапно стали казаться такими скромными. Вспоминая стряпню Мадлен, я борюсь с желанием слопать все еще в дороге. Наверное, как только Клегг передал своей жене приглашение, она встала к плите и весь день трудилась, чтобы мне не пришлось думать, чем угощать гостей. Совестно, но спорить с ней бесполезно.

По пути к машине она расспрашивает меня с таким живым интересом, будто Роб ей ничего обо мне не рассказывал, хотя уверена, что он все выболтал еще в день моего приезда. Чтобы не участвовать в женской болтовне (где есть место и яблочным пирожкам, и индейке в винном соусе), Клегг садится назад, делая вид, что он мебель. Когда мы доезжаем до нашей с Брюсом крошечной квартирki, я вижу, что мы немножко задержались, но надеюсь, что никто не в обиде. Мы с Мадлен выгружаем из багажника моей выдавшей виды хонды контейнеры с угощениями (их столько, что Роба за ними не видно), смеемся, поднимаемся наверх, я вставляю ключ в замок, отпираю дверь и бледнею. Только-только притаившаяся головная боль, мучавшая меня целый день, радостно врезается в виски, вдохновленная новой дозой раздражителя.

Я вижу, как недоуменно переглядываются Роберт и Мадлен. Правильно, чтобы не почувствовать это спиртовое зловоние, нужно быть мертвым! И тут, будто всего этого мало,

из спальни раздается громкий храп. Я никогда в жизни не оказывалась в такой унижительной ситуации! Это как полноценный плевок в лицо. Хуже, это полноценный плевок в сторону Роберта и Мадлен. Да пошла ты, Джоанна, со своими желаниями и попытками все исправить. И друзей твоих туда же. Аж тошнит от происходящего. Я могла бы еще понять, если бы он поступил так только со мной, в конце концов школу жизни имени Шона Картера еще никто не отменял, но Роберт и Мадлен... При всем том, что Картер мог оскорбить или заставить Клегга прыгать через обручи, как в цирке, он никогда, ни разу не выказал к нему такого пренебрежения, презрения. Он мог с ним поспорить на семинаре, стащить из-под носа проект или студента, объявить, в конце концов, что тот просто пустое место, но вот так красноречиво сообщить, что тот недостоин даже его внимания...

Кажется, что я стою на красной стрелке с надписью Шон. Выход, простое чудесное избавление от всех проблем. Пнуть Брюса под зад точно так, как он только что поступил со мной и моими друзьями. И даже не надо дожидаться, когда он проспится. Рвануть напрямик к шкафу, собрать вещи и уйти отсюда, вернуться в домик на окраине Сиднея к простой и удобной жизни под девизом «Продаю секс. Дорого». И если бы дело было только в Брюсе, вероятно, я бы так и поступила. Но есть еще я и три года попыток стать более самодостаточной и стойкой.

Трудный выбор, но игры кончились. Все всерьез, взаправду. Если до этого дня я делала вид, что все нормально: наедине с Брюсом терпела и игнорировала неприятную правду, а другим говорила, что все хорошо, — то сегодня вынуждена принять неизбежное: проблемы есть. Серьезные. И скрыть их не удастся. Пора решать встречусь ли я с ними лицом к лицу или сбегу. Джоанна семилетней давности сбежала бы. К папе с мамой, к Роберту с Мадлен, к Керри. Потом, может быть, вернулась бы, но поначалу обязательно попыталась переждать бурю под чужой крышей... а в нынешней ситуации жаловаться на тяжелую жизнь бесполезно. Никто больше не поможет, никто за меня не ответственен. Когда-то я утешалась мыслью, что Шону воздастся за его прегрешения, и строила из себя оскорбленную гордыню, будучи уверена, что время все меняет. Но теперь знаю, что Картер был прав. Время ничего не меняет, на это способны только поступки. Хочешь, чтобы изменилось — начни менять сам. Сделай первый шаг. Нельзя стоять на пороге вечно. Нужно либо сделать шаг вперед и закрыть дверь, отрезав себе путь к отступлению, либо уйти не оглядываясь.

— Я открыла окна, — слышу я голос Мадлен.

Смотрю на них с Робертом и восхищаюсь. За столько лет знакомства я не слышала ни одной жалобы. Ни о ссорах, ни о разногласиях. Но ведь таковых не могло не быть, в конце концов, они живые люди. Как им это удастся? Старательно гоню прочь эти мысли. Сейчас не время философствовать.

— Хорошо. Я... гхм... предлагаю садиться за стол.

Когда я убираю со стола лишнюю тарелку, Роб хватает меня за запястье.

— Отдай кольцо, собирай вещи и уходи, — говорит он. Отдай кольцо. Ха. Интересно, кому!

— И бросить его здесь совсем одного в таком положении? Нет, это не вариант, нужно все решить и обдумать.

— Конелл, я все понимаю, но не порть себе жизнь. Нельзя пытаться строить будущее с человеком, который тебя даже не уважает, — тихо добавляет он. Может, в этом дело? Роберт и Мадлен друг к другу очень внимательны. Но этот упрек относится не только к Брюсу. Сама я ничуть не лучше. Чувствую, что еще минута, и начну реветь.

— Джоанна, твой лаймовый пирог — просто совершенство! — восклицает Мадлен, но по глазам я вижу, что это всего лишь попытка меня отвлечь. Она молодец, вот только не вышло.

— Ну, хоть что-то совершенство, — сухо говорю я, швыряя тарелку в раковину.

В университет я уйду раньше, чем Брюс просыпается. Я не хочу с ним разговаривать, не хочу его видеть. Я решила дать себе время подумать, потому что в противном случае я могу его ударить. А это ни в какие ворота. Может быть, я виновата, но по сравнению с тем, что сделал он... Вот такие мысли крутятся в моей голове, пока студенты сдают мне лабораторные работы. Сегодня я обитаю в иной реальности.

Может быть, мне не стоило приглашать Клеггов, пока ситуация с Брюсом не наладилась, пока мы оба не признались в своих проблемах, но я была увлечена своей гениальной идеей подружиться со всем миром и скинуть с себя часть болезненной ответственности. Не вышло. С другой стороны, раз Клегга мы уже вмещали...

— Я сейчас, — прерываю я студента, поднимаюсь со стула и иду в соседнюю аудиторию, где сегодня обитает другая подгруппа параллельщиков.

— Клеgg! Сегодня после работы, ровно в шесть ты едешь ко мне домой и разговариваешь с Брюсом. Раз меня он не слушает, придется применять сексистские методы! — решительно сообщаю ему я шепотом. Роб счастливым не выглядит, но он друг, и друг отличный — не откажет.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — кисло спрашивает он.

— Клеgg, это не обсуждается. Мне нужна помощь. И эта помощь должна быть в состоянии врезать так, чтобы выбить из головы всю дурь. Ты, конечно, не Майк Тайсон, но вполне себе ничего. Во всяком случае, фунтов на двадцать тяжелее меня.

— Как минимум на сорок, — бормочет Клеgg себе под нос, но ничего не говорит.

— Стяну провода от компьютера! — А что? Шантаж никто не отменял.

— Ладно-ладно, испугался, — вздыхает Клеgg. — В шесть, — кивает он.

Когда мы подъезжаем к дому, где уже должен ждать меня Брюс, я достаю из сумки ключи и протягиваю их Клеggу. Чувствуется, он не ожидал, что я оставлю их наедине. Но он не возражает, временами он настоящий джентльмен, и сегодня добросовестно берет удар на себя.

— Делай с ним что хочешь. И если когда я вернусь, его не будет, я просто соберу вещи и уйду. Не знаю куда, но уйду, — к Шону, конечно. И, сдается мне, Роб это понимает. — Так и передай. А если он останется и решит попытаться, то так тому и быть. Я отказываюсь брать ответственность за взятое решение только на себя. Мы сунулись в это дело вместе, вместе и расхлебывать!

Пока мужчины разговаривают, я гуляю по Сиднею и пытаюсь успокоиться. Это место для меня как лекарство. Больше, чем Сидней я любила только город своего детства, но он здорово изменился. Я видела это своими глазами. Вернуться туда я бы не хотела, а здесь все так, как мне запомнилось. И это изумительно. Может быть, все дело в том, что в масштабах мегаполиса изменения не так бросаются в глаза. Я смотрю на смеющихся спешащих студентов, вспоминаю золотые времена своего студенчества, безумно скучаю по душевным разговорам с Керри. Берусь за телефон, чтобы ей позвонить, но снова не могу себя пересилить. Я не сдержусь и начну ей жаловаться, так всегда бывало, а если я ей расскажу, как Брюс поступил с Клеggами, отношения моего жениха и лучшей подруги будут испорчены

навсегда. Керри не из тех, кто прощает подобные выходки. В сложившейся ситуации положительных сторон Брюса не вижу даже я.

Каждая ступенька подобна альпинистскому подъему. Только им тяжело физически, а мне — морально. Ведь я понятия не имею о том, что ждет меня наверху. Клегг намеренно не сказал мне, чем закончился разговор, дал время все еще раз переосмыслить, но я так и не приблизилась к разгадке.

Я нажимаю на ручку, и дверь распаивается.

— Джо? Это ты? — слышу я голос Брюса, и мое сердце разбивается. Он выходит из кухни. Трезвый и встревоженный. — Я... я боялся, что ты не придешь.

— Тем не менее, я пришла, — сухо выдавливаю я.

— Был Роберт...

— Я знаю. Он пришел по моей просьбе. — Я обхватываю себя руками, цепляюсь пальцами за грубую ткань жакета.

— Он хороший мужик. — Роберта Клегга я бы назвала как угодно, но не мужиком. Вообще-то трудно назвать профессора университета мужиком. Но для Брюса, полагаю, это какой-то знак качества. Он военный.

— И это я тоже знаю. Но тебе это оказалось почему-то не интересно! — кричу я, не сдержавшись. — Как ты мог оскорбить их с Мадлен?! Ладно меня, в свой адрес я чудес уже не жду, но их... Это отвратительно. Это худшее, что ты мог сделать!

— Прости. Я просто не знаю, просто иногда я так злюсь... и хочется кого-нибудь обидеть, но кроме тебя вокруг никого.

Эти слова меня не слишком удивляют. Видимо, такова человеческая природа. При невозможности дать сдачу тому, кто того действительно заслуживает, мы бьем людей, которые рядом. Или не людей. Например, Франсин... Понимаю. К сожалению, как бы ни было грустно, я его понимаю.

— Я предлагаю попробовать снова, — тихо говорит он.

Я не могу. Нет, наверное, я все-таки не могу. Брюс взрослый человек, и его побег, объективно говоря, не моя вина, скорее моего отца, а я устала расхлебывать последствия этот идиотизма. Я не должна, не обязана. У меня своя жизнь. Я взрослый работающий человек, я запросто выживу одна. Даже если денег на собственное жилье не наскрести, можно заложить кольцо и продать машину...

В этот момент раздается звонок. Я беру сотовый, поворачиваю дисплей к себе и вижу, что это Шон. Что ему может быть нужно? В смысле сейчас, а не в долгосрочной перспективе. Хотя, возможно, его намерения и не отличаются. Отличное напоминание! Главное, своевременное. И заключается оно в том, что Картер обладает уникальной способностью ставить мне ультиматумы и заставлять не видеть выходов, кроме того, который предлагает он сам. И где же из двух зол меньшее? Я сбрасываю звонок и устало смотрю на Брюса. Вот он — мой выход. И дело не в наличии кольца на пальце, а в том, что либо я сама изменяю свое отношение к происходящему, либо так всегда и буду оборачиваться на Шона Картера.

— Да. Я принимаю твое предложение, — говорю я Брюсу. И памятуя о словах Картера о нашей с Брюсом помолвке, ничего к этому не добавляю. Это будет тяжело. Но оно будет.

Соблазн. Я много знаю о соблазнах, и это меня пугает. Разумеется, я говорю о Брюсе. Теперь он не берется за бутылку, но мой страх это не искоренило. И я всячески стараюсь избавиться от соблазна. Но это непросто. В магазин он больше не ходит, этим занимаюсь я

сама. И мы подстроили друг под друга расписание так, чтобы я он как можно меньше времени был один. Ой, точнее мы были вместе, конечно, именно так. Но, как вы, наверное, уже поняли, правда заключается в том, что я просто боюсь оставлять его надолго одного. Когда у меня совсем нет сил выносить текущее положение дел, я подмешиваю Брюсу в еду снотворное и ухожу из квартирки с зелеными стенами по своим делам. Также, чтобы «еще больше времени проводить вместе», я учусь программировать под звук работающего телевизора. То есть не покидаю пределов комнаты, в которой сидит Брюс. Разумеется, о том, чтобы задержаться на работе, даже мыслей не возникает. Я даже в душ боюсь уходить, пока он не лег спать. Ведь иначе у него может оказаться где-то припрятана бутылка, и тогда я снова буду вынуждена спать на кухне. Больше не доверяю ему даже в малом. Да. Вот такая я истеричка.

Вы, думаю, догадываетесь к чему это ведет, да? Выходя на улицу я вздрагиваю от каждого шороха, а по ночам я лихорадочно работаю, чтобы успевать делать хоть что-то. Я не помню, когда в последний раз высypалась. И если я когда-то там боялась, что мне не будет хватать огня в наших с Брюсом отношениях, то теперь даже забыла что такое влечение. Мне бы наскрести силы на студентов и коды для Бабочек. И уж об энтузиазме я слышу разве что от Энрике Каддини.

Я иду по коридору на автопилоте. Студенты уже ко мне привыкли и прониклись. У меня не бывает хорошего настроения, я устраиваю демонстративные экзекуции и все еще ношу статус подружки ректора. О последнем мне услужливо напоминает наша секретарь кафедры — та еще сплетница. Короче, ныне у меня на парах не болтают, дабы не получить уникальный билет на ловлю доктора Конелл в стенах университета ровно в отведенные для работы часы.

— Мисс Адамс, ректор здесь? — После того злосчастного сброшенного звонка Шон от меня отстал. У него талант угадывать мои настроения, теперь мы видимся разве что мельком. И это наш первый разговор за многие дни.

— Да, проходите, мисс Конелл.

Она все еще зовет меня мисс. Я ее не виню. Трудно, полагаю, называть доктором девицу, чьи стоны ты четыре года кряду слушал из-за стенки, отделяющей тебя от кабинета начальника. Наивно полагать, что она нас ни разу не обнаружила.

С моим новым образом жизни проект я, разумеется, просрочила. Но раз Шон не вышвырнул меня из Бабочек сразу, решила, что обойдется. Захожу в кабинет ректора и кладу на стол флэшку. Мизинцами я изображаю что-то вроде крыльев бабочки.

— С кодом ты опоздала, — сухо сообщает мне Картер.

— Да, — не отрицаю я.

— И сбрасываешь мои звонки.

— Это было всего однажды, и я не могла говорить...

— И перезвонить ты тоже не могла. — Благо, дальше тему он не развивает, просто хватает флэшку и вставляет ее в компьютер. Стою и жду вердикта, а уголки губ Шона по мере изучения материала опускаются все ниже.

— Ты переделала код.

— Да.

— Мне не нравится.

— А мне пофигу. Я не собираюсь изворачиваться так и эдак только потому что код написал ты!

— Естественно, тебе не будет хватать времени, если ты начнешь все переписывать с нуля. И заметь, раньше ты каким-то образом ухитрялась работать с тем, что есть!

— Это было три года назад. Все изменилось.

Он молчит и смотрит на меня. Видимо, ищет подтексты. Я и сама не уверена, что их нет. Мне хочется его разозлить, взбесить, только не оставлять равнодушным...

— Тяжелая неделька, Джо? Выглядишь ужасно, — резко меняет он тему. Я от его слов вздрагиваю, казалось, на мне столько макияжа, что... — Никакой тональник не скроет это отчаяние в глазах.

— По-моему у тебя галлюцинации, — улыбаюсь я, хлопая ресницами.

— Как скажешь, код пошлю тестировщикам, — сообщает он. — Деньги получишь по итогам их работы.

Почему-то после этих слов у меня случается разрыв шаблона. Нет, разумеется, я ожидала, что он мне за работу заплатит, но просто мы никогда — вообще никогда — не обсуждали финансовые вопросы, а тут вдруг... Пока я пытаюсь свыкнуться с этой мыслью, он добавляет.

— И, Конелл, я бы советовал тебе переехать в более надежный район города.

Я снова моргаю. Неужели он в курсе, в каких условиях мы с Брюсом обитаем? Я киваю и вылетаю за дверь. Не знаю почему, но эта мысль меня адски смущает, и я даже думать не хочу о причинах. Но только когда я закрываю за собой дверь приемной и вдруг понимаю, что он посоветовал переехать мне, а не нам. И район, где стоит его дом, может и далекий, но благонадежнее некуда...

В тот день, когда Шон отдает мне карточку за проект, сказав, что тестировщики одобрили код, я сразу иду к банкомату. Потому что мне крайне интересны две вещи: сколько он перевел и хватит ли мне на «более благонадежный райончик». Карточка красивая, платиновая, с выбитыми буквами моего имени. Я никогда раньше не держала в руках платиновую карту, мне даже чуточку страшно доставать ее из кошелька, потому что сзади в очереди стоит мужчина, который меня сантиметров на двадцать выше, а в плечах втрое шире. Может быть, делать для меня такую красоту было со стороны Шона ошибкой? Старательно прикрываю ее ладошкой, жалея, что никогда не училась искусству фокусника. Но все меркнет по сравнению с тем моментом, когда я вижу цифру на распечатанном чеке. Мне определенно хватит на квартирку. Я смотрю в чек очень долго, пока сзади не начинается раздраженное покашливание, только тогда я сминаю в руке доказательства того, что грабить меня смысл имеет, и ухожу.

Глядя на опостылевшие зеленые стены той ночью я впервые понимаю, что переезд очень даже реален, осталось только как-то объяснить Брюсу, откуда у меня подобные накопления. Не могу же я сказать, что мне одновременно перевели сумму большую, чем он зарабатывает за год, это определенно пошатнет хрупкое равновесие, столь недавно установившееся между нами. Я вообще никогда никому не скажу, сколько мне заплатил Шон, потому что о таких деньгах принято молчать, да и вообще подозреваю, что это подкуп... Тем не менее, я старательно делаю вид, что ни капельки не удивлена.

Идут недели, прогресс у нас с Брюсом минимален. В смысле прогресс в том, что он не пьет стопроцентный. Но я ему не доверяю, я все проверяю и перепроверяю, все контролирую. Это походит на манию. И я решаю пойти к семейному психологу, а это что означает? Что переезд откладывается, ведь у меня денег даже на доктора быть не должно.

Надеюсь, что он подскажет мне, как объяснить Брюсу, что я тоже имею право зарабатывать свои кровные.

Однако, несмотря на усталость и некое отчаяние, своего я добилась: Шон, видимо, понял, на что я готова лишь бы он отстал, и действительно отошел в сторону, пока я не покончила жизнь самоубийством. Ха-ха. Это, конечно, так, шуточки, но, возможно, не только. Я боюсь, что он каким-то образом узнал о том, что наделал Брюс. Роберт бы не рассказал, но Шон есть Шон, его альтерэго — Джеймс Бонд. Отношения у нас с ним теперь подчеркнуто-деловые. Потому что я боюсь не выдержать иного варианта. Я так устала, так хочу уткнуться в чью-нибудь широкую грудь и забыть обо всех проблемах. Это гребаная дилемма современного поколения: женщина не должна решать мужские проблемы, но если мужчина умеет это сам, то женщина ему не нужна. Следовательно, я каждый день занижаю ожидания и смиряюсь с имеющимся. Брюсу я хотя бы нужна, пусть и в роли мамочки.

На приеме у психолога мы напоминаем долбаных мистера и миссис Смит. Он не верит в терапию, а я не вижу иного выхода. И, что самое смешное, когда речь доходит до вопроса, когда у нас в последний раз был секс, я начинаю считать и ужасаюсь. Выходит, что мы с Брюсом уже больше месяца даже не вспоминали о том, что физическая близость вообще существует. Как вы думаете, какой следующий вывод доктора? Разумеется, нам с Брюсом разъясняют причины женской холодности. Я стараюсь подавить хохот, а Брюс — сменить тему. Этот разговор ему неприятен. После сеанса, стоя над расправленной кроватью, мы решаем, что психолог неправ и можно еще подождать. Вот и договорились. Очаровательные из нас выйдут супруги.

Спустя еще две недели Брюс попадает под сокращение, и пока сидя дома он снова не начал пить, я приглашаю в гости родителей. На недельку. Я уверена, что при них мой жених будет просто паинькой, и даже ничего объяснять не придется. Вот только они с собой привозят бутылку вина, и у меня останавливается сердце. Приходится его «нечаянно» разбить. Но если родителей я, таким образом, обманула, то Брюса — нет. И кризис доверия становится очевиден. Иными словами, Брюс честно старается, и я все испортила. Но я такая. Мнительная с**а. За ту неделю, что мои родители гостили в Сиднее, я все набойки туфель стерла, обегая автомастерские в поисках вакансий. И, что самое смешное, нашла место только рядом с домиком Шона. Долго думала, можно ли так рисковать, но решила, что пусть лучше Брюс заклеивает пробитые шины Картера, чем к бутылке прикладывается. Оставалась малость — объяснить, что я делала в противоположной части города, когда «случайно» заскочила в мастерскую и увидела объявление». Но мне все удастся, а я с ужасом жду дня, когда он придет и скажет, что сегодня обслуживал одного нашего общего знакомого... Разумеется, от бесконечных волнений у меня болит спина. Замкнутый круг какой-то...

Встаю я однажды утром, смотрюсь в зеркало и обнаруживаю, что лак потрескался, под глазами синяки, а корни волос давно пора подкрашивать. Моя сказка о доме за белым забором стремительно превращается в фильм ужасов с гаражом, полным трупов. Эдак я скоро до энергетиков и антидепрессантов дойду... И в этот же день, словно в насмешку, я вижу, как мимо кафетерия, в котором я восстанавливаю очки жизни посредством вливания очередной дозы кофеина, проходит Шон. А рядом с ним шагает голубоглазка Йол и что-то ему оживленно рассказывает. Они оба, не в пример мне, выглядят великолепно. Спорю, у нее на ногтях лак в полном порядке. И все-таки на семинаре мне не показалось. Это очень больно.

Возвращаясь в нашу квартирку, я хочу только одного: почувствовать себя... живой. И

поэтому, на радость психологу, мы с Брюсом, наконец, исполняем супружеский долг. Кстати, говоря про долг, именно это я и имею в виду. Мне абсолютно плевать, что он со мной делает и как. У меня будто все органы чувств отключили. Встаю с кровати, на которой даже простынь не помята, запираюсь в ванной и, включив душ на полную катушку, наконец, срываюсь. Слезы текут градом, перед глазами раз за разом крутится какое-то чертово порно с участием Шона и этой... Йол. Но я сама виновата, я сделала свой выбор, отпустила, и теперь могу заботиться только об одном человеке — себе любимой. И притворившись, что ни разу не плакала стоя под душем, я предлагаю Брюсу:

— Давай переедем.

— У нас нет денег на другое жилье, — хмурится он.

— Есть. Мы... мы в университете выполнили один проект, и теперь на некоторое время можно себе позволить кое-что более приличное. Ведь этот район... не слишком безопасен, по вечерам здесь страшно...

Последнее для Брюса аргумент. Если он мужчина и может дать сдачи, то с меня подобного не потребует никогда. Таким образом, я отстаю свое право на нормальное жилье, и к вопросу смены места жительства подхожу как можно серьезнее. Мои критерии просты: хочу, чтобы был виден залив, чтобы университет был неподалеку, а еще обязателен старбакс, в который я буду заглядывать во время утренней пробежки, и, конечно, НИКАКОГО ЗЕЛЕНОГО ЦВЕТА. Но по мере разглядывания картинок требования возрастают, процесс затягивается, и в итоге квартирка, которую я подбираю, тянет явно не на один проект, но я решаю, что пошел Брюс к черту, потому что... потому что подозреваю, будто радость психолога не прошла бесследно, и задержка связана не с худобой, а значит скоро нам понадобится больше места.

Я увязла по самые уши.

Глава 7. Помолвка

Менее шести лет назад

Наверное, каждая девушка помнит тот первый жуткий раз, когда она заподозрила у себя нежелательную беременность. Со мной это случилось немногим позже конференции в Осаке. Но в тот раз виной всем был стресс, недоедание и гормональные препараты. Однако прежде, чем я об этом узнала, содрогнулся весь мир, я просто обязана описать вам весь масштаб приключившейся трагедии. О, уверяю, вы не пожалеете о потраченном времени. Больше скажу, на моем фоне вы почувствуете себя самым эмоционально стабильным человеком этого брэнного мира. В некоторых ситуациях сравнение со мной даже здорово помогает самооценке!

Как вы, наверное, догадались, подозрение стало для меня настоящим ударом. Но я держалась, я крепилась, я убеждала себя, что все в порядке и проблем нет и не может быть, ведь я регулярно принимала противозачаточные и посещала врача. А затем совершенно внезапно я сорвалась, психанула и побежала, к Керри жаловаться на жизнь. Заметим, что ей как раз подселили новую соседку, которая до той памятной масштабной истерики видела меня всего однажды. Ну, вы догадываетесь, наверное, какое мнение обо мне она по итогам случившегося составила. В общем, я ворвалась в комнату, вся зареванная и взъерошенная, оттолкнула подругу и решительно плюхнулась на ее кровать, начав сотрясаться в

судорожных рыданиях.

— Джо, ты совсем с ума сошла? — поинтересовалась Керри, потирая ушибленное плечо.

— Я, кажется, беременна, — простонала я в ответ.

Как сказать Шону? Или не сказать? Как пережить подобное? Он бы заставил меня сделать аборт? Или выгнал бы прочь, заставив разбираться со своими проблемами самостоятельно? О том, что он предложил бы мне хоть какую-то помощь, и речи не было! А значит, пришлось бы бросить университет и вернуться к родителям? Как бы я стала жить за их счет? Или ввиду недостатка образования и перспектив устроилась бы официанткой в какую-нибудь придорожную забегаловку?

— Ох, ты ж черт, — потрясенно выдохнула подруга.

— Это конец всему. Мечтам, жизни! Этот ребенок — крах меня как личности. Как я могла связаться с Картером? Зачем я вообще с ним тогда заговорила?!

В этот самый момент соседка Керри окончательно уверилась в моей невменяемости и покрутила пальцем у виска.

— Джо, прекращай себя накручивать! Сначала нужно узнать наверняка! — попыталась вразумить меня подруга.

— Слышим Джоанну, — раздалось от дверей, и в нее просунулись Джек и Аарон. А я еще громче зарыдала. Только их для полного счастья мне и не хватало.

— Убери их, Керри, умоляю! — взвыла я.

— Идите отсюда. — Керри замахала руками, пытаясь выпроводить моих одноклассников, но им и в голову не пришло, что мои проблемы могут быть настолько личными.

— Да в чем дело-то?

— Джоанна думает, что беременна, — тут же сообщила соседка Керри, за что получила звонкую затрещину и была в срочном порядке депортирована из комнаты.

— Серьезно? От Картера? — поинтересовался Джек, а я от его вопроса возмущенно икнула и только потом гневно выпалила:

— Нет, блин, от святого духа!

— Ну, так сделай аборт... — пожал плечами Джек. И правда, в чем проблема-то?

Подумаешь, убийство живого существа, подумаешь, что это риск для здоровья... Короче меня стало не заткнуть всеми кляпами мира. Я вопила и била кулаками подушку, и ломала ногти. Полный набор начинающей душевнобольной. — Ладно! Ладно! Не делай. Джо хватит... Да чтоб тебя, Джо, давай просто представим, какие умные и красивые у вас будут дети...

И пока я собиралась с силами, чтобы выдать целую речь о вопиющей черствости некоторых индивидуумов, на помощь, как всегда, подоспела подруга.

— Держи, — сказала Керри, протягивая мне припасенный на черный день тест на беременность. В бытовых вопросах она дама очень и очень практичная. — А вы оба выметайтесь к черту. И если для молчания потребуются дополнительные ресурсы — заклейте скотчем рты.

Пока мы с Керри ждали результатов, она сделала то, что должна была с самого начала — сообщила мне новость. Как всегда, в своей неповторимой манере — в лоб с размаху.

— Я выхожу замуж, — заявила она, отняв у меня остатки связных мыслей.

— О... я поздравляю тебя. В смысле вас. — О да, вы правильно подумали. Новость стала для меня таким шоком (да еще и после моих личных проблем), что я не смогла адекватно отреагировать на признание подруги. — Эм... я не думала, что у вас с Лайонелом все настолько серьезно. Он... переедет в Сидней? — Господи, что я несую?!

— Нет, у него прекрасная адвокатская практика в Ньюкасле... — покачала головой Керри. Вот именно! Он работал в Ньюкасле, а она училась в Сиднее, и именно по этой причине я не ожидала такой прыти. У моей подруги всегда были толпы поклонников, и когда появился Лайонел Прескотт, я даже не обратила особенного внимания, тем более, что они виделись... весьма редко. К тому же я пропустила львиную часть их романа, выстраивая отношения... с Такаши Мияки. Непростительно.

— То есть ты уедешь из Сиднея? Я, надеюсь, через год, когда закончишь университет?

— Джо, я перевелась на заочное отделение. Ректор подписал приказ еще на прошлой неделе...

— Но он ничего мне не сказал! И ты ничего мне не сказала! — не сдержавшись, воскликнула я. — Почему? Ты бросаешь меня здесь одну с этим монстром, а сама уезжаешь, и уже даже приказ на руках имеешь?!

— А с какой такой стати мы с Картером должны согласовывать каждое свое действие с тобой? Может, Лайонелу тоже нужно было сначала твоего одобрения спросить? Черт возьми, Джоанна, ты можешь подумать хоть о ком-нибудь кроме себя? Хоть раз в жизни! — Она остановилась посреди комнаты и покачала головой. — А знаешь что? Забирай свой тест и проваливай. Разбирайся со своими проблемами сама! Мне надоело страдать за компанию, надоело тебя поддерживать. У меня уже такое чувство, будто я живу с вами с Картером третьей. Только если ты с ним расстаться не хочешь, то я — очень даже. И мой вердикт таков: я выхожу замуж и собираюсь этому обстоятельству радоваться. А ты либо радуешься вместе со мной, либо идешь страдать в другое место.

Раньше мы с Керри никогда крупно не ссорились. Это было впервые. Я не могла поверить своим ушам. Я не знала как себя вести, а потому сделала ужасную вещь — я еще сильнее расстроилась и ушла.

Думаете, что я была опрометчива, не думала о подобном исходе и не просчитывала разного рода вероятности? Не угадали! Я знала, что учитывая специфику наших с Картером отношений, опасность отнюдь не мнимая, и потому была очень осторожна. А уж когда познакомилась со всеми гранями распрекрасной натуры своего ректора (читай, встретила с Пани), природная мнительность и обидчивость победили здравый смысл, и я перешла на мощнейшие препараты из всех, которые имелись в аптеках Сиднея. Иными словами, нет, я не была беременна, всему виной оказались стресс и гормональный дисбаланс, вызванный средствами контрацепции. Да-да, психозами и медикаментами я довела свой организм до истощения, и что-то сломалось, перестало работать должным образом.

Вердикт врача, которого я посетила, был таков: двадцатилетней девушке не стоит принимать противозачаточные, рассчитанные на подросткового слоненка. Но как было объяснить ей причину, не используя фразы типа «пardon, но если я когда-нибудь забеременею от собственного бойфренда, то брошусь под поезд! Если конечно, успею, пока он не разработал план моего изощренного убийства!»

Короче принимать контрацептивы мне запретили, и я почувствовала себя незащищенной. Я никогда в жизни не чувствовала такой уязвимости. Мне нужны были все имеющиеся в

мире барьеры и заслоны, чтобы не подпускать Шона еще ближе, чем он уже побывал, и вдруг у меня это отняли. Теперь одна лишь мысль о том, что он может потребовать от меня близости, начала ввергать в ужас. Нужно было как-то прояснить ситуацию, но как? Я не собиралась посвящать его в свои проблемы, да и разве были они ему интересны? Разумеется, в ход пошло вранье.

Ладно, пусть одна неделя проблемой не явилась, но дальше пришлось вертеться, точно уж на сковородке. Задержалась на кафедре, устала, слишком много заданий, невероятная занятость на почве высосанных из пальца неприятностей... Но, судя по словам врача, шла на поправку я очень медленно, и запрет никуда не исчез, а разговор все-таки настиг. Да, именно так, безо всяких предисловий однажды утром Картер припер меня к стенке. К счастью, не буквально:

— Хочешь разъехаться? — потребовал он ответа.

И это было логично. Как вы помните, после конференции мы там и не поговорили на тему «пять месяцев вышли». Но ответа у меня не нашлось, потому что... я больная, знаю, но я не хотела расставания. Все, ну, привыкло, притерпелось. Он меня не понимал, не изменял (по крайней мере открыто), а благодаря этим отношениям в университете на меня сыпались бонусы и проекты, да и желание стать Бабочкой никуда не делось.

— Или есть другая причина, по которой ты от меня шарахаешься? — глядя в мои затравленные глаза, добавил Шон, будто подсказывая, что, в общем-то, он не настаивает.

— А ты... дашь мне уехать? — поинтересовалась я, так и не выдавив из себя ничего по существу.

— Если ты собираешься свалить в Штаты, я не стану тебя задерживать ни на минуту, — торжественно объявил он.

То есть пока я в Сиднее, он собирается продолжать наши отношения, но если я куплю билетик — скатертью дорожка? Это меня разозлило достаточно, чтобы страх отключился, а правда так и полилась из меня:

— Я не на контрацептивах.

— То есть?

— То есть у меня... проблемы, и врачи запретили...

— Секс?

— Нет! Пить таблетки.

— А о других способах предохранения ты не слышала? — издевательски поинтересовался он, явно намекая, что это мои заморочки, и он страдать от них не намерен. — Могу подготовить лекцию и по этому предмету тоже, мне тебя учить не впервой.

— Они не так эффективны, — скрипнула я зубами. — Я понимаю, что стопроцентный результат ничто не дает, но свести риск к минимуму разумно. Потому что добровольно делать аборт я не стану, даже не надеюсь! — На этом я замолчала, потупилась и, смутившись, облизнула губы. Не могла же я сказать ему, что моя мама много лет лечилась от бесплодия, и о втором ребенке они с отцом даже мечтать не смели.

— Хм, я не понял, то есть за все время, что спишь со мной, ты ни одного раза не забыла выпить свои злосчастные таблетки? — недоверчиво поинтересовался он.

— Нет, конечно! — запальчиво воскликнула я.

— Знаешь, Конелл, наверное, я тебя боюсь, — фыркнул Шон, а затем поднялся и вышел из кухни. А я вдруг сообразила, что мы так ни до чего и не договорились.

Но тот же день принес мне еще одно знаменательное событие: первую встречу с Керри после памятного скандала. Это вышло случайно. Я увидела ее в противоположном конце коридора, и мы обе застыли по стойке смирно. Внезапно мне так захотелось рассказать ей об утреннем разговоре, спросить совета и так далее... Но это было невозможно, если ей надоели мои проблемы, пусть так и будет. Да, обиделась! Это у нее мама рядом, а моя за тысячи миль!

Но тут расстроенная моим невниманием невеста решительно двинулась на меня. А я что? Конечно, развернулась и рванула прочь. Я говорила, что бегаю очень даже хорошо? Так вот Керри бы ни за что меня не догнать. Но она всегда была хитрой — сообразила, что я попытаюсь ее обмануть и побегу в столь опасное место, как коридор около приемной ректора... Короче, она не напрягаясь пришла к пункту моего назначения, пока подружка ректора носилась на шпильках по окольным коридорам на радость прочим студентам. И только я приблизилась:

— Стоять! — рявкнула Керри, выныривая из-за поворота и для большой верности хватая меня за плечи. — Как оно?

И тут до меня дошло, что подруга до сих пор не знает результат теста. Хотя могла бы и догадаться, ведь если бы он был положительным, мою истерику и в Штатах бы услышали... Но злость уже поутихла, и я просто покачала головой. А она меня крепко обхватила меня руками и прижала к груди, заставляя на мгновение позабыть о том, насколько плохо мы расстались в прошлый раз. Я понятия не имела, как все будет дальше, но Керри вдруг порывисто отстранилась и без слов сунула мне в ладонку свою руку.

— Ох, ты ж черт, Керри, — воскликнула я, глядя на очаровательное колечко, которое сидело на ее пальчике так, будто было создано именно для этой девушки. — Как красиво, — прошептала я и погладила его пальцами.

— Эй, Love Mississippi, будешь моей подружкой невесты? — спросила она, явно скрывая под бравадой страх.

— ЧТО?! Да я была рождена для этой миссии. У тебя есть кто-то еще?! Эта мымра с соседней кровати что ли?!

Керри расхохоталась, а затем мы вдруг заревели в голос. Хором. От облегчения, наверное. Как бы то ни было, мы ужасно соскучились друг по другу и обе опасались, что вспышка злости разрушила нашу дружбу — эту странную взаимную привязанность между законченной карьеристкой и девушкой, готовой пожертвовать ради замужества дипломом очного отделения одного из лучших университетов страны. О да, мы с Керри очень разные, но, наверное, это только плюс.

— Конелл! Конелл, смотри внимательнее. Я хотела показать его тебе первой! Не родителям, а тебе — моей родной истеричке! — потребовала подруга, чуть ли не тыча в нос мне своим новообретенным предметом гордости.

— Ты не должна сомневаться, что я очень за тебя рада, просто... просто без тебя мне будет так плохо, — тем временем, продолжила я рыдать. — Как я тут останусь... мне же нужно противоядие против...

— Мисс Конелл, — зашипела на меня мисс Адамс, очень своевременно высовываясь из приемной. Выглядела она напуганной. — Сейчас ректор выйдет.

— Ректор уже вышел, мисс Конелл! — зарычал Картер его голова появилась аккурат над макушкой мисс Адамс, и мне вдруг привиделось, что на меня смотрит причудливое двухголовое нечто. А что? Очень даже логично! Секретарша Шона у меня не

воспринималась в отрыве от своего непосредственного босса вообще никак... Да и он без нее, наверное, пропал бы. Эта сухонькая женщина в возрасте на удивление рьяно защищала интересы этого социопата, принимая большую часть коммуникационных ударов на себя!

— Но она выходит замуж, — возмутилась я.

— Я выхожу замуж, — поддержала меня Керри.

— И мы имеем право пошуметь немного.

— Ключевое слово — немного, — рявкнул Картер и резко скрылся.

Он был зол. Нет, очень зол. Как я поняла чуть позже, вообще чудо, что он ухитрился сдержаться, и не оторвал нам головы... Только бешеный начальник скрылся, мисс Адамс «очеловечилась», расплылась в улыбке и принялась сердечно поздравлять мою подругу.

После примирения с Керри настроение было отличным, и, возвращаясь в домик на окраине Сиднея, я улыбалась. Была уверена, что Шона нет, уж не знаю почему, но не суть. В общем, я зависла перед зеркалом в прихожей. Поправила волосы, повертелась, решив, что слишком бледна, накрасила губы блеском, и, наконец, взмахнула несколько раз ресницами, улыбаясь зазеркальной Джоанне. Да, блондинкой я нравилась себе определенно больше. А потом из глубин гостиной донеслось:

— Иди сюда!

Это было сказано столь мрачно-угрожающе, что у моего отражения брови сошлись к переносице. Я медленно и тихо — не раздражаем — подошла к дверному проему. Шон сидел в темноте в кресле. Без ноутбука, но со стаканом в руке. От мрачности картинки я внутренне задрожала, но медленно поддаться панике он мне не позволил — швырнул в нее с головой:

— Давай-ка кое-что выясним, Джоанна Конелл. Ты живешь здесь, со мной, в этом доме только потому, что мне нравится с тобой спать. Следовательно, если ты этого не делаешь, то собираешь свои пожитки и выметаешься.

У него совсем крыша поехала? Или, может, он думает, что это игрушки?! Я очень разозлилась, и сквозь сжатые зубы прошипела:

— Ясно. Что-то еще?

— О, еще много всего. Например то, что все последствия — не мои проблемы. Ты и без того получаешь достаточно. — Мне живо представился контракт, который меня сейчас заставят подписать кровью. Черт, невероятно. Это же просто невероятно! И после этого еще кто-то удивляется, что я не хотела ему говорить о своих проблемах?! Надо было смолчать, собрать вещи и уйти. Потеряла бдительность. Расслабилась! Вот же дура... — И если ты залетаешь — просто делаешь аборт. Не ставя меня в известность. Я думал, что хотя бы в этом отношении у тебя мозги на месте, так ведь нет же! Раз так, придется тебе сообщить неприятную новость: я НЕ хочу об этом даже знать. Я с тобой сплю — я за это плачу, и все честно. Если тебя что-то не устраивает — убирайся отсюда и выживай как хочешь. Мне твоё дерьмо ни к чему. И если ты вдохновилась примером Керри, у меня для тебя неприятные новости: колечка от меня ты не получишь никогда. Никким образом. Хоть все тело паразитами засели.

— Паразитами? — оторопело переспросила я.

— Женщины умирали и умирают при родах, гробят свое здоровье, пытаются продолжить род. С эволюционной точки зрения все просто: когда появляется следующее звено в цепи, надобность в предыдущем отпадает, что подтверждает и медицина: плод день за днем вытягивает из тебя жизнь. А потому физиологически разница между кормежкой ребенка и

солитера отсутствует.

— Это дико, я не хочу это слышать, — раздраженно бросила я, на мгновение демонстративно зажимая уши.

— Как скажешь. Я просто пытаюсь донести до тебя свою мысль: мне не нужны проблемы. Моя жизнь меня полностью устраивает, но вынудишь — я исключу тебя из нее без труда.

— Ты не сказал мне ничего нового.

— Неужели? Тогда почему ты все еще одета? Раздевайся или убирайся, — мягко проговорил он.

И я начала порывисто и зло стягивать с себя одежду. Вообще не сексуально, не собиралась доставлять ему хоть какое-то удовольствие. Хочет вести себя как животное — получит в ответ то же. А я ведь думала, что Шон Картер не может пасть в моих глазах еще ниже, но он просто живое доказательство всему гребаному невероятному в этом мире. Я уеду. Я уеду отсюда! Никогда-никогда-никогда не вернусь! Но сначала за свои унижения получу Бабочек Монацелли. Иначе все впустую!

И вот, совсем как в Осаке, я стою перед ним голая, но настроение совершенно иное. А он просто встает с кресла и расстегивает ремень брюк, обходя меня со спины. Но то, что случилось дальше, было совершенно не из моей жизни. И книги подобного содержания я всегда откладывала в сторону, не желая больше к ним прикасаться. Это было попросту омерзительно: Шон резко толкнул меня к дивану и заставил перегнуться через спинку. Она больно впилась в тазовую кость, но, наверное, даже если бы я попыталась подвинуться, лучше бы не стало. Пока я злилась и размышляла о происходящем, Картер резко, без прелюдий и без защиты вошел в мое тело. Я дернулась от боли и попыталась вырваться, но этот ублюдок только сильнее впечатал меня в спинку дивана, придавливая сверху. От боли перед глазами появились белые вспышки. Из груди сам собой вырвался жалобный вскрик. И с каждым толчком бедрам становилось все больнее, ни о каком удовольствии и речи быть не могло. Всеяло надежду только одно — бег стрелок часов на противоположной стене. Но, к счастью, видно, после долгого воздержания, все закончилось даже быстрее, чем я надеялась. Никогда в жизни я не была так счастлива, слышать стоны этого ублюдка.

После к моей спине прижался его мокрый от пота лоб, и я задрожала, не представляя, чего ждать дальше. А вдруг он потребует продолжить? В качестве компенсации за утраченные возможности меня поиметь или еще больше унижить. Но ничего подобного не случилось: его губы просто заскользили вдоль моего позвоночника. И — вот же невероятный черт — по коже побежали мурашки. Я не хотела этого, я жаждала выставить все изнасилованием, верить, что Шон еще больший монстр, чем есть на самом деле! Но, увы, его губы спускались ниже, и ниже, и ниже, и пока не заставили меня забыть обо всех первоначальных намерениях.

— Благодарю, наша маленькая сделка в силе, — наконец, сказал он и ушел, оставляя меня дрожать от испытанного страха и удовольствия.

Я ненавидела Шона. Я ненавидела его каждое гребаное противоречие. Я ненавидела легкость, с которой он сочетал диаметрально противоположные качества. Я ненавидела мир за то, что он в своем скудоумии не смог дать определение таким людям. И ненавидела себя за то, что и сама не могла подобрать решить для себя, кто он.

Пришедшее следом утро стало для меня еще одним кошмаром: я стояла перед зеркалом

и рассматривала лиловые кровоподтеки, спускающиеся по животу от пупка и ниже. Картинка откровенно пугающая. И даже нижнее белье не надеть. Было ужасно больно. Мда, если бы мне когда-нибудь кто-нибудь сказал, что я когда-либо выйду из дома без трусиков, то я бы, наверное, врезала за такое хамство. И вот, пожалуйста.

Наконец, наглотавшись обезболивающих, я вытащила из шкафа платье с расклешенной юбкой до колен и чулки — в сложившейся ситуации это было лучшим решением.

Не знаю, какого цвета я была, когда покупала огромную коробку презервативов после пар. А из головы не шли мысли о следующем приеме у врача. Может, стоило ей показаться и припомнить «подросткового слоненка»? Спорю, она бы спать перестала... Ну, либо посчитала бы меня шлюхой. С другой стороны, наверное, так она и подумала, когда узнала название принимаемых мной препаратов. И аптекарь, спорю, тоже. И Картер. И я уже сама готова была проститься с собственной репутацией. Все, что меня спасало, содержалось в одной-единственной мысли: я уеду отсюда. Уеду и никогда не вернусь. А значит, временно могу творить, все, что пожелаю. Иронию чувствуете, а?

Картер снова оказался дома раньше меня, а потому я получила чудесную возможность швырнуть коробку ему в лицо.

— Какая прелесть. Гугл — отличная шутка, да?

— С тебя половина стоимости, — рявкнула я. — Наслаждайся.

— Охотно, — фыркнул он. — Прямо сейчас и займусь.

С этими словами он схватил меня за руку и бросил на кровать. Я упала на спину, и юбка задралась, обнажая бедра. Картер застыл. Не ожидал, черт возьми, он действительно не ожидал. Не знаю почему, но внутри как-то потеплело от этой мысли. Нет-нет-нет, я не имела права его прощать, и закричала:

— Не делай вид, что раскаиваешься!

— Конелл, ты идиотка?! — зарычал он, нависая надо мной, но, даже не делая попытки прикоснуться. — Правда ждешь, чтобы я извинился за то, что ты довела меня своим долбаным целибатом до сумасшествия?!

— А что тебе мешало пойти и найти себе очередную шлюху, если было тяжело настолько? — зашипела я, одергивая юбку. — Была уверена, что этим ты и промышляешь.

Некоторое время он просто смотрел на меня, но вдруг начал отстраняться.

— Так вот каково будет твое извинение! — продолжила орать я. — Ну нет, после того, что ты сделал, я не позволю тебе отказаться от договоренности, прикрывшись проснувшейся совестью! Учти, я не уйду, пока не получу Бабочек. Так что надевай на свой бл*дский член резинку и вперед по всем условиям соглашения.

— Ты ненормальная? — в его голосе смешались шок и отвращение.

— А в чем дело? Это ведь твои требования, не только любезно предъявленные, но и наглядно продемонстрированные! Вперед!

Но он встал и ушел. Находиться в спальне Шона без Шона мне было очень неудобно, хотелось уйти. Но я не была уверена в том, что происходит и не решилась уйти. Он с равным успехом мог прийти и наорать на меня как за то, что я осталась, так и за то, что я ушла. Это как кот Шредингера... все правильно и все неправильно.

— Иди сюда, — решил мою дилемму его голос из ванной.

Я слезла с кровати и подошла к двери. Передо мной вдруг предстала удивительная картинка: ванна была уже наполнена водой, а Картер стоял рядом и раздевался.

— Так и будешь там стоять? — поинтересовался он.

Я подошла ближе, а он схватился за молнию моего платья и сам начал меня раздевать. И опять же часть моего расколотого надвое сознания протестующе закричала, жаждая выставить Шона чудовищем. Но это было не так.

Не знаю, зачем и почему, но после мы с Шоном просто молча сидели в ванной. Спинай я прижималась к его груди и чуточку морщилась от дыма сигареты. Но то, что мы не смотрели друг другу в лицо, это притворство было таким... комфортным, правильным. И слова были лишними, уйти не хотелось. И пока не остыла вода, пока моя кожа не покрылась мурашками, мы так и сидели. Каждый думал о своем. А потом мы вместе грелись под душем.

Ну а теперь вернемся к тому, что не касалось моей личной жизни. После Осаки я устроила себе полноценный отпуск, в итоге безжалостно обрубленный Шоном. Видимо, он решил воевать сразу по всем фронтам, потому что внезапно, даже толком не заметив, как именно, мы оказались в проекте вчетвером. Я, Шон, Роберт Клегг и суперкомпьютер. Мы придумали новый проект, получили грант и начали исследования. И, если я не ошибаюсь, эта работа была и по сей день является единственным совместным трудом Картера и Клегга.

Я стала почетным докладчиком четверговых семинаров, и это было круто, так как на каждом из них — каждым! — Хелен Амберт скрипела зубами от злости. Мне позволялось все, ну или почти все. Уверяю вас, это стоило нескольких синяков и пятен на репутации.

И я буквально летала и наслаждалась ровно до тех пор, пока не увидела в кабинете Шона Картера Хелен. Снова. Я не понимала, что их может связывать. Но очень хотела узнать. И я решила спросить не у Шона, ведь он мог воспринять мои слова как предложение отправиться напрямиком в одну небезызвестную постель. А я боялась, что его доброе ко мне отношение — результат чего-то более отвратительного, нежели физическая жестокость... В общем, однажды после пар я подкараулила Хелен Амберт.

— Что за дела связывают вас с Шоном? — спросила я, хватая ее за локоть.

— С каких это пор ты испугалась за свое положение персональной ректорской подстилки? — хмыкнула она, отворачиваясь.

— Ну а разве за эту должность не драка? — издевательски протянула я. Хелен фыркнула и попыталась уйти, но я ее снова остановила. — Стой. Мне некуда идти.

— Что? — оторопело переспросила она.

— Ты из Сиднея, у тебя здесь мама, папа, бабушки, дедушки и Бог знает кто еще, но мне некуда идти. Я не собираюсь отказываться от Картера добровольно, но если вы с ним уже спите, лучше скажи. Мне нужно время, чтобы найти жилье. — Я много думала о том, что смогла бы вынести, и чего не смогла. Так вот отношения втроем были именно тем, чего бы я, казалось, не приняла никогда. Тем более что это бы обсудили со всех сторон...

Вы скажете, что я сошла с ума, когда подошла к Хелен с просьбой быть честной, но Шон в последнее время вел себя так странно. И этот разговор о моем уходе, и диван, и ванная, и проект с Клеггом. Происходящее меня откровенно пугало.

— Тебе лучше уйти, — сказала Хелен хрипло. И сначала, на эмоциях, я действительно ей поверила, но потом... потом взгляделась в ее лицо.

— Ты врешь... — потрясенно выдохнула я. Не знаю, чего я ожидала, то ли понимания, что ли порядочности, но я действительно не ожидала, что она посмеет глядя мне в глаза соврать...

— Нет. Я не вру. Просто говорю... что ты его травишь. Он не любит тебя, и никогда не полюбит, но по-своему он к тебе привязан и все больше привязывается. Посчитай, сколько вы уже вместе. Привычка — сильная штука, и чем дальше, тем больше будет расставаться.

Джо, уйди сейчас. Дай ему шанс на счастье.

Я не выдержала и фыркнула.

— Поверь, Хелен, Шона Картера не от чего спасать. — После этих слов я попыталась уйти сама.

— Я люблю его, — раздалось из-за моей спины. Я даже недоверчиво обернулась.

— Хелен, ты совсем с ума сошла? Ты его даже не знаешь. Таких людей, как Шон Картер, не любят, потому что любить их невозможно. Какая разница, любит он меня или нет, он никогда не полюбит. Да я даже не уверена, что он любил Пани, сначала отпустил, а теперь и вовсе издевается...

— Это для тебя невозможно, Джо. Потому что вы у вас от взаимных оплеух уже щеки горят. Просто ты — не та, кто ему нужен.

— Замолчи, ясно?! — рывкнула я на нее. — Мне плевать, кто ему нужен, а кто нет. Ты даже не представляешь, сколько я уже вытерпела за благосклонность Шона Картера. И от того, что мне за это причитается, не откажусь! Если он хочет, чтобы я ушла, ему лучше поторопиться и пропихнуть меня в Бабочки.

— Ты просто бессердечная стерва!

— А, должно быть, тебе обидно, что даже это обстоятельство ему больше по душе, чем твоя, с позволения сказать, любовь.

Хм, у Хелен определенно есть причины меня ненавидеть.

В тот день, когда я решила поднять весьма скользкую тему, мы с Керри выбрали приглашения на их с Лайонелом свадьбу.

— Ммм, Керри, а ты собираешься приглашать Картера? — спросила я, пока мы бродили из одного свадебного салона в другой.

— Не знаю. Черт, твой бойфренд просто заноза в заднице. Он как бы ректор, но как бы парень моей лучшей подруги, — пробурчала она. Явно тоже думала об этом. — Пригласить на свадьбу ректора — как-то не айс, но и пригласить всех парами, а тебя одну — тоже не айс.

— Я переживу свое гордое одиночество, не хочу снова сидеть с табличкой «подружка ректора» на лбу.

Внезапно Керри неким неуловимым движением заступила мне дорогу.

— Черт, Джо, вы живете вместе уже почти полтора года. Это природная аномалия, что вас все это время неразрывными узами сковывает постель и только. По всем законам природы вам пора разбежаться или пожениться. И как твоя подруга я не могу поддержать первый вариант, это будет выглядеть как пренебрежение. К тому же, я его боюсь. Вот. Я все сказала.

— Отлично отрепетировала, — кисло улыбнулась я.

— Еще бы. На Лайонеле проверяла.

И мы дружно рассмеялись.

— Полтора года, Love Mississippi, это цифра серьезная. Прими как факт, что он твой полноценный бойфренд. Ну не может быть такого, чтобы вы вместе только спали.

И мне внезапно вспомнилась чертова ванна, да так отчетливо, что я потрогала пальцами собственный затылок, чтобы убедиться, что он не касается груди Шона. Если бы не это обстоятельство, я бы с подругой поспорила, но не могла. Как бы то ни было, мы с Картером прошли вместе Пани, Киану, Осаку и все равно остались вместе. В тот день я окончательно

поверила в утверждение, что самые крепкие браки — браки по расчету.

— Ну а теперь сплетни, пожалуйста, — отвлекла меня от размышлений Керри.

— Ты о чем?

— Ну как же? Грязные подробности. Где у него татуировка? Что он кричит в постели?

Или, может, он тебя связывает?

— Ты издеваешься?

— Нет. Давай, Конелл, повесели меня пошлыми секретиками ректора. А то если бы ты не пустилась в главную секс-эскападу прошлого года, я бы решила, что тебя воспитывали пуритане.

— Да нечего рассказывать. У него нет татуировок. Только шрам. В постели он молчалив. А со связыванием... ты, должно быть, пошутила. Да если бы он попробовал меня связать, я бы орала так, что соседи бы копов вызвали. Доверие — не мое сильное место.

— Госка-то какая, — хмыкнула подруга.

— Он курит. Иногда.

— Марихуану? — мигом оживилась она.

— Неа. Просто сигареты.

— Боже, — закатила подруга глаза. — Ты уверена, что у вас все так плохо? Ведь он точно такой же зануда, как и ты!

— Керри! — ошарашенно воскликнула я.

— Да брось, я шучу. — Только вот мне так не показалось. — Хм. Может, он хоть ноги бреет?

— Ты ужасна, — рассмеялась я.

— Да ладно! — воскликнула я, прижимая к уху трубку и поудобнее перехватывая поводок Франсин.

— Лайонел так и сказал! — Хохотала в трубку Керри.

— Но они же даже не виделись!

— Видимо, моих рассказов ему хватило с головой.

Дело в том, что когда Керри сообщила Лайонелу, что пригласила моего ректора, жених натянуто улыбнулся и объявил, что теперь боится собственной свадьбы втрое сильнее. И вроде бы безобидная шутка, но для нас с Керри она имела особенное неповторимое значение. В общем, пока я выгуливала Франсин, мы с подругой перемывали кости Шона Картера. И мне было плевать, икается ему или нет.

У меня вообще было великолепное настроение. Не так давно мне вернули мои славненькие, чудесненькие таблетки, и теперь я могла не опасаться — ну или почти не опасаться — за свое светлое будущее.

Вернувшись в домик Шона, я накормила собаку и с чувством выполненного долга завалилась на диван в обнимку с мороженым и несколькими статьями по тематике проекта. Спустя минут двадцать раздался стук входной двери.

— Привет, — крикнула я Картеру. Знала, что он ничего мне не ответит, просто пребывала на редкостно хорошем настроении, и была уверена, что даже его издевки не в состоянии испортить этот восхитительный денек.

— Эээ... а его пока нет? — несколько смущенно поинтересовалась Хелен. Я аж ложку уронила...

— Ты как вошла?! — воскликнула я.

Она лишь молча показала мне комплект ключей. Это, конечно, все объясняло! Но дверь снова хлопнула, и на пороге гостиной появился Шон. Невозмутимо взглянул на окончательно опешивших нас и начал стягивать пиджак.

— Если ты не заметил, тут обнаружится unresolved external³, — объявила я, надеясь, что он хоть как-то отреагирует.

— Ну, прямо-таки и unresolved⁴, — вполне себе миролюбиво отреагировал Шон.

— Прости, по части IT-метафор ты у нас мастак.

— Можешь, продолжать, у тебя получаешь очень неплохо, — похвалил мое подражательство Картер.

Я лишь фыркнула и сняла с крючка поводок Франсин, собираюсь пойти с ней гулять во второй раз за день. Серьезно, я не собиралась сидеть в соседней комнате, пока эта парочка занимается... чем-то. Но Шон не позволил. Он буквально загородил мне проход к двери, мешая пройти. Франсин заскулила от огорчения, озвучивая мои мысли.

— Оставь в покое мою собаку. Если собираешься трусливо сбежать, имей смелость сделать это открыто.

Отличненько. Я прошествовала на кухню, взяла подмышку ноутбук, а в карман положила ключи от номера отеля.

— Позвони, как закончите. Мне нужен будет принтер.

— Даа, Конелл, глядя на тебя, я иногда и впрямь начинаю впечатляться собственным скотством.

Чувствую, как мои губы раздвигаются в ядовитую улыбку, когда я отплачиваю Картеру в точности его же монетой:

— Позвони как закончите. Мне нужен будет принтер, — повторила я, даже интонации не изменив. Шон раздраженно поджал губы.

Это был один из его приемчиков. Я и по сей день им пользуюсь, когда нужно кого-нибудь обезоружить.

Было уже два часа ночи. И, разумеется, ни одного звонка. Я валялась на кровати в обнимку с ноутбуком... и бесилась. Что они там делали?! Как же меня раздражало полное непонимание происходящего. Странные намеки, неожиданные встречи... Вдруг замок щелкнул, и я аж подпрыгнула. Кто это может быть, черт возьми? А что если Картер все-таки козел и заявил о краже ключика. Ну, в смысле, козел-то он точно козел, но законченный ли?

Однако, явился по мою душу всего лишь ректор собственной скотской персоной. Он прикрыл дверь и начал сходу раздеваться.

— Ты что это делаешь? — возмутилась я. — А ну стой!

Он изогнул бровь и вопросительно на меня посмотрел. Я лишь фыркнула, подкралась к Картеру, заставила наклониться и понюхала его волосы. Они не пахли ни сексом, ни шампунем. Значит, с Хелен он не спал. Так какого черта?!

— Проверка на паршивость пройдена? — издевательски спросил он.

— Условно. — Ну не могла я сказать просто да или нет.

— Ох, благодарю, — фыркнул он.

— И не надо беситься. Ты отдал этой гадюке ключи!

— Был уверен, что ты ее скорее с порога расстреляешь, чем вступишь, — кивнул Картер, стягивая рубашку. Я просто тупо стояла рядом, скрестив руки. — Не поможешь? — хмыкнул он. Я закатила глаза и взялась за ремень его брюк.

— И зачем она тебе так срочно понадобилась?

— Я ее научный руководитель.

— И что? Это повод ставить для нее третий комплект столовых приборов?

— Я не могу позволить ей осуществлять крупные взломы из стен университета.

— Уверена, ни одного крупного взлома у нее никогда не выйдет, — буркнула я, пока Картер избавлялся от остатков одежды.

— Именно поэтому ей нужно мое чуткое руководство. К тому у меня есть прекрасный пример вашим с Клеггом взаимоотношений. Ты дружишь с его женой, спишь в его квартире или номере отеля во время конференции, выпиваешь вечерами... Спорю, для тебя третий столовый прибор в доме Клеггом имеется всегда, — продолжал он, стягивая на этот раз одежду с меня. Какой абсурд. Мы теперь раздеваемся, обсуждая Хелен Амберт и Роберта Клегга.

— И взамен он кайфует, слушая мои жалобы на тебя. Хочешь послушать о несчастной личной жизни Хелен? — Шон аж в лице изменился. — Так я и думала. Знаешь, раз так, лучше бы тебе ключи у нее отобрать, — хмыкнула я.

В следующий момент я с воплем полетела на кровать, а Картер плюхнулся рядом и уставился в мой ноутбук.

— Что за фигню ты читаешь? И почему ноутбук так греется? Ты что почистить систему охлаждения не можешь?

Я закатила глаза и плюхнулась на живот, прикладывая руку к вентилятору. И правда, горячий. Ну, еще бы, на матрасе ведь стоит.

— Вот сам и почисти, — огрызнулась я.

— Вот и почищу, — фыркнул Шон и потянулся к мышке, в результате чего навалился на меня сверху.

— Слезь! — потребовала я, задыхаясь.

— Да заткнись ты! — Но все-таки чуть-чуть сместился вбок, позволив мне вдохнуть.

«Более приличную» статью, как он выразился, Шон все-таки нашел, и мы принялись ее изучать, пока вдруг его вниманием не завладел иной жизненно важный вопрос:

— Как ты ухитрилась сделать такую дебильную татуировку?

— Не твое дело, — автоматически ответила я.

Ну... примерно так и жили.

Глава 8. Разрыв

Настоящее время

Сегодняшний день ознаменован небывалым событием — мой смехом. И виноват Энрике Каддини. Но обо всем по порядку. Помните мое недовольство группой параллельщиков Клегга? Ну так вот я попыталась изменить их настрой. Пришлось повозиться, но все получилось. Началось с того, что я целый месяц кружила вокруг Картера, пытаюсь выбить с него здоровенный дисплей, да-да, тот самый, который висит теперь напротив входа в корпус наших кафедр. Он — моя главная радость и гордость, потому что там теперь красуются две колонки с баллами, первая из которых принадлежит картерианцам, а вторая — клеггинсам. Соревнование — залог прогресса, решила я, вспомнив гадкую Пани.

Монитор поставили всего неделю назад, но клеггинсы уже отстали по всем

показателям, причем настолько, что стыдно за родную кафедру. И теперь как-то зашевелились что ли. Хоть лабораторные сдавать начали. Но у картерианцев есть чокнутый Энрике Каддини, и это железобетонный аргумент в пользу победы первых. Клеггинсам, короче, ничего не светит.

Но не в этом дело. Вот вхожу я сегодня в корпус и вокруг поднимается дружный хохот, потому что на мониторе не разбаловка, а... я.

Еще не забыли про двойной хлопок дверью машины? Ну так вот на дисплее классика в исполнении Джоанны Конелл. Подъезжает мой минивэнчик на парковку. Из дверей высовывается нога на четырехфутовой шпильке, я выхожу и прежде чем закрыть дверь деловито одергиваю юбку, разглаживаю складочки, рассматриваю собственный каблук. Господи, и после этого я смею требовать, чтобы к моей фамилии приставляли звание «доктор». Ладно, продолжим: сумочку на локоть. Хлоп дверцей машины — не закрыла. Студенты загибаются. А цифровая я подхожу к двери, открываю ее с крайне недовольным видом. Хлоп дверцей. Вроде закрыла. С чувством выполненного долга, присаживаюсь, смотрюсь в боковое зеркальце, подкрашиваю губы. Улыбаюсь сама себе, ну все, я готова. Снова одергиваю юбку. Нажимаю на брелок сигнализации. Шесть писков. Ведь дверь-то все равно не закрыта. Студенты уже держатся за животы. Я с чувством пинаю колесо. Машина недовольно пищит. Снова хлопаю дверью. Вот, закрыла. Ура. Цепляю на нос солнцезащитные очки. И тут звонит телефон. Я его беру, благо, не слышно разговора, откидываю волосы с лица и поворачиваюсь к выезду. Даже на видео заметно, как я тяжело вздыхаю. Затем открываю дверцу машины, залезаю на водительское кресло, виртуозно разворачиваю мой минивэнчик и еду к воротам, но при этом дверь-то опять не закрыта, и пока я прямо на ходу пытаюсь это исправить, машина опасно виляет и чуть не цепляет створку ворот. В холле стоит дружный истерический хохот. И если вы думаете, что я от окружающих отстаю, то это не так. У меня уже болит живот и скулы. Я не помню, когда в последний раз так долго и искренне смеялась. Не в этом месяце точно. Приваливаюсь к колонне рядом со мной и обнаруживаю, что рядом скалился во все тридцать два зуба Каддини.

— Твоя работа? — спрашиваю я.

— Конечно. Увидел эту сценку и решил не жадничать, а поделиться с миром. У профессора же камеры по всему кампусу развешены. Вот. Стащил и выложил.

Оказавшись на кафедре, я занимаюсь тем, что стираю с экрана все следы вмешательства итальянца. Теперь там снова красуются скучные два столбика. Но я улыбаюсь, и улыбаюсь, и улыбаюсь. А потому тянусь к колонке картерианцев и добавляю им тридцать бонусных баллов. Потому что шуточка одного взъерошенного мальчишки — лучшее, что случилось за мной за весь прошлый месяц.

Я знаю, что должна поддерживать своих, но было бы ханжеством не поблагодарить Каддини, учитывая, что он это сделал ради меня. Ведь парень не дурак. Совсем нет.

А в остальном все не так безоблачно.

— Скоро сессия, — говорю я Роберту. Мы стоим около расписания экзаменов, изучаем его, предвкушаем, пьем кофе. Я — латте, он — эспрессо. — Знаешь, что это значит? Что я здесь уже почти пять месяцев.

— Нет. Это значит, что вам с Брюсом пора либо разъехаться, либо определиться с датой

свадьбы, — резко отвечает Роб.

— Я беременна, — сухо сообщаю я, то ли чтобы его заткнуть, то ли потому что больше молчать не могу. Я никому не говорила о своем открытии, ни маме, ни Керри, ни, разумеется, Брюсу. Будто если игнорировать проблему, она возьмет и исчезнет. Наверное, мне необходимо было поделиться с человеком, который в курсе всей ситуации и не является ни одной из пострадавших сторон. Но Клегг на душевные беседы не настроен.

— Тогда самое время выбрать дату, — не менее сухо отвечает он. И удивленным не выглядит. Предполагается, что супруги или будущие супруги обязаны состоять в интимных отношениях, но правда в том, что с тех пор как мы переехали, ни один из нас с Брюсом не сделал попытки прикоснуться друг к другу. Живем как соседи по общежитию, с той лишь разницей, что еду готовлю только я. Как мы можем вырастить в такой обстановке ребенка?

— Думаю, я стану ужасной матерью, Роб.

— Если тебя это утешит, из Брюса отец выйдет еще более паршивый.

— И это все, что ты можешь мне сказать? — зло выплевываю я.

— Неа. Еще я могу сказать то, что даже с Картером ты была счастливее.

Я так зла на Роба, что срываюсь на студентах. Зачеты, которые я устраиваю, поистине садистские. Настолько ужасные, что спасти подрастающее поколение приходит сам ректор. Он фактически вырывает у меня из рук ведомость и пустующие графы заполняет сам.

— Это нарушение протокола, — рычу я.

— Уверен, ректор закроет на это глаза, — язвит Шон и громко объявляет, что все свободны. — Ну что, Конелл, совсем тошно? — злорадно спрашивает он.

— Пригласила в гости Керри. Пытаюсь закончить дела к ее приезду. Но раз ты решил, что знаешь о моих студентах больше, чем я, то с радостью отправляюсь домой.

— Не переусердствуй, — слышу я, но не могу понять, на что он намекает.

— Что?

— С радостью не переусердствуй.

А вы думали он обо мне заботиться вздумал? Ха.

После того, как мы выехали из квартирки с зелеными стенами, я немного пришла в себя, а Брюс, напротив, замкнулся. Причина в деньгах. Но когда я вышла из кабинета врача, подтвердившего мои подозрения, Брюс был последним человеком, чувствами которого я озаботилась. Знала, что скандал будет, знала, что он взбесится, но взяла телефон и набрала номер риелтора. И теперь мы живем в квартире настолько роскошной, что временами я сама на себя поражаюсь. Зачем она мне понадобилась? Думаю, я пыталась отомстить Брюсу за этого ребенка. Будто он один виноват. Кстати, в нашем новом месте обитания две спальни. Я сказала Брюсу, что вторая гостевая, но ни один из нас в это не поверил. Однако, именно наличие большой и свободной комнаты позволило мне пригласить в гости Керри и ее детей.

А еще я устала. Устала врать самой себе, что собираюсь замуж за Брюса. Наши отношения закончились в тот миг, когда я впервые встретилась с агентом Леклером. Все, что было дальше — попытка позлить Шона и доказать, что и без Картера я вполне себе неплохо просуществую... да вот только, сдается мне, все это игра в одни ворота. Этому хмырю пофигу. Точнее нет, ему пофигу, когда не смешно. Сегодня я снова в этом убедилась. Хотя, когда мой живот начнет расти как на дрожжах, Шон действительно разозлится. Уверена, он даже расщедрит на еще одну мегауничижительную речь. Только все это неважно. Потому что у меня проблемы будут все равно серьезнее: я собираюсь родить ребенка от человека, которого не люблю и навсегда потерять шанс на счастье с тем, который мне дорог взаправду.

Тут уже не до злорадства.

У моей подруги трое детей: Джулиан, Марион и Констанс, которую почему-то сокращают до Кики. И теперь нестройный топот их ног разносится под высокими потолками моей роскошной квартирки. Сначала я думала, что ТРИ — это перебор, но с каждым днем все больше влюбляюсь в эту цифру. Впервые в жизни я украдкой кладу руку на живот, мечтая, чтобы детский смех и крики снова вдохнули жизнь в эти стены... и меня.

Керри не так часто бывает в Сиднее. Для нее мое приглашение — очень необычный досуг. Лайонел много работает, а путешествовать в одиночку с тремя детьми очень непросто. Но теперь есть в Сиднее я, и Керри пользуется долгожданной свободой. Как ни странно, она просит меня прогуляться до университета. Говорит, что и не помнит, когда в последний раз его видела.

— Дерьмово выглядишь, — сообщает подруга, ухитряясь и малышку нести, и мороженое поедать. — Кроме ног и волос и взглянуть-то не на что. — Изучает меня с почти мужской бесцеремонностью.

— А ты выглядишь отлично. Спасибо за комплимент, — фыркаю я.

— Это все заслуга Лайонела. Неким мистическим образом он всегда находит способ не допустить у меня очередной истерики.

Я даже думать не хочу над подтекстом ее слов. Изучаю хрупкую фигурку Джулиана, который уже окрестил своим падением университетский газон. Он считает себя очень взрослым и самостоятельным. Естественно, на фоне двух младших сестер он настоящий герой, но сейчас он такой смешной и умильный. Ну а Марион — очаровательное создание четырех лет и моя родственная душа. Она натуральная блондинка и ей никогда не придется подкручивать ресницы. А вот глазки совсем не ангельские — хитренькие, зеленые, совсем как у Керри. Она как куколка. Я хочу ее причесывать, одевать, обнимать... невозможно оторваться!

И глядя на то, как я вожусь с ее старшей дочкой, Керри вдруг спрашивает:

— Какой у тебя срок?

Не знаю, как она догадалась. Моя беременность проходит на редкость мирно и гладко. Токсикоза почти нет, чувствую я себя отлично. Разве что грудь немного округлилась. Может, видела, как я касаюсь живота, а может существует некая мистическая сила, которая позволяет женщинам чувствовать подобные вещи.

— Восемь недель, — честно ответила я.

— И что дальше? Ты собираешься сказать Брюсу?

— Я еще не решила.

— В смысле? — Керри смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова. — Это был риторический вопрос!

— Ну значит на твой риторический вопрос ответ крайне нетривиален!

Мы смотрим друг другу в глаза, точно в гляделки играем. О да, дорогая, ты пропустила очень-очень много.

— Ладно, расскажу. Он пьет и ни в грош меня не ставит. С какой стати я должна доверять ему своего ребенка? И не надо говорить, что у него пятьдесят процентов прав на

него. Я их забираю в качестве компенсации за свои страдания. Я просто хочу, чтобы у меня были дети. Но я не хочу, чтобы у меня был Брюс. Я сознаю все последствия, понимаю, как тяжело будет. И я уже почти смирилась с тем, что мои родители никогда это решение не одобряют. Я даже не уверена, что они поддержат меня... но жить так, как сейчас, — моральное изнасилование.

Несколько минут мы с Керри сидим в полном молчании и смотрим на главный корпус. Не знаю, о чем думает Керри, лично я стараюсь не думать о том, что по всей территории кампуса расставлены камеры...

— А что если он не захочет уйти, когда узнает о ребенке?

— Скажу, что беременна от Шона.

— Конелл, ты решила меня добить?!

— В смысле? А, нет. Я с ним не сплю, но Брюс об этом не знает. Он поверит, — хмыкаю я, мрачно рассматривая свое кольцо. — Таким образом, когда выяснится правда, будет уже поздно. Да и любой суд меня поддержит. Даже Клегги знают, что у Брюса проблемы с алкоголем, они будут свидетельствовать в мою пользу. Но, думаю, до этого не дойдет, учитывая, что стабильного дохода у него нет.

— А он тебя довел, однако, — задумчиво говорит Керри.

— Знаешь, раньше я считала, что самое страшное — ненависть. А теперь понимаю, что отсутствие уважения намного хуже.

Разговор с Брюсом я откладываю до отъезда подруги. Наши сцены семье Прескотт вовсе ни к чему, но как только буфер исчезает, я не выдерживаю. Остаться с Брюсом один на один я больше просто не могу, а потому собираю его вещи и выкатываю в коридор чемодан. Не будь я беременна, я бы купила в честь такого события вино, ведь я даже вспомнить не могу, когда в моей квартире в последний раз появлялся алкоголь. Хотя, о чем это я? Это у меня его нет, а у Брюса определенно имеется. После переезда Брюс взялся за старое. Только теперь он не пьет, а выпивает, то есть делает это не так тотально и демонстративно, но запах не спрятать. Видимо, без подобного допинга терпеть нашу жизнь он не может. Боже, я нескоро решусь повторить опыт гражданского брака. Да и брака вообще.

Когда открывается дверь, я сижу на кухне и жду. Девять вечера, где он был? Хотя, какая разница?

— Джоанна, что все это значит? — гневно спрашивает Брюс, показывая мне чемодан.

— Пошел вон. — А я лаконична. У меня были заготовлены аж две речи. Одна на случай мирного урегулирования вопроса, вторая — скандала. И первая начиналась со слов «прости пожалуйста, но нам не по пути», а вторая «я больше не могу это выносить, ты просто мерзавец, который на всю катушку пользуется своим положением». И вдруг «пошел вон» — все, на что меня хватает. Я итак отдала ему больше, чем была должна. Пусть я им пользовалась в своих целях, но еще заботилась. Работу искала, еду готовила, к бутылке не подпускала, стирала рубашки... А в ответ что? Ты слишком много на квартиру потратила?! Радуйся, что я этих денег не потребовала с тебя! О нет, я определенно не скоро захочу снова жить с кем-то. — Меня от одного твоего вида тошнит. Пошел. Вон.

Дальше он припоминает мне целую кучу всего. Ночь с Шоном, и то, что я стерва, и то, что со мной невозможно жить, потому что я пытаюсь контролировать каждый шаг. А мне пофигу. Череды повторений моего коронного «пошел вон» обрывается феерическим полетом тарелки, от которой Брюс уворачивается с огромным трудом. И повисает тишина. А потом

колесики чемодана с хрустом проезжаются по осколкам и громко хлопает дверь.

О да. Посуда бьется на счастье.

Моя голосовая почта заполняется быстрее, чем я успеваю ее вычищать. Сочтя себя достаточно оскорбленным, чтобы подсунуть ответную свинью, Брюс отправился напрямик в Ньюкасл. К моим родителям! Моим! Тем самым, которые должны были встать на мою сторону, но этого не сделали, потому что со стороны наш с Брюсом разрыв выглядит примерно так: мы жили вместе, и все было чудесно (ведь я не вдавалась в подробности происходящего за закрытыми дверями), а потом вдруг я взбрыкнула и выгнала его из нашей общей квартиры, присвоив все себе. Отличненько! Экая я стерва. Разумеется, все в шоке. И теперь доказать, что Брюс не несчастный и не обездоленный, нереально. Моя мама не оставляет попыток склеить нашу крепкую и дружную семью. В последнем телефонном разговоре я психанула и рявкнула: раз вам всем вместе так хорошо, то вот вы втроем и живите. После этого мама заплакала, и я тоже заплакала, но добавить ее номер в черный список это мне не помешало, в общем, теперь она атакует мою голосовую почту. Кстати сказать, Брюс тоже не жаждет трогательного воссоединения, но упрямую меня не аист принес! Маму разумными доводами не возьмешь! Для нее Брюс — зять-мечта.

— Джоанна, Брюс ведь переживает, он живой человек, да, не идеальный, но и ты тоже. Тебе уже почти двадцать семь...

— Двадцать шесть с половиной! — шиплю я на голосовую почту.

— А ты продолжаешь распугивать всех мужчин на расстоянии мили!

— Что?! — восклицаю я так, что студенты у соседнего окошка качают головами, забирают сумки и отходят подальше.

— Джоанна, хотя бы поговори с Брюсом... Нет, лучше мы все приедем и вместе поговорим...

Я сбрасываю сообщение и вздыхаю. Этого-то мне для полного счастья и не хватало. Пишу смс:

Если вы притащите ко мне Брюса на поводке, я даже на Рождество ездить к вам перестану! Хватает того, что вы заставили его сделать мне предложение!

Ага, я шантажирую собственных родителей! И решительно не понимаю, зачем продолжаю слушать отповеди мамы. Жажду услышать, что прощена? Меня не за что прощать! Если они не понимают, почему я поступила именно так, если они предпочитают верить Брюсу, то это у них проблемы, не у меня. Ах если бы все в жизни было так просто, ведь они самые близкие мне люди... Иногда я завидую бесчувственности Шона.

И, что самое грустное, из-за этого глупого сообщения я опаздываю на экзамен картерианцев. Их зелененькие лица даже заставляют меня почувствовать укол вины.

— Итак, у вас час на подготовку теоретического материала, потом практическая часть на ЭВМ. — Они это уже слышали, но энтузиазмом горят глаза только у Энрике Каддини. Неужели я была такой же? Не уверена! Например, сейчас я не в состоянии придумать хоть что-нибудь остроумное, чтобы подбодрить молодежь, в голове пусто-пусто. — Ну что ж, всем удачи, тяните билеты и приступайте к работе, — за неимением других вариантов коряво заканчиваю я свою крошечную речь.

Каддини бросается к моему столу первым. Будто в этой аудитории есть хоть кто-то, кто жаждет пальму первенства у него отобрать... Он хватает самый верхний билет, смотрит на вопросы, брови чуть-чуть хмурит, разворачивается и, не глядя по сторонам, идет на свое место, по пути чуть не сшибая мою Хелен. Ему не до внешнего мира. И пока следующая

девушка пытается решить, какой из билетов станет для нее судьбоносным, думаю, итальянец успел настроичить уже половину ответа на первый вопрос. Она так яростно водит ручкой по бумаге, что парта раскачивается!

Или мне только кажется? Я отчего-то не очень хорошо себя чувствую. Мой лоб мокрый от пота. Это так странно, тут везде кондиционеры, да и пудры я не пожалела...

— Вам плохо? — спрашивает Ребекка Йол, обеспокоенно глядя на меня своими огромными голубыми глазами. Кажется, они даже больше, чем обычно. Откуда она взялась прямо перед носом? Здесь же Хелен была...

— Каддини, позови Роберта. Он на кафедре, — с трудом выговариваю я.

— Эм, профессора Клегга в смысле? — Недоуменно переспрашивает Каддини.

Но я не могу ответить — все чернеет.

Каддини

Я никогда не видел столько крови. Вокруг все кричат и паникуют. Винить в этом некого. Зрелище парализующее, но я понимаю, что теперь каждая минута дорога. Бегу к кафедре, на ходу набирая скорую. Слышу топот ног позади.

— Бекс? — удивляюсь я. Не замечал за ними с Док особенной близости...

— Я позову и Картера тоже. Он сейчас на совете проректоров.

— А ты откуда знаешь?

Меня больше удивляет не идея собрать всех знакомых, а то, что Бекс в курсе расписания ректора. Но она не отвечает, только закусывает губу, будто проболталась. Я бы непременно требовал с нее ответ, если бы на другом конце провода не взяли трубку. Я объясняю ситуацию, и врачи спрашивают, не беременна ли Док. Черт возьми, откуда мне знать? Благо, я добегаю до кафедры и вместо того, чтобы объяснить Клеггу ситуацию, выпаливаю:

— Профессор, Док беременна? — А после этих слов ужасно краснею. Потому что... ну потому что она мой преподаватель и вопрос звучит крайне двусмысленно. Заведующий кафедрой параллельного программирования ошарашенно моргает. — Это не я, это врачи, — поясню я, окончательно смутившись. Клегг аж подпрыгивает, догадался, что что-то случилось:

— Д-да, — нервно отвечает он. — Что происходит?

— Бежим! Это я не вам, — бросаю я в трубку. — В смысле да, говорят, она беременна. — А у меня в ответ интересуются на какой она неделе.

От греха подальше сую телефон Клеггу, ни на минуту не останавливаясь. Мне ужасно страшно: Док ведь высокая, но тоненькая, как в ней поместилось столько крови? Профессор Клегг, видимо, давно не был в спортзале, по лестнице он бегать не в состоянии. Пыхтит и хрипит в трубку.

Влетая в аудиторию, я даже начинаю злиться. Док лежит на полу, а вокруг стоят студенты, отворачиваясь и зажимая рты руками. Ничего не делают, не уходят — просто

пялятся!

— Что стоите? Все еще ждете, что у вас примут экзамен? Брысь все отсюда, — рывкает Клегг.

— Кроме Каддини.

Ну, наверное, я польщен. Однако все равно неловко. Не знаю, что является более личным — то, что я являюсь свидетелем интимных подробностей жизни Док или то, что она всегда такая решительная и несгибаемая сейчас совершенно беззащитна. Какое счастье, что у нее есть друзья в этом университете. Я бы не хотел лежать без сознания в комнате, полной перепуганных незнакомцев и ждать скорую.

Телефон Док вибрирует, подъезжает к краю стола. Чтобы он не упал, хватаю его и на автомате открываю смс-сообщение. Никогда бы такого не сделал в любой другой ситуации...

Джоанна, ты не имеешь права игнорировать нас с матерью! Ты хоть представляешь, каким для нас потрясением стало, когда на пороге объявился Брюс и сказал, что ты его прогнала?! Ты месяцами скрывала, что отношения у вас не складываются, тем более, что вы были вместе целых полтора года. Естественно нам тяжело свыкнуться с этой мыслью! Перезвони мне, я не стану передавать трубку маме...

Стараясь поменьше думать, я набираю номер отца Док и звоню ему. Потому что, помнится, слышал, будто живут они не в Сиднее. Им потребуется время, чтобы добраться...

— Здравствуйте, мистер Конелл, — говорю я. — Я студент вашей дочери, дело в том, что у нее прямо на нашем экзамене... предположительно случился выкидыш, и ее забирают в больницу...

Пауза, в течение которой Клегг старательно крутит пальцем у виска и делает огромные глаза.

— Выкидыш? Какой выкидыш? — ахает отец Док. Эм... видно, она скрывала больше, чем думают ее родители. И я кретин.

Нервно сглатываю, поднимаю глаза и натываюсь взглядом на ректора. Внезапно меня посещает мысль, что в наибольшей безопасности в этой комнате именно Док.

— Вы здесь? Вы еще здесь? — разрывается динамик телефона.

— Да, я здесь, — спешно отвечаю я.

— Мы выезжаем. Пожалуйста, позаботьтесь о Джоанне.

Отец моей преподавательницы просит меня о ней позаботиться. Мир сошел с ума?

— Да, конечно... — тем не менее, уверяю я его.

— Передай Джону, что им лучше не брать с собой Брюса, иначе я еду за патронами, — сухо говорит мне Клегг, но смотрит почему-то на Картера.

Тот внезапно отмирает и вдруг поворачивается к стоящей рядом и пепельно-бледной Бекс.

— Съезди ко мне домой, возьми из верхнего ящика прикроватной тумбочки черный мешочек и привези его, — велит ректор Ребекке и отдает ключи от машины. Не от дома. Она прячет глаза, на меня не смотрит, просто молча уходит. Изобилие информации взрывает мне мозг... Может, это сон? Кажется, логика во всем происходящем отсутствует напрочь. За последние несколько минут я узнал об обитателях университета больше, чем за два с половиной года учебы!

Пока мы ждем скорую, Клегг держит Док за руку. Его губы беззвучно шевелятся, думаю,

он молится. А Картер, просто неподвижно стоит. Не двигается, не разговаривает. Просто стоит. Неуютно. Сам я смотреть не могу, кровь все не останавливается, на узоре линолеума прекрасно видно, насколько больше стало алое пятно.

Когда приезжают врачи, Клегг выдыхает так, будто все это время ему не хватало кислорода. А медики первым делом начинают делать переливание.

— Я могу идти? — спрашиваю я с надеждой.

— Нет уж! Ты звонил родителям Конелл — тебе с ними и объясняться!

Но наш спор прерывают.

— Простите, — вмешивается врач. — Кто-нибудь из вас знает, насколько ей был важен ребенок?

— Я... я думаю... — начинает Клегг. — Лучше спросить... у...

— Спасайте Конелл и к черту ребенка, — рявкает ректор.

— Картер, иди к черту. Джоанна всегда хотела иметь детей, просто это ты, черствый ублюдок, об этом не знаешь! Тебе же было от нее нужно лишь одно — секс. Ты понятия не имеешь, что для нее имело или имеет значение!

Мгновение Картер смотрит на своего визави, и я вижу, как его пальцы сжимаются в кулаки.

— Но, в отличие от тебя, я осознаю, что еще несколько минут, и у нее не будет ни детей, ни мозга. Как по-твоему, из нее выйдет хороший инкубатор? Не перекладывай с больной головы на здоровую. То, что у вас с Мадлен детей нет, не означает, будто Конелл рискнула бы жизнью ради собственного убийцы.

После этого он просто разворачивается и выходит из аудитории. А сказанное остается, оно старит Роберта Клегга сразу на много-много лет. Я ничего не знаю о личной жизни заведующего кафедрой параллельного программирования, но, кажется, ректор попал в яблочко, потому что внезапно защитник интересов Док занимает диаметрально противоположную позицию и обреченно произносит:

— Делайте как он сказал.

Джоанна

Пробуждение болезненно. Мир в тумане и все плывет, но я запоминаю слова, которые произносят доктора. Это не трудно, мама страдала тем же. Отслоение плаценты на ранних сроках. Потом говорят много страшного. Что-то про остановку сердца во время операции... Знаете, туннеля со светом я не помню, я ничего не помню с тех пор, как прямо во время экзамена отключилась. Будто тот промежуток времени, когда я была без сознания, меня не существовало вовсе. Пугающее открытие.

Спасти ребенка было невозможно. Врачи посоветовали «не повторять опыт оплодотворения». Они не верят в то, что я смогу выносить ребенка. Что я сделала не так? Неужели за каждую крупницу счастья мне придется пройти огонь, воду и медные трубы?

Боже, а ведь я надеялась. Я рассчитывала, что больше не буду одинока, что моя жизнь станет более... осмысленной. А мое тело оказалось не в состоянии меня поддержать. Глупое, бесполезное тело, которое даже не может выполнить свое единственное предназначение — подарить жизнь.

Или это я виновата? Может быть, дело не в дурной генетике, а в том, что я годами убивала свой гормональный фон противозачаточными препаратами, стрессами... Неужели меня погубили мои же амбиции? Я бы хотела заплакать, но слез нет. Это потому что я на обезболивающих или просто стала настолько черствой? Глаза горят, горло сжимается, но хотя воздуха нет, а из груди рвутся рыдания, слезы не приходят.

Я не хочу двигаться. Я не хочу шевелиться. Я запрещаю пускать ко мне посетителей, коих под дверью, по словам персонала, собралось немало. Я хочу перевернуться на бок, свернуться калачиком, но боль ужасная, она не дает шевелиться. Внутри меня покопалась толпа людей в масках. Они вернули жизнь мне, но забрали ребенка и надежду. Я лежу и задыхаюсь, я захлебываюсь отсутствующими слезами. И так продолжается, пока мне не вкальвают успокоительное.

— Вам нужно поговорить с родными. Станет легче, — мягко говорит медсестра.

Я поворачиваю голову и вижу на тумбочке кольцо. Оно не Брюса, но напоминает мне о нем. Я не могу и не хочу видеть родителей. Они меня не поддержали. И трагедия случилась сразу после сообщения мамы, мне очень хочется обвинить в случившемся ее, переложить хотя бы часть ответственности. Но правда в другом: я должна была больше заботиться о себе и ребенке. Я должна была больше его хотеть. С первого дня мечтать и желать, а теперь я наказана. Все заслуженно! К тому же родители непременно воспользуются ситуацией и попытаются свести нас с Брюсом снова. И будут жалеть-жалеть-жалеть. Теперь все будут жалеть, и Мадлен с Робом, и студенты, которые видели меня чуть ли не при смерти, и весь персонал университета, ведь слухи распространяются очень быстро...

— Позовите Керри и Лайонела Прескотт, — прошу я, готовясь принять на себя все оплеухи под названием «счастливое семейство».

У них трое детей, отличные отношения. Я не выдержу. Нет, я определенно не выдержу! У них есть все, чего нет у меня. Они просто олицетворение моей разбитой и уничтоженной мечты, но они же единственные люди, которые помогут и не станут топить в жалости... Кроме них у меня тут только Шон, но он меня скорее застрелит, чем станет заботиться...

Лайонел входит в мою палату очень неуверенно, а Керри как всегда решительна.

— Врачи говорят, что некоторое время я не смогу сама о себе заботиться. Можно... можно пожить у вас?

— Ты уверена? — настороженно спрашивает Керри. — Дом с тремя детьми — не лучшее место для послеоперационного восстановления.

— Керри! — восклицает Лайонел. Упоминание детей точно ножом меня режет, но я знаю, что Керри выделит мне отдельную комнатку, где я смогу скрыться ото всего мира и плакать, пока не полегчает. В этом местечке не будет детей. Она не бесчувственная. Думаю, у нее даже найдется плеер с супердепрессивными треками. Они заглушат детские крики. Хотя бы те, которые звучат вне моей головы...

— Не надо, — обрываю я Лайонела. — Просто да или нет?

— Конечно, да. Ты что, Love Mississippi, думаешь, что я отдам тебя какой-нибудь сердобольной матроне вроде твоей матушки или Мадлен Клегг?! Живо возьми свои слова назад.

Я сама это выбрала, но почему-то от энтузиазма Керри хочется спрятаться под одеялом.

В общем, она ждет, что я улыбнусь, а я вместо этого начинаю реветь (без слез, только всхлипы). Керри удивительная женщина, готова воспитать столько детей, сколько выпадет. И не имеет значения, что некоторым из них по двадцать шесть... Наверное, именно за это судьба к ней так милостива... И именно поэтому я такая несчастная. За всю свою жизнь я заботилась разве что о Франсин, но, как вы знаете, выходило у меня из рук вон плохо. Может быть, это за нее мне досталось такое кармическое наказание? В таком случае, сколько я должна вытерпеть, чтобы вернуть свое право на счастье?

Я ведь даже имена в столбик выписывала... Все новые и новые всхлипы.

Керри плюхается на кровать и пытается меня обнять, успокоить, но я пытаюсь отбиваться от ее рук, вяло, заторможенно, через боль, но не могу иначе... Я не хочу, чтобы меня обнимали, не хочу, чтобы трогали. Я хочу побыть одна, хочу, чтобы они ушли. Я хочу наказать себя одиночеством и вечными страданиями.

— ШОН! — выкрикиваю я, чтобы остановить подругу. Помогает. Керри в ступоре смотрит на меня, думает, что я зову Картера. — Шон здесь был?

— Он... приезжал, — отвечает Керри и протягивает мне какой-то черный мешочек. — Чтобы передать тебе это. Сказал, что ты сама знаешь, что делать с подарком.

Пальцы не слушаются, я не могу развязать тесемки. Ничего не понимаю, но чертов мешочек — единственное, что спасает меня от новой истерики. Приходится попросить Керри о помощи. Однако, как только у нее в руках оказывается кольцо Брюса — то самое, которое настоящее, не фальшивое (да здравствует ирония!), я начинаю жалеть о своей просьбе. И чтобы не объяснять происходящее и не признаваться в своей слабости, я снова начинаю реветь — сначала понарошку, чтобы Керри и Лайонел ушли, а потом плач становится до боли правдивым. И, наконец, приходят слезы.

Мой мир наполнен детьми. Когда я подъезжаю к окну (а после операции я передвигаюсь в кресле), там обязательно дети. Когда выхожу из комнаты, меня встречают радостными криками Джулиан, Марион и Кики. Все вместе. Или по-отдельности. Их голоса не умолкают. В доме Прескотт стены, наверное, из картона. Когда бы я ни заснула, меня будит детский плач. Или смех. Или крик. Или частый топот ножек. Иногда я не уверена, что не сошла с ума, эти звуки пробиваются даже сквозь подушку, под которой я прячу голову. Может быть, у меня шизофрения? Может быть, мне все это мерещится?

Но в моей комнате детей нет. Они везде, но только не со мной. Сюда заходят только Керри и Лайонел. Стараюсь отвлечься мыслями о делах... Но какие у меня могут быть дела? Я не включала телефон с тех пор, как он разрядился в больнице. И даже не попыталась разобрать сумки, в одной из которых ноутбук. Из роскошной квартирki их привезла Керри. Даже если бы я могла подняться по лестнице, не думаю, что смогла бы жить там снова. Я не могу даже думать о месте, где надеялась стать счастливее. И, думаю, я никогда не переступлю порог аудитории, в которой должен был состояться экзамен...

Но я не в состоянии что-либо решить. Я просто лежу на кровати и мечтаю о волшебном щелчке пальцев, который решил бы все мои проблемы. В детстве я читала много чудесных сказок, да так и не выбралась из них в действительность. А пора бы перестать верить в чудеса!

Керри регулярно общается с врачами. Они велят заставить меня вставать, потому что иначе я никогда не поправлюсь. И однажды вечером ко мне в комнату приходит Лайонел. Он бесцеремонно стягивает с моей головы подушку и хватает меня на руки прямо с одеялом.

Я пытаюсь вырваться, но он сильный — утаскивает меня в гостиную и сажает на диван. Вокруг дети. Они радуются, выкрикивают мое имя. Зачем? Я же им чужая. А потом Керри делает кое-что совсем отвратительное: она сажает мне на колени Марион. Вот ведь кудрявая стерва! Если бы она провернула это с Кики, я бы сказала, что боюсь ее уронить, если бы с Джулианом — стала бы ныть, что тяжело, да и вообще он уже взрослый мальчик, нечего ему сидеть на руках. Но Марион... ее зеленые глаза заглядывают в самую душу. И в них читается полное обожание. Внезапно я начинаю переживать, что ужасно выгляжу, что давно не принимала душ, что волосы пора красить... Какая-то часть меня готова на все, лишь бы не разочаровать эту девчущку. И мне так совестно, будто я подменяю ею ребенка, которого потеряла. Будто я предательница. Но разве можно обидеть Марион? Уверена, ни один человек на это не способен! Приходится откинуться на спинку дивана и терпеть-терпеть-терпеть.

У Керри от моей комнаты два ключа. Когда я сплю, она открывает замок своим, крадет мой и прячет его в доме. Каждый раз в новом месте. А затем заставляет меня ходить и искать его. Когда я отказываюсь и пытаюсь отсидеться с открытой дверью, она присылает ко мне своих маленьких негодяев. Иными словами, вставать приходится. Неделью я пыталась с ней ругаться, огрызалась и срывалась, но искала, а затем окрепла достаточно, чтобы подключить к процессу своих мучителей. Теперь ключик ищут они. Марион своими хитрыми глазками следит за мамой, которая прячет наш общий трофей, а Джулиан его достает. Потому что ему уже почти пять, и он самый высокий. Керри никогда не кладет ключ так высоко, чтобы он не смог дотянуться с табуретки. Думаю, она считает, что помогает мне не замыкаться, заставляет общаться с детьми. И ведь, черт возьми, работает. Для малышей наше противостояние стало игрой, которая им очень нравится. Проходит всего несколько дней, и они сами прибегают ко мне в комнату, точно я капитан, без приказа которого начать поиски ключа от сундука с сокровищами решительно невозможно. И для них не имеет значения, что все остальное они делают без моего участия, — они уверены, что им со мной весело.

Однажды вечером Керри заходит в мою комнату и заявляет, что собралась красить мне волосы. Не знаю почему, но эта новость воодушевляет настолько, что я добровольно покидаю комнату и устраиваюсь поудобнее на кухонном стуле. Только вслед за подругой, которая несет с собой миску с разведенной краской, следует Марион. Она так деловито помахивает кисточкой, что удержаться от улыбки очень сложно. Керри этого то ли не замечает, то ли делает вид, что не заметила. Она ставит стул рядом со мной, хлопает по сидению ладонью, и Марион без труда на него залезает, а затем начинает водить по моим волосам кисточкой. Я осторожно посматриваю вбок, чтобы удостовериться, что краску ей не доверили, потому что... ну, Марион еще даже четырех не исполнилось. Керри, слава Всевышнему, со мной солидарна, а потому заменяет кисточку расческой... Видимо, она справедливо рассудила, что столько волос нормальному человеку ни к чему, потому потом начинается такое, что и испанская инквизиция удавилась бы от зависти. Волосы летят во все стороны, хотя может, я их с искрами из глаз перепутала. Приходится молить о пощаде. Причем не Керри...

После этого все приходит в норму — подруга привычными движениями размазывает по моей голове краску, а Марион рассказывает наизусть заученные стишки. Я очень стараюсь не плакать, но когда становится совсем тяжело, вскрикиваю:

— Я хочу сделать лазерное удаление шрамов.

— Это довольно дорого, — без тени удивления отвечает Керри.

— Я могу себе это позволить... — говорю я. — Но я хочу, чтобы Лайонел отвез меня в Сидней на консультацию.

— Сейчас? — удивляется она.

— Понимаешь, как-то так получается, что после каждого бойфренда я приобретаю все новые увечья. Картер и столик. Брюс и... — сглатываю. — Еще парочка прецедентов, и я стану напоминать чудовище Франкенштейна.

— Не преувеличивай. Я только что покрасила тебе волосы, — говорит она, бросая кисточку в миску.

— Я серьезно.

— Уверена, Лайонел эту идею одобрит, — пожимает Керри плечами. — Поговори с ним.

Мои волосы чуть темнее, чем были. Керри покупала краску сама, она не знает, какой я красилась в последнее время, поэтому купила ту, которой я пользовалась в прошлом... когда жила с Шоном. Я очень стараюсь не думать о том, что Картер видел меня лежащей в луже крови уже дважды... Интересно, меня еще не уволили? Вздохнув, беру в руки телефон и включаю его. Сообщений накопилось невероятное множество. Родители, Клегги, Каддини, мисс Адамс, секретарша с кафедры... даже какие-то незнакомцы. Боже, какое счастье, что из-за летних каникул мое отсутствие хотя бы в глаза не бросается. Кстати, от Шона сообщение всего одно:

Как себя чувствуешь?

Оно пришло давно, но повторять его Картер не пытался. Он, кажется, единственный здесь такой. Даже мисс Адамс написала трижды...

Жива пока

Сижу и гадаю, ответит ли он мне. Однако Шон не медлит.

Когда вернешься к работе?

Мда, лучше бы вообще молчал. Сухарь бесчувственный!

Когда смогу до нее дойти!

Не хочешь поработать дистанционно?

Нет

После этого я снова отключаю телефон. Как же с Картером бывает тяжело...

Свадьба Керри и Лайонела состоялась в середине февраля шесть лет назад. Так уж получилось, что единственный подарок, который я могу им сделать на годовщину — одиночество. Это значит, что я загружаю трех карапузов в машину и везу их в сиднейский парк. Керри молодец, она своего добилась. Она не сдалась, и теперь эти малыши для меня — не просто дети с игровых площадок. Я к ним привыкла — ко всем Прескоттам. К их теплым семейным вечерам и неумолкающим голосам. Как теперь мне вернуться к своей одинокой жизни? Мне даже за ноутбук братья не хочется...

После случившегося это мой первый визит в Сидней не с целью посетить врача. И я чувствую себя так, будто возвращаюсь, хотя уже вечером буду снова в Ньюкасле. Остановившая машину около парка, я вылезает с трудом. Не потому что не оправилась от операции, просто ноги дрожат. Марион и Кики по уши в шоколаде, который я им купила, и

теперь у меня есть немного времени, чтобы прийти в себя, пока я оттираю их очаровательные мордашки. Джулиан терпеливо ждет. Он парень серьезный. Шоколад уже не ест. Он определенно пошел в Керри! Даже вытащить из машины коляску для Кики помогает, ведь я болею, а он мужчина-защитник. Это не удивительно, в детстве многие мальчики ведут себя как джентльмены.

— Когда ты вырастешь, я выйду за тебя замуж, — шучу я. А он краснеет и так мило смущается, что хочется дразниться снова и снова. Я сажаю Кики в коляску и поправляю ей шляпку. Керри странная, она одевает дочерей в розовые платья, хотя сама предпочитает вещи броские и сексуальные. И, разумеется, в розовом я ее не видела ни разу.

Толкаю коляску вперед. Джулиан мне «помогает» — с важным видом висит на ручке, а потому приходится смиренно тащить обоих, да еще и Марион держать за руку. Работенка не из легких. Но хуже всего, что при всем этом раскладе я вижу, как около банка, который находится совсем рядом с парком, останавливается мазда Шона. И из нее он выходит не один — с Ребеккой Йол.

То, что Шон свою подружку везет в банк — разрыв шаблона. Сама я знала название банка, где лежат его активы, только потому что пару раз видела кредитку. Ребекка Йол меня определенно обскакала... В попытке переварить информацию я застываю на месте, но Джулиан — нет, и в итоге, он спотыкается, падает и разбивает колено. Взрослость испаряется бесследно, на смену ей приходит рев. И все, кто есть на этой улице, оборачиваются. Включая Картера...

Мне остается сделать вид, что я его не заметила. В общем-то, это не трудно, учитывая, что приходится успокаивать рыдающего ребенка, параллельно доставая из сумки пластырь. Я молюсь, чтобы Шон прошел мимо, чтобы не подошел, не начал язвить. Но увидев меня в компании троих детей, он просто не может не сказать гадость.

— Вижу тебе лучше, — опуская приветствие, произносит Картер.

— О, привет, — старательно разыгрываю я удивление. — Я на один день приехала в Сидней.

Конелл, ну ты и идиотка. Зачем оправдываешься? Он же точно знает, что ты не прогуливаешь работу! Сколько лет прошло, а все равно как он появляется на горизонте, начинаешь вести себя как дура!

— У Керри и Лайонела годовщина свадьбы сегодня, и я подрабатываю феей-крестной.

С другой стороны, он такую дуру на работу сам взял, так зачем менять модель поведения?

— Рад видеть, что ты... вернулась к прежнему образу, — язвит Шон.

— Спасибо, — сверкаю я ослепительной улыбкой. — К началу семестра собираюсь вернуться.

Так что не спеши устраивать мне выговор.

— Надеюсь, под возвращением ты подразумеваешь не то, что было до больницы? — словно бы равнодушно спрашивает он.

— Ч-что? — Смотрю на него во все глаза. Никак не могу понять, о чем речь.

— Я знал тебя как человека, который никогда не ставит личную жизнь выше карьеры. Но последние полгода ты упорно доказывала мне обратное. До начала семестра советую тебе подумать о приоритетах.

— Если ты хочешь, чтобы я жила твоими убеждениями, то, уверяю тебя, этого не будет

никогда!

— Нет, я хочу чтобы ты жила своими! — рывкает он, от напускного спокойствия и следа не остается. Ребекка Йол делает шаг назад, словно пытаюсь спрятаться. Еще одна зашуганная Картером студентка. — А не теми, которые навязывают тебе родители, Керри, Клегги и прочие личности, повернутые на семейных ценностях!

И тут я понимаю, в чем причина его психоза. Да, может, я не очень-то интересовалась делами Бабочек — расслабилась, одним словом, — но здесь со мной трое детей. Аж трое детей. Картер же не в состоянии выносить и одного...

— Должно быть, тебе жить не дает мысль, что люди размножаются не через пробирку, — говорю я и решительно двигаю на него коляску. — С дороги!

Фыркает, но отступает. Ребекка Йол, однако, ухитряется замешкаться, и едва успевает отскочить в сторону. Я даже смотреть на нее не хочу. Я в бешенстве...

Не могу вспомнить когда в последний раз каталась на каруселях. Этот день — праздник детства и веселья, но мне совсем не радостно, хотя возвращаемся в Ньюкасл мы все растрепанные и с четырьмя порциями попкорна. Все как положено. Керри и Лайонела не будет до утра, а потому мы заваливаемся смотреть мультики. Я, кстати, все еще их люблю, но не могу не радоваться, что в комнате темно, потому что попкорн от слез становится все более соленым. Марион и Кики умотались и засыпают мгновенно, Джулиан старается держаться, но к середине видео тоже начинает клевать носом. Старшеньких я укладываю спать прямо в гостиной на диване (не подниму их по лестнице наверх, а будить не хочется). Только Кики уношу в спальню.

А затем делаю то, что должна — иду в свою комнату и ищу среди сваленных в угол сумок ноутбук. Он кажется чужим. Я слишком долго его не трогала. Будто это он виноват в моих проблемах... Открываю его и нажимаю кнопку питания. Мгновение ничего не происходит, он отзывается неохотно, чувствует мое настроение. За окном загорается рассвет, а я все еще сижу перед ним и смотрю на рабочий стол. На картинку, на ярлычки программ... Картер знал, что делает. Как можно выбрать между работой и семьей, если со вторым у тебя отношения по жизни не складываются? Это же не один из двух, а один из одного... Но кое в чем Шон прав: я так старалась убежать от него, что наделала глупостей и потеряла целых полгода. Теперь я понимаю, что Картер не медлил с проектами для Бабочек, он мне попросту их не доверял. Это очень задевает.

Я сама не знаю, как и когда заснула, но будит меня невероятный грохот... Выскакиваю из комнаты, вбегаю на кухню и вижу, что голодные Джулиан и Марион пытались приготовить еду себе и младшей сестренке, но потерпели сокрушительное фиаско. Почему сами? Ну, они ведь знают, что я болею и устаю, поэтому решили не будить. Пытались достать хлопья, и почти получилось, вот только коробка стояла высоко, и вместе с хлопьями вниз свалились панировочные сухари и заранее приготовленные тарелки... Кики плачет, Марион спешно собирает сухари в ладошки, а Джулиан пытается оправдаться. Но разобраться с дурдомом я не успеваю, так как на кухне появляются Керри и Лайонел. Думаю, вид у меня не менее виноватый, нежели у малышей...

— А ты говорила, что ей можно доверить наших детей, — говорит Лайонел, поворачиваясь к Керри.

И хотя понятно, что это шутка, хотя я уверена, что он ничего плохого в виду не имел,

меня вдруг прошибает понимание того, что он только что сказал. Это ИХ дети. Это ИХ жизнь. Я могу приехать и погостить, но это все равно что смотреть в окошко. Я здесь чужая, всегда была и буду. И я понятия не имею о том, что такое жить в семье и как справляться с детьми. Может, когда-то что-то и знала, но забыла. Давно. В тот самый день, когда мои родители сели в такси до аэропорта Кингсфорда Смита, а я осталась в Сиднее с Шоном. И это определенно один из одного, не может быть иного варианта...

— Я возвращаюсь в Сидней, — говорю я самой себе. Очень тихо. Керри хмурится и переспрашивает, что я сказала. — Я возвращаюсь в Сидней, — повторяю я громче.

Глава 9. Точка бифуркации

Шесть лет назад

Свадьба Керри должна была состояться в Сиднее, но многое пришлось организовывать в Ньюкасле, и мы туда мотались раз в неделю как минимум. Разумеется, это не прошло бесследно. На проект катастрофически не хватало времени, и домик на окраине Сиднея начали сотрясать скандалы. У Картера одно лишь упоминание словосочетания «личная жизнь» вызывает зуд в одном месте. Кажется, его раздражает все, что имеет отношение к смеху, веселью и счастью. Свадьбы, помолвки, дни рождения, крестины — все! Например, Керри прислала ему приглашение, но Шон его даже не вскрыл.

Конечно, это не странно, но черт его дери! Она моя лучшая подруга. А с Картером мы как бы были вместе уже почти полтора года, не могла же она полностью проигнорировать эти отношения! И все же в результате приглашение сиротливо лежало на тумбочке и собирало пыль, но ни один из нас даже не сделал попытки до него дотронуться. Ах, Керри, зря ты это затеяла!

В нашей летней сессии экзамен Картера шел по счету третьим. И до него все было на редкость благополучно, но Шон есть Шон, он же сволочь! И, решив подстраховаться (читай, перестраховаться), я сделала глупость: попыталась ответить ему парочку билетов. Устроила все по протоколу — усадила на диван и заставила слушать. Но просидел Картер очень недолго. Блин, как же мы друг на друга орали, доказывая кто, почему и в чем не прав... До хрипоты, до битой посуды. О да, мне оказалось проще грохнуть об пол любимую чашку Шона, чем признать, что этот напыщенный индюк прав. А на Картера мой ребяческий поступок произвел поистине неизгладимое впечатление. Он не дурак — хотя иногда, конечно, так не кажется — и знает, что в фильмах посуду бьют истеричные женушки. Боже. В итоге диспут вылился в бытовой скандал по поводу фривольного поведения в чужом доме, превышения полномочий кроткой подстилки (я кроткая? Ха-ха, после битой-то посуды!) и прочих прелестей мужского шовинизма. Я ему указала на то, что женщины нынче существа эмансипированные и подстилками нас называть — сексизм. Он мне — на то, что я живу в его доме в обмен на секс, и таким образом ни о какой эмансипации и речи быть не может... Мы так разошлись, что даже примирения в духе мистера и миссис Смит не случилось. А наутро болела голова. По крайней мере, у меня. Короче, хорошо, что выяснили все не в аудитории, а наедине. Но экзамена я начала справедливо побаиваться.

К началу великого действия я буквально молилась, чтобы он для ускорения процесса взял помощника. Нет, серьезно, не потому что мне бы «нарисовали» баллы, просто к собственной

«подстилке» у некоторых требования слишком завышенные. Этот предмет мебели, видите ли, должен еще и за науку рассуждать на досуге, причем грамотно, обоснованно и спасайся кто может, если в философских материях запутается! Прошу заметить, к обычным студентам наш великий и ужасный куда более снисходителен.

Однако, чуда, как это всегда бывает, не случилось. Не чудный нынче, видно, сезон! Иными словами, Картер пришел один. За ним в аудиторию прошмыгнул его новоприобретенный хвостик в лице Хелен. Клянусь, я едва порог переступила, а эта мерзавка уже сидит перед его столом на первой парте. И, вроде, что тебе, Конелл, жаловаться? Занимай любое другое место, но нет же. Я разозлилась так, что в глазах потемнело. Это было мое место! Каждый экзамен я сидела перед самым носом у Шона, а теперь она... Вот ведь мелкая пакостница! Отчего-то мне вдруг живо представилось, как Картер заваливается с этой стервой на свадьбу моей Керри. Не знаю, откуда это взялось, но, думаю, от злости я аж пятнами покрылась! Стало очень душно и жарко.

Однако, что радостно, Хелен, может и выскочка, но по жизни не менее неувязанная, нежели я. Короче, как только речь зашла о том, кто первый пойдет за билетом, она начала уползать под стол, как и все остальные. Ну и я, разумеется, выхожу с видом королевы и тащу верхний билет, не выбирая, и победно так на нее смотрю. Отыгралась, в общем.

И только сев на свое место я обнаружила, что это именно те вопросы, из-за которых мы с Шоном чуть головы друг другу не пооткусывали... Думаю, он знал, что я так поступлю и намеренно его туда положил! Сраженная догадкой, я подняла голову и посмотрела на Картера. Так и есть, он сидел и ухмылялся. Ну, вредный, конечно, но это не подстава, и теперь мне определенно есть где развернуться. Я взяла в руки ручку и стопку листов бумаги и начала писать. Совсем как Каддини. Лист, еще лист, еще лист, еще...

И раз я первой тянула билета, отвечать тоже отправилась в авангарде. На стопочку исписанной бумаги Картер посмотрел почти с ужасом.

— Это ваша диссертация, мисс Конелл? — ядовито поинтересовался он.

— Нет, это эссе на животрепещущую тему, — не осталась я в долгу.

— Если вы ждете, что я его прочитаю, то очень сильно заблуждаетесь. Я его лучше в рамку и на стенку. А вы пока суть вкратце изложите.

И только договорив, он мой суперрасширенный конспект отобрал. Зачем, спрашивается, я его писала? Ну ладно, начала вещать, а он, вопреки собственным словам, откинулся на спину стула, и с видом сытого и довольного кота начал вчитываться в мои записи.

— А что вы можете рассказать... — насмешливо начал он, обрывая меня на полуслове. И я уже знала о чем будет его вопрос.

Это он что, просил меня прилюдно признать, что я неправа, ради оценки?

— Прошу прощения, но, боюсь, данный вопрос не входит в лекционную программу, и я недостаточно в нем квалифицирована, — вздернула я подбородок. Выкрутилась. Ура-ура!

— Что я слышу, мисс Конелл! — воскликнул он, но уголки губ откровенно подрагивали. — Знаете, вы на редкость правильно поступили, ведь сейчас даже явные дилетанты не стыдятся высказывать и доказывать свою точку зрения! А все потому что признаваться в собственном невежестве никто не любит.

— Заткнись, — тихонько шикнула я на него, отчаянно краснея.

— Что-что, простите? — сделал он вид, что не расслышал моих слов.

— Спасибо, говорю, — громко и гневно проговорила я. — За похвалу.

— Поверьте, мисс Конелл, словесные благодарности слишком переоценены. Лучше

купите для своего сочинения рамку.

— Вам в какой цветовой гамме? Розовая подойдет?

— Конечно, мисс Конелл, вполне. Подарок ведь обязан нести в себе отпечаток личности дарителя. К тому же, розовая рамка на фоне скучноватых дипломов будет определенно выделяться, напоминая мне о вашей скромности и несомненном таланте.

Короче, у Шона накипело. Гад ползучий. И будто этого было мало, Хелен вдруг так противненько захихикала... Но прежде, чем я успела хоть что-то сказать в свою защиту, Картер вдруг переключил свое внимание на нее.

— Мисс Амберт, я думаю, вы готовы, — стукнул он костяшками пальцев по столу рядом со мной. То есть допрос Джоанны окончен, и ей велено выметаться.

— Н-нет, я не готова. И передо мной еще Джек и...

— К несчастью для вас, фамилии остальных студентов я запомнить оказался не в состоянии, так что придется отдуваться вам.

У Шона какая-то своя система третирований и поощрений. Вот ведь козел, восхищенно думала я, на ходу качая головой и глядя на размашистую подпись рядом с наивысшей оценкой за экзамен.

Вместо того, чтобы идти домой, я направилась к Мадлен, рассказала ей об успешно сданном экзамене, и мы решили отметить. Было очень жарко, но это не помешало нам заняться готовкой. Однако я об этом быстро пожалела. Буквально через пару минут после того, как мы поставили пирог в духовую печь, я без сил упала на стул.

— Знаешь, кажется, у меня тепловой удар, — легкомысленно сказала я.

— Иди в гостиную, я сама все сделаю. Ты, наверное, просто устала, — отмахнулась Мадлен, не придав моим словам особенного значения.

Я так и сделала, хотя отлынивать было чуточку совестно. В гостиной мне стало чуть полегче, но только я легла на диван — уснула. Проспала до самого вечера, разбудил меня хлопок входной двери. Голоса Клеггов звучали будто через подушку. Как странно... Чтобы поприветствовать Роберта, я попыталась встать, но это оказалось на удивление тяжело.

— Джо, ты плохо выглядишь, — встревожилась Мадлен, увидев меня, а затем подошла и потрогала лоб. — У тебя жар... Роберт, ее нужно везти в больницу.

Мы с Клеггом для порядка попытались поспорить, но успехом это не увенчалось, и в итоге меня закинули в машину и отправили в больницу. К нашему с Робертом стыду, врачи оказались с Мадлен полностью солидарны — после осмотра меня тут же положили в инфекционное отделение.

Вот так я оказалась в палате и совершенно одна. Без вещей и документов. Разумеется, врачи были не слишком довольны, но дали сутки на то, чтобы все необходимое мне доставили. Ладно, я подумала и решила, что могу рассчитывать на Картера хотя бы в таком простом вопросе. Ну что ему стоит зайти в мою комнату, открыть рюкзак, достать паспорт и доехать ко мне на своей дорогушей машине до больницы. Как же я ошиблась...

— Привет, Шон. — Сделала паузу, попыталась дождаться ответа. Ничего подобного. Что ж, ладно. — Слушай, у меня неприятности, я попала в больницу...

Кажется, после этих слов он сбросил мой звонок тут же. А я не знала, продолжала говорить, и, в итоге, спустя только пару минут обнаружила, что разговариваю с пустотой. Это обстоятельство меня разозлило настолько, что я ударила кулаком по стоящей рядом

тумбочке.

И заплакала.

Я пыталась звонить ему еще трижды, но он даже трубку не взял. И в итоге на следующий день в домик на окраине Сиднея отправился бессменный и безотказный Роберт Клефт. А я лежала и молилась, чтобы ублюдок, с которым я ухитрилась прожить почти полтора года, не отгрыз моему лучшему другу голову за этот визит.

Шли дни, ко мне никого не пускали. Потому что инфекционное отделение — не то место, где стоит устраивать посиделки. Казалось, изо всего мира со мной остались только две вещи: капельница и ноутбук, который передал через врачей Роб. То есть у меня в запасе оказалось слишком много свободного времени, которое я потратила... на размышления о будущем.

День размышляла, второй... а на третий вышла в интернет и стала искать научные статьи. На этот раз не с той целью, с которой обычно, нет! Просто во многих изданиях публикуют имейлы авторов.

Вам, наверное, интересно, что это такое я затеяла? Так я ваше любопытство удовлетворю: все это время у меня, как вы, наверное, помните, была одна весьма существенная проблема, которая на этот раз стала, наконец, весьма просто решаемой. В Сиднее мне было перманентно негде жить. Но пока я выздоравливала, мозга, видимо, это тоже коснулось, так как внезапно я вспомнила, что можно жить НЕ в Сиднее. И я не о Штатах. Есть места поближе. Меня ведь еще в Осаке приглашали к Мельбурн на летнюю стажировку. И, вспомнив одну из детских считалочек, я легко и просто выбрала которому из близнецов писать письмо.

«Дорогой профессор Петтерсон, это Джоанна Конелл, надеюсь, Вы меня еще помните. Возможно, вы помните, что предлагали мне место стажера у вас на кафедре... если оно все еще свободно, то я склонна согласиться. Известите меня, пожалуйста, как можно скорее!»

Меня известили спустя два часа. Впоследствии я узнала, что все вакансии были расписаны еще весной, но поскольку для всех я являлась не Джоанной Конелл, а подружкой Шона Картера, кто-то достал волшебный Паркер, и вуаля! То есть как только меня выписали из больницы, я направилась в университет, чтобы сдать свой последний экзамен, а затем поехала собирать вещи, чтобы успеть на вечерний экспресс до Мельбурна.

Однако, было стремно. Я надеялась, что с Шоном не увижусь, что он где-нибудь пропадает, и объяснять ничего не придется, но мне, как всегда, не повезло. Только я переступила порог, Картер вышел в коридор, видимо, собираясь оценивать степень моего бешенства. Но мне было не до гневных сцен — ведь я собиралась по-тихому слинять, избежав громких разборок. В общем, несколько секунд мы просто стояли и смотрели друг на друга. Затем я решила, что если расскажу правду, то он меня задерживать не станет. Хотя бы потому что объяснить мельбурнцам, по какой такой причине он отказывается отпускать от себя подружку, не удастся. В конце концов, он всегда прикрывал наши отношения карьерными соображениями, а стажировка мне только в плюс.

— Петтерсон тебе писал? — спросила я, решив выяснить все и сразу.

— Кто? — нахмурился Шон.

— Ясно, не писал. Это один из мельбурнских близнецов. — Блин, а ведь старичка подставила. Он-то думает, что все тысячу раз обговорено, а Картер ни сном, ни духом... — Я еду стажироваться в Мельбурн.

— Ку-да? — Я так и не поняла почему, но у Шона чуть пар из ушей не повалил.

— В Мельбурн. В университет параллельного программирования, — вздохнула я. — Они меня еще в Осаке приглашали. А сейчас я... решила согласиться.

— И что это тебя так взбесило?

— Не будь глупцом, — на манер истинной психопатки усмехнулась я и начала врать: — Я живу с тобой, сплю с тобой, но к Бабочкам так и не приблизилась. Может быть, все дело в том, что Роб прав? Он говорит, что окружающие полагают, будто всем подарочкам судьбы я обязана исключительно тому, что происходит за пределами спальни, а тут, — я указала на свой висок, — Пусто. Думаю, мне стоит попробовать поработать в другом месте и с другими людьми, чтобы доказать, что я и без тебя могу немало.

На щеках Шона заходили желваки. Но плевать! Я не собиралась щадить этого мерзавца. Да и если бы объявила, что просто злюсь на его нежелание привезти в больницу мои вещи, он бы обсмеял меня с ног до головы. А так хоть пощечиной на пощечину. Пусть теперь и он всласть пообижается!

— Мне нужно собрать вещи.

— А я разве мешаю? — ядовито поинтересовался он.

Вот как все просто, родной. И нечего злиться. Все верно. Любимая кукла разбила тебя твоими же доводами. Ты говорил, что не хочешь меня отпускать, чтобы посмотреть, насколько амбициозной я стану. Так вот наслаждайся и не жалуйся. Ха.

Пока я собирала вещи, он стоял в дверном проеме и мрачно за мной наблюдал. Спорю, даже не отвернулся. И было очень неуютно. Будто он ждал, что сдамся, сломаюсь. Что ж, тактика была выбрана правильная. Если бы я не была так сильно обижена, может, не выдержала бы и осталась, но не теперь! Он не принес мне паспорт. Черт возьми, не нужно было даже видеться, просто банально вручить врачам сумку. Ладно, не сумку — пакет. Маленький, пластиковый пакет. Ну или хоть паспорт, просто паспорт. Но он даже трубку снять не удосужился! Просто снять трубку и узнать, почему этот звонок был для меня так важен. В конце концов, я же не с фалоимитатором прожила полтора года. А по факту, стоило попасть в беду, толку от так называемого моего мужчины оказалось ничуть не больше.

В общем, я собрала чемодан и выкатила его в прихожую. Шон не препятствовал. Но не будь я женщиной, если бы не облажалась! Уходя, я все-таки совершила ошибку. Всего одну, но все же.

Уже на пороге я обернулась и сказала:

— Порви приглашение. Не вздумай заявиться на свадьбу моей подруги.

Секундой позже я оказалась прижата к двери его телом, его губами. Жестокими, что-то доказывающими, убеждающими и убедительным... И именно это расстроило больше всего: в поцелуе Шона не было ничего нового. Все как всегда. А мне было мало. Мне нужен был не поцелуй, а чертов паспорт!

— Нет, Картер. Ты того не стоишь, — сказала я оттолкнув его и развернулась.

Я понятия не имела, что имела в виду, но, видимо, недостающее он сам домыслил и отступил. А я не пожалела ни единого разу.

Хотя нет, вру, один раз было: когда я услышала жалобный, разрывающий душу скулеж Франсин.

По пути в Мельбурн я чуточку надеялась на то, что мне он понравится больше, чем раньше. Ну конечно я думала о том, чтобы там остаться. Это было бы неплохим вариантом.

Тем более что Керри уезжала, оставляя меня в компании одних лишь Клеггов... Однако, все было не так просто: прошлое впечатление осталось неизменными, Мельбурн мне не нравился.

И мне не нравился университет параллельного программирования. А причины были. О, я все их перечислю!

Во-первых, плохо положенная плитка. Она была очень прожорлива, и питалась ничем иным, как симпатичными крошечными набойками. Я осчастливила ее трапезой уже в самый первый день и, чтобы не сточить каблук левой туфли своих роскошных парадных шпилек, до самого вечера ковыляла, наступая только на носок. У меня даже несколько раз спросили отчего мисс Конелл хромает, не поранилась ли болезная! Это раздражало.

Во-вторых, мне не досталось даже стола. Ну как так?! Да, понимаю, я приехала на одно только лето, но оставить меня совсем без собственного уголка — свинство. И я снова и снова вспоминала своего доброго-хорошего-любимого Роберта и провожала недобрым взглядом местных устроителей.

В-третьих, мне не с кем было пообщаться. Не в смысле пятничных пьянок, этого, как раз, навалом (особенно после того как кто-то пустил слух о том, что мы с Картером расстались), нет. Я о науке. В смысле раньше я никогда от этого не страдала: в соседней комнате сидел Шон, с которым можно было обсудить что угодно. Ну или Клегг... а тут... ну близнецы, конечно, хуже ко мне относиться не стали, но с приобретением статуса подчиненной, появилась и непреодолимая субординационная яма. А уж с криптографией и взломом я оказалась в окончательной изоляции. Небольшой университет параллельного программирования выпуском защитников информации не промышлял в принципе — шутите что ли, да Картер бы конкурентов попросту задавил! — и потому они интересовались этой областью постольку поскольку. А ведь я, как вы помните, так и не сменила кафедру. В общем я буквально чувствовала, как становлюсь тупее с каждым днем.

В-четвертых, в общежитии летом не было никого. То есть по вечерам я была совершенно одна. А я... я не страдаю ярко выраженной интроверсией. И гулять по темноте было страшно. В общем вместо того, чтобы наслаждаться свободой, я сидела в одиночестве в комнате и таранилась в компьютер...

В-пятых, их проекты были... скучными. К суперкомпьютеру меня никто не подпускал. Все смотрели только на возраст и степень, а не на уровень знаний. Короче, смена статуса мне не очень понравилась. Ровно настолько, чтобы окончательно отказаться от мысли о переводе в Мельбурн. В университете Картера я хотя бы останусь с Клеггом, который меня знает и в меня верит...

Иными словами, я дожидаться не могла свадьбы Керри, которая являлась официальным и очень важным поводом для возвращения в Сидней. Но поработали мы неплохо. Статью отправили в местный журнал. А знаете, что было в этом сотрудничестве самое приятное? Отсутствие имени Шона Картера, конечно.

Я вернулась в Сидней за два дня до свадьбы подруги и поселилась, разумеется, в доме Клеггов. Решила, что раз я такая любимая, то до начала семестра меня потерпят в обмен на безостановочное мытье посуды. Говоря про безостановочность я не погорячилась — Мадлен может готовить круглосуточно.

Платье я купила себе маленькое. Керри в любом случае будет красивее, так что нечего прятаться за бабушкиными нарядами — рассудила я и заявила на свадьбу в аквамаринном

мини. Однако, присутствующим было не до нарушающих приличия юбок, потому что все были озадачены скоростью, с которой невеста ухитрилась перемещаться в своем свадебном наряде. Она бегала и командовала парадом с таким энтузиазмом, что я начала опасаться за общемировые запасы кофе. Это сколько же в нее утром влили для бодрости? Помимо прочего, невеста еще и пребывала в расчудеснейшем из возможных настроений. Оказывается, она была уверена в своем выборе суженного настолько, что любые попытки поинтересоваться ее самочувствием заканчивались ядовитыми смешками вроде «не старайтесь — не отдам». И раз уж все было чудеснее не придумать, я попыталась отказаться одалживать Керри шпильку (в моей прическе они лишними не бывают), но, в результате, чуть не осталась без клока волос. В общем, свадьба мисс Керри Робинс, будущей миссис Лайонел Прескотт, стремительно превращалась в опасное для жизни мероприятие.

Но день выдался исключительным. О таком мечтает каждая невеста. На небе ни облачка, но и жары не предвидится. Пока мы ехали в церковь, Керри легкомысленно делилась впечатлениями от свадебных приготовлений. Через двадцать минут я окончательно утвердилась в мысли, что она запросто могла бы написать матримониальный путеводитель по Сиднею. И, разумеется, эти рассуждения точно ножом полосовали по сердцу ее незамужних кузин. К счастью, хотя бы на пороге церкви невеста умолкла. И я уж было подумала, что стресс-тест сдан, как вдруг наткнулась взглядом на брюнетистый затылок Шона Картера.

Наверное, мне стоило порадоваться, что он хотя бы Хелен с собой не прихватил (не знаю, почему эта мысль так и засела у меня в голове, но отделаться от нее не получалось). А то ведь в последние месяцы Картера с ней видели чаще, чем со мной. И если учесть, что совсем недавно я еще обитала в Мельбурне, надо задавать вопрос иначе: в каких позах их видели чаще всего? Мда. Короче, меня понесло, а раз так, я начала повнимательнее присматриваться к шаферу. Ну парень как парень, — подумала я и, дойдя до своего места подружки невесты, ослепила его улыбкой во все тридцать два зуба. Разумеется, он заинтересовался, однако, только это и успелось, так как в дверях появились невеста-торопыжка и мистер Робинс.

Не знаю почему, но я вдруг решила понаблюдать не за Керри, а за Лайонелом. Иногда по одной лишь улыбке или выражению глаз понимаешь, что двое людей совершают ошибку, что их союзу суждено распасться. Так вот у Керри с Лайонелом был совсем не тот случай. Мне даже захотелось расплакаться. От счастья, конечно, не думайте, что я завистливая стерва!

Когда Керри чуть ли не добежала до Лайонела (а оно так и выглядело), жених не удержался и рассмеялся. А затем... затем она повернулась ко мне. Будто на этом мероприятии я была самым важным и желанным гостем... Боже мой, я запомнила этот ее взгляд на всю жизнь. Радость, которой слишком много, чтобы не поделиться. И в тот миг я пообещала себе, что она будет моей подружкой невесты, в какой бы точке земного шара я не решилась выйти замуж. Она просто обязана стоять рядом со мной. Потому что есть узы, которые не должны рваться никогда.

Соглашаясь терпеть друг друга всю оставшуюся жизнь, Керри и Лайонел не сомневались ни секунды. До этого дня я полагала, что подобные свадьбы бывают только в сказках, и рада была понять, что заблуждалась. На них стоило равняться, стоило надеяться на такую же удачу.

От града поздравлений молодоженов, как ни странно, спас фотограф. Пока мы всей компанией приближенных позировали, шафер Лайонела несколько раз пытался завязать со мной разговор, но не успевал, и в итоге на половине фоток вышел с открытым ртом. Это все мои ямочки на щеках. Оружие массового порабощения!

Когда, наконец, официальная часть церемонии подошла к концу, Керри и Лайонел оккупировали салон лимузина, а мы с шафером уселись впереди.

— Я Эдуард, — представился он.

— Джоанна, — кокетливо улыбнулась я.

— Лайонел говорил, что я счастливчик, но я не верил.

— С чего это ты счастливчик? — возмутилась я, сразу пытаюсь расставить все точки над *i*. Но-но-но! Если он надеется на недвусмысленное продолжение банкета...

— Потому что компания у меня наименее приятнейшая.

Я не придумала, что на это ответить, только улыбнулась и покраснела. Однако, несмотря на весьма приятное начало знакомства, по дороге в ресторан разговор не клеился. Оставалось надеяться на то, что всему виной была сложность управления лимузином. Я, признаться, предвкушала более динамичное развитие событий, однако этому не суждено было сбыться, так как стоило Эдварду припарковаться у ресторана — дверь с моей стороны распахнулась.

— Вылезай, — скомандовал Картер.

— Вот еще! — на автомате выпалила я, и только потом сообразила, насколько по-идиотски это прозвучало.

— Какая жертвенность, Конелл. Неужели ради того, чтобы отказаться от моей крошечной и вполне посильной помощи ты согласна пропустить все веселье, сидя в лимузине? Он настолько мил твоему сердцу?

— Пфф, куда тебе — любителю помятых мазд — понять мои пристрастия?

— О! Поверь, Конелл, меня вдохновляют не вмятины, а то, что отпечаток твоей голой задницы на капоте моей машины выставлен на всеобщее обозрение чуть ли не двадцать четыре часа в сутки, но ни одна душа, кроме нас с тобой, об этом не подозревает.

ТВОЮ ЖЕ МАТЬ!

— Да как ты... — тут по сценарию должно было следовать нехилое количество ругательств, но поскольку присутствующие уже были шокированы до глубины души, я просто прикусила язык и, подавляя желание наступить Шону на ногу каблуком, вылезла из машины. — Да хоть в интернет свое чистосердечное признание выкладывай, оттиска моей голой задницы ты больше ни в жизни не получишь! — прошипела я и ударила его клатчем в грудь. Шон, однако, даже бровью не повел. Вместо этого он сообщил мне нечто совершенно вырванное из контекста... раза, эдак, два кряду:

— Если я сейчас поднесу к твоим волосам зажигалку, на воздух взлетит половина улицы. А статья эта мельбурнская — хрень.

Этот разрыв логической цепочки окончательно парализовал мой мозг. Я стояла и тарасилась на него, как на нечто инородное.

— Ты что обкурился?

— Лучше бы я обкурился, чем это читал!

Нет, ну это вообще хамство!

— Знаешь, Картер, моя подруга час назад вышла замуж, и у меня праздник. Так что раз уж приперся, будь добр, сделай вид, что мы не знакомы.

Высказав все, что думаю, я направилась в сторону Керри, Лайонела и Эдуарда, которые — да — украдкой по очереди явно искали именной оттиск на ректорской мазде...

— Никогда бы не подумала, что скажу такое, — шепнула мне подруга. — Но вы действительно напоминаете пару.

— Ты совсем что ли?! С каких это пор?

— Понятия не имею. Потому что раньше я вас вместе никогда не видела! В смысле в обычной обстановке. А сейчас... это было очень похоже на... — Ауч!

— Замолчи! — прорычала я.

А ведь ее слова меня изрядно напугали, и потому я буквально приклеилась к Эдуарду, который, однако, теперь меня начал изрядно опасаться. Ну или моей задницы на его лимузине... И сколько бы я не строила шаферу глазки, сам он косил взглядом в сторону Картера.

— Значит ты работаешь водителем лимузинов? — в очередной раз попыталась я завязать разговор.

— Ага, — кивнул он и натянуто улыбнулся.

Я тоже выдавила улыбку, но тут же приправила ее немаленьким глотком шампанского. Вот за что? Ну за что?!

— Откуда знаешь Лайонела?

— Учились с ним вместе.

— Воот как. А я была соседкой Керри по комнате. Какое совпадение!

— А почему была? — поинтересовался он. — Поссорились?

Худшего дежурного вопроса он придумать не мог.

— Я... переехала. — Еще один затяжной глоток. — Слушай, может потанцуем?

— Можно и потанцевать, — милостиво согласился он.

И весь танец молчал как рыба. Ей богу, уж лучше бы задницу пощупать попытался, так нет же! Мои вторые девяносто теперь подобны родовому проклятию. В общем, когда мы взаимно отмучались в так называемом танце, я не выдержала и сбежала в туалет. Было до ужаса обидно. Какого-то парнишку соблазнить не могу! Ну что за напасть-то такая? За что не возьмусь — все валится из рук. Но хуже всего было то, что когда я вернулась, Эдуард посмотрел на меня как-то так затравленно-затравленно, будто я эдакая прилипчивая дамочка. И... блин, жесть как обидно стало. Сначала я попыталась поправить ситуацию шампанским, но когда и это не помогло, я вспомнила о том, что тут, в общем-то Шон... Ну да, перебрала и решила доказать себе, Эдуарду и всему миру, что списывать меня со счетов еще рано.

Я не была уверена, что Картер умеет танцевать, однако это меня не остановило. И я, решительно тряхнув головой двинулась к нему нетвердой походкой. Он окинул меня крайне заинтересованным взглядом.

— Ты никак со мной танцевать собралась? — издевательски изогнул бровь Шон, пока я старательно собирала в кучу мысли для вопроса.

— Ага, — обрадовалась я его прозорливости. Вот как славно, даже напрягаться не придется!

— Окей.

Картер согласился слишком уж легко. Ну, подвох я почувствовала, но не поняла, в чем он заключался. Но, как оказалось, только его рука коснулась моего локтя, столь привычно и

желанно, — по коже побежали мурашки. И он не мог не почувствовать их на обнаженной коже. Я даже сквозь застлавшую сознание алкогольную дымку почувствовала отголоски смущения. Но Картер наслаждаться моей беспомощностью не стал, он просто возвел ее в новый ранг, притягивая к себе мое тело. Все глупые детские причины этого танца оказались забыты в мгновение ока. Раз за разом перед глазами появлялась картинка, где я наклоняюсь чуть ближе к Шону и смыкаю губы вокруг кадыка на его шее, а пальцы сами собой запутываются в густых жестких волосах, и... и спустя полминуты, я уже не понимала, что реально, а что мне лишь пригрезилось, но внезапно обнаружила, что моя голова лежит на его плече, а рука прижата к груди под пиджаком. И ноги... ноги так сладко дрожат, что хочется оттолкнуть Картера к какому-нибудь стулу, усесться к нему на колени и просто наслаждаться ощущением абсолютного опьянения. Тряхнув головой, я заглянула ему в лицо, но ничего не успела увидеть, так как лишь почувствовала прикосновение твердых и жадных губ, которые остановили вращение этого мира. Я вздрогнула всем телом и вокруг моей талии сомкнулись сильные руки, вынуждая отклониться назад. Смесь алкоголя, музыки и желания ударила по нервам с такой силой, что я забыла, где мы, сколько вокруг людей. Я забыла обо всем. Будто целый месяц только этого и ждала...

Когда поцелуй внезапно оборвался, я протестующе застонала, а Картер схватил меня за руку и потащил к выходу из зала. Он, вроде, очень торопился, так как оступалась я через шаг... Добравшись до мазды, я категорически отказалась лезть на пассажирское сидение и уселась на колени к Шону. Не знаю, как он вел машину, ведь одна его рука прочно покоилась на моей заднице, пока я покрывала его шею поцелуями, но огни за окном казались размытыми полосами. Но даже осознание, что едем мы быстро, не удержало меня от самого желанного.

— Джо, отель уже близко, — прошептал он, пытаясь воспротивиться вынужденному стриптизу.

Но черта с два, я уже просто не могла прекратить. Мне было необходимо почувствовать его тело рядом со мной, во мне. Я ничего не ответила, даже не уверена, что поняла, о чем он говорит, — просто продолжила его раздевать. Но только взялась за ремень — машина вильнула в сторону, и стало значительно темнее. Пришлось напрячься, чтобы понять, где мы. Жилые кварталы? Совершенно внезапно Катер резко вывернул руль. Раздался скрип тормозов, запахло жженой резиной, и даже дым образовался... Я ничего не понимала. Что он делает? Но испугаться не позволили — вместо этого сильные руки бесцеремонно откинули меня на руль. В ночной тишине раздался оглушительной рев клаксона. Меня он, однако, не смутил, так как эти самые руки на этот раз скользнули под подол платья, совершенно бесстыдно, спешно, жадно... Разумеется, я не возразила, ведь не существовало ничего желаннее. Наконец, пальцы добрались до запретного, и я закрыла глаза, запрокинула голову и застонала. А уж когда звякнула пряжка ремня, и танец пальцев подхватили бедра, я окончательно растворилась в ощущениях.

Как же я скучала по этой опасности, неизведанности и непостижимости. По непредсказуемости мужчины, который мог и приласкать, и оттолкнуть, но не уставал удивлять. И этим умел дарить мне наслаждение как никто...

Реальность запустил звук электроподъемника водительского окна, и в салон машины хлынул воздух. Мы синхронно глубоко вдохнули. Только после этого во мне нашлись силы на то, чтобы пошевелиться. А Картер достала откуда-то сигарету и прикурил. Шон затянулся

так глубоко, что она сгорела до половины, а затем выпустил длинную струю в окно.

— Ты умеешь выпускать колечки? — внезапно спросила я.

— Ты психопатка? — вместо ответа поинтересовался Картер. — Ты нас обоих чуть не убила. И уже не впервые.

— С какой это стати? Оба раза ты был за рулем, — объявила я нагло.

Мгновение Картер смотрел на меня, а затем фыркнул и зарычал:

— Мне тридцать, Конелл. Я взрослый мужчина, дьявол, я ректор университета и уважаемый ученый. И мне страшно осознавать, что какая-то белобрысая девчонка пытается меня трахнуть, когда я веду машину, а я не в состоянии велеть ей отвалить. Ты хоть осознаешь, что мы не доехали до отеля всего пару кварталов? Нам обоим чертовски повезло, что я никуда не въехал!

С этими словами он меня толкнул вбок, и я повалилась на консоль. Уверена, моя многострадальная задница из такого положения смотрелась еще более эпично.

— И что теперь? — гневно поинтересовалась я, пытаясь развернуться в узком пространстве.

— А теперь мы, наконец, доедем до отеля, где я буду всю ночь тебя трахать с присушим моему возрасту и статусу шиком.

— Отличный план, — не могла не одобрить я. — Там у тебя где-то моя туфля...

— Она под сидением... Да на хрен она тебе нужна?! — рявкнул Картер. А затем тронулся с места. Затянувшись напоследок, он затушил сигарету в пепельнице, повернулся ко мне и выдохнул вожаделенное дымовое колечко прямо в лицо, приводя одну весьма нетрезвую блондинку в дикий восторг.

Ну... так и жили. Я больше с ним порвать не пыталась. И, вроде, даже Картер смирился с тем, что мы обречены... друг на друга.

Глава 10. Плита и люстра или разрушенные стереотипы

Настоящее время

Я не могу этого сделать, — думаю я, сжимая в руках ключ от квартиры. Я не могу туда войти. В кольцо стен, которые видели и мои мучения с Брюсом, и надежду на рождение ребенка. Идут секунды, минуты, а я все никак не могу просто вставить ключ в замочную скважину. Давай, Джо, тебе придется это сделать! Пока ты не найдешь новое жилье, вынуждена там бывать. Просто дерни чертов пластырь!

В итоге, запихивая чемодан обратно в багажник машины, я ругаю себя последними словами. Справившись, наконец, с задачей, я поднимаю телефон и набираю номер Шона.

— Дай мне ключик от офиса бабочек, — без приветствий требую я. Если Картер хочет, чтобы я стала не прежней, а прежней-прежней, то его мои жилищные проблемы ни разу не удивят!

— Там все еще ремонт, — слышу я суховатой, но вполне миролюбивый ответ.

— Ну и что? Я просто хочу иметь возможность там бывать.

— Я сейчас дома, заедь за ключом сама. — И вызов сброшен.

Снова театрально вздохнув, сажусь в машину. С самого возвращения я намеренно избегала домика на окраине Сиднея. Старательно игнорировала тот район. Не знала ответа на вопрос, что именно боюсь там увидеть: то что все изменилось или то что все осталось

прежним...

Некоторое время я собираюсь с силами, а затем вливаюсь в поток машин.

За три с половиной года домик Шона не изменился совершенно. То же крыльцо, та же дверь... и, кажется, даже краска со временем не выцвела. Разница лишь в одном: здесь больше нет пушистой лохматой добродушной псины... От этой мысли становится грустно, и чувство вины накрывает с головой.

Думаю, Шон видел, как я подъехала, потому как едва я касаюсь звонка — открывает. Ирония.

Он после нашего разрыва даже замок не сменил, а я не могу переступить порог квартиры, в которой мы с Брюсом прожили считанное количество недель... Будь я мужчиной, сказала бы, что у Картера стальные яйца.

Шон стоит на пороге. Ворот рубашки расстегнут и чувствуется легкий запах алкоголя. Так по-прежнему, так привычно. Черт возьми. Я даже забываю о приветствиях, просто стою и таращусь на него.

— Проходи, — говорит Шон, игнорируя мой ступор.

Зачем он меня приглашает? Зачем я соглашаюсь? Мы идем на кухню, по пути замечаю, что дверь в гостиную закрыта. Внезапно меня посещает желание ее открыть и удостовериться, что журнального столика там нет, что все произошедшее действительно было. Потому что... я будто и не уезжала. В этом доме ничто не изменилось. Разве что на холодильнике, несколько новых магнитов — все из числа тех, которые раскрученные бренды раздают на IT-выставках, — да еще отсутствие миски Франсин. Сажу и смотрю в тот угол, где она стояла. Либо мне кажется, либо под ней едва заметный круг более темного паркета. Жгучее австралийское солнце не забыло.

Пока я пытаюсь прийти в себя, Шон наливает мне кофе.

— Конелл, — зовет Шон и толкает в мою сторону ключ от офиса.

— Спасибо, — киваю я и запихиваю его в сумку, однако пальцы натываются на нечто иное.

Неохотно достаю найденное и кладу на стол.

— Оно мне ни к чему, — тут же сообщает Картер, глядя на кольцо.

— И мне тоже. Оно и раньше мне было ни к чему, а теперь так и вовсе откровенно странно было бы его оставить...

— А ты оставь и не думай о странностях.

— Кольцо должно быть символом чего-то... А это ничего не значит.

— Слово «должно» было придумано с единственной целью — усложнить людям жизнь. Лично я ни на что подобное подписываться не собираюсь. Ты не должна мне кольцо, а оно ничего не должно тебе. Что, по-твоему я стану с ним делать?

— Да хоть вышвырни. Мне-то какая разница?

— Отличная идея. Давай, — протягивает он руку.

— Ты действительно его выбросишь? — искренне пугаюсь я. Он ведь и такое может вычудить.

Картер не без прибабахов!

— А, по-твоему, я сяду и стану любоваться на углерод, которому повезло засверкать? Или, может, лучше подарить его кому-нибудь помешанному на должностях да обязанностях совсем как ты? То, что это секонд-хэнд упомянуть?

— В ломбард сдай! Оно стоит бешеных денег!

— У тебя странные представления о бешеных деньгах. Даже суперкомпьютер дороже, — задумчиво сообщает Шон, и я понимаю, что продолжения разговора не будет. Убираю кольцо в сумку снова, пока оно не отправится в мусор. И я права. У нас неплавный переход темы: — Знаешь, скоро я открою огромный проект. Соберу в Сиднее бабочек, но сам участвовать не стану. И чтобы не было уроков хорового пения, назначу одного человека, который будет отчитываться за прогресс передо мной. Типа руководителя. Хочешь?

— Черт возьми, ты это мне предлагаешь?! Конечно да! — прихожу я в искренний восторг, но затем понимаю, что все не так просто. — Но разве Такаши не обидится?

— Такаши не участвует. К тому же, будет много работы по твоей части. Я не сейчас это придумал, Джоанна. Но все еще очень надеюсь, что это поможет тебе прийти в себя и образумиться. Позволь тебе кое-что напомнить: Бабочки это постоянная борьба за власть над прогрессом. В том числе и друг с другом. Это не почивание на лаврах, а необходимость раз за разом доказывать, что ты достойна. Так что проснись и вперед.

— Прости. Я... — начинаю я.

— Три месяца назад я открыл портал Бабочек. Ты туда заходила?

— Нет, — тихо отвечаю я, припоминая электронное письмо с адресом чего-то типа соцсети для программистов, где можно пообщаться с крылатой братией в интерактиве. Да, я зарегистрировалась, но больше не заходила ни разу.

— А почему? Знаешь, Конелл, не будь ты в Сиднее, я бы точно тебя уже вышвырнул на хрен. И извинения будут засчитаны только если ты снова станешь человеком, которого я нанимал.

После этого он встает и уходит. Просто уходит. Оставляет меня одну. Он все еще злится. Хотя, с чего бы ему перестать? Я ничего не сделала, чтобы опровергнуть обвинения. Какая ему разница, хотела ли я замуж, детей и все прочее, ведь он не только мой экс, а еще и начальник. Порой об этом помнить слишком сложно.

У меня нет ключей от входной двери, и прежде чем выйти я ставлю дом на сигнализацию. Хотя могла бы этого и не делать. Если кто решит сунуться к этому дьяволу, сам об этом пожалеет!

Уже поздно, и в офисе Бабочек темно. Светильников здесь, разумеется, нет. Но Сидней переливается огнями так ярко, что все видно. Очень красиво. Мне безумно нравится место, которое Шон выбрал в качестве обители для своих подчиненных. Открываю окно, чтобы проветрить помещение, стираю со стекла строительную пыль. Несколько стен уже возведены, в том числе и кольцевая. И хотя отделочные работы начаты, вокруг очень грязно. Полный букет запахов стройматериалов. Но меня не смущает. Это в тысячи, в миллионы раз лучше, чем дом, в который мне все еще предстоит вернуться. А самое главное то, что здесь есть Wi-Fi. Сеть охватывает все здание, и Шон, разумеется, уже подсуетился.

Я располагаюсь на заимствованном у рабочих покрывале и ставлю на колени ноутбук. Захожу на портал бабочек — kbutterfline.com. Моя страница лишена каких-либо опознавательных признаков. Профиль не заполнен и нет фотографии. Самым первым делом исправляю это упущение, нахожу самую розово-улыбающуюся фотку и ставлю на аватар. Пусть Картер кофе поперхнется, когда ее увидит! Дальше прохожу в личную информацию. Дата рождения, время и место учебы в школе, университете, присуждения ученой степени... Специализация. Но нет графы семейного положения. Тут вам не фэйсбук! Все серьезно!

Заполнив профиль, я перехожу на странички других бабочек, и обнаруживаю, что все

они общаются между собой и у них полно подписчиков... Это настоящая социальная сеть. Да, я многое пропустила. Открываю свою стену и пишу:

Joe: *Всем привет. Прошу всех меня простить за долговременное отсутствие. Нs теперь я с вами и фиг отделаюсь.*

Ответ приходит незамедлительно:

Kaddini: Привет, Док. Ты в Сиднее? Такое впечатление, что с момента нашего экзамена тебя никто и нигде не видел.

Joe: Привет итальянцам. Я в Сиднее, но совсем недавно, часов эдак пятнадцать))

Kaddini: Ни ректор, ни профессор Клефт тебя все каникулы не видели...

О, так он справлялся у этих двоих о моем самочувствии? Как мило.

Joe: Это потому что я восстанавливалась в Ньюкасле.

Kaddini: А ты завтра на кафедре появишься? Просто я устроился к хакерам и мог бы на кофе заскочить.

Joe: Думала прийти, но ведь падение метеорита на мою злосчастную голову исключать нельзя. Мне в последнее время просто исключительно везет...

Kaddini: Ладно, тогда я не буду заранее покупать тебе кофе, вдруг он пропадет зазря.

Joe: Жадных парней, Каддини, девчонки не любят.

Kaddini: XD

В этот момент мое присутствие обнаруживают и остальные. Сначала пишет Карина, за ней — Такаши. Они, как выясняется, уже в курсе моих проблем со здоровьем (боже, надеюсь, не детально). Интересно, в каких словах им описывал мое физическое состояние Шон? Чуть не задаю Пани этот вопрос, благо на моей стене появляется новый комментарий с незнакомого аккаунта, и это отвлекает от забившей голову ерунды. Пишет мне какой-то тип с фамилией... не знаю, как это читать, но, судя по окончанию — ев, он русский. А еще он Бабочка. Мне бы стоило выучить их всех по именам.

JN: Привет, я Юрий (и вот сюда вставьте это пи-пи-пи-ев).

Joe: Привет, а я просто Джо.

Никакой реакции на мой юмор.

JN: Слышали о новом проекте профессора Картера? Он сказал, что нам придется работать вместе, и я решил познакомиться заранее.

Вот ведь зануда!

Joe: О, так ты из числа вверенных мне Бабочек? Круто. А кто еще с тобой?

Sean Karter: Конелл, я сообщил тебе об этом проекте час назад, а ты уже на весь интернет растрепала подробности. Объясни мне, как тебе это удастся?

Joe: Легко. Берешь клавиатуру, заходишь туда, куда ты меня любезно послал и... печатаешь. А чем это ты недоволен? Или, может, ты мне... соврал? Знаешь, если наш милый недавний диалог — всего лишь бугафория, то я не в обиде. Он мне не очень понравился!

Sean Karter: Минуту всеобщего внимания, раз уж карты вскрыты, сделаю официальное объявление. В будущем проекте каналы связи между мной и Бабочками настраивает Джоанна Конелл.

Но красивые слова никого не обманывают.

Ranu: То есть она главная? Поражаюсь твоему умению продвигать вверх тех, с кем спишь.

Joe: Я с ним больше не сплю. А тебе грех жаловаться!

Panu: Я с ним тоже не сплю, но проект почему-то отдают тебе.

Joe: Ну... тогда советую тебе... возобновить прерванное. Вдруг поможет.

JN: Поздравляю.

Sean Karter: Конелл, вот этот тип будет твоей правой рукой. Он из братии параллельщиков.

Joe: А что хоть пишем-то?

Sean Karter: Досье для Бюро.

Joe: *Че-го?*

Panu: Он имеет в виду, что в интернете это обсуждать неразумно.

Joe: Надеюсь, тебе за сурдоперевод приплачивают, а то это даже как-то дурно пахнет.

Panu: Шон, хоть намекни что надо освежить в памяти...

Sean Karter: *Меня.*

Panu: Окей. Это все знают. А по теме проекта?

Sean Karter: Меня. Тематичнее некуда.

Panu: Тогда у меня вопрос: зачем ты втянул в это дело меня?

Sean Karter: Ты правда думаешь, что я перед тобой стану отчитываться?

Joe: Так, личные вопросы с моей стены долой. И вообще я домой поехала.

Sean Karter: Уже час ночи. Ты все еще в офисе Бабочек?

Joe: Отсюда вид намного лучше, чем из окон моей квартиры. Я люблюсь Сиднеем. Я по нему соскучилась. Хотя, с кем я об этом говорю...

Sean Karter: Для справки, я в курсе, что из офиса Бабочек замечательный панорамный вид на Сидней. Я даже ради интереса посчитал, во сколько он мне обошелся.

Joe: И сколько это стоит? В смысле я собираюсь переезжать в скором времени и обдумываю варианты.

Sean Karter: Личные вопросы, говоришь, вон со стены? Очень похоже.

Joe: Моя стена и мои личные вопросы. Сечешь, Картер?

Sean Karter: А, ну раз о твоём личном дозволено, то еще я посчитал, что ты переезжаешь за полгода в шестой раз.

Joe: Да ты гонишь! Серьезно, что ли?!

Начинаю загибать пальцы. Переезд в Австралию — Ньюкасл, переезд в Сидней, переезд в роскошную квартиру, реабилитация у Керри, возврат в Сидней, ну и будущий переезд. Пока я размышляю, о масштабе собственных проблем, их число, однако, только прибывает.

Sean Karter: *Я все больше склоняюсь к мысли, что виной этому неправильная компания.*

Joe: К чему это ты клонишь?

Sean Karter: Можешь пожить у меня.

Joe: *Нет!*

И, не подумав, отправляю сообщение. Поморщившись, нажимаю на кнопку редактирования и стираю восклицательный знак. Драма да экспрессия ни к чему!

Sean Karter: А в чем дело? Ты уже подобрала себе очередной мешок с дерьмом и матримониальными намерениями, у которого вид из окон лучше, чем у меня?

Joe: Да уж, с отстойностью вида из твоих окон не поспоришь, Картер. Но я не гордая потерпела бы, если бы не несколько иное зрелище. Например, очередная иностранная студентка, с которой ты катаешься по Сиднею...

Sean Karter: Заметь, ровно в то же время я видел тебя в компании троих детей. Только ни один из них не твой.

Джозеф: Да, ты отлично подбираешь выгодные лично тебе аргументы. И если бы при всем этом ты бы еще и свои увлечения перерос — все было бы просто идеально! Ну а раз такого счастья нам не дано, вышли мне в личку расценки на роскошные Сиднейские виды. Все. Я уехала. хохох.

Я не включила свет. Чтобы не видеть эту чертову квартиру, я не стала включать свет, и только это позволило мне переступить порог. Но утро... утро безжалостно. Оно наполнило помещение не только светом, но и призраками горя и обид. Это просто невыносимо, настолько больно, но я, невзирая на правила приличия, набрала номер риелтора в семь утра...

А теперь стою напротив входа в университет. Не ожидала, что это окажется сложным настолько. Мне страшно зайти и увидеть, что здесь все еще ничего не поменялось, потому что некоторые события должны что-то менять. Может быть не для всех, но для меня. Мой мир изменился, должны измениться и декорации тоже. За спиной раздаются голоса, и я заставляю себя сделать следующий шаг, иначе поймают и начнут расспрашивать. А я не могу говорить о случившемся...

Однако, когда я вхожу в корпус, вижу, что на моем дисплее горят буквы: «С возвращением, Док!»! Губы сами собой растягивают в улыбку, и... ну... чуточку легче становится. Человеческое участие творит чудеса. Не жалость, не притворство, а вот такие вот искренние мелочи, идущие от сердца. Каждому хочется вернуться и знать, что его ждали. Меня ждали. Пусть это и один жаждущий места Бабочек мальчишка. Или вы, может, подумали, что он за мной по доброте душевной таскается? Ха. Вот ведь насмешили. Алло, я его Такаши.

Кафедра не изменилась. Но пришла я первой, слишком торопилась сбежать из дома. У остальных такой проблемы не существует. Ключик от злосчастной аудитории не дает мне покоя. Он висит на видном месте, и я не могу его проигнорировать. Я должна знать, смогу ли бывать на «месте происшествия». Глупо было бы думать, что одну из любимых кафедрой аудиторий исключат из расписания навсегда. Его ведь не Клефт составляет. Хватаю ключ и поднимаюсь наверх.

Когда я подхожу к двери, ноги дрожат. Я помню Ребекку Йол и парализующую боль. Думаю, эта девушка из моего персонального ада. Почему именно ей довелось увидеть, как я истекаю кровью? Я спешно отгоняю эти мысли и начинаю вставлять ключ в замок. Но он не поворачивается... Он раньше не заедал... Я вытаскиваю ключ и наклоняюсь. Замок аж блестит... Ни единой царапинки. Его сменили! Но ключа нет. То есть... эту аудиторию закрыли насовсем? Не знаю почему, но губы, подрагивая, изгибаются в улыбке. Ее закрыли из-за меня. Хоть бы это сделал Шон... Пожалуйста. Я же так немного прошу! Оборачиваюсь, опираюсь о дверь спиной и шумно выдыхаю. На один кошмар меньше. И, может быть, все не так плохо. Он предложил мне переехать к нему, и он закрыл аудиторию. Он, блин, и не смейте спорить. Иногда иллюзии во благо!

Ее закрыли, — слышу я голос Клефта. — Увидел твою сумку, и понял, куда ты пойдешь.

— Кто закрыл? — А вот в этом самом месте пора побиться головой о стену. Зачем я это спросила? Зачем выставлю себя душой?

— Картер. Причин не знаю, но теперь всем определенно спокойнее. В конце концов, там побывала толпа перепуганных студентов... Мда...

— Роб, иди сюда, — и приветственно раскрываю объятия.

— Какое же ты горе, Конелл, — неуклюже похлопывает он меня по спине.

— Керри шутит, что мое второе имя — Катастрофа.

Клегг не комментирует, потому что согласен. А когда мы заходим на кафедру, я вижу, что там меня дожидается знакомый потрепанный рюкзак и кофе из старбакса. Каддини ничуть не изменился. Он все такой же долговязый и взъерошенный.

— Док, привет, — расплывается он в улыбке. — Я все-таки рискнул! — и торжественно протягивает мне стаканчик.

Он очень забавный. Только несколько не в себе... перманентно. Пока Каддини не успел развернуть треп о достижениях мира IT-технологий, Клегг сует ему в руку несколько банкнот и отправляет за кофе. Шутит, что так открыто подлизываться только к одному преподавателю неприлично. Парнишка, разумеется, не возражает, он вообще отзывчивый. Прибегает с двумя стаканами и плюхается на стул напротив, готовый внимать всему, что бы мы не сказали, хотя в разговоре не участвует.

— Я должна созвать конференцию параллельщиков.

— С чего это вдруг.

— Терки с Картером, — отмахиваюсь я.

— Ну давай устроим, — одаривает меня своей благосклонностью начальство.

— Ты шутишь? Здесь нельзя.

— Почему?

— Это же обитель Картера. Если ты зовешь народ в Сидней, все летят к Картеру. А он тут вообще не при чем.

— Терки масштабнее, чем я думал, — хмыкает Клегг.

— Может, Мельбурн? — предлагаю я.

— Да брось. Это несерьезно.

— В Мельбурне отличный университет. И я регулярно переписываюсь с близнецами. Их запросто можно попросить. Они будут счастливы. В конце концов, это отличная возможность пообщаться с Бабочками. Да они меня кормить клубникой со сливками начнут! — Помните? Помните мою нездоровую фантазию, да? Она все еще со мной!

— Что за больные ассоциации? — подозрительно спрашивает Клегг.

— Когда раньше мне приходилось срочно дистанцироваться от какой-нибудь гадости, происходившей в реальности, я представляла мельбурнских близнецов, которые кормят меня клубникой со сливками. Они такие древние, что это очень смешно. — Но ни Клегг, ни Каддини не забавляются. Они недоумевают. — Гхм, проехали.

— Да, проехали, Джоанна, — откашливается Клегг. — И идея дурацкая. Картер никогда тебе не позволит и шаг в сторону Мельбурна сделать.

— Почему? Я не собираюсь давать деру отсюда. Я с ним поговорю.

— Я не согласен на Мельбурн. Категорически. Запрещаю тебе это как твой начальник.

— Не надо мне тыкать в нос твоим положением. Если ты хочешь это обсудить — пожалуйста. Только не надо бить по столу кулаком и орать «я сказал». Как ты знаешь, в любом случае в обход тебя я действовать не стану. — От раздражения я даже свой слоеный латте перемешиваю.

— Прости. Ты уже однажды уезжала в Мельбурн. Мы не могли это воспринять хорошо. Так что... еще раз прости. Но нет.

Чтобы не продолжать неприятный разговор, я открываю ноутбук и захожу на портал

Бабочек. В надежде на ответ Шона посматриваю на свои сообщения. Пусто. Это что, наглядная демонстрация несогласия с моим решением жить самостоятельно? Или, может, он, как всегда, делает не то, о чем я попросила? Что гадать? Толку-то никакого. Вздыхаю и пролистываю стену. Последний комментарий прислал Такаши.

TkshMk: Рад видеть, что вам лучше, Джоанна.

Joe: Спасибо, Такаши. Так здорово всех здесь видеть, будто и не расставались с самой Сицилии.

TkshMk: Да, проект «пообщайся с Бабочкой в интерактиве» работает совсем как надо.

Joe: Да бросьте, мы вовсе не шоу-индустрией занимаемся.

TkshMk: Ну конечно, Шон не признается, но это пиар в чистом виде. И офис Бабочек тоже. Он всего лишь набивает нам очки, привлекая новые кадры.

Joe: А я думала, что это нечто типа «один за всех». По крайней мере, Картер однажды сказал, что Бабочкам не хватает единства. И да, здание офиса красивое. Там полная панорама Сиднея. Откуда бы вы еще могли об этом узнать?

TkshMk: Я бы с удовольствием полюбовался.

Joe: Могу вечером прислать фото.

TkshMk: Было бы здорово.

Joe: Ладно, мне пора работать. А то по мою голову придет наш страшный и ужасный начальник лично.

TkshMk: Хорошего дня, Джо.

Joe: Спасибо!

Однако моим мечтам не суждено сбыться, потому что у нас на кафедре появляется Шон собственной персоной. И я просто до неприличия рада его видеть.

— Привет, — говорю я, пытаюсь выглядеть хотя бы вменяемой.

— Пошли со мной.

Я и не думаю сопротивляться. Этой чертовой закрытой аудиторией он меня подкупил еще сильнее, чем проектами и вчерашними разговорами о переезде.

— Собираюсь получить грант на исследования. Тема тебе придется по душе, насколько я знаю, уже знакома с этой штукой. Но не можешь руководить, ведь в последнее время мало публиковалась.

— Военные не особенно жаждут раскрывать свои секреты, — тут же начинаю оправдываться.

— Именно, — кивает он. Значит это не очередная порция обвинений. Уже хорошо. — Но по этой причине проект буду возглавлять я.

— Да уж, тебе точно не откажут в финансировании. Так что за тема?

— Квантовый компьютер*. Собираюсь написать для него язык программирования.

Штука намного более экзотическая, нежели суперкомпьютер, новоизобретенная, говорят, оставит нынешних программистов без работы, ибо принципиально иная. Размерами, опять же, впечатляющая. Обещает быть быстрой.

— Как... да как ты узнал, что я над этим работала? Картер, это же закрытая информация.

— Моя работа заключается в обнародовании закрытой информации. К тому же, ты уже преступница, казнить тебя дважды не получится. Думал, что ты больше обрадуешься.

— Я рада. Но не в той части, где мне собираются дважды казнить, — кисло отзываюсь я.

— Поначалу проект будет простенький, а потом уже выйдем нормальное финансирование и команду. Бабочек подключим. А пока... просто развлекаемся, Конелл. Я еще с этой машиной дела не имел. Ты меня обскакала.

— Ненамного. Она жуткая.

— А должна стать родной.

— И участников проекта я выбирать могу?

— Можешь. Но, Конелл, это проект моей кафедры. Не вздумай протаскивать туда Клегга.

А затем мы входим в комнату, где стоит квантовый компьютер. Это ящик. Но также наше светлое будущее. Идея, которая восхищает многообразием возможностей. И вот стоим мы с Картером плечом к плечу и таращимся на это чудо науки и техники.

— Это круто. Думаю, надо взять в проект Каддини. Он будет в восторге.

— Ты не возьмешь в проект Каддини, — бесстрастно парирует Шон.

— Но он мой...

— Он не твой, а мой, — поправляет он меня. — Однозначно.

Поворачиваюсь к нему, недоверчиво смотрю. Мы что, действительно начнем делить студентов?! Можно еще мелом разметить территорию кампуса. Чур, буфет мой!

— Верно, Картер. В этом здании каждый кубометр воздуха твой. Но про Каддини ты, наверное, шутишь. Скажи, что ты шутишь.

— Я не позволю кафедре параллельного программирования переманивать у хакеров лучших студентов, — сообщает Картер, скривившись.

— Я не переманиваю, я... просто... да на кафедре защиты работаете вы с Хелен. А сумма вашего обаяния равняется минус единице! Клегг куда симпатичнее, а уж я так и вовсе прелесть.

Не странно, что перепуганные цыплята бегут туда, где теплее.

— Прости, Конелл, но я вынужден тебя разочаровать. По социальным меркам Клегг куда прелестнее тебя. У него хотя бы моральные принципы имеются. — Один-один. — И, если ты думаешь, что я забыл о теме разговора — не выйдет. Не вздумай включить в проект Каддини!

— Постой, это же проект твоей кафедры. Твоя кафедра и твой студент. Даже у меня меньше прав в нем участвовать.

— Точно. Будешь тянуть на себя одеяло — исключу.

— Не это ли ты от меня требовал еще вчера?

— Поверь, твоя старательность мне угодить впечатляет.

— Что?!

— Но не думай, что я позволю тебе делать все, что заблагорассудится.

Стою и смотрю на него, а сердце бьется как бешеное. Это мне за вчерашний отказ? Он злится, что я не согласилась переехать к нему? Или это он злится дежурно? Я так долго на него смотрю, что мне начинает казаться, будто расстояние между нами сокращается. В голову врзаются посторонние запахи, которые невозможно игнорировать. О нет! Так не пойдет.

— Пришли мне ведомости студентов, я посмотрю, кого можно взять в помощники. И

даже не думай пропихнуть Ребекку Йол, иначе она будет плакать. Много, долго и часто. Тебе очень не понравится, уверяю.

После этого я разворачиваюсь и ухожу, но слышу смех за спиной. Черт возьми, это же флирт и ни на процент не меньше! Что я делаю? Что мы делаем?

И, списка претендентов на место под солнцем — пардон, за штурвалом суперкомпьютера — я выбираю некую Аманду Грейс. Не знаю ее, я у этой группы никаких дисциплин не вела, но у этой девушки впечатляющие оценки. Иду на кафедру хакеров.

— Каддини, ты Аманду Грейс знаешь?

— Ага, Док. А что?

— Она австралийка?

— Эээ... да, — глаза у парнишки становятся круглыми-круглыми. А у меня серьезный академический вопрос, между прочим.

— А она симпатичная?

— Эмм... хмм... А тебе по какой шкале.

— Ну, уж не до хорошего. Вон Хелен сидит, — бодро указываю я на свою одноклассницу. Та честно пытается возмутиться. — Аманда Грейс симпатичнее?

— Нет... Док, блин... мне здесь еще учиться. И у мисс Амберт тоже!

— О, не переживай, тебе благоволит сам ректор. Так что твоему диплому с отличием ни одна сиднейская мымра не помешает. Так Грейс, говоришь, не очень?

— Не очень, — вздыхает он.

Вот и славно. Девушка определенно не во вкусе любителей заграничных диковинок...

Я привычно расстилаю одеяло около окна в офисе Бабочек, ставлю на него стаканчик с кофе из старбакса и радостно плюхаюсь рядом. В этом месте мне так уютно и спокойно. Я не хочу думать о причинах, их осознание может нарушить это умиротворение.

Захожу на портал. Как и обещала Такаши, вчера я выложила фотографию себя вот на этом самом месте. Вечером, на фоне нарядных Сиднейских огней. Пришлось повозиться, чтобы снять все так, как хотелось, но вышло замечательно: и ночь, и окно, и я, сложившая пальцы сердечком. Поддавшись порыву, сделала на фото надпись «Love Sidney». Пусть те, кто в курсе моей татуировки, позабавятся.

Мировая вышла фотка. Просто загляденье. Теперь красуется на моей стенке. Однако, ответа от Такаши дожидаться не стала: было уже очень поздно, и, хотя у нас с ним разница во времени час (причем у нас этот час в плюс), по ночам он на портале не сидит. Решила посмотреть утром. И не прогадала. Такаши, видно, жаворонок, бедняга, так как сегодня суббота, у них в Осаке сейчас всего восемь, а он уже мне ответил.

TkshMk: Да, впечатляет. Надеюсь, что когда-нибудь увижу это лично.

Док: Уверена, что так и будет. Шон ведь иногда вас приглашает в Австралию даже просто так. Единственного)

TkshMk: Вот как? Я польщен.

Kaddini: Док, а я в Сиднее! Ну Док, ну тайком... один разочек...

Если Такаши жаворонок, то мальчишка-энтузиаст и вовсе не спит. Вспоминаю вчерашний запрет Шона, и чувствую себя предательницей. Ну как сказать моему любимому студенту, что я не беру его в проект, потому что когда-то сама проложила дорожку, на которую теперь поставили знак «движение запрещено»? Он же очень сильно расстроится...

Док: Договаривайся с Картером! Наш царь и бог правило трех предупреждений не соблюдает.

Один раз, и пинок под задницу... Я проверила. А мне тут и самой неплохо.

Kaddini: Вот же ты жадина!

Внезапно лифт оживает. Не думаю, что здесь есть уже работающие офисы, здание, построили совсем недавно. Может, это рабочие, у которых не пятидневный график? Например, в офисе Бабочек явно что-то делают, просто не по вечерам, когда здесь бываю я. Однако, как вы, наверное, догадались, жду я совсем не строительную бригаду. Не знаю, зачем мне сейчас здесь Шон, но это так заманчиво... Просто увидеть, поговорить, подколоть... А лифт действительно открывается на нашем этаже, и я сижу, затаив дыхание. Вот только вместо Шона оттуда выходит совершенно незнакомый мужчина. Мужчина в безупречно сидящем костюме. Высокий, широкоплечий, симпатичный блондин. Он точно не Бабочка... И, как ни странно, первое мое желание — сбежать. Он тоже недоуменно на меня таращится. Причем, кажется, я в себя прихожу даже раньше.

— Что для вора, что для рабочего вы слишком хорошо одеты, — сообщаю я очевидное.

— А вы для компьютерного фрика слишком качественно причесаны, а еще не носите очков. Но, судя по макбуку и большому латге, вы как раз из их числа. Мое имя Ашер Циммерман. Я отвечаю перед одним вечно недовольным типом за работы, которые проводятся в данном помещении.

— Джоанна Конелл. С потрохами продана в компьютерное рабство тому же самому типу. Вы не против, если я тут посижу?

— Нет, конечно. Сегодня ребята не работают.

— А мистеру Главному Перфоратору такого счастья, как всегда, не выпало. — В ответ на мою шутку он запрокидывает голову и смеется. Почему-то мне это не нравится, я уже жалею о своих словах.

— Мистер Главный Перфоратор? Это довольно смелое утверждение для человека, с которым мы познакомились несколько минут назад.

— Это просто безобидная шутка, — на всякий случай уточняю я. Но... не прокатило.

— Позавтракать не хотите? Пожалуй, сегодня тот самый случай, когда данное предложение не несет в себе двусмысленный подтекст.

— Я уже, — показываю я ему стаканчик кофе и, вежливо улыбнувшись, утыкаюсь в ноутбук.

Но вдруг мой телефон оживает, и я чуть не начинаю прыгать от счастья, видя, что это риелтор. Он говорит, что нашел вариант по моему запросу: что-то не очень шикарное, но уютное и... женское. Причем эти требования я подкрепляю всем, что осталось на моей карточке. И, судя по энтузиазму, с которым женщина берется за дело, денег у меня вполне достаточно. В общем, через двадцать минут мы договариваемся встретиться.

— Выходит, вы не завтракаете со мной потому что запланировали трапезу с другим? — уточняет Ашер Циммерман.

— Не обижайтесь. — Незнание правды ему уж точно не повредит. Особенно после моей глупой выходки. Но после такого неплохо бы и самолюбие подлечить, а потому я говорю: — До свидания, мистер Главный Перфоратор.

Когда двери лифа закрываются, он все еще смотрит мне вслед.

Квартирка, которую мне предлагает риелтор, расположена в двадцати минутах и от залива, и от офиса Бабочек. Мысль о том, что моя извечная утренняя пробежка могла бы включать в себя визит на побережье, не может не подкупать. Это ли не радость? Из окон вид

тоже хороший, дверные проемы не обычные — арочные, и в стенах ниши для ваз с цветами. Наверное, само провидение благоволит моему переезду из роскошного ада. Кстати, тут все отнюдь не так помпезно. Ни кричащего белого цвета, ни парковки, куда можно посадить боинг... И она не новая. Мне вооруженная перфораторами бригада ни к чему. Короче, только таблички «здесь живет Джоанна» не хватает. Наверное, неправильно покупать первую увиденную квартиру, но я уже не могу от нее отказаться. Поскольку это местечко раньше сдавалось, и жильцов уже нет, мне разрешают въехать сразу. Ну, ради этой возможности я внесла баснословный залог...

А далее мы с Робертом и Мадлен перевозим мои вещи. У меня нет мебели, потому процесс не такой уж трудоемкий, справляемся за день. Осталось только кровать купить. Таким образом, я почти все воскресенье трачу на поиски подходящего ложа, а после еду на пляж, намереваясь после него заглянуть в офис Бабочек. Интернет в новенькой квартирке еще не подведен, а вечер без доступа ко всемирной паутине — это самый страшный кошмар компьютерно зависимого человека.

Наряд из коротких пляжных шорт, майки и сланцев меня совсем не красит, а волосы спутались от соли, но это не страшно, ведь уже поздно, и увидит меня только строительная пыль... Хаха. Не тут-то было!

— Давая тебе ключ, я не подразумевал, что ты можешь здесь поселиться, — сообщает мне Картер, стоит створкам лифта открыться. Вот черт! Я инстинктивно хватаюсь за свои еще не до конца высохшие волосы.

— Я купила квартиру.

— Поздравляю. И что?

— Я ее купила вчера, а это значит, что там ни интернета, ни приличного освещения, ведь раньше я снимала все полностью меблированное... Подведу жизненно необходимое — перестану надоедать тебе своим присутствием.

В этот момент створки лифта начинают закрываться, и Шон придерживает их, давая мне время покинуть кабину.

— И вообще, если это офис Бабочек, а я Бабочка...

— Это ОФИС Бабочек, а не место для ночных фотосессий и утренних посиделок в компании латте.

Закатываю глаза.

— Что именно тебя бесит?

Но вопрос адресован спине Шона, так как он уже возвращается к тому, от чего его оторвала моя отнюдь не желанная персона — к проверке качества работы Ашера Циммермана. Сначала он стучит костяшками пальцев по круглой стене, а потом изучающе проводит по ней ладонью. Мой мозг разрывается от изобилия неприличных картинок, в каждой из которых под его руками мое тело... изгиб поясницы — именно там, где раньше была вереница шрамов, — плечи, бедра... Боже...

— Стены должны даже после взрыва выстоять, Ашер. — Кто?! Моя эротическая фантазия рассыпается в пыль. Провалиться бы тебе, Конелл, сквозь землю. Начинаю лихорадочно копаться в своей плетеной сумке в поисках блэкбери, стараясь принять максимально сосредоточенный вид.

— Ты именно за этим меня и нанял, разве нет? — не слишком довольна спрашивает мистер Перфоратор, но самого мужчину я не вижу. — Здесь использовалась та же

технология, что и для банковских сейфов. Взрыв обрушит здание, но твое сокровище останется в безопасности.

— Ты готов прямо сейчас принести взрывчатку и проверить?

— Взорвать здание? — раздраженно уточняет блондин, появляясь, наконец, в поле моего зрения и приветственно кивая.

— Нет. Взорвать бомбу внутри стен. Согласно твоей теории, они должны удержать волну.

— Совсем спятил? — раздраженно спрашивает Ашер. — Волну они удержат, но вибрации не погасят. А если учесть, что ради этого кольца ты снес чуть ли не все несущие стены, можешь со зданием попрощаться.

Не слишком деловые отношения у этих двоих. Стоп, это не мое дело. Мысленно даю себе подзатыльник и утыкаюсь в телефон. На портале Бабочек всегда на редкость оживленно. Нахожу тему, где люди обмениваются впечатлениями обо всяческих новинках мира IT и обсуждают... квантовый компьютер. Там единолично царствует этот пи-пи-пи-ев. Решив воспользоваться присутствием человека, который точно знает этого типа, спрашиваю:

— Картер, как читается фамилия русского парня из Бабочек?

— Немаляев, — без уточнений понимает Шон.

— Ставленник Пани?

— Да.

— Тогда все ясно.

От нечего делать влезая в дискуссию, и мы с Немаляевым затеваем спор. Я так увлекаюсь, что даже пропускаю момент ухода Шона и Ашера, — строчу два не высунув язык. На огонек слетаются и остальные представители крылатой братии.

TkshMk: Какое счастье, что я в этом проекте не участвую...

NY: Все в порядке, мистер Мияки, это чисто профессиональный спор.

Joe: У меня уже от этого чисто профессионального спора волосы на затылке шевелятся!

TkshMk: Всем спокойной ночи. Приятных обсуждений.

Sean Karter: Такаши, с тобой очень сложно поддерживать связь. Советую пересмотреть расписание.

TkshMk: Прошу прощения, но не сегодня. У меня в университете утреннее собрание. Еще раз спокойной ночи.

Joe: Картер, так что вы с мистером Перфоратором решили по поводу офиса? Взрываете или нет?

Sean Karter: Это ты Ашера так прозвала?

Joe: Ну да, он же строительными работами заведует.

Ranu: Офис взрывают?

Joe: Шон хочет взорвать офис, чтобы проверить, переживет ли его суперкомпьютер ядерную войну.

Ranu: А вы там, я смотрю, развлекаетесь...

Joe: Зачем тебе непробиваемые стены, Картер?

Sean Karter: Потому что мой суперкомпьютер легче стащить, чем взломать.

Joe: Да ты параноик! Он же гигантский!

Sean Karter: Нельзя недооценивать силу энтузиазма.

NY: Так мы что-нибудь решим по поводу квантов?

Kaddini: Да, мне тоже интересно.

NY: Кто это?

Joe: Мой чокнутый студент, не обращайтесь внимания.

Sean Karter: Это МОЙ студент! Второй раз предупреждаю.

Joe: Предпочитаешь, чтобы его воспитанием занялась Хелен?

Kaddini: Прошу, не надо мисс Амберт! Ее невозможно подкупить с помощью кофе...

Сэр, а можно посмотреть на офис Бабочек?

Sean Karter: Там ремонт и Конелл. И то, и другое ты уже видел.

Kaddini: Там невзрываемый сейф для суперкомпьютера!

Sean Karter: Его невзрываемость еще не доказана.

Pany: Ты серьезно собрался взрывать офис?

Kaddini: А можно это увидеть? Я никогда не видел взрыв.

Sean Karter: Каддини, я тебя сейчас забаню.

NY: Так мы продолжим или нет?

Sean Karter: Не сегодня. В Сиднее второй час ночи.

Joe: Мда, пожалуй, мне пора. Всем пока.

По пути к лифту я считаю, сколько углов в новой квартире соберу по дороге в спальню, потому что по поводу освещения не шутила. До него у меня пока руки не дошли. Даже люстры не висят. Когда двери лифта открываются, меня на мгновение охватывает страх. Думала, что в здании осталась я одна, но напротив дверей, прямо посреди парковки, стоит машина. А затем я понимаю, что это черная мазда, и мое часто стучащее от страха сердце сладко замирает. Из лифта я кое-как выхожу, но дальше и шага ступить не могу. А Шон вылезает из машины. И, кажется, никакой взрывчатки не нужно. Напряжения столько, что одна искра — и все здание взлетит на воздух.

— Шон? — спрашиваю я.

— Ты сказала, что у тебя в квартире света нет. Помочь?

Этот вопрос заставляет меня моргнуть и рассмеяться. Только электрическое поле никуда не исчезло. И я, разумеется, не отказываюсь, потому что не продлить такое ощущение под безобидным предлогом — преступление.

— Только нужно заехать за кофе. Кажется, плиту замкнуло, — я не смогла ее включить... Думаю, нам нужен кофе. Вот.

— Боже мой, Конелл, заткнись!

Сидя в машине, я буквально сгораю от нетерпения. Предвкушение. Неизвестность. Сладкая и порочная. Может быть, в отношениях этот момент и есть самый приятный? Иллюзия всевозможности и вседозволенности, которая, как правило, не окупается и оставляет горькое чувство утраты... но априори заставляет наши сердца биться часто, как никогда, дрожать от восторга. Моя нога дважды соскальзывает с педали газа, потому что он едет за мной. Потому что этот слепящий огонь в зеркалах из-за его фар. И меня оглушает собственный шум крови. Стоя на светофоре, я пропускаю момент, когда загорается зеленый, потому что плююсь в зеркало заднего вида и улыбаюсь, как дурочка.

Припарковавшись, мы оба выходим из машин и направляемся к выходу. Неподалеку есть круглосуточная забегаловка. Кофе там, мягко говоря, не очень, но ехать далеко никому не хочется. Когда мы стоим около прилавка, дожидаясь заказа, рука Шона на мгновение, словно невзначай, касается моей поясницы.

— Ты сделала пластику? — спрашивает он внезапно.

— Да.

— Ты до смешного одержима своей внешностью. Это не вернет тебе здоровье.

— Но превращаться в чудовище Франкенштейна тоже не хочется.

Несколько секунд он смотрит на меня, и морщинка меж его бровей становится все глубже и глубже.

— Мне нравились твои шрамы. Они были моими, — мрачно заключает он.

— Твое извращенное мировосприятие для меня не новость, — парирую я, отчего-то вспоминая помятый капот мазды. Разумеется, это не одно и то же, но я не удивлена, что Картер ухитрился найти в этих двух вещах нечто родственное.

И вот, со стаканчиками кофе, в уютнейшем на свете молчании мы заходим в мою квартиру. Три комнатки, уютная кухня и большая ванная. Думаю, мне этого хватит до конца жизни. Кстати, домик Шона тоже не дворец. Стоп! Это вообще некстати!

— Располагайся, — бросаю я и скрываюсь ванной, чтобы переодеться.

А когда выхожу, посреди гостиной стоит стремянка, а у Шона в руках моя люстра.

— Садись на верхнюю ступеньку. Будешь светить фонариком.

— А мы не упадем, вдвоем-то? — подозрительно спрашиваю я.

— Если у тебя найдется еще одна стремянка или хотя бы высокий табурет, охотно рассмотрю варианты.

Но у меня ни того, ни другого. Послушно взбираюсь наверх и поворачиваюсь к Шону лицом. Он тоже поднимается по ступеням. И... черт, мне приходится раздвинуть колени, чтобы хоть как-то сохранить баланс. Это слишком интимно. И ведь, вроде, не подстроено, но создается ощущение, что цель всего мероприятия — поиграть друг с другом. Кто первый сорвется? Ну а что? Мы ночью наедине в квартире, где есть только кровать. И если бы хоть один из нас был против логического продолжения вечера, он бы просто не допустил такой ситуации.

Из ниши в навесном потолке Шон выковыривает отверткой (оставшейся мне, заметьте, от Брюса) провода. А я смотрю на его рубашку, натянувшуюся на груди, и хочется расстегнуть каждую пуговицу. Если бы не стремянка, я не знаю, что бы было. Она не очень устойчивая, не могу поверить, что мы на нее дружно влезли из одного лишь упрямства. Что-то я отвлеклась, надо срочно продолжить представлять Картера без рубашки. Честное слово, лучше бы ее не было и гадать не пришлось, а то я скоро совсем свихнусь. Стараюсь дышать не слишком часто, потому что в тишине ночи каждый вдох подобен раскату грома. Но двадцать сантиметров. Между нами не больше двадцати сантиметров. Если я чуть-чуть подамся вперед... мы дружно рухнем со стремянки оба.

Интересно, как часто Картер вешает одиноким девицам люстры по ночам? Надо заметить, выходит у него просто изумительно! Невольно вспоминаю о Ребекке Йол, и меня охватывает почти непреодолимое желание ударить, укусить или поцарапать Шона. Оставить на нем свои шрамы... Эти мысли так пугают, что когда я слышу голос Картера, подскакиваю на месте, и стремянка опасно вздрагивает вместе со мной.

— Джоанна, повыше фонарь можешь?

— Конечно.

Он собирается подсоединять провода, а мой взгляд упирается в пуговицу его рубашки снова. Ту самую, после которой их расстегивать считается неприличным. Его кожа очень смуглая, и это подчеркнуто белизной рубашки. Интересно, это загар или от природы? Не думаю, что Картер проводит свое лето, валяясь на пляже... Хотя, проверить гипотезу легче

легкого, стоит только...

Старательно вытряхивая из головы все непристойности, я вытягиваю вверх руки, но взгляд Картера опускается в декольте моего топика. Еще чуть-чуть, и нас уже ничто не остановит.

— Шон, мне не удастся продержаться фонарь долго.

Он моргает, кивает, а затем возвращается к работе. Но когда начинает водружать люстру на ее законное место, стремянка дергается в сторону, и я сильно обхватываю Картера и руками, и ногами. Следующие несколько секунд я поверить не могу, что мы удержались, а потом заливаюсь румянцем. Мои руки обвивают его бедра, лицом я уткнулась в его живот, это просто... сумасшествие.

Наконец, люстра на своем месте, и мы включаем свет. Однако, если для меня зрелище не новое, то Шон ожидал отнюдь не этого. О да, ему было определено не до изучения осветительных приборов...

— Что за хрень? — подозрительно спрашивает Картер, поворачиваясь кругом и осматривая комнату, на стенах которой теперь настоящий театр теней.

— Панорама Сиднея. Я нашла эту люстру после того, как увидела офис Бабочек в первый раз.

— После того, как трогала твои волосы в машине. После того, как подумала, что в этом городе офис Бабочек кроме нас с тобой никому не будет принадлежать, что ты его строишь для меня. Мне нужно было это напоминание.

— Она пропускает слишком мало света.

— Я предпочитаю пользоваться бра. — И это равносильно признанию факта, что на самом деле люстра мне было не очень-то и нужна. Я хотела совсем другого. Его. Здесь. Со мной. — Где твой дом? — спрашиваю я, а Шон оборачивается и подозрительно на меня смотрит. Обвожу рукой комнату. — Где? Я так и не нашла.

— Там, — указывает он в угол комнаты.

— А я думаю, нет. Потому что университет тут, — качаю я головой и тыкаю пальцем в точку на стене.

— Возможно, ты права. Здесь либо ошибка, либо для шаблона взяли панораму прошлого тысячелетия. Сидней с тех пор изменился.

— А за последние три года — совсем нет.

— Тебе только кажется.

И я снова не знаю, о чем мы говорим. О городе ли? Я считаю, что нет. Я хочу так думать.

— Ты говорила, что у тебя плиту замкнуло? — Да-да. И все остальное тоже сломано, ты только не уходи! Жаль, что в моей квартире так мало вещей, а то я могла бы находить ему занятия вечность, не озвучивая причин и не рискуя получить обидное «нет» в ответ на прямой вопрос.

— Да.

— Пойдем, посмотрим.

Я свечу Шону через плечо фонариком и схожу с ума. Он снял рубашку, и теперь сидит без оной... и запах его тела кружит мне голову. А в животе порхают бабочки.

— У тебя тестер есть? — спрашивает Шон. А? Что?

— Может быть, у Брюса был... — задумчиво говорю я, и повисает молчание. Да-да, у того Брюса, от которого я собиралась родить ребенка...

— Провод оплавился, — выводит меня из ступора голос Картера. — Замыкание определенно было, но, возможно, сработал предохранитель, и что-то еще работает. Нужно проверить. — Замыкание было. Но что-то еще может работать. Нужно проверить. Хорошо, давай. Я не против.

— Я точно не найду запасной провод.

— Неси тестер и ноутбук. Я знаю магазин круглосуточной доставки.

— Тот, где ты нашел столешницу?

— Да, он самый.

Тестер показывает, что признаки жизни у плиты имеются, а провод питания обещают привезти через двадцать минут. Суперуниверсальный магазин с круглосуточной доставкой. Его определенно стоит запомнить.

— У тебя есть что-нибудь выпить? Можно пока отметить покупку квартиры.

— В моем доме не бывает алкоголя, — честно говорю я. Не знаю, как Шон это интерпретирует, или что думает, но я говорю правду. После Брюса я стала значительно безразличнее. Помнится, я заявила Шону, что он много пьет? Он не много пьет. Или много, но зависимости у него нет и только это имеет значение. Я знаю, что говорю. До самого приезда курьера мы сидим молча, потому что я не могу не вспоминать Брюса, а Картер догадывается, что не все так просто.

— Посвети мне, — просит Шон, подсоединяя плиту. Я наклоняюсь снова, и непокорная прядь волос соскальзывает с плеча и касается его щеки. Я возвращаю ее на место, нечаянно касаясь кожи Картера. Руку, как всегда обжигает грубая щетина.

— Прости. — Но Шон будто и внимания не обращает на такую мелочь.

— Кажется, остальное в порядке, — вместо ответа сообщает он. — Включим ее, даже если не заработает, хуже уже не будет.

Плита стоит посреди кухни, а мы — рядом. И когда зажигается огонек, я не смогу сдержать счастливый смех. Нет, не возможно, а да, да и еще раз да. Работает!

— Кофе? — счастливо спрашиваю я, но вовсе не из благодарности. Просто. Я. Не хочу. Его. Отпустить.

— Конечно, — милостиво соглашается Картер. Он сегодня вообще на редкость покладист.

Стола у меня нет, но есть крышка плиты. На ней стоят чашки из лучшего сервиза. Кофе черный, без молока, потому что его у меня нет, но с сахаром — этого добра в избытке...

— Мой первый кофе, приготовленный в новом доме, — гордо объявляю я, глядя как Шон уплетает конфеты. Жаль, что мне больше нечем его угостить...

— И это все, что ты купила на гонорар с проекта? — спрашивает он, оглядываясь.

— Не забывай про медицинские расходы и то, что я иностранка. Мои болезни стоят дорого. Да и, вообще-то, я не хотела ничего другого. Эти стены мои, — оглядываюсь я. — В них мне комфортно. — Я улыбкой осматриваю свою будущую кухню. Уже знаю, что и как здесь будет. Я знаю, что это будет лучшим местом во всей моей квартире.

Но когда смотрю на Шона снова, радости на его лице не наблюдаю. Такое впечатление, будто он... злится? И тут я понимаю, что на часах уже пять, и он может уйти, а я не хочу, чтобы это случилось.

— Шон... — начинаю я, набравшись мужества.

— Мне нужно идти, — решительно произносит он, и у меня отвисает челюсть. Не глядя на меня, Картер напяливает рубашку, раскатывает рукава... Думаю, славно, что у меня нет в

руках колющих и режущих предметов. Когда я выхожу в прихожую, меня аж трясет от обиды. Отпираю дверь и широко ее распахиваю.

— Спокойной ночи. Спасибо за помощь, — в любой ситуации сохраняй лицо — так мне мама говорила. В некотором плане она очень мудрая! Но я ее советам, видно, следовать не в состоянии!

— Спокойной ночи, Джоанна.

И... уходит. Это что вообще было?! Я смотрю на закрытую дверь. Не понимаю. Сегодня Шон был со мной, в моей квартире, но он буквально отказался со мной переспать! А ведь я хотела, несмотря на операцию, Ребекку Йол и отнюдь не радужное прошлое. Черт, я была согласна даже вернуться. Ну, может, не жить, но... встречаться. С таким Шоном, каким он, казалось, стал. С Шоном, который подарил мне кольцо, проект, закрыл дверь аудитории... и даже... даже повесил люстру и подключил плиту! Но все так радужно!

Как я уже говорила, ожидания оправдываются далеко не всегда. Иногда от них становится очень грустно. И квартира, только-только освещенная, потеплевшая, вдруг становится пустой и тусклой. Ухожу в ванную и встаю под горячий душ. Он смывает со меня соль и разочарование. Но этого не происходит — едва струи воды касаются моей кожи, я начинаю заливаться горячими слезами. Неужели он помог мне только потому что его раздражает мое присутствие в офисе Бабочек? Рыдания душат. Я запрокидываю голову. И... не становится легче, ведь сегодня воплотился в жизнь мой самый страшный кошмар. Его зовут Ребеккой Йол.

Если вы думаете, что утро принесло мне облегчение, то глубоко заблуждаетесь. Мое лицо опухло от слез, и приходится что-то с этим делать. А еще закончился кофе. Разумеется, чтобы вернуть себе хотя бы частичку утраченного самолюбия, я одеваюсь в элегантный костюм и туфли на самом высоком каблуке, который у меня имеется. Однако, когда спускаюсь на парковку, обнаруживаю, что колесо спущено. То есть в своем элегантном костюме я лезу за компрессором. Разумеется, под ногтями становится черно от грязи. Это так обидно, что хоть снова плачь!

И автосервисы забиты под завязку. Один, второй, третий. Не могу же я на пробитой крышке кататься по всему Сиднею в поисках местечка, где трава зеленее? Останавливаюсь около четвертой по счету мастерской. Захожу в помещение, а там... едва есть где стоять, не говоря уже о сидячих местах. И когда я вижу, сколько здесь смеющихся, бегающих и плачущих детей, меня охватывает паника. Кажется, тут сплошные мамы с чадами, которых некуда девать. Все, что я могу в такой ситуации: не разрыдаться в голос. Кажется, против меня ополчилось все на свете!

— Меня трогать только в том случае, если вы хотите собственной смерти, — кричу я, влетая на кафедру. — Это не день, а катастрофа!

Туфли летят в сторону, и я встаю босыми ногами на пол. Линолеум вовсе не холодный, но мои ноги так горят, что он кажется ледяным.

— Конелл, что с тобой?

— Я ненавижу машины, детей, туфли и исчерпаемость кофейной материи и... — Шона Картера! Ублюдка эдакого. И шляху эту его! Молчать! — И пойду спрыгну с моста... Но мне ведь даже это не поможет, потому что я слишком хорошо плаваю!

— Но это же хорошо, — миролюбиво говорит Роб, пытаюсь меня успокоить.

— О нет, я не утону. И не застрелюсь, ведь я не смогу зарядить пистолет, даже если его

найду.

И не повешусь, так как пока вяжу узел переломаю ногти и растеряю всю решимость. Ну что я за розово-пушистое бесполезное создание? — В этот момент раздается эпичный всхлип, после которого по моим щекам начинают течь все слезы, которые я ухитрилась сдерживать... аж с семи часов утра. Bravo, Конелл. Ты просто умница!

Не выдержав внимания коллег, я ныряю под стол, не переставая всхлипывать. Ну теперь они хоть меня не видят. Слышу, как открывается дверь. Только бы не Картер, только бы не Картер! Наклоняюсь еще ниже, выглядываю из-под перегородки, кроссовки. Уф, это Каддини!

— Хм, туфли Док есть, а самой Док нет. Где она? — задумчиво спрашивает итальянец.

— Рыдает под столом, — услужливо сообщает секретарша.

— Что? — ошарашенно переспрашивает он.

— Ты что, оглох? Она рыдает под собственным столом. Не делай вид, что ты удивился, это же Конелл.

— А почему она рыдает?

— Не может придумать эффективный способ покончить жизнь самоубийством после того как разочаровалась в кофе, детях и туфлях.

Секретарши — они такие. Услужливые. Вспоминаю очаровательную мисс Адамс и завидую Картеру черной завистью! Вот она классная, а эта... Всхлипываю. Громко выходит.

Что, вы думаете, делает после этого Каддини? Ага, он встает на пол на колени и наклоняется к перегородке, из-под которой все еще торчит мой нос.

— Док?

Но в этот момент дверь снова открывается, и вот теперь там знакомые туфли Картера. Хватаю Энрике за футболку, притягивая ближе.

— Я потеряла сережку, — быстро шепчу я.

— Что? — недоуменно переспрашивает он.

— Каддини, ты что там делаешь? — раздраженно спрашивает наш ректор.

— Ищу сережку Док! — невозмутимо заявляет итальянец. Умничка!

— А не туфли, нет? Потому что их я уже обнаружил.

Протягиваю Каддини сережку и пытаюсь стать как можно незаметнее. Из-за того, что перегородка не доходит до пола, спряталась я не очень-то качественно, но Каддини отчасти загораживает меня собой.

— Вот, — радостно объявляет он, распрямляясь и показывая Шону свою «находку».

— А самой Конелл ты там, часом не нашел? — ядовито спрашивает Картер. А я перестаю дышать, ведь он угадал. — Почему это ее сережку ищешь ты?

— Потому что без туфель искать сережку неудобно. — Будь речь о любом другом человеке, ответ звучал бы маразматически, но раз в беде именно я — все как надо. Каддини чертов гений!

— Так какого черта она их сняла?! — рывкает Картер.

И тут до помощи страждущим милостиво снисходит секретарша:

— Потому что целый час простояла в автосервисе на таких каблучищах. — Хвала Господу! — Уверяю вас, сэр, это очень больно!

— В автосервисе?

— По-моему именно это я и сказала, — вежливо-раздраженно повторяет наша местная гримза.

Что ей ректор? Характер-то не спрятать.

— А сейчас она где? — обманчиво-ласково спрашивает Картер, явно понимая, что его водят за нос все здесь присутствующие. После этих слов повисает тишина. Клеггинсы своих не сдают!

— Думаю, — осторожно начинает Каддини, он поднялся, но буквально приклеился к столу, чтобы меня было сложнее разглядеть за его худощавыми ногами. — Она все еще у кофейных автоматов.

— Кафедра идиотов, — бормочет Картер и уходит. А я прозорливо сижу под столом и шиплю, чтобы молчали. Правильно делаю, так как через минуту этот параноик возвращается. А меня, хлоп, и все еще нет. И Картеру приходится уйти ни с чем.

— Долбаный придурок, — говорю я, вылезая из-под стола и кидая на дверь ненавидящий взгляд. Потом подхожу к Энрике и беру в руки его лицо, заглядывая в глаза. — Каддини, я заставлю его взять тебя в проект по квантовому компьютеру. Ты его заслужил!

— Д-да? — покраснев до кончиков ушей, спрашивает парнишка. Не смутись он так, наверное, прыгал бы до потолка.

— Определенно. Так, но на этом еще не все. Теперь я бегу к автоматам, а ты идешь шагом, но движемся мы разными маршрутами, этот гад определенно пошел проверять!

— А как ты побежишь без туфель? — удивляется парнишка.

— Поверь, без туфель я бегаю даже лучше, чем в них.

Я успеваю. Стою около автоматов с зеркальцем и платочком. Поправляю растекшийся макияж. Когда меня находит Картер, я все еще выгляжу заплаканной, и потому его следующий вопрос, хоть и необычен для Картера, ситуации соответствует:

— Ты в порядке?

— Я в порядке, — я картинно закрываю зеркальце и поворачиваюсь к нему, сглатывая горечь, образовавшуюся в горле. Я не должна показать, насколько зла на него, насколько мне больно. — Ты что-то хотел? — Смотрю в район ворота его рубашки.

— Ты опоздала. — Не знаю как, но понимаю, что это не претензия, касающаяся моего отсутствия на рабочем месте.

— Я пробила колесо. Пришлось ехать в сервис.

— Как, должно быть, это грустно, раз ты все глаза выплакала. — А мог бы и смолчать, между прочим.

— Я плачу от жалости к самой себе, это логично, ведь я женщина. Нелогично то, что тебя волнует мое состояние. Какое тебе дело?

Картер, кажется, аж до скрипа сжимает зубы. А мне так нравится это зрелище. Мне так хочется сделать ему больно и обидно. В этот момент его спасает только появление одного итальянца, который перепуганно переводит взгляд с меня на Шона и обратно.

— Док? Вот сережка.

— Спасибо. Где она была? — старательно поддерживаю я иллюзию неизвестности.

— Под стол закатилась, — так же невозмутимо врет Каддини.

Я киваю, протираю ее от грязи и наощупь вставляю в ухо.

— Разбирательства по поводу моего отсутствия закончены? — спрашиваю я Картера. Я не в состоянии не сказать ему гадость, не уколоть, не обидеть. Если он со мной как прежде, то и от меня получит ничуть не меньше! — Извини, что я пробила колесо. Клянусь, я ничего

не подстраивала. И предупредила коллег по кафедре. Но, если хочешь, буду ставить в известность и тебя тоже.

Он снова раздраженно поджигает губы. Но мне мало. Я уже не могу остановиться.

— И я все-таки беру в проект Каддини.

— Я предупреждал тебя, Конелл. Если ты собираешься делать все, что тебе вздумается, сама вылетаешь из проекта.

У итальянца даже глаза округляются.

— Что ты все споришь, Картер? Ты ректор. Тебе вообще не должно быть дела до всяких Клеггов, Конелл, Каддини и прочей мелкой сошки. Ты же у нас решаешь вопросы вселенского масштаба.

В этот момент до Шона, кажется, начинает доходить, что миру не бывать, что спор затеян с целью окончательно и бесповоротно поругаться. И словно в подтверждение его догадки, я добавляю в уже изрядно переполненную чашу терпения ректора последнюю каплю...

— Ну давай, вышвырни меня отовсюду. Мельбурн этого ждет не дождется!

На шее Шона даже жилы начинают проступать. Рада, что поблизости нет журнальных столиков, а вокруг куча свидетелей... Картер вплотную приближается ко мне, и так хочется закрыть голову руками, уберечься, спастись от его гнева. Гнева, который я сама полностью осознанно на себя навлекла. Вот только вместо этого я обманчиво храбро смотрю ему в глаза. И, кажется, я не видела в жизни ничего страшнее.

— Сделаешь это, и я тебя закопаю, Конелл, — шепчет он мне в лицо. — Я не Монацелли. Я не отдаю то, что мое, не делюсь и не терплю претензий. Каддини перспективный мальчик, можешь походить вокруг меня и поцарапаться, как ты это любишь делать. Если мне это очень понравится, а такое весьма вероятно, то я могу тебе его позволить. Но ты моя Бабочка. Я тебя выбрал. Сам. А это налагает определенные обязательства. Ты будешь говорить гав, когда я велю тебе говорить гав.

И, кажется, инстинкт самосохранения, мне окончательно отказывает, так как я с мазохистским отчаянием выкрикиваю:

— Я всегда знала, что ты сравниваешь меня с Франсин. С собакой. Невероятно, что ты имеешь наглость признать это вслух!

— Что ты несешь?! — наконец, срывается на крик и Шон. Даже хватает за плечи и встряхивает.

— Ты ублюдок, которому нравится окружать себя вещами, которые тебе не нужны. И не только вещами — людьми. Зачем?! Ты все время что-то делаешь, и понятия не имеешь зачем, ведь ты не умеешь ценить имеющееся. Конелл в Сиднее? Галочка в виртуальный ежедневник. Каддини заперт в комнатке с Хелен? Еще одна! А мне он, в отличие от тебя, друг! И я не хочу его предавать, только потому что ты так велел!

— Какой он тебе, на хрен, друг? — рявкает Шон. — Он студент, который...

— Профессор, — прерывает его парнишка, осторожно касаясь руки повыше локтя в попытке успокоить. Но Картер сбрасывает его ладонь, а меня так и не выпускает из цепких пальцев. Но Каддини не трус и не слабак — он продолжает: — Я бы очень хотел поучаствовать в проекте, но если у вас из-за этого такие проблемы, хрен с ним. Отпустите Док, пожалуйста. Она просто расстроена и не хотела вас обидеть, я уверен.

— Ты ее ни хрена не знаешь, мальчишка, — шипит Шон, не отводя от меня глаз. —

Поверь, она прекрасно сознает, что делает.

А после этого все-таки отталкивает меня и уходит, а я смотрю ему вслед огромными глазами и не могу поверить, что он прав. Я действительно совершенно осознанно собрала все, что знаю о Шоне Картере, и использовала против него наиболее болезненным образом. И Каддини, и Мельбурн, и Франсин.

— Я не умная. Совсем нет, — шепчу я сама себе.

Мне было необходимо сделать ему больно. И я сделала. Совсем как раньше. Совсем как он говорил Карине на Сицилии. Я годами узнавала Шона Картера, с одной единственной целью — чтобы использовать эти сведениями против него. Я не учла всего одну деталь — то, что было раньше, более неприменимо. Раньше мне никогда не было больно и за него тоже. А теперь каждое брошенное слово будто на части разрывает. Шон был прав. За прошедшие три года от моего Сиднея не осталось камня на камне.

Глава 11. Ашер

Занятия начинаются спустя неделю после истории с плитой и люстрой, и мне предоставляется уникальный шанс познакомиться с Амандой Грейс. Ну что сказать, она не понравится не только Шону — никому вообще. Она очень мрачная особа. А еще она считает, что раз у меня безупречные волосы, то я законченная идиотка. То есть она из тех, кто думает, будто я всему-всему обязана Картеру и интиму... Каждый раз подчеркивает, что она здесь исключительно благодаря квантовому компьютеру, а Каддини кривится. Этот парень любит и Картера, и Клегга, и меня, и мою Хелен, и Ребекку Йол... но не Аманду Грейс. Это я о степени противности вышеупомянутой особы. Поэтому он предпочитает занимать машину в другое время.

Короче, к квантовому монстру подойти практически нереально, что, разумеется, Картеру очень нравится. Он счастлив, что его команда не отлынивает. Мы с ним не общаемся. Я зла. Он тоже зол. Иногда мне кажется, что если я ему скажу хоть слово — он просто повернется и оскалится. Каждый раз, когда я гляжу на него, мою грудь пронзает боль. Но мне так хочется его видеть, что каждая унция мучений приносит облегчение.

Вот только у всего есть обратная сторона. Например, та, где я читаю лекции Ребекке Йол.

— Добро пожаловать в новый учебный год. Надеюсь, что он станет менее... трагичным, — студенты начинают возиться. Непроизвольно отмечаю, что Каддини нет.

— Вы получили наши цветы? — спрашивает моя Хелен, которая на самом деле Элис. Подлиза.

— Угу, у вас букет был круче, чем у клеггинсов. Бонусы набираете? — Некоторые хихикают, а я вспоминаю красивую корзинку, которую доставили мне в больницу. — Возвращаемся к теме.

Итак, по курсу вводной воды вы отчитались в прошлом семестре... профессору Клеггу. А теперь, ну как всегда с полугодовым запаздыванием, добираемся до сути.

В этот момент раздается стук в дверь. Там не опоздавшие, коих я жажду встретить форменным нагоняем, а Клефф.

— Конелл, пардон, что прерываю, — говорит он и бесцеремонно просачивается в дверь мимо меня. — Я открыл проект по суперкомпьютеру, и мне нужны добровольцы.

— Ты открыл проект? — гневным шепотом спрашиваю я. — И почему я узнаю об этом только сейчас?

— Наверное, потому же, почему я о нашем с Картером узнал вчера от Каддини, — так же тихо и бесцеремонно заявляет Клегг.

— Слушай, Роб, снимай штаны, и я скажу у кого длиннее, чтобы вы оба успокоились. — Ну... после его укоризненного взгляда становится стыдно. Это с Шоном можно в таком ключе говорить, а Клегг человек приличный... Я совсем озлобилась и испортилась... — Серьезно, вы ведете себя как дети! — взгляд Роберта не меняется. Сдаюсь. — Так, ладно. Открыт проект по суперкомпьютеру. Добровольцы есть?

Гробовое молчание.

— Народ, вы спятили? Это же СУПЕРКОМПЬЮТЕР! Девайс, который для разгона нуждается в пинке по системнику. Каддини на вас нет. Кстати, где он?

— Каддини спит в обнимку с квантовым компьютером. Он теперь поселился в университете, — максимально бесстрастно произносит Клегг.

— Ты кого-то уже взял?

— Из потока параллельщиков Дугласа и Маккензи. — Не знаю ни того, ни другого.

— Тебе нужна девушка.

— Девушка? — аж подпрыгивает на месте Роберт. А может он и не такой приличный, как я подумала...

— Конечно! Иначе тебя обвинят в сексизме!

Он закатывает глаза, а потом говорит:

— Йол, за мной.

Эти слова выворачивают меня наизнанку. Смотрю на голубоглазку, а она как всегда испуганно хлопает ресницами. Вот что в ней Картер нашел? ЧТО? Объясните, я не понимаю. Она не глупая, хорошенькая, иностранка, но раньше он с покладистыми не связывался. Только с ней. Или его вкусы изменились настолько? Наконец, Йол отмирает и начинает собирать свои вещи в симпатичный маленький рюкзачок. Первый пункт в копилку нашего с ней сходства. Картер, чтоб тебя, педофил хренов.

Клегг терпеливо дожидается, когда эта девица соберется, а я вынуждена стискивать зубы, чтобы не наорать на него. Если он против Картера, какого черта он двигает вверх его новую игрушку?! Это такая часть развлекательной программы? Или пинок мне под задницу. Ну держись, Роб, вот закончится пара — все тебе скажу!

Наконец, Ребекка идет к выходу, не забывая опасливо стрелять в меня своими глазами. Я, конечно, не ангел, и вряд ли выгляжу счастливой из-за сего божественного назначения, но все определенно не настолько плохо! Уж ей-то я точно ничего обидного не высказывала.

На Йол неизменные джинсы с заниженной талией (сидят лучше, чем на ком-либо), топик (декольте окантовано кружевом), туфельки-лодочки (каблук невысокий) и кожаная куртка (до талии, подчеркивающая фигуру). Она меня ниже, вся такая ладненькая, с налетом фальшивой невинности. Ненавижу... Когда они с Клеггом уходят, у меня во рту появляется горький привкус. Это облегчение, но мнимое. Пройдет чуть-чуть времени, и я буду вынуждена ее снова видеть и... Внезапно в дверь, которую не успела закрыть, протискивается рука с большим стаканчиком латте.

— Док, это взятка! — восклицает Каддини. — Пусти, пожалуйста, я проспал.

Открываю дверь пошире. Стоит растрепанный Каддини. На щеке след от молнии (рюкзака, видимо). Он все еще трогательный и нескладный, точно подросток.

— Еще как проспал! Целый суперкомпьютер. — Я отталкиваю дверь.

— ЧТО?!

— И теперь знаешь кому он достался?! Йол! — это звучит как самое настоящее обвинение.

Будто это правда он виноват в случившемся.

— ЧЕРТ! — хватается за голову парнишка.

— Топай на свое место, — рычу я, забирая кофе и нюхая его. Вот итальянская зараза, знает, какой я люблю... Но не выпьешь же его при студентах. Ставлю на стол и продолжаю пару.

К моменту окончания пары я успеваю окончательно расстроиться, а кофе — остыть. Теперь он пахнет стаканчиком. Я делаю глоток и морщусь. После новостей о том, что Йол переняла суперкомпьютерную эстафету, я никак не могу прийти в себя. Раз за разом вспоминаю, как мы с Шоном занимались сексом прямо на полу под этими чертовыми шестнадцатью мониторами. И теперь... теперь он, возможно, будет иметь там свою...

— Я тебе писал, — говорит Каддини, не позволяя мне утонуть в жалости к себе. — Но ты не ответила.

— Во сколько? Я не видела твоего сообщения.

— Часа в четыре... — У меня отнимается дар речи.

— Каддини, если я не сплю в четыре часа утра, мне, как правило не до квантовых компьютеров. — Моя Хелен хихикает, а я не хочу думать о том, что в последний раз не спала из-за Шона и люстры, и никаких более поводов не предвидится. — Но обычно я все-таки в это время сплю!

— Угу, — кивает он совершенно серьезно. — Ладно, в общем смотри вот какая проблема, — и порывисто усаживается на парту перед моим столом, рядом с моей Хелен. — Когда берем...

Но мне уже не до Каддини, так как в аудиторию входит Картер. Мы с ним не разговаривали с тех самых пор, как расстались около кофейных автоматов, но раз он пришел ко мне на пару, то обет молчания снят. И сердце колотится.

— Клегг нашел проект? — Ах вот зачем он пришел.

— Да, — я начинаю сосредоточенно копаться в папке. В поисках... ничего. Лишь бы не выдать своего настроения.

— И?

— И что?

— Что, настолько прижгло задницу появление работ по квантам?

— Почему ты об этом разговариваешь со мной, а не с ним? — огрызаюсь я.

— Я лично прослежу за тем, чтобы финансирование он не получил! — рывкает в ответ Картер.

И тут... тут я понимаю, что значит все происходящее и заливаюсь злым хохотом.

— Он взял Йол, — бормочу я себе под нос.

— Что смешного? — настороженно спрашивает Картер.

— Ничего. Но, поверь, проекту Клегга быть. — На этом я с грохотом захлопываю папку и, даже не пытаясь скрывать злость. Клегг... вот же хитрая зараза... он ведь не просто так

дружит с девушками Картера! И я, и Ребекка Йол. — Он не так прост, как нам всем кажется. Так, все на выход. Я закрываю аудиторию! Тебя, Шон, это тоже касается.

— Есть, босс, — фыркает он, и я невольно улыбаюсь. Потому что эта издевка отнюдь не злая.

— Ребекка Йол? — гневно спрашиваю я у Клегга.

— Да, и что? — невозмутимо парирует он.

— А то, что Картер с ней спит! — восклицаю я. — Ты собираешься создать себе окружение из его пассий? Это твои основные критерии? А ведь я считала, что ты мне друг...

— Джоанна Конелл, я по выходным перевожу тебе вещи в новую квартиру, моя жена приглашает тебя в кино на сопливые мелодрамы, и позволяет переставлять вещи у нее на кухне, а ты говоришь, что не являешься мне настоящим другом, только потому что я взял в проект девицу, которая спит с Картером? Да, мне ее присутствие для галочки очень удобно, но я бы не привел ее домой и не познакомил с женой. Потому что я никогда не стану просить Мадлен общаться с человеком, который мне несимпатичен. Так что угомонись и иди на пару.

Мне становится чуточку стыдно, а потому я, может, не извиняюсь, но следую его совету. К тому же, опаздывать не стоит. Мне предстоит впервые встретиться с группой Аманды Грейс. И, судя по весьма неприятным смешкам, она уже провела воспитательную беседу по поводу никчемности одной небезызвестной блондинки.

— Добрый день. Итак, в прошлом семестре вы были подгруппой Клегга. А теперь он решил, что и мне с вами стоит пообщаться. Уверена, вы обо мне слышали уже достаточно гадостей. Что ж, я о вас тоже не лучшего мнения, — хмыкаю я. Они удивленно переглядываются. А что, ребятки, думали все просто? — Так, кого из вас Клегг затянул в проект?

Двое парней поднимают руки.

— Класс. Кто из вас Дуглас, а кто Маккензи?

— Я Маккензи, — самодовольно заявляет просто вопиюще симпатичный парень. — А он Дуглас, — указывает красавчик на типичного угрюмого ботаника.

— Интересно, вы действительно что-то знаете или просто полезные? — задумчиво спрашиваю я, думая о назначении Йол.

— Да что вы, Док, мы самые умные, — нахально хмыкает Маккензи. — Говорят, вы в прошлом семестре обещали зачет тем, кто напишет программу, которая работает не медленнее, чем у ректора?

— Было такое. — Это ж надо быть таким самоуверенным!

— Мы тоже хотим, — добавляют мои новые подведомственные Клеггинсы.

— Тоже хотите зачет на халяву?

— Ага.

— Не выйдет. Но давайте так: кто раньше остальных (среди всех групп) сдаст мне первую лабораторную, того я добавлю в переписку Бабочек. Будете, как Каддини, доставать меня ночами.

И в аудитории воцаряется молчание. Заинтересовались...

Остаток пары проходит в напряженном молчании и усердной работе. Я рада и счастлива, потому что лучший способ усмирить амбициозного студента — заставить его

доказать, что его самомнение оправдано. По себе знаю.

Одиночество — штука довольно скучная. Да, на мотивационных пабликах пишут, что всю жизнь ты обязан прожить только с одним человеком — с самим собой, а потому раз от него не отделаться, лучше всего с головой, коей тебя наделила природа, договориться и жить дружно... но будь ты хоть трижды с ней с ладу, этого не хватает. Сейчас меня окружает множество людей, и общения через край, однако, одиночество настигает, и я раз за разом оказываюсь в «дне сурка». Подъем, пробежка на побережье, душ, завтрак на одного в белом банном халате, затем укладка волос, подбор костюма, макияж, дорога до университета, разговоры а-ля образовательный процесс и пустой треп с коллегами, обед в компании Роберта Клегга, снова пары, снова треп, сидящая за суперкомпьютером Ребекка Йол, которая напоминает о том, что Шон Картер мне не приснился (ведь видимся мы отнюдь не часто, нет), несколько приевшихся диалогов на портале бабочек, вечно мелькающий перед глазами потрепанный рюкзак Каддини, пятнадцать метров до парковки, возвращение домой, готовка еды, уборка и пустота, наполненная шорохами и осознанием, что лучше бы я осталась в университете. Но я каждый раз еду домой, потому что не хочу убеждать коллег в том, что «не то чтобы одинока».

Сегодня я не выдерживаю. Моя квартира полностью меблирована, и теперь я жалею, что купила все необходимое комплектом, решив, что у меня недостаточно дизайнерского видения, дабы придумать нечто лучшее. Вчера, например, я целый вечер выравнивала фотографию моста Золотые Ворота. Сидней на люстре у меня уже есть, захотелось иметь что-то, напоминающее о Родине, поэтому я купила себе это фото... и прогадала. Сан-Франциско у меня не ассоциируется ни с чем. Я там была всего однажды. Но это лучшее из возможного, потому что маленький городок в Миссисипи лишен достопримечательностей, которые можно заказать по каталогу eбай... В общем, это я к тому, что как бы то ни было, фотографию я повесила идеально ровно, и сегодня у меня даже такого глупого занятия не осталось. Все стерильно чисто, еды хватит до конца недели. Если бы я жила в частном доме, в память о Франсин завела бы собаку и возилась вечерам с ней, но живу я в квартире на третьем этаже и вынуждена немало времени проводить на работе. Не думаю, что животное может быть счастливо в таких условиях.

Спустя час раздумий и игры в гляделки с противоположной стеной, я нахожу решение: почему это я бегаю только по утрам? Можно и вечер тоже задействовать. Выхожу из дома, смотрю в сторону залива... о нет. Ни за что! Только не туда. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Шону, говорите, не нравится, что я бываю в офисе Бабочек? Да пошел он! И Йол туда же. Горько усмехаюсь. Кому я вру? Я не была в офисе с той самой ночи, которую мы провели наедине с люстрой и стремянкой. Но к черту! Хватит играть по чужим правилам!

Офис изменился. За какие-то последние несколько недель оказались достроены все недостающие стены. Должно быть, мистер Перфоратор по-настоящему качественно спроектировал кольцо, если на обычные перегородки у него ушло времени в десятки раз меньше. Я стою в пустом светлом лабиринте, а вокруг тихо, как... как в психбольнице. Кошмар. Захожу в одну из комнат и, следуя духу бунтарства, открываю окно. Комната в момент заполняется визгом шин, воем полицейских сирен, гвалтом, криками... городом. В эти стены проникает Сидней. Хм, мистер Перфоратор определенно знает, как звукоизолировать помещения.

— А вот и вы, — раздается вдруг голос позади меня. Я вскрикиваю и хватаюсь за сердце.

Вспомнила на свою голову...

— Еще чуть-чуть, и меня бы уже не было, — ворчу я, но быстро перехожу к сбивчивым оправданиям, ведь он слышал отповедь Шона на тему моего присутствия в неподобающем месте. — Да... это снова я. Не думала, что здесь кто-то есть, я...

— О, ничего, я надеялся на ваше общество, — пожимает он своими широкими плечами. Я вижу его третий раз, и каждый раз на нем новый костюм. И он опять ничуть не хуже предыдущих.

— Вот как?

— Не возражаете, если я закрою? Не люблю шум.

— Так и знала.

— Что я не люблю шум? — уточняет он, закрывая окно и снова погружая помещение в аномальную тишину. Не знаю почему, но инстинктивно отхожу от Ашера подальше. Он меня... подавляет. Ну, после Брюса я начала откровенно опасаться мужчин. Неизвестно, насколько маньячные мыслишки могут скрываться в их иномирных головах.

— Ну да. Тут же до жути тихо. А зачем вы надеялись меня увидеть?

— Как минимум для того, чтобы устроить нагоняй за то, что вы таскаетесь в одиночестве по ночам по недостроенным помещениям. Я было думал дождаться вас в тот вечер, но тиран и деспот мне не позволил. Сказал, что проследит за безопасностью своей подчиненной лично.

— Шон. Да, — тупо киваю я. — Но, знаете, в вашей логике есть серьезная брешь: вы хотите, чтобы я сюда не ходила, и тем не менее именно здесь ждете...

— Точно, — но мысль не развивает. — А что у вас с Картером? — вместо этого спрашивает он в лоб.

— Не ваше дело, — огрызаюсь я, но тут же раскаиваюсь. Совсем недавно жаловалась на одиночество? Ну-ну, с такими замашками это, пожалуй, нескоро изменится.

— И все же. — Несмотря на мое твяканье, мистер Перфоратор ничуть не смущается. — Я ведь просто обязан узнать.

— Ничего такого, о чем вы думаете. Ничего такого, о чем не думаете. Мы вместе спали, а теперь вместе работаем. Разумеется, все сложно.

— Примерно так я себе это и представлял. Хотите прогуляться?

— Да. Но вы не очень-то рассчитывайте. — Он всего лишь хмыкает и пропускает меня вперед.

Когда мы выходим на улицу, люди начинают на нас странно поглядывать. Еще бы. Картина маслом: мужчина в дорогом костюме и девушка в топе и спортивных бриджах. Сочетание что надо.

— Может быть, чего-нибудь хотите? — спрашивает Ашер. — Кофе?

— Мороженое.

— Мороженое? — Мистер Перфоратор несказанно удивлен. — Знаете, я не помню, когда в последний раз покупал девушкам мороженое.

— Так и знала, что вы предпочитаете конкуренток швабрам!

— Кажется, меня только что впечатали в асфальт и вволю потоптались сверху, — ничуть не обидевшись, заявляет Ашер. — Что ж, пойдете за мороженым.

Мистеру Перфоратору об этом знать не нужно, но последним парнем, который покупал мне данное лакомство, был Киану. С тех самых пор я беру его, только когда одолевает депрессия. Сейчас я чувствую себя ровно на одно большое эскимо. Ашер, разумеется, моему примеру не следует. Он вообще не похож на человека, который любит сладости — слишком важный и серьезный...

— Когда вы сказали, что следите за работами, я взглянула на ваш костюм и поняла, что вы сказали только часть правды о себе, — решаю я уточнить род деятельности своего сопровождающего.

— В общем, вы правы. Я генеральный директор строительной компании. — И Шон бы никогда не доверил свое детище человеку меньшего статуса. Верно.

— Забавно. А еще вы хорошо звукоизолируете помещения.

— Я ничего не изолирую, я звоню и говорю, что именно надо изолировать. Остальным занимаются рабочие. Наверное, это характеризует меня как законченного лентяя.

— Успешного лентяя.

— Точно. Успешного законченного лентяя, — улыбается он.

— А люстры хоть вешать умеете? — Ну не могу я промолчать, вот никак!

— Повешу. А что, у вас до сих пор люстры нет?

— Есть, — против всех законов логики сообщаю я. — А паять тоже можете?

— Ни разу не пробовал.

— Зря. Это сексуально.

— Вы, должно быть, шутите, — недоверчиво смотрит на меня мистер Перфоратор.

— С чего вдруг? Это же исконно мужское занятие.

— Ладно, попробую на досуге. Может, это действительно поможет мне стать... сексуальнее, — откровенно насмехается мужчина.

Иногда существуют моменты, когда ты можешь лицезреть самомнение некоторых персон во всей красе. Так вот Ашер Циммерман цену себе знает. И, объективно говоря, чтобы впечатлить девушку, этому мужчине паяльник и впрямь не нужен. Привлекательный и состоятельный. Уверена, его нечасто видят в компании девушек с вороньим гнездом на голове.

— Так из каких очаровательных мест вы родом?

— США, штат Миссисипи. А вы выросли в Сиднее?

Мгновение он на меня смотрит, а потом усмехается и говорит:

— Да. Вся моя семья отсюда. И с тираном и деспотом я знаком с начальной школы.

Мой мозг разрывается надвое, пытаюсь сложить вместе образы Шона Картера и школьной детворы. Он был маленьким? То есть он не родился таким вот взрослым социопатичным козлом? И не всегда был ректором? И не всегда спал со своими студентками? Брр, что он, правда был ребенком?

— Вижу, вы в шоке, — смеется Ашер.

Никогда не спрашивай у одного мужчины о другом. Но ведь, блин, так хочется! И хотя я уверена, что мои расспросы не заставят самолюбие мистера Перфоратора пошатнуться, упорно молчу, придумывая новую тему для разговора.

— Я немного завидую людям, которые прожили всю жизнь на одном месте. У меня таких старых связей не сохранилось вовсе. Керри, соседка по общежитию, — самый старый мой друг на сегодня.

— Она в Сиднее?

— Ньюкасл, — качаю я головой.

В этот момент мы доходим до побережья. Солнце уже давно село, и песок остыл, но я решаю разуться, чтобы не выгребать полпляжа из своих теннисных туфель. Приходится зайти в воду, чтобы не замерзнуть. Ашер, видимо, на такие жертвы не способен, да и вообще парень не рискованный. Он идет неподалеку от меня, стоически перенося мысль о том, что волна может накрыть его туфли из крокодильей кожи в любой момент.

— А у вас много друзей? — спрашиваю я.

— Слишком много, — улыбается он. — И поэтому никому из них я не доверяю.

— Ну, если все они похожи на Шона Картера, то вы правильно делаете.

В этот момент мой телефон оживает. Это звонит Мадлен. В ее звонке нет ничего удивительного, возможно, она просто нашла симпатичный рецепт. Жаль, что именно сейчас я не могу обсудить ее новое кулинарное чудо. Нажимаю кнопку ответа, прикидывая, когда смогу ей перезвонить, однако, оказывается, это лишнее.

— Ой, Джо, слава Богу... ты не знаешь где Роберт? — без приветствия спрашивает она. Очень взволнована.

— Нет. Я не на кафедре. Может, он занят с проектом. Или к семинару готовится.

— Да-да, прости, конечно. Просто уже так поздно, а он не берет трубку...

— Хочешь, я съезжу в университет, проверю?

— Если не сложно, — смущенно говорит она. — Большое спасибо.

Смотрю на телефон и хмурюсь.

— Подвезти? — спрашивает Ашер.

— Да, — незамедлительно выпаливаю я.

На самом деле до моей машины ближе, но он предложил, а мне жутко интересно, что за монстров водят директора строительных компаний. Я не прогадала. Сажу в роскошном огромном черном джипе, чистеньком, воском до глянцевого блеска натертом. Броско, под стать Ашеру. Я, кажется, видела это чудо на парковке около офиса Бабочек, но не была уверена, что зверь принадлежит именно моему новому знакомому.

— Я не вижу света в окнах... — говорил Ашер, паркуясь около корпуса и вглядываясь в темное здание.

— Окна кафедры выходят на другую сторону. Вы все еще ратуете за мою безопасность?

— А как же? — совершенно серьезно издевается он.

— Тогда пойдете вместе. Кстати, вон машина Роберта, он здесь. Просто заработался.

— Не обманывайтесь, Джоанна, если его жена звонит вам чуть ли не ночью, потому что он не берет трубку, значит дома у них не все так гладко.

— О нет, вы просто не знаете Роберта и Мадлен.

На лице мистера Перфоратора, однако, скептицизм всего мира. Чтобы не продолжать неприятную тему, открываю дверь и... спрыгиваю с сидения на землю. И это притом, что я отнюдь не маленькая! Может, Ашеру и ок, но его машина — плевок в душу всем внедорожникам мира. Я даже не знаю, что это за марка...

Наконец, мы заходим в корпус и на кафедру чуть ли не в полной темноте.

— Начинаю понимать, почему вас не пугает недостроенный офис. Давно у Картера такие проблемы, что он экономит на электричестве? — шутит Ашер, ударяя по выключателю.

— Думаю, все дело в сумме, которую вы заломили за сейф для суперкомпьютера.

— Да, памятуя о его характере, скидку я делать не стал.

Мы дружно смеемся. Наконец, я дергаю на себя дверь кафедры, и Ашер услужливо ее подхватывает, пропуская даму вперед. Едва переступаю порог — вижу Клегга, который с понурым видом таращится в бумаги.

— Роб! — восклицаю я. — Где твой телефон?

— В смысле? — удивляется он и начинает хлопать себя по карманам. — Дьявол, должно быть, я его в машине оставил.

— Мадлен волнуется!

— Ааа, черт! И здесь провода перерезаны... — ударяет он по телефонному аппарату на столе.

— Как это перерезаны? Кто их перерезал? — удивляюсь я.

— Ты уверена, что хочешь знать ответ? — мрачно смотрит он на меня.

— Ты? Ты перерезал провода? Поверить не могу, зачем?

— Да меня в приемную ректора из-за чертова проекта пятьсот раз в день вызывали. Отказать в финансировании он мне не может, но доставать — пожалуйста. И я... перерезал провод, чтобы до нас было не дозвониться.

— Роб, блин, ладно Картер, у него диагноз «детский сад» в медкарте записан, но ты...

— Конелл, давай я просто поеду домой, — несколько смущенно говорит Роб.

— Прекрасная идея, — кисло соглашаюсь я.

— Познакомишь? — вопросительно поднимает бровь Клегг.

— Это Ашер Циммерман. Он строит офис Бабочек. И Роберт Клегг, мой супервайзер и первый в иерархической лестнице начальников.

— Очень приятно, — вежливо говорит Ашер.

— И мне тоже, — кивает Роберт, а потом выключает настольную лампу. — Надеюсь, вы отвезете Джо домой, не могу поверить, что настолько напугал Мадлен, что она начала вызванивать наших друзей...

— О, не волнуйтесь. Возвращайтесь к жене.

— Спасибо.

Мы с Ашером сидим в его джипе, фары освещают машину Роберта, и я вижу, как он разговаривает по телефону. Звонит Мадлен.

— Вы все еще не верите, что у них не все хорошо? — улыбаюсь я. — У Клеггов самый идеальный брак из всех, которые мне довелось увидеть.

— Дай Бог, чтобы вы были правы, — пожимает плечами мистер Перфоратор, а потом внезапно поворачивается ко мне и заявляет: — Знаете, у меня в субботу день рождения.

— О... это хорошо, наверное, — неуклюже говорю я. Он усмехается.

— Приходите. Я вам оставлю адрес и время.

Он достает из кармана визитку и ручку. Еще бы, у таких людей подобные вещи всегда с собой. Почерк у него хороший. Это радует, а то как вспомню Шона... А я вот возьму и не вспомню Шона!

— Хорошо, я приду, — киваю я. А что? Мне разнообразие не помешает.

— Отлично, — улыбается он.

После этого он отвозит меня домой, но попытки проводить до двери не делает. И так, у нас в распоряжении приятный вечер в компании внимательного мужчины, который помог мне выручить друга, и даже почти бескорыстно. Десять баллов!

От приятных мыслей меня отрывает звонок телефона. Это... Клегг?

— Конелл, пробей в гугле фамилию Циммерман, чтобы совсем уж иностранкой не выглядеть. И будь с Ашером поосторожнее.

Нахмурившись, следуя совету друга и обнаруживаю, что только что провела вечер в компании человека, семья которого владеет половиной Сиднея... ну, той, которую сама же и построила...

День рождения Ашера Циммермана не походит на привычную мне пляжную вечеринку. Он вообще не походит ни на что, виденное мною ранее. Удивительно, что я хотя бы догадалась надеть маленькое черное платье. Хоть не совсем мимо, а всего лишь на восемьдесят процентов. Почему? — спросите вы, — а потому что я настоящий образец скромности. Леди из высшего общества обладают уникальным умением: одетые, они выглядят даже более откровенно, чем если бы разделись. А еще... дорого. Мне кажется, что на их лбах просто обязано быть написано алой помадой что-то вроде: содержанка, скучающая женушка, страстная вдовушка, бизнес-стерва... А на моем: что я тут забыла?! Мне немножко страшно даже ходить среди этих людей. Оценивающие взгляды ставят клеймо на каждом, кто попадает под обстрел, а я без ценника. Ну или как там Шон про Пани сказал... На мне простенькие золотые сережки и неизменная цепочка мамы... Я никогда и не думала, купить себе что-то более замысловатое. В университет что ли мне ходить в шелках и бриллиантах? Разве что Хелен побесить!

Так, надо найти Ашера, поздравить и сваливать восвояси. Отличный план. Виновник торжества стоит в самом центре зала. Толпы он явно не боится. На нем роскошный бежевый костюм и бессменная улыбка. Плюс толпа золотоискательниц вокруг. Я не удивлена. Напротив, я другого не понимаю: почему в тот вечер представительницам инкрустированного бриллиантами розария он предпочел меня? Должно быть, ему было очень забавно прогуляться по городу с откровенной золушкой. Ладно-ладно, вру и себе, и людям. Учитывая гонорары, которые обеспечил мне Картер, на золушку я не тяну совершенно, но поведение никуда не делось. Я все еще белобрысая серфингистка, предпочитающая выпивать на пляже в компании рыжей и кудрявой подружки. А здесь сплошные акулы, которые едят неудачливых серферов на обед!

Зачем же я все-таки пришла? От скуки? Чтобы разнообразить досуг? У меня нет видое на Ашера, тем более после того, что я о нем узнала. И даже если забыть о разнице в положении, а также Брюсе и новорожденной паранойе, которой этот гад меня наградил, я не собиралась заходить в отношениях с мистером Перфоратором дальше флирта. Я пришла, потому что он помог мне и пригласил попристутствовать на празднике. Откуда ж мне было знать, что вечеринка по мнению Ашера — человек сто двадцать и более. И даже напиться нельзя, ведь везти меня домой некому...

Наконец, я набираюсь смелости подойти к мистеру Перфоратору с намерением побыстрому отчитаться и свалить, пока обо мне не вспомнили снова, однако поднимаю голову и обнаруживаю, что к компании именинника присоединился Шон. И он не один — с Ребеккой Йол. Я почти слышу страшный гром, с которым пушечное ядро преодолевает звуковой барьер, чтобы на полной скорости врезаться мне в грудь.

С трудом разогнувшись, я смотрю на свое посеревшее лицо, отражающееся в зеркале женского туалета. Я даже не помню, как сюда добралась. Только вид воды, утекающей в слив, заставил мои мозги заработать снова. Вот и сердце было бы так же просто перезапустить. Но это невозможно. Я знала, я каждую гребаную минуту понимала, что

влюбиться в Шона Картера было глупейшим поступком моей жизни, но полагала, что виной всему его неспособность ответить взаимностью, а не то, что отвечает он ею другой. Да что ж это такое? Он любил Пани и, видимо, любит Йол, но, черт возьми, как же я?! В этом гребаном мире есть хоть один мужчина, который будет любить меня?

Зеркало расплывается и стекает потоками теней по моим щекам. И мне уже никакого дела до презрительных взглядов других дам... Они меня не знают, они понятия не имеют, что меня связывает с Шоном. Они никогда не догадаются, что заставило боль разрастись до таких масштабов, что она выплеснулась из глаз потоком слез. Я с силой ударяю кулаком по кнопке автомата, который выдает бумажные полотенца и тру лицо. На белой бумаге остаются следы туши, помады, теней и пудры... К черту гламурные маски! Я хочу слопать ведерко мороженого и щедро запить его алкоголем.

Косметики на моем лице не осталось, но я старательно наношу на глаза консилер. Одно дело остаться без макияжа, а совсем другое — заплаканной настолько, что весь макияж смылся... Я хлопаю дверью и бодро шагаю в зал. Мороженое на празднике Ашера искать бесполезно, но алкоголь рекой. Подхожу к столу и беру бокал шампанского. Отличное, кстати сказать.

— Не знаете, что это? — спрашиваю я у мужчины, который стоит рядом. Весь страх я, кажется, выплакала.

— Дом Периньон, конечно, — фыркает он, оглядывая меня с головы до ног. Сдается мне, выводы неутешительны. — Я тоже сначала надеялся, что Циммерманы хоть раз возьмут что-то другое, но они предсказуемы как восход солнца. Кстати, я Деймон Роствуд.

— Безумно за вас рада.

От моего откровенного хамства он впадает в ступор. Может, Роствуд — тоже суперзнатная фамилия? Понятия не имею, и даже не хочу. Подозреваю, что хоть я и одета, по сравнению с местными снобами, как нищенка, для постели меня сочли вполне пригодной. Легкая добыча?

Разбежался! Приканчиваю первый бокал и берусь за второй.

— Скоро начнутся танцы, — продолжает напирать мужчина.

— Планирую напиться до беспамятства еще до первых аккордов музыки, — честно признаюсь я. И вдруг он начинает смеяться:

— Я понял. Оставляю в покое.

После этого он салютует мне своим бокалом и уходит. А я не могу удержаться от искушения поковыряться в открытой ране снова. Ищу в толпе Шона и Йол. Они стоят неподалеку и о чем-то разговаривают. А потом внезапно разделяются. И Картер идет в мою сторону. Боже, только этого еще не хватало. Разворачиваюсь и начинаю стремительно двигаться к выходу. Бесцеремонно расталкиваю расфуфыренных дам.

— Ашер! — кричат поблизости.

Я тоже невольно оборачиваюсь встречаюсь глазами с мистером Перфоратором. Так, ускоряемся, пока меня не остановили. Однако, у Ашера, наверное, телепорт или умение раздвигать толпу силой мысли, так как у самой двери он меня настигает.

— Невежливо уходить не попрощавшись! — сообщают мне.

— Да это ничего, я ведь и не здоровалась, — на манер дурочки отмахиваюсь я, продолжая пятиться к выходу.

— Что еще хуже, — соглашается Циммерман.

— Ну раз уж такое дело, здравствуйте, — подчеркнуто киваю я. — И до свидания. Я ухожу.

— Неужели здесь настолько ужасно? — удивляется он.

— Ашер, серьезно? Вы забыли меня предупредить, что это будет за вечеринка. А еще вы забыли, что я на ваших друзей совсем не похожа. — Еще шаг к двери. — И поэтому я позорно сбегаю. Не мешайте!

Внезапно он улыбается.

— Хорошо, не буду. Пойдемте, хотя бы провожу. В отличие от некоторых, я человек воспитанный.

Ну, стыдно немножко, да. И именно поэтому я, только мы выходим на улицу, присмирив, признаю свою ошибку:

— Я не поздравила с днем рождения... Но вот, мой маленький подарок.

Так как об Ашере Циммермане я знаю катастрофически мало, с вариантами подарков у меня было туго, и купила я... да-да, кулончик в виде перфоратора на цепочке. Глядя на эту безделушку, он начинает смеяться.

— И... с днем рождения, — улыбаюсь я, радуясь, что он не задрал нос, ведь мог бы. Наверяд ли его заваливают подобной ерундой.

— Спасибо, — кивает Ашер и внезапно наклоняется... для поцелуя. Не знаю почему, но я не отодвигаюсь, просто стою и смотрю. Это оказывается воспринято как приглашение продолжать. Этот поцелуй точно такой же, как сам Ашер: загадочный, чуточку пряный, вопиюще идеальный. Без лишнего напора, почти дружеский, но в то же время не очень. Он сам похож на подарок ко дню рождения. Меня это и смущает, и волнует. Я понятия не имею, что на уме у этого мужчины...

Когда мы отстраняемся друг от друга, я даже хочу задать ему вопрос на тему «что это было», но не могу, потому что обнаруживаю на крылечке Шона Картера. Наверное, то, что он нас видел — не так плохо. И меня не должно волновать его выражение лица, тем более, что прочитать оное не представляется возможным... но, тем не менее, я бы полжизни отдала за это знание.

Все так неправильно. Снова перевожу взгляд на Ашера.

— Еще раз с днем рождения, — тщательно имитируя непоколебимость, улыбаюсь я, хотя внутри все дрожит.

— Идите сюда, — говорит именинник, мягко подхватывает меня за локоть и тянет к припаркованному прямо у входа лимузину. А затем договаривается с водителем, чтобы тот отвез меня домой. Я. Сейчас. Поеду. В лимузине. Циммермана. В лимузине с тонированными стеклами! И одна! Как настоящая королева! Может, его еще раз поцеловать? Авось, вообще самолетом доставят...

Пока я витаю в розовых облаках, не в состоянии вернуться в реалии, Ашер Циммерман терпеливо дожидается, когда я юркну в открытую дверь. Но когда я все-таки делаю несколько шагов в сторону мечты любой девочки младше четырнадцати, мои ноги в туфлях на шпильках дрожат и подгибаются как у первокурсницы на университетской плитке. Воспользовавшись всей возможной помощью Ашера, я, наконец, сажусь на заднее сидение и недоверчиво-перепуганно смотрю на него.

— Сладких снов, Джоанна, — говорит он и, улыбаясь, закрывает дверь, а меня одолевает желание открыть окно и высунуться туда, чтобы еще раз удостовериться — не померещилось!

Только я этого не делаю. Сквозь тонированные стекла смотрю на неподвижную фигуру Шона Картера. Понял, ублюдок? Обломись!

Наконец, лимузин плавно трогается с места, а я осматриваю салон и подмечаю малейшие детали. И шторы, и люк на крыше, и мягкий ворс ковра... и бутылку Дом Периньон, коих у Циммерманов, по словам Деймона Роствуда, пруд пруди. Хватаю ее и прижимаю к груди, не собираясь расставаться. Ашер точно из-за нее не обеднеет, а у меня кризис!

— Высадите меня около магазина, пожалуйста, — прошу я водителя и-таки покупаю себе ведерко мороженого.

Вернувшись домой, я расстилаю на столе лучшую скатерть, ставлю вазочку с фруктами, а рядом — обычное мороженое из супермаркета и дорогущее шампанское. Некоторое время я смотрю на получившееся ассорти, и убеждаю себя, что мы с Ашером точно такие же разные... Выйти у нас ничего не может в принципе!

Глава 12. Истинный Сидней

Я очень надеюсь, что это ошибка. Черт возьми, это просто не может не быть ошибкой. Иду по коридору на автопилоте, изучаю документы, даже на приветствия не отвечаю. Потому что, кажется, Роберт Клегг — раздолбай. Вся на нервах влетаю в приемную ректора:

— Мисс Адамс, я...

И только потом поднимаю глаза и обнаруживаю, что секретарши Шона на месте нет. И понимаю, что что-то не так. Оборачиваюсь и обнаруживаю, что за моей спиной полным составом стоят картерIANцы с мисс Адамс и Энрике Каддини во главе и, судя по лицам, они уже успели набрать в легкие воздух.

— Господи, либо сейчас прозвучит Harry Birthday, либо я ничего не смыслю в этой жизни... — бормочу я.

— Иди сюда, Док, скорее, — шепчет Каддини и манит меня к ним. — Сейчас придет ректор.

Но я не успеваю сказать, что вообще-то не суицидница, потому что дверь снова открывается, и в приемную зашагивает Картер. Немая сцена. Я у стола секретарши, Каддини протягивает ко мне руку, мисс Адамс уже готовится уточнить, что я от нее хотела. И тут даже я, человек более уравновешенный, чем Картер, подпрыгиваю от грянувшего нестройного хора голосов, начинающих фальшиво вопить Harry Birthday. Выражение лица Шона, клянусь, надо видеть!

— Мисс Адамс, что это? — брезгливо интересуется ректор.

— У вас день рождения, сэр.

— И что? — спрашивает он гневно. И в этот момент, хотя я зла на Картера, хотя клялась, что не стану с ним не то, что разговаривать, — даже смотреть, я не могу сдержать улыбку и прячу ее за дурацкими бумагами. А мисс Адамс, тем временем, продолжает услужливо вводить начальника в курс дела:

— Вас поздравляют студенты, сэр. При этом положено улыбаться.

Однако, Картеру не до улыбок. Он зверем смотрит на меня и вопрошает:

— Твоя затея?

— Умоляю, Картер, я, если помнишь, всегда учу домашние задания. Первый и последний раз, когда я спрашивала о дате твоего рождения, чуть не закончился лопнувшими барабанными перепонками. Выучила, спасибо, отвалите. Мисс Адамс, можно мне вон ту папочку...

— Конечно, мисс Конелл.

Она спешит к столу. Я очень надеюсь, что Картер уйдет, но, фигушки, стоит за спиной и чего-то дожидается. Старательно его игнорирую, сверяя даты. Так и есть. Клегг просрочил отчет. Твою мать, как он надеется получить финансирование, если результаты по прошлому гранту не предоставил в срок?! Я так увлекаюсь цифрами, что, когда оборачиваюсь к двери, не замечая ничего вокруг, ударяюсь носом о плечо Шона.

— Ауч, черт, прости...

На его костюме теперь виднеется розовый след от моей помады. Провожу пальцами под нижней губе, стирая то, что размазалось.

— Помочь? — вдруг спрашивает Шон.

— С чем? — опасливо интересуюсь я. Вдруг он понял, что натворил Клегг, и теперь намерен спустить с него шкуру?

Однако, дело совсем не в этом! Я каждый раз забываю, как быстро он переходит к действиям...

Вот я задаю вопрос, а уже в следующий момент он впивается в мои губы. Бумаги, что были у меня в руках, разлетаются по всей приемной! Вокруг студенты, а еще мисс Адамс, но вырваться я не могу. Вынуждаю себя любоваться потолком, чтобы не закрыть глаза. Боже, не дай мне закрыть глаза! Насколько, интересно, неприлично будет врезать коленом промеж ног собственному начальнику на глазах у толпы студентов? Хотя... о каких приличиях вообще может идти речь? Черт, здесь же, наверное, Ребекка Йол! С силой отпихиваю Шона. Думаю, вы уже догадались, что это бес-по-лез-но. И мне так хочется этого поцелуя, так хочется поверить, сдаться на милость течения, но как я могу это сделать при всех? Дьявол подери Картера!

Ресницы дрожат, но я старательно распахиваю глаза снова.

И вдруг... вдруг его напор ослабевает, губы становятся нежнее, руки скользят вверх, под мой жакет... и я пропала. Я не могу больше бороться. Не так и не с ним. Я закрываю глаза и чувствую, что падаю. Раз за разом, спиной вперед. С высоты. И снова стою на краю, и снова падаю. И это безумно приятно, ведь я знаю, что пусть ощущения почти реальное, на деле ничего не случилось. Кроме того, что я буквально выбросила белый флаг на глазах у толпы студентов и женщины, которую уважаю в этом университете чуть ли не больше всех. С другой стороны, здесь каждый считает, что я подружка ректора во временной отставке. Плевать.

А Картер — словно захлопнувшийся капкан, только он чувствует, как я таю, — от нежности ни следа не остается. Жарче, еще жарче, его руки уже в моих волосах, бывших идеально уложенной прической. Да! Ой, что это я? Нет, конечно, нет. Оговорилась. Стоп! Отталкиваю его, и он мне это позволяет.

— Вот теперь, — абсолютно довольно тянет он лениво, его австралийский акцент сейчас отчетлив как никогда. — Меня с днем рождения.

— И следующим Рождеством тоже! — выкрикиваю я, потому что только теперь понимаю — мне это за Ашера. И, надо сказать, поцелуй мистера Перфоратора был не в пример целомудреннее. Наконец, одернув жакет, присаживаюсь, чтобы достать из-под стола мисс Адамс последний затерявшийся лист бумаги. Остальные уже услужливо собрал Каддини. Думаю, за прошедшее время он бы успел и шаттл построить.

Мне так стыдно. И в приемной гробовое молчание. Думаю, студенты не были в таком шоке даже когда я истекала кровью на полу экзаменационной аудитории. Я бы точно после такого была в шоке. И я бы точно осудила...

Не глядя больше ни на кого вокруг, я выскакиваю из приемной и позволяю себе ровно два глубоких вдоха, а потом иду искать Клегга.

— Клегг, мать твою, чем телефонные провода резать, лучше бы занялся не последним проектом, а предыдущими! Ты не предоставил данные в срок, и теперь рискуешь не получить финансирование на следующий год!

И тут начинается такое...

— А, а какое сегодня число? — бледнеет на глазах Роб.

— Кто перерезал провода?! — вопит секретарша, которая стараниями нашего общего начальника даром что метлу для облета кампуса еще не приобрела. Как вы, наверное, догадались, ректор дал бухгалтерии наказ не финансировать ремонт испорченной собственности... Шон не дурак, он знает, кто тут у нас слишком хитрый!

— Ну, Конелл, я тебе устрою... — начинает злиться Клегг. Я его спалила, а ведь секретарша — не профессия, а призвание. Для этой работы необходим определенный склад характера. Стервозность, мстительность, злопамятность, склочность и умение стоять на своем при любом раскладе. А еще — прицельно лягаться. Иначе не слезут! В общем, наша секретарша — уникал. Эта девушка, — я так ее назвала исключительно для обозначения возраста, в любом другом случае данное определение не пришло бы мне в голову даже под страхом смерти, — удовлетворяет всем перечисленным требованиям и, думаю, со временем далеко пойдет. На месте Клегга я бы уже сейчас предложила ей повышение, иначе прессинг Картера его в ближайшем будущем будет волновать меньше всего...

— Ты уже устроил, — потрясаю я бумагами перед носом Роба. Он вздыхает и сдаётся.

А дальше начинается такое, что нарочно не придумаешь. Клегг лихорадочно ищет прошлогодние документы, чтобы хоть вспомнить, чего он там фонду наобещал. Я старательно выжимаю собственный мозг в поисках парочки предложений, которые маломальски тянут на будущую проблематику, причем еще и финансируемую за счет государства. Секретарша стучит по клавишам своей счетной машинки с такой ожесточенностью, будто это голова Роба. У нее-то как раз с финансовой частью все в порядке. Она считает часы, которые мы тут просидели, якобы ломая головы над наукой, и количество света, на которое пришлось раскошелиться за это время ай-ай-ай какому бедному ректору. И у нее отлично получается! Настолько хорошо, приходится заставить ее померить энтузиазм, иначе господа из фонда будут очень удивлены, увидев наши счета за электроэнергию... Но это не все — даже техника взбунтовалась. Принтер решил, что бумага ему необходима в исключительно гастрономических целях! И теперь пожилой профессор Аткинс, чуть не упираясь ногой в прибор, которому по должности положено печатать, играет с ним перетягивание каната... пардон, отчета. В общем, когда Клегг просит меня достать с верхней полки шкафа зеленую папочку, я подрываюсь с места, даже не пикнув. Лихо скидываю туфли, запрыгиваю на стул и, балансируя на цыпочках одной ноги, тянусь к

цели. Однако у нас высокие потолки, и это весьма проблематично. Я цепляюсь за полку, пытаюсь чуть-чуть наклонить шкаф... Ну, я же талант — удастся! И теперь все, что было на верхних полках, начинает сыпаться мне на голову. В такой ситуации можно сделать только две вещи: начать визжать и закрыть руками архиважный предмет обстрела. Но папки-то — полбеда. На самом верху стоят еще подарочный глобус и редкостно уродливая ваза. И если первый только качается, то вторая уже определенно прицелилась...

И кто, вы думаете, меня спасает? Клегг? Да ну конечно! Не дождетесь! В роли Капитана Америка у нас сегодня Секретарша Метеор. Она в мгновение вырастает из ниоткуда и ловит вазу-убийцу. Мое отношение к ней тут же вырастает с отметки «ой, иди отсюда, лучше сама сделаю, чем тебя — заразу — просить» до «боже мой, иди сюда, обниму и даже свою памятную люстру завещаю». Я так по-идиотски счастлива, что радостно вскидываю голову вверх, чтобы удостовериться, что моей жизни более ничего не грозит, и... ловлю лбом любимый глобус Клегга (он настолько любимый, что в пыли на нем можно цветочки высаживать, но это не означает, что Роберт не говорит об этой вещице с искренним умилением. Пфф, мужчины!).

Десять минут я отбивалась от настойчивости коллег, вознамерившихся отправить меня в больницу, еще пятнадцать — стою в туалете и прикладываю холодную ладонь к ране на лбу. На моих пальцах блестит кровь. Она не хочет останавливаться. У меня есть с собой шелковый шарф, я бы прикрыла им рану, но для начала нужно сделать так, чтобы кровь остановилась, а она не желает. Я уже и мочила ее холодной водой, и зажимала, но чертов глобус оказался слишком сокрушителен. Раз сегодня день рождения Шона Картера, наверное, к вечеру меня собьет автобус.

Наконец, кровь останавливается, и на моем лбу появляется уродливый пластырь, который я закрываю шарфом, глядя в зеркало. Несмотря на то, что я пострадала в бою с квазиофисной утварью, меня это не испортило, потому что губы все еще горят. Я касаюсь пальцами покрасневшей кожи и закрываю глаза, вспоминаю, воскрешаю ощущения. Становится душно, краска приливает к щекам. Студенты все видели, мисс Адамс все видела. Но я даже не знаю, что все это значит. Я хочу увидеть Шона, просто увидеть. Может, тогда я разберусь?

Решительно захожу на кафедру и уверенно плету что-то про проект и документы для ректора, которые могу занести по пути. Секретарша всегда счастлива поделиться работой, и, вуаля, в руках у меня целая стопка.

Сгруживаю половину документов на стол мисс Адамс, но старательно избегаю ее взгляда, а затем подхожу к вожделенной двери и стучу. Ответа не жду — обойдется.

— Что за х*рню ты вечно наматываешь себе на голову? — раздраженно спрашивает Шон, изучая глазами шарф.

— Глобус Клегга, — едко отвечаю я.

— Тот самый, который мой отец ему подарил?

— Твой отец подарил Робу глобус?

— О да. Мой отец, временами, уставал от собственных сыновей и шел искать компанию там, где трава зеленее. — Меня эти слова шокируют, а Шон бросает ручку и энергично поднимается из кресла.

— Это... это тебе подарок с кафедры. И в честь своего дня рождения одари нас, пожалуйста, новеньким телефонным шнуром, — плюхаю я на стол Шона стопку бумаг.

— И как же это на тебя глобус ухитрился рухнуть?

— Ну там, знаешь, когда $F=mg$ и опрокидывающий момент побеждает силу трения скольжения...

— Побеждают силу трения скольжения? Как печально, — хмыкает Картер, а я стремительно заливаюсь краской. — Ты уверена, что пришла сюда ради документов? Может, лучше о поле сил?

— Вообще-то я хотела тебе рассказать о результатах проекта по квантам, — чопорно начинаю я, делая вид, что он ну ни разу не догадался об истинной причине моего визита. — Каддини...

— В скором времени мы собираемся монтировать блоки суперкомпьютера в офисе бабочек. Можешь показать мальчишке офис, раз уж ему так нейдет.

— Ты серьезно? — заранее радуюсь я за итальянца.

— Это в честь моего дня рождения. Тебе лично. А кафедра и без телефона поживет!

Закатываю глаза, но на самом деле я... ну, счастлива. Невольно закусываю губу, сердце колотится как бешеное. Я до боли хочу, чтобы он снова меня поцеловал, но в этот момент открывается дверь, и входит один из проректоров.

— Мне нужно идти, проект перенесем на завтра.

И он решительно идет к выходу. Ну как, Конелл, разобралась? — мрачно спрашиваю я себя, топая к выходу. Хорошо хоть за дверь выставили, а не катапультировали...

Офис Бабочек достроен ровно к маю. И крылатые подопечные Картера летят в наши края со всех уголков планеты, привлеченные зелененькой пылью нового проекта. Они вот-вот должны появиться, и я немножко нервничаю.

Мы с Шоном дожидаемся их в офисе Бабочек. Новеньком, сверкающем. Если бы я не видела здесь сплошную строительную крошку, ни за что бы не догадалась, что еще совсем недавно помещение было пустым и лишенным жизни. Подчиненные Ашера славно потрудились! А, главное быстро.

— Ты уверен, что у меня получится? — спрашиваю я у Шона. — Как я все успею?

— Ты сможешь, — говорит Шон.

Ему мои проблемы до лампочки, а я, как всегда с дилеммой: C++ или личная жизнь?

Приходится выбирать. Мрачно смотрю на Картера, он выгибает бровь. После его чертова дня рождения прошло не так много времени, но прояснить ситуацию с поцелуем было вполне возможно, если бы он хотел. Или если бы я хотела. Но я трусишка. Каким бы ни был ответ на поставленный вопрос, я его боюсь!

На нашем этаже открывается лифт, и оттуда выходят Бабочки. Первой я замечаю, конечно же, Пани. И от этого мы взаимно не испытываем восторга. Но пока я мысленно взрываю ее внутри комнатки с суперкомпьютером, гнусно хихикая (что ж поделать, придется пожертвовать суперкомпьютером!), Шон хватает меня за локоть и насильно тянет в конференц-зал. Бойтся, что поцапаемся прямо с порога. А я, между прочим, ногу подворачиваю! Сижусь, сняв туфлю и злюсь. Мы, вообще-то, виноваты обе, но как всегда пострадала я.

— Перезнакомитесь, когда я уйду, — «радушно» приветствует гостей Шон. — Сейчас я вам вкратце изложу суть проекта, а дальше передам бразды правления в цепкие лапки Конелл, и пусть она вас дальше за ручку водит сама. Итак, мы, наконец, вводим... электронный паспорт. Слышали о таком? Это система унификации всех данных о человеке.

От биометрических данных до всех номеров кредитных карточек. И финансирует проект... правительство США. — У меня округляются глаза, смотрю на Картера, на несколько мгновений мы встречаемся глазами, но он до крайности невозмутим, и мне ничего не остается, кроме как отвернуться. — Тестовый штат — Калифорния.

— Нас поддерживает... правительство США? — хрипло переспрашиваю я.

— Мы получаем доступ к банковским картам и данным страховых компаний. Разумеется, имеет место госфинансирование... Итак, поскольку нам нужен круглосуточный доступ к хранилищам данных по семь дней в неделю, то все должно быть сделано по высшему разряду. Понадобятся все ресурсы.

— Это безумие, Картер. Это нарушение прав граждан! — Я просто не могу угомониться.

— И не наша забота. Если США хочет пасти своих жителей как отару овец, на здоровье. Мне все равно. Тебе нет?

— Я гражданка США! — возмущаюсь я. Картер на меня задумчиво смотрит.

— Но ты там больше не живешь, какое тебе дело?

— Нельзя перерастить место, где ты родился, — бормочу я тихо и гневно скрещиваю руки на груди. Мне что, одной обидно за конституционные права американцев? — Ты продолжай, я молчу.

— Это ты продолжай. Вот образец чипа, передатчик, там суперкомпьютер, и, наконец, Джоанна Конелл. А я ушел.

И не шутит — правда встает и уходит. Над столом повисает недоуменная тишина. И все смотрят на меня. А? Что? Я вообще не при чем!

— Эм... кхм... Думаю, что у каждого из вас не меньше полусотни вопросов. Давайте начнем с них. Напишем список и отдадим его Картеру, пусть отвечает. Лично мне информации мало. И предлагаю сразу разбиться на команды и познакомиться. Сегодня решим, кто за какую часть проекта отвечает. Все быстренько пересели по специализациям.

— Вы раньше уже руководили проектами? — спрашивает один крайне серьезный тип. Думаю, он и есть Немалаяев.

— Н-нет, но...

— О чем только профессор думал, — бормочет этот зануда, но я-то слышу. И все слышат. И усмеваются. Вот как, значит. Ну ничего, вы у меня еще будете молить о пощаде!

Однако, едкие комментарии не мешают людям подчиниться и начать формировать группы. Хоть с этим спорить не стали — уже облегчение. Картер, конечно, подложил мне свинью! Одно дело учить детишек, и совсем другое — дирижировать толпой взрослых дяденек. И этот Немалаяев... стоим нам начать разговор, как тут же назревают споры и конфликты. Кажется, он вознамерился сжить меня со свету не отходя от кассы! Спустя два часа делаем кофе-брейк. И все они как-то так сгруппировались, и посматривают на меня презрительно-снисходительно. Посмеиваются. Обсуждают. Думают, что я сдамся и попрошу взять кого-то другого на должность лидера... Да фигушки! Не на ту напали! Я это проходила еще будучи подружкой ректора, а уж если вспомнить, что за мной стоит железобетонно уверенный в своей правоте Картер... да ваши дела — труба, ребятки!

«Советую быть с ними с**кой, ничто другое не работает!»

Улыбаюсь. Может быть, Шон имел в виду вовсе не студентов?

Под конец дня у меня список вопросов длиной в летопись Средневековья. Да Картер скорее вышлет нас всех из Сиднея, чем станет на это отвечать. Беру ручку и... вычеркиваю. Один, второй, третий... прямо на глазах у Бабочек. Все в шоке. Ты что делаешь, идиотка?!

Мы же столько времени составляли список.

— На это я могу ответить сама, а с этим по ходу разберемся, это спросим позже... — бормочу я.

Ну вот, чудесно. Теперь у меня на руках всего-то пятьдесят два вопроса. В конференц-зале тишина такая, что, чувствуется, пора бежать, да побыстрее! Ну я и сбегаяю.

— Все свободны! — радостно объявляю я. — С первым рабочим днем и приятно познакомиться. Завтра ради сплочения коллектива принесу лучший Сиднейский торт.

Я не могла их не поддеть, о нет, это была бы не я! Но состояние окружающих не меняется. Они все еще напоминают разъяренных быков. Выскакиваю в коридор, противно хихикаю. К Картеру захожу без стука.

— Список вопросов, — торжественно сообщаю я и сажусь напротив. Не возражает, просто заинтересованно смотрит. Знак хороший. — И... у меня есть большая просьба. Ты не мог бы ответы написать от руки? Поверь, это в твоих же интересах.

— Уже подрались? — понимающе спрашивает он. — Старая песня.

— Почти. Пиши давай.

— О нет, Джо, это в ТВОИХ интересах. Значит, у меня резонный вопрос. Что мне за это будет?

Мне сразу раздеваться, или сначала он все-таки напишет, чтобы точно до условно главного добраться?

— А что ты хочешь? — спрашиваю я, старательно отгоняя неприличные мысли.

— Хочу показать тебе истинный Сидней.

— Это и есть твоя плата? — Где-то здесь должна быть подлянка. И где? Надеюсь, он не вознамерился сбросить меня с колеса обозрения...

— Да, это и есть моя плата.

— А без физического вреда?

— Издеваешься? — мрачно спрашивает он.

— Ну, хорошо. Я согласна. Пиши.

Он хмыкает, я догадываюсь, что это будет вовсе не так приятно, как бы мне хотелось. Но я вынуждена рисковать! Надо же поставить мерзавцев на место. Заодно с Шоном под ручку прогуляюсь. Сердце так сладко замирает... Он пишет очень сосредоточенно, а я цепляюсь пальцами за подлокотники и изучаю то, как свет бликует на его волосах. Может, еще не поздно изменить условия соглашения? Может, все-таки лучше раздеться? Если я с ним пересплю, нигде ведь не высветится то, что влюбилась... спать мне с ним всегда нравилось... Господи, о чем я думаю?! У меня слишком давно не было отношений, однозначно.

На следующий день Бабочки являются к нам все такие веселые. Карина даже не скрывает, что они в честь начала проекта собирались, чтобы отметить счастливое воссоединение (Шона тоже не позвали, долой не одного, а сразу двоих узурпаторов). Ну я с видом триумфатора хлоп ей под нос листочки с каракулями Картера. Сдается мне, я подписалась на что-то совсем уж зверское, так как если обычно его почерк хоть капельку читабелен, то на этот раз Шон расстарался. Думаю, он здорово вдохновился моей маленькой сладкой мстью, потому что терпеливо сидел в офисе аж три часа, и в деталях расписывал ответ на каждый вопрос. Ни разу не пикнул!

Народ на листы сначала набрасывается, а потом... потом конференц-зал содрогается от

хохота Карины. Она падает на стол и обхватывает голову руками и дрожит. Остальные все еще недоумевают. Для большинства из собравшихся английский язык не родной, но, признаться, даже я, урожденная американка, считаю, что письмена пещерных людей больше напоминают знакомые буквы, чем каракули Картера!

— Черт, что за... — говорит Немалаяев. — Это что?

— Это ответы.

— А они точно на английском?

— Уверю вас, они на английском.

— И как нам это читать? — вмешиваются остальные.

— Понятия не имею. Лично у меня все ответы есть, — с этими словами я показываю им флэшку с файликом, где ответы честно перепечатаны в текстовый файл. А потом склоняю голову набок и сладко-сладко улыбаюсь. — Так вы со мной, или как?

После этого я разворачиваюсь и иду к своему компьютеру. За мной следуют все. Даже Пани. И разногласия забыты. Даже грустно, что они сдались так легко. Хотя нет, грустить тут точно не к месту!

Уговор в силе. Как и обещал, Шон ведет меня на прогулку по Сиднею. Он не сказал мне, как одеться, и не сказал, куда именно мы направляемся, поэтому я просто жду, когда он позвонит в дверь, как и обещал. Разумеется, Картер не опаздывает ни на минуту. А я, разумеется, делаю вид, что ни капельки не волнуюсь: выжидаю необходимое время, а затем намеренно громко топаю (ну, я же была далеко-далеко, занималась своими делами, да и вообще пять раз уже забыла, что он придет!). Однако, когда открываю дверь, вся моя напускная невозмутимость исчезает. Шон выглядит великолепно. Нет. Намного лучше. Мне кажется, увидев его в таком костюме, даже Ашер Циммерман удавится от зависти...

— Эээ... Шон... — хрипло говорю я, потом откашливаюсь. — Мы идем на бал к королеве Британии?

— Что-то вроде того.

Поскольку я под таким впечатлением, что до сих пор не удосужилась его впустить, Картер отодвигает меня от двери сам и без приглашения входит внутрь квартиры.

— Так, дресс-код: что-то яркое, в меру откровенное и кольцо, которое я тебе отдал.

— Секундочку...

— Нет секундочки. Делай, как я говорю, и ни о чем не спрашивай.

Он выглядит крайне собранным и серьезным, почти... взволнованным. И оставляет без внимания то, что я чуть не растеклась лужицей восторга у его бесподобных туфель... Ну, слушаюсь, сэр!

Всего несколько недель назад я свела последние шрамы со своей спины, и в честь такого события купила себе ярко-красное платье с вырезом сзади по самую... низким, в общем. Думаю, оно вполне подойдет. Спереди я буду выглядеть представительнее некуда, ну а сзади... да ладно, он же не сказал, что я должна натянуть наряд начинающего библиотекаря!

Но кольцо... оно меня так пугает. В том числе потому что я так и не поняла, что оно значит. Зачем Картер попросил его надеть? Что происходит? Да и вообще, я не носила его с того злополучного дня, когда потеряла ребенка, и сунуть в него палец — как вернуться к прошлому. Пусть бриллиант, пусть красивый, но теперь он символ беды... Закрыв глаза, надеваю его на безымянный палец правой руки. И заставляю себя не думать, не смотреть, не

вспоминать!

Я не очень долго собираюсь, но накраситься, уложить волосы, подобрать туфли — все это занимает меня, и когда я, наконец, покидаю спальню, обнаруживаю, что Картер перевернул вверх дном всю мою кухню в поисках выпивки. И — о ужас! — меня это ни капельки не напрягает. Думаю, будь на его месте любой другой человек (да хоть даже Мадлен), я бы разозлилась, но против Шона абсолютно бессильна.

— Ты что, правда алкоголь не держишь? — раздраженно спрашивает он. — Как живешь только.

— Вполне себе счастливо! — фыркаю я. — Я выполнила все указания?

— Нет, — сообщает Картер, и я уже готовлюсь до победного отстаивать платье, потому что если не на прогулку с шикарным спутником, то куда ж я его вообще надену? Но вместо этого: — Еще это, — говорит Картер, пододвигая мне какую-то коробочку.

Я хмурюсь, но открываю. А там... самые прекрасные серьги, которые я видела. Готова спорить, они с бриллиантами. И пусть на кольцо не похожи, но не диссонируют.

— Шон, что это?

— Потом вернешь, — сообщает он мне, нагло усмехаясь.

Да ладно, не больно-то и хотелось. Зараза! Интересно, чьи они? Надеюсь только, что не Ребекки Йол. В жизни не носила таких дорогих украшений, их даже надевать страшно. Да я из дома выйти не успею, как потеряю! Я же Джоанна Катастрофа Конелл!

— А что будет, если я их потеряю? — уточняю я, а затем вспоминаю прошлый разговор: — Они на стоимость суперкомпьютера тянут?

Картер усмехается.

— Потеряешь и фиг с ними, — пожимает плечами Шон, но почему-то не верится. Они что-то значат, раз он так настойчив, но что именно? Слишком мало информации...

Обычно я вдеваю серьги в уши наощупь, но не сегодня. Это же настоящий ритуал... Я обязана увидеть, как они меня изменят. Ох, пусть я буду выглядеть не хуже Пани. Ну хоть разок в жизни! И... и это действительно так. Сегодня, когда я гляжу на девушку в прекрасном алом платье и бриллиантах, я не могу представить никого прекраснее. Но виной тому, боюсь, все-таки не бриллианты, а блестящие глаза и полуулыбка. Я снова окрылена, полна предвкушения. Я не знаю, что приготовил мне Шон, но чувствую, что сегодняшний вечер все изменит...

Мы садимся в мазду Картера, и внезапно меня плотным облаком окутывает запах его одеколona. Сильный, терпкий и мужской. Сводящий с ума. Он ассоциируется только с Шоном, сросся с ним подобно второй коже. Умоляю, Картер, нажми на газ, иначе я за себя не отвечаю! Мне безумно хочется взять тебя за руку, опустить голову на плечо, потереться о кожу щеки, пока еще гладко выбритую... Не будь мне настолько интересен пункт назначения, я бы точно сдалась, и к черту все, но когда мы подъезжаем к заливу, любопытство побеждает...

Яхта? По мнению Картера, это и есть истинный Сидней? Это что, его яхта? Да ладно она огромная, одинокому социопату такая ни к чему! И вообще, не думаю, что Шон может себе позволить круиз, у него слишком мало времени.

— Сиди, — прерывает мои мысли Шон, а потом выходит из машины и открывает передо мной дверцу. Вылезаю, опираясь на его руку и захлебываясь ароматом одеколona,

который в ночном воздухе кажется еще более интенсивным. Это все влажный воздух. Море и соль усиливают впечатление, определенно! А психология совершенно не при чем. Не при чем!

И действительно, мы с Шоном идем к яхте. Я не совсем понимаю зачем, потому что она кажется пустой. Но только ступаю на палубу, понимаю, насколько ошиблась: по моим ногам проходят вибрации музыки и голосов.

— Идем, — торопит меня Шон и касается ладонью голой кожи на спине. Я вздрагиваю, но этот жест, опять же, не интимный, скорее защищающий. А причина мне становится ясна, как только мы спускаемся по лестнице: у входа в кают-компанию стоят двое секьюрити.

— Картер, — кивают они, но на меня даже не смотрят. И я невольно отмечаю, что просто Картер. Не профессор и не ректор. Значит, знакомство это нетипичное. В душу закрадываются подозрения, а мужчины, тем временем, открывают перед нами двери. Обе створки, хотя одной бы хватило с лихвой. А потом я шагаю внутрь, и у меня банально отвисает челюсть. Благо, Картеру хватает ума пройти вперед и закрыть меня собой, давая возможность опомниться.

Это помещение выглядит на редкость дорого. Хрустальные канделябры, бардовые ковры, повсюду массивная мебель. И это на яхте! Но поражает, разумеется, вовсе не это. Просто тут полно людей, человек семьдесят, наверное. И большая половина из них — женщины. Голые. Совсем. Мамочка, знала б ты куда попала твоя дочь! Картер, зараза, ты куда меня притащил?!

Только не говорите, что вот это и моя участь тоже! Украдкой оглядываюсь и обнаруживаю, что все-таки не совсем одинока: на обитом бархатом диване восседает дама в зеленом. Роскошная, в бриллиантах, совсем как я. И она улыбается. Поправка. Она МНЕ улыбается.

Эта особа настолько меня смущает, что я утыкаюсь взглядом в лопатки Картера и иду за ним, стараясь глазеть по сторонам как можно меньше. Да и что, собственно, мне тут рассматривать? Голых девиц? Спасибо, но нет. Это не по моей части! Наконец, мы тоже садимся на диван рядом с каким-то мужчиной. Они с Шоном, оказывается, знакомы. Но меня представлять никто не спешит. Будто я невидимка. И это, говорите, Сидней по Картеру? О, если его целью было заставить меня возненавидеть город, то попытка очень даже неплоха! Да я еще неделю буду отплевываться после такого!

— Джо! — раздраженно зовет меня Шон. Видимо, это он не впервые. — Выпить хочешь?

— Да, — не задумываясь, выпаливаю я. И вдруг понимаю, что сейчас он уйдет и оставит меня одну в этом фильме «С широко закрытыми глазами», но уже поздно. Однако возвращается Шон довольно быстро. Он приносит мне бокал красного вина. Но и только. Себе не взял ничего.

Они с мужчиной продолжают свой разговор. О стоимости нефти и рынке ценных бумаг. Не думала, что Шон играет на бирже. Мы прожили вместе четыре года, но я все еще нахожу чему удивиться.

Лично мне упомянутые темы совершенно не интересны, а потому, от нечего делать, я снова украдкой оглядываюсь и обнаруживаю Ашера Циммермана. Резко отворачиваюсь. Черт. Я вовсе не хочу, чтобы он меня узнал. Бросаю еще один опасливый взгляд в сторону

мистера Перфоратора и вижу, как его сосед подзывает к себе одну из жриц древнейшей профессии, а затем уходит вместе с ней. Кажется, я знаю если не куда, то зачем.

Гадость. Все. Хватит с меня. Надо делать отсюда ноги!

Встаю со своего места и направляюсь туда, где угадываю уборные. Оттуда до выхода рукой подать. Не бросится же Картер за мной прилюдно. Не таково это место. Да и вообще, если понадобится — побегу. Мне вот плевать, что подумают окружающие! Я все равно о них намного худшего мнения!

Так, в случае чего мне придется быстро достать деньги, чтобы поймать такси. Надо приготовить парочку купюр. Заворачиваю к дамской комнате, воровато и быстро открываю клатч, но вдруг слышу сдавленный выдох. Черт, неужели спалили? Я медленно и осторожно поднимаю голову, невольно проходясь взглядом по обнаженной фигуре девушки напротив... а затем обнаруживаю, что уже десяток секунд потрясенно таращусь в васильковые глаза Ребекки Йол.

Глава 13. Честность

— Простите, простите, пожалуйста, — внезапно начинает бормотать девушка, утыкаясь взглядом в пол.

— Боже. Что тут вообще творится? — шепчу я. К черту деньги! Надо уходить. Решительно разворачиваюсь на каблуках и обнаруживаю Шона Картера. Он видел нас с Йол. Хочется выцарапать ему глаза за то, что он смотрел на эту шлюху, и за то, что заставил меня заниматься тем же! Но не уверена, что это будет правильной реакцией на происходящее...

— Сюда иди, — командует Шон, но черта с два! Стою и раздраженно смотрю на его. — Иди сюда! — куда более нервно повторяет он, и именно это заставляет меня подчиниться. Снова. Сдается мне, в подобном... заведении ошибки так просто не прощаются. Ладно, хорошо, я подойду, но только чтобы передать, что ухожу. Не свяжет же он меня на глазах у всех, однако...

— Шон, — слышу я чей-то голос и вдруг обнаруживаю, что теперь все внимание приковано к нам. Попытка сбежать определенно провалилась. Подле нас останавливается незнакомый мужчина, и ничего в нем особенного нет, но что-то подсказывает, что он здесь самая большая шишка. Наверное, все дело в уверенности, с которой он держится. — Шон Картер! Давно тебя не видно!

Более приятная фраза сейчас может быть только одна: «мать честная, ты кто, на хрен, такой?!». Однако после мужчина подходит ближе и по-отечески обнимает Картера. А нет, показалось. Все еще печальнее... Но в следующий момент мне приходится выкинуть из головы все ядовитые мысли, потому что внезапно главный обращает все свое внимание на меня, и я вдруг начинаю опасаться, что он узнает, о чем я думала.

— Присоединитесь к нам? — улыбаясь, спрашивает мужчина, однако ответа даже не ждет — отворачивается и идет к диванчику, на котором восседает вальяжная дама в зеленом. Не думаю, что хочу с ней знакомиться...

— Представишь нас? — спрашивает главный у Картера, и тот охотно кивает:

— Джоанна Конелл. Эмилио Юнт.

После этого мужчина берет меня за руку и очень уважительно целует тыльную сторону ладони. И это притом, что здесь полно голых девиц для развлечений... Как так?! Не думала,

что почтительное отношение в подобном месте вообще возможно. А Эмилио Юнт снова поднимает глаза к моему лицу.

— Мне кажется, или это серьги Эстер? — вдруг спрашивает он.

В этот миг я начинаю надеяться, что Эстер все-таки подружка, а не мать, потому что если верно последнее, то он мне солгал! Фиг с сережками? Фиг с ними?! Да я же теперь их гарантированно потеряю!

— Эстер Картер, знаете ли, была восхитительной женщиной, — откидывается на диван Эмилию Юнт и смотрит в потолок, явно предаваясь воспоминаниям. А мне становится по-настоящему плохо. Потому что на мне украшения из шкатулки женщины, которая значила столь невообразимо много... — Ее смерть стала ударом для всех. Знаете, есть пары, которые созданы друг для друга. Бен и Эстер были из таких. Они оба умерли слишком рано и внезапно.

— Эмилио Юнт закрывает глаза, будто эти мысли действительно причиняют ему боль. И это не какое-то пустое «мне жаль». Это потеря. Прожитая и прочувствованная, не забытая. — А ваши родители живы? — спрашивает он у меня, словно и впрямь читает мысли.

— Да, — хрипло отвечаю я.

— Цените это, Джоанна. — После этих слов мне становится стыдно, потому что я не виделась с родителями с больницы. Не могу простить, что они поддержали Брюса, и потому ограничиваюсь звонками... А Эмилио Юнт, тем временем, продолжает: — Шон, мальчик мой.

— У меня от такого обращения аж глаза на лоб лезут. Мальчик. Как же. — Ты совсем нас забросил. Стал большой шишкой и времени на старых друзей не оставил? Или твое отсутствие связано с иными причинами? — И улыбается мне. Пусть Эмилио Юнт и неправ, я все равно отчего-то заливаюсь краской.

— С иными, разумеется, — отвечает Шон, хотя имеет в виду он вовсе не меня.

— Твой отец гордился бы тобой, Шон.

Картер фыркает:

— Это навряд ли.

— Как давно ты виделся с братом?

— Давно.

— Не дело это, мальчик мой! Семья важна. Без нее мы бедны! Тебе тридцать шесть, когда же ты это поймешь, наконец? Ты выгнал всех, кто хоть что-то для тебя значил, и что теперь? — Шон лишь опирается локтями о колени. Молчит. — Ты умен. Думаешь, что одиночество помогает тебе творить? Боишься потерять свой ум?

— Нет, — отвечает Шон, а я смотрю на него во все глаза. Кажется, мужчина с яхты — единственный человек, который может беспрепятственно совать нос в жизнь Шона Картера. — Просто я не из тех, кто умеет разбрасываться.

— Чепуха. Ты просто идешь по пути наименьшего сопротивления. Как какой-нибудь слабак! — почти выкрикивает Эмилио Юнт. Эти слова не пустые, за ними скрыто многое, и с полминуты мужчина просто сидит и часто дышит под наплывом эмоций. Но затем уже спокойно добавляет:

— Действуй, Шон. И не забывай друзей. А я с вами прощаюсь. Джоанна, мне было безумно приятно познакомиться. — Его улыбка такая теплая, искренняя... даже отеческая. Какой же он странный человек...

Когда мы уходим, я замечаю взгляд Ашера. Но отчего-то не киваю в знак приветствия. Не стоит здесь обнаруживать связи.

Как только мы оказываемся на верхней палубе, я решительно вырываю локоть из захвата Шона и бросаюсь вниз по трапу. Не старайтесь повторить, если не занимались тем же с самого детства!

— Джоанна, — догоняет меня Шон и сильно прижимает к груди.

— Оставь, отпусти! — истерически кричу я и бью по его груди кулаками.

Мы боремся, я вырываюсь, а он не пускает. Не знаю отчего мне так больно. Наверное, просто это слишком. И голая Йол, и Ашер, и Эмилио Юнт, и дама в зеленом... Я закрываю лицо руками и плачу. Борьба прекращена, на смену ей приходит дрожь и всхлипы, а потому Шон начинает говорить.

— Эмилио Юнт был самым близким другом моего отца. С тех самых пор, как Бенжамин Картер умер, он мне помогает. Без Юнта я бы не удержал ни университет, ни отцовские активы.

— Акции?

— И недвижимость. Сидней никогда не стоит на месте, Джо, здесь каждый час что-то меняется.

И если когда-нибудь я лишусь поддержки Эмилио, мне будет очень непросто. А за удовольствия всегда приходится платить.

— Тем, что ты ходишь пялиться на собственных раздетых студенток?! — выпаливаю я, даже дважды не подумав.

— О, если бы только это! — закатывает Картер глаза, а я вдруг прихожу в бешенство. Да как он смеет мне говорить такое?! Ревность застилает глаза алой пеленой, и откуда-то находятся силы вырваться из захвата рук. — Джоанна, яхта Юнта — мелочь. Совершенно типичный досуг для подобных ему людей.

— И ты действительно подобный ему человек! — кричу Картеру в лицо. — Но не я! Как ты посмел притащить в такое место меня?! Зачем?!

Но прежде, чем Шон успевает ответить, я вспоминаю про серьги Эстер Картер и срываю их с ушей так порывисто, что даже часть волос выдираю.

— Забери их!

Я пихаю Шону в руку бриллиантовые украшения так резко, что одна из сережек падает на пирс и застревает в щели между досками. Мамочки, я дура! Сейчас она провалится в воду! Но Шон осторожно наклоняется и поднимает ее. Без лишнего шума и паники. Я бы на его месте непременно начала терять равновесие, сломала бы каблук, порвала платье и, в итоге, обязательно серьгу утопила. От этих мыслей начинаю реветь с новой силой. Это его вина! Все это его вина! Он меня довел! Он почти добился того, чтобы я возненавидела Сидней. Я хотела бы я сказать, что добираемся до моего дома мы в молчании, только это не так. Потому что я реву всю дорогу. И дома тоже. Я засыпаю не раньше шести утра.

Работать после таких потрясений просто нереально. Я не спала и чувствую себя как после отжима в стиральной машинке, а потому плююсь в экран, скрестив руки на груди. Бабочки подозрительно на меня косятся. После того, как я поставила их на место, наши отношения только-только начали налаживаться, и вот на тебе — Джоанна снова ведьма.

Когда в наш кабинет входит Картер, я лишь раздраженно закидываю ногу на ногу и сползаю вниз по стулу, пытаюсь спрятаться за монитором. Но он, видимо, пришел именно ко мне.

— Вижу, ты все еще бесишься, — говорит он невозмутимо. А я отворачиваюсь и только. — Кстати, из-за чего случилась такая масштабная истерика? Прошлой ночью к тебе отнеслись более чем благосклонно.

При слове ночь, разумеется, звуковой фон в помещении снижается на порядок. А я взрываюсь. Нет, что он, правда не понимает?!

— Да ты смеешься! — начинаю я орать и махать руками. — Я вчера выяснила, что мои студенты занимаются проституцией! Более того, я видела одну из них голой. Я! Позволь кое-что тебе рассказать, Картер. Мы с тобой разные. Я со своими студентами не сплю, и я не желаю видеть голым никого из них. И если бы я не была уверена, что достанется в итоге только мне, я бы ходатайствовала за отчисление Ребекки Йол лично, но раз ректор в курсе и всячески способствует...

— Ректору глубоко плевать чем занимается Ребекка Йол вне стен его университета. А рыдала ты до самого рассвета не из-за нее.

— Я вообще рыдала не до рассвета!

— А твои синяки под глазами свидетельствуют об обратном! И, кстати, тебе ли судить? Ты-то кто, Конелл? Укрывательница смертника. Преступница. Да, он ничего плохого не сделал, и ты тоже, но кто об этом знает? Ты считаешь нормальным нарушать закон, спасая отца от электрического стула, Йол — торгуя собой. В чужих глазах вы именно такие. Но ректор не выгоняет ни тебя, ни ее. И потому я советую тебе заткнуться и держаться подальше от этой истории, пока никого не разозлила.

Так... может, сама я не разозлила никого, но меня-то да, меня разозлили, и еще как! Хватаю сумку, порывисто вскакиваю в места и просто ухожу. Внутри все горит и клоочет. Мало того, что он спит со своей шлюхой, он еще и готов ради сохранности за ней места в университете выставить на улицу меня. МЕНЯ! Хотя знает, что этот университет — чуть ли не единственная организация, где я могу работать. Даже Мельбурн не пойдет навстречу, стоит им узнать сицилийскую историю.

Иду по улицам, вколачивая каблуки в асфальт так, что на нем, должно быть, полумесяцы отпечатываются. Мне нужно успокоиться, нужно успокоиться! Может, в магазин какой зайти? Покупки так поднимают настроение. Но ушла я от офиса Бабочек уже довольно далеко, район знаком смутно, и мне сложно сориентироваться. Магазины, где же магазины? Стою и оглядываюсь по сторонам в поисках вывесок со знакомыми названиями... Невольно мой взгляд прилипает к самому роскошному зданию на всей улице. Оно просто неприлично броское. Сплошь стекла с отражающим покрытием, отчего все сооружение словно светится. И пять лифтов, расположенных с торца, ездят туда-сюда, позволяя случайным прохожим завидовать пассажирам, любующимся видами города с высоты. Я слежу глазами за одной из взлетающих ввысь кабинок и невольно натываюсь взглядом на вывеску «Строительная компания Циммерманов». Так вот где, оказывается, заседает мистер Перфоратор. Ну еще бы. У него не может не быть здания с полной панорамой Сиднея! А еще... я, кажется, знаю, на ком сорву злость.

В холле строительной компании все как в аэропорту. Магазины, банки, рестораны — полный комплект. Я несколько дезориентирована. Слишком много людей и впечатлений. А еще после солнечной улицы глаза с трудом адаптируются к полумраку, стою в центре зала, оглядываюсь. И либо мне мерещится, либо из лифта действительно выходит Ашер и направляется в старбакс.

Ну нет, не уйдешь, развратник!

Срываюсь с места и влетаю в ресторан следом. Знакомый разворот плеч и дорогуший костюм. Ну точно он. Держись, Сидней! Я делаю несколько шагов и встаю рядом с мистером Перфоратором.

— Как вы можете бывать в таком месте? — шиплю я, даже не озадачиваясь приветствиями.

Ашер вальяжно поворачивает ко мне голову:

— И вам добрый день, — кивает он. — Кстати, вам идет красный.

— А вам не идет букет голых девиц за пазухой!

Ашер старательно прячет улыбку, но выходит у него плохо.

— Должно быть, вы очень злы на тирана и деспота.

— Естественно, он же Картер. Вы хоть представляете, какой был у меня шок, учитывая, что уговор был таков: десять страниц рукописного текста в обмен на Сидней глазами аборигена.

— А, так это вы так на прогулку по достопримечательностям сходили, — начинает хохотать Ашер. Если на него и до этого пялились, узнавая, то теперь зевак еще больше. Тыкаю его локтем в бок. Это очень больно, потому что они у меня костлявые. — Ауч. Ну и как вам виды, понравились? Там определенно было на что полюбоваться. — И предусмотрительно отодвигается на безопасное расстояние. И я даже делаю решительный шаг к нему, как вдруг он поднимает ладони, точно сдаваясь, и миролюбиво говорит: — Да ладно вам, Джоанна. Я же просто шучу. А Картер, конечно, молодец. Ничего не скажешь. Кстати, что будете пить?

— Латте. Самый большой!

— Два латте, пожалуйста. Самых-самых больших, — улыбается девушке за прилавком Ашер.

Она краснеет и смущается, а потом бежит выполнять заказ. Вот же... Перфоратор. Но вдруг Ашер добавляет. — А что касается вашего вопроса... Мы все несвободны. От общества, от статуса, от денег, от родных, от обязательств. И либо принимаем условия, навязанные другими, либо становимся париями. Вы ведь тоже прячетесь за светлыми волосами и розовыми ногтями.

— Я краснею и начинаю кусать губы. — А все потому что иметь такой IQ, как у вас, считается для женщины неприличным, верно? Уже, вроде, и взрослые, а все равно играем в прятки, да?

— Давайте сменим тему. — Отчего-то мне так неуютно...

— С радостью. Кстати, из меня неплохой экскурсовод. По работе я бывал во множестве исключительно красивых мест, которые просто так не найдешь.

— Предлагаете мне все-таки взглянуть на Сидней глазами аборигена?

— Точно.

— И вам не надо на работу?

— Эм... Мы немножко повздорили с советом правления... Они на меня пожаловались

моей же сестре, можете себе представить? А раз так, то я решил, что милым властью имущим джентльменам мое общество ни к чему.

— Ай-ай-ай, мистер Перфоратор, что ж вы маленьких и слабых-то обижаете?

Ашер снова смеется.

— А вы почему не на работе? Думал, тиран и деспот держит вас в своем вампирском склепе круглосуточно.

— Ну... знаете, если я сегодня не вернусь на работу, меня уволят с вероятностью пятьдесят процентов, а если вернусь — со стопроцентной. Я была не очень любезна с собственным начальником.

— О, так значит мы оба вопиюще свободны.

— Да, можно было взять что-нибудь покрепче латте.

— Ну что вы, Джоанна, для спиртного время всегда найдется. Главное — не терять надежду!

И хотя Ашер предупреждал меня, что до мест, в которые он меня поведет, добраться не так просто, не ожидала, что придется прогуляться по промзоне. Причем грязной и заброшенной. Я подворачиваю ногу через каждые пять метров.

— Вы точно не собираетесь меня убивать? — спрашиваю я у мистера Перфоратора.

А Ашер всего лишь весело и фальшиво насвистывает незнакомый мотив, засунув руки в карманы брюк.

— Хватит недовольно пыхтеть, Джоанна. Представьте себя, я сюда еще никого не приводил.

— Тогда чем я все это заслужила? — продолжаю я ныть.

Ашер смеется.

— Все, стойте.

— Что? Привал? О, слава Богу!

— Какой привал? — фыркает Ашер. — О нет, я сейчас вам глаза закрою. — И уже ведь обходит меня со спины. Ну, это очень даже похоже на то, что меня сейчас начнут убивать, но я все равно доверчиво стою на месте и позволяю Ашеру закрыть ладонями мои глаза. Может быть, потому что мне просто хочется мужских прикосновений. — Идите вперед, — распоряжается мужчина.

— А далеко? — спрашиваю я, и тут же взвизгиваю, оступаясь. Одна из рук Ашера перемещается на мой живот в попытке удержать от падения, и я вздрагиваю от этого прикосновения. У него такая большая и теплая ладонь. Она прожигает одежду. — Давайте я сама буду держать глаза закрытыми, а вы просто не дайте мне упасть, хорошо?

— А вы точно не будете подсматривать? — спрашивает он у самого моего уха. Боже. Кожа начинает покрываться мурашками. Кажется, я его хочу. Нет, не кажется. Я хочу его очень.

— Я обещаю.

— Хорошо. Прямо примерно восемь метров и тридцать сантиметров.

— Точно тридцать? Не двадцать и не сорок? — язвлю я, а Ашер смеется, прижимаясь грудью к моим лопаткам.

— Это профессиональное, не обращайтесь внимания. Давайте. Шаг с правой ноги, — командует он, сцепляя руки вокруг моего живота и прижимая к себе так, что я вынуждена полагаться на его объятия и шаги. Восемь метров и тридцать сантиметров неуклюжего

переваливания, а затем Ашер вдруг чуть приподнимает меня в воздух, чтобы повернуть налево.

— Голову наклоните. Осторожнее, но глаза не открывать ни в коем случае! — предупреждает он. — О бетонные стены очень больно ударяться головой, поверьте моему опыту. А вам, в отличие от меня, нужно извилины беречь.

Он такой забавный. Улыбаюсь и сильно смыкаю веки. Внезапно глупая прогулка по промзоне стала такой... увлекательной. И его объятия, да я бы поселилась в них.

— Совсем чуть-чуть. Давайте, снова с правой!

И я шагаю. С левой, конечно. У меня всегда были проблемы с ориентированием. Вообще удивлена, что в первый раз сделала все, как надо. Начинаю хохотать.

— Видите, мне и головой ударяться не надо, — отшучиваюсь я.

— Ничего, это распространенная женская проблема, я уже привык.

А вот теперь, после этих слов, мне очень хочется из его объятий выбраться. Но вдруг он продолжает:

— Моя сестра, та самая, на которую так полагается правление, однажды не пустила меня за руль своей машины, когда мы поехали на объект, и в итоге столько раз перепутала право и лево, что мы опоздали на полтора часа. Теперь отдает руль без вопросов.

— Она тоже строитель? — чуть смутившись из-за поспешных выводов, спрашиваю я.

— Декоратор. Итак. Стойте. Мы на месте. А теперь я отхожу, а вы медленно открываете глаза.

И его руки покидают мое тело, лишая столь желанного тепла. Я открываю глаза, как он и сказал, — медленно. И сначала не могу понять, что случилось. Вокруг такое буйство красок... А потом до меня медленно доходит, что я стою в кольце стен, на которых нарисованы лучшие трехмерные граффити, которые мне вообще доводилось видеть. Я не фанатик этого искусства, но уверена, что в жизни не увижу лучшей работы. Здесь и обвитые колючей проволокой мужские руки, по которым течет кровь, и странные нечитабельные послания, и барабанная установка, по которой ударяют палочки, и персонажи комиксов, и море с кораблем, и красивые женские ноги в армейских ботинках, и все это каким-то образом так соединено, что образует цельную картинку. Боже мой, насколько же неуверенным в себе нужно быть человеком, чтобы спрятать такую работу от чужих глаз? Или кто-то, наоборот, был настолько разочарован в людях, что намеренно лишил их возможности увидеть нечто красивое. После яхты Эмилио Юнта я не уверена, что не поступила бы так же.

— И что... — начинаю я хрипло, откашливаюсь и пробую задать вопрос еще раз. — И что здесь собираются строить?

— Собирались, — поправляет меня Ашер. — Здесь хотели построить новый завод.

— Но не построили.

— Отчет эксперта был не очень хорош... видите ли, я ему заплатил, чтобы он чуть подправил цифры, и получилось, что строительство ужасно нерентабельно. Думаю, что нужно найти художника и отдать эти работы в музей граффити, но пока, сколько сюда не прихожу, не застал ни одного человека.

Это звучит настолько сюрреалистично, что просто не может быть правдой. Я не могу поверить, что люди, посещающие яхту Эмилио Юнта способны на подобные поступки... Отворачиваюсь и осматриваюсь еще раз.

— Сдайте работы в музей, опубликуйте новость в интернете, автор найдется.

— А если он не хотел, чтобы это видели?

— Почему-то мне тоже так кажется, — говорю я тихо. — Но все мы когда-то не хотим что-то видеть или показывать, а потом понимаем, что были глупцами.

Но меня слышат и понимают безошибочно.

— На яхту Эмилио Юнта приходят, чтобы его о чем-то просить, Джо. А не ради сомнительных удовольствий. По крайней мере, если ты нормальный адекватный человек, ты придешь туда именно за этим. Например, мне нужно за месяц выбить разрешение на снос старых доков, а фанаты бюрократии уперлись рогом. Иногда один звонок человека с яхты может сделать больше, чем череда подкупов необходимых инстанций.

— Это отвратительно.

— Это честно. Жизнь по уставу далеко не всегда так хороша, как кажется. Например, если бы все было сделано правильно, я бы позволил снести эти стены. Но они стоят, и я совсем не жалею. Неужели вы считаете иначе?

Я не хочу на это отвечать, я не хочу признавать, что он прав.

— Пойдемте, — пытаюсь я увильнуть.

— Джоанна, я задал вам вопрос, — не отступает Ашер. — Нельзя всю жизнь метаться от одной точки зрения к другой...

— Моего отца приговорили к смертной казни, и мы вынуждены были покинуть Родину, чтобы власти до нас не добрались. — На лице Ашера появляется просто незабываемое выражение. И такое будет у любого, кто об этом услышит. — Вы за честность, говорите? Ну и как вам она?

Назад до машины Ашера путь кажется более коротким, но в то же время очень неприятным. Он молчит. И я молчу. Мы идем быстро, на нитье у меня даже времени не остается. И то, что ноги уже болят от туфель, я оставляю без внимания. Но щелчок ремня безопасности срывает пробку с моего терпения, и я выпаливаю:

— А ведь Шон так и сказал. Предупреждал, что люди отнесутся ко мне не лучше, чем к этой... — А затем порывисто отворачиваюсь, закрывая пальцами рот. Мне невероятно обидно, что Картер был прав. Почему он всегда прав? Как можно быть всегда впереди планеты всей, всего лишь указывая окружающим их место?!

— Сейчас мы выпьем, как я и обещал, и полегчает, — неожиданно миролюбиво отвечает Ашер.

— Кстати, оставьте мне телефончик.

— Что? — спрашиваю я.

— Нельзя недооценивать полезные знакомства. Вдруг мне понадобится бежать из страны... — задумчиво покачивает головой мистер Перфоратор.

— Это. Не. Смешно! — рывкаю я и вдруг, вопреки своим словам, начинаю хохотать. И не одна я.

— Но кое в чем Шон прав, Джоанна. Люди относятся к подобным откровениям не очень хорошо. Не рассказывайте о своем отце каждому встречному.

— А вы-то почему так спокойны? — в момент настораживаюсь я.

— Потому что знал заранее, конечно, — ничуть не смущается мистер Перфоратор.

— Вы искали меня в сети?!

— Я нет. А вот вы меня — да. И даже не отрицайте, — нахально улыбается Ашер. А я заливаюсь краской. Гребаный Клефт. Это все он виноват. Вот точно говорю — он. Это он

меня надоумил! А Циммерман, тем временем, не смакует мое смущение, он напряженно смотрит на дорогу и вдруг говорит: — Вы, Джоанна, сильно недооцениваете Шона Картера. У него забавные способы держать на расстоянии людей от того, что он считает своим.

— Так, значит, он вам рассказал? — У меня буквально отвисает челюсть.

— Да. И вот только после этого я полез в сеть.

— И все-таки гуглили, — грожу я ему пальцем.

— Виноват.

— Но когда я призналась, вы же... вы же... вы выглядели так, будто я сама не лучше убийцы!

— Ну, а кто ж вы, если не преступница?! — крайне недовольно спрашивает Ашер. — Я устраивал вам лучшую экскурсию в мире, рассчитывал на благодарность, пытался объяснить свою точку зрения, а вы взяли и своими словами все перечеркнули. Осознанно и намеренно. И это притом, что, в отличие от Картера, я перед вами не провинился ни разу! Вы убийца всех лучших души порывов.

— Простите.

— Прощаю. Но только один раз. Я не из тех, кто готов сложить голову за идею.

— Вот уж в чем не сомневалась, — выгибаю я бровь. — Так куда мы едем пить?

Хм, когда я говорила про аборигенов, я понимала их не настолько буквально, как Ашер. Но поскольку гид он и следуем мы его сценарию, я теперь смотрю на племенные танцы и слушаю племенную музыку, наслаждаясь выпивкой опять же не за свой счет.

— И это что, правда танцы аборигенов? — Выглядит очень странно!

— Ага, — кивает Ашер. — Специфично, а? Зато теперь вы в курсе, какие мы на самом деле. Ну или какими должны быть.

— То есть вы так не умеете? Зря-зря! Какой же вы тогда коренной житель? Если претендуете на сей почетный статус, то просто обязаны научиться!

— Как только освою паяльник, так сразу. Уверен, это тоже добавит мне несколько очков сексуальности, — хмыкает Ашер и отправляет в рот горсть орешков. Мужчины, порой, такие гады! Каждое слово припомнят...

Мы не в ресторане, полноценного меню здесь нет — только закуски — и потому выпивка моментально ударяет в голову. С каждым глотком меня все больше тянет то ли в сон, то ли на безумства.

— Выглядите уставшей, — замечает Ашер.

— Да, — киваю я. — Наверное, пора ехать.

Разумеется, он подчиняется. Ради того, чтобы сесть за руль он даже почти не пил. Не понимаю, почему я все еще не верю в джентльменство мистера Перфоратора. Всему виной, наверное, пресловутая яхта.

До моего дома далеко, и, убаюканная алкоголем и бессонной прошлой ночью, я засыпаю прямо в машине. Будят меня уже только на парковке. И поскольку несколько мгновений я вообще не понимаю, что происходит, меня вызываются еще и проводить. Но только оказавшись у двери, я вдруг обнаруживаю, что очень не хочу, чтобы этот день закончился вот так и вот тут.

— У меня есть прекрасный кофе, — словно бы невзначай сообщаю я, отпирая дверь.

— Да что вы говорите, — иронично тянет Ашер. — Думаете, у меня хуже и стоит сменить производителя?

— Ну, сравнить никогда не вредно. Например, утром.

Некоторое время он на меня смотрит и... сомневается? Какого дьявола?! Весь мой опыт подсказывает, что если мужчина проводит в обществе женщины день, под конец которого еще и спаивает, то он рассчитывает на продолжение банкета! Так чего он мнетя?

— Мой папа живет в Ньюкасле, если вас смущает именно это.

— Меня смущает Шон Картер, — предельно честно отвечает мистер Перфоратор.

— Вы не похожи на человека, который боится конкуренции. К тому же не переживайте, завтра я протрезвею, моя крыша встанет на место, и я трусливо буду избегать вас до конца жизни.

— О, так это же знаменитая мужская мечта. Я просто вынужден согласиться, дабы не позорить весь наш биологический вид. — Пусть Ашер и шутит, пусть и согласился, слова его звучат как-то странно, а я не знаю, что думать. Стою и смотрю на него. — Что, испугались?

— Ищу подтекст, — отвечаю я.

— Нет подтекста, — выгибает он бровь.

— Врете, — прищуриваюсь я, а в следующий миг я оказываюсь в кольце его рук, прижатая к стене его телом и губами. А воздуха все меньше и меньше.

Его кожа на ощупь безумно горяча, особенно на спине, под пиджаком. Горячее — только губы, которые сначала обжигали мой рот, а теперь, решив, что с него уже довольно, начинают спускаться ниже, к вырезу на блузке. И пусть на Снежную Королеву я не похожа, я плавлюсь и таю под этими прикосновениями, причем настолько явно, что, невзирая на возможность быть увиденной соседями, начинаю стягивать с плеч мужчины пиджак прямо на лестничной клетке. И мне совсем не хочется двигаться с этого самого места, не хочется разрывать паутинку безумия.

Вот только у Ашера планы другие. Он распахивает мою дверь и вталкивает меня внутрь квартиры, не позволяя ни расцепить объятий, не передумать. И, на тебе, в следующий миг его пиджак летит на пол, к черту, с пинка в сторону. А ведь кто-то и за год на подобную тряпку не заработает... А я, тем временем, лихорадочно расстегиваю пуговички на его рубашке, пояс брюк. И совсем не обращаю внимания на то, что сама все еще полностью одета. Эгоистка. Сегодня я эгоистка. И черта с два смущаюсь! А раз так... да, я веду Ашера в спальню, так как гостиная будто уже принадлежит Шону. Но на кровать свою жертву не пускаю. Сегодняшняя ночь не для него, а для меня. И пусть только попробует возразить.

— Ложись, — указываю я на пол.

— Вот так вот сразу, а ведь я тебе даже наскучить еще не успел, — фыркает Ашер, но совершенно бесстыдно разваливается на полу, вытягиваясь во всю длину.

На нем остался только мой кулончик в форме перфоратора. И... хорош же, чертяка! Не налюбоваться. Сажусь на пол, фривольно скольжу руками по его коленям и выше.

— Подумать только, и эта девушка так возмущалась из-за разврата, царящего на яхте, — подначивает меня мужчина.

— Ну, грех ведь не проверить, на самом ли деле ты мистер Перфоратор. А то вдруг я тебе польстила, — невинно хлопаю я глазами, не забывая скользить вдоль его тела. Наконец, мои ладони останавливаются на его груди..., а мгновением позже я уже под ним. Так легко и непринужденно, что эта чужеродная женщине сила сводит с ума, пробирает до костей. Я выгибаюсь, жаждая поцелуя, жаждая ласк, а вовсе не глупых игр. И не успеваю опомниться,

как оказываюсь не более одетой, нежели сам Ашер...

— А, знаешь, ты совсем не невинная девочка, — усмехается Ашер, глядя как я почти без стеснения прыгаю по спальне в поисках одежды в попытке не опоздать на работу. Вчерашний день я прогуляла, но это ничего, а вот если я еще и сегодня опоздаю, мне точно устроят допрос. И чтобы не рассказывать Шону, где и с кем провела ночь, я даже позволяю Ашеру на меня поглазеть... хотя, погодите-ка...

— А ты что лежишь? Тебе тоже на работу... — хмурюсь я.

— Я гендиректор, и я все еще зол на правление.

— Ты офигел, — подсказываю я более правильный вариант ответа.

— Вижу, твоя крыша действительно встала на место, — лениво потягивается Ашер, словно демонстрируя мне то, чего я лишаясь из собственного упрямства.

— Вставай, или я тебя выставлю из квартиры голым! — гневно произношу я. Неужто всерьез полагает, что я буду слюнки пускать?

— Ты оставишь мне ключи, я знаю, — усмехается он, поворачиваясь на спину. Вот ведь нахал!

— Чтобы я их тебе, скажем, завез после работы.

Хм, он не учитывает, что когда я говорила про один раз, я не шутила. В общем, одевается он в машине, когда я уже выруливаю с парковки...

На мое счастье, никто ничего не заподозрил, а самолюбие Ашера такого кощунства не пережило, и все вернулось на круги своя. Работа. Грызня из-за проекта. Обнаглевшие студенты. Цистерна яда в сторону Картера. Сказать, что я устала за эту неделю — ничего не сказать, и пятничный вечер в компании коллег и выпивки совсем не лишней. Ой, пардон. Коллег, выпивки и Алекса. Вот уж не знаю, по какой такой причине он решил присоединиться к нам (хаха, догадываюсь!), но я очень даже рада его видеть. Хотя стерва Пани могла бы и пораньше сказать, что прилетела не одна, а с лучшей своей половиной.

Кстати, английский Алекса ничуть не улучшился, но это, опять же, ничуть не мешает нашему общению. Рассказываю ему, как у меня дела. Он отвечает тем же. Я объясняюсь короткими предложениями, он — рисует на салфетках. Получается чудесно, а, главное, без посредника в лице Пани. Кстати о лице, видок у нее кислый. Ревность-ревность. Ничего, этой ведьме полезно.

— Думаю, нужна водка, — громко сообщает вдруг Алекс.

— О нет! — начинаю я махать руками. — Только не водка! После этой дряни я каждый раз ухитряюсь проснуться не там, где запланировала. И в памяти провалы...

— Знакомо, — неожиданно отзывается Немалаяев. — И именно по этой причине от нее стоит отказаться только после свадьбы.

В шоке все. Обычно этот застегнутый на все пуговицы рассудительный парень вдруг выдает... такое.

— Черт, Немалаяев, а ты пьяный даже ничего! — сообщаю я миролюбиво.

— Да я в принципе ничего, — не соглашается он.

— В принципе ты зануда каких поискать! — Я не говорила, что мы уже выпили немало? Ну так теперь это очевидно. — Ай, ладно, давайте сюда эту вашу водку! — Пожалую?

Конечно. Но ведь скучно же!

После первой стопки мы с Алексом идем зажигать танцпол. Не знаю, зачем это ему, но лично у меня цель вовсе не возвышенная — позлить Пани. После второй — мы поем в обнимку с Немаляевым в караоке, а окружающие зажимают уши. Я их понимаю, в жизни ничего хуже не слышала, но со смесью водки и текилы приходится считаться! И не только тем, кто пил. Окружающим — тоже. После третьей стопки я ухитряюсь помириться с Картером. Даже решаюсь обсудить с ним онтологические вопросы. У него так забавно получается разбивать в пух и прах все мои аргументы... постоите-ка, зачеркните, я этого не говорила. Мне совсем, вот совершенно не нравится признавать собственную неправоту. А то как же! Однако, пока мы с Шоном толкуем о подлунном мире, голова моя почему-то лежит на его плече. И, кажется (только кажется, я уже ни в чем не уверена), временами наши дебаты прерываются поцелуями. А потом мы выпиваем по четвертой, а дальше... чистый лист.

Я просыпаюсь, но глаза открывать не спешу. Моя голова раскалывается, но эта головная боль безумно знакомая. Уверена, только встану, и станет стократ хуже. Тем более, что в остальном мне невероятно комфортно. С наслаждением провожу ногой по вопиюще приятной ткани простыней и в попытке урвать еще кусочек блаженства, укутываюсь в огромное одеяло, трусь щекой о подушку, мну ее в кулаке. Боже, вот он рай. Только... где вот-то?

Насилуя собственно тело, я приоткрываю глаза, и тут же зажмуриваюсь, потому что вокруг все вопиюще... белое. И нереально чистое. Недоверчиво открываю глаза снова. Какой ненормальный согласен жить в белой комнате и вылизывать ее до такого состояния? Понятия не имею. А нос, тем временем, щекочет запах кофе и блинчиков. Они будоражат воображение, буквально гонят из спальни..., но что это за место? Где я?

И тут до меня доходит, что такая роскошь и безупречность могут принадлежать лишь одному моему знакомому. Значит, водка с текилой, говорите, — ничего страшного? Так какого черта я делаю в пентхаусе Ашера Циммермана?!

На мне только топ, в котором я была на работе, и трусики. Мда, интима не было, но мне тонко намекнули, что право имеют. На всякий случай провожу рукой по лодыжке. Уф, ноги все еще достаточно гладкие, чтобы не волноваться, а то мало ли... Я, конечно, в произошедшем не виновата, но ронять себя таким образом просто... ну, стыдно. Натягиваю вчерашний комплект одежды и, наконец, выхожу из комнаты. Прямо по курсу вижу винтовую лестницу, о которой грезит, спорю, каждый занятый в кинопроизводстве человек... Хорошо Ашер устроился, можно только позавидовать... Вот скажите, как он ухитрился спереть меня в самый разгар пьянки с Бабочками? А я-то еще его в джентльменстве подозревала. Ха! И вообще, почему чуть ли не последнее, что я помню — вкус поцелуев Картера, но просыпаюсь в постели короля другой масти?

— Доброе утро, — слышу я голос Ашера и настороженно замираю на лестнице.

— Какое доброе?! Чем блинчики печь, лучше бы вина припас! — огрызаюсь я.

— Поверь, блинчики помогают при любом недуге. — Но, глядя на мое скептическое выражение лица, добавляет: — Если знать, с чем мешать. Поверь, по части быстрого подъема после банкетов с инвесторами у меня опыт наработан. — И морщится. Это заставляет меня сдвинуться с места.

— Вызови мне такси, — говорю я, оглядываясь в поисках выхода.

— Присаживайся. Завтракай, — ставит на стол тарелку Ашер.

— Ты издеваешься? Я не хочу завтракать. Я хочу домой, а еще я хочу выяснить, как оказалась здесь. Вызови мне такси!

— Вот, выпей, чтобы голова не болела. — Игнорируя мои слова, Ашер ставит передо мной стакан и кладет рядом таблетку.

Ну ладно, так и быть. Я осторожно подхожу к островному столику. У Ашера кухня-студия.

Огромная площадь, разделенная лишь текстурой полов. И все вокруг, опять же, светлое и безупречное до рези в глазах. Однако, мистеру Перфоратору подходит. Он точно рыба в воде в своем роскошном жилище... И даже кухня не кажется чужеродной. Неужели и впрямь умеет и любит готовить?

Выпиваю таблетку. А Ашер, пользуясь случаем, пододвигает мне тарелку с блинчиками. Осторожно смотрю на нее.

— Не выпущу, пока все не съешь! — предупреждают меня.

Приходится взять вилку и кровожадно воткнуть ее в блинчики! А ведь они вкусные. И щедро политы малиновым сиропом. Боже, это почти пища богов. Где Ашер научился так готовить? И тут до меня вдруг доходит, что я действительно... ем. С аппетитом. Где ж это видано, с похмелья-то? Чем он меня напоил?

— Вкусно, Джо? — ласково спрашивает Ашер.

— Нет, — огрызаюсь я и с удвоенным аппетитом начинаю жевать блины. К тому моменту, когда я приканчиваю порцию (даром что тарелку не вылизав), головная боль уходит, и кофе уже вызывает сплошь положительные эмоции. — Пожалуй, производителя сего божественного напитка сменю все-таки я.

— Неужели? — выгибает бровь Ашер. — А я, между прочим, так и не удостоился чести сравнить.

— А ты свою честь... проспал, — хмыкаю я. — В общем, очень вкусно, но мне пора. Приятных выходных, мистер Перфоратор.

С этими словами, я подхватываю сумочку и направляюсь к выходу, уверенная в собственной победе над Ашером на все сто. Вот только дверь закрыта на ключ. Изнутри. Блин! Воровато оглядываюсь по сторонам в поисках ключницы или лежащего поблизости комплекта отмычек, но результат, разумеется, нулевой.

— Уж не это ли ищешь, Джо? — спрашивает меня мистер Перфоратор, крутя на пальце весело позвякивающий комплект ключей.

— Именно. Давай сюда, — нагло говорю я и пытаюсь их выхватить, но фигурки. Ашер без труда заводит руку за голову, а в следующий момент запихивает связку в задний карман джинсов. Я, кстати, говорила, что он просто-таки неприлично хорош в рубашке с коротким рукавом, потертых джинсах и без обуви? Ах, ну да, мне же было не до того, голова болела...

— Хочешь ключики? Возьми.

Ой-ой-ой! То есть мне только что предложили добровольно потрогать роскошную задницу мистера Перфоратора? Для протокола: спать с Ашером Циммерманом было очень, очень плохой идеей!

— Вот еще, — фыркаю я и зашвыриваю сумку под лавку. — Мне и тут неплохо. Грех жаловаться на такие хоромы. Ноутбук тащи.

— Чего? — офигевает Ашер.

— А что, по-твоему, делают в свободное время подопечные Картера? Гони свой шикарный белый макбук!

Он явно не так планировал провести время, но мне-то до лампочки.

— Шевелись, ты же у нас делаешь вид, что желание дамы закон.

— Повинуюсь, госпожа, — вздыхает, наконец, Ашер и действительно идет наверх за моей новой игрушкой.

— Пароль сам скажешь, или взломать?

Вот на этом самом месте мистер Перфоратор, наконец, кривится. Видно, у него один пароль на всю жизнь, и он не очень счастлив. Сочувствую, приятель! А затем у меня, наконец, появляется открытый доступ в поднебесную, и что, вы думаете, я делаю? Конечно, я лезу на портал Бабочек, на страничку Пани, и пишу ей капсом: ВЧЕРАШНИЕ ФОТКИ ВСЕ! СРОЧНО!

Пани, видимо, уже научена горьким опытом, а потому комплект у меня появляется буквально в рекордные сроки. Так. Бабочки, Бабочки, Бабочки. Скучающий Картер, пока еще занудный Немалаяев, вот мы с Алексом болтаем по душам на разных языках, ого, как хорошо в танце-то вышли! Веер моих волос и абсолютно довольный он позади, Пани, наверное, ногти в кровь сгрызла. Картер с Алексом курят на крылечке, задерживаюсь на этой фотке, люблюсь... ай, блин, не время и не место. Затем мы с Немалаяевым и караоке, тост за Бабочек, который, казалось, не сформулируют никогда. Опа, стоп. Вот и мы с Картером. Я положила ему на плечо голову и что-то говорю. Видимо, очень душевное, аж глаза от непролитых слез блестят. Черт. Вот подстава! А Шон, кстати, слушает, судя по всему, очень внимательно. На следующей фотке он улыбается, не ухмыляется, а действительно просто улыбается... А потом... потом мы целуемся. Черт... я никогда не думала, что такие эмоции можно схватить на пленке. Там, полный комплект. От нежности до отчаянной необходимости. Я в мгновение ока становлюсь красной, точно помидор. Стремительно перелистываю все, что Пани так сильно интересовало. Боже, если она действительно разослала эти фото всем... я не буду об этом думать!

Дальше куча пьяных физиономий Бабочек. Я преспокойненько сплю на плече у Шона. Твою же мать, с какой стороны ни посмотри — идиллия. Они, тем временем, общаются с Алексом. И текущее положение вещей вот вообще никого не смущает. А затем фото, где я разговариваю по телефону, а дальше... Ашер заботливо ведет меня к своему джипу и дьявольски улыбается.

Джо: Как вы могли отдать меня Ашеру?!

Набрасываюсь я на Пани.

Рану: В смысле? Он сказал, что вы встречаетесь.

Джо: Да любой маньяк так может сказать! Удивлена, что вы ему еще и не приплатили за избавление от моей драгоценной персоны.

Рану: Вот не надо, Шон-то уж точно не был рад.

Джо: Наверное, как только он меня отдал этому... Перфоратору, ему вдруг стало холодно и одиноко, а?!

Но вместо ответа она всего лишь присылает мне еще одно фото. Шона. Такой взгляд я видела лишь однажды: когда он смотрел на агента Льюиса Леклера, говоря, что был уверен, будто до такой низости, как использование меня, Бюро не опустится... Не знаю, в чем дело,

но вдруг вздрагиваю всем телом...

На обед Ашер снова готовит блинчики. Я недоуменно моргаю, глядя на это дело. У него они, конечно, отлично получаются, но неплохо бы поесть что-нибудь посущественнее. Я уже открываю рот, чтобы предложить ему приготовить что-нибудь другое, однако вспоминаю, что держат меня здесь силой одной великой сиднейской задницы, а значит бойкот!

Жую эти блинчики в полном молчании. На этот раз они с клубничным сиропом. Ну хоть так...

— Как дела? — спрашивает Ашер.

— Я с тобой не разговариваю.

— Ааа, ладно, — хмыкает он и, опустив голову, улыбается. — А ноутбук отдашь?

— Нет.

К вечеру я готова выть. Выходной же, все гуляют, веселятся, а я... нахожу в сети одного лишь ненормального Каддини. А ведь я собиралась посидеть с Клеггами, посмотреть что-нибудь из Золотого Века Голливуда. Мадлен обожает актеров того времени. И я их тоже обожаю. Может, все-таки продаться? Смотрю на Ашера. Он сидит теперь в кресле напротив и копается в бумагах.

— Я нуждаюсь либо в тебе, либо в ноутбуке, — напоминает он. Чуть-чуть краснею от этих слов, но упрямо молчу и делаю вид, что электронная игрушка меня ничуть не достала.

— Нуждаюсь в доме, нормальной еде и одиночестве.

— Лгунья, — мягко говорит мистер Перфоратор. — Но тебя никто не держит, ты знаешь, что нужно делать.

И кивает на свои джинсы. Несколько секунд я смотрю туда же, а потом понимаю, куда именно и заливаюсь краской. Нет! Ашер смеется.

— Хочешь поужинать?

— Да.

Осторожно краем глаза наблюдаю за ним. И, блин, он действительно достает из холодильника яйца, молоко... Твою мать. Во мне поднимается острое чувство злости и обиды... Я буквально сбрасываю с коленей ноутбук и подхожу к Ашеру сзади и, наконец, запускаю руку в карман его джинсов.

— Что? — Он смотрит на меня крайне удивленно.

— Ничего. Какой же ты придурок, не лучше остальных...

И это звучит так разочарованно. Потому что мой мистер Идеальный — еще один форменный кобель.

— Джо...

— Ашер, тебе действительно стоит освоить паяльник. И взять парочку уроков у папуасов. Ну или если кишка совсем тонка, то хоть яичницу жарить научись! Ты же гребаное клише! Красавчик на джипе, который живет в роскошном пентхаусе, печет блинчики на завтрак и возит девушек смотреть на трогательные граффити, нарисованные другими. Алло, все это срабатывает всего раз! На кой-черт ты притащил меня домой, если понятия не имеешь, что делать с женщиной вне постели? Впечатлил, привел к себе, поимел, наутро накормил и выставил прочь...

— Подожди, — хватает он меня за руки. — Ты права. Ты безусловно права. Но на этот раз меня выставила ты! Да еще и голым! И если думаешь, что я не захотел реванша, то

глубоко заблуждаешься! Ты меня просто безумно разозлила. А я не из тех, кто отступает, поверженно опустив голову! Я всю неделю только и думал, что о том, как бы отыграться, а когда вчера позвонил... разом нашел ответ на свой вопрос. В общем сдавайся, или я не отстану.

Наверное, если бы он не признался в том, что я его зацепила, я бы ни за что даже не подумала остаться, но он сказал это вслух, а ведь не каждый сможет. И в итоге, в районе часов трех ночи мы улетаем пиццу, сидя на безупречных, но мятых простынях Ашера.

Просыпаюсь я от запаха кофе и ласковых объятий мистера Перфоратора.

— Доброе утро, — улыбаюсь я. Ну не сказка ли? Даже блинчиков не состряпал. Учел, называется, пожелания.

— Доброе, — у самого уха шепчет Ашер. — Пора вставать. Уже одиннадцать.

— Сколько?! — аж подпрыгиваю я.

— Именно. Нужно собираться, потому что по воскресеньям мы с сестрой встречаемся за ланчем в ресторане в центре города. А туда еще нужно добраться. Со мной поедешь?

Стоп! Что?! Быстрее из этой кровати он мог выгнать меня только одной фразой: ТУТ ТАРАКАН! Но поскольку в пентхаусе Ашера этих тварей быть не может, приравняем к ним его сестру.

— Ты такая ужасная.

— Прости, но я не готова знакомиться с твоей сестрой, кошкой, собачкой и списком университетских заслуг!

— Но ты хоть еще раз придешь?! — хмурится Ашер.

— Только если купишь хлопья!

После этого Ашер начинает хохотать, а я беру такси до дома Мадлен Клегг, где собираюсь насладиться куриным супом... на завтрак.

А в понедельник я решаю поделиться новостями с Керри, по скайпу, прямо в кафетерии университета. Беру планшет, делаю видеозвонок. И первое, что вижу — макушку Марион, которую Керри пытается усадить смирно. Однако, девчушка видеть меня слишком счастлива и так и лезет своей улыбчивой мордочкой в камеру. Но я не настроена на сантименты. Не сегодня!

— Ашер печет блинчики, — сообщаю я чуть ли не с разбегу.

— Отлично. Хозяйственный мужик, — одобряет Керри. Ну конечно, я говорю, с одного раза Ашер может очаровать кого угодно. Видно, опыт у него колоссальный.

— Ты не поняла. Он печет только блинчики. Только их умеет готовить. То есть он печет их каждый день новой женщине.

— Тебе стоило подарить ему на день рождения кулинарную книгу. Знать бы заранее! — хихикает подруга. — А вообще ты за него не замуж выходишь, можно и блинчики по утрам поесть, лишь бы не готовить, — вздыхает подруга, у которой ртов дома вполне достаточно.

— Я не уверена даже, что хочу с ним встречаться. После Брюса-то сама понимаешь, — бормочу я тихо, чтобы никто не услышал. — А он уже предлагает мне с его сестрой

познакомиться!

— Хм, прыток мистер Блинчики, — хихикает Керри, явно потешаясь над моими кривыми попытками избежать сближения с Ашером. — Джо, не делай поспешных выводов. То, что через твою жизнь прошел дружный строй м*даков не означает, что и Ашер Циммерман такой же. В любом случае, он же чуть ли не официально признанный король Сиднея. Ты расслабься и получай удовольствие ото всего, что он предлагает. Уверена, ты не разочаруешься. К тому же ранить психику такого мужчины твоими обидами на весь их род — преступление, — подмигивает Керри. — Ой... — восклицает она испуганно, а в следующий момент на стол передо мной с грохотом ложится какой-то лист бумаги. Подпрыгиваю и резко оборачиваюсь.

— Счастливого полета, — предельно ядовито рявкает Картер. — Передавай привет Такаши.

А затем разворачивается и быстрым шагом уходит. В кафетерии тихо-тихо. И даже Керри с Марион опасливо притихли. Картер же, наверное, стоял и слушал, а я так увлеклась, что и не заметила, как он подошел. Медленно беру в руки бронь рейса. Сегодня понедельник, а вылетаю я в четверг. В Осаку, как, наверное, вы уже догадались. И на целых две недели.

Глава 14. Ответы

Ашер хлопья купил. Он вообще молодец. Спать с ним — сплошное удовольствие. На ужин — заказанная ресторанный еда и роскошный вид из окон, на завтрак — лучший кофе во всем Сиднее и матрас, с которого вставать по утрам пытка. А еще не забудем упомянуть, что Ашер по утрам разгуливает по своему пентхаусу в одном лишь полотенце. Билеты в первый ряд, пожалуйста. Ради такого зрелища я даже продолжаю отказывать себе в столь полезных утренних пробежках. Вот прилечу из Осаки — вернусь к здоровому образу жизни, а пока берем от жизни все.

— Ты улетаешь завтра?

— К сожалению, — отвечаю я, не отводя глаз от полотенца.

— Пока ты там будешь, тебе стоит свыкнуться с мыслью, что моя сестра — не плотоядный монстр и не обручальное кольцо. К тому же, думаю, вы друг другу понравитесь.

— Ашер, ты серьезно собираешься со мной встречаться? На постоянной основе и без блинчиков?

— Да.

— Почему?

— Расскажу не раньше, чем ты согласишься познакомиться с Селией. Иначе этот разговор вообще лишен смысла.

— Мне нужно идти.

Да-да-да. Сестра Ашера — мой персональный таракан. Но, серьезно, мы с ним начали вроде как спать вместе всего лишь в субботу, а сегодня среда. Зачем мне знакомиться с его сестрой? Мы даже ни на одном свидании не побывали. Фыркаю и пристегиваю ремень безопасности. Нет, я определенно не рассматриваю эти с позволения сказать отношения как нечто серьезное. Король Сиднея и... я. Ну смешно же.

Мне нужно найти Картера, а то после фееричного вручения билета на самолетик я как-

то все побаивалась зайти и спросить о цели своей поездки. Догадываюсь, что Картер бесится. Еще бы. Целовалась с ним, потом уехала к Ашеру, да там, считай, и осталась... Трезвенницей что ли заделаться?

— Мисс Адамс, Картер у себя? — спрашиваю я от дверей приемной.

— Он на собрании проректоров, но оно должно скоро закончиться, у него через час встреча в городе.

— Мне нужно с ним увидеться... — Ну да, дотянула до последнего! — Где, говорите, собрание?

Мне везет, когда я подхожу к конференц-залу, власть имущие мужи как раз выходят из дверей. Фривольно машу им ладошкой. Шон останавливается, не сводя с меня глаз говорит еще несколько фраз седовласому профессору, затем на прощание хлопает его по плечу и идет ко мне.

— Привет, — говорю я, подавляя нервоз. — Я так и не узнала цель поездки в Осаку. Она вообще есть?

Шон оглядывается на конференц-зал, а затем интересуется у застрявших в дверях проректоров:

— Ну вы там долго копаться будете?

А в подчинении у Картера, оказывается, господа очень талантливые! Одним взглядом объяснить кому-либо степень его презренности? Да я просто-таки зеленею от зависти.

— Заходи, — вполне миролюбиво говорит, наконец, Шон и закрывает за нами обоими дверь конференц-зала. Я сглатываю ком в горле. Зачем мы здесь? — Дело в том, что Такаши не просто так не участвует в нынешнем проекте. Мы с ним пишем еще один. И нам нужна твоя помощь.

Оу... а я-то было уже размечталась, что он из-за Ашера... Какая же я дура.

— Что за проект?

— Спросишь у Такаши. И никому ни слова. Понятно, Конелл?

Ох не нравится мне происходящее. Обхватываю себя руками и присаживаюсь на спинку стула.

— Я задал вопрос, — напоминает Картер.

— Во что ты меня втягиваешь? — вместо ответа спрашиваю я.

— Это просто проект.

— О котором ты боишься говорить вне закрытых дверей? — иронично интересуюсь я. — Очень похоже. Картер, скажи мне, что это за проект.

— Что было в пятницу? — вдруг спрашивает он.

— Шон, проект...

— Что было в пятницу? — невозмутимо переспрашивает он.

— Чего ты хочешь? — начинаю раздражаться я.

— Напомнить тебе о том, что было в пятницу.

— Я видела фото, — сухо отвечаю я.

— Ты рассказывала мне о том, как грустно иногда бывает здесь, в Сиднее одной.

— Я напилась, — начинаю я краснеть.

— И о том, что очень злишься на меня из-за яхты Эмилио Юнта.

— Я напилась, но это правда.

— А затем сказала, что понимаешь. Что не тебе с твоими проблемами судить, — обвиняюще тыкает в меня пальцем Шон, подходя ближе. Я сглатываю ком в горле. Все, я точно записываюсь в ряды трезвенников. — И ты меня целовала!

После этих слов я сильнее сжимаю себя руками. Боже мой. Да-да, мне совестно. А Картер, тем временем, делает еще один шаг ко мне, теперь он стоит вплотную, его губы приближаются к моим, стоит чуть вдохнуть, и они сомкнутся.

— А затем ты уехала с Ашером! — почти кричит он. — Какого. Черта?

— Я не могла сама уехать. Я даже не помню этого.

— Зато я помню! Ты уехала. Сама. В этом некого винить.

От этих слов, этой злости в его голосе я буквально повисаю на спинке стула.

— Неважно. Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне. Я хочу снова тебя целовать.

Простота последней фразы пробирает до костей, но ее легкость не отмечает проблемы. А как же Ребекка Йол, как же Эмилио Юнт и все эти интриги? А как же, в конце концов, журнальный столик?

— Я не могу. Ты абсолютно прав: спать с теми, кто для тебя ничего не значит, просто и приятно. Ашер гонит прочь чувство одиночества. А с тобой оно не исчезает. Думаю, мы и эти отношения как... как я и Франсин. То, что ходишь вокруг и жаждешь ласки не означает, что в итоге ее получишь. Шон, ничего у нас не получится. Пусть и хочется безумно...

Не знаю почему, но эти слова становятся последней каплей, и мы бросаемся друг на друга. Целуемся так, будто от этого жизнь зависит. О да, я тоже хочу его целовать. Мое лицо в сильном захвате рук, и оттого больно. Но еще больнее разорвать прикосновение губ, тел...

Мозг точно наркотиком парализован. Я забываю об Ашере, с которым, вроде как, встречаюсь, я забываю обо всем на свете. Кажется, своими губами Шон отобрал мою волю, взял в плен и больше не вернет, и от меня останется лишь пустое тело, подвластное только ему. В данный момент кроме Шона мне ничего не нужно, а главное препятствие — узкая юбка... и то, что Картер вдруг пытается отстраниться.

— Я не идеальный, Джоанна, но извиняться за то, какой есть, не собираюсь. И если однажды ты перестанешь требовать от меня невозможное, то получишь все, что я могу тебе дать. А с Ашером у тебя ничего не выйдет. И очень советую тебе отказаться от этой идеи самостоятельно. Пока не начал действовать я сам, — хрипло шепчет он, а затем резко разворачивается и уходит.

Да, мне определенно есть над чем поразмыслить в Осаке.

В аэропорт я еду в гордом одиночестве, отказавшись от предложения Ашера проводить. Я оказалась меж двух огней и понятия не имею, что мне с этим делать. Шон и Ашер. Каждый хочет, чтобы я переосмыслила собственную жизнь. И мне определенно стоит это сделать, потому что несмотря на то, что я внезапно нашла почти идеального мужчину, завязывать с ним отношения не спешу. Кто в этом виноват? Брюс? Моя неуступчивость? Или все-таки не желающие поддаваться контролю чувства к Шону? Я знаю лишь одно: это ненормально. А Шон... а что Шон? Он не меняется, он точно программная директива #define. Вот он такой, и идите все к черту! А еще это правда — пока я пытаюсь сдвинуть его позицию хоть на дюйм, рискую состариться и отказаться ото всех ожиданий...

Самолет я переносу тяжело. Моя спина может казаться гладкой, точно у младенца, но это всего лишь иллюзия. Она болит и беспокоит меня даже во сне. Я не представляю, как полечу обратно так скоро. Радость одна — Такаши присылает целый лимузин, который везет

меня прямо к нему в гости. Чудеса, да и только. Дом Такаши приятных воспоминаний не оставил и, признаться, все, что я о нем помню — сокрушительный наряд Пани. Но сегодня, выйдя из машины, понимаю, что весь негатив придумала сама. Тут довольно красиво. Не шикарно, как у Манфреда, не аскетично, как у Шона, а ровно на Бабочку Монацелли. Пусть жизнь Такаши и напоминает Санта-Барбару, он не так уж несчастен.

Мы с ним ужинаем традиционными суши, болтаем о ерунде, а когда, наконец, трапеза подходит к концу, Такаши спрашивает:

— Шон хотя бы рассказал вам, что это за проект? — спрашивает Такаши.

— Нет, конечно.

— Тогда у меня очень сложная задача... — вздыхает японец и несколько секунд просто молчит.

— Джоанна, этот проект вообще навряд ли легален... Потому что его задача — интерполировать собранные с электронных паспортов данные и, фактически, дать возможность некоторым инстанциям следить за местоположением человека в каждый момент времени. — И у меня отнимается дар речи.

— А разве этого... не мало?

— Мало. Но есть еще... сотовые телефоны. И GPS. — Боже, Картер неисправим, я его просто ненавижу! — И поэтому нам нужен человек, который знает, как разложить все это по полочкам суперкомпьютера. Шон считает, что это вы.

Чудненько! Теперь меня будут мечтать убить ВСЕ существующие ныне страны. Ничего, вариант с переездом в Антарктиду еще никто не отменял...

— Ты кинул меня в мясорубку, — кричу я на Шона по скайпу.

Он сидит в кресле и пьет, глядя точно на экран. На меня. И выглядит невероятно довольным и спокойным. Мне очень не нравится этот взгляд. Такое впечатление, что я веду себя в точности согласно его коварному замыслу!

— Поверь, нам совершенно ничего не грозит, — совершенно спокойно говорит он. Не понимаю я его уверенности в завтрашнем дне и безоблачном будущем.

— Это как это? — кричу я.

— Этот проект поддержан.

— Но кем?

— Поддержан, — повторяет Шон, не озадачиваясь объяснениями. И поскольку дальше терпеть все это я не могу — просто отключаюсь.

Осака мне нравится, Такаши тоже. Только поэтому я, стиснув зубы, терплю проект, фактически навязанный мне Шоном. С Такаши на удивление приятно работать. Он умеет ставить конкретные задачи, под которые надо адаптировать код. И никогда не повышает голос. Иногда я жалею, что не он наш сеньор Хакер.

На второй неделе пребывания мне удастся познакомиться даже с бывшей женой Такаши. Она очень изящная японка, явно не из простых. И, мне кажется, они все еще любят друг друга, но тем не менее не вместе. Я их понимаю и сочувствую. В этом мире есть причины, по которым люди не могут быть вместе, как бы тяжело порознь ни было. Ну или я опять проецирую.

Ашер мне пишет, а Шон, разумеется, нет. Иногда мне удастся выловить его в скайпе и задать пару вопросов по работе, но я стараюсь с ним общаться как можно меньше, потому что иначе начинаю злиться и обвинять, а это ничуть не помогает. Думаю, у меня начинается

паранойя. Решила сходить по магазинам, протянула уже девушке карточку, но вдруг вспомнила, что это действие могут отследить и решила расплатиться наличными, хотя их у меня, прямо скажем, не так много. Билет на метро тоже купила за наличку. И теперь каждый раз вздрагиваю, проходя мимо камеры в отеле. Потому что Такаши пользуется даже этой информацией...

Отпечатки пальцев легко снимать с сенсорных дисплеев, а также банкоматов и терминалов, а камеры позволяют сопоставлять имена и лица... Боже. В современном мире человеку скрыться попросту нигде. И вечерами я молюсь, чтобы Картер не вытянул этот проект, но это так глупо. Он ведь наш кибербог. Хотя информационные массы, которые он собирает, обрабатывает, потрясают воображение. Это какую же нужно иметь уверенность в собственных силах, чтобы решиться на подобное?!

Я так переживаю из-за того, что узнала, что вспоминаю о наказаниях Шона и Ашера только за день до возвращения из Осаки. И во время перелета все время пытаюсь решиться хоть на одно из предложений. Ведь когда я вернусь домой, с меня потребуют ответ... Ох... домой? Я правда только что назвала Сидней своим домом? Боже мой, видимо, это действительно правда...

Знаете, иногда я думаю, что наша жизнь — как фотография одного и того же здания, только с разных ракурсов. Сравнение странное, я понимаю, но, серьезно, найти что-то новое очень трудно. И это я отнюдь не о хорошем.

— Хм, а ты времени даром не терял, — хмыкаю я, глядя в здоровенную миску, до краев наполненную греческим салатом. Я уже говорила, что Ашер молодец? Пока меня не было, он, видимо, сидел и штудировал кулинарную книгу. Приятно. Так и тянет узнать, что еще он в ней вычитал.

— Нравится? — спрашивает Ашер, глядя на меня с улыбкой.

— Да. Ты мог бы стать поваром, если бы не ленился.

— Не в этой жизни, — фыркает Ашер. — Должность главного перфоратора меня устраивает.

После этих слов я начинаю улыбаться, но быстренько сворачиваю радужный настрой, когда вспоминаю, что сейчас он может затронуть щепетильную тему знакомства с сестрой... Черт. Я все еще не хочу встречаться с этой особой. Но... вдруг раздается звонок входной двери и, видимо, выбора у меня уже нет.

— Ты кого-то ждешь? — спрашиваю я настороженно. Неужели он обманом решил нас познакомить?!

— Сиди здесь, — напряженно отвечает мне Ашер, а сам встает и идет к двери.

Сиди здесь? Это что вообще было?! Я раздраженно сбрасываю с колен салфетку и следую за ним. Из прихожей раздаются голоса. Женский и мужской. Мгновение я медлю, может, действительно сестра? Но потом понимаю, что хватит с меня гаданий если бы да кабы! Я делаю еще несколько шагов по направлению к двери и храбро смотрю на происходящее.

Ну, собственно, особенного там ничего не происходит. Стоят и разговаривают. Она высокая, с каштановыми волосами, в дорогом костюме, он стоит, засунув руки в карманы джинсов... Но это напряжение ни с чем не перепутать. Хоть я и видела такое лишь однажды,

как забыть? Могу жизнь поставить на то, что у Ашера Циммермана есть собственная мисс Каблучки.

И все, что я теперь могу — смотреть на Ашера как на предателя. Хотя я не знаю, нужно ли его обвинять, виноват ли он... В моей голове он уже сравнялся с Шоном. Я снова сижу в компьютерной комнатке и смотрю на чертов экран...

Надо отдать Ашеру должное, он свою подружку выставляет за дверь, а не ведет в дом, но найти ему оправданий я уже не могу. Как там сказала Керри? Через мою жизнь прошел дружный строй м*даков, и веры мужчинам больше никакой. Я смотрю на Ашера, который возвращается в столовую и вдруг понимаю, что тоже хочу быть мисс Каблучки, ну хоть для кого-нибудь. Той страстной роковой любовницей, забыть которую он оказался не в состоянии... И мне даже почти хочется разбить сердце какой-нибудь наивной девятнадцатилетней студентке. Неужели я настолько плоха, что даже этого не заслуживаю?

— Ты на меня так смотришь... — начинает Ашер.

— Я жду.

— Чего ты ждешь?

— Признание.

— Это Мария. Мы учились вместе.

— Вы вместе спали. Не надо преуменьшать, это унижает и ее, и меня.

— Джоанна, — начинает Ашер, и я буквально вижу этот переход от защиты к нападению. — Ты согласна познакомиться с моей сестрой?

— Нет, это Мария согласна.

— Послушай, я не спрашивал, что у тебя там случилось, и подозреваю, что Шон Картер — не тот опыт, который просто вынести, но если ты не готова даже на такую маленькую уступку, как знакомство с дорогим мне человеком, то о каких серьезных отношениях может идти речь?

— Серьезных отношениях? Да твои блинчики...

— Не надо тыкать в меня этими блинчиками. Пока тебя не было, я научился готовить салат. Это моя жертва. Я в достаточной мере терпелив, но ответная уступка просто обязана быть. Прости, но я не вижу смысла привязываться к человеку, который держит меня на расстоянии и не планирует это менять.

— Я не держу тебя... ладно, держу. Просто... ты должен понять, я не маленькая уже, у меня есть определенный багаж ошибок...

— Я старше тебя почти на десять лет. Моих ошибок вдвое больше. И я не прошу покаяться во всех грехах. Я просто хочу, чтобы ты согласилась встретиться с моей сестрой! Потому что для меня это важно.

— И поэтому сюда пришла твоя университетская подружка?

Да, это разговор двух глухих. Каждый гнет свою линию, не в состоянии признать правду: ему нужно больше, чем я могу предложить, а если не могу, то он найдет следующую, но я действительно не могу уступить, потому что не хочу начинать отношения, из которых выйду с новыми шрамами на сердце. Да, гарантии дают только страховые компании, но иногда, так случается, что ты просто не можешь переступить через себя и кинуться в омут с головой снова. И именно по этой причине я забираю свою сумку и говорю:

— Не ту выгнал. Можешь даже не говорить сестре, что не с Марией предлагал познакомиться. Я пойду. Счастья тебе, Ашер.

После этих моих слов он поднимает сцепленные в замок руки и с тяжелым выдохом

закидывает их за голову. Я вижу, что он обижен, знаю, что в груди жжется, но расставание не бывает безболезненным. Я больше никогда не стану подстраиваться под чужие ожидания. Я уже побывала в шкуре замены Пани. Хватит. С меня довольно!

Я уверяю себя, убеждаю, что все хорошо, что я в порядке, что ничего страшного не произошло, ведь я и не собиралась с ним всерьез встречаться... но Ашер меня задел. Именно своей Марией. Именно тем, что не я та женщина, которую пускают на порог, стоит подружке улететь в командировку. И чтобы вернуть себе хотя бы остатки самолюбия, я пытаюсь накрасить ногти красным лаком. Но ничего не выходит. Сначала он неравномерно ложиться, затем смазывается, кусочки ваты прилипают к ногтям, и их никак не убрать... Мою руки, с остервенением очищаю ногти от ваты. Крашу и снова, и снова. И никак не выходит! У меня вообще ничего не выходит! Снова крашу, и снова смазываю, и смазываю, и стираю, и стираю. Я целых три часа сижу над этим занятием, и все никак. Кожа вокруг ногтей теперь кажется больной. Каждый, кто пытался стереть красный лак знает, что он въедается намертво. Теперь я просто обязана ее отчистить, и так усиленно тру, что теперь уже не знаю, лак это или воспаление...

Не только ногти не идеальные. Смотрюсь в зеркало. Корни моих волос за время пребывания в Японии отросли. И я должна их покрасить. Уже ночь, но ведь аптеки работают круглосуточно. Покупаю светлую краску, но моей любимой нет. Уже выхожу на улицу, смотрю на чертов флакончик, а потом, поддавшись порыву, толкаю дверь снова и беру другой бутылек — с цветом, идентичным моему натуральному. С этим значительно проще. Волосы будто только и ждали, что возврата к естественному оттенку. Я все еще не нравлюсь себе шатенкой, но и на свое блондинистое отражение уже смотреть не в состоянии. Наградив себя мрачным взглядом, я перебрасываю блестящие локоны через плечо и прикидываю, не лучше ли их вообще постричь...

А утром я записываюсь на маникюр, где мне приводят ногти в божеский вид. И я опаздываю на работу, но плевать. Если Картер скажет хоть что-нибудь, я ему врежу. Из-за больной спины, из-за Ашера, из-за всего, на что он меня подписал. Это мой условный рефлекс: если кто и виноват, то это Шон. И черта с два я признаю, что необъективна.

Я стою напротив зеркала при входе и стягиваю с себя пятиметровый шарф, замотанный вокруг и шеи, и волос. Он — тоже попытка сменить имидж.

— Док?! — слышу за спиной голос Каддини. Парень в шоке. Он, наверное, даже не подозревал, что я крашу волосы. Не похож он на человека, который заморачивается на подобные вещи. Для него Док — блондинка, которая с садистским наслаждением оглашает коридор цокотом каблуков. Но сегодня я шатенка (ибо в депрессии), без традиционных шпилек (ибо спина болит).

— Угу, это я, — говорю я, основа отворачиваясь к зеркалу. С таким цветом волос я выгляжу еще выше, худее и депрессивнее. Идеальная девушка двадцать первого века. Карьеристка с не сложившейся личной жизнью и прогрессирующим экзистенциальным кризисом.

— Эм, а кофе будешь? — неуверенно спрашивает парень.

— Каддини, то, что я покрасила волосы, никак не отразилось на моих вкусовых пристрастиях. Буду, конечно!

Однако, видимо, для итальянца смена цвета моих волос подобна прилету инопланетян, и пить со мной божественный напиток он отказывается. Ссылается на какие-то дела и убегает. Я где-то слышала, что это нормальная мужская реакция — ему необходимо время

привыкнуть, но сегодня я в настроении проводить его мстительным взглядом... и не засчитать лабораторную работу. Однако, когда прихожу на пару картерианцев, понимаю, что есть более предпочтительный объект для нападков. Флэшбэк, пожалуйста. Я так и не рассказала о том, как мы сосуществуем после яхты с Ребеккой Йол. Так вот эта особа больше в глаза мне не смотрит.

Она как-то странно сутулит плечи и утыкается взглядом в пол. Заговорила со мной всего однажды — поблагодарила за то, что я не созвала дисциплинарный совет. Знала бы она мои истинные мотивы... Я много думала о них с Шоном. То, что она торгует собой не означает, что Картер обошел ее вниманием. Может быть наоборот, так ему даже предпочтительнее... То, что я не знаю природу их отношений, сводит меня с ума куда больше самой горькой правды.

Ребекка сидит около меня и защищается. Она определенно не дура, но параллельное программирование не для нее. От и до шаблон Шона. Пани тоже в моей области полный ноль. Интересно, на их фоне эго Картера еще больше раздувается? Мое, так точно! И я открываю рот, чтобы сказать Йол то, что ей нужно переделать все и быстро, но в этот момент она, точно почувствовав, поднимает на меня свои огромные затравленные глаза, и у меня из легких вышибает воздух. Она придет еще раз. Она будет снова сутулиться и испуганно тарашиться в пол. И отвечать теорию, местами запинаясь и заикаясь. А я буду сидеть и сходить с ума. О нет, я просто не могу. Глядя на нее, я вижу ее в объятиях Шона, и хуже всего, что я помню, насколько она бесстыдно красивая без одежды.

— Иди, — процеживаю я сквозь зубы и ставлю подпись на титульном листе.

И в этот момент заходит Картер. И все мы втроем прямо застываем на месте. Йол каким-то неведомым образом ухитряется стать совершенно невидимой, а мы с Шоном как два идиота просто тарашимся друг на друга. Вместо обид мне в голову лезут воспоминания о поцелуе и том, что он просил меня отказаться от Ашера. Собственно, последний в этом плане очень даже подыграл...

— У меня выросла вторая голова или что? — спрашиваю я, собрав все имеющееся раздражение.

— Вообще-то первая и единственная — своя, — сообщают мне ядовито. — Не обращай внимания, я просто пользуюсь моментом. Вдруг тебе уже завтра придет в голову перекраситься в свой вульгарный блонд снова.

— Ты пришел, чтобы поговорить о моих волосах? — огрызаюсь я.

— Нет. Я пришел за кодами Такаши. Но по случаю такого приятного сюрприза решил... задержаться.

Я пытаюсь повернуться на стуле, чтобы добраться до сумки, но моя спина категорически против. Тяжело опираясь рукой о столешницу, поднимаюсь. Знаю, что Картер прекрасно знает, в чем дело, старательно не смотрю в его сторону. Достая флэшку и отдаю ее Шону.

— Благодарю. Предлагаю сегодня устроить экзаменовку мелких. По-моему, они достаточно поразвлекались с квантовым компьютером, пора их урезонить, пока они Матрицу не написали.

— Договорились, — кисло отвечаю я. — Но с каких это пор они для тебя мелкие, а я

нет? Не приписывай мне лишние полжизни, приравнивая к своей престарелой персоне!

— Ох, Конелл, а я грешным образом подумал, что раз ты достаточно повзрослела, чтобы вернуться к родному цвету волос, то и потерянную в неведомых даях уверенность в себе обрела. Видимо, нет. Какая жалость. Ошибся. Извини, — насмешливо кланяется он.

Его губы кривятся в ядовитой усмешке, и я ловлю себя на том, что тоже сдерживаю смех. Кто бы мог подумать! А когда он уходит, я начинаю откровенно хихикать. Может быть, он и прав? Может быть, так я пытаюсь стать взрослее, серьезнее, смириться с тем, кто я и где мое место?

К квантовому компьютеру прихожу последней. Грейс и Каддини, заикаясь, рассказывают Шону о том, что ухитрились начудить без присмотра «взрослых». Они молодцы, почти связно рассуждают. Под ласковым змеиным взглядом ректора это отнюдь не просто. Стою и подпираю стену, потому что если сяду, то уже без чужой помощи не поднимусь. Я записалась на массаж, не подумайте, но прием только через два дня, до него еще нужно дожить. Очереди никто не отменял.

— Шон, а давай пригласим на семинар Бабочек, пусть послушают этих двоих, — наконец, подаю я голос. — И, если все будет хорошо, отправим на какую-нибудь конференцию с докладами. — Нуууу, например, на ту, которую организую я в обход своего непосредственного начальника...

— Да, это хорошая идея, — кивает Шон, видимо вспоминая наши с Клеггом старые войны за место под солнцем. — Слышали? Сейчас разберемся, что будете докладывать. — Ну да, зачем время-то терять? Хотя, может он и сам собирался предложить, а я просто вовремя вмешалась?

Грейс от предложения немножко зеленеет, а Каддини ликует, радость от встречи с Бабочками затмевает инстинкт самосохранения. Я, например, уверена, что Немаляев будет пытаться доказать всем и каждому, что прав только он, ведь этот зануда даже со мной так поступает, удивительно, что хоть авторитет Шона признает. Куда там студенткам, им просто не выжить. Зато после такого прессинга любая конференция покажется ерундой.

— Садись, — говорит Шон, указывая на стул, соседний со своим. — Обсудим.

— Н-нет, я постою, — пытаюсь я отказаться.

— Садись, — настаивает он. Если бы не студенты, я бы, может, и возразила, но затевать разборки в их присутствии не хочется. С трудом плюхаюсь на студ. Каддини мою пантомиму замечает и чуточку хмурится, но задать вопрос не может, опять же потому что компания неподходящая.

— Как тебе работа с Такаши? — вдруг спрашивает Картер вместо обещанной дележки материалов.

— Если бы не твой персональный сюрприз, было бы лучше, чем прекрасно. Он профессионал во всех смыслах. Понимаю, за что ты его любишь.

— Я его не люблю, — поправляет меня Картер. — Просто мне он нужен. Найти такого же специалиста в сжатые сроки невозможно.

— Приятно знать, что все мы для тебя имеем смысл только в определенный момент времени, — огрызаюсь я.

— Я опустил до того, что сыграл в этом долбаном сицилийском спектакле под названием «я не стану Бабочкой потому что ты козел, Картер». По-твоему я не тебя ценю? — Мои губы сами собой растягиваются в улыбку. — С Такаши то же самое. — Мда, улыбка чахнет. — Так уж случилось, что я понятия не имею, что будет завтра, послезавтра и далее до бесконечности. Сегодня вы с Такаши мне нужны, потому что больше данный проект не потянет никто. А раз так, то выразился я правильно. И не надо искать в моих словах двойное дно.

Говорит все это Картер смертельно серьезно, но некоторые слова и без улыбки звучат приятно.

После такого признания я даже разрешаю ему самолично выбрать темы для докладов студентов, не лезу, не вмешиваюсь. И без меня разберутся, а ровно в девять ноль-ноль Шон встает из-за стола, запахивает пиджак, а потом вдруг протягивает мне руку.

— Поедешь?

И неким странным внутренним чутьем я понимаю, что за этими словами как раз кроется нечто большее. Со стороны кажется, что все просто, но на самом деле этот вопрос значит очень много.

Вот ведь черт, Шона Картера можно любить лишь за то, что он ничего не усложняет. Мои многодневные терзания в его исполнении выливаются в одно, всего лишь одно слово! Мое «слушай, Картер, помнишь когда мы... ну... с тобой в аудитории, ты что-то такое говорил о нас. В общем, вот теперь, когда мы с Ашером, вроде как, разошлись насовсем... не, не подумай, что я только из-за этого, просто... черт, как все сложно, я ведь на самом деле не собиралась с ним всерьез встречаться и блинчики эти, и сестра его... в общем я так подумала, может быть теперь, раз я, вроде как, свободна, да и ты был не против... короче, давай возобновим наш феерический секс?» в его исполнении звучит как «поедешь?». И никаких неудобств.

А потому я вкладываю руку в его ладонь, подхватываю сумочку и невозмутимо прощаюсь со студентами. Это ровно настолько нахально, что они ничего не заподозрят. Им невдомек, как бешено стучит мое сердце и подкашиваются колени. Это знаю лишь я одна.

А Шон... он всегда учил меня тому, что простота — лучший подарок, который мы можем сделать собственным нервам. Он не просит невозможного, и именно поэтому я без возражений сажусь в мазду, не сказав ни слова. Вот только, клянусь, Картер мне соврал, когда говорил, что в его словах двойного дна нет. Он просто знает, что в данный момент мне нужен так же... как ему мы с Такаши. Только аспект совершенно другой.

Глава 15. Марион

Это так странно. Пока Шон что-то делает, я стою на кухне его домика и старательно ввинчиваю штопор в пробку вина. Официальная причина распития алкоголя — мое присоединение к проекту с Такаши. Неофициально... мне просто нужно выпить для храбрости. Не осознавая, что делаю, я тянусь рукой к ящику, где Шон хранит бокалы, и только когда пальцы касаются стекла, до меня доходит, что я помню в этом доме все. Совсем все. Эта определенность и опьяняет, и нервирует. Запаниковать, однако, не успеваю — возвращается Шон. На краткий миг мы встречаемся глазами, но ни одному из нас не приходит в голову нарушить хрупкое понимание словами. Он подходит к холодильнику,

осматривает свои записи, одну выбрасывает и вешает новую.

— Это было задание под номером три тысячи шестьсот восемьдесят девять «заманить красавицу в логово чудища»? — спрашиваю я.

— И откуда ты только такая проницательная взялась? — притворно удивляется Картер.

Усмехаюсь. — Ах, погоди-ка... из Алабамы?

— Не прикидывайся. У меня на заднице напоминание похлеще всех твоих стикеров вместе взятых.

— Да, но дело в том, что я слишком давно ее не видел.

Я качаю головой. Шон неисправим. А я ничуть не удивлена, что в следующий момент его пальцы начинают подбираться именно к упомянутой части моего тела. Блузка медленно скользит вверх, от удовольствия я закрываю глаза, по рукам и позвоночнику ползут предательские мурашки. Штопор забыт, теперь у него одна цель — не дать мне упасть. Но внезапно, вместо того чтобы продолжить процесс избавления меня от лишних тряпок, Картер сильно надавливает пальцами на поясницу. А я вскрикиваю от боли и чуть не роняю бутылку.

Это совсем не то, чего я ожидала.

— Не надо! — шиплю я. Глупо было бы отрицать, что больно, но демонстрировать собственную слабость в мои намерения не входит. А Шон на этом внимание и не акцентирует.

— Давай сюда, — отбирает он у меня вино, без труда вытаскивает пробку, а затем разливает его по бокалам.

— Мы пьем за что-то? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он. — Мы просто пьем.

— Девиз алкоголиков, — фыркаю я, в подробностях вспоминая ночь на Сицилии.

— Допивай, — коротко приказывает мой начальник, и только я это делаю, говорит: — Пойдем.

И мы оба знаем, где закончится это путешествие. Я коротко оглядываю спальню, так, на всякий случай. Вдруг, скажем, розовые тапки синеглазки запримечу... Хотя, о чем это я? Она розовый не носит. Но мое любопытство не остается незамеченным.

— Потеряла кого-то? Не стесняйся, под кроватью посмотри. Или в шкафу, — издевается Картер. — Могу даже помочь в поисках. Ну так как?

— Спасибо, своими силами обойдусь, — кисло отвечаю я, демонстративно шагая к его шкафу, а Шон закатывает глаза и вместо того, чтобы позволить мне начать археологические раскопки в собственной спальне, хватает меня за запястье и тащит к себе, неким чудесным образом прямо на ходу избавляя от одежды.

А затем меня насильственно кладут на кровать (попробуй возрази), причем на живот, и начинают... пытаться. Вот теперь я протестовать пытаюсь, и руки скидываю, и изворачиваюсь, но выходит плохо, потому что спина не позволяет. Спрятанные под обманчиво-гладкой кожей покалеченные мышцы точно в корсет меня затянули, только от настоящего не так больно. А, самое смешное, что мы не кричим и не ругаемся, в темноте раздаются только звуки ударов рук и недовольное сопение.

— Хватит! — наконец, вспоминаю я и о вербальном способе общения тоже. — Не смей трогать мою спину!

— Рот закрой и ложись.

— Это ты со мной сделал! — злобно выплевываю я. — Сначала ты меня искалечил, а потом еще и в Японию отправил!

— Да, а теперь сижу и активно тебе сочувствую. Может, не будешь мне в этом мешать?

А, ну если он так ставит вопрос... Гордость, конечно, против, но иногда нужно действовать и на благо брэнного мира тоже. Например, не пресекать альтруистические порывы в человеке, который наделен властью терроризировать всех земных обитателей вместе и поодиночке. Ладно, уговорили, в некоторых случаях лучшее, что можно сделать: повернуться к такому типу задницей и позволить решать ему.

Чтобы приглушить стоны и крики, накрываю голову подушкой, хотя, кажется, Картер довольно точно определил мой болевой порог, и теперь ходит по самой его грани. Пальцы, безжалостно терзающие спину, напоминают скорее пыточное орудие, и временами мне требуется призвать на помощь всю силу воли, чтобы не вытянуться в струнку или не попросить прекратить. Даже боюсь предположить, сколько проходит времени, прежде чем осознаю, что нажим значительно усилился, а прикосновения приносят больше удовольствия, чем боли. И хотя знаю, что, в общем-то, могла бы уже остановить Картера — просто не могу отказать себе в удовольствии понежиться под его ладонями еще несколько минут. Однако, как всегда это бывает, мой маневр раскрывается махом, и нет, мою спину не оставляют в покое, но массаж становится... ну, другим. На смену боли приходит жар. Подушка мешает дышать, по рукам бегут мурашки, а затем я и вовсе не выдерживаю: разворачиваюсь, сажусь и беру за пуговицы рубашки Шона.

Вот только там, должно быть, какой-то секретный механизм, или я слишком дрожу, но ничего не выходит. Мне не удастся расстегнуть даже две, и так стыдно-стыдно. Наконец, сдаюсь, просто хватаюсь за плечи Картера, тяну его к себе, а он, не будучи несговорчивым, расправляется с мешающим предметом одежды сам. Его тело над моим, и это так привычно, комфортно, знакомо и спокойно. Я никогда этого не понимала, но мы действительно жили в современной интерпретации сказки о красавице и чудовище. Здесь, в этом доме, в этой Сиднейской Вселенной мне угрожал только он, а ото всего остального защищал. Это не полноценная поддержка, и нормального в подобных отношениях тоже мало, но чувство защищенности внутри знакомых стен я пронесла сквозь целых восемь лет. Нигде больше себя так не чувствовала, и, видимо, не авансом называю город, в котором теперь живу, домом.

Скользю ладонями в волосы Шона, притягивая его лицо ближе, заставляю губы соприкоснуться. Он, вроде, не мешает, но и поощрения я не замечаю. К черту, уж кого я могла соблазнить всегда и при любом раскладе, так это его! Фигушки отвертятся! Но, видимо, он и не собирается, потому что срывается как пробка от шампанского, которое здорово встряхнули. Стоило бы испугаться, но, кажется, даже это слишком осознанное действие. В итоге, я просто впиваюсь в его тело и, отчего-то, раз за разом повторяю, что мне мало. Я не понимаю, откуда приходит эта мысль. Я даже не понимаю, чего именно недостает, просто повторяю эти слова, точно мантру. Мало, мне мало... Кожей к коже, так, что ни миллиметра между нами, но все равно не хватает?

Картер тоже не уточняет значения этих слов, то ли интерпретирует их по-своему, то ли, как обычно, игнорирует. Его не сложно понять, навряд ли ему сейчас до слов. Я видела, как он оцарапался рукой о тумбочку, и теперь по ней течет кровь, но не обратил внимание, пока я ее не слизнула. Но даже такое жадное и интимное действие не помогает избавиться от чувства опустошенности, которое мной владеет.

— Мне нужно больше, — шепчу я, изворачиваясь, пока Шон пытается поцеловать мои губы.

— Что? Ты можешь объяснить что? — спрашивает он.

— Нет, — жалобно всхлипываю я.

Знаю, что Картер считает это женскими закидонами, но мне плевать. Спустя столько лет он все равно навряд ли станет искать во мне закованное в броню сердце или железную волю. Перекрасить волосы — для меня уже поступок, достойный звания героя. И, думаю, Шон это понимает, иначе не стал бы уделять этому столько внимания. Хотя... есть у меня на сей счет догадка: в ту самую первую нашу ночь, я тоже была не блондинкой. Может, для него мой цвет волос — символ?

А Картер, тем временем, подбирается губами к моему уху и мстительно шепчет.

— А может быть этого будет достаточно?

И, наконец, входит в меня. Пару мгновений я просто ловлю ртом воздух, изучаю потолок и прислушиваюсь к тяжелому дыханию, обжигаящему ухо, но затем он поднимается надо мной на локтях и заглядывает в глаза. В них я вижу, что в своем окончательном безумии, помешательстве не одинока. Но мне даже этого мало.

— Вставай, — раздается над ухом голос Шона. — В третий раз повторяю!

— Я не могу встать. — Ну да, Джоанна-нытик просыпается раньше разумной моей части. — Слушай, я не для того полночи ублажала собственного начальника, чтобы он не засчитал мне прогул на работе.

— Это еще кто кого ублажал.

— Склонна рассмотреть это как оскорбление! — огрызаюсь я и, опираясь о подушку, с трудом поднимаюсь.

— Массаж понравился? — скромно так напоминают мне о том, что вчера и правда имел место акт самопожертвования.

— Не настолько, чтобы без возражений отправиться на работу! — продолжаю я ворчать.

— Начинай возражать, а я пойду пока кофе выпью. Как закончишь — можешь присоединиться, — сообщают мне, и для профилактики дальнейшего засыпания отбирают одеяло. Чувствую себя... Ашером. Дьявол, если даже мне хватило наглости вышвырнуть из квартиры собственного голого любовника, то уж Шон-то дважды точно не подумает...

Наконец, лениво спускаю ноги с кровати и, вспомнив о вчерашнем разговоре, воровато заглядываю под кровать. Там ни розовых тапок, ни пыли. Даже у меня последней больше! Морщусь и завидую, завидую и одеваюсь. На мне вчерашняя одежда, и я как-то не учла, что это не могут не заметить. Черт. Прихожу на кухню Шона и с абсолютно невозмутимым видом плюхаюсь на стул.

— Ты безжалостная зараза.

— Ну, об этом ты знала и вчера.

— Что на завтрак? Ашер мне, знаешь ли, блинчики пек, — сообщаю я как бы невзначай. Не могу удержаться и не подколоть этим Картера.

— Знакомься, это черный кофе, а в холодильнике портится торт, который ты у меня выпрашивала всю дорогу, а затем благополучно забыла.

О! Какая хорошая новость. Вот только, ну не козел, нет? Получишь все, что я могу тебе дать.

Но даже завтрака не дождешься. Сижу, надувшись, и мстительно ковыряю ложкой торт.

Из самой середины! Ну а что? Весь я не съем, а в центре всего вкуснее. Разумеется, сам Шон такое есть не станет.

— Закажи мне такси, я должна заехать домой, чтобы переодеться, — бормочу я отправляя в рот далеко не такое приятное лакомство, как рассчитывала. Возможно, я чувствую привкус сожалений. Прислушиваюсь к собственным ощущениям, нет, кажется, не оно.

— Зачем тебе домой? — спрашивает Шон.

— Я не собираюсь заявляться в университет в той же одежде, что и вчера, чтобы все знали, где и с кем я провела ночь. Студенты видели, как мы уходили вместе.

— Собираешься устроить тайный секс без обязательств? Может, и правда повзрослела?

— Ну не могу же я сказать Роберту, что снова переспала с человеком, который сделал меня инвалидом.

— А с каких пор Клегг является блюстителем твоей нравственности?

— Просто не собираюсь перечислять всем знакомым причины, по которым с тобой сплю.

— А, ясно, — сухо говорит он. — То есть слов «не твое собачье дело» тебе, как всегда, не хватает.

— Точно. Так ты вызовешь мне такси? Я не знаю номеров...

— В этом нет необходимости. Зайди в свою старую спальню, — говорит Картер, разворачивается, и уходит.

У меня из руки вылетает ложка. Он что, шутит? Прошло четыре года, а он так и не выбросил мои вещи?!

Я открываю дверь спальни, но глазам своим поверить не в состоянии. Все точно так, как было, когда я уехала. Пыль? Да, есть, конечно, но, сдается мне, для четырех лет слой тонковат. То есть Шон сюда заходил, чтобы... прибраться? Да это же полный абсурд! На моей, поправка, некогда моей кровати стоит ноутбук, и, спорю, если я его включу, то увижу наработки для своего дипломного проекта. Чувство, будто я перенеслась во времени... Поворачиваюсь. На полке арсенал косметики и парфюмерии. Нетронутый. Сглатываю и подхожу ближе в надежде даже запахи узнать. Но все не так просто: мое старое лавандовое мыло больше не пахнет — выветрилось за столько лет. Ну хоть что-то идет как надо...

Еще нахожу старый паспорт. Смотрю на фото и понимаю, что там будто и не я. Такая жизнерадостная девушка со смеющимися глазами и губами, которые вот-вот изогнутся в улыбке. Так и не выбрав ничего из одежды, я захлопываю дверь и иду искать Шона.

— Ты больной? — врываюсь я в гостиную, осматриваясь. — Может, мне еще следы собственной крови под диваном поискать?

Он вопросительно выгибает бровь. Краем сознания отмечаю, что столик у него теперь деревянный, а не стеклянный. Да и вообще обстановка изменилась полностью. Только здесь.

— Это не мои вещи.

— Но твой дом. А если бы я не вернулась в Сидней никогда, ты бы до конца жизни хранил этот хлам?

— Не люблю загадывать так надолго, — невозмутимо отвечает он.

— Это ненормально! Меня ты вышвырнуть соизволил, а вещи — нет!

— Я не хотел об этом думать, Джоанна, ясно тебе? А раз не хотел, то и не стал. Мне легче жить так, чем сидеть решать, как правильно было бы поступить с твоими пожитками после всего, что было. Сначала я надеялся, что ты их забереешь сама, а потом, когда я понял, что ты не придешь, просто закрыл дверь и все. Теперь это твоя головная боль. Забирай их к себе. Или оставь тут. Или довези новых и оставайся. Решать тебе!

Я не понимаю его! Я не понимаю этого человека! Сама я сожгла хлам Брюса, как только он ушел. Вычеркнула его навсегда, не собиралась возвращаться к прошлому. А, потому, либо Шон надеялся, что я вернусь (эдак года четыре), либо в некоторых вопросах я куда жестче Картера. После расставания я всегда ставлю жирную точку, а его подружки могут заявиться в любой момент, и не просто заявиться, а приехать и остаться, да причем еще и в старых декорациях.

— Я не перееду, Шон, — тихо говорю я.

— Решать тебе, — повторяет он. — Я просто предложил, чтобы ты знала, что тебе здесь рады.

И только стоя в своей комнате, среди своих старых вещей, я понимаю, насколько сильно изменилась. Вместо юбки-карандаш я носила джинсы и топы со стразами, духи с ароматом ванили кажутся чужими, слишком сладкими, а некогда любимый браслет непривычно тяготит запястье. Как бы это ужасно ни звучало, но такое впечатление, будто девочка, фотография которой сохранилась в старом паспорте, навсегда осталась в этом доме, в этом коконе, из которого вырвалось уже совершенно иное существо. Думаю, и Шон тоже понимает, что изменилось слишком многое. И совершенно не удивляется тому, что я вызываю себе такси, чтобы приехать на работу одна... А также тому, что мы едем ночевать на этот раз ко мне.

Бабочки прибывают на семинар в полном составе, чего я даже не ожидала. Карина, полагаю, ностальгирует, остальным просто дико любопытно, где обитает Его Королевское Величество, ведь в другое время не позовут. Я их уже встретила и проводила, теперь черед встречной делегации.

Захожу в приемную ректора, мисс Адамс отчего-то на месте нет. Так странно. Ну что ж, ладно. Вхожу в кабинет Шона.

— Привет. Почему нет мисс Адамс? — спрашиваю я у своего двукратного начальника.

— Потому что я ее отпустил, — энергично отвечает мне Картер, поднимаясь из кресла.

— Бабочки прибыли. Надо идти.

— Подождут, — сообщают мне с не меньшим энтузиазмом, чем ранее.

Мгновением позже я уже пришилена к двери. Дышать трудно, потому что сразу для двоих кислорода явно маловато. Его губы от страсти приоткрыты, как и мои, в глазах пожар. Но еще с полминуты мы просто стоим, задыхаемся и не касаемся друг друга. Его ладони прижаты к дереву двери по обе стороны от моего лица, и несколько волосков в итоге пострадали, но я слишком увлечена происходящим, чтобы обратить внимание на такую мелочь. А затем одной рукой Картер обхватывает мою шею под подбородком и проводит ладонью вниз, до самого выреза черного пиджака, в котором виднеются кружева топа, купленного ровно по случаю «показать Пани, кто тут главный». Я одета во все черное, но туфли вызывающе красные. Встречайте местную стерву... Сдается мне, на прикид попала не только Пани, и мисс Адамс отпущена домой пораньше не из благодарности за верную службу Цербером у входа в Мир Великого и Ужасного, иначе почему вместо того, чтобы вести семинар, меня настырно раздевают? Но, кажется, красные туфли влияют и на меня

тоже, потому что я совершенно не возражаю.

В общем, пока Грейс и Каддини отпиваются успокоительными под змеиными — ой, пардон, Бабочкиными — взглядами, мы с Картером эгоистично предаемся разврату у него в кабинете, а потом с совершенно каменными физиономиями (будто так и надо!) входим в двери заполненной скучающим народом аудитории и, разумеется, не вместе садимся. Если кто и заметил, что губы у меня слишком красные, а прическа явно пострадала, то пусть засунет свои предположения известно куда. Роберта Клегга я, например, награждаю настолько невозмутимым взглядом, что сама поражаюсь. Теперь главное, чтобы свеженькая стрела на чулке не сползла ниже колена...

Ну а со студентами, думаете, идет гладко? Ха! Как я и боялась, Немалаяев дилетантов не щадит, однако, внезапно выясняется, что у Каддини зубы тоже имеются, и обычно милый воробушек вдруг превращается в свирепого монстра, изрыгающего такие термины, что даже я хлопаю глазами. Ситуация осложняется тем, что и русский, и итальянец говорят с акцентами и половину сказанного друг другом не понимают. Но спору это ни разу не мешает, напротив, недопонимание только крепнет. И когда мне на телефон приходит сообщение, никто даже не оборачивается на звук.

Sean Karter: Почему ты еще не взяла Каддини в Бабочек?

Джо: Шутишь? Он же молокосос.

Sean Karter: *Ты тоже была.*

Джо: И Такаши меня прокатил. Все честно.

Sean Karter: То есть ты мстишь Каддини за свою некогда обиженную персону, прикрываясь мнимой справедливостью? Как это на тебя похоже.

Раздраженно запикиваю телефон в сумку в попытке свернуть неприятную тему, но тем же вечером, у меня в квартире, она всплывает снова. Я как раз заправляю салат соусом, а Картер сидит за столом, ковыряясь в моем ноутбуке. Как ни странно, меня это не раздражает. Если он захочет меня взломать, то все равно это сделает. Так хоть знать буду.

— Ты много общаешься с Каддини, — наконец, просвещает меня Шон.

— Собираешься приказывать мне взять в Бабочки именно его, потому что мы в ответе за тех, кого приручили? — по возможности невозмутимо интересуюсь я. Конечно, я об этом думала. Но есть еще Роберт Клегг... Итальянца Картер и сам возьмет, а вот своего оппонента — никогда.

— Если ты думаешь, что я не догадываюсь о твоих мотивах...

— Если ты думаешь, что можешь меня вынудить...

— Если ты подзабыла, я напомню, что ты всегда, вольно или вынужденно делала все, чего я хотел.

— Я изменилась, — возражаю я.

— Но я нет.

— Я так не думаю, — честно говорю ему я.

— Черт возьми, Конелл, — вздыхает он. — Как после всего, что с тобой случилось, ты ухитрилась остаться настолько наивной?

Но я все равно не верю. Смотрю на его закатанные рукава, по-домашнему расстегнутый ворот рубашки, и сердце замирает. Мы сидим на одной кухне, разговариваем как нормальные люди, и почти не о чем больше мечтать, так почему он уверяет меня, что не

изменился? Внезапно Картер встает со стула и в очередной раз начинает ковыряться в моих ящиках.

— Почему ты не можешь купить хотя бы одну бутылку самого дерьмового виски? — раздраженно бормочет Картер.

— Отстань от меня со своим долбаным алкоголем, — беззлобно огрызаюсь я в ответ. — Хочешь пить — делай это в другом месте и другой компании...

Слова вырываются изо рта сами, и ложка тут же выскальзывает из пальцев следом. Дьявол! Вот вам и эхо прошлого. Сердце стучит гулко и больно, мне безумно страшно, что он развернется и действительно уйдет к этой своей шлюхе (кстати, вопрос о ней не поднимался ни разу). Спорю, испуганный олененок-голубоглазка ему пить не запрещает... От этой мысли брови сходятся на переносице так сильно, что больно, и каждый шаг за спиной отдается гулким эхом в груди.

— Меня бесит твоя кровать, — говорит у самого моего уха Картер, и облегчение накрывает с головой, только вот... ненадолго. — Если в попытке избавиться от призрака недомерка Брюса ты не удержишь в квартире ничего крепче вина, то будь добра избавиться и от реквизитов Ашера тоже. На таких условиях страдать от вынужденной трезвости я согласен.

— Если тебе плохо спится в кровати, где меня имел другой, спешу сообщить, что диван осквернен не был, — резко бросаю я. Понятия не имею, откуда Картеру известно о вещах настолько личных.

— Бежать и запираться в другой комнате при одном лишь упоминании об опасности у нас любишь ты, а я предпочитаю действовать иначе.

Выйдя из душа следующим утром, я плюхаюсь на кровать, чтобы намазать ноги кремом, но та вдруг резко, с грохотом, проседает, а я, визжа, заваливаюсь на бок. Потому что, видимо, один гад подпилит ножки, пока я была в душе. Может, мне все-таки взять Каддини, пока и неудобного Клегга не укоротили на полголовы?

Мой мир прост, планы охватывают одни лишь сутки, никак не дальше. У меня есть любимая работа, на которой я кручусь как белка в колесе, но это приятно. И минимум раз в день я ловлю себя на том, что, закусив губу, с нетерпением жду вечера.

Однако, как известно, ничто не вечно, и в один прекрасный момент идиллия прерывается звонком Керри. Она просит забрать на недельку Марион и поделить ее с Клеггами, потому что сама она вынуждена лечь в больницу, а Лайонелу дай Бог с Джулианом и Кики справиться. Разумеется, я соглашаюсь, хотя и понимаю, что воспринято положительно это быть не может. И, естественно, я не о Клеггах.

Следующим вечером Лайонел привозит мне малышку, но на каждый вопрос о загадочной болезни Керри старательно прячет глаза. Сначала мне становится страшно, но затем, когда я, наконец, понимаю причину, страх трансформируется в холод, и мне уже хочется выставить Лайонела за дверь, спрятаться в спальне и утонуть в слезах и жалости к себе. Потому что Керри ждет ребенка и боится мне об этом сказать.

Набираю номер Шона и прошу его не приезжать. Он ничего не отвечает, просто кладет трубку. Его поведение так напоминает прошлое, что хочется забрать свои слова назад. Неужели я все разрушила? Несколько минут стою, глядя на экран своего телефона, но все-таки не решаюсь сделать новый звонок. Вместо этого иду укладывать Марион спать, а затем долго и прочувствованно поливаю слезами подушку.

Я успеваю заснуть всего на мгновение, звонок в дверь. Я настороженно встаю и иду к двери. Открываю, а на пороге Шон. Становится чуточку неловко: у меня глаза опухли от слез, на голове — воронье гнездо, а ворот старой кофты настолько растянута, что открывает одно плечо.

— И что бы это значило? — интересуется Картер.

От этих слов в горле снова застревают рыдания. Мне так хочется уткнуться носом в его шею, спрятаться там ото всего мира, от взрослой жизни с ее заботами, так хочется раствориться в этих отношениях без остатка... Но я не верю Шону. Он — всего лишь моя воплощенная эротическая фантазия, в другую часть жизни Джоанны Конелл ему доступ закрыт. Я не расскажу о нем ни Робу, ни Керри, потому что и сама знаю — ничего не выйдет. Не после того, что было. Мы можем сколько угодно менять кровати, избавляясь от зарубок, но стереть память невозможно.

— Просто... уезжай, — хрипло говорю я.

— Ты... — начинает Шон, но внезапно застывает и смотрит мне за спину. Оборачиваюсь тоже.

Марион стоит посреди коридора. Ежик светлых волос, выбившихся из косички, розовая кружевная пижамка и здоровый коричневый заяц, которого она носит почему-то за одно ухо, превращают малышку в настоящего ангелочка. Ее огромные, по-детски наивные глазки доверчиво распахнуты, и в них застыл откровенный восторг.

— Керри меня попросила... — зачем-то начинаю я оправдываться, а Шон резко переводит взгляд на меня, а потом просто уходит, хлопнув дверью. Этот звук заставляет вздрогнуть всем телом.

С Марион мы просто родственные души. Она, как и я, любит лаймовый пирог, мультик Рапунцель и Мадлен. Если бы не Клегги, мне пришлось бы очень тяжело, хотя временами они смотрят на малышку так, что сердце разрывается от боли. Резонирующей боли. А потому я бесстыдно вру, что у меня на выходные огромные планы, не позволяя Мадлен привязаться к Марион еще больше, а Роб одними губами шепчет слова благодарности.

Но я переоцениваю собственные силы. С непривычки просидеть с ребенком целый день — то еще удовольствие. Марион нечаянно перебила мне половину посуды, упала и поранила колено, порвав колготки. Долго плакала, причем именно из-за последних. А после перемазала почти всю оставшуюся чистую одежду и, наконец, оторвала ухо любимому зайцу. Керри меня убьет. Ей растить четырех детей сразу не в тягость, а я с одним справиться не могу. Единственный полноценный день, и я готова растянуться на полу, сладко посапывая.

Стоя напротив зеркала, я вспоминаю вопросы, которыми засыпает меня Марион. Почему твои волосы стали другими? Зачем ты столько работаешь? А Кен почему больше не приходит? Разумеется, под Кеном она подразумевает Шона. Она думает, что я Барби, по крайней мере была таковой, пока не покрасилась, и, разумеется, у меня должен быть свой кавалер. Ей не объяснить, что не приходит он из-за нее.

Хотя, это не совсем правда. Следующий свой визит Картер наносит мне именно из-за Марион. Как раз когда я готова отключиться от усталости и выгляжу, опять же, не побоюсь признаться, ужасно.

— Керри не имеет права так поступать, — с порога говорит он, только я успеваю дверь открыть. — Если она решила заделаться племенной кобылой, при чем тут ты?

Первая моя мысль, конечно, захлопнуть дверь перед его носом. И будь на его месте кто-

либо другой, я бы так и поступила, но Картер есть Картер, его проще убить, чем научить вежливости. Ну или я слишком рада его визиту. Не думала, что он еще раз решится заявиться туда, где обитает ребенок.

— Заходи, — вздыхаю я, но желудок делает какой-то сумасшедший кульбит. Ведь Шон пришел. Ко мне. Несмотря на Марион. А Картер, тем временем, без приглашения проходит на кухню. Думаю, он надеется, что там несовершеннолетние до него не доберутся.

— Конелл, у этого ребенка двое родителей, которые прекрасно с ним справляются. И все, что Керри делает — пытается тебя утешить. Облаготворяет, позволяя поиграть в мамочку, потому что у ее подруги детей нет, а у нее самой их перебор. Если она родит еще пятерых, может быть этих сможет отдать тебе с концами, как думаешь, а?

— Ты пришел поунижать меня? — срываюсь я. Да, он прав, сама так думаю, но это не значит, что хочу слышать о своей ущербности снова и снова. Ему не понять. И на поддержку рассчитывать нечего. Наивная, глупенькая Джоанна. Каждый раз на одни и те же грабли!

— Я пришел раскрыть тебе глаза! Взгляни в зеркало, ты серьезно считаешь, что счастливые люди выглядят так? Керри, вообще-то, полагает, что для тебя повозиться с ее отпрысками — праздник. Она не понимает, что такое работа, потому что ни дня в жизни этим не занималась. Ей и в голову не может прийти, что не все мечтают только рожать и растить детей.

И тут до меня доходит, что Картер действительно считает, будто мой предел мечтаний — работать на него и тайком с ним спать.

— Постой-ка, а с чего ты взял, что я не мечтаю о детях? С чего ты взял, что я не завидую Керри? Я уверена, что у меня тоже будет большой дом, любящий муж и уж один ребенок как минимум.

— Эта идея чуть жизни тебе не стоила.

— Но я от нее не откажусь. И, разумеется, буду все успевать. Как Пани.

— Пани? Ты серьезно? Дебильнее примера ты найти не могла, потому что она собственными руками навредила своему ребенку. — Я знаю, знаю ведь, что верить ему нельзя, но не могу зажать уши руками и не слушать. — Ее во время беременности отравили. Случайностей в этой истории нет. А Алекс и не знал, естественно, как было догадаться, что секс ведет к наличию детей. Оба родителя идиоты, а пострадал, как всегда, невинный. Теперь их дочь — живой, дышащий, самостоятельный человек, который расплачивается за то, что его родители оказались недостаточно осмотрительны. Она будет вынуждена страдать всю свою короткую жизнь. Ну и они, конечно, за компанию. А все почему? Потому что Пани тоже не отказалась от ребенка, уверенная, что будет все успевать! — Я раньше не видела, чтобы Картер говорил настолько эмоционально. Он даже жестикулировать начал. Но меня переубедить это не помогло.

— Аборт чреват последствиями, Шон. И не только физическими. Но как бы то ни было. Это не твое дело!

— Она лишила Алекса выбора, это ты понимаешь? — Нет, я не понимаю. В смысле не понимаю, куда свернул разговор. О чем он вообще? В чем он пытается убедить меня теперь?

— Ах вот оно что, — фыркаю. — Уверена, бедняга Алекс ее достаточно любит, чтобы простить. И, может, она ему смысл жизни подарила, которого, порой, твоему приятелю определенно не хватало. Но, как бы то ни было, это все равно НЕ ТВОЕ ГРЕБАННОЕ ДЕЛО!

— Черта с два ему был нужен больной ребенок! Алекс родился с серебряной ложкой во рту, и всю жизнь этим пользовался! Он раз за разом портил собственную жизнь, налаживал

и снова портил, и снова налаживал, и снова портил. Этот человек понятия не имеет что такое день за днем, год за годом следовать за своей мечтой, не сбиваясь с курса.

Я тру переносицу. Не то чтобы мне не нравился Алекс, но я слишком устала, чтобы обсуждать его сейчас.

— И это логично. Он же не машина!

— Бла-бла-бла, Джоанна. Он идиот. Просадил состояние на тщетные попытки достучаться до совести Пани, а затем и вовсе кокаин. И, что самое смешное, он сказал, что делал это ради своей женщины! В жизни ничего глупее не слышал. Что из этого, по его мнению, было нужно ей? А все потому что был не в состоянии предположить, что она уехала в погоне за своей мечтой о лучшей жизни. О том, что нужно было ей совсем другое!

— О! Так мы все-таки еще говорим о моем смешном желании иметь нормальную семью, а не твоей любовнице и ее благоверном? — окончательно выхожу я из себя.

Несколько секунд Шон просто смотрит на меня. И, кажется, борется с желанием придушить на месте. Когда он, наконец, открывает рот, голос звучит спокойно, но сжатые в кулаки пальцы свидетельствуют отнюдь не о равнодушии.

— Я, Джоанна, веду к тому, что дабы не выставить себя полным идиотом, стоит иногда сказать правду. Даже если это такой маразм, как желание отправиться на тот свет в попытке продолжить зашедшую в тупик эволюционную цепочку. — Судя по всему, он за что-то на меня злится, причем сильно...

— Правду?! Какую ты хочешь слышать правду? Я не планирую тайно спать с тобой до глубокой старости, мне этого недостаточно! — И тут до меня доходит, что это не внезапное озарение, что подсознательно я это понимала всегда. — Я хочу детей, уверенности в каждом будущем дне, любви и верности. Как... как у Пани и Алекса, Керри и Лайонела, моих родителей, в конце концов! Да даже Роб с Мадлен, пусть детей у них и нет, лучше, чем мы с тобой! Того, что есть, мне мало. Одного лишь тебя мне мало!

На этом запас сил окончательно исчерпан, и я сдуваюсь подобно воздушному шару, из которого выкачали весь воздух, потому что как бы сильно я не любила Картера, на новые бесперспективные, унижительные, вгоняющие в депрессию отношения я не подпишусь!

Марион строит песчаный замок, а я слежу за ее сосредоточенным перемазанным личиком и пытаюсь убедить себя, что сделала правильный выбор. Я никогда даже не допускала мысли, что у меня не будет детей. И я не соврала, сказав, что одного лишь Шона мне мало. Я всегда хотела от жизни максимум. Стать Бабочкой. Стать любимой женой. Стать лучшей в мире мамой. Если что-то из этого не случится, я буду страдать до конца жизни. Может, не каждый день, но временами точно. В те угнетающие моменты, когда подруги будут рожать детей, а знакомые супружеские пары — обмениваться взглядами, полными любви и преданности. Ну что со мной не так? Вот что? Может, проблемы даже серьезнее, чем я полагала, учитывая то, что мне посчастливилось влюбиться в законченного социопата? Наверное, мое глупое сердце солидарно с еще более глупым телом, и они коллективно противятся идее родить собственного ребенка.

А замок у нас с Марион получается замечательный. У меня они и в детстве выходили на зависть, а теперь и подавно. Старательно слежу, чтобы малышка не замерзла, чтобы ручки ее были теплыми, заставляю ее греть их в шарфике, связанном Мадлен.

Марион из тех детей, которые редко плачут. В этом она в Керри. Не помню, чтобы

подруга редела по пустякам. Должность плаксы года каждый раз доставалась мне. Скорее всего она в сравнении с любимым другим человеком все равно бы досталась мне, но не суть. В общем Марион даже когда падает подходит к поребрику, о который споткнулась, и пинает его. Отличная черта характера, коей я, к несчастью, не обладаю.

И сегодняшний день — прекрасное тому доказательство. По пляжу прямо нам навстречу идет Ашер со своей Марией. Чего я хочу больше всего на свете? Правильно. Пойти и спрятаться, конечно. Но схватить Марион и сбежать быстро, пока никто не заметил, не выйдет. А для откровенного побега у меня слишком много гордости. Остается надеяться лишь на то, что Перфоратору хватит такта сделать вид, будто он меня не заметил. Но мужчины (в большинстве своем) существа бесхитростные. И, следуя этой логике, Ашер направляется напрямик к нам, останавливается в нескольких шагах и смотрит крайне заинтересованно.

— Привет, Джо, — говорит он.

— Привет, — отвечаю я, в то время как Марион улыбается ему, демонстрируя просто убийственные ямочки на щеках. Совсем кроха, а уже такая кокетка, умиляюсь я. Но, оказывается, все это отвлекающий маневр, чтобы, наконец, осуществить мечту и засунуть в рот вымазанный в песке палец. — Марион, не вздумай! — перехватываю ее руку и сажаю к себе на колени. — Ты хоть представляешь, что со мной сделает твоя мама, если ты наешься песка и заболеешь? Никакого тебе Сиднея, понимаешь? Так и будешь тухнуть в своем Ньюкасле!

— Не хочу тухнуть в Ньюкасле, — доверительно сообщает ребенок.

— Правильно. Никто не хочет! — вытираю ее руки влажной салфеткой. Не идеально, но хоть что-то. — Как дела, Ашер? — спрашиваю я, исподтишка рассматривая Марию.

Она весьма симпатичная, но я определенно лучше. Мучить меня годами, подобно Пани, она не будет.

— Ты... покрасила волосы?

— А, да, — нервно пожимаю я плечами.

— Если бы не это, я бы точно решил, ребенок твой, — шутит он. Нет, мужчины не просто бесхитростные, они бесхитростные кретины! Хотя откуда ему знать...

— Благодарю, — выдавливаю я из себя. — Это Марион, дочка Керри. Она просто приехала погостить у своей крестной, да? — улыбаюсь я.

— В Сиинидней, — нараспев сообщает Марион и начинает крутить в руках лопатку для песка, чуть не заезжая в глаз.

— Слышал, ты снова с Картером...

— Была, — признаюсь я, а в глубине души злорадствую. — Но поскольку он понятия не имеет, что можно делать с девушками до восемнадцати, — указываю я на Марион. — Это уже не актуально.

— Жесткие у тебя критерии, — шутит Ашер.

— Не быть придурком? Да уж пожалуй, — язвлю, не сдержавшись.

— Мне холодно! — вдруг жалуется Марион. — Я хочу к Мадлен!

— Мы договорились дать Мадлен отдохнуть.

— ХОЧУ К МАДЛЕН! — И милая детская мордашка превращается в предельно обиженную мину. Вот как тут отказать? Я же ей не мама, чтобы быть строгой.

— Все-все, договорились. Пойдем обедать к Мадлен... снова, — вздыхаю я. Ну да, я

негодяйка. Но после вчерашнего мне простительно. — Ладно, Ашер, приятно было повидаться.

Я не прощаюсь с Марией из принципа. Я уже давно отказалась от мысли быть суперхорошей.

В день, когда уезжает Марион, я сижу и безвольно таращусь в экран своего телефона. На дисплее горит номер Шона, и хотя я знаю, что кнопку вызова нажимать нельзя, хочется безумно. Дабы избежать соблазна, я все-таки звоню. Но не Картеру, а парикмахеру.

Никакая я не шатенка, это же самая что ни на есть ошибка природы. И дело не в пресловутых стандартах красоты. Просто... не то у меня состояние души. Когда я смотрю на свои белые волосы в зеркало, мне комфортно. Когда я смотрю на каштановые — чувствую себя лишенной и обделенной. Уж эту-то радость я могу себе позволить запросто.

И данное решение радует не только меня.

— Ох, слава Богу, — вздыхает Каддини, перехватывая новоявленную блондинистую меня около кофейных автоматов. — Не знаю, Док, что у тебя случилось, но больше так не делай, — указывает он на мою голову.

— Эй-эй, Энрике! — прищуриваюсь я. — Ты что же это, записался в мои имиджмейкеры?

— Ты назвала меня Энрике. — Парень аж передергивается.

— А ты даешь мне личные советы, поэтому либо ты Энрике, либо я сострою такую же тошнотворную мину, как у тебя сейчас.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, а потом начинаем хохотать до слез. Но когда я вижу неподалеку Шона Картера, все веселье исчезает бесследно. Он же просто стоит и смотрит, не пытается подойти или что-то сказать. Для него мои волосы — знак, который воспринят абсолютно верно. Наш разговор изменил все. И поэтому Картер просто разворачивается и уходит. Это больно, но так будет лучше.

Вот только ночью в мою дверь снова стучат. Что ж, на этот раз я хоть более ли менее прилично выгляжу. Не королева красоты, но все же. Пока я иду по коридору, сердце бьется часто, чуть не заходясь от радости. А вдруг Шон передумал, вдруг он скажет мне, что все хорошо, что я все выдумала? Хотя... даже если нет, сегодня я его не выставлю прочь, никто не говорит, что отсрочки не существует. Разрыв можно и отложить. На день. Ну или на ночь. На одну безумную, полную счастья ночь...

С этими мыслями я в радостном предвкушении дергаю на себя дверь... и замираю с отвисшей челюстью, потому что никакой там не Шон. А... А Ашер. Какого черта? Пытаюсь подобрать челюсть с пола, но это не очень-то просто!

— Я могу войти? — спрашивает он и тут же буквально отодвигает меня в сторону, не давая ни малейшего права выбора.

— Угу, проходи, не стесняйся, — язвлю я.

Ашер останавливается напротив меня и резко разворачивается.

— Я знаю, что мой визит крайне неожиданный... — начинает он.

— Да уж пожалуй. В такое время никого, кроме сказочного принца на белом коне, я не жду. Встречи с ним в моих грезах регулярны. А ты нас прервал на самом интересном. — Вру, конечно, ведь я была бы очень не против с Шоном пообщаться... поближе, но, как всегда, приходится довольствоваться Перфораторами и придуманными принцами.

Он улыбается, но мысль не продолжает. И я сама ему подсказываю:

— Три часа ночи, Ашер. Зачем ты пришел ко мне в такое время?

— Мы можем хотя бы присесть? — спрашивает он.

Проходим на кухню. И я, зевая, ставлю кофе. Что бы он ни сказал, чувствую, поспать после этого уже не удастся, хоть мозги разгоню.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Как сварится кофе, можешь начинать, — говорю я, подавляя зевок.

— Боже, в более глупой ситуации я не оказывался, — бормочет он и ерошит пальцами волосы.

Мне нравится его растерянность, она доказывает, что он не станет учить меня жизни, как некоторые. — А Марион здесь?

Я удивлена, что он запомнил имя малышки. Отрицательно качаю головой:

— Керри выписали из больницы, и теперь она сидит со своими крошками сама.

— Понятно. — Ашер не расстроен, но и облегчения я не замечаю. Значит, он детей не шарахается.

В этот момент закипает кофе. И едва я успеваю поставить перед мистером Перфоратором чашку, как он ее залпом опустошает. Эээ... еще по одной? Что вообще происходит? Сама я глотать обжигающую жидкость, точно воду, отказываюсь, но меня, как выясняется, и не собираются торопить...

— Послушай, Джоанна. Я пришел чтобы рассказать тебе то, что обещал обменять на согласие познакомиться с сестрой. — С трудом припоминаю этот разговор. Я вообще мало что помню об Ашере кроме блинчиков, полотенца и настойчивого желания познакомиться с сестрой. — Видишь ли, мне тридцать восемь, и все эти тридцать восемь лет я занимался только одним делом — восторгался собственным многомиллионным банковским счетом. — Потрясенно моргаю. Да уж, признание впечатляет! — Но, надо сказать, все остальные занимались точно тем же самым, а потому мне и в голову не приходило этого не делать. В общем, я не злодей. Просто я люблю свою жизнь такой, какая она есть. Да, я люблю свой банковский счет, свой пентхаус, своих влиятельных друзей. И я люблю мысль о том, что любая женщина, которую я бы желал заполучить, становится моей.

Он что, издевается?

— Ты уверен, что ради этой информации пришел ко мне в три часа ночи? — раздраженно спрашиваю я.

— Ты можешь просто выслушать? — отчаянно восклицает Ашер. Поднимаю ладони, наглядно демонстрируя собственную капитуляцию. — Но это не жизнь, это просто игрушки. Убивает ли меня мысль о том, что я потратил тридцать восемь лет на ничего не значащие глупости? Да, черт возьми. ДА. И я не намерен и впредь этим заниматься. Понимаешь? — спрашивает он, пристально глядя в глаза.

— Нет, — хрипло говорю я в ответ и в попытке вернуть голос делаю глоток кофе. И... зря я это.

— Я собираюсь жениться! — восклицает он так, словно это абсолютно очевидный и логически обоснованный вывод. А я захожусь кашлем, жалея, что не выпила кофе так же, как сам Ашер — залпом. Умру ведь еще, поперхнувшись. Нельзя же так, мистер Перфоратор. Гуманнее надо быть!

— Н-на ком? — наконец, обретаю я голос.

— Не знаю! — Мда, его ответ не менее марзматичен, чем весь этот разговор! — Когда мы с тобой только встретились, я подумал, что у нас что-то может выйти, именно потому что ты не из нашего круга и не дашь мне сойти с рельсов и вернуться к прежнему образу

жизни снова. Но, то ли ты прошла огонь, воду и медные трубы, то ли дело во мне... да я понятия не имею, что сделал неправильно! Мария неплохой человек, но она точно такая же часть прошлого, как и все остальное, с чем я не хочу иметь дела! Но ты меня, фактически, толкнула к ней. Зачем? Ты мне нравилась, пойми. Очень. Я хотел, чтобы у нас все получилось, но ты — нет. Если бы не Мария, ты бы нашла другой способ от меня избавиться, нужно быть слепым, чтобы не заметить столь очевидного факта. С самого первого дня, как мы познакомились, я не переставал задаваться вопросом, способна ли ты вообще на нормальные человеческие отношения. И после твоего ухода я решил, что даже если и так, то не со мной и к черту эту игру в одни ворота.

Но затем я увидел тебя на пляже с Марион, и я начал надеяться, что ошибся. Я начал надеяться, что ты хочешь семьи и детей точно так же, как любой нормальный человек. Как и я. Просто скажи мне, если это не так. Или если ты не хочешь этого со мной... Что было не так? Что тебе помешало? Может быть, что я тебе не сказал о том, чего я хочу на самом деле? Пойми, я предлагаю тебе не блинчики по утрам. Я предлагаю тебе все.

Что-то внутри меня вопит: соглашайся, ни о чем не спрашивай и не говори, просто кивни. Просто дай шанс. Это же самая прекрасная речь, что ты когда-либо слышала. Ты же столько времени именно об этом мечтала. И лучшей кандидатурой мог быть только один мужчина, но это невозможно. Так чего ты ждешь? Скажи да. Скажи ДА. Но еще я знаю, что на лжи далеко не уедешь. Он ничего обо мне не знает...

— Я... я... — Я допиваю кофе, поднимаю голову, и, глядя в глаза Ашеру, наконец, начинаю рассказывать ему о Брюсе, о выкидыше, о реабилитации у Керри и трех малышах, которые вернули меня к жизни. О том, настолько тяжело верить мужчине после того, как от тебя раз за разом отрезают по кусочку... Я даже рассказываю ему о Пани и Картере, за ошибки которых он поплатился.

Мы перестаем разговаривать только когда за окном становится светло. И приходится встать к плите, чтобы хотя бы физически сохранить дистанцию между мной и мужчиной, который слишком стремительно приблизился, но, по сути, остался чужим. Мне нужно время, чтобы окончательно отказаться от Шона. А ему нужно время, чтобы осознать, что я не из светских красавиц с безоблачным прошлым и надуманными проблемами. Но ни один из нас не отказывается от еще одной попытки.

И всю следующую неделю я насильно заставляю себя встречаться с Ашером, проводить с ним каждую свободную минутку, чтобы привыкнуть, чтобы перестать бояться. И это работает. Он не из сложных, закрытых людей. Чтобы его понять, анализировать каждый жест и каждый взгляд, не нужно. Двойного дна в его словах, как правило, нет. И все мои подозрения, как и предсказывала Керри, — скорее пережитки прошлого, от которого можно и нужно избавляться. Ради собственного светлого будущего. Ради маленькой золотоволосой девочки, с которой собираюсь строить замки из песка снова и снова. И я пытаюсь. Настолько отчаянно, что даже соглашаюсь познакомиться с чертовой сестрой Ашера. Наверное, это и есть тот самый шаг, сделав который ты понимаешь, что возврата нет, и все всерьез.

Глава 16. Легендарная сестрица

Как правило, если в моей жизни что-то случается, то я обижена или расстроена, а вот с

полуслова довести меня до состояния бесконтрольной ярости могут немногие! До этого дня я полагала, будто такой человек вообще единственен, и это Шон. Но я ошибалась. Мои волосы развеваются, щеки горят, а зубы рискуют разрушиться (так сильно я их сжимаю). В лифте офиса Бабочек я до боли обхватываю себя руками, таким образом сдерживаю рвущиеся наружу проклятия. Сначала нужно хотя бы в туалете что ли закрыться.

Но не тут-то было. Влетаю я в уборную, а там Пани. И, судя по всему, от нее мое состояние не укрылось. Хм, а что удивляться-то? Я не просто красная от злости, я уже пятнами пошла.

— В чем дело? — настороженно спрашивает Карина.

— В чем дело? — рычу я на нее. А что, вполне себе подходящий объект для срыва злости. — В чем дело?! Я познакомилась с чертовой сестрой Ашера. Да у этой мегеры клыки по пять метров каждый! — взрываюсь я, всплескивая руками. — И в два ряда!

Селия. Циммерман. Штофф. Зеленоглазая брюнетка с безупречным макияжем, безупречной укладкой, безупречным костюмом и безупречным воспитанием. Просто хреново невероятно, насколько тактично эта особа ухитрилась меня опустить по всем пунктам. Она села напротив меня в кафе и объявила, что если я хочу выйти замуж за ее брата, то мне необходимо соответствовать репутации и положению в обществе Ашера. Это означает не выглядеть, как я, не вести себя, как я, не одеваться, как я. Сама она в бриллиантах почище Пани с блестящими темными волосами, на выпрямление которых у нее уходит, спорю, от часа до трех, в костюме от Шанель, а еще она бесшумно ставит чашечку на блюдце. И — только представьте — во всей неповторимо прелестной и обаятельной Джоанне Конелл эта коза одобрила одни лишь только волосы! Спасибо, мисс С**ка! Рада, что хоть что-то!

— Как правило, классные мальчики вырастают под влиянием исключительно тиранических личностей, — философски хмыкает Карина. — Погоди, ты еще с его родителями не знакома, — «утешает» меня эта зараза.

Когда мы возвращаемся в кабинет, я все еще злюсь, а Пани старательно прячет усмешку.

— Ты опоздала с обеда, — буднично рычит Картер, проходя мимо.

— Не ругай ее, у нее стресс. — И все-таки Карину прорывает. — Она познакомилась с сестрой Ашера.

При этих словах происходит невероятное, Шон замирает истуканом, затем оборачивается, и хмыкает:

— Серьезно? Мои соболезнования.

— Что?! А раньше ты предупредить меня, что она демон в юбке, не мог?! — взрываюсь я, догадываясь о причине.

Шон все еще умиленно меня рассматривает. Точнее умиленно пожирает глазами. Такое впечатление, что он не верит в то, что мы с Ашером сошлись всерьез. Будто ждет, когда же я, наконец, вернусь. И, потому, совершенно невозмутимо реагирует.

— О, а слов «на хрена ты связалась с Ашером» тебе было мало? Или мне нужно было составить список всех его недостатков? Там сотни на три дерьма наберется. И, прошу заметить, вездесущая кровососущая Селия Штофф хоть и в десятке, но не в топе!

— И что с ней не так помимо безупречной прически?

— Сотня благотворительных кампаний и негаснущая петарда в заднице считаются? Иди работай, а как закончится рабочий день, можешь зайти ко мне. Я много что тебе расскажу об этой... Селии Штофф.

— Не могу. Вечером я занята. — Почти жалею о своем отказе! И не столько потому что хочу побыть с Шоном наедине, просто Селия... это действительно нечто предельно кошмарное! Но у меня ужин с Ашером, которому я тоже собираюсь высказать все, что думаю о его сестрице. И как же я не догадалась, что если даже совет правления компании Циммерманов использует ее как крайнюю меру воздействия, то мне и подавно в ее обществе делать нечего?

По случаю знакомства с собственной сестрой Ашер ведет меня в ресторан. Думаю, он наивно надеется, что в общественном месте я постесняюсь высказать ему все, что думаю по поводу Селии. Но это он зря. Это у него светское воспитание, а я «вульгарная американка». Иными словами, мне по-джентльменски открывают дверь, отодвигают стул, наливают вино, а я в ответ:

— Твоя сестра — ночной кошмар! — Плюс скрещиваю руки на груди и откидываюсь на спинку стула.

— Не спорю, но ты ей понравилась, — отвечают мне.

— В смысле?

— В смысле если бы ты ей не понравилась, она бы об этом сообщила уже и тебе, и мне.

— Или она надеется, что ты женишься хоть когда-нибудь и уже плевать на ком, ведь сама она уже лет сто как замужем.

— Лет сто, Джоанна? — улыбается Ашер. — Уверю тебя, она младше, чем ты думаешь. К тому же, тебе она понравилась тоже.

— Ты издеваешься? — У меня отнимается дар речи. Seriously? Кому вообще может понравиться такое чудовище?

— Нет, я серьезен как никогда, — продолжает он улыбаться. — И да, Селия — действительно самое жесткое испытание на прочность из всего арсенала семьи Циммерман.

— О, ну спасибо, что предупредил заранее, — огрызаюсь я. А Шон говорит, что не самое, но, наверное, он это для красного словца ввернул. Но как бы то ни было, Ашер заставил меня почувствовать облегчение. Значит, не все так плохо? Это мой настрой смягчает, я даже соглашаюсь продолжить вечер в его пентхаусе.

Я бегаю практически каждый день вот уже три года. Минимум по полчаса. Это не прихоть, я не фанатка здорового образа жизни. Просто врачи предупредили, что стоит перестать держать себя в форме, и проблем со спиной будет больше. Поэтому даже после ночи с Ашером я все равно совершаю утреннюю пробежку. А когда возвращаюсь, первое, что слышу, — голос Селии и в этот миг понимаю, что моя жизнь уже никогда не станет прежней.

Если Ашер уверен, что его сестрица меня обожает, то у него какие-то недоступные моему пониманию критерии. К примеру, раз приказ встречаться с ней за ланчем каждую среду потому что так правильно и шопинг-терапия с целью изменить мой имидж считаются показателями любви, то я не знаю о жизни чего-то серьезного.

Селия Штофф один из лучших декораторов Сиднея. Разумеется, на ее вкус можно полагаться, но меня просто убивает мысль, что она будет подбирать мне платья. Вот только все попытки поспорить проваливаются с треском, и в результате я делаю все, что она говорит. Как и... все остальные люди тоже.

Но, что удивительно, именно благодаря этой женщине я действительно приобщаюсь к семье Циммерманов. Ашер для меня всегда был просто мужчиной, богатым, но оторванным

от реальности. А теперь... теперь он стал частью чего-то большего, частью реальной жизни, его жизни, о которой раньше я не имела ни малейшего представления. Поверить не могу, что Ашер был прав, и связующей ниточкой между мирами действительно явилась Селия. О нет, не подумайте, отношения у нас с ней не улучшились, но нельзя сказать, что общий язык найден не был.

И, как бы ни было смешно, Ашер даже предложение делает мне не без участия Селии. Это происходит на организованном ею благотворительном вечере. Не могу сказать, что мне безумно нравится таскаться среди гостей и улыбаться, но приходится «соответствовать». Ладно-ладно, я просто боюсь. Не хочу каждый раз возвращаться с пробежки и обнаруживать Селию, готовую обрушить тьму нравоучений на мою непокорную голову. Иногда у меня создается впечатление, что она сестра не Ашеру, а мне. Его она достает меньше. Но это лирическое отступление, вернемся к... благотворительности.

Итак, Селия Штофф, в блестящем, черном, строгом, но элегантном платье выходит на сцену и всем доброжелательно улыбается, произносит речь в поддержку детей, больных лейкемией, называет собранную на разработку лекарства сумму (меня она шокирует, но не суть), а затем заявляет, что сейчас слово возьмет ее брат. И вдруг, совершенно неожиданно, Ашер берет скрипку. Я никогда и нигде музыке не училась, но, уверена, играет он более чем посредственно. Вот только не будь он Циммерманом, если б у него не оказалось поддержки камерного оркестра, который подхватывает инициативу незадачливого исполнителя. И только профессиональные музыканты спасают мистера Перфоратора от тяжелого бремени, он под аккомпанемент Вивальди (размах чувствуете?) берет слово и произносит воистину великолепно отрепетированную речь. Уверена, спектакль скорее для газетчиков, нежели для меня, и, признаться, действия Ашера не слишком честны, но, давайте начистоту, меня предупредили сразу, считай, дали контракт, посредством сестрицы провели настоящие переговоры (что носить, что говорить, с кем общаться), и условия, видимо, всех устроили, раз теперь я должна всего лишь поставить свою подпись. Ну а я... выхожу на сцену и делаю то, что должна, а точнее позволяю надеть мне на палец кольцо с бриллиантом настолько огромным, что хочется расхохотаться на месте. Ашер есть Ашер. Его не исправить. Широкие театральные жесты — его конек.

И, знаете, а я ведь рада. Прыгать до потолка не хочется, потому что неожиданностей в этой помолвке нет, но я привыкла и к Ашеру, и к его жизни. Я могла бы жить с ним так же, как сейчас.

— Вы с Ашером должны были посоветоваться по поводу дня свадьбы со мной, — заявляет Селия.

— Это с какой такой радости? — возмущаюсь я в ответ. Может, и так, но я знала, что она никогда не одобрит выбранное мною время, а я хочу именно ноябрь!

— За два месяца свадьбу не подготовить, — хмурится она и заходит со спины, поправляя складки на моем потенциальном свадебном платье.

— Очень даже подготовить, если не рассматривать это как главное культурное мероприятие Сиднея последних лет.

— А придется. Все должно быть на уровне, — невозмутимо говорит Селия.

— Ага, таком же скучном и пресном, как это платье, — глядя на закрытое до горла декольте, говорю я. Серьезно? В принципе, я не имею ничего против, но не когда речь о Селии, которая пытается в сжатые сроки меня перевоспитать.

— Ты шутишь? — звереет Селия. — Это платье мне доставили самолетом из Штатов. Оно от Веры Вонг!

— Вот видишь то платье? — указываю я на манекен. — Оно мое.

— Как из мультика Уолта Диснея? — ехидно спрашивает моя визави, окончательно теряя самообладание. — Да, тебе оно в самый раз.

И я застываю с открытым ртом. Есть у Селии и Шона Картера что-то общее. И именно тогда мой защитный механизм срабатывает.

— А я хочу это платье! Вот! Либо оно, либо никакое вообще! — Проворно подхватываю полы платья, которое стоит не «много», а «столько не заработать», топаю к манекену и вцепляюсь в весьма посредственную тряпку. Красивое, не дешевое, но корсет и кринолин. И, конечно, никакого кружева ручной работы. — Только его нужно покрасить в розовый, а подол спереди укоротить.

Поворачиваюсь к Селии, а она подходит к кулеру, наливает себе стакан воды и выпивает его с таким видом, будто ей нужно срочно успокоиться. Жаль, я бы хотела увидеть ее в гневе. Страшно, но чертовски интересно!

— Чего ты хочешь? — спрашивает Селия, высокомерно задирая голову.

— Чтобы ты уступила. Тебе не сделать из меня леди восемнадцатого века.

Она закатывает глаза, будто более глупого я сказать не могла ничего. Весь ее вид так и кричит: "будто из тебя может выйти хоть что-то путное".

— Так, дайте мне преискурант цветов, а ее переоденьте.

И пока меня переодевают в платье, о котором я еще с детства мечтаю, Селия пытается найти золотую середину между моими капризами и своими высокими требованиями. А когда я предстаю перед ее глазами снова, она вздыхает:

— Что ж... не так ужасно, как я ожидала. Я надеюсь хотя бы на настоящие бриллианты ты согласишься? Или тебе и вместо них стекляшки подавай?

После выбора платья, очередь за букетами и лентами для украшения фамильного особняка Циммерманов. Лилии и фрезии, жемчужные ленты. Тысячи вариантов декораций. Разумеется, для Селии это все понятно и привычно, а у меня голова раскалывается. Занятие весьма скучное, но, как ни странно, скучать-то мне и не дают. Мы спорим по каждому поводу, это доходит до абсурда. Да, я всегда мечтала о пышной свадьбе, но откуда было знать, что мне будут слать имэйлы по ночам с требованиями выбрать рисунок для чехлов на стулья?! Естественно, я схожу с ума.

В общем, это я рассказываю, чтобы вы поняли, насколько масштабную кампанию развернула в отношении свадьбы Селия Штофф. У меня нет ни минутки отдыха. Мне хочется запереться в офисе Бабочек, как в крепости, потому что, как бы то ни было, там на страже огнедышащий дракон, коего побаивается даже сестрица Ашера. Кстати, Картер был неправ. У Селии в заднице не пропеллер, а как минимум вертолетная лопасть!

Кстати, совсем забыла сказать: не знаю, как меня на это ухитрились уговорить, но я иду приглашать Шона на нашу с Ашером помолвку. Стою перед дверью в его кабинет и чувствую себя законченной идиоткой. Если бы я не знала, что уже засветилась на всех камерах коридора, то точно бы сбежала. А так приходится одернуть полы жакета и манерно (Селия бы оценила) постучаться. Ответа нет, но я все равно захожу внутрь.

Шон сидит за столом и смотрит в экран компьютера, даже не обращает на меня

внимания. В последнее время мы вообще мало общались. Потому что у меня ни минутки покоя. Кашляю. Ноль эмоций.

— Картер?

— Ну? — спрашивает он раздраженно и откидывается на спинку стула так, что тот откатывается назад.

— Ты придешь на нашу с Ашером помолвку?

В его глазах на мгновение вспыхивает разочарование, если не презрение. Я жду отповеди или сообщения, что он не идиот, чтобы заниматься подобными глупостями, но нет.

— Естественно, — говорит он и снова с энтузиазмом утыкается в ноутбук. Но у меня-то не все.

Подхожу ближе. — Что-то еще, Джоанна? — он словно наотмашь хлещет меня моим же именем. Я пытаюсь почувствовать сожаление, уверить себя, что наша попытка воссоединения была неправильной, но это ложь. Все было легко и просто, словно так и нужно...

— Мне нужно утвердить план рассадки гостей на свадьбу.

— А, то есть меня уже и на свадьбу пригласили? — хмыкает он.

— Предварительный. Селия настаивает.

— А, ну раз Селия, то возражать не положено, — морщится Картер. — Где сидит Эмилио Юнт? Меня посадите рядом с ним. Кстати, я буду один, если это никого не смутит. — Нет, это-то прекрасно, смущает другое...

— Эм... Эмилио Юнт? — Боже! Его что, действительно позовут?

— Я понимаю, что могу быть приглашенным гостем как со стороны давнего приятеля, так и со стороны давней любовницы, но компания Ашера мне ближе, тем более теперь, когда Селия полностью нейтрализована тобой.

— Хватит язвить. Я даже не уверена, что Эмилио Юнт приглашен...

— А я тебе говорю, что Ашер никогда не откажется от своего покровителя. Даже Селии не удалось его уломать, а тебе и подавно.

— Ты считаешь, что Селия для Ашера имеет большее значение, нежели я?! — Это так оскорбленно по-детски звучит, что хочется хлопнуть себя по лбу, а Шон с явно с трудом сдерживает злую усмешку.

— Когда ты собираешься вывезти вещи из моего дома?

— Ох черт, совсем забыла о них... Времени совсем нет...

— Если очень тяжело, я могу послать их с курьером сам. Ашеру, например. Ты же, вроде, с ним собираешься жить. Могу даже под свадебный подарок замаскировать...

— Картер, хватит, я знаю, что ты против этого брака...

— Удивительно! И с чего бы это? — закатывает он глаза.

— Мне хорошо с Ашером! — восклицаю я.

— Да что ты? — копирует он мои интонации.

— Ты можешь за меня порадоваться?

— Порадоваться тому, что ты решила покончить жизнь самоубийством? Ты уверяешь и себя, и меня, что тебе хорошо с каждым, от которого ты планируешь залететь. Только заканчивается это больницей и передачей полномочий мямле Клеггу. Уже проходили. Но я знаю и кое-что другое: со мной тебе было тоже вовсе не плохо.

— Мое право выбирать как жить! — кричу я в ответ так громко, что сама ужасаюсь. Что случилось? Отчего я так разнервничалась? Не потому ли, что он прав? Какого черта я

пришла сюда, чтобы с ним поговорить? Пригласила, называется, на помолвку.

— Так, дьявол, выбери! Ты никогда не задумывалась, почему я тебе помог на Сицилии? — резко меняет он тему.

— Как всегда! Тебе было это удобно.

— Неправильный ответ. Я помог тебе, потому что тогда ты действительно сделала свой выбор, ты решила бороться до конца, несмотря ни на что. Это было тебе нужно настолько, что ты бы скорее уничтожила и всех вокруг, чем сдалась. И я сделал все, чтобы твое решение было не напрасным! — Я вздрагиваю. Неужели он именно так рассматривает случившееся? — А сейчас ты словно взбесившийся компас, не знаешь куда показывать. Сама не понимаешь, чего хочешь. Никаких ориентиров. Давай же, сделай свой выбор так же уверенно, как о нем кричишь, чтобы и я знал, что мне делать дальше.

Какой выбор? Я его сделала той ночью, когда Ашер сделал мне предложение. Наверное, я всегда буду желать Шона, чуточку мечтать о нем. У нас слишком много прошлого, чтобы вычеркнуть, чтобы забыть. Он научил меня мечтать, он научил меня идти напролом, он научил меня не сдаваться. И это навсегда останется со мной, а потому раз я сделала свой выбор, я мнение не поменяю. У нас ничего не получится, потому что я буду хотеть большего, нежели он.

— Привези мне ключи от дома. Я вывезу вещи в четверг, пока ты будешь на семинаре. Потом верну.

Я отворачиваюсь и иду к выходу. Ну, собственно, я получила ответы на все свои вопросы, и даже больше!

— Трусливая дура, — доносится мне вслед. Говорю же, информации перебор. Но ведь, блин, ужасно обидно!

В четверг я стою в домике Шона. Одна. А сердце обливается кровью. Передо мной открытый чемодан. И так хочется рыдать, но нельзя, потому что, скорее всего, Картер где-нибудь поставил камеру, лишив меня возможности оплакать собственный отказ от мужчины, которого все еще люблю. Разумеется, я уже щедро закусила сие событие мороженым дома, но здесь... здесь кажется, что лет, разделивших нас, не было и тяжело вдвойне. Мерещится, что вот сейчас влетит в дверь Франсин, и я буду выпихивать ее из спальни, тем самым не давая ей залезть на кровать. Или выйду в гостиную и обнаружу там Шона с выпивкой и ноутбуком на журнальном столике. А если он позволит, я сяду к нему на колени и буду целовать, целовать, целовать, пока мы оба не сойдем с ума.

Вздвогнув, бросаю очередную стопку вещей в чемодан. Подхожу к полкам с парфюмерией. Мое лавандовое мыло совсем не пахнет, зачем мне оно? Зачем его забирать? Мыло не пахнет, а тюбик с краской для волос безнадежно засох. Раньше я использовала чуть более темный оттенок, чем сейчас, а это значит, что даже если бы он не засох, толку бы от него не было... но я не должна оставлять здесь ничего, потому что это игра, правила которой задал Картер. Либо ты уходишь насовсем и забираешь о себе даже память, либо ты этого не делаешь и сталкиваешься с последствиями собственного выбора. Я уверена, мне не место ни в доме Шона, ни в спальне Шона. Я должна вернуть ему каждую частичку, которую отняла. И должна вырвать себя из его тела, из его мозга. Чтобы он обо мне не думал, иначе... иначе он найдет способ заставить меня бегать по кругу снова.

Чертов Шон. Мне вот интересно, он что, как синяя борода запрещал женщинам заходить в эту комнату? Но ведь они бы не подчинились, что он им говорил? Или... или не было никого? Эта мысль душит. Или после меня действительно не было ни одной? Нет, я не

верю, что Картер жил монахом, но жил ли он не монахом здесь? Дьявол, я больше не имею права на подобный интерес. Я не должна думать о Шоне Картере. Теперь, я часть семьи Циммерман, и об этом знает весь город. Селия права, есть вещи, которым нужно соответствовать. Есть люди, которым нужно соответствовать. Не могу я позволить себе обмануть Ашера. Даже в мыслях!

Я не говорю Ашеру, что в багажнике у меня чемодан собственных вещей, но и домой не заезжала, чтобы его выгрузить. Я не выдержала бы ни секунды одиночества. Я бы сдалась. А здесь, с ним... есть за что цепляться. И я буду.

Я даже думала отказаться от вечера прощания с Бабочками. Потому что не знала, как после разговора и сбора вещей взгляну в глаза Шону. Но потом поняла, что это будет расценено как слабость, а ее-то мне допускать и нельзя. Поэтому, пораскинув мозгами, я пригласила еще и Грейс с Каддини. Ну а что? Все уже знакомы.

— Я сегодня пью только текилу! — тыкаю я пальцем в Алекса. Он смеется. — Никакой водки. Слышишь?

— Может и слышит, но понимает навряд ли, — меланхолично сообщает мне Шон.

— Он не такой идиот, как ты думаешь, — вступается за мужа Пани.

— А ты давно знаешь, что я думаю? — тут же прилетает ядовитый ответ. Алекс и Карина коротко переглядываются, будто что-то недавно обсуждали, а теперь получили наглядное подтверждение. Я, кажется, даже знаю, что именно. Не мое дело! Не мои проблемы!

— Каддини, проследи, чтобы меня водкой не напоили.

— Будет сделано, Док, — с готовностью выкрикивает парень, заставляя умилиться всех окружающих. Боже, этот мальчишка — ходячий генератор обаяния! Кстати, сегодня, по случаю прощания с Бабочками он причесался, надел рубашку и, оказывается... симпатичный.

Чувствую за него что-то типа родительской гордости. Пока я размышляю о природе происхождения этого странного чувства, передо мной с грохотом приземляется бутылка.

— Текила, — объявляет Немалаяев, будто оно не очевидно. — Все тебе.

Понятия не имею, из вредности он это или из благородных побуждений, но прекрасно понимаю, что если выпью столько окажусь под столом, а у Пани в руках фотоаппарат, между прочим! Она не сможет не заснять такое зрелище. Повезет, если в газеты не разошлет.

Пока я прикидываю масштабы собственных проблем (а-ля пьет ли еще хоть кто-нибудь текилу), наш сеньор Хакер поднимается, чтобы произнести тост. Разумеется, Картер есть Картер, он лаконичен до зубной боли.

— За Бабочек, — объявляет он. И... и все? Но, оказывается, никому их присутствующих не нужно объяснять, как много сокрыто в этих словах. За мечту, за сотни идей, за вдохновение...

Вслед за остальными слизываю соль и залпом опрокидываю стопку, а потом вгрызаюсь в кусочек лайма. По венам распространяется жар алкоголя, щеки краснеют, и проблемы начинают казаться отдаленными, а Алекс приглашает меня потанцевать. Я, разумеется, соглашаюсь в надежде увидеть, как Пани закатывает глаза. И она, естественно, это делает.

Кстати, Алекс не сидел в Сиднее с нами все это время, он просто воспользовался возможностью повидаться со старым другом... дважды. Ну или ревнует, но мне до

лампочки, слышите, мне вообще никакого дела до этого треугольника. А еще просто нравится Алекс. Танцуем, смеемся. Он не понимает меня, я — его. Но разве ж привыкать? Я целых четыре года не понимала Шона, и виной тому был вовсе не обыкновенный языковой барьер.

Но вдруг, посреди третьего, на удивление веселого танца, Алекс наклоняется к моему уху и говорит:

— Ты совершаешь ошибку.

И неким десятым чувством я вдруг понимаю, о чем именно он говорит, и отдергиваюсь назад, но парень подхватывает меня быстрее.

— С Ашером.

— Нет! — восклицаю я громко.

— Глупо отрицать. Вы пара с Шоном, не с ним, — качает он головой, продолжая насилловать собственный английский.

— Я не нуждаюсь в твоих советах! — отчаянно мотаю я головой.

— Все видят, Джо. Даже Картер, этот слепой кретин, понимает.

Расстраиваюсь, конечно, а как иначе? Остаток вечера я собираюсь торчать в собственном телефоне. Меня не радуют ни Бабочки, ни текила. Я никогда и не думала, что Картер не из упрямства так тянет одеяло на себя, что он догадывается. Да, возможно Алекс ошибается, но вдруг нет? Сколько помню этих двоих, они всегда понимали друг друга просто мистическим образом, хотя являлись чуть ли не противоположностями друг друга. Беспечный Алекс и упрямый Картер... Черт возьми.

Однако, в какой-то момент моя голова точно сама собой поднимается, а взгляд устремляется к двери. А там... стоит и расплывается в счастливой улыбке Керри. Я вскакиваю с места, чуть не опрокидывая стул, и бросаюсь к ней, потому что сегодня она мне нужна как никогда. Человек, которому можно все рассказать, не боясь быть неправильно понятой. Ведь именно Керри знает всех моих тараканов по именам, ведь именно Керри не нужно объяснять, по какой такой причине я отказываюсь от Шона Картера, несмотря на уговоры и душевные терзания. Она не допустит, чтобы меня начали терроризировать своими предположениями снова.

Мы обнимаемся не меньше минуты, а потом Керри начинает ерошить пальцами мои волосы.

— Не поняла, ты что, лесенку выстригла?

— Ну да, я так уже делала. Перед Осакой, помнишь?

— Точно! И как забыла такую тучу стенаний? А волосы куда, кстати, дела? Я бы хоть на парик приспособила.

— Не смешно!

— Очень смешно! Хаха. Кстати, а где текила? А ну давай, за нас обеих. Как же в такие моменты я жалею о том, что вечно беременна, — смеется она.

После этого Керри решительно высвобождается из моих объятий и топает к столу, берет стопку и, вздыхая, наливает туда минералку.

— Ну ты посмотри! Никаких радостей жизни, — сообщает она мне, демонстрируя шипящую жидкость.

Как только мы с Керри выпиваем, меня внезапно начинает пробивать на полную чушь.

— Знаешь, это Марион, — произношу я неожиданно даже для себя. — Она подловила Ашера. Я почти завидую тому, с какой легкостью твое дитя цепляет миллиардеров.

Керри начинает хохотать.

— Марион? Seriously? Осторожнее, Джо, ведь мы с крошкой тебя подвинем, кто ж в Австралии не мечтает породниться с чуть ли не королевской семейкой? Кстати сказать, это будет легко и просто, ведь в отличие от некоторых Марион натуральная блондинка, и ей не придется тратить бешеные суммы на подкрашивание корней! — Керри глупо хихикает, и я присоединяюсь, потому что напилась, да и вообще просто счастлива ее видеть.

В этот момент раздается щелчок затвора фотоаппарата, и мы с подружкой дружно поворачиваемся в сторону Пани, даже улыбаемся. Керри мисс Каблочки не любит, но, спорю, Карина ей очень даже интересна. Вон как рассматривает!

— Как ты меня нашла? — наконец, дохожу я до главного.

— Мадлен, — отмахивается подруга. — Так, помнится ты на кого-то из этих парней жаловалась, что он вредный и постоянно тебя достает.

— А, вон. Немалыев, — указываю я в толпу кидающих дротики в дартс.

— А он симпатичный. И все равно такой зануда?

— Это ты его еще трезвым не видела, сейчас он еще ничего.

И Керри расплывается в нахальной улыбке, наблюдая за моими коллегами, которые как раз возвращаются за столик.

— Обожаю заставлять таких парней краснеть до кончиков ушей, — поднимает Керри брови.

— Ты замужем, — напоминаю я.

— Ты что, совсем не пьяная? Давай срочно добрай и прекращай занудствовать. Что это из тебя Циммерманы сделали, Love Mississippi? — Но вдруг отдергивает бутылку от стопки и говорит:

— Так, стоп, срочно сюда телефон, ключи от машины и от квартиры, чтобы я была уверена, что ты без меня никуда не свинтишь. Я же твои замашки на зубок знаю!

— Ты что мне девичник устраиваешь? Халтуришь? — начинаю вредничать я.

— Джоанна. Конелл. Ты что, серьезно думаешь, что твой девичник будет таким скучным?!

Если бы это был девичник, я бы заставила всех здесь присутствующих мужчин раздеться, и... и начала бы с него, — указывает она на Немалыева. Парень аж застывает на месте, а затем... действительно начинает краснеть. — Черт, ну это слишком просто! Компьютерные фрики все так легко смущаются?

— Да, — без обиняков отвечает Каддини. Его честность и открытость заставляют меня улыбаться, а потом в голову приходит идиотская идея.

— Мммм, Керри, мммм, — отчего-то начинаю я мычать и размахивать руками. — К черту Циммерманов, слышишь? Вот! — совершенно неприлично тыкаю пальцем в Каддини. — Вот за кого ты выдашь Марион замуж. Каддини, запиши себе там, где-нибудь, что ты уже обручен.

— Кто такая Марион? — удивленно чешет в затылке парень. Сдается мне, до брака этот парнишка дорастет именно к совершеннолетию дочери Керри! Не очень-то его расстроила перспектива женитьбы, а значит с отношениями совсем глухо.

— Это с какой такой радости? — внезапно начинает возмущаться подруга. О нет, свое чадо она абы кому не отдаст!

— А вот с какой: пока твоя средненькая растёт, этот парень как раз дозреет до захвата места сеньора Хакера и оставит Картера без работы. Уверена, он может. И, кстати, он не такой кретин и социопат. — Ага, мщу за слова Алекса, доказываю, некое «особое отношение» некоторым не более чем померещилось.

— Заметано, — охотно соглашается подруга. А вот у Каддини интересы совсем не семейные.

— Ты правда считаешь, что я стану следующим Картером? — с благоговейным придыханием спрашивает он.

— Каддини, расслабься, вот текила. Хоть денек побудь нормальным человеком.

— Слушай, Конелл, а ты уверена, что эти товарищи студенты? — ядовито интересуется подруга. — Сидят все серьёзные, глядят на нас с осуждением.

— Не переживай. Просто они презирают веселых нас за просто-таки непристойную беспечность, — хмыкаю я, а Каддини и Грейс как-то испуганно переглядываются, будто я их раскусила. Ага, вот оно, значит, как! — Сидят себе и пишут коды, даже я не была такой больной на всю голову.

— Ага, ты такой стала, когда я замуж вышла и уехала. Эх, нельзя тебя бросать, Love Mississippi, пропадёшь ты без меня!

— Тооочно, — роняю я голову на плечо подруге.

— Помнишь то неземное лето? Ты зависала на кафедре Роба, а в выходные мы ехали к Джеку, собирали народ и развлекались на побережье. Серфинг, пляж, текила и наша с тобой комнатка на втором этаже по наружной лестнице. Господи, как я скучаю, Джо! А на следующее лето я уже вышла замуж, а ты окончательно помешалась на своих Бабочках. — На глазах Керри выступают слезы воспоминаний, честные, не пьяные. — Не слишком ли быстро мы повзрослели?

— Нет, Керри, мы повзрослели вовремя.

Обнимаю ее и целую в лоб, так уютно, так знакомо. И кроме этого не хочется ничего, не хочется взрослых проблем. Ее объятия — символ моей юности, и так будет всегда. В полутемном помещении вспыхивает спичка, Алекс прикуривает, но почему-то это очень вписывается и в настроение, и в музыку. Его никто не ругает, потому что нами завладела ностальгия. Алекс с Шоном перекидываются парой коротеньких фраз, а Карина улыбается, значит, они о хорошем. Компания окончательно разбилась по интересам, но все естественно, так всегда бывает.

И в этот сладкий момент в бар врывается Селия. Глаза горят, шаг решительный, на лице — смертельная обида.

— Я тебе сотню раз уже позвонила! — шипит она, тыкая в меня пальцем.

Ох, телефон-то у Керри.

— И что? — огрызаюсь я. Она что, даже на один вечер меня в покое оставить не может?! А после свадьбы, интересно, это закончится, или, напротив, станет хуже?

— Мы пропустили встречу с пекарем! Скоро твоя свадьба, а торт так и не выбран!

— Боже, Селия! — срываюсь я. — Да мне фиолетово, каким будет этот торт! Мои друзья (преувеличила, но не суть) уже завтра разъедутся по всему миру, я хочу просто забыть обо всем остальном до завтра!

— Не я выбирала дату, не я вынудила всех устраивать праздник меньше, чем за два месяца!

— Я никого не вынуждала. Я переживу, если у меня на свадьбе будут розовые, а не

кремовые розы! И мне плевать вензеля или голубки на приглашениях. И плевать, если свадебные декорации не будут смотреться на снимках в режиме сепия!

— Знаю! Только ты забыла, что становишься частью семьи, для которой важны и голубки, и торты, и чтобы платье было выполнено в кружеве ручной работы, потому как каждую мелочь, которую недосмотрим мы, увидят и раскритикуют окружающие! Привыкай к тому, что отныне и впредь тебе нужно нравиться не только себе, но и другим!

— Да это даже у тебя не получается, а ведь ты ради внешнего совершенства скоро спать перестанешь! — рывкаю я в ответ. — Ты же просто монстр, Селия! Очнись, ты не нравишься, тебя боятся. — После этой фразы плечи женщины как-то странно сжимаются, будто я ранила ее не на шутку, даже стыдно становится. — Ты уверена, что это лучше, чем быть «вульгарной американкой»?

— Что?! Да она охренела! — с криком вскакивает Керри. — Так, Селия Штофф, иди отсюда.

Это я подружка невесты, а ты давай следи за добродетельностью брата. С тортами мы как-нибудь и без тебя разберемся.

А вот после этого Селия и вовсе уязвленно вскидывает голову, резко разворачивается и уходит.

— Bravo, Джо, — вдруг начинает театрально аплодировать Картер. — Ты только что испортила отношения с женщиной, которая держит руку на пульсе всей светской жизни Сиднея.

Он был прав. Но я больше не могла выносить эту женщину...

— Телефон, — требую я у Керри и набираю номер своего жениха. — Ашер, какой у нас на свадьбе будет торт?

— Джоанна, час ночи... — сонно говорит он.

— Вот именно! — рычу я. — Тогда почему твоя сестра уверена, что я в час ночи, после полбутылки текилы, должно обладать подобными сведениями? Прошу принять во внимание, что если ты задумал превратить сие мероприятие в коронацию с всенародным гулянием, сам ее и организовывай! А то я что-то не заметила за тобой особого энтузиазма. Такое впечатление, что я выхожу замуж не за тебя, а за твою сестру! Прости, но на последнее я не подписывалась!

— Ладно-ладно, я с ней поговорю... — миролюбиво говорит Ашер.

— НЕТ! Ты придешь, принесешь поводок и будешь ее от меня оттаскивать каждый раз, когда она соберется меня укусить!

— Я же сказал, все улажу, — недовольно бормочет он.

— Ну раз так, спокойной ночи, милый, — сладко пою я в ответ.

В трубке раздается смешок, а потом Ашер отвечает:

— Повеселись, Джо, — и сбрасывает звонок.

Ладно, вынуждена признаться, что просить Ашера участвовать было мерой перестраховочной, потому что в данный момент мы стоим с ним в сторонке и не понимаем, что вообще здесь делаем. Все дело в том, что ситуация... несколько изменилась.

Место проведения военных действий: лучшая Сиднейская кондитерская. Участники противостояния: Селия Штофф и Керри Прескотт. А мы с Ашером всего лишь пытаемся стать как можно менее заметными. Ибо страшно.

— Йогуртовый торт легче. Женщины, как правило следят за фигурой... — сообщает Селия.

— Если ты намекаешь на мою полноту, то виной тому не торт, а муж. — Ашер начинает кашлять, даже рукой закрывает рот, чтобы спрятать улыбку. — Тебе бы тоже попробовать, характер, знаешь ли, улучшает.

— Керри! — восклицаю я, краснея за нас обоих. Ну серьезно, кто-то совсем совесть потерял.

Кстати, лицо Селии тоже заливается краской праведного гнева.

— Ашер, если тебя перестанут принимать в большинстве домов, я точно буду знать причину, — сухо говорит она, выпрямляя спину так, будто ей под лопатки чем-то острым ткнули.

— Не переживай, сестренка, — улыбается Ашер ей. — Не перестанут.

— Хочу много крема и безе! — продолжает гнуть свое Керри.

— И табличку: осторожно, переносной инфаркт! — огрызается Селия.

— Если тебе так неприятно, не смотри, — пожимает плечами Керри. — Закрой каким-нибудь куполом и обходи стороной.

— А что, это мысль... — вдруг загорается Селия. — Может быть выстроить пирамиду, под которой будут различные на вкус кусочки? Джоанна! — Ох уж этот до боли знакомый менторский тон.

— А?

— Ты согласна? — требует Селия.

— Ашер, ты согласен? — требую я.

— Серьезно? — закатывает он глаза. — Да делайте, что хотите.

— Делай, что хочешь, — выдавливаю я кислую улыбку.

В общем, теперь мы работаем именно в таком режиме. Керри доводит Селию до того, что она не в состоянии доставать меня. Идеально. Наверное, только у них двоих во всем мире есть соизмеримое количество нерастраченной энергии.

— Ну что, все? — с надеждой спрашиваю я.

— Завтра встретимся за ланчем, утвердим шаблоны приглашений. Я набросала пять вариантов.

— Селия лихорадочно листает свой блокнот в поисках записей. — И, конечно, план рассадки гостей обсудим.

Подловила. За ланчем не будет ни Ашера, ни Керри. Вздыхаю и смиряюсь. Подруга итак терроризировала Селию уже несколько дней подряд. Как бы ни было мне легко в текущем режиме, долго это не продлится, ведь Керри уедет, а потому уступки необходимы.

В общем, на следующий день мы встречаемся в одном из любимых ресторанов моей будущей родственницы. Я кладу перед ней лист, на котором отмечена уже половина гостей. И, вспоминая слова Шона, спрашиваю.

— Эмилио Юнт будет?

— Знаешь его? — не поднимая глаз от бумаги, спрашивает Селия.

— Видела. Однажды.

— Будет. Таких людей нельзя обходить вниманием.

— Это мерзко! — презрительно кривлю я губы.

Селия вкидывает голову.

— Тогда скажи об этом не мне, а Ашеру! Я тоже от этого человека не в восторге, но брат всегда на его стороне.

— Он же... сутенер!

— Сутенер? — Селия кажется по-настоящему удивленной.

— Ты была на его яхте? Ты видела, что там творится?

— Не была и даже знать не хочу, как там оказалась ты. Он не сутенер. Бери выше. Он завязан, кажется, со всей дрянью, которая творится в этом городе.

— У него работает «жрицей любви» моя студентка. Фамилия Йол тебе не знакома?

— Давай вернемся к плану рассадки, — резко обрывает меня Селия. Но вдруг я понимаю, что ей страшно... и отступаю.

После ланча, нагруженная новой кучей планов и идей, от которых ужасно болит голова, я возвращаюсь в университет. Решаю выпить таблетку, иду в буфет, чтобы попросить воды и встречаю там Шона. Стоит в общей очереди, людей пугает. Вокруг него на расстоянии метра никого. Все жмутся друг к другу, лишь бы только ненароком не коснуться distinguished ректора. Вспоминаю, как шарахалась от него тогда, в его кабинете и, плевав на несчастный хвост очереди, встаю рядом.

— У тебя что, мисс Адамс заболела? — обычно она приносит Картеру все, что бы он не попросил.

— Она занята.

— Экий ты, выходит, заботливый, — хмыкаю я.

— Точно, — кивает Картер.

— Ты был прав, — говорю я сухо.

— Какое неожиданно приятное заявление. Продолжай.

— Про Юнта. Селия доступно мне объяснила, что его будут приглашать даже на день Благодарения.

— Семейная идиллия, а? — хмыкает Картер. — Вечером надо обсудить дальнейшие действия по проекту с Такаши. Жду тебя в офисе Бабочек.

А потом движением руки пропускает меня к прилавку первой. Беру стакан воды и благодарно киваю Картеру, а внутри все дрожит. Я как-то совсем не учла, что когда уедут Бабочки, мы с ним останемся в пустом офисе наедине, и это будет слишком интимно.

Глава

17.

Исчезнувшая

*Sun is red; moon is cracked
Daddy's never coming back
Nothing's ever yours to keep
Close your eyes, go to sleep
If I die before you wake
Don't you cry, don't you weep
Nothing's ever as it seems
Climb the ladder to you dreams
If I die before you wake
Don't you cry, don't you weep*

*Nothing's ever yours to keep
Close your eyes; go to sleep
Tom Waits*

Платье, которое в итоге мне досталось, просто невероятное. Селия может бесить меня сколько угодно, но правда в том, что она выбрала безупречный цвет — не ярко-розовый, не как у жвачки, даже не бледно-розовый, и не нежно-розовый — он кремово-розовый, таким образом я безупречно сольюсь с золотистыми декорациями, которые изначально подбирались под белый наряд. Фасон тоже изменился ровно настолько, чтобы никто не назвал платье дешевкой. Оно точно стекает. Выглядит оно в точности как мечта...

Но, несмотря на то, что все кажется идеальным, наверное, каждая невеста должна задаться вопросом: а не совершаю ли я ошибку? И, может, я бы и пустила этот шаг по периферии, но испуганный вид мамы заставляет задуматься.

— Ты уверена, девочка моя? — так тихонько-тихонько спрашивает она. Прелестно.

— Ма! — отворачиваюсь я от зеркала, чтобы взглянуть непосредственно на нее. — Ты должна сказать, что я поступаю единственно правильным образом и все у меня сложится удачно!

— Если ты в чем-то не уверена, нужно было об этом сообщить пару месяцев назад, — сообщает мне Селия.

А миролюбиво настроенная Керри отмахивается от зануды гроздью винограда:

— Да успокойся ты. Все знают, что Ашер зашибенный. Избалованный, конечно, а еще зазнайка, но уж точно лучший из всех ее дружков. Уж поверь мне.

— Рада, что тебе нравится мой брат, — фыркает Селия, но она заметно польщена. — Итак, раз дошло до сомнений, значит, пора выдвигаться. — И картинно встает из кресла, а затем подходит ко мне, обхватывает лицо руками и, заглядывая в глаза, говорит. — Ты потрясающе выглядишь! — Это настолько непохоже на Селию, что я выгибаю бровь. — Что? Я должна была это сказать. Все, теперь можно идти, лимузин уже ждет.

Мы спускаемся на лифте по очереди — сначала я, чтобы не помять платье, потом остальные. Шофер весь услужливый и улыбчивый, дверь передо мной открывает. Все поциммермански, и ничуть не меньше. Мы решили, что поеду в церковь я одна. Обернувшись, вижу Селию. Она как раз загружает в свою машину необходимые мелочи, а том числе маму и Керри. Ха-ха. Спорю, она в свой ненаглядный блокнот записала и это тоже.

Надо сказать, все отлично. Я выгляжу великолепно, вокруг друзья. Мы с командой подружек невесты проторчали в салоне красоты вчера весь день. Керри болтала и хохотала, Мадлен умилялась и восторгалась, а массажист, тем временем, содрогался от гримасы Аманды Грейс. Да-да, не удивляйтесь, мне просто нужна была третья девушка и... либо Грейс, либо мисс Адамс, либо секретарша нашей кафедры. В общем, я долго думала и решила в пользу Грейс, но, думаю, если бы я упомянула, что для присутствия на моей свадьбе ее заставят выщипывать брови, она бы мне сломала нос. Думаю, девушка из феминисток, но Селии-то по барабану, она как увидела Аманду, сразу выхватила блокнот и, спорю, начала вспоминать всех известных миру специалистов по уходу за кожей, ногтями, волосами и прочее, прочее.

Пока я вспоминаю то, что творится, лимузин останавливается около церкви. Вы думаете вход свободен? Ничего подобного! Зевак невероятное множество. Неужели свадьба Ашера — настолько знаковое событие? Замечая у самых дверей Каддини, я вздыхаю с облегчением. Не

потому что он может врезать кому-либо за меня (Каддини и врезать? Я вас умоляю), просто он хотя бы знакомый и адекватный, не удивляйтесь, это уже дорогого стоит!

— Док, ты потрясающе выглядишь! — восклицает он, едва завидев меня. Это звучит не более натурально, чем у Селии. Закатываю глаза. — Да-да, миссис Штофф попросила меня так сказать, она считает, что тебя должно подбодрить мужское восхищение.

— Селия не умеет выбирать целевую аудиторию. У Роберта получилось бы лучше.

— Охотно бы с ним поменялся, — кивает Каддини.

А меня берет за руку папа.

— Доченька, — улыбается он. — Ты у меня такая взрослая и красивая!

Хм, звучит искренне, но я уже ни в чем не уверена.

— Это тоже Селия попросила? — настороженно спрашиваю я.

— Нет, конечно! — вполне себе искреннее гневается папа.

— Чудесно. Тогда пойдем. Ашер, надеюсь, приехал.

— Да, конечно, — улыбается отец. Ну да, Ашер может, конечно, и опоздать, но не когда это по-настоящему важно.

Внутренние двери церкви закрыты, что позволяет Селии до меня добраться. Она подправляет мою помаду, затем закрывает лицо фатой и, наконец, заставляет перехватить букет более удачно. Для снимков.

— Селия, уйди отсюда. Ей не это нужно! — бедром отталкивает сестру Ашера Керри, а потом бесцеремонно хватает меня за плечи.

— Ты пройдешь по проходу. Смотри только на Ашера, а то увидишь еще свою маму и разрыдаешься упаси Боже. Не вздумай реветь, слышишь? Там кругом фоторепортеры, ты не должна на фото напоминать скунса!

И точно по заказу, мама начинает шмыгать носом и рыдать. Селия, улыбаясь и почти воркуя, подхватывает ее под ручку и в своей манере проскальзывает в зал, утаскивая возмутительницу спокойствия с глаз подальше. А затем весьма недвусмысленно начинает звучать марш Мендельсона. Ну хватит уже трепаться, люди ждут, так и слышу я голос будущей золовки.

По проходу по очереди начинают двигаться Аманда, за ней Мадлен, а после целый корабль в лице беременной Керри. Мое сердце колотится, когда мы с отцом оказываемся перед присутствующими. Я не смотрю в зал, я не могу видеть не маму, а Шона. Я не собираюсь терзать свое сердце. Вместо этого изучаю выражение лица Ашера, вижу радость и обожание, совсем как у Лайонела когда-то. Это придает мне сил и уверенности. Все хорошо, все правильно.

Наконец, папа целует мою руку и передает ее Ашеру, а тот наклоняется к моему уху и шепчет:

— Ты потрясающе выглядишь.

— Селия? — спрашиваю я кисло.

— Угу, — хмыкает он.

В этот момент музыка смолкает, и священник начинает зачитывать свою речь. Мама уже в голос рыдает за моей спиной, слышу, как Мадлен пытается ее успокоить, внезапно мне становится настолько смешно, что я поворачиваюсь к Керри и подмигиваю ей. Она широко улыбается в ответ. Мне речь священника не очень интересна, а вот радость Керри — да... Я

поворачиваюсь к служителю церкви только когда он задает сакраментальный вопрос:

— Согласны ли вы, Ашер Циммерман, взять в жены Джоанну Конелл?

— Да, согласен, — улыбается мой все еще жених и смотрит на меня.

— Согласны ли вы, Джоанна Конелл... — Мое сердце начинает колотиться так, будто готово выпрыгнуть из груди. — Взять в мужа Ашера Циммермана?

— Да, я согласна, — негромко отвечаю я.

Это правильные слова, все правильно и идеально. Однако, не дождавшись вердикта священника, Ашер впивается поцелуем в мои губы. А я его отталкиваю прочь.

— Ашер, это же репетиция!

— Так поцелуй как раз и есть самая важная ее часть! — протестует он. А я начинаю смеяться прежде, чем могу сделать недовольное выражение лица.

— Репетиция окончена, всем спасибо, — хлопает в ладоши Селия. — Будем счастливы видеть вас завтра в то же самое время!

— Тебе не кажется, что это мы будем рады, а не она? — вздыхаю я, глядя на Ашера.

— Поверь, ей роль главной настолько по душе, что вмешиваться даже опасно, — отмахивается мужчина.

Вот только люди не расходятся. Еще бы, столько полезных знакомых в одном месте. Как не поболтать? Не ушел почти никто. Из целых ста пятидесяти человек. Кстати, на торжестве будет больше, просто остальные не будут присутствовать на венчании, ибо церковь не резиновая.

Пока я размышляю о том, как такая орава поместится в особняк Циммерманов, замечаю, что к нам направляются Эмилио Юнт и Шон Картер. Дьявол! Моя кожа покрывается мурашками. Я буквально на расстоянии чувствую вибрации исходящие от этих мужчин. Их взгляды, направленные на глупую фату, которая нацеплена поверх моей неприбранной головы и совсем не подходит к платью в цветочек (ну естественно я не в подвенечном, Ашеру нельзя его видеть!), отнюдь не счастливые. Мы с Селией как-то невольно и по возможности незаметно подвигаемся друг к другу. Наверное, дело в том, что ни одна из нас не любит Эмилио Юнта. Даа, такого полного взаимопонимания мы еще не достигали.

— Ашер, мои искренние поздравления! — восклицает так подчеркнуто счастливо Эмилио Юнт, что об искренности и речи быть не может. — Женитьба — столь серьезный и решительный шаг, наконец-то ты образумился. — Он по-отечески похлопывает Ашера по плечу, а мой нареченный бледнеет прямо на глазах. — И такая удивительна невеста. Очаровательная девушка. Она мне еще в прошлый раз понравилась. — Он поворачивается и смотрит теперь на меня, чуть приподнимаю уголки губ, демонстрируя доброжелательность, хотя в горле застрял ком. Мне мерещится, что у Эмилио Юнта зрачки вытягиваются по вертикали, точно у аллигатора. Боже... я схожу с ума. Этот человек пугает меня до дрожи. — Красавица.

— Рад, что ты одобряешь, — напряженно отвечает Ашер, голос его звучит хрипло.

— Конечно, одобряю! Удивлен, что ты не приводил ее для знакомства сам.

— Я подумал, что раз вы уже знакомы, это лишнее.

— Ах, какая жалость, — подчеркивает Эмилио Юнт последнее слово. — Я бы с радостью еще раз с ней пообщался. И с ней, и тобой ака влюбленными голубками. Или может ты боялся, что я могу быть против вашего брака?

Ашер вымученно смеется. Перевожу взгляд на Шона. Он лишь слегка приподнимает

бровь. Совершенно невозмутим. Какого черта они делают? Зачем Картер притащился сюда, да еще и с Эмилио Юнтом?

— Что происходит? — спрашиваю я у Селии.

— Без понятия, — взволнованно отзывается она.

— Джоанна, — обращается ко мне Эмилио Юнт, заставляя подпрыгнуть, а затем наклоняется к моей руке и целует ее. — С таким приятелем я желаю вам побольше терпения. — И как-то странно улыбается. Приятелем? У меня от этих игр слов скоро мигрень начнется.

Я ничего не понимаю, но глядя в его глаза единственное, что вижу — обнаженную Ребекку Йол. И внезапно желудок сжимается в приступе тошноты, на который я не имею не малейшего права. Ну не буду иметь уже завтра.

Я рано легла спать, чтобы утром встать с ужасным ощущением подвешенности. А вдруг что-то пойдет не так, вдруг что-то сорвется?! Это же МОЯ свадьба. Я же сломаю каблук. Или наступлю на шлейф. Или размажу макияж. Или уроню кольцо. Или упаду в обморок, так и не сказав, что согласна. В общем вы догадались, что я в четыре утра как проснулась, так и бегаю по квартире, хватаясь то за одно, то за другое. Благо, в шесть утра приезжают мои подружки невесты. Все, кроме Керри. Она мне позвонила и, ругаясь на Лайонела так, что у меня уши загорелись, сообщила, что будет позже.

Сразу следом за кочующим девичником приезжают визажист и парикмахер. Они ругаются, мешают друг другу, но пытаются работать вместе, потому что на них волком смотрит Селия Штофф. Мда, я бы тоже мечтала убраться из-под такого обстрела как можно скорее.

— Селия, позвони Керри еще раз, — требую я спустя час. — Мне она нужна! Ну или валерьянка! А лучше вместе!

— Хватит дергаться, — раздраженно говорит она. — Вот этот локон лежит плохо. Переделайте!

Нет, не еще пять шпилек вставьте, она же не еж! Уберите и сделайте снова.

— Прекрати доставать окружающих, мне итак жутко! Ты ведь меня знаешь! Я обязательно упаду, запутавшись в складках платья. И все ногти переломаю. А, может, даже не ногти, а ноги! Или забуду свою речь перед гостями. Или что-нибудь еще...

А мне в ответ:

— Успокойся, мой брат знает насколько ты можешь быть неуклюжей и иллюзий не питает.

Остальной Сидней тоже обязательно об этом узнает рано или поздно, смирись.

— Спасибо, Селия, ты так помогаешь!

— О, смотри-ка, Керри звонит, — поднимает Селия телефон.

— Почему это она звонит тебе?!

— Наверное, чтобы не мешать людям делать свою работу, — многозначительно кивает на мастеров Селия.

Но она не угадала, звонит Лайонел. Он просит забрать детей, потому что у Керри начались схватки и она в больнице. И мне даже пальцы загибать не нужно, чтобы понять: рано. Не критично рано, но все же.

— Я должна к ней поехать! Должна быть с ней. — Я вскакиваю, заставляя «бригаду красоты» испуганно отпрыгнуть.

— С ней же ничего серьезного, она в больнице, врачи запросто остановят

преждевременные роды, понаблюдают пару часов, вот увидишь, она даже на свадьбу успеет, — успокаивает меня Селия, хватая за плечи и заставляя смотреть на себя. — Керри бы не обрадовалась, что бы ты из-за такого пустяка сорвала свадьбу.

И вдруг у Селли появляется очень весомая поддержка:

— Ханна, — шепчет мама. — Ты уверена, девочка моя.

Вот так, без знака вопроса эта фраза просто потрясающая, именно она меня чуточку успокаивает. Наконец, я позволяю мастерам сделать из меня ожившую куклу. И Селия, эта безжалостная стерва, стягивает талию корсетом так, что не вздохнешь. Естественно, все делается только для того, чтобы я была красивой в лучший день своей жизни... правда, я начинаю опасаться, что он же окажется и последним, потому что рискую задохнуться. Но Селии фиолетово, я же выхожу замуж за лучшего из живущих мужчин, я должна соответствовать... дьявольщина, мне бы ее веру!

Наконец, Селия обходит меня кругом, удостоверюсь, что все идеально, а затем останавливается напротив и почти растроганно улыбается.

— Ты прекрасна, — тихо сообщает она.

— Ты должна была это сказать? — подозрительно спрашиваю я.

— Конечно, — пожимает она плечами. — Но ведь это действительно так.

Разумеется, к Селии присоединяется моя мама.

— Ханна, — ахает она, прижимая к груди сомкнутые ладошки. — Ты настоящая невеста!

Комплимент сомнительный, но глядя на трясущиеся от беззвучного смеха плечи Мадлен, я понимаю, что мне не остается ничего более, кроме как принять его и смириться. Мама это мама, для нее я стала взрослой только что, только когда превратилась в... невесту. А то, что я пережила Сицилийскую драму, разрушительные отношения с Шоном, выкидыш и прочее, — не в счет.

Надо отметить, Селия не соврала, и моим нарядом восхищаются все. Когда папа привозит детей Керри, Марион застывает с открытым ртом, а я сглатываю ком из дурных предчувствий.

— Как она, пап? — спрашиваю я.

— Все хорошо, ей нужно еще немного понаблюдаться, а затем Лайонел ее привезет, — ободряюще улыбается папа. — Ох, Джо, тебя только на полку поставить и любоваться!

— Джо! Что это за прозвище такое? Не смей так называть нашу малышку, Джон! — укоряет его мама.

Я улыбаюсь. Они такие забавные! Неужели и мы с Ашером станем на них походить?

— Па, я думаю, тебе лучше отвезти детей в церковь. А мы немного подождем Керри.

— Мы не можем сильно опаздывать, — хмурится Селия.

— Мы всего чуть-чуть подождем, чтобы она точно успела. Если все так хорошо, как ты говоришь, то осталось чуть-чуть. Просто... позвони Лайонелу еще раз и удостоверься, что они приедут. Сделаешь?

— Хорошо, — кивает она и берет в руки телефон.

Пока сестра Ашера разговаривает, мы собираем малышей. Вручаем им коробки с конфетти, я подкрашиваю Марион губки, чтобы она была самой-самой красивой, а потом Селия сообщает, что скоро Лайонел и Керри будут, а значит и нам пора выдвигаться. Сборы кажутся недолгими, но мы все равно опаздываем, примерно на полчаса. Сидя в лимузине я раз за разом повторяю себе, что Керри уже приехала, что с ней все хорошо. Я не буду

настаивать, чтобы она оставалась на целый день рядом со мной, но просто поддержать в церкви, в самый ответственный момент, она должна. Потому что я не смогу выйти замуж, если ее не будет рядом.

Когда я выхожу из лимузина, меня со всех сторон начинают слепить вспышки фотоаппаратов. И если бы не Каддини, не уверена, что добралась бы до входа в целости и сохранности. Только когда мы оказываемся перед закрытыми дверями, удается отдышаться. А студент несколько ошалело меня разглядывает.

— Слушай, хм, Док, ты это... очень классно выглядишь. Клянусь, она не при чем! — указывает на Селию, и я целую его в щеку, потому что ничего не могу с собой поделать.

А после этого, наконец, начинаю оглядываться в поисках Керри... и не нахожу ее. Она так и не приехала. Она так и не смогла вырваться на мою свадьбу.

— Нет, — рычу я в лицо Селии, которая уже готовится что-то сказать. — Без Керри ничего не выйдет! Неужели ты не понимаешь?! — почти кричу я. — Она мой родной человек, самый верный и чудесный друг. Я была на ее свадьбе, и она обязана быть на моей! Никто ее не заменит, никакие уговоры и успокоения!

Я так размахиваю руками, что чуть не роняю букет.

— Ну все, хватит! — восклицает Селия. — Слушай меня внимательно. Мой брат... он стоит там и ждет тебя. Джоанна, он ждет тебя, потому что любит тебя! Он хочет, чтобы ты была с ним. И я хочу, чтобы ты была с ним. Если ты сейчас уйдешь из-за Керри, если ты опозоришь его и себя, возврата не будет. Я не смогу объяснить гостям, что у невесты сдали нервы просто потому что к алтарю ее не проводила лучшая подружка! Так не бывает, понимаешь? Это не компьютерная игра, второй попытки нет. И нет страховочного троса. Тебе все ясно? Керри только вчера сказала, что Ашер замечательный парень, да, сегодня у нее проблемы, но она бы твоей трусости не одобрила! Немедленно взяла себя в руки, нацепила на лицо счастливую улыбку и пошла навстречу моему брату! Во всех смыслах!

Чувствую, с ней согласны и остальные тоже. Натыкаюсь на встревоженный взгляд мамы и скрепя сердце заставляю себя взять папу под локоть. Он улыбается, шепчет, что все будет хорошо, что все мы делаем правильно. Я ему хочу верить, но Керри-то нет. Оглядываюсь на дорогу раз за разом, но такое впечатление, будто даже улица вымерла. Первые аккорды марша Мендельсона уничтожают последние надежды. По проходу сначала идет Марион. Она рассыпает лепестки роз. Вчера этого не было, потому что убирать за нами отказались, да и ребенка решили не гонять туда-сюда, ну споткнется, все переживут, она же совсем кроха. Сейчас, например, я уверена, все тают от умиления. Все, но не я. Потому что взвинчена до предела. Наше убежище покидает Грейс, затем — Мадлен, но Керри, моей Керри нет. Как я без Керри?

Папе приходится потянуть меня за собой, так как сама решиться я не в состоянии. И, что самое парадоксальное, как только я оказываюсь в проходе, первое, за что цепляется мой взгляд — кудрявый затылок Шона Картера. И это неудивительно, ведь все остальные повернулись и с интересом смотрят на меня, но не он. Сидит себе спокойненько, алтарь гипнотизирует, будто так и надо! Именно последняя мысль придает мне сил. Наконец, перевожу взгляд на Ашера. Но он тоже совсем не безмятежен. Все его тело сковано напряжением, которое отчетливо видно и на лице тоже. Это совсем не те эмоции, что было на репетиции! Боже мой! Все идет не так.

Керри, Керри, пожалуйста, приди, сейчас, Керри! Ты мой ангел-хранитель, мой лучший друг! Как ты могла исчезнуть? Ты же знаешь, что я безвольная тряпичная кукла, и только друзья делают меня сколько-нибудь сильной. Пожалуйста, вернись ко мне! Господи, помоги ей. Пусть сейчас, в эту самую минуту она войдет в двери.

Но ничего не происходит. Папа целует мой лоб, а я все еще одна. И надо каким-то образом самостоятельно дойти до Ашера. Он заставляет себя улыбнуться, протягивает руку, но я не хочу за нее браться, потому что он... он будто не рад моему появлению.

Когда священник зачитывает свою до невозможности пафосную речь, я смотрю туда, где должна была стоять подруга, но вместо нее вижу Мадлен, и глаза застилают слезы. Ашер крепко держит меня за руку, будто боится, что я растаю, точно дым, будто понимает, хотя, я уверена, Селия права, и ни одному из них не объяснить, что я бы лучше выгнала их всех, чем выдержала отсутствие Керри. И мне так страшно, я совсем иначе все представляла. Не ту атмосферу, и не тех людей.

Я настолько увлечена своими переживаниями, что не понимаю, что происходит, пока по толпе не проносится шумный выдох. И тут осознаю, что вопрос уже прозвучал. Поворачиваюсь к Ашеру, и он тоже смотрит на меня. Кто должен отвечать? Я или он? И что сказать?

Но проблему решает Ашер. Он открывает рот и вдруг начинает заикаться:

— Я... — выдавливает он, а затем... виновато улыбается. — Я...

О Господи, он что, собирается бросить меня прямо около алтаря, на виду у всей элиты Сиднея? Перепуганное лицо Селии доказывает, что все к тому идет. Но ведь я даже не знаю, что ответила бы, если бы настал мой черед... а теперь от позора меня отделяет одно лишь слово, которое не звучит только потому что сзади раздается громкий топот ног. Окончательно запутавшись и мечтая хоть как-то оттянуть страшный момент, я оборачиваюсь и застываю столбом. О нет, лучше мне совсем не становится. Я уже знаю, что вновь прибывший просто не мог явиться с хорошими вестями. И становится так страшно, что внутри все леденеет.

— Джоанна, врачи не смогли остановить... — хрипло произносит Лайонел. Его руки сжаты в кулаки в карманах брюк, волосы взъерошены, а взгляд какой-то полубезумный.

— Роды? — спрашиваю я, старательно отгоняя все дурные предчувствия.

— Нет. Кровотечение. Она умерла, Джо. Полчаса назад...

Кажется, Лайонел держался только ради этих слов, потому что после он буквально падает на колени, а следом за ним на пол летит мой букет. Кажется, будто мир раскололся, а его обломки один за другим ударяют меня по голове. Толпа шумит, люди вскакивают с мест, а я выдыхаю и больше не могу вдохнуть. Голова кажется пустой и набитой ватой, она кружится от чертова недостатка кислорода, вызванного непонятно чем, то ли корсетом, то ли моим организмом, который не в состоянии принять факт смерти Керри. Я никогда никого не теряла, я даже примерно не представляла, каково это. Кажется, будто все происходящее — злой розыгрыш. Если бы Лайонел не был человеком, который никогда не станет шутить подобным образом, я бы рассмеялась и потребовала бы выставить его вон.

Но несмотря на все терзающее недоверие, мое сердце будто приобрело рот, разинуло его и начало издавать дикий вой, обжигающий каждую клеточку тела. Ощущения невыносимые, непередаваемые. Все тело дрожит, отказываясь подчиниться. Почти не чувствую ног, будто я зависла в пространстве. Вокруг бегают и суетятся люди, а я наблюдаю со стороны, едва фиксируя происходящее. Вижу, как Клегги обнимают малышей Керри, на

лице у Мадлен ужас, смешанный со слезами. Она не в таком, шоке, как я, она может хотя бы двигаться, как и все остальные. Кажется, во всем этом зале мои ощущения разделяет только один человек. Селия стоит по другую руку Ашера и ловит ртом воздух, она бледна, точно привидение, тоже парализована случившемся. Смотрю на нее и понимаю, что не имеет значения, как и когда, но она мне солгала. Именно злость на эту женщину заставляет меня отмереть и начать двигаться дальше. Я срываю чертову фату, бросаюсь к Лайонелу, не обращая внимания на платье, падаю рядом с ним на колени и прижимаю его голову к своей груди. Столь старательно создаваемая мастером прическа разваливается, мои завитые, до тошноты безупречные локоны смешиваются с взъерошенными волосами Лайонела, прилипают к декольте, уже влажному от слез мужчины. И я заставляю себя думать об этом ощущении, о неудобной юбке, о мозоли от новых туфель, я готова сконцентрироваться на чем угодно, только не на своей горечи. Я стараюсь думать о боли Лайонела, потому что своей мне не пережить. Не сейчас.

Люди не знают, что делать, смотрят на нас и заламывают руки. Очень кстати то, что Селия, наконец, обретает над собой контроль и объявляет, что ввиду последних событий свадьба отменяется. Ах-ах, достопочтенная миссис С*чка, что же изменилось с тех пор, как мы сюда приехали? Не то ли, что у твоего брата оказалась кишка тонка?! Подобное лицемерие отвратительно!

Боже, что мы вообще творили еще несколько минут назад?! Какая глупость эта свадьба в сравнении с потерей молодой женщины, которая оставила вдовцом прекрасного мужчину и троих детей. Да на этом фоне в этом мире все пустяк. Прочь такие мысли. Главное сейчас не заплакать, а то я просто не остановлюсь!

Наконец, к нам приближаются Селия и Роберт. Они помогают Лайонелу встать, шепчут ласковые утешающие слова, а меня поднимают мужские руки. Такие надежные и знакомые. И, разумеется, это не Ашер. В приступе лихорадочного поиска опоры и надежности в осыпающемся прямо под ногами мире, я крепко цепляюсь пальцами за лацканы пиджака Шона и утыкаюсь головой в его грудь. Я не могу иначе, я не могу его отпустить. Потому что он знает, сколько она для меня значила. Потому что он знает, насколько сильна была ее поддержка, хотя бы когда мы с ним были вместе и жили вместе. Керри была единственным человеком всей моей жизни, которого он признавал, не препятствовал, не отвергал. Он понимает, ему объяснять не нужно.

— Не дай мне заплакать, пока я ее не увижу, — шепчу я. — Я должна ее увидеть. Почему я прошу об этом Шона? Почему не человека, за которого собиралась замуж? Потому что он, фактически, отверг меня, а теперь и вовсе куда-то исчез? Или случись такое в любой другой ситуации, я все равно не поступила бы иначе? И имеет ли это значение, если Картер остался? Он всегда рядом. Кажется, даже если все вокруг рассыпется в пыль, он останется. И только он, изо всего моего мира.

— Отвези меня в больницу, — прошу я у него.

— Куда? — спрашивает подошедшая Селия.

Поворачиваюсь к ней, но пиджак Шона так и не отпускаю. Уверена, если кто и может пробиться в любое место мира, то это сестра Ашера. Вот и пусть. Сегодня сорвалась моя свадьба, моя подруга мертва. Сегодня мне должен весь мир!

— Я должна увидеть ее! Вы двое, отвезите меня в больницу. К Керри!

И серебристый свадебный лимузин, предназначенный для четы счастливых

новобрачных, везет к больничному моргу брошенную у алтаря невесту, ее бывшего любовника и сестру незадачливого жениха. И компания, и зрелище весьма нетривиальные. Глядя на подобную машину вдали от мест, полных счастья и радости, люди замирают с открытыми ртами. А затем из лимузина, ко всему, выскакивает невеста и с полубезумным видом, подхватив полы платья, мчится вверх по лестнице.

Ворвавшись в больничные помещения, я прямо с порога кричу:

— Керри, где она?! Отвечайте!

И пусть мне скажут, что это ошибка, что Лайонел сошел с ума и все перепутал, пусть успокоят. Или, черт возьми, разбудят. Врачи уже тычут в меня пальцем, намереваясь выставить, но я же с подкреплением.

Шон хватает меня за плечи, не позволяя надеть еще больше глупостей, а Селия переходит в режим «уж мне-то ты точно не откажешь». Она делает несколько шагов к медсестре и по-деловому спрашивает:

— Мы хотели бы видеть Керри Прескотт. Где она?

И на лице у медсестры появляется понимание и сочувствие, отчего мое сердце снова разевает свою отвратительную пасть и начинает свой вой. Хочется свернуться в клубок на полу, прямо тут. И чтобы Шон с Селией были рядом. Чтобы просто не оставляли одну. Я так надеялась, что все это ошибка, но нет...

— Пойдемте со мной, — прерывает мои мучения медсестра и действительно ведет нас в морг...

Она лежит на холодном столе. Она здесь не одна, но остальных я не замечаю. Кажется, будто в ней весь мой мир. Селия и Шон остались за дверью, чтобы не мешать, и я им за это благодарна.

Врачи коротко пересказали, что произошло. Лайонел вел машину, когда у Керри начались схватки, и они сразу поехали в Сиднейскую больницу. Доктора без труда медикаментозно остановили преждевременные роды и настояли на наблюдении. Разумеется, Керри не хотела оставаться, она чувствовала себя хорошо, и уже почти добилась выписки, как вдруг потеряла сознание. Началось кровотечение, ее отправили на операцию, извлекли ребенка, но не спасли ни его, ни мать. Все случилось просто молниеносно быстро и, на первый взгляд, внезапно. Хотя... предпосылки-то были. Беременность не задалась с самого начала, Керри госпитализировали трижды, даже пытались положить на сохранение до самых родов, но упрямая миссис Прескотт лишь отмахивалась: у меня уже трое детей, и никогда ничего не случалось. Вот оно, доказательство того, что все когда-то бывает впервые.

А что до Селии, то эта самоуверенная особа тоже посчитала, что все хорошо. Она не дозвонилась Лайонелу, и чтобы попусту не срывать свадьбу, сказала мне, что все в порядке. Рассказывая мне правду, она была бледна, как полотно. Иронично то, что даже если бы Селия не стала врать, и вместо глупой церкви я бы бросилась в больницу, Керри бы все равно не увидела. Она уже была на операции.

И все, что мне теперь остается — стоять и любоваться красивой высокой прической, которую подруга соорудила на мою свадьбу. Врачи не успели распустить ее волосы перед операцией. Слишком спешили.

— Я люблю тебя, — шепчу я, но не плачу.

Ее глаза закрыты, и я вожу пальчиками по ресницам, пушистым, темным, жестким от туши. На веках остались следы теней, когда-то они были красивы. Бронзовые, Керри всегда

шии теплые оттенки. Она так тщательно готовилась к моей свадьбе. Наряжалась, красилась, крутилась перед зеркалом, спорю, смеялась и целовала Лайонела, который ее торопил, этими самыми губами. Теперь они холодны, как лед.

Вздыхнув, начинаю вынимать из волос Керри шпильки. Ее кудряшки всегда были такими забавными, веселыми. Сейчас весна, они очень к месту. Да и моя свадьба оборвалась, к чему теперь элегантные прически? В корсаже свадебного платья я припрятала крошечную расческу, ведь сумки невестам не положены.

— Знаешь, если бы не ты, Ашер бы бросил меня у алтаря. Он уже почти сказал это. А я даже не знаю, в чем дело. Жаль, что ты мне не можешь ответить на этот вопрос. Хотя, наверное, ты в любом случае не смогла бы. Кто ж разберет этих мужчин? На все один ответ: он козел и не лечится. Как это глупо...

Я так хочу, чтобы она открыла глаза и возразила мне, но она... спит. А что если притвориться, что она в самом деле просто спит? Внезапно мне в голову приходит колыбельная. Единственная, которую я знаю, Тома Уэйтса. И я начинаю петь, петь и вытаскивать шпильки из ее волос. Тихонько, так чтобы слышала только Керри. Ведь я ужасно пою, и весь мой практикум — Бритни Спирс в душе по утрам. Но перед Керри не стыдно, она и раньше меня слышала. К тому же, это только для нее. Я хотела бы сделать для нее намного больше, но все, что теперь могу — распустить волосы. Интересно, что бы она хотела мне сейчас сказать, если бы была жива?

«Эй, Love Mississippi, да ты чокнулась!»

Провожу расческой по волосам, она часто цепляется, застревает в буйных кудрях и изобилии лака.

«Все зубчики этой пластмассовой малявки ты оставишь в моих волосах, зачем тебе это?»

И точно, несколько зубцов ломаются. Терпеливо выбираю их и бросаю прямо на пол.

«Мои волосы не поддаются контролю, если, конечно, их не выпрямить. Давай прекращай заниматься глупостями».

Она выпрямляла волосы, но как только я дала им волю, они снова начали завиваться в кудри, благодарные за избавление от пытки.

Но... я себя обманываю, волосы могут вести себя как угодно, но Керри не станет легче, и еще несколько часов назад она скорее расцарапала бы мне лицо, чем позволила коснуться волос. Она даже в детстве причесывалась исключительно сама, потому что ей было больно. Волосы — ее слабое место. А сейчас она не возмущается. И только тогда по мне ударяет понимание, что она никогда уже не возмутится, не засмеется, не обзовет меня, не скомпрометирует, не поцелует и не станет пить текилу, не позвонит по скайпу, не отпустит пошлый комментарий по поводу моих ног, не наорет из-за Картера... потому что она не спит, и все тщетно.

Керри была стольким сразу, что без нее восстановление системы совершенно невозможно. В сравнении с ней Ашер — полнейшая глупость. Обидно, досадно, но не больно. А после потери Керри меня будто не собрать, отовсюду лезут неразрешимые ошибки. И все разваливается, не вернуть, не склеить...

Мое разбитое, крикливое сердце внезапно обретает настоящий голос, когда из груди вырывается какой-то совершенно душераздирающий вопль, и я как подкошенная падаю на пол, захлебываясь... звуками. Я столько раз рыдала по пустякам, но, кажется, ни разу по-настоящему. То были какие-то эгоистичные мелкие причины. А теперь звуки, которые эхом

отражаются от стен морга просто не могут быть исторгнуты из человеческих уст. Воздуха не хватает из-за этого корсета, который, наконец-то сделал меня такой же красивой, как Пани. Что за чушь?! Зачем мне это было нужно?! Распахивается дверь, внутрь врываются Селия, Шон и врачи, а я отбиваюсь и выкрикиваю в их адрес такие гадкие слова, каких в жизни не произносила, и это притом, что арсенал знакомых мне ругательств благодаря Картеру сильно пополнился. Я не позволю разлучить нас с Керри! Я останусь здесь, я вцеплюсь в свою подругу и больше не отпущу, чтобы ничего не случилось ни с ней, ни со мной. Пока она находилась рядом, у меня всегда был ориентир, а теперь я в открытом море и без компаса. Изменилось все. Я не знаю, как жить без нее!

Но сколько бы я не боролась, против транквилизаторов бессильна. Прежде чем окончательно отключиться, я вижу Керри. Ее смеющееся лицо, и бикини ядовитых расцветок, и блестящие на солнце кудряшки. Я даже чувствую ее запах, смешавшийся со свежестью морского бриза. Боже, лучше бы мне не просыпаться. Потому что когда я очнусь, останется только топтать ногами, обвинять ветер и кричать о несправедливости жизни... а об этом итак уже все знают, мне никого не удивить.

Я просыпаюсь в палате. От платья избавлена и переодета в обычную одежду. Хорошая новость — в больнице меня не оставят, плохая — мне ничего не приснилось.

— Я достала эту одежду из чемодана, с которым ты собиралась лететь на курорт, — устало говорит Селия, зачехляя телефон. Ну конечно, думаю, ей надо вшить в ухо чертов передатчик, чтобы экономить время, а то доставать мобильный каждые три минуты — адская мука, наверное. Я так зла на нее. И не за то, что она мне солгала, остальные люди вызывают те же чувства. Одна лишь мысль о том, что у других, у всех, кроме Лайонела и малышей, дела идут прекрасно, приводит меня в бешенство.

— Что, неужели Ашер объявился? — ядовито спрашиваю я.

— Нет.

— Тогда зачем ты здесь? В отличие от него, ты мне ничего не обещала, а, стало быть, ничего не должна. Или все родные и близкие меня бросили, совсем как он? Да не верю, родители бы не ушли, пока не удостоверились, что я в норме. Но в палате почему-то только ты. Как так?

— Я решила, побыть с тобой сама. Подумала, стенания о вселенской скорби и печали будут лишними.

Эти слова заставляют меня злобно рассмеяться.

— Знаешь, Селия, спасибо и bravo! До встречи с тобой я была уверена, что помешана на контроле, но теперь вижу, что совсем не безнадежна.

А она лишь сдержанно улыбается. Ее мои пощечины нисколько не трогают.

— Ашер сообщил, что уезжает в медовый месяц. Один. Он считает, что вам лучше некоторое время не видеться.

— Отличная мысль. А, главное, все честно. У меня умерла подруга, а он бросил меня у алтаря и поехал развлекаться.

— Почти уверена, что в этом так или иначе замешан Эмилио Юнт. Но с его стороны гадко, не поспоришь, — мрачно говорит Селия.

— Знаешь, что я поняла сегодня? Юнт или нет, будь я Ашеру дорога, он бы так не поступил.

Если бы у меня был хоть один шанс вернуть Керри, я бы это сделала, а Ашер добровольно послал к черту свою невесту на глазах у всех вокруг... Послал и свалил, вернувшись к своей прежней веселенькой жизни. Не была я ему нужна, Селия, совсем нет!

Так хочется, чтобы эта стальная женщина смутилась, чтобы в раскаянии опустила глаза, но ничего подобного.

— Знаешь, Ашер меня старше, — вдруг сообщает мне она.

— Старше? — Да, я удивилась.

— Старше. На два года. Но так не кажется, потому что он избалованный ребенок-переросток.

Делает то, что хочет, как хочет и когда хочет. Я не знаю, способен ли он любить в полном смысле этого слова, но ты ему дорога. Может, не так, как того заслуживаешь, но, боюсь, большего от него не дожидаться. Однако, и тебе от него не нужно любви до гроба. С самого начала вами руководил расчет, а не чувства, не так ли? — Черт, подловила. Нечем крыть. А она уже снова за старое: — Пойду найду врачей. Сообщу, что мы уходим. Собирайся.

Дети слишком малы и не понимают того, что случилось. Наверное, для них это благо. Роберт и Мадлен стараются отвлечь крошек. Думаю, возня и игры помогают и им тоже. Если бы не потухшие глаза, я бы и не подумала, что случилась катастрофа, они очень хорошо скрывают эмоции. Насколько же разрушительны подобные маски? Я не присоединяюсь к игре, с порога сразу прохожу в гостевую комнату. Лайонел лежит на кровати, отвернувшись к окну. Не знаю, спит он или нет, но все равно ложусь с другой стороны, на расстоянии. Он вздрагивает и поворачивается. Видимо, все-таки уснул.

— Это я, — негромко говорю ему.

Он кивает, точно разрешая. Мы с Лайонелом Прескоттом никогда не были особенно близки. Он работал в другом городе, оттого я нечасто его видела даже в студенческие годы, а затем и вовсе уехала в Штаты. И пусть год назад прожила в его доме несколько месяцев, он много работал, а я была похожа на озлобленную на весь мир мегеру. В общем с душевными беседами не сложилось. Нас всегда связывала чуть ли не только Керри, она была точно ниточкой. Наверное, поэтому, когда мы с Лайонелом лежим на кровати, кажется, будто она расположилась где-то между нашими телами. С Керри намного уютнее и спокойнее.

— Ты ее чувствуешь? — спрашиваю я шепотом.

— Д-да, — кивает Лайонел.

Я знаю, что Керри — не более чем плод нашего воображения. Помню, что там, на другой стороне, ничего нет. А значит Керри исчезла бесследно. Это конец всему, что меня поддерживало, за что я цеплялась. Я так долго присматривалась к людям, критиковала, осуждала и обижалась, что растеряла всех. Керри и Клегги — вот все мое богатство, коим я обладала сегодня утром. А теперь их еще меньше, и это при том, что упомянутых людей нашла вовсе и не я, а маленькая, счастливая девочка, которая затем заостенела и начала отталкивать от себя каждого, кто попадался на пути. И ведь сколько лет во всех бедах и неудачах я винила Шона, хотя, на деле, была виновата только сама. Сначала я делала карьеру и никого не подпускала, а теперь начала столь тщательно и придирчиво искать себе спутника жизни, что упустила из виду главное: найти — мало, нужно еще сохранить. Я чуть ли не в деталях расписала для себя наше с Ашером будущее. Но насмеши Бога, рассказав ему о своих планах. Я потеряла не только свой долгосрочный проект по внедрению в семью Циммерман, но и лучшую подругу, которая, казалось, будет моей вечно. Я никогда не

понимала, скольким была обязана Керри. Долгие годы она стояла верным и мудрым стражем за плечом, подсказывала и наставляла. А теперь там пустота.

Внезапно меня точно на месте подбрасывает. Хватаюсь за телефон, набираю номер на память и жду чтобы Шон просто снял трубку. Чтобы сбросить. Чтобы просто удостовериться, что он все еще здесь, со мной. Прижав телефон к груди, я снова ложусь на кровать, и становится... ну... чуточку легче. Потому что, наконец, понимаю: он для меня значит не меньше Керри, я не могу потерять его так же!

— Ты чего? — тихо спрашивает Лайонел.

— Ничего. Все хорошо... — на автомате отвечаю я. Но, подумав, вздыхаю и признаюсь: — Нет, не хорошо, я только что позвонила дорогому мне человеку, просто чтобы удостовериться, что он жив.

Но на лице у Лайонела ни тени удивления.

— А мне некому даже позвонить, — хрипло говорит он.

— А твои родители?

— Отец умер, а мама серьезно больна, она в доме престарелых, — говорит он, прикрывая глаза.

Господи, помоги. Лайонел остался совсем один с тремя совсем маленькими детьми... А учитывая, что родители Керри только-только потеряли дочь, навряд ли они смогут бегать и прыгать, опекая трех карапузов...

— Им нужен не такой отец, — сглотнув, говорит Лайонел, будто мысли читает. — А сильный, который в состоянии справиться с горем и поддержать их.

Никому бы из нас такой не помешал, и ему самому тоже, но, к сожалению, взрослым приходится справляться самостоятельно. Это трудно представить, но мне все же легче, чем Лайонелу. И я стольким обязана Керри...

— Я тебе помогу. Хотя бы в первое время. А затем ты станешь сильным отцом, который сможет справиться с чем угодно. Станешь, даже не сомневайся. У тебя просто выбора нет.

Глава 18. Ньюкасл

Когда случается трагедия, время, точно в насмешку, начинает тащиться со скоростью черепахи, и на этом фоне каждое действие кажется обведенным красной краской. Вчера поделилось на две части: день, когда я играла роль доброй, сильной и заботливой тетушки, и ночь, которая принесла с собой кошмар и плач Лайонела из-за стенки. Утром, стоя над раковиной, полной посуды, я не смогла поднять руки, чтобы ее вымыть, настолько измотанной себя чувствовала, но запросто нашла силы сесть в машину и уехать из дома. Зачем? Хватило бы звонка. В любое другое время, но не сегодня и не мне.

Дверь домика Шона — моя персональная черная дыра. Хочется войти и затеряться. Я стою около нее совсем как у раковины и не стучу, но на этот раз не из-за усталости, а потому что она дарит чувство комфорта. Однако мое присутствие не могло остаться незамеченным.

— Заходи. — Шон как всегда лаконичен. Совершенно не хочется разговаривать, только остаться в этом доме ради удивительно явственного чувства защищенности. — Ты мне звонила позавчера.

Я звонила, чтобы проверить, жив ли ты. Со мной ли ты.

— Ты приедешь на похороны Керри? — спрашиваю я. — В Ньюкасл.

— Да, — без запинки отвечает Картер. Все, я спросила, что хотела. Но уезжать так не хочется...

— Сколько тебе было, когда умерла твоя мать?

— Не надо гребаных параллелей и психоанализа. Я такой, какой есть и был таким всегда.

— Да. Ее смерть на тебя совершенно никак не повлияла, ты ведь рассказываешь о том, что и как случилось каждому встречному.

— Не драматизируй, — ухмыляется Шон. — Я вообще не склонен к общению с полужнакомыми людьми.

— Картер! — ору я на него. — Керри умерла меньше сорока восьми часов назад. Засунь свои принципы о неразглашении личного в задницу и скажи мне, что нужно сделать с тремя детьми, чтобы они не превратились в таких же аморальных ублюдков, как ты!

— Ну-ну, не льсти выводку Керри. У нее IQ едва за сотню переваливал, и, боюсь, папаша не сильно поправил положение.

Хочется ему врезать. Допустим, Керри не была гением, но как он смеет ее оскорблять?! Слава Богу, Картер и сам это понимает, потому что продолжает свою мысль.

— Когда это случилось, мне было десять. А до шести я не разговаривал ни с кем, кроме матери. — У меня помимо воли отвисает челюсть. — А чему, собственно, ты удивляешься? Сама сотню раз называла меня аутистом? — пожимает он плечами. — Не так весело, когда все взаправду, верно?

— Это же... страшный диагноз. Но ты ведешь себя как... обычный подонок.

— Мой случай определенно не самый тяжелый, и, к вопросу о подонке, за свое отношение к людям я не чувствую ни малейшей вины, а это уже не очень нормально. Тебе стоит порадоваться, можешь быть спокойна за крошек семейства Прескотт, пока вместо того, чтобы поесть домашние деликатесы, они не считают зубочистки. Но если хочешь, чтобы у детей все сложилось хорошо, начни с их отца, ему стоит вытереть соплю.

— Ты за это не простил своего отца? — пытаюсь я проявить проницательность, но выходит не очень:

— Нечего прощать. Мы просто не были нужны друг другу. Так случается, — совершенно спокойно говорит Картер, словно о посторонних людях рассказывает.

— Нет, так не случается. Он был тебе нужен хотя бы когда умерла мать.

— Возможно. Но именно в тот миг двое сыновей только и делали, что мешали ему предаваться собственному горю. О, Джоанна, он так страдал, что знакомые толпами ходили утешать. Выпроваживали нас подальше и приводили его в чувства. Как только ни пытались: брошюры, общества утраты, гипнозы, медикаменты — все перепробовали. Да, конечно, отец потом раскаивался, на языке мозоль натер, извиняясь за свое пренебрежительное отношение, но к чему мне были его слова? Я просто знал, что на этого человека нельзя положиться. — И звучит так, будто у Картера нигде даже не екает при этих словах. — Ну, Конелл, моя семейная история тебе помогла?

— Нет, — качаю я головой. — Но ты можешь.

Картер вопросительно выгибает бровь.

— Ты можешь заставить меня забыть.

Я сокращаю между нами расстояние, медленно и опасно тянусь к его губам, но он отстраняется.

— Адресом ошиблась, — язвительно сообщает Картер. — Меня, помнится, тебе было недостаточно, а Ашера — в самый раз. Хватит устраивать американские горки. Либо ты перевозишь вещи, въезжаешь и остаешься здесь, либо ищешь утешение в другом месте. Все поняла?

— С твоей стороны это бесчеловечно! — обиженно выпаливаю я.

— Уж с человечностью точно мимо.

Вот так, ничуть не любезно, мне указывают на выход.

Мне всегда казалось, что Керри рассказывала мне все, она была не из тех, кто любит скрываться. Но когда я пришла на ее похороны, выяснила, что не знаю даже половины ее знакомых. Я старательно вглядывалась в лица, пытаюсь их вспомнить, но тщетно.

Присутствующие, однако, отвечали мне тем же. Естественно, рядом с Лайонелом стоит какая-то неизвестно откуда взявшаяся женщина... Наверное, спасло ситуацию лишь то, как тепло меня встретили родители Керри. Кстати, Шон с Селией присутствовали на церемонии. Я не знаю, откуда сестра Ашера узнала о месте и времени похорон, но приехала.

Все остальное, что я помню — даже не умиротворение на лице Керри и не изящную косу, в которую заплели ее волосы, а беспрестанный и надрывный плач Лайонела. Думала, что и сама буду реветь, но, видимо, меня так бесила его неспособность взять себя в руки, что я не проронила ни слезинки. Послушавшись Шона, я не стала брать детей. Это было самым мудрым поступком за всю мою жизнь. Я бы не хотела видеть своего отца в таком состоянии. Чем позже малыши поймут, что их папа никакой не герой — тем лучше. Со мной это случилось в двадцать шесть, и я ни капельки не жалею о безоблачном детстве.

После того, как все речи были сказаны, а приглашенные разъехались, я отвезла Лайонела в их с Керри дом и заставила собирать вещи. Я не отпущу детей до тех пор, пока не буду уверена, что горящий папочка не оставит шрамов в их маленьких сердечках! А еще мы заехали в аптеку за успокоительным для Лайонела и снотворным для меня. Так было правильно.

А теперь я устраиваю Марион в ясли, записываю Джулиана в Сиднейскую летнюю школу, а для Кики нахожу няню. Лайонел же мотается между Сиднеем и Ньюкаслем. Устает, но притворяется, что все в норме. А я упорно игнорирую его синяки под глазами. Мы только за закрытыми дверями становимся собой. Я, например, достаю из-под подушки нашу с Керри фотографию и долго смотрю на нее. Это лучшая, самая бесподобная работа Пани. Ну или наша с Керри, как знать. Может быть идеальной ее сделали наши улыбки?

Время медленно-медленно ползет вперед. И то, что настает пора экзаменов — настоящее облегчение. Работать совершенно не хочется. Я делаю ровно достаточно, и у Картера есть все причины обвинять меня снова. Но если он хоть что-нибудь скажет, я его пошлю. Вместе с Бабочками, вместе со всем миром. Мне даже хочется это сделать, чтобы наказать себя за неправильную расстановку приоритетов. Безумно хочется закончить с экзаменами побыстрее и уйти в отпуск. Но, совершенно внезапно, когда на одном из них я вижу перед собой васильковые глазки Ребекки Йол, и эти прелестные розовые губки, которые несут полную чушь, во рту вдруг становится горько от желчи, а в душе поднимается прежде дремавшая кровожадность.

— Прости, что? — раздраженно переспрашиваю я в ответ на ее последнее утверждение. Она теряет дар речи, но мне и ни к чему этот повтор. Смерть Керри доказала мне лишь одно: если ты что-то давно мечтал сделать, нужно торопиться, а я мечтаю устроить экзекуцию Ребекке Йол, чем не отличный повод? — Какой бред! — С силой ударяю стопкой бумаги по столу. — А ничего, что это противоречит самой архитектуре компьютера...

Вскакиваю со стула, срываю с себя жакет, иду к доске, хватаю маркер и пускаюсь в настолько масштабные и глубокие объяснения, что студенты смотрят на меня как на сумасшедшую. А я не могу остановиться: пишу, пишу, пишу...

— Вы что, серьезно ничего из этого не знаете? — возмущенно спрашиваю я. — Я сейчас сюда ректора приглашу, и стопку документов на отчисление велю принести! — Маркер с грохотом приземляется на место. — Ты хоть что-нибудь поняла? — рычу я на Йол.

— Да, — шепчет она.

— Что ты поняла?! — С силой ударяю ладонями по столешнице. Девчонка уже сидит на самом краешке стула, еще миллиметр, и она рухнет на пол, но, видимо, ей нормально, главное — от меня подальше. — Ты ничего не поняла! И никогда не поймешь! Убирайся, к черту!

Она рваными спешными движениями собирает свои листы и конспекты и, собравшись с мужеством, все-таки почти шепотом спрашивает:

— Мне на пересдачу?

— Тебе удовлетворительно! — рявкаю я.

— Но я же...

— Ты не при чем! Просто видеть твои абсолютно пустые оленьи глазенки еще раз я просто не в состоянии. — После этого я не выдерживаю и буквально падаю на стул, закрывая лицо руками.

А Йол вскакивает и вылетает из аудитории, плевав на то, что сумка осталась здесь. Остальных я принимаю в состоянии полного анабиоза. И ни одной пересдачи не назначаю. Я хочу, чтобы меня просто оставили в покое.

Но вездесущая штука такая, что ждать себя не заставляет. На следующий день сижу себе на кафедре, бумаги заполняю, как вдруг входит Картер.

— Что за шизофрения с Йол, которую весь университет обсуждает?

— Понятия не имею, о чем ты, — говорю я, продолжая вписывать цифры в графу.

— Доводишь студентов до того, что они часами рыдают в туалете?

— Я никого не довожу, просто она дура.

— Каддини сообщил, что ты расписала им на доске устройство регистровой памяти компьютера. Удивительно, с чего это Йол его не знает?

— Мне тоже удивительно, — бормочу я и ставлю дату не на той строчке. Ох, лучше бы Картер убрался. Будто не понимает, что это он со своей не застегивающейся ширинкой виноват.

— Рад, что хоть кто-то в этом университете умный. В следующий раз решишь потерроризировать кого-нибудь своим интеллектом, начни с меня. Посмотрим, может я тоже поплачу. От умиления, например. Но к вопросу о том, кто чего не знает и не успевает. Как поживают коды для Такаши?

— Прекрасно поживают.

— Давай сюда.

Достаю сумку, но флэшку найти не могу, бросаю ее на стол, чтобы лучше видеть содержимое, но вдруг из кармашка выкатывается пузырек со снотворным. Я его таскаю с собой, чтобы дети не вздумали отравиться.

— Отвратительная идея, — сообщает Картер, подхватывая мои таблетки. Он встряхивает пузырек и обнаруживает, что осталось там совсем не много.

— Отдай немедленно.

— Спать надоело?

— Как раз наоборот, — почти бросаюсь на Шона я. — Все пьют снотворное, и ты тоже.

— Но не лошадиными дозами. Кстати, побочных эффекты: панкреатит, частичная потеря зрения...

Огибаю стол и, наконец, выхватываю пузырек.

— Не будь идиоткой. Вышвырни эту дрянь. Ты и без нее справишься, — тихо говорит мне Шон. — Есть более оригинальные способы испортить здоровье.

Мы смотрим друг другу точно в глаза, и это настолько больно, что, кажется, мои сейчас начнут кровоточить. Я думала о его словах. О том, чтобы вернуться к прошлому, вернуться к Шону, но это серьезный шаг, к тому же, есть еще Лайонел и дети.

Меня спасает секретарша, который возвращается на кафедру. С хлопком двери я отмираю и возвращаюсь к поискам флэшки. А снотворное... выбрасываю.

Честно говоря, я думала, что Шон уже ушел, но, видимо, это секретарша забежала на пару минут и снова хлопнула дверью, так как из-за спины я снова слышу голос Картера:

— Есть хочешь?

Мне странно это слышать. Я смотрю на него и понимаю, что мне представился прекрасный шанс отвлечься от забот и провести несколько минуток своего грустного времени в самом желанном обществе не свете. А Картер... он предлагает это не чтобы поиздеваться, просто... понимает, наверное.

— Да, — отвечаю я тихо.

Сидеть в кафе напротив Шона немножко странно. Мы молчим, и хотя тишина кажется уютной, слов тоже хочется.

— Я не желаю вести пары у Ребекки Йол, — говорю я. — Если моя выходка позволит в следующем семестре избежать назначения на ее группу, я буду только рада.

— Уверяю тебя, в университете таких девочек, как она, человек десять наберется.

— Да, но остальных я не знаю в лицо... и другие части тела, и это меня устраивает.

Картер усмехается, и чтобы не улыбнуться в ответ, я начинаю потягивать из трубочки молочный коктейль. Ну, вы же понимаете, раз я отказалась от снотворного, кофеин мне противопоказан.

— Советую, очень советую тебе это пережить. Она всего лишь первая из встреченных тобой проблем подобного рода.

Нет, Картер, она всего лишь первая из твоих «студенток после меня», о которой я знаю. Вот что меня бесит. А еще у меня есть официальный повод ее третировать, и не делай вид, что ты из мантры о трех обезьянах: слеп, глух и нем, да и в принципе идиот. Снова сую в рот трубочку, дабы заткнуть его хоть чем-нибудь и не высказать все, что думаю.

— Может быть, когда после смерти Керри пройдет время. Когда станет легче, я и смогу...

— Джоанна, легче не станет. Так случилось. И, больше скажу, случится еще не раз. Те, кто нам дорог, оставляют отпечаток, это естественно.

— Тогда зачем мы вообще привязываемся к людям? Зачем доверяем им, если они все равно уходят, причиняя боль? — Дьявол, я не могу поверить, что задала этот вопрос Шону Картеру.

— А ты бы предпочла не знать Керри? — спрашивает он.

— Стыдно признаться, но такая мысль меня посещала, — шепотом признаюсь я и отползаю подальше, а затем и вовсе вжимаюсь в спинку стула.

— Нет, Конелл, ты не сможешь избегать контактов с людьми, страшась обжечься. Ты не из таких.

Меня его слова и радуют, и раздражают. Все, что содержит в себе фразу «ты не сможешь», — моя персональная красная тряпка. После подобных утверждений я каждый раз с удвоенным усердием бросаюсь отстаивать свою точку зрения.

— Ты... ты просто не понимаешь... Картер, знаешь, я никогда этого никому не рассказывала, но там ничего нет. Помнишь, у меня была клиническая смерть? Так вот, там ни света, ни туннелей, ни мертвых, ни живых, ни Бога, ни Дьявола, ни рая, ни ада, ни чистилища. Это невозможно постичь, но факт. И Керри нет... Она ушла бесследно, не оставив ничего, кроме трех карапузов, убитого горем вдовца и... и меня. Шон, смерть это не переход в лучший мир, это конец всему. Она абсолютна и никоим образом не исправима.

Но вдруг Картер поднимается со стула так резко, что ножки неприятно скрипят о плитку пола, привлекая к нам внимание окружающих и недовольство официантов.

— Не рассказывала, и лучше б и дальше молчала, — рявкает Шон. А его глаза черны и холодны так, что кровь в жилах стынет. В этот момент в нем нет привлекательного ничего. Совершенно. Жутко, совсем как раньше. Давно я его таким не видела. — Я ничего не хочу об этом знать, Конелл. Ясно?!

И он уходит. А я остаюсь наедине с букетом осуждающих взглядов. Ну еще бы!

Итак, я отказалась от сна. В смысле, от снотворного, конечно, но, собственно, таким образом я избавилась и от отдыха тоже. Тадам, в общем я больше не сплю. Пока Лайонел и дети наслаждаются покоем и умиротворением, я зависаю по ночам на портале бабочек и осуществляю мечту Каддини: мы переписываемся даже в четыре утра. Но еще это означает, что днем я напоминаю ходячее привидение. Сама не понимаю, как женщине с синяками под глазами точно от побоев безропотно выдают детей! Ах да, может всему виной то, что мне все еще высказывают свои сожаления по поводу несостоявшейся свадьбы. Наверное, они полагают, что я из-за Ашера убиваюсь. Или, может, люди таким образом пытаются подорвать мою женскую самооценку? О, ради Бога, если вы хотите со мной посоперничать, то возьмите понянчить денек-другой трех карапузов, а я на вас посмотрю. По выходным Лайонел возит детей в Ньюкасл навестить родителей Керри, а у меня праздник. Точнее, праздник у Шона, ведь в это время я пишу проекты для него. В общем, хотите посоперничать со мной как с женщиной или, может быть, у вас для этого недостаточно стальные яйца? Ха.

Каждую, буквально каждую ночь я просыпаюсь от одного и того же кошмара. Я снова и снова в морге, заплетаю волосы Керри в косу, но вдруг она открывает глаза, вскакивает и начинает на меня кричать, требует оставить ее волосы в покое, жалуется, что ей больно и страшно! А затем ее волосы и вовсе начинают кровоточить, я выкрикиваю ее имя и

подпрыгиваю на кровати.

Просыпаюсь.

К Рождеству я готовлюсь основательно. Детям нужна радость в такое тяжелое время, им нужно забыть, всем нам не помешает, поэтому праздник задуман грандиозный. Мы с Мадлен целый день прыгаем вокруг плиты. В последнее время на Клеггов времени почти не оставалось, и сейчас поболтать с Мадлен за счастье. А все дело в том, что с Лайонелом у нас общих тем для разговора нет. Дети и Керри, вот и все. О первых мы вспоминаем частенько, но о Керри стараемся не говорить вовсе.

После того, как Мадлен уходит, а малыши накормлены и уложены спать, мы Лайонелом упаковываем и укладываем под елку рождественские подарки. Думала будет весело, такой шанс повспоминать детство и посмеяться, но отчего-то совсем не весело.

— Отличная была идея отдать Джулиана в летнюю школу, — начинает разговор Лайонел. Как так получается, что с одним человеком в тишине невероятно комфортно, а другого хоть из комнаты выгоняй, лишь бы избавиться от неловкости?

— Джулиан умный парень, далеко пойдет. — И я не лукавлю, не делаю авансом. Голова у мальчика очень даже светлая, что бы там Картер ни говорил. — Меня беспокоит Марион.

— Да, она совсем позабытая.

Иронично, но так получилось, что о Джулиане и Кики мы заботимся больше. Старшенький достаточно взрослый и уже слишком многое понимает. Он единственный больше не спрашивает о маме, так как знает, что она не вернется. А Кики настолько мала, что с ней нужно постоянно заниматься. То буквы учить, то лечить, когда приболит. А Марион сама по себе. Несколько дней назад она рыдала навзрыд, потому что посадила огромное пятно на свое любимое платье, и мне пришлось взять малышку в ванную и показательно его отстирать, чтобы успокоилась. После этого она долго обнимала мои ноги и ходила хвостом до позднего вечера.

— Спасибо тебе, Джо, — вдруг улыбается Лайонел. А я лишь киваю в ответ.

— Иди спать, я доделаю, — говорю я.

— Да нет, тут осталось не так много. Вместе сделаем — быстрее разойдемся.

Делает вид, будто не в курсе, что я кричу? Ну-ну, плач Лайонела я слышала так отчетливо, будто он лежал рядом, естественно, и он не глухой. Что ж, мы продолжаем молчать и паковать подарки, обвязываем лентами, крепим бантики.

У меня в руках новая кукла для Марион. Она в роскошном блестящем платье, с волосами светлыми-светлыми, совсем как у самой малютки. Но я не знаю, поможет ли это вернуть веселый блеск ее глазкам. Куклы недостаточно... А чего будет достаточно? Я старательно хмурю брови, пытаюсь придумать. Что можно сделать для впечатлительной маленькой девочки? И вдруг мне в голову приходит совершенно безумная идея... Надо ее взять в офис бабочек и показать ей мультфильм на огромных экранах Шона. И Картера, разумеется, пригласить, он ведь очень понравился малышке, переживет уж как-нибудь. Подавлю на жалость, пошантажирую, и уступит — обязан! Уверена, Марион оценит. Ну и кто теперь здесь гений? Джо, конечно. Помимо воли улыбаюсь и провожу ножницами по ленте, чтобы она завилась в красивые спиральки. Вот и готов самый роскошный розовый бант в мире. Марион обязательно понравится.

— Готово? — улыбается Лайонел.

— Угу, — киваю я, укладывая коробку на самую верхушку. — Ай да мы.

И вдруг Лайонел поворачивается ко мне и медленно начинает наклоняться. Что он делает?!

Вскидываю руки и прижимаю их к губам Лайонела.

— Ты чего творишь?! — возмущаюсь я.

— Черт, прости... просто я подумал... для детей теперь нет никого лучше, чем ты. Растишь их как своих. — Мое сердце сжимается от холода. А еще по-настоящему своих у меня быть не может. После того, что случилось с Керри, я не решусь на еще одну попытку. Так думала ли я о таком варианте? Совру, если скажу, что нет. Хочу ли я растить детей Керри? Да. Безумно. Но к ним в комплекте идет еще и Лайонел, и это меня не устраивает. — Может, мы могли бы...

— Я тебя поняла, — истерично кричу я. — Но как ты это себе представляешь?! Я люблю Керри, я люблю детей Керри. Но не тебя. Я не хочу с тобой жить. Долг и ответственность не сделают счастливее никого из нас. Я никогда не смогу прийти в твою постель и занять место Керри. Ты не плохой, но ты ее. И так будет для меня всегда.

— Ты права. Это всего лишь путь наименьшего сопротивления. Но я все равно предлагаю тебе подумать. Просто подумать. Ради детей, которых мы оба любим.

Лайонел определенно сошел с ума, предложив такое. Совершеннейшее безумие. Я не стану этого делать. Ни за что. Хватит с меня Брюсов с Ашерами. Ошибки созданы для того, чтобы учиться, вот я и буду. Правильно? Правильно. Прости, Керри.

Разумеется, Рождество испорчено. После неловкого разговора мы с Лайонелом старательно не встречаемся глазами. Хорошо, что нашу компанию разбавляют Роберт и Мадлен. Неловкость они чувствуют, но хоть причины не знают. В остальном, если не считать Лайонела, все идет очень даже неплохо, но вдруг, когда я начинаю собирать со стола грязные тарелки, Кики протягивает ко мне руки и кричит:

— Мама!

Все голоса разом замолкают, слышен только звук бьющейся посуды, а я пулей вылетаю из комнаты, запираюсь в ванной и начинаю рыдать. И как я могла подумать, что возмездие за Ребекку Йол меня уже настигло. Какая глупость! Черт возьми, Керри, как мы все до этого докатились? Твой муж предлагает мне жить с ними, а дети зовут мамой...

Ситуация стремительно выходит из-под контроля. И чтобы абстрагироваться я осуществляю свой старый план — беру Марион в офис Бабочек. День выходной, с остальными малышами посидит Лайонел. Старательно привожу себя в порядок, звоню Картеру и прошу его встретиться во мной в офисе минут через сорок, а трубку бросаю раньше, чем он сможет отказаться. Мне это необходимо.

Мы с Марион ждем в комнате отдыха. Она восхищенно смотрит на залив, а я переживаю и тереблю край юбки. Когда лифт открывается, сердце начинает колотиться. Только бы не ушел сразу. Наверное, мое состояние очень заметно: покрасневшие щеки, частое дыхание... Даже думать не хочу о том, как он это интерпретирует. И сначала его глаза нахально изучают мое тело, но потом становятся злыми. Значит, обнаружил Марион.

— А ну стой где стоишь! — рявкаю я.

— Ты что задумала? — рычит он.

Марион подкрадывается ко мне ближе, не сводя с Шона глаз. Она кокетливо улыбается и одной рукой обхватывает мою ногу, при этом глаз смотрит только на него.

— Пытать меня решила? — фыркает Картер, глядя на ребенка с некоторым подобием интереса.

Ну еще бы, безраздельное внимание ребенка его забавляет. Это, наверное, хорошо.

— Пожалуйста, Шон. Ты ей очень нравишься. А малышке это нужно. Пожалуйста, ну пожаааалуйста. — Говоря это, я стараюсь скопировать взгляд Марион. У нее ведь отлично получается!

— Конелл, по-твоему я похож на человека, который благодетельствует детишек?

— Ты похож на человека, который изредка благодетельствует меня. И очень надеюсь, что у тебя подходящее настроение. — Я подхожу к нему ближе, сужая границы зоны комфорта. Картеру могут не нравиться мои отчаянные попытки забыться в его объятиях, но игры — всегда пожалуйста. Он любит выигрывать, а я и не против. Сегодня. Хотя, может и вообще.

— И что же я, по-твоему, буду делать? — спрашивает Шон, совершенно отчетливо поддаваясь моим уговорам.

— Сидеть и смотреть фильм на супергигантском экране.

— Пойду принесу попкорн, заодно смирюсь с мыслью, что ты беспощадная стерва.

У меня расширяются глаза. Неужели так бывает?! Ох силы небесные! Он согласился. Я, конечно, не стала говорить Шону, что вместо фильма будет мультик. Кстати, я вообще не уверена, что Картеру мультики нравятся меньше фильмов, по-моему, искусство кинематографа вообще не по его части.

На диване, приволоченном из комнаты отдыха, мы сидим в таком порядке: Марион, Шон и я. Да-да, он в центре. Спросите, почему? А потому что нам обоим он очень нравится, и мне дали на этот день зеленый свет, причем настолько зеленый, что Марион ухитрилась удобно прильнуть к Шону и не получить за это по шапке. Ну почему, почему черт его дери, все это не может быть правдой? Вздохнув, следуя ее примеру, ведь можно и помечтать... Залезаю с ногами на диван и кладу голову на плечо Шону, а его пальцы приподнимают край моей юбки и начинают ласкать кожу... Корзинка попкорна внезапно оказывается очень в тему, Марион за ней ничего не увидит, а я сама ни за что не стану останавливать Картера. Я тону в запахах и ощущениях, вот бы так жить, вот бы всегда так было. Из состояния истинного блаженства меня вырывает вопрос Марион:

— А почему телевизор такой странный. Из нескольких частей? — Здесь составной экран, совсем как и у суперкомпьютера.

— Потому что намного круче, когда все работает правильно и слаженно, — буднично отвечает ей Шон. — Но так умеют только машины.

Да-да, а в жизни мы теряем матерей и подруг, остаемся горкой осколков у алтаря и только делаем вид, что так и было задумано. В программировании есть понятие костыля — это то, что можно быстренько вставить, чтобы заработало, и за что можно классно получить по шапке, если забыть вовремя убрать. Но, смешно ведь, в жизни все то же самое. Снотворное и антидепрессанты, вечер просмотров мультика в компании Шона, переезд детей Керри в Сидней... Закрывать проблему без костылей в жизни не просто сложно, это практически невозможно. Мы слабые, слабее собственного мозга, который понимает, что владеющее им тело вытворяет нечто запредельно глупое, а ведь он у нас работает всего-то на десять процентов...

Но этот новенький, сверкающий костыль того стоит. Марион счастлива. Я не имею представления, чем Шон ее так покорила, может быть он в принципе нравится маленьким

глупеньким блондинкам. А уж я-то в каком восторге...

Марион уже давно спит, а попкорн закончился, но мы с Картером все еще сидим на диване и смотрим глупый мультик.

— Неудивительно, что дети такие странные. Это похоже на тяжелую наркоманию, — тихо сообщают мне. Я усмехаюсь, глядя на подпрыгивающее до небес нечто.

— Считается, что это весело. Дети должны быть веселыми. — В ответ лишь фырканье.

Чтобы проверить, не разбудили ли мы Марион, я чуть вытягиваю шею и смотрю на ее спящее личико, на пушистые волосы, так хочется их поправить...

— Вставай, — вдруг заявляет Картер и ведет меня в коридор. — Когда они уедут?

— Я еще не знаю...

— Точно, — ядовито перебивает он. — Некорректный вопрос. Они вообще уедут?

— Я люблю этих детей. Я не хочу оставлять их в такое трудное время. Вот и все.

— Все?!

— Да, все.

— Конелл, они уже два месяца у тебя живут, тебе так нравится играть в их мамочку или что? Может, ты собираешься занять место умершей подруги? Как удобно, полностью укомплектованная, благоустроенная семья. Ты этого хочешь? Заметь, все к тому идет! — рычит он. — Очнись, смерть не сделала Керри святой. Нет человека, который хотел бы, чтобы близкие люди взяли и заняли вакантное место, будто его и не было вовсе. Думаешь, она хотела бы, что ее детишки звали тебя мамой, а муж имел в ее постели на ее простынях.

— ЗАТКНИСЬ! — кричу я. — Этого не будет никогда!

— Тогда не давай им такого повода. Ты эгоистично наслаждаешься моментом.

— Это не счастье, это...

— А что же еще? Ты боишься изменить свою жизнь, Конелл, а вот взять написанный Керри код и вернуть собственный интерфейс — запросто! Там все уже есть, и даже если не заработает, ты не при чем, ведь ты же не она и не можешь быть в этом виновата.

По моему лицу текут слезы, они утопают в уголках губ.

— И что ты предлагаешь, просто выгнать их?!

— Я предлагаю тебе перестать сходить с ума от миллиарда просчитываемых вариантов. Семья Прескотт — не твоя проблема. Это она завела семью, она родила трех детей, уверенная, что Лайонел справится с ними, даже если ее не станет. Почему ты веришь в Керри и ее родных меньше? Они не беспомощные и не бесполезные, а значит дело в тебе. В моменты сильных стрессов все мы делаем именно то, что хотим. Ты приехала ко мне, ты хотела этого, а теперь снова вошла в свое безопасное русло.

— Я...

— Слушай и не перебивай! Знаешь, у меня есть очень чудесное правило, которое упрощает все на свете: есть только два слова «я хочу». Не «я хочу, но», а просто «я хочу». Скажем, например, я хочу тебя. Не я хочу тебя, но ты как всегда решила заняться полнейшей хренью. Только я хочу тебя. И знаешь, что это значит? Я тебя получу и это не обсуждается, потому что «но» в моей формулировке было опущено. Это у тебя тысяча вариантов, у меня один, а значит это у тебя нет шансов, а не у меня.

Его слова настолько прекрасные, что я не помня себя бросаюсь к нему на шею, целую его губы. Может быть, если бы я и в прошлый раз проявила больше твердости, он бы уступил, в конце концов если уж я кого и знаю, так это Шона. Стягиваю с него пиджак и расстегиваю пуговицы рубашки, а он сквозь атлас блузки гладит мою грудь. Я распластана по круглой

стене, защищающей суперкомпьютер от мифического взрыва, прижата к ней телом Шона и схожу с ума от восторга и удовольствия. Но внезапно Картер замирает, а я поворачиваю голову и вижу удивленную Марион.

— Иди спать, ребенок, — шипит Шон и притягивает меня ближе, будто она сейчас бросится и начнет нас растаскивать в разные стороны.

— А что вы делаете? — вместо этого спрашивает малышка.

Смачно выругавшись и приведя в шок нас обеих, Картер поднимает с пола пиджак, а затем направляется к лифту. И все-таки он не выносит женщин до восемнадцати.

Тем же вечером я стучусь в спальню Лайонела.

— Я должна задать вопрос.

— Я слушаю, — говорит он, стягивая с носа очки и опуская книгу.

— Эм, я думаю, все в порядке. И...

— Я понял, — сглотнув, говорит он.

— Да. Прости. Школа Джулиана оплачена до конца лета, ему не повредит, так что...

— В конце лета и уедем.

— Хорошо. Прости еще раз.

— Все в порядке.

Это не слишком долго, но и не мало, правильно? У нас еще есть время.

Глава 19. Три месяца

Отъезд родных Керри на меня давит. Я точно снова с ней прощаюсь. Цепляюсь за слова Шона, но противный внутренний голос не перестает повторять, что пусть Картер и поет складно, собачку отцовскую приютил. Я понимаю, что он это сделал, потому что Джастину и зубочистку страшно доверять, но сейчас речь не о животных...

Сегодня мне звонила Селия, предложила встретиться. Наверное, по случаю возвращения Ашера. Он вернулся, во всех газетах уже написали. Весь такой загорелый, с улыбкой до ушей.

Мне даже почти интересно, что Селия обо всей этой ситуации скажет. Надеюсь только, что она не задумала акт примирения.

К счастью нет, когда я прихожу в наш ресторан — она сидит одна. И хотя мы больше не собираемся породниться, я все еще целую воздух около ее щек, по старой привычке. После трагедии мы с ней почти не виделись, и я несколько обескуражена тем, насколько виноватой в ее обществе себя чувствую. Будто заменяю ею Керри. Ерзаю на стуле, не могу найти себе места, а потому перехожу к делу раньше, чем она.

— Ашер вернулся.

— Вернулся, — кивает она без особенной робости.

— Ты из-за этого меня пригласила?

— Мой брат повел себя непозволительно. Его поступком недовольны все. Это звучит цинично, но единственное, что спасло нас от масштабного публичного скандала — смерть Керри Прескотт. Такое не должно сойти ему с рук. — Мои брови ползут вверх, но остановить их не получается. Селия Штофф решила использовать меня как секретное оружие против брата. Отличный план.

— Судя по фото, он отлично загорел. — Брякаю я, потому что на ум мне больше ничего не приходит. Я вообще с трудом вспоминаю, за кого собиралась замуж. Керри ушла и унесла

с собой слишком многое.

— Лайонел и дети скоро уезжают?

— Да.

— Слава Богу, а я уж было подумала, что вы с Лайонелом... ну, решили разделить опеку. — От ее слов я вздрагиваю. — Ага, — сразу же щурится Селия. И по ее взгляду я понимаю, что она хочет, очень хочет спросить о Шоне, но ведь эта женщина не Керри, она не может выпалить все как на духу, не так воспитана.

— Пойдем выберем подарки детям. Хочу таким образом купить их прощение за то, что оставляю.

— В этом я профи, — вздыхает Селия.

У нее двое детей. Мальчик и девочка, оба в закрытой привилегированной школе в Европе. Да, она знает, что купить по поводу встречи и разлуки. Кстати, это было бы и мое будущее, если бы я вышла замуж за Ашера... смогла бы я выдержать такое?

На следующее утро мы с малышами получаем приглашение от Селии и ее мужа. Тобиас вписан для большей официозности заявления, потому что уж его-то одобрения точно не спрашивали, но не суть. Уверена, приглашение прислали и Ашеру тоже. Я знаю, что он там будет, но не собираюсь отсиживаться в уголочке. Напротив, хочу заглянуть в его бесстыжие глаза, уверена, это будет приятно. К тому же нужно вернуть кольцо с вульгарным бриллиантом законному правообладателю.

Вестибюль дома Селии потрясает воображение. Куда там сверкающей белизне пентхауса Ашера? И как так получилось, что я ни разу здесь не была? Хочется запищать от восторга, как Марион, которая самозабвенно разглядывает люстру. Наверное, ее впечатлило то, насколько та блестящая. И все бы ничего, но когда нас усаживают на снежно-белый диван и разливают чай, у меня начинается нервный тик. Кики же настоящий поросенок! Обязательно прольет. Усаживаю ее на колени и начинаю молиться, чтобы пострадал мой костюм, а не дворец Селии. Уверена, что обставляла она все сама, тут каждая деталь ее.

А потом распахиваются двери, и мне становится не до Кики и ее способности пачкать все на свете. Потому что здесь не только Ашер, но еще... Эмилио Юнт. При виде последнего моя чашка начинает опасно подпрыгивать на блюдце, и, видимо, не Кики станет зачинщиком беспредела. Перевожу взгляд на Селию и обнаруживаю, что она замерла истуканом и таращится на Юнта с не меньшим ужасом, нежели я. Никогда не видела ее такой. А Ашер просто умничка. Ухитрился избежать конфронтации вовсе. Эмилио Юнт — железобетонный аргумент в пользу временного перемирия. И, вуаля, приглашенная звезда начинает наслаждаться эффектом. Юнт выражает восторг дому и трижды благодарит Селию и Тобиаса за приглашение, хотя, ставлю жизнь, миссис Штофф скорее бы яду хлебнула, чем пригласила этого типа. А он, рассыпавшись в комплиментах, оборачивается ко мне и начинает песнь уже знакомую.

— Джоанна, — улыбается Эмилио Юнт. — Как приятно вас видеть.

А приятно ли? Кто-нибудь может мне объяснить, с какой такой радости этот мужчина так ко мне благоволит? Вот и я не понимаю, а значит, воспринимаю его отношение как издевку. Даже улыбнуться толком не получается, а Эмилио Юнт, тем временем, властно приказывает:

— Тобиас, уведи детей. — И муж Селии действительно поднимается, чтобы сделать то, что ему сказали. — Мне очень хочется поговорить с прекрасной Джоанной без стеснения.

Мне становится жутко. И Селии, кажется, тоже. Но ей меньше, ведь Эмилио Юнт садится совсем близко ко мне и начинает пытливо изучать лицо.

— А сейчас вы скажете, что мне нужно постричься и вернуть естественный цвет волос?

Ашер и Селия напрягаются, а Юнт начинает посмеиваться.

— Нет, сравнение с Аль Пачино мне льстит, но мы не об Адвокате дьявола. Я просто в очередной раз убеждаюсь, что горе меняют людей, Джоанна. Хорошо это или плохо — вопрос спорный. Но, безусловно, очень грустно. Я сожалею о вашей утрате.

— Вы не знали ее. Вам незачем сожалеть о смерти Керри. Вы даже меня не знаете! Просто так положено говорить, — ощетиниваюсь я.

— Положено. Но я и не сказал, что сожалею о смерти Керри Прескотт. Я вижу грусть и боль в ваших глазах. И сожалею о вашей утрате. Сопереживать имеет смысл только живым.

— Не думаю, что хочу говорить о Керри.

— Хорошо. Давайте поговорим о других. Я сто лет не видел мальчишку Картера, а вы?

— Мальчишку Картера? — Это он о котором?

— Шона. К несчастью, с младшим сыном Бена у нас отношения не сложились. — Так воот кто из нас самый умный! Ай да Джастин.

— Мы тоже нечасто видимся.

— Ах, Шон! Иногда я понять не могу, как можно ни с кем не общаться, но быть всегда занятым, — вздыхает мужчина.

Рада, что Картер с Юнтом видятся редко. Место встречи с Эмилио Юнтом не входит в десятку самых моих любимых достопримечательностей Сиднея.

— Почему вы не общаетесь?

Этот вопрос вгоняет меня в ступор. Я сижу и удивленно моргаю.

— А с чего бы? И вообще, при чем здесь Картер?

— При том, что у нас слишком мало общих знакомых, Джоанна, практически все собрались в этой комнате, а о них в их же присутствии говорить неприлично.

Я выгибаю бровь. Тогда зачем вообще разговаривать?

— Так почему вы не общаетесь с Шоном? Я надеялся узнать от вас о нем хоть что-нибудь.

— Первая причина: с ним в принципе трудно общаться. Он очень асоциален. Вторая причина: попытки обычно заканчиваются хлопком двери или спором, что сильно портит мне настроение. Третья причина: в данный момент у нас с ним диаметрально противоположные приоритеты и он каждый раз старательно доказывает мне, насколько я глупа, — указываю на дверь, где скрылся Тобиас с детьми.

— Но это правда, — весело сверкает глазами Юнт. — У вас, Джоанна, есть ужасный недостаток: вы сами стараетесь решить все на свете. Женщине иногда достаточно быть слабой и плакать.

— А рыцарь приедет и спасет меня от бессмысленности и повседневности. Кому это надо? Современные нравы позволяют иметь полный букет женщин, а не ограничивать себя одной, тем более той, которая в беде.

— Какой тонкий намек на то, что вы видели у меня на яхте.

— Но это правда. И это не по мне.

— Никто не тащит этих людей силком. Ни мужчин, ни женщин. Все исключительно добровольно. Я как Аль Пачино из вашего любимого Адвоката Дьявола просто не препятствую им предаваться пороку. Так какая разница где? Я просто пытаюсь сделать досуг

дорогих мне людей... приятнее. Чтобы они хотели вернуться.

Какая гадость!

— Смею заметить, меня заскочить к вам на огонек совсем не тянет.

— А, может, зря? Уверен, мы смогли бы поладить. Но раз такое дело, зачем же вы согласились туда пойти.

— Я попросила его об услуге, Картер назначил цену и даже не сказал, что это будет.

— Либо вы попросили у него что-то очень серьезное, либо настолько слепо доверяете, что до обидного продешевили.

Я сглатываю ком в горле. Десять страниц рукописного текста плюс отчаянное желание остаться с ним наедине неважно каким способом. Боже. Я конченная идиотка.

— Подарки уже купили?

— Что?

— Детям по случаю отъезда.

— Откуда...

— Я — дыхание этого города, Джоанна. Я знаю все, что здесь происходит. Забирайте детей и уходите. Селия, позови Тобиаса и детей. Пусть идут.

И ему никто не противится. Это так странно и глупо, будто это все мы к нему пришли и он правит бал... Что ж, смотаться подальше от Юнта я очень даже не против! Но напоследок достаю из сумочки кольцо и кладу на столик перед Ашером Циммерманом. Мы не говорим друг другу ни слова, да и сказать, признаться, нечего. Лишь на короткий миг встречаемся глазами, а затем он забирает кольцо и... и все. Лист исписан и закрыт.

Сидим утром с Лайонелом на кухне и завтракаем. Как супружеская пара, охладевшая друг к другу лет после двадцати брака. Как только гости уедут, моя квартира снова станет тихой-тихой.

— Три месяца, как она мертва, — вдруг говорит Лайонел.

У меня внутри зияющая дыра, которую не заполнить ватой, не зашить никакими швами. Конечно, я знаю, что прошло три месяца, я ведь тоже считала. В месяцах, днях, часах, минутах... Лучше бы он молчал.

— Не обязательно сыпать соль на рану, — сухо отвечаю я.

— Джоанна, однажды об этом придется заговорить...

— Болеть будет всегда. Не надо ковырять.

Может быть, я и хочу с кем-то поговорить о Керри, но уж точно не с Лайонелом. Я даже не уверена, что он понимал наши отношения. Принимал — да, но понимал ли?

— Как ты думаешь, кошка это очень ужасно? — меняю я тему.

— Кошка? Керри бы тебе за это врезала.

— Знаю, — хмыкаю я. Может, нас с Керри он не знал, но вот ее — да. — Но давай помечтаем. Кошка будет... белая. С длинной шерстью, которую я буду комьями вытаскивать из-под кровати и жалеть о том, что вообще ее взяла. — Лайонел смеется. — А еще она обязательно будет толстой. Чтобы топала погромче. — Или три кошки, чтобы имитировали стук ножек сразу трех малышек. Сейчас расплачусь. Скрываю блестящие глаза за смехом.

— А еще она будет гадить. И ронять с полок бутылки с лаком для ногтей, драть когтями роскошные платья и спать на любимом макбуке, лопать по ночам деликатесную индейку, которую ты готовишь по выходным. Она испортит твою безупречную жизнь.

— Безупречную жизнь?

— Конечно. Ты все время пытаешься сделать свою жизнь безупречной. Найти безупречную работу, купить безупречную квартиру, найти безупречного мужчину. Ты была подружкой ректора, сеньора Хакера и невестой короля Сиднея. До Селии ты, конечно, пока не дотягиваешь, но то, что она с тобой дружит — уже большой успех. Хотя, о чем я? Ты даже кошку решила завести белую.

— Я не алчная, не меркантильная и не страдаю от звездной болезни! Я просто хочу сделать все как можно лучше...

— Да. Об этом я и говорю. Ты перфекционистка, от этого и страдаешь.

— Я родилась в средненькой семье военного и все детство пробегала по пляжу с ободранными коленками, вздыхая по мальчику из соседнего дома, у которого был такой пресс, что закачаешься. — Лайонел улыбается. Так по-доброму... — До приобретения статуса первой леди университета я была обычной девчонкой, которая просто любила мужское внимание и учила твою жену пить текилу. — Он все еще улыбается, но уже более грустно. — Когда мы ругались с Картером, мне каждый раз было некуда идти. Я определенно не такая как Селия Штофф, а слухи о моей короне сильно преувеличены, но хочу, чтобы мне было где жить, с кем жить и что есть. Безупречность мне ни к чему. А вот уюта хотелось бы. Так что не надо строить на этом собственные теории.

После завтрака я забираю Джулиана и увожу его в летнюю школу, а сама еду в университет. Там хоть иногда люди попадают, в отличие от офиса бабочек. Хотя сегодня, вероятно, мне лучше побыть одной. И это легко устроить. Сейчас кампус пустует. Я ложусь на стол и закрываю голову руками, не могу изгнать из головы слова о трех месяцах Керри.

— Док? — окликает меня Каддини так, словно уже не в первый раз пытается дозваться.

— Да?

— Ты спишь? Пойдем я тебе кофе куплю.

— Пойдем.

Я не сплю, я горюю, но мальчишке об этом знать не обязательно. Однако так хочется с кем-нибудь поделиться, а он не примет слишком близко к сердцу, он видел Керри всего пару раз.

— Три месяца сегодня.

— Вот именно. Тебе пора перестать напоминать привидение.

Приближаю свои длинные розовые когти к его горлу. Но Каддини по одному ему ведомой причине не боится быть придушенным на месте. Ну и ладно. Плевав на свои новенькие выстиранные джинсовые бриджи (а что, лето, у меня все еще отпуск... как бы. Да и вообще, пошли все эти ханжи), плюхаюсь прямо на лестницу.

— Знаешь, что мне нужно, чтобы не быть привидением?

— И что же? — Каддини рассеянно крутит в руках стаканчик с кофе. Меня устраивает, что ему мое состояние интересно только наполовину.

— Компас. Без него я никак не могу решить, в каком месте искать свои следующие проблемы, как бы это смешно ни звучало.

Внезапно парнишка отрывается от своего стаканчика и внимательно на меня смотрит.

— У всех у нас есть проблемы. Даже у меня, хотя многие говорят, что я абсолютно беззаботный ребенок. Иметь проблемы — нормально. Думаешь, только у тебя талант их находить? Брось, Док, они и без компаса найдутся.

— Ты и есть глупый беззаботный ребенок. Видишь ли, я хочу сама выбрать себе род проблем.

— Например? — удивляется Каддини.

Например, продолжить опекать детей (даже на расстоянии) и переживать за них. Или спать с Картером и с замирающим сердцем ждать, когда он мне его разобьет. Или... или попытаться совместить Картера и детей Керри и ждать, когда эта гремучая смесь рванет так, что камня на камне не останется.

— Нам бутылку текилы, — говорю я бармену. — И соли. И лайма.

Смотрим с Клеггом друг на друга.

— Ты чего это согласился со мной пить? — Хм, не уверена, что он любит текилу... ха, перебьется.

— А с кем тебе еще пить?

— Тоже верно. — Кладу руки на стойку и прислушиваюсь к играющим на сцене музыкантам. — Я собираюсь упиться в хлам. Слышишь? — кричу бармену. — Водки добавь! — Он, даже не поворачиваясь, показывает мне большой палец.

— Джо, это плохая идея, — морщится Клегг.

— Только если нас будет отсюда забирать Мадлен, а мы этого не допустим. Каддини позвоним.

— Каддини ночью из общежития не выпустят. Или не впустят.

— Значит, Селии. Она уж точно все проконтролирует. И даже не станет допекать, потому что моя лучшая подруга умерла, и я могу из-за этого в хлам напиться.

— Твоя подруга умерла три месяца назад! Тебе придется ее отпустить, вернуться к нормальной жизни и начать нормально общаться с людьми, не являющимися ее семьей...

— Вот сейчас я напьюсь, а после можно и возвращаться, — говорю я, а Клегг только глаза закатывается. — Роб, понимаешь, я не могу избавиться от мысли, что все, с кем я сближаюсь, могут тоже внезапно и скоропостижно скончаться. Не то, чтобы я боялась именно этого, но пока не готова на такой риск снова. Я будто сестру потеряла.

— Не зацикливайся на плохом, подумай лучше о том, что хорошего происходит вокруг.

— И что же хорошего происходит? Не вижу.

— Конечно, не видишь, потому что ты с людьми не общаешься. Скорее бы уже Лайонел уехал! — выдыхает Клегг, снова закатывая глаза.

— Брось, всего-то неделя осталась. — У меня осталась целая счастливая неделя... — А потом они помажут мне ручкой и все. Вот только будет ужасно одиноко, Роб. Раньше я хоть с Керри болтала, а теперь что? Ощущение, будто меня высадили на Луне, и никто не понимает, насколько это ненормально!

— Эй... — мягко говорит Клегг. — Ты всегда можешь рассчитывать на нас с Мадлен.

— При условии, что у кого-нибудь из вас внезапно не откроется смертельное кровотечение, — гадко добавляю я.

— Конелл... — стонет Роб.

— Прости. Давай лучше выпьем.

Выпиваем текилы, подкрепляем водкой. Я давно не пила, и у меня моментально сносит крышу. Настолько моментально, что помню только, как после первой стопки текилы мы с Робом рассуждали о том, куда деваются души, и я выяснила, что его удовлетворяет религиозное объяснение сего процесса. Не стала говорить, что он неправ, ведь данный мой

порыв не оценил даже Шон Картер. А потом мы выпили по стопке водки. И... все.

Селия — то, чего мне не хватало всю жизнь! Потому что впервые после такой масштабной попойки я просыпаюсь в своей кровати и одна. Ура! Это же просто отлично, сестра Ашера — настоящая супергероиня! Вот только голова ужасно болит и тихо, как в могиле. Вздрагиваю от такого сравнения. Где Лайонел? Дети? Я подпрыгиваю. Одиннадцать часов утра, суббота, они должны быть здесь... Вскликаю с кровати, тут же раскаиваюсь, доползаю до ванной, несколько минут пытаюсь прийти в себя, выпиваю таблетку аспирина, но толку ноль. Боль не меньше, и штормит ужасно. Выхожу в коридор, по пути открываю двери, но в квартире никого... и около входа стоят две коробки с вещами. У меня перехватывает дыхание. Это невыносимо! Лайонел — ублюдок. Легок как на помине — входная дверь открывается, и на пороге стоит он.

— Ох, Джо...

— Какое ты имеешь право уезжать тайком и увозить детей?

— Полное, по закону они мои дети, — тут же меняет он тактику с сожаления на наступление.

Слов культурных не находится! Что делать?! Я не приняла душ, от меня разит, как от пивной бочки, самой тошно.

— Это из-за вчерашнего? — тут же вспоминается мне... Брюс.

— С ума сошла? Нет, конечно! Просто, Джо, я совершил ошибку, тогда, на Рождество. Я был слишком подавлен и не знал, как объяснить, что не хочу того, что сам предложил...

— Я и не согласилась! Но даже если так, неужели нельзя было уехать по-хорошему?!

— Прости.

Я лихорадочно отталкиваю его в сторону и бросаюсь вниз по лестнице. На парковке стоит загруженная машина, рядом — дети. Джулиан крепко держит за ручку Кики. Марион плачет.

— Почему ты не едешь с нами? — кричит она на меня, хлюпая носом.

— Я... я... — я сейчас вернусь и голыми руками придушу Лайонела! Я даже игрушки им не подарила, они так и остались.

— Поехали с нами, — говорит Джулиан, протягивая мне вторую руку.

— Я поеду. — Ну, хоть провожу.

— Правда? — Их лица озаряются каким-то светом, что мне становится плохо. Сердце разрывается, я предательница, отвратительная женщина, которая привязала к себе детей, которую Кики считает мамой, а теперь я их бросаю! Таким образом они потеряют опору дважды... Боже, меня сейчас вывернет прямо на тротуар.

Я порывисто присаживаюсь и обнимаю малышкой, однако передняя дверца машины открывается, и оттуда выходит женщина. Меня словно в грудь ударяет, я сейчас закричу. У нее кудрявые каштановые волосы и кожаный жакет. Керри? Боже мой, как она на нее похожа! Те же волосы, пухлые губки. Где, мать вашу, Лайонел ее откопал, на выставке клонов?! Естественно, он дал задний ход и решил тайком смотаться, пока я не прознала, ведь у него нашлась Керри версии 2.0. И он не понимает, что эта женщина совсем другая, чужая. Она никогда не полюбит детей как Керри. Она же сидит в машине, пока Марион плачет, что за ведьмой нужно быть, чтобы не реагировать на такое?!

— Оливия, — протягивает она руку. Кстати, выглядит она потрясающе, а я даже волосы не причесала. Отличная кандидатура на должность родителя года.

— Поехали с нами, с папой и Оливией, — дергает меня за руку Марион.

— Так не бывает, — шепчу я. Для меня даже в машине места нет. Я всегда в другой, той, где сидит один лишь водитель.

— Мама, — зовет меня Кики, тянет ручки. Я не мама, я всего лишь та, кто научил ее алфавиту. Не смею до нее даже дотрагиваться... Теперь не нам решать наши судьбы — Лайонелу. Этому ублюдку, который любил Керри больше, чем детей. Боже мой. Он так безумно любил Керри, что плевав на все нашел хотя бы похожую... Как я могу его в этом винить?

Он выходит из подъезда вместе с коробками, ставит их в ногах заднего сидения, потому что весь багажник забит. Да, неважно, детям она не мешает, они еще слишком маленькие. О чем я думаю?!

— Ты ошибаешься, Лайонел. Она не Керри, — говорю я.

— Ты тоже, — бессердечно рубит он и жестом велит Оливии усаживать детей в машину. Понимает, что ссоры не избежать.

— Но я и не пытаюсь претендовать, я не притворяюсь никем, кем не являюсь на самом деле! — не помня себя, ору я. Я не должна так кричать при детях, потому зажимаю рот и делаю несколько глубоких вздохов.

— Мне жаль. Я говорю, это ошибка. У тебя своя жизнь, мне жаль, что я был слишком слаб, чтобы отказаться от помощи. — Дьявол, а я ведь сделала все, как говорил Картер. Лайонел стал отцом, он принял решение. Какое-никакое, но окончательное. А больно снова мне! Ленту почетного неудачника, пожалуйста.

— Последние три месяца я жила для вас. И это моя благодарность?! Тайком уехать, не попрощавшись?

— Прекрати.

— Ты мало, Лайонел, думал о детях, только о себе. Это жалко! Я помогла тебе подняться, и вот что получила взамен! — выплевываю я ему в лицо.

— Быстрее, — ледяным тоном говорит он. — Ты помогла мне это сделать всего лишь быстрее, я бы смог и сам. Я взрослый и состоявшийся мужчина, Джоанна, не по твоим критериям, но это так. Я не Шон Картер, я не Ашер Циммерман, но извиняться за это не собираюсь. Вот что я пытался тебе сказать вчера. Спасибо. Я благодарен за помощь. Благодарен, что ты оказала детям неоценимую поддержку, но тебя никто об этом не просил. Ты пришла, скомандовала, и все подчинились... Теперь просто уходи.

— Я делала так, как лучше для детей! Потому что ты...

— Вот именно, потому что я. Теперь я решаю, что для них лучше, как ты и хочешь. Прости, что не в твою пользу, но... так будет лучше для всех. Ты одиночка. Ты стала такой же, как Шон Картер. Ты осуждаешь, подавляешь и прогибаешь, ты контролируешь, ты достойная ученица. Почему вы все еще не вместе? Уверен, этим вопросом задается каждый, кто был на твоей свадьбе с другим мужчиной. — От этих у меня на лице дергается мускул.

— Да, я не слабачка, — кричу я. — Больше нет. Почему я должна каждый раз расплачиваться за то, что окружающие меня мужчины — тряпки, которые не в состоянии сказать «нет»? Они запросто позволяют мне делать все самой, лишь бы не прилагать никаких усилий...

— Господи, ты послушай себя, ты же в точности как он. Разница лишь в том, что пытаешься выглядеть милой. Ты сладко стелешь, ты обаятельна, за этим фасадом трудно разглядеть то, что внутри ты просто кусок кремня. Керри умерла, а ты даже не заплакала на ее похоронах. Тебя бросил Ашер, ты ни разу о нем не заговорила, о человеке, за которого

собиралась выйти замуж. Потому что если кто-то ошибся, вон и прочь. И за все эти три месяца, черт, страшно подумать, ты ни разу не пропустила утреннюю пробежку! Я боюсь тебя. И любой нормальный человек тоже испугается.

— Зря, Лайонел, я хороший человек, — шепотом говорю я. — Я хороший человек, Лайонел, слышишь?

— Я не сомневаюсь, ты очень хорошая, иначе Керри бы тебя не любила. Но иногда я сомневаюсь, что ты человек.

— Да что ты такое говоришь?!

— То, что тебе нужно услышать.

— В чем ты пытаешься меня убедить?

— В том, что чужая жизнь тебе не подойдет. Ты... как вы это называете? Бабочка? — Киваю. — Бабочки погибают, если им обрезать крылья. Ты не плохая, ты просто из другого теста, нечего тебе делать с людьми, подобными нам. Летай одна. Или не одна. Я вас не понимаю, и многие не поймут, но я видел, как другим, чтобы тебя раскусить, даже вопрос не нужно. Я глупость сделал, что предложил тебе тогда остаться с нами. Ты была права. Во всем. Мы никогда не сможем быть счастливой семьей...

— Я не хочу жить с вами, но я хочу быть частью вашего мира. Или ты думаешь, что уже решил все проблемы? Они у тебя только начинаются, потому что ей плевать.

— Джо. Не надо. Так для всех будет лучше. Мне ни к чему твоя помощь. Я справлюсь, а у тебя другие задачи.

— Ты будешь просить о помощи. Потому что ты создал фасад идеальной семьи без содержания!

— Это лучше, чем даже на фасад не решиться.

Эти слова ужасно ранят, и пока я прихожу в себя, он хватает меня за руку и зажимает в кулаке ключи от моей квартиры и идет к машине. А когда садится в нее — первым делом закрывает замок, будто я начну вытаскивать малышей, точно котят, силой. Лайонел проверяет, все ли пристегнуты. Но Марион и Кики кричат и тянут руки ко мне, а Джулиан... Джулиан смотрит с такой грустью и болью, что, чувствую, именно сейчас может сломаться. Это двукратная потеря. И для них, и для меня. Они все стучат в окно, машут. Как Лайонелу удастся при таком раскладе спокойно тронуться с места?! Что я здесь делаю, какого хрена я стою?! И я бросаюсь за ними, я бегу на пределе возможностей, по перекресткам, не обращая внимания на трафик, уже давно потеряв из виду семейный универсал Лайонела, пока не падаю на колени, сраженная резью в легких, а еще головокружением и тошнотой из-за омерзительного похмелья. Я пробежала не так много. Если бы не чертова текила, я бы точно оказалась сильнее и быстрее, а теперь сижу на тротуаре, окруженная оборачивающимися людьми. Внезапный приступ тошноты заставляет меня схватиться за урну и вывернуть туда содержимое желудка, теперь на меня смотрят с отвращением. Обнимающая урну девица с грязными волосами в помятой одежде. Отличная иллюстрация одиночества...

Обратно, до дома, я добираться целый час, потому что мне ужасно плохо, не только физически. Оказавшись в своей обманчиво приглашающей, но такой пустой квартирке, я чищу зубы три раза и заползаю в кровать, чтобы заснуть.

Сиднейское солнце лишает красок все вокруг. Картинка похожа на передержанный пленочный снимок, но даже в таком свете яркий ореол волос приковывает к себе все внимание.

— *Что ты творишь?! Как ты можешь?! Немедленно заведи у нее моих детей!* — кричит на меня Керри.

Мы обе снова на парковке моего дома, она разворачивается, и, совсем как я, бросается вслед за машиной Лайонела. А я за ней. Бегу, бегу, бегу, раз за разом выкрикиваю ее имя. И отчего-то ей так легко, а я врезаюсь в людей, меня сбивают машины, но я встаю снова и снова, и ничего не болит, но ноги такие ватные, что не догнать бегущую впереди подружку. Она все дальше и дальше. Я выдыхаюсь, по лицу текут пот и слезы.

— *Керри, подожди меня, пожалуйста, подожди!*

Я больше не могу бежать, только ползти. Меня пинают со всех сторон, но я не могу подняться на ноги, падаю и падаю, а яркие кудряшки уже давным-давно не видны.

— *КЕРРИ!*

Я просыпаюсь в комнате, фونهاющей моими криками.

Глава 20. Возраст

К началу учебного года я так и не оправилась, хотя надеялась. Ночной кошмар с Керри в главной роли мучает меня каждую ночь. От нечего делать пытаюсь спастись бесконечной работой. Пришла в диспетчерскую и попросила поставить меня вести все возможные занятия. В итоге, с легкой руки ректора, оказалась назначена на общий с ним лабораторный практикум. Полгруппы у него, вторая — у меня. И что за ребята? Однокашники Каддини, конечно. Вот сижу теперь и думаю, что Йол обязательно выберет руководство Шона, а я буду кусать локти. И кроме себя винить некого.

— По кой хрен ты нахватала на этот семестр столько занятий? — спрашивает Картер, поймав меня в коридоре перед парой. — Тебе не денег нужно, так что же это?

— Отсутствие времени.

— То есть своими синяками под глазами ты согласна добровольно зарабатывать мне миллионы? Чудо, а не женщина, — криво ухмыляется он, а я старательно отвожу глаза и пытаюсь сменить тему, потому что совсем не в настроении выслушивать очередную воспитательную речь.

— С какого перепугу мы ведем одни и те же занятия? Мы же с разных кафедр.

— С разных кафедр, Джоанна, мы были еще до твоего поступления в университет, а теперь я ректор. И делаю все, что пожелаю.

— Перебежчик. Ясно. — Я старательно смотрю только вперед, потому что на самом деле дико хочется залезть к нему на колени, свернуться клубочком и чтобы он меня успокоил, сказал, что все хорошо. А это, как мы знаем, параллельная реальность.

— Когда ты с таким расписанием собираешься писать проект?

— Я все еще сплю часа по четыре в ночь максимум. У меня очень много свободного времени. Проект, короче, я пишу по ночам.

— На твоем месте по ночам я бы занимался отнюдь не проектом, — сообщает мне Картер. Ага, воспитательных бесед не избежать, а ведь я так старательно прикрывалась работой.

— Однако, с этим-то и беда, — ядовито просвещаю я начальство в ответ. — Мой

прекрасный характер разогнал всех ухажеров. Если бы ты слышал проникновенную прощальную речь Лайонела, прослезился бы от счастья. Кем только меня не обозвали, а в итоге сообщили, что все сказанное было для моего же блага.

И вдруг Шон меня дергает в сторону, не позволяя войти в открытую дверь лабораторного коридора, и прижимает палец к губам, а ухо к двери. Никогда бы не подумала, что Картер подслушивает и так тоже. Ну ладно, пусть подслушивает как хочет, сама я охотно подслушаю. Следую его примеру.

— Да выбрать нереально, давайте на монетку? — слышу я звонкий голос одного из студентов.

— Нет, так нельзя. Надо понять, кому проще защищаться, — деловито сообщает другой.

— Ректору! — чуть не выкрикивает Йол.

— Да брось, она всего раз на тебя набросилась, и то заслуженно. Ты весь семестр занималась непонятно чем, я вообще удивилась, что на пересдачу не попала, — фыркает моя Хелен, которая на самом деле Элис. Чувствую, что от одного лишь этого напоминания щеки у меня не красные, а пунцовые.

— Да кого не выбирайте, за просто так ставить зачеты не станут! — беззаботно сообщает Каддини, уж он-то точно уже разработал график

— Да, для этого надо принести парочку десятков стаканчиков латте с тремя ложечками сахара, — язвит моя Хелен в ответ. Естественно, это для меня Каддини классный, а для одноклассников он попросту подлиза.

— Однажды у тебя слипнется задница, — шепотом сообщает мне на ухо Картер.

— И ты об этом никогда не узнаешь, — начинаю я рьяно защищаться.

— Ой, это навряд ли.

— Окей, трое есть. Мы с Каддини — Конелл, Йол — Картер, — тем временем, продолжает моя Хелен.

— Что это ты к Конелл то? Она же тебя Хелен Амберт номер два называет.

— Да пусть хоть мышкой-малышкой, только не к ректору. Я его боюсь.

— Мышка-малышка у нее только Каддини, и то во время пижамных вечеринок! — хихикают студенты.

— Смейтесь-смейтесь, я на вас посмотрю, когда она меня Бабочкой выберет, — удивительно злорадно сообщает им мой вроде как любимый итальянец на планете. Это заявление заставляет меня застыть столбом, но кто ж позволит оклематься.

— Молодец парень, — хмыкает Картер. — Пошли. — И хватает меня за руку. Как только мы показываемся студентам, разговоры смолкают. Все сразу такие честные и шелковые, что хоть мультик о Шрэке вместо кота подставляй.

— Моя аудитория, — показывает Шон на одну из двух закрепленных за нами дверей. Несколько студентов начинают семенить туда.

— Окей, — пожимаю я плечами.

— Что окей? Даже не поспоришь?

— Ты всего несколько минут назад сообщил мне, что являешься ректором и можешь делать все, что вздумаешь, — фыркаю я. — Кстати, раз уж будешь сидеть около входа в серверную, настрой сеть, она все время падает. Заранее спасибо, — сверкаю я лучшей из своих улыбок. Ну не могла я не сказать ему какую-нибудь гадость.

— О, Конелл, я только что уверовал в карму и мировую справедливость. Клегг, — до

неприличия радостно объявляет Шон. — Его настраивал Клегг.

Награждаю Картера убийственным взглядом, рывком распахиваю дверь и раздраженно плюхаюсь на стул, который будет греть мою задницу ближайшие пять месяцев. Мне не понравилось то, что я, выходит, подставила Роба. Сажу и стучу пальцами по столу. Студенты ждут.

— Что тарачитесь? Включайте компьютеры, идите на полудохлый сервер и разбирайте лабораторные. Варианты по алфавитному списку, который и вам, и мне любезно предоставит Хелен.

Я сижу перед ноутбуком и чувствую, что видеть его уже не могу. Меня тошнит от его экрана и клавиатуры. Прикосновение пальцев к тачпаду причиняет физическую боль. Глаза тоже болят, но я не знаю от чего именно, возможно, виноват недосып. Я так устала от постоянного страха и вины. Хочу выкарабкаться, и никак. Мне нужен буксировочный тросс и кто-то, кто за него потянет, потому что сил лезть вверх уже не осталось. И хуже всего, что после подслушанного под дверью, я стараюсь даже не смотреть в сторону Каддини. Конечно, было ясно, как день, что он не просто так вокруг меня бегает и кофе носит, но это не значит, что мне приятно знать, что все наше общение держится только на взаимной выгоде. Я настолько дезориентирована, что отказываюсь помогать мальчишке разобраться в коде. Прикрываюсь крайне срочным проектом для Бабочек, а на самом деле сижу на портале и тупо кликаю по вкладкам браузера. Какое счастье, что меня сейчас Шон не видит.

Но возмездие всегда найдет свою жертву. Только я выхожу из аудитории, вижу у дверей Селию Штофф. Не могу сказать, что это худший вариант из возможных, но после Эмилио Юнта и из-за чувства вины перед Керри, я ее избегаю.

— Чего тебе? — бурчу я себе под нос, пытаясь попасть ключом в замочную скважину.

— Да так, пришла удостовериться, что ты жива, — любезно информируют меня.

— Очень мило, учитывая, что ты пригласила Эмилио Юнта...

— Нет! Ты прекрасно знаешь, что его пригласил Ашер! Хватит придумывать причины, хватит отталкивать окружающих. За три недели ты не ответила ни на один мой звонок и дело не в Эмилио Юнте.

— Селия, твоя опека закончена. Ты мне ничего не должна. — Наконец, мне удается справиться с замком, и я начинаю двигаться по направлению к кафедре.

— Напомни-ка, кому ты позвонила, чтобы тебя доставили домой после распитой напополам с Клеггом бутылки текилы?

— Это только потому, что Мадлен жалко, а на мужиков никакой надежды, — фыркаю я. — Так зачем ты пришла?

— Завтра ты идешь со мной на благотворительный бал. Можешь расценивать это как плату за то, что я безропотно согласилась стать твоим шофером на вечер.

— Я тебя умоляю, я и благотворительность? Дамам на обесцвечивание волос не хватает?

— Да что с тобой такое?

— Я и раньше ненавидела благотворительные вечера, а сейчас, раз с Ашером мы разошлись, я не вижу смысла...

— Выходить из дома, — перебивает меня Селия, закатывая глаза.

— Послушай. Место моей лучшей подружки не вакантно. То, что она умерла, не заставило меня почистить реестр. Я люблю ее и не хочу...

— Люби, кто бы был против. Но от необходимости заводить новых друзей тебя это не избавляет. Не отрицай. И не отрицай, что при всей твоей показной агрессии ты просто замкнутая иностранка, которой безумно одиноко.

— Из тебя плохой психоаналитик, Селия! — рывкаю я на нее. — Ты не виновата в том, что Ашер ушел. Порадуйся, что так случилось до, а не после свадьбы (ни суда, ни дележки свадебных подарков), и иди домой.

— Я не из жалости, — вдруг взрывается Селия. — Мне тоже нужны друзья. Джоанна. Я — Селия Штофф. Меня все боятся, раболепствуют. Но не ты.

Это признание потрясает до глубины души. Не думаю, что Селия часто говорит подобное своим знакомым. То есть мой скверный характер эту особу вполне себе устраивает? Хотя, если честно, ее нрав ничуть не лучше, чему уж тут удивляться.

— Если ты собираешь денежки на нужды розовых чихуа-хуа, забудь!

— Нет, для семей погибших на войне солдат. Подумала, тебе это близко.

На базе ВВС я не один раз слышала, как мужчины обсуждали своих погибших сослуживцев.

— Хорошо, — неохотно бурчу я себе под нос.

— Волосы подкрасить не забудь, не хочу за тебя краснеть, — добавляет она и достает телефон, чтобы сразу набрать следующий номер. Неисправимая женщина. Помимо воли стою и улыбаюсь ей вслед.

Я уже почти забыла, насколько противны мне эти сборища и притворные улыбки. К счастью, хотя бы Ашера и Эмилио Юнта не видно. Здесь почти все по парам, такое впечатление, что Селия позвала меня для того, чтобы я составила ей компанию, ведь Тобиас — врач, вечно работает и в обществе с ней не появляется. Клянусь, если бы я могла заснуть или не испытывала тошноту от одного лишь вида ноутбука — отказалась бы идти. Здесь же такая тоска... В общем, пока Селия обсуждает последние новости из жизни Сиднея и руководит закусками, я дегустирую вина. Интересно, если я напьюсь, кошмар пропадет?

Стою около стола и рассматриваю закуски. Так-так, с чего бы начать? Раз уж я тут, хоть поесть попробую. Однако, пока я пытаюсь решить креветка или устрица, ко мне подходит какой-то мужчина и приглашает на танец. Я мрачно качаю головой и отвечаю ему:

— Простите. — Не хочу я танцевать, пока не освободилась от власти Керри. — Не так давно я потеряла очень близкого мне человека, и пока не позволяю себе подобной роскоши.

— Тогда, может быть, выпьем? — А вот это поддерживаю, но надеюсь, что после кавалер уйдет. — Кстати, мое имя Дрю, — представляется.

— Джоанна, — неохотно представляюсь я.

— Я знаю, — хмыкает он. — Кто же не в курсе трагичной свадьбы Ашера.

Это напоминание — точно поднесенная к фитилю спичка.

— Дрю, вы что, издеваетесь? — возмущенно восклицаю я. — Это худший подкат в истории человечества! — И еще волосы для полноты картины отбрасываю.

В зале, ну, или, по крайней мере, в радиусе нескольких метров становится тихо-тихо. Я же, вроде не кричала... не кричала ведь? А почему тогда все на меня смотрят в таком изумлении? Что вообще происходит? Но понять мне не удастся, так как совершенно внезапно тишину разрезает чуть ли не истерический хохот Селии. В шоке все. На нее смотрят так, будто она сошла с ума...

— Мне нужно на воздух, простите! — заявляет хозяйка вечера и бросается к

балкону. Я следую за ней и обнаруживаю, что всемирно уважаемая миссис Штофф согнулась около перил, и продолжает хохотать.

— Ты хоть знаешь кто он? — спрашивает она, отчаянно лова ртом воздух.

— Понятия не имею. Я даже десятую часть присутствующих по именам не помню.

— Этот... этот Дрю, — выдыхает Селия, — считается главным соблазнителем на подобных мероприятиях! А ты объявила, что он устроил худший подкат в мире.

И тогда хохотать начинаю я. Селия ко мне присоединяется, затем рассказывает об этом парне и его бесчисленных победах. Когда, вдоволь насмеявшись, мы возвращаемся в зал, на нас поглядывают странно. Дело в том, что обычно Селия Штофф не хохочет в голос. И пусть с ней я никогда не прогуляюсь босиком по песку, не напьюсь текилы на пляже, не услышу домислов на тему того, кто с кем спит и благодаря чему, эти отношения действительно похожи на дружбу. Она заставляет меня чувствовать себя лучше. Живее. И я в хорошем настроении ровно до тех пор, пока не замечаю в толпе Шона и Йол. Дьявол, а я уж былс подумала, что между ними все кончено... Внезапно меня охватывает злость.

— Помнишь, я спрашивала про Ребекку Йол? — выдергиваю я Селию из толпы.

— Угу, — кивает она.

— Вот. На локте Картера сейчас висит именно она. Я видела ее голой на яхте Эмилис Юнта.

Внезапно Селия начинает махать руками и шипеть. Она явно опасается, что меня услышат.

— Они постоянно появляются вместе, но я не знаю почему, — шепчет Селия. — Ты правда хочешь, чтобы я выяснила что-нибудь про эту девушку?

— Да. Пожалуйста, — сильно вцепляюсь в руку сестры Ашера. — Только будь осторожна с Юнтом.

— Договорились, — кивает она. Может, с моей стороны это эгоистично, но очень хочется все разузнать.

Когда я снова поворачиваюсь к Картеру и Йол, замечаю, что девушка с ужасом смотрит на меня. В крови начинает играть алкоголь, и, сорвавшись с места, начинаю проталкиваться к ней. Достало видеть это выражение лица. Она же меняет курс и пытается оказаться от Шона как можно дальше. Мы обе выходим из банкетного зала в фойе.

— Я не собираюсь тебя есть живьем, ясно? — говорю я сходу. — Хватит выставять меня монстром!

— Я... я... мне показалось, вы рассказали обо мне Селии Штофф? — внезапно спрашивает она. — Пожалуйста, скажите, что это неправда.

— К слову пришлось, — вру я, не моргнув глазом.

— Боже мой, зачем? Что? Вот что я вам сделала?! — кричит она, всплеснув руками, а затем разворачивается и бежит к выходу.

Но на этом абсурд не заканчивается.

— А я-то думаю, куда Йол делась, — фыркает Картер. — Где она?

— Я-то при чем?

— Что ты ей сказала?

— Да ничего! Она ни с чего вдруг взбесилась и убежала, — фыркаю я, указывая на дверь и высокомерно задираю подбородок. Как он вообще после всего, что было, смеет меня спрашивать об этой девице?!

По лицу вижу, что Картер ни слову не поверил. Но это еще ничего, потом он и вовсе разворачивается и уходит вслед за своей чертовой шлюшкой.

Вода кажется темной, устрашающей. Ветер рвет красивое вечернее платье и треплет волосы, разбрасывая по тротуару ныне бесполезные шпильки. Я стою на мосту и смотрю вниз, неподалеку меня ждет таксист, я об этом попросила, о запахе соли и ощущении ветра на лице. О бурлящей в нескольких метрах под ногами черноте. Она меня пугает. Мы с Керри столько раз шутили о том, чтобы прыгнуть с моста. Но, разумеется, никогда бы на это не решились. А теперь... сделали это? Керри, должно быть, теперь легко. Она уже потеряна в неугомонной темной массе, а я здесь, все еще на поверхности, барахтаюсь из последних сил и не могу доплыть до спасительного берега.

В глубине, должно быть, все просто. Там ничего нет. Ни боли, ни любви. Некому их причинять. Легко ли тебе теперь, Керри? Надеюсь, потому что без тебя невыносимо. А если бы я вот так же внезапно ушла бы, обо мне бы горевали? Шон Картер бы почувствовал хоть что-нибудь? Искал бы причины? Молил бы провидение о том, чтобы оно меня вернуло? Торговался бы с небесами? Или он бы просто бегал за своей Йол? Поменяла ли я в его жизни что-нибудь? Ну хоть что-нибудь!

Смерть — не более чем малодушие. Покидая этот мир, ты пишешь «не справился с обстоятельствами» и заставляешь других делать двукратную восстановительную работу. Как же я зла, Керри, я бы хотела на тебя накричать, может быть, даже ударить. За то, что ты сделала со мной, за то, что я стою на мосту и рассуждаю как завзятый фаталист вместо того, чтобы поехать к Шону и потребовать, наконец, объяснений его поступкам. Еще я злюсь за то, что почувствовала себя нужной трем маленьким человечкам, которым больше не на кого опереться, но не имела на это никакого права. За то, что я была уверена, что любима тобой, а теперь, когда ты ушла, совсем потерялась и не знаю, кому действительно небезразлична.

Волосы больно хлещут по обнаженной коже спины, снова и снова отрывая меня от грустными мыслей. Я разворачиваюсь и иду к такси, которое увезет меня домой, где по ночам меня преследует кошмар, в котором я раз за разом сама не справляюсь с обстоятельствами.

— Док, ты что, злишься? — спрашивает Каддини, поймав меня около кофейных автоматов. — Мы же всегда пьем кофе вместе, а теперь ты меня даже не зовешь!

У мальчишек все так просто: привычный уклад изменился, значит, что-то случилось. Интересно, он бы заметил мою обиду, если бы не кофе?

— Я просто хочу попить кофе одна. Подумать.

— Что, опять над проектом? — Мы можем поговорить хоть о чем-нибудь, кроме Бабочек?

Сколько живу, так и не нашла ответа на вопрос могут ли отношения, основанные на выгоде, перерасти в искреннюю привязанность. Для меня это уже давно стало нормой, а для других? Может быть Каддини просто полагает, что перспектива стать Бабочкой окупает кофе и потерянные сережки...

— Нет, над другим, — сухо говорю я.

— У тебя новый проект для университета, если да, то я...

— Каддини! Это личное, понимаешь?

Но парень не унывает, он вдруг стаскивает рюкзак с плеч и начинает с максимально сосредоточенным видом там копаться. Кажется, бардак там как в женской сумке. Только, судя по всему, внутри сплошные микросхемы, по крайней мере, парочку таковых я уже заметила. Странно, но мне очень хочется сунуть в рюкзак нос и удостовериться, что в нем не спрятан адронный коллайдер. К сожалению или счастью, не успеваю это сделать, потому что внезапно Каддини выныривает и со счастливым видом протягивает мне какую-то цепочку.

— На, Док, — торжественно вручает мне находку парень.

— Это что? — удивляюсь я, но чуточку смягчаюсь.

— Ты говорила, что тебе не хватает компаса. Это он. Штука весьма бесполезная и работает хуже, чем советы Керри, но теперь ты всегда будешь знать, где север. А если все-таки понадобится дружеский кофе, я только за. Ну все, мне пора бежать на пару.

Он срывается с места, а зря. Если бы не это, я бы парнишку обняла...

— Спасибо, Каддини, — шепчу я. А все потому что вот так, незатейливо и вряд ли осознанно, он вернул мне веру в нашу дружбу.

Не став медлить, я застегиваю на шею простенькую, но такую замечательную цепочку, а потом перехватываю поудобнее папку и иду в приемную ректора. Но для этого события определено нужно особенное местечко, потому что стою я около стола секретарши Шона, а вокруг двери в кабинет людей как на вокзале, все хихикают, и сидит совершенно невозмутимая мисс Адамс...

Я всего-то зашла занести расписку за технику безопасности в новом семестре и коды Бабочек, а теперь стою, ошалело моргая. Студенты шепчутся и вдруг все как один начинают тарашиться на меня.

— Да нет, вот она...

— Но раз она тут, то кто там?

Дело в том, что из кабинета Картера доносятся совершенно отчетливые женские стоны. Первые два раза я умоляла провидение, чтобы мне послышалось. Но провидение оказалось подглуховато.

— Ммм, вы не могли бы передать профессору коды для Бабочек? Это уже прошедшие через Такаши и тестировщиков и как бы важны, — говорю я мисс Адамс, отчаянно краснея. Женские стоны наполняют воздух и мою голову. Мда, в такой ситуации мы еще не работали. Только мисс Адамс.

— Честно, говоря, мисс Конелл, я понятия не имею, что именно там происходит, но профессор один.

— На это... мало похоже, и я, пожалуй, не рискну зайти.

Если у меня хватит сил на то, чтобы не влететь туда и не выдрать все волосы Ребекке Йол... У меня все еще нет прямых доказательств, что они спят вместе, но порой безумно хочется, чтобы они появились, и я могла эту шлюху уже полностью осознанно и официально ненавидеть.

— Зайдите и все, — огрызается мисс Адамс. — Может быть, это хоть прекратится. У меня дико болит голова. — Она наливает себе стакан воды и берет таблетку аспирина.

— И долго это продолжается? — ненавижу себя за этот вопрос!

— Ну, минут тридцать-сорок. — Нет, это еще не долго. — Мисс Конелл, умоляю, зайдите туда и прекратите это. Я уже не могу.

— А я по-вашему могу?! — огрызаюсь и я тоже. Она думает, что мне не больно?

— Он пришел рано утром и не выходил оттуда ни на минуту. Он там просто сидит, даже кофе не просит. У вас есть очень уважительная причина зайти и... и вы мне должны. — О да, я понимаю о чем она. Раньше у нее болела голова из-за меня. Краснею еще сильнее. Ладно, если мне предназначено зайти и увидеть голую задницу Йол верхом на Картере, пусть оно и будет так, может хоть от романтической чепухи избавлюсь.

— После этого, мисс Адамс, должны мне будете вы.

— Я согласна, только идите. — С готовностью кивает секретарша. — И вот, — протягивает мне она целую кипу документов. — Если он все это не подпишет как можно быстрее, пригрозите уволиться. Со мной такой номер не работает, ректор уверен, что я и умру за этим столом, но вас он послушает обязательно.

А стопка впечатляет, я ее чудом не роняю. Главное — дойти до двери, а потом можно будет этой кипой бумаг хлопнуть по голове Йол.

— Кто-нибудь мне дверь откроет? — рывкаю я на бестолково хихикающих студентов. Разумеется, энтузиастов море, кому ж не хочется подсмотреть, чем это ректор занимается... Но фигу вам, а не хлеба и зрелищ. Сидит Картер перед компьютером, а надрываются одни лишь колонки.

— Мисс Адамс передала, что если ты это не подпишешь, то я должна уволиться, — сообщаю я, скрывая облегчение. Пусть лучше смотрит порно, чем участвует.

— Дверь закрыли! — рывкает Картер на студентов. Ее захлопывают с таким энтузиазмом, что меня чуть волной не сносит, а бумаги опасно накрываются. Однако, шушуканье за дверью не прекращается. Впрочем, стоны тоже.

Документы, к счастью, Картер у меня забирает. Мудрое решение, еще парочка шагов, и они бы разлетелись по всему кабинету.

— И вот коды, — протягиваю я флэшку, как только он кладет бумаги на стол. Последние секунд двадцать, кстати, стонов не было, но как только я подхожу ближе, колонка начинает чуть не подпрыгивать от новых воплей. Спорю, я красная, точно помидор. — Ты не мог бы выключить? — даже не пытаюсь скрыть смущение. Мы же, вроде, на работе.

— А смысл? От того, что выключаешь телевизор, прямой эфир не прекращается, — смакуя каждое слово, тянет Картер. И, главное, смотрит так на меня, будто я должна по-особенному отреагировать.

— Какой прямой эфир? — тупо переспрашиваю я.

— Каждый раз поражаюсь тому, какое чудесное чувство юмора у нашего возраста. Возмездие ждет каждого.

Я совершенно ничего не понимаю. О чем он вообще говорит? Бросаю взгляд в сторону монитора, но вижу только странный серый угол. Дьявол, это же видео с одной из камер университета!

— Конелл, уверяю, тебе безумно понравится. Присаживайся, не стесняйся.

Разумеется, я не сажусь, но любопытство побеждает, поэтому обхожу стол и заглядываю прямо в экран. И... невозмутимость сохранить не удастся.

— Охренеть! — выкрикиваю я быстрее, чем успеваю понять, что творю, и медленно опускаюсь в кресло Картера. — Это же, это же...

— Тише... Или ты хочешь, чтобы каждый узнал этот крошечный секрет для двоих? — хмыкает Шон.

— Уже как минимум для четверых! — отвечаю я потрясенно, не могу перестать ошалело пялиться на Хелен Амберт, которая удивительно проворно скачет верхом на студенте в той самой комнатке с суперкомпьютером, откуда, как я теперь понимаю, у Картера с наших с ним времен остался не один десяток хоум-видео.

Хелен Амберт. Хелен, черт ее дери, Амберт! Девушка, которая чуть ли не на глазах у всего университета переспала с Картером, заняв мое место, теперь сама стала «преподавать» тем же способом. Это так гадко и мерзко. Я никогда не понимала, насколько нездоровыми кажутся со стороны подобные отношения. Ничего удивительного, что у нас с Шоном ничего не получилось, оно просто не могло получиться. Выглядит как бессознательный рефлекс доминирования и им и является. Что-то вроде «я могу, и тебе нечего возразить».

Но хуже всего то, что в природе происходящего также лежит отчаяние. В наше время, когда все пропадают в сети и на работе, найти того единственного, нужного как воздух, невероятно сложно. Видимо, Хелен начала искать себе попутчиков, пользуясь моделью поведения Шона. Как он назвал это? Возмездие? Неужели мы и правда впитываем как губки все, что видели годами, а потом используем полученные знания применительно к себе, потому что других вариантов уже не видим? Не об этом ли говорил мне Лайонел? Я слишком долго играла по правилам Шона, чтобы легко абстрагироваться от него и подстроиться под другого человека, я предпочитаю прогибать людей удобным мне образом, но не все на это согласны...

Одна лишь мысль в конечном счете оказаться на столе вместе со студентом вроде Каддини или МакКензи (который вполне себе счастлив сейчас наедине с Хелен), вызывает у меня рвотный рефлекс, это определенно не мое, но есть и другие аспекты. За прошедшие годы я в корне пересмотрела взгляды на многие вещи... и, в итоге, путем проб и ошибок поняла, что, как ни странно, чувство комфорта мне дарит именно он — Шон Картер. Тот, у кого я пытаюсь искать утешение, когда весь мой мир разваливается на части, когда умирает Керри, когда на волоске висит будущее родителей, да и собственное — ведь уехала же я в Сидней по первому зову.

Так когда это случилось? Как я ухитрилась так далеко впустить в свою душу человека, который некогда выкорчевал и вытоптал все в ней? Не знаю, но, дьявол, какая разница? Не думаю, что есть обратный путь. Вода обтачивает камень долго и безвозвратно, невозможно взглянуть на него и не понять, насколько некогда они были близки. Я была подружкой ректора безумно давно, но сегодня студенты подумали, что в кабинете с Шоном именно я... Это означает, что *мы* очевидны.

Кажется, Картер мне что-то говорит, но я его не слышу, встаю из кресла и, не оборачиваясь, выхожу из кабинета. Звоню на кафедру, прошу отменить все сегодняшние занятия и покидаю кампус. Я еду домой. Собрать вещи.

Глава 21. Рекогносцировка

Я останавливаю машину около дома Шона, прямо напротив окон, чтобы ее было видно. Дожидаюсь, когда откроется дверь. Картер выходит на крылечко с чашкой кофе в руках, как есть, и прислоняется плечом к дверному косяку. Просто стоит и смотрит. Молчит, ждет моих действий. По возможности невозмутимо вылезая из машины, открываю багажник и достаю оттуда чемодан. Заказывали? Получайте. Теперь ход за Картером. Он может меня отвергнуть или унижить, но *это лучше, чем даже на фасад не решиться*. Медленно и неторопливо, так же бесстрастно, как я, Картер спускается по ступенькам крыльца, приближается, молча вручает чашку и подхватывает тяжелый чемодан. Чтобы скрыть облегчение, делаю глоток кофе. Он не такой, как я люблю. Горький, чуть подслащенный эспрессо. Мы не говорим друг другу ни слова, но нужно ли? Мой чемодан в его доме, а я на его кухне мою его чашку. Вторжение не менее интимное, нежели повсеместно воспеваемый секс...

Однако спокойствие наэлектризованное, выжидательное. Внешне тихо-тихо, но сладкое предвкушение уже завязывает все внутри узлом. И я не ошибаюсь. Руки Шона обхватывают мою талию, разворачивают, запрокидывают голову для поцелуя. Я повисаю в них, точно безвольная марионетка, в которую вдохнуть жизнь могут только его губы. Пытаюсь привстать на цыпочки, чтобы дотянуться и стать еще ближе, но не выходит, вместо этого я оказываюсь сидящей на разделочном столе и забираюсь руками под его одежду, ударяюсь головой о шкаф, но даже не замечаю. В попытке разместить нас обоим удобнее, Картер опрокидывает на пол кофемашину, но у меня даже жалости для нее не находится. Я занята тем, что стараюсь расстегнуть ремень его брюк. Черт возьми, я не просто так надела юбку, чувствовала, что в порыве безумия будет не до стриптиза... Он не нежен и не ласков, выдержки просто не осталось, и между шкафами и холодильником так мало места, что голову не откинуть, не разорвать зрительный контакт. Шон будто наказывает меня за все то время, что я упрячилась и отказывалась сдаваться, не позволяет ничего придержать или спрятать. И даже вслух говорить не нужно, правильные слова сквозят в каждом взгляде и жесте: не уйдешь, не отпущу; возможно, никогда...

Лежа в неудобной позе на столешнице, пытаюсь оправиться от ран, нанесенных безжалостной откровенностью, я смотрю на пол, на пластиковые обломки кофемашины и сожалею.

— Я ее любила, — хрипло говорю я. — Не представляю, как в твоём доме жить без кофе.

Картер, в свою очередь, бросает в сторону короткий взгляд и, с трудом набрав в легкие воздух, говорит:

— Завтра куплю новую, а пока поищешь допинг в спальне.

Я бы согласилась провести в его кровати всю жизнь, просто рядом с ним. Ради чувства спокойствия и надежности. Ради режущих своей правдивостью коротких, но отчего-то утешительных фраз. Ради возможности быть собой... Но мне страшно, что Шон догадается, сколь сильно он мне нужен, что все вернется в прежнее русло, и потому я вынуждена

держат показную дистанцию.

На часах три, ноги запутались в простынях, а Шон лежит рядом и смотрит в потолок. Я даже боюсь представить, о чем он думает, не кажется ни счастливым, ни несчастным. И у меня нет ответа на вопрос, рад ли он моему приезду. Секс есть секс, но, бесполезно врать, я отчаянно хочу большего, хотя, кажется, согласилась даже на то, что было. Лишь бы ближе к нему.

— Я пойду в другую спальню, — хрипло говорю я, мне все еще нужно место, в котором я могу спрятаться от Шона. Только теперь там я буду мечтать о нем.

— Одну секунду, — бесстрастно говорит Картер, встает и куда-то уходит, кажется, в компьютерную комнатку, потому что очень быстро возвращается. — Дай мне руку.

Это странно, но я не спорю, ведь ночь, а у меня в крови разгул эндорфинов. И вдруг... щелчок, и холодно запястью...

— Это что? Это... наручники?! — задыхаюсь я и пропускаю момент, когда второй браслет обвивает руку Шона. — Ты совсем спятил?!

— Спи, Джо, — невозмутимо отвечает мне Картер.

— Я... я кричу во сне. Я не дам тебе спать!

— Это определенно худшее, что со мной может случиться, — говорит он настолько серьезно, что просто не может не издеваться.

— Откуда вообще у тебя наручники? — начинаю я опасаться прочих возможных атрибутов. Кстати, стальные браслеты самые настоящие!

— Леклер прислал на день рождения несколько лет назад. Он считал, что мы достаточно близки, чтобы поздравлять друг друга с большими праздниками. Гляди-ка, пригодились.

Вздохнув, плюхаюсь на подушки снова и заставляю Картера последовать за мной.

— И как мы должны спать по-твоему? Обе руки левые! — продолжаю возмущаться.

В ответ он просто прижимает мою спину к своей груди, окончательно дезориентируя. Это дьявольски хорошо, настолько, что хочется расплакаться, а сейчас я не могу себе позволить подобную слабость. Кажется, в моем теле напряжена каждая мышца, так страшно размякнуть и наделать глупостей, о которых потом придется жалеть. Идут минуты, знаю, что Картер тоже не спит, знаю, что чувствует звенящее напряжение. Я насильно заставляю себя опустить плечи, расслабить шею, спину. Это сделать тяжело, но если ночью мы настолько уязвимы, остается только поторопить утро, а сон — лучший способ.

Несколько раз я провариваюсь в сон, неглубокий, беспокойный, но только он становится крепче, как просыпаюсь от собственного крика. По щекам снова, текут слезы, воздуха не хватает. Вскрываю на кровати, разумеется не помня ни о каких наручниках, и запястье прорезает боль, металл сдирает кожу. Мне. И Шону. Он тоже проснулся и теперь сидит рядом. Так хочется накричать за то, что он заставил меня показать свои кошмары как есть. Стыдно. А ведь я не смогу объяснить, что именно меня так тревожит — сама не понимаю.

— Тише, — негромко говорит Картер, толкает меня назад, укладывает на подушку и целует губы. Я вырываюсь.

— Сними их с меня, — кричу. — Дай мне уйти в другую спальню!

— Замолчи, — звучит куда более жесткий ответ.

— Мне больно! — продолжаю протестовать.

— Мне тоже.

Именно эти слова заставляют проглотить все возмущения. Слезы теперь просто текут по вискам, скрываясь в волосах. Картер, тем временем, меня не отпускает. Он заводит сцепленные руки мне за голову и продолжает целовать. Сначала спокойно, а потом, казалось бы, по моей инициативе, все становится жарче, ярче, пока, в конечном итоге, мы не начинаем причинять друг другу новую боль. После всего плохого, что было, это кажется естественным. Наказание, выплескивание обид, честность, до которой раньше мы не доходили никогда. Ты делал мне больно, Шон, а я — тебе. Это действительно *наша* боль.

Наступившая утром легкость идет вразрез с логикой. Я почти не спала, вернулась к человеку, с которым нужно быть начеку каждое мгновение, но мне хорошо и легко настолько, что хочется петь. Принимая душ, я закусываю губу, чтобы не улыбаться как дурочка. Даже бесконечная укладка волос не раздражает. Но есть и ложка дегтя. Прихожу на кухню, а в дверях стоит и мрачно смотрит на обломки кофемашины уже полностью одетый Шон. Ага, кофе-то нет!

— Я же говорила, что без кофе будет печально, — вздыхаю я. — Может, у тебя есть в хотя бы растворимый? — спрашиваю с надеждой.

— У меня была отличная кофемашина, к чему всякое лишнее дерьмо? — презрительно интересуется Картер.

— Старбакс, — заключаю я. Он даже не возражает.

Не спрашивая разрешения, вообще ни слова не говоря, сажусь в мазду Шона, хотя под окнами стоит моя старенькая хонда. Раз я приняла решение, с последствиями тоже придется столкнуться. И чем раньше, тем лучше. Да, Роб, скорее всего, скажет, что я сошла с ума, перед Селией стыдно, но это моя жизнь, я должна бороться за нее. Даже с друзьями.

Кофе покупает Шон, уверена, он не умрет, если принесет мне одну чашечку. Но только Картер открывает рот, я начинаю жалеть о своем решении и сочувствовать не только работникам, но и всем посетителям. Мой ректор не для слабонервных.

— Я попросил принести два латте и два двойных эспрессо. Вы считать умеете? Что вам непонятно в цифре два? — желчно интересуется он.

— Простите, я... — начинает заикаться девушка за прилавком.

— Два латте я вижу, но эспрессо только один. Кстати, снимите крышку, чтобы я удостоверился, что он двойной, а то у вас то ли дислексия, то ли проблемы с арифметикой.

Девушка дрожащими руками начинает сдергивать пластиковую крышку, но та слишком долго не поддается.

— Секундочку, — полушепотом говорит она, а меня уже распирает хохот. Справившись со своей неразрешимой проблемой, бедная работница старбакса демонстрирует Картеру содержимое, а затем бросается готовить вторую порцию кофе. Но все ведь не настолько просто! Только она протягивает поднос, Шон ее буквально добивает:

— И поешь что-нибудь.

— Что вы бы хотели? — в отчаянии спрашивает девушка.

— Что-нибудь, что вы не перепутаете. В размере двух — ровно двух — экземпляров.

Чтобы не расхохотаться, приходится уткнуться в телефон. Когда Картер приносит наш завтрак, весь старбакс выдыхает с облегчением.

— Сегодня же закажу кофемашину, — сообщает Шон.

— Да, закажи ее сегодня, — киваю я.

Манжеты мужской рубашки хорошо скрывают рану на запястье. Мои хуже, но я постаралась прикрыть следы ночного противостояния браслетом, хоть это и причиняет боль.

— Я не хочу, чтобы ты меня приковывал снова, — говорю я. — Обещаю не сбегать.

Некоторое время Картер подозрительно на меня смотрит. Не верит, что я действительно никуда не денусь. Наверное, я слишком часто спасалась позорным бегством, чтобы мне поверили. И все-таки он кивает, соглашается. Сначала я даже открываю рот, чтобы поблагодарить его, но вовремя себя останавливаю. Это лишнее. Мне теперь всегда придется помнить об ограничениях. Ему мои слова ни к чему, ни к чему.

Я не ошиблась. И на этот раз хочется добавить «к сожалению». Роберт Клегг человек чудесный... нет, Роберт Клегг просто невероятный человек, однако стоит при нем упомянуть имя «Шон Картер», и он превращается в полного придурка. Разумеется, слухок о моей маленькой смене компании разлетается по университету с такой скоростью, что жутко. Все, что связано с нашим ректором в мгновение ока становится хитом среди университетских сплетен, и потому я самая популярная персона в кампусе. Опять и снова. Вот как Роберт Клегг о нас узнал, а уж озвереть за то время, что шел на кафедру, успел.

— Ты совсем рехнулась? — орет он, с пинка распахивая дверь, и точно пышущий паровоз двигается на меня. — Опять спишь с Картером! — потрясает Роб кулаками.

Это было бы страшно, если бы не несколько «но». Роберту Клеггу чуть меньше сорока, но на висках уже очень даже интеллигентные залысины. Роста он среднего, а комплекции отнюдь не внушительной. Он профессор в средненьком, чистеньком костюме, на внушающего ужас боксера совсем не похож. Ничего удивительно, что я не впечатлилась и не испугалась.

— Это не твое дело. Кстати, доброе утро!

— Доброе?! Какое же оно, черти лысые, доброе?! — продолжает вопить Роб. У секретарши такой вид, будто ничего прекраснее она в жизни не видела. Сейчас по столу от счастья растечется. Еще бы, внезапно она обнаруживает, что характером злобной истерички наделена не одна. — Да, я понимаю, что был непростой год, я понимаю, что Ашер и Брюс не были идеальными, но, в отличие от Картера, ни один из них не сделал тебя инвалидом...

— Наверное, это потому что им было неинтересно даже это, — пожимаю я плечами. Секретарша сейчас свалится со стула и начнет в экстазе дрыгать конечностями. Вид у нее до неприличия восторженный.

— Да, а Картеру нравится делать из тебя больного на всю голову монстра имени самого себя!

Стоооп! Что?!

— Хочешь сказать, что я такая же, как Шон? — выкрикиваю я.

— А что, тебя настолько пугает Шон, что ты не хочешь быть на него похожа? — ядовито интересуется Роб. — Удивительно здравая, знаешь ли, мысль, учитывая, что в прошлом ты примерно раз в несколько месяцев бралась за поиски нового жилья, потому что была не в состоянии его выносить! Если ты действительно собираешься жить и спать с этим выродком снова, по доброй воле и в трезвом уме, не вздумай приходить к нам к Мадлен жаловаться. Это был твой выбор, тратить на твои капризы нервы мы больше не станем.

— Отлично, Роб. Вот она — дружеская поддержка в лучшем ее проявлении. А я-то было надеялась на что-то типа «твоя жизнь, делай, что хочешь». А, кстати, все ведь верно! Моя жизнь, делаю что хочу. Не собираюсь ставить во главу угла тебя, и если для тебя обиды на

Шона Картера важнее, чем я — скатертью дорожка.

— Ты совершаешь огромную ошибку, как ты не понимаешь?

— Все, что делаю в последний год, — уже одна большая, сплошная ошибка. Чего уж тут теперь-то бояться?

Однако, в чем-то Роберт Клегг и прав. После бурных выяснений отношений я вылетела с кафедры, проклиная всех на свете, но некой частичкой мозга понимала, что справедливость в словах друга есть. Если для кого Шон и изменился, то для меня, не для других. И я понятия не имею, что именно эти метаморфозы затронули. Да, он больше не орет на меня за каждый промах, но и ножки целовать не собирается. Доказательство? Саднящее запястье. Куда там, мы не дошли даже до откровенности. Я не сказала, как и почему вернулась, не сказала, что если он позволит, останусь насовсем, а он ни словом не обмолвился о том, на что в отношении меня рассчитывает. И это чувство двойственности отнюдь не пропадает. Только я заканчиваю лекцию у студентов, дверь распахивается, и в аудиторию врывается мой ненаглядный ректор.

— Вы с Такаши мои пометки вообще читали? Или сделали все, как удобнее лично вам? Переделать, — сухо сообщают мне.

— Руководитель проекта — Такаши, а не ты. Он сказал мне, что иначе не получится, мне оставалось только согласиться. Если тебя что-то не устраивает — разговаривай с ним.

— Нет, Джоанна, тебе остается соглашаться не с ним, а со мной. Потому что даже если руководить проектом возьмется Рокфеллер, все равно условия буду диктовать я, поняла? Так Такаши и передай.

— Сам передай, — огрызаюсь я, окончательно оклемавшись от романтических иллюзий. — Это ты у нас сеньор Хакер, а я всего лишь твоя шестерка.

— Вот именно. Моя шестерка, поэтому все остальные должны слушаться. К тому же, из тебя дипломат лучший, чем из меня, и с Такаши у вас длинная история взаимоотношений, согласно которой он тебе по гроб жизни должен.

Картер лениво опирается о мой стол и насмешливо на меня смотрит. Аргументы вдруг начинают лопаться в голове точно мыльные пузыри. И мне вдруг хочется повиснуть у него на шее и проверить, настолько ли он непрошибаем, как пытается казаться. Но тот единственный способ, который приходит в голову, как всегда ничего не докажет, потому что именно в постели он мне может позволить что угодно, а я хочу большего.

— Я позвоню Такаши вечером и узнаю, что можно сделать.

— Об этом я и говорю. — Молодец, Джоанна, ты только что спорила-спорила, и выбросила в воздух белый лифчик капитуляции, причем именно его, потому что только об этом и думала. Дьявол!

— Какую мне выбрать кофемашину? — внезапно огорошивает меня Картер, в корне меняя направление разговора и окончательно сбивая с толку.

— Что? — начинаю я хлопать глазами. Замечаю, что около моего стола стоят трое студентов. Они хотели что-то спросить, а теперь просто переглядываются.

— Вчера мы разбили кофемашину, я обещал заказать новую... — терпеливо сообщает мне Шон.

— Я помню! — огрызаюсь я. — Ты что, кофемашину выбрать не в состоянии?

— Конелл, я могу выбрать все, что угодно, просто решил заняться совершенно

абсурдной вещью и проявить уважение к твоему мнению.

— О... спасибо... — У меня даже слов не находится. — Купи той же марки, что и прошлая. Только удостоверься, что она латте варит.

Картер кивает и уходит, а мы со студентами делаем вид, что в этой аудитории никто не стал свидетелем маленького чуда из моей личной жизни. Так тяжело не улыбаться...

Кофемашину Шон купил, и теперь мы сидим около нее прямо на полу. То ли собрали, то ли нет, но включить не получается. Ужасно смешно, но если я сейчас начну хохотать, боюсь, меня распнут. Нет, серьезно, разве не абсурд, что мы можем заставить работать чуть ли не что угодно, но кофемашина нас влет побила? Скрываю смех за кашлем.

— Ну и что же тебя так развеселило? — сухо интересуется Картер.

— Давай сделаем паузу и позвоним Такаши.

— Да, заодно попросим перевести это на нормальный английский, — брезгливо кивает Шон на инструкцию, которая, кажется, была пропущена через машинный переводчик. Слова знакомые, но смысл отсутствует напрочь.

В скайп выхожу в компьютерной комнатке. Разумеется, я не собираюсь сообщать Такаши о том, что мы с Шоном снова сошлись, но если догадается по обстановке — пусть.

— Привет, Такаши, как настроение?

— Все замечательно, Джо. А у вас?

— Тоже вполне. Уже знаете, зачем я звоню?

— Догадываюсь, — японец утыкается взглядом в стол, но не перестает улыбаться. — Сеньор Хакер недоволен архитектурой. Но, к сожалению, мне никак не удастся работать с тем, что было. Придется оставить, как есть.

Супер. Кажется, Такаши злится. Задумчиво запускаю пальцы в волосы и начинаю их перебирать.

— Вы с ним поругались? — делаю я предположение.

— Нет, — кивает и улыбается Такаши, не меняя выражения лица. Ни один мускул не дрогнул.

— Он меня живьем съест, если не договоримся. Я не виновата, но других вариантов-то нет. Это, конечно, ваш проект, понимаю... но... он же Картер, с ним спорить — словно биться головой о железобетонную стенку!

В этот момент раздается звонок в дверь, я чуть ли не на автомате иду в коридор, но Шон отмахивается, велит мне продолжать разводить Такаши на то, что нужно ему, и направляется открывать сам. Не знаю, кто пришел, хотя и очень интересно, но продолжаю разговаривать с японцем, делаю маленькие предложения по изменению структуры проекта, надеюсь, хотя бы в чем-то уступит. И действительно, работает. Это, конечно, не то, чего хочет Шон, но какой-никакой компромисс. Когда Такаши, наконец, начинает упираться рогом (а он это прекрасно умеет, уж поверьте), я отступаю и, поговорив о какой-то еще ерунде, отключаюсь. Сначала немножко страшно рассказывать Шону о том, к чему мы пришли, но когда я понимаю, что наш гость — Ребекка Йол, робость как ветром сдувает. Что-то внутри меня обрывается, как истончившийся канат.

— Завтра, в десять.

— И вы думаете, что все будет вот так просто, как раньше? Здесь стоят туфли доктора

Конелл, ее машина под дверью. А она меня ненавидит!

— И что? — насмешливо отвечает Шон. — Я тебе плачу не любовью Джоанны. Переживешь.

— Она нас слушает, — вдруг перебивает Картера девчонка. Дьявол, откуда она знает? И что происходит?

— Конелл? — зовет меня Шон, оборачиваясь. Они стоят в прихожей, Йол явно боится, обхватила себя руками и старается спрятаться у Картера за спиной.

— Такаши пошел на уступки. Частично. Большого не добиться.

— Что значит не добиться? — раздраженно спрашивает Шон. — Как тебе что-то надо, так ты в розового японского зайчика превращаешься...

— Да, только я не давала ему пинка под задницу и прекрасно знаю, что с тем, что есть, ты сможешь работать. Чего ты добиваешься? Скандала? Картер, я знаю Такаши Мияки, я видела его проекты и код. Он почти не уступает тебе, если вообще уступает. И это он руководитель проекта. Понятия не имею, как он все еще терпит твои закидоны. Да ты компьютерных богов благодарить должен за такого золотого человека. Хватит унижать Такаши только потому, что ты это можешь. Но даже если нет, я тебе в этом не помощник.

— Иди, — кивает в сторону кухни Шон. Выставляет меня прочь, чтобы поговорить с этой девкой...

Я злюсь, просто ужасно. С ожесточением листаю страницы инструкции, чтобы не прилипнуть ухом к двери снова, перебираю в голове варианты того, что происходит в коридоре, но вместо этого вдруг понимаю, что мы все это время делали неправильно с кофемашиной. Сюрприз! В итоге, пока Картер общается со своей голубоглазкой, я потягиваю до неприличия великолепный латте с корицей.

Наконец, раздается хлопок двери, и на кухне появляется Шон.

— Лузер, — фыркаю я, покачивая чашкой. — Все-то за тебя надо делать самой...

— В этом месте я очень советую тебе заткнуться, — предупреждает Шон. Ладно-ладно, перегнула палку, согласна. — У нее бионический слух, — вдруг сообщает Картер. Это он о Йол? У девчонки суперслух?! Ауч, если это так, то я прекрасно понимаю, отчего она меня боялась — наверное, скрип зубов слышала.

— Я не хочу об этом знать, — бесстыдно вру, не отрывая глаз от чашки.

— Она бывает крайне полезна на светских вечерах, в университете или яхте Эмилио Юнта, где, собственно, я ее и обнаружил. К тому же, она по уши в долгах, и ей нужны деньги.

— Умоляю, ей двадцать-то есть? Какие долги?

— Наследственные, конечно, — пожимает он плечами. — У нее своя Сицилия.

— Только не говори мне, что у нас с ней много общего, и я должна расчувствоваться. Да, ради Бога, делай что хочешь. Мне твои оправдания ни к чему. — Я должна была это сказать, потому что слишком долго злилась на него за Йол, потому что она была одной из причин ему не верить, а теперь он меня уверяет, что я все придумала. Может и так, но он охотно поддерживал иллюзию, и это бесит.

Картер картинно закатывает глаза и идет к кофемашине. С одной стороны, обидно, с другой, стало ли мне легче? Да, будто камень с груди сняли. Но Шону об этом знать необязательно.

— Не хочу, чтобы ты обсуждал со мной кофемашины при студентах...

— Пусть знают, что ты моя, — перебивает меня Картер, разворачивается и смотрит так, что возразить страшно.

— Ты еще подпиши, — прищуриваю я глаза.

— Понадобится — подпишу, Конелл, не сомневайся. — Наконец, он делает глоток кофе. Маленький, оценивающий. А потом подходит ко мне и тихим угрожающим тоном сообщает: — Я лучше Такаши. Будем считать, что ты сказала это из-за Йол. И раз уж мы все прояснили, впредь не маши перед моим носом красной тряпкой.

— Как ты могла отдать ей моих детей?! Как ты смеешь тут стоять, когда она с ними?! — Керри бросается вперед. Я знаю, что будет, даже сюрреалистическая Джоанна во сне уже выучила сценарий. Она бросается за мелькающей все дальше и дальше копной волос. Но Керри не догнать, ни за что не догнать...

— Керри! Постой! Подожди меня! Мы найдем их вместе!

Я падаю, пинок по ребрам. Вскрикиваю. Боль такая реальная, будто и не во сне вовсе. Людям нет до меня дела, я сижу на коленях, а они даже не обращают внимания. Они не специально, кажется, просто не замечают, идут по своим делам и спотыкаются о свернувшуюся на асфальте меня.

— Вставай, как ты можешь тут сидеть, когда мои дети с ней?! Как ты можешь быть с ним?!

Ого, нечто новенькое. Альтерверсия Джоанны опускает голову и понимает, что пинки прекратились, потому что ее держат в кольце крепкие мужские руки. Однако, Керри это совсем не радует.

— Ты эгоистичная дура! — кричит она.

— Не говори так! — пытаюсь я сопротивляться обвинениям. Зажимаю уши ладонями.

— Вставай, немедленно! Слышишь? Вставай и беги дальше!

Но я не хочу, вместо это задаюсь вопросом: отчего моя подруга заставляет меня проходить через это снова и снова, неужели они не желают мне если не счастья, то хотя бы спокойствия?

— Зачем ты мучаешь меня? — выкрикиваю я ей в лицо. — За что?

— Джоанна, мать твою, проснись!

Меня будит сильное встряхивание. Шон нависает надо мной, и это точно продолжение ночного кошмара. Рядом он, пугающе мрачный. Даже брови сошлись в одну линию. Знаю, что злится он на меня, на неспособность перешагнуть через препятствие и жить дальше, но так хочется закутаться в его объятия, точно теплое одеяло, обвить руки вокруг себя, пусть они не дадут мне соскользнуть в кошмар снова. Вот только это не его проблемы, я должна справиться сама. Отталкиваю Шона и поднимаюсь с кровати.

— Я больше не засну, — сообщаю и уйду на кухню. Шон не делает попытки меня остановить, но и спать не ложится, по-прежнему сидит на кровати и задумчиво куда-то смотрит.

Если честно, я надеялась, что смена обстановки излечит меня от кошмаров, но, видимо, этому не суждено случиться так просто. На часах четыре, а я опять сижу на ноутбуком и пишу проект, периодически заглядывая на kbutterfine. В это время на портале, в основном, западные обитатели. Мои соотечественники. Но теперь они кажутся чужими и далекими.

Никакого желания присоединиться к беседе.

— Что делаешь? — спрашивает Шон, появляясь в дверях кухни.

— Проект, — сухо отвечаю я. Внедрение Картера в мои кошмары безумно дезориентирует. А вдруг в следующий раз я стану кричать его имя вкупе с просьбой «помоги». Вот ужас-то будет!

— Четыре пятьдесят восемь, ты еще десять раз успеешь заснуть. Пойдем.

— Я тебя предупреждала, — сухо напоминаю, бросая на него короткий взгляд.

После этой фразы он подходит ко мне и садится за стол тоже.

— Что тебе снится? — мигом добирается до сути проблемы.

— Керри, — выбираю я наименее обидное. Не скажу же я, что во сне продолжаю проигранную в жизни гонку с машиной, будто еще что-то можно изменить. Или сохранить для себя хотя бы такую Керри.

— Как раз это я слышал раз пятьдесят, — не щадя, объявляет Картер. Неужели я и правда так долго кричу, прежде чем проснуться?

— Не думаю, что хочу говорить об остальном.

— Да, ты хочешь продолжать кричать и обливаться слезами. Это куда предпочтительнее сна.

— Я могу уйти в другую...

— Нет! Не можешь. Спальня будет одна, даже если мне придется по всему дому за тобой гоняться, потрясая наручниками. — После этого заявления я даже забываю игнорировать этого деспота. — Тебе нужно выспаться, ну или ты окажешься по соседству от Керри намного быстрее, чем того хотела бы. Кстати, вас похоронить рядом?

— Прекрати, — злобно выплевываю я.

— А, может, в этом все дело, — задумчиво потирает губы пальцем Шон, будто на ходу рассуждает. — Возможно, ты просто решила сдаться. Будь что будет, и дело с концом.

— Завязывай, я сказала! — Лежащие на клавиатуре пальцы сжимаются в кулаки помимо воли, и Шон это замечает.

— Скажи-ка, Конелл, ты ей всегда завидовала? Вы же были как две грани одной монетки, разные, но вместе. И у нее все получилось слишком легко и просто. Весьма посредственно, но складно. Среднестатистический муженек-трудоголик в провинциальном городке, выводок детей, родители под боком, домик с веселенькой зеленой лужайкой и никаких забот, кроме готовки, уборки и сонма соседей, с которыми нужно поддерживать хорошие отношения, дабы не умыкали утренние газеты в отместку. Американская мечта, которой вам с детства промывают мозги. Что там, она даже умерла легко и просто.

— ШОН! — кричу я.

— Она прожила обыденную, примитивную жизнь, каких миллионы. Может, ей и было все равно, но она не просто не стала искать свое место в жизни, она даже не ответила на вопрос, кем является. Жила для родителей, друзей, Лайонела, детворы, и никогда — для себя. Керри не успела повзрослеть, начать думать, не поняла, что нужно именно ей. Но хуже всего то, что она это уже никогда не осознает.

— Хуже ли? — вяло спрашиваю я и, кажется, спорю ради спора. Но Шон, как всегда, серьезен и обоснован.

— Если ты живешь только ради того, чтобы быть беззаботным и счастливым, ты — пустое место и никак не больше. Розовый шарик, внутри которого ровно то же, что снаружи. Не хочется разрывать оболочку, потому что заранее знаешь — там нечем восхищаться.

Ошибки, неудачи и потери крадут у нас улыбочность, беззаботность и наивность, но также дают возможность постичь множество крошечных истин. Например, думая о Керри ты можешь каждый раз вспомнить, что она лежит под землей и никогда не проснется в залитой солнцем комнате, а если ты избавишься, наконец, от своих чертовых кошмаров, сможешь делать это каждый день. Каждый! — И вдруг совершенно внезапно говорит. — Идем.

Честно говоря, после такой тирады я ожидала, что он потащит меня в спальню, но вместо этого Шон сворачивает к выходу, срывает с крючка ключи от машины и открывает гаражную дверь. Вот только я в халате, а он — в одних лишь пижамных штанах.

Шон останавливает машину у воды, неподалеку от пункта проката катеров и всякого оборудования и вытаскивает меня босиком прямо на улицу. Заведение проката уже открыто, рыбаки встают рано, и в итоге мы без проблем берем на час гидроцикл.

— Ты что задумал? — подозрительно спрашиваю я.

Он даже не отвечает, заставляет меня сесть позади и начинает стремительно разгоняться. Неужели мы отправляется на водную прогулку на рассвете? Похоже, но, блин, это же Шон. Где-нибудь обязательно будет подстава...

— Картер, ты собираешься показать мне рассвет? — ядовито интересуюсь я и чуточку надеюсь на то, что он даст положительный ответ.

Но реальный Картер, как всегда, превосходит самые смелые ожидания: вместо ответа он немного тормозит и без предупреждения резко разворачивает гидроцикл. Я бы удивилась тому, что тот не перевернулся, если бы удержалась на месте, но ведь нет же. Примерно секунду я нахожусь в свободном полете, а затем погружаюсь в воду, причем на удивление глубоко...

Соль щиплет глаза, когда я поднимаю голову и пытаюсь определить, насколько далеко поверхность, а мокрый халат путается в ногах, тянет вниз. Приходится избавиться от него, что не так-то просто. Я умею нырять, я с детства этим занималась, но в экстремальной ситуации захлебнулась и теперь вдвойне хреново себя чувствую... Наконец, выпутавшись из халата, начинаю лихорадочно грести к поверхности. Вынырнув, из воды, захожусь кашлем. Оглядываюсь в поисках гидроцикла, будучи уверенной, что Шона и след простыл, но нет. Злополучный транспорт не сказать, что близко, но покачивается на волнах в пределах видимости, а Картер преспокойненько плещется в нескольких метрах от меня. Придурочный!

— Ты гребаный тупой осел! Я могла умереть! — хрипло ору я, подплывая ближе. Побила бы, но в воде это должного эффекта не возымеет.

— Это с чего же? — невозмутимо вопрошает он. — Ты же выросла где-то там на побережье и плаваешь как рыба. Если бы ты умерла, то только потому, что захотела. Очевидно, жаждешь жить, несмотря на все нытье.

Его логика, как всегда, обескураживает.

— Ты идиот! ТЫ ИДИОТ! — начинаю я орать и размахивать руками, отчего снова тону.

— Кстати, вот и рассвет, хочешь посмотреть — вперед, — хмыкает он, пока я отплевываюсь и пытаюсь убрать волосы с лица. — И не говори, что не показывал.

Оборачиваюсь. И правда, вижу, как солнечные лучи скользят по водной глади. Красиво, конечно, романтика, но уж очень картеровская. Не без перчинки, горчинки прочих прелестей сосуществования с этим человеком... Вздыхаю и начинаю грести к берегу, потому что после войны с водой и халатом за возможность еще раз подышать воздухом, изрядно вымотана. Шон вальяжно следует за мной.

У кромки воды какие-то кусты, что не может не радовать, потому что мокрая ночная рубашка немногим лучше нарядов девиц с яхты Эмилио Юнта.

— Кретин, — вяло огрызаюсь я, изучая облепленную мокрыми штанами задницу Картера.

— Глянь-ка, Конелл, море, солнце, пляж, а ты все недовольна. — И плюхается на песок упомянутой частью тела. — Через час приедешь домой, примешь душ, наплещешься вдоволь, кофе выпьешь и пойдешь в университет, где куча клевых электронных игрушек, толпа подлиз во главе с Каддини, и множество мест, где можно заняться сексом. Тебе не на что жаловаться, Конелл. Всего несколько лет назад твоя мечта так и выглядела. Что изменилось? Керри? Да, это трагедия, и ты всегда будешь о ней помнить, но менее свободной она тебя не сделала.

— Но...

— Не сделала! Вспомни Сицилию, тогда дела были в тысячу раз хуже, но на первый взгляд выглядит иначе. Так что завязывай со своими «я не сплю, я не ем, я буду скорбеть каждую минуту, ведь моя жизнь — отстой».

Сажусь на песок рядом с ним. Даже не знаю, что сказать.

— Куда ты дел ключи от машины? — нахожу нейтральную тему.

— В зажигании оставил.

— Ты что, мазду не закрыл? — аж подскакиваю на месте.

— Ну, угонят, что дальше?

— Что дальше? Голым будешь до дома добираться, вот что!

— Не одной же Йол дефилировать, — философски отвечает мне Шон.

Я ничего не могу с собой поделаться — начинаю хохотать как ненормальная.

Я стою у подъезда своего дома, оглядываюсь по сторонам. Ищу Керри, но ее нет. Раз оборачиваюсь вокруг своей оси, второй, но пусто. Привстав на цыпочки, пытаюсь разглядеть ее удаляющуюся фигуру, но той нигде нет. Для меня это шок. Как же Керри могла не прийти? Где она теперь?

— Кого-то ищешь? — внезапно слышу я резкий голос Шона. Вскрикнув, хватаюсь за сердце и поворачиваюсь к нему.

— А ты что тут делаешь?

— Просыпайся.

— Что? — это противоречит всему, что я знаю о собственном сне и поведении Картера.

— Вставай, сказал, ты вообще в университет собираешься?

А, ну так сразу и сказали бы, что это уже никакой не сон...

Попрыгиваю на кровати и удивленно таращусь на полностью одетого Картера. Я проспала до утра и даже... будильник не услышала?

— Который час? — спрашиваю я, не в состоянии прийти в себя.

— Минус завтрак, — отвечают мне.

— Какой завтрак?

— Тот, который ты благополучно проспала.

— Слушай, я живу с собственным начальником, разве мне прогул не простят? — О, я бы с радостью наверстала свой многомесячный недосып, например, сегодня...

— Свои секс-бонусы ты потратила на сеанс психоанализа, — фыркает Шон. — Думаю, ты догадываешься, что ради вправления твоих мозгов я вывернулся наизнанку, а потому

требую, чтобы ты немедленно оторвала задницу от кровати и отправилась, черт тебя дери, на работу!

— Так нечестно! — рывкаю я.

Вместо ответа мне чуть ли не в голову летит первое попавшееся платье, спешно сорванное с вешалки.

— Так и быть, сварю тебе кофе, но должна будешь, — идут мне просто-таки на нечеловеческие уступки!

После пар прихожу на кафедру параллельного программирования и обнаруживаю, что там сидит один лишь Роберт Клегг. Даже извечной секретарши не наблюдается.

— Джоанна, — говорит он вместо приветствия.

— Роберт, — в тон ему отвечаю я.

После этого мы оба утыкаемся в свои компьютеры, ибо конфликт исчерпан не был.

— Как Мадлен? Привет ей от меня, — говорю, чтобы не молчать, пока грузится операционная система.

— Передам. У нее все хорошо. Как... как Картер? — спрашивает и Роберт тоже. Не знаю, по какой такой причине, но не ответить было бы невежливо.

— Как обычно, — пожимаю я плечами, не желая пускаться в подробности.

— Выглядит довольным. А ты выглядишь спокойной. Впервые со смерти Керри. Может, я был неправ.

После этого он закрывает какую-то папку, убирает ее портфель и уходит. Я ничего ему не ответила, так как не знаю, что вообще можно сказать в такой ситуации. Не могу сказать, что часто ругалась и мирилась с людьми. Обычно, состояние вооруженного перемирия меня устраивает, а таковое заключается в куда более ядовитых выражениях...

Наверное, Клегг таким образом попытался извиниться, а я должна с этим согласиться. В конце концов, хоть жизнь и преподносит мне множество разных сюрпризов, в последнее время я все больше укрепляюсь в мысли, что проще простить, чем потерять. Обстоятельства меняются, и люди под их влиянием тоже. Ведь мы столького не знаем... У Роберта и Мадлен Клеггов брак практически идеальный. Думаю, они не обижали друг друга, не ломали. Им никогда не понять наших с Шоном отношений. Ну, соглашусь, начали мы неправильно. Да и не странно, когда мы познакомились, ему было двадцать восемь, а мне — девятнадцать. Нас разделяла пропасть, которая исчезла только теперь. Сейчас, в двадцать семь, я понимаю мотивы Шона Картера намного лучше. А тогда была маленькая, глупая, уверенная, что у всех счастливых на свете одно и то же лицо. Нет, вы только представьте себе, я мечтала гулять под луной, держа Шона за ручку. Seriously! Было! Как и почти все девочки-подростки, я читалась сопливых романов, где отъявленные мачо становятся завзятыми подкаблучниками... Ладно, сочтем это лирическим отступлением! В общем, да, наши отношения начались странно, продолжились — тоже, но если бы не это, я бы никогда не поняла, насколько большой шаг для Шона — покупка общей кофемашины. Для него простые житейские вещи значат совсем не то же, что для других. Он одиночка, который наконец-то поделился с другим человеком чем-то личным. Как может понять подобное Роберт Клегг? Не в этой жизни. В его силах разве что уступить, а уж понимать — моя задача.

Передумав сидеть за ноутбуком, собираю вещи и иду к Шону. Понятия не имею, где он сейчас, но отчего-то хочется на него взглянуть, ведь даже Роб сказал, что он выглядит... довольным? Вдруг и мне удастся рассмотреть?

Мне везет — Картер у себя, а потому я едва постучав вламываюсь в его кабинет и заявляю:

— Хочу обсудить вашу проблему с Такаши. Расскажи мне, почему так настаиваешь на полном изменении структуры кода.

Ага, вот такой предлог выдумала. Еще бы, работа всегда являлась безопасной территорией. Действительно, Шон кивает и хлопает ладонью по столешнице. Я выгибаю бровь и обнаруживаю, что это движение зеркально повторили. Ну ладно, сажусь, куда велено. А пальцы Шона пробегают по моим икрам до колен и обратно.

— Есть причина, по которой я запросил именно такую архитектуру, — говорит Картер, как ни странно, не отводя глаз от моего лица. — Этот проект составной, итоговую его часть дописывать буду я сам. И структуру программы взял не с потолка. С любой другой работать будет неудобно.

— А Такаши знает о твоей части? — хмурюсь я.

— Нет. И ты ему тоже не скажешь. Думаю, мне стоит выбраться в Осаку и попробовать поговорить с ним лично. Таков мой план. Ему будет приятно, что я почтил его своим присутствием, и поэтому он уступит.

— Все просчитал, да? — фыркаю я.

— Всегда, — коротко кивает Шон, а после этого поднимается и целует меня. Я бы хотела позволить ему что угодно и где угодно, но я еще помню насколько прекрасно слышно все, что происходит внутри этого кабинета...

— Не вздумай, — отталкиваю я своего ректора. — Только после того, как сделаешь здесь лучшую звукоизоляцию во всем Сиднее.

— Предлагаешь мне снова нанять Ашера? — хмыкает Картер. — Как думаешь, стоит сказать ему, кто инициатор... ремонта?

— Сам решай, — хмыкаю и спрыгиваю со стола.

Только оказавшись в приемной снова, я позволяю себе задуматься о... о чудесном слове «мы». Может быть — только может быть, — Роберт Клегг прав? Может быть, мы с Шоном счастливы настолько, насколько это вообще возможно и большего желать не нужно? Он доволен, а я спокойна. Достаточно ли этого для того, чтобы построить будущее?

Глава 22. Пойдем изображать людей

В этот день у меня почти нет пар, поэтому за завтраком я решаю встретиться с Селией и проявить уважение к ее аристократической натуре (читай, рассказать лично о том, с кем спуталась после ее брата), а затем — заехать домой и забрать почту.

Сиднейская принцесса к моему выбору относится... лояльно. Ну или настолько лояльно, насколько это возможно при условии, что я выбрала не мальчика-одуванчика. Это несколько воодушевляет. Думаю, Селия не удивлена, в конце концов, она видела, как Шон Картер вез меня в больницу к Керри...

В общем, я в приподнятом настроении направляюсь к себе в квартиру. Мы с Шоном живем вместе неделю, и именно столько времени я не появлялась дома. А наведываться туда

придется хотя бы ради счетов...

Я не прогадала, корреспонденции пришло на зависть много. Счета, счета, брошюры из парфюмерных магазинов, продления подписок на разные научные журналы, пара газет... письмо от детей и Лайонела. Даже колени подкашиваются, когда его вижу... Разумеется, я не стала сообщать им о своем переезде. Хороша тетушка Джоанна: избавилась от детей, потерявших мать, — хуже, оставила их с какой-то гадиной — и переехала к любовнику, дабы наслаждаться жизнью и дальше. Идиллия! Вскрываю конверт, разворачиваю листы и начинаю плакать. Марион нарисовала меня (из палочек и черточек, а вместо волос — полноценное солнышко) и много-много сердечек вокруг. Джулиан в летней школе научился писать, и теперь накарябал полноценное послание, где рассказывает о том, как им живется в Ньюкасле. Причем, чувствуется, без Лайонела тут не обошлось, потому что в каждой строчке мир, любовь и единороги. Короче, выходит, пусть и любят, не больно-то скучают. Но я не верю, вот хоть убейте!

До занятий я зарезервировала слишком мало времени, чтобы теперь распускать нюни. Спускаюсь в гараж и сажусь в машину. Думала успеть к самому началу пары, но на дороге, видимо, авария, и все движется медленно-медленно. Это дает мне лишний повод убедиться, что человеческий мозг — гадкая штука: только дай ему отдохнуть от дел насущных, и тут же старые переживания начинают атаковать со всех сторон. В общем, стою в пробке, раз в минуту на несколько секунд отпускаю тормоз, позволяя коробке-автомату думать за меня, а все остальное время посвящаю вытиранию слез. В очередной раз схватившись за руль, нечаянно включаю дальний свет. Впереди тут же начинают пронзительно сигналить. Вздрогнув от неожиданности, тянусь к рычажку и не замечаю, что все машины уже встали, отчего въезжаю в задницу обожателю клаксона, но карма есть карма, воодушевившийся моим опытом водитель сзади ползущего авто оказывается третьим в списке сегодняшних любимчиков фортуны. Как итог мы имеем двойную аварию, в которой виновата, судя по всему, я.

На самом деле ничего серьезного, скорость была мизерной, пара царапин, может, крошечная вмятинка, однако, выбраться из машины и предстать перед судом тяжело. Знаю, что за это получу от двух злющих вурдалаков, которые уже покинули свои мужские игрушки, но все равно отгибаю козырек и поправляю макияж. Глаза красные, от водостойкой туши осталось одно название, но тут уж ничего не поделать. Выхожу из машины и вижу две пары разъяренных глаз.

Меня осматривают с ног до головы — точнее с ног, обутых в дизайнерские туфли на высоченном каблуке, до обесцвеченной макушки, — и от теории о равенстве полов остается... ну, столько же, сколько от моей туши, короче. Доступно объяснив мне, кто я такая и какой у меня IQ, вурдалаки начинают решать вопрос о царапинах собственными силами. Звонят и договариваются о том, чтобы приехала полиция и нас рассудила... Может, не будь промежуточного звена в лице меня, они бы и сами договорились (ну там, протокол состряпали за пару минут, и все), но так как я мебель, да еще и виноватая — не выйдет. Что ж, пусть разбираются. А я пока сообщу, студентам, что им сегодня повезло.

Звоню Каддини, вкратце рассказываю о том, что со мной приключилось. Второе ухо приходится заткнуть, так как невинные представители сильного пола очень громко обсуждают стоимость ремонта своих авто. И, сдается мне, речь уже идет о продаже пентхауса Ашера Циммермана, никак не меньше! Судя по вопросам в трубке, мальчишка не поверил, что мы тут не лежим окровавленными полутрупам... Ради справедливости надо

заметить, если бы мне позвонили, когда на заднем плане так пронзительно вопят, я бы тоже усомнилась в словах «у меня даже все ногти целы».

— Страховка не покроет и половину стоимости ущерба. От моего мерседеса один бампер стоит больше, чем вся ее колымага. А еще покраска!

Поворачиваюсь к старенькой хонде, которая поселилась у меня еще во времена Брюса. Хм, а ведь не такой уж мой бывший жених рохла. Я в своей машинке разве что масло поменяла, да тормозные колодки... Выглядит она хуже, чем ездит. А эти двое все зудят и зудят.

— Боже, да сколько можно сокрушаться по поводу какой-то железяки?! — внезапно выхожу я из себя.

Тот, который не на мерседесе и так торопился, что въехал в меня, отвечает:

— Я на суд спешу, развожусь! — И сказано это так, словно я намеренно сорвала его антимагнитомониальные планы.

— Передавайте мои искренние соболезнования жене. Не только от такого противного мужа никак не избавится, но даже на машину теперь рассчитывать не может! Несчастливая женщина!

После этих слов «пострадавшие» начинают на меня так таращиться, будто я вообще в край офигела. Ну, может, и так, но хоть помолчат минуты две, пока в себя приходят.

Разумеется, следующая тема для обсуждений: несчастный брак вот с такими вот, как я. Короче, полный переход на личности. Мне остается только помалкивать и рассматривать ногти. Честно говоря, беседа у них познавательная. Я всегда подозревала, что некоторых мальчиков в девочках бесит именно то, что мы... девочки. И верно. Мы должны разговаривать о машинах, любить футбол, не пользоваться дурно пахнущей косметикой, не тратить деньги, работать как проклятые, при этом все свободное время тратить на обеспечение безбедного существования своих супругов, вот только выглядеть как супермодели... Странно, и почему бедная жена любителя аварийного менажа не удовлетворила всем его взыскательным требованиям? Хм, все больше уверяюсь в мысли, что мой Картер не только неплох, но даже не особенно отличается от остальных представителей сильной половины человечества.

Кстати о нем... отрываю глаза от собственных безупречных ногтей и обнаруживаю, что на противоположной стороне дороги паркуется знакомая мазда... У меня даже челюсть отвисает, когда оттуда вылезает Картер и топает наперерез потоку машин к нам. Он тут из-за меня? Ему Каддини рассказал?

— Да неужели все живы? — ядовито спрашивает Шон. — Почему тогда твои студенты уверены, что сюда как минимум метеорит упал?

— Под угрозой если только мои уши, — указываю я на парочку, которая, наконец, притихла. Картер их, видимо, впечатлил. — А, в остальном, я просто сглупила. Пара царапин, даже подушка безопасности не раскрылась...

— Это потому что ты едешь на консервной банке, у которой ни двери не закрываются, ни подушки безопасности не срабатывают, — рывкает Картер. — Купи себе приличную машину.

— У меня нормальная машина, давай без истерик... — Признаться, я обескуражена его поведением.

— Это вообще не машина, это груда металлолома! И истерика более, чем уместна,

учитывая, что четыре месяца назад у твоей подруги открылось непонятного рода кровотечение, и за считанные минуты она истекла кровью в больнице, на операционном столе при поддержке целой толпы хирургов. — Сглатываю застрявший в горле ком, прежде бывший, видимо, возражениями. — Керри не попадала в аварию, самое страшное, что она с собой делала — втыкала в волосы шпильки. А ты едешь с неисправной подушкой безопасности на машине, которая каждый день грозит развалиться прямо посреди дороги. — После этого Шон достает из кармана телефон и говорит: — Позвоню мисс Адамс, когда я уезжал, они с Каддини обнимались, обливаясь слезами.

Пока он звонит и рассказывает, что у меня и впрямь все ногти целы, я пытаюсь понять, действительно ли ревет мисс Адамс и мальчишка-итальянец.

— Все, поехали отсюда, — положив трубку, сообщает Шон.

— Куда поехали? Мы еще ничего не решили.

— Ну так решайте! — раздраженно фыркает он. — По сколько они просят?

— По сколько чего? — Я очень надеюсь, что он не всерьез. Картер закатывает глаза.

— Джоанна, вытаскиваешь чековую книжку, ставишь цифру и подпись! Чего ты не поняла?! — рычит Картер.

— Того, что это незаконно! — гневно отвечаю я.

— Законно? Конелл, ты серьезно? Ты хоть австралийские законы знаешь? Ты же американка! — Остается обиженно надуть губы. — Ладно, смотри и учись. Сейчас я научу тебя преступать закон и оставаться безнаказанной, — ехидно говорит он и действительно, на глазах у всех достает чековую книжку.

— Не вздумай! Убери! КЛЕГГА В ГОСТИ ПРИГЛАШУ!

— Ну это совсем грязные игры! — хмыкает Картер. — Ладно, как скажешь. Хочешь, поспорим, что все равно будет по-моему?

— На что?

— Выиграешь — можешь пригласить Клеггов. А если я — сдашь машину под пресс.

— Идет, — киваю я. Одно выражение лица Шона, когда Мадлен начнет рассказывать о своих фирменных пирожках, стоит проигранной машины!

— Пока ждем полицию, может займемся сексом в машине? У меня тонированные стекла, — обыденно предлагает Картер, шокируя пострадавших автомобилистов. Так, надо его выпроводить, пока он еще больше меня не скомпрометировал.

— Лучше кофе принеси. Латте. С тремя ложечками сахара. И корицей, если будет.

— Цветочек или листочек сверху нарисовать? — интересуется он так, что даже не поймешь всерьез ли... — Розовый, например. — Ясно, издевается. Закатываю глаза. В общем, методом проб и ошибок выяснено: просить можно, но женские выкрутасы оставить при себе.

Полиция приезжает раньше, чем Шон возвращается с трофеем. Вурдалаки тут же обвиняют меня. Хотя я виновата, все равно обидно... Стою и пыхчу, точно паровоз, пока офицер заполняет документы. Только в этот момент возвращается Картер с моим кофе. Он деловито протягивает стаканчик и будто невзначай спрашивает:

— Ну как, встретились с Селией Штофф, пообщались?

— Да, благодарю за заботу. Она терпеть тебя не может, но в остальном все отлично.

После этого поворачиваюсь к полицейскому и обнаруживаю, что тот застыл, и у него аж глаз дергается. Точно. Верно! Он стоит и выписывает штраф подруге сиднейской принцессы.

— Ну... гхм... поскольку никто не пострадал, уверен, вы сами разберетесь, — сипло

произносит служитель правопорядка и бодро топает к машине, пока никто не успел опомниться.

У пострадавших глаза становятся круглыми-круглыми, а со стороны Картера раздается странный звук, напоминающий задушенное хрюканье, и потому до меня доходит.

— Это совершенно бесчестно! Ты все подстроил! Он ведь ушел из-за Селии...

— Я всего лишь задал вопрос. — И ведь во все тридцать два зуба ухмыляется!

— Машину я тебе не отдам. Или, может, и меня Селией напугаешь? Пстой-ка, нет скорее я тебя — ею!

— Сколько? — прервав мою речь, спрашивает Шон у вурдалаков и выписывает каждому по чеку (пока я снова пыхчу в сторонке), а потом, не делая паузы, достает телефон.

— Куда ты звонишь? — настороженно спрашиваю я.

— В службу эвакуации.

— НЕТ! — Начинаю прыгать вокруг него и пытаюсь отобрать злосчастный аппарат.

— Советую тебе собрать свои вещи, иначе их увезут вместе с машиной. Эвакуатор пришьют очень быстро.

— Без моего разрешения машину не увезут!

— А кто сказал, что они его не получают? Ты же проиграла, могу потребовать пенни. На твоём месте я бы все-таки собрал самое ценное... — В этот момент на другом конце радиоволны берут трубку. — Добрый день, я бы хотел... — начинает Картер.

Знаю, что выглядит это как полная капитуляция, но лезу в салон за документами, счетами, солнцезащитными очками и... письмом от детей Керри, и поскольку положить мне его особенно некуда (женская одежда и карманы — вещи несовместимые), вылезаю со всем этим скарбом как есть. Разумеется, Шон уже договорился и со снисходительным видом теперь разглядывает мои пожитки. Я совершенно ничего не успеваю сделать, как вдруг он выхватывает у меня письмо.

— Отдай! Шон, отдай!

Но остальные вещи мешают, а Картер уже читает адрес... открывает конверт. И вдруг у него на лице проступает такое бешенство, что страшно становится. Он разрывает напополам конверт, сминая и выбрасывает на дорогу. А я кричу на него, себя не помня от злости, проклиная этого гада раз за разом!

— Я думал, мы с этим покончили! — орет Шон не менее эмоционально, нежели я.

— Ты не имеешь права распоряжаться моей жизнью! И моими машинами. И моими письмами!

— Я пытаюсь сделать так, чтобы ты не попадала в аварии, да еще и с неисправными подушками безопасности. Лайонел знает, сколько месяцев ты не спала? Какое право он имеет опять заставлять через это проходить тебя, а ты — меня?

— Я предупреждала! Ты все знал! Но добровольно подписался в обмен на секс. Как всегда, в общем-то!

Полный игнор моего выпада.

— Почему ты не дала ему новый адрес, по которому живешь? Почему?

— Это не твое дело!

— Потому что тебе стыдно? — Меня начинает трясти. — Джоанна! Тебе стыдно?

Он поймал меня с поличным.

— Да, — выкрикиваю я ему в лицо. — Мне лучше, и я не хочу ничего менять! Хочу

остановить этот самый момент, пока все так спокойно и просто им наслаждаться!

Кофе, вещи — все разлетается в разные стороны, а мы стоим посреди пробки, слившись в поцелуе столь страстном, что воздух вокруг плавится. Мы мешаем движению, машины не без труда нас объезжают, но мне нет до этого никакого дела. Нам они не мешают! И пусть весь мир пялится на то, как я таю в объятиях любимого мужчины, как мои каблуки увязают в раскаленном асфальте, мне и на это плевать. Я просто привстаю на цыпочки и повисаю на плечах Шона, продлевая этот момент всеми способами. Он не должен закончиться никогда. Никогда.

Однако, это было бы слишком просто, и минут через двадцать полиция разбирается с затором на дороге, а время запускается вновь вместе с оглушительным ревом клаксонов недовольных моей хондой водителей. Таким образом, Картеру приходится меня отпустить, но он все же делает попытку лаконично и однозначно изложить свое отношение к происходящему. И цензура умалчивает, как именно.

После затянувшегося поцелуя я настолько дезориентирована, что без возражений подписываю документы на убийство собственной машины. Да, у меня был шанс ее сохранить и не позволить Шону сунуть нос еще дальше в мою жизнь, но после поцелуя уже не уверена, что хочу этого! Стараюсь не встречаться с Картером глазами. Что я в них увижу? Понимание моих чувств? Или признание, что для него все случившееся ничего не значит? В университет мы добираемся в полном молчании.

В попытке успокоить всех, кого на уши поставил Каддини, начинаю искать Клегга. На кафедре его нет, и потому я иду в комнатку с суперкомпьютером, но нахожу только Ребекку Йол, и это как знак свыше. Закрываю дверь, собираюсь устроить ей допрос.

— Ты можешь мне сказать, что ищет Картер? — спрашиваю я у девушки, которая подозрительно на меня смотрит, будто ждет, что начну на нее снова орать. — Зачем ему это?

— Не знаю, может быть, — пожимает она плечами. — Он ищет людей, которые следят за ним и за вами. За Бабочками.

— В смысле? Кто за нами следит? — В этом помещении жарко не бывает в принципе, но и арктический холод нетипичен, наверное, ему виной мое состояние.

— Этого человека зовут Кристофер.

У меня отвисает челюсть, а глаза становятся квадратными.

— Кажется, вы его знаете, — подмечает Йол.

— Но я не знаю кто он. Ты знаешь?

— Его я не знаю. Я даже не знаю, откуда о нем узнал ректор. Но этот человек следит за ним очень давно.

— И... и сейчас?

— Конечно, — удивляется девушка. — А почему нет?

Быть может, потому что, кажется, мы уже выполнили все его требования? Сдали Монацелли, посадили Картера в кресло... Или это еще не все?

Ставлю на стол тарелку блинчиков. Я их не ела со времен Ашера. Он привил мне к ним искреннюю ненависть. Беру один, откусываю и понимаю, что нет, я их есть не стану! Раньше я бы отдала их Франсин, а теперь количество потребителей ненужных продуктов резко сократилось. Шон сидит в комнате с техникой. Налью ему кофе, может, съест.

— Что это? — подозрительно спрашивает Картер.

— Кофе и блинчики.

— Я не голоден.

— Съешь, меня от них воротит.

— Великолепная реклама.

— Блинчики очень даже, все дело в Ашере.

— Я думал, что Ашер остался далеко за кадром.

— Но не блинчики! Просто съешь их. Или я выброшу.

— Не трать время. Выбрасывай.

— Но я их приготовила...

— Поэтому если их выброшу я, будет еще менее красиво.

— Просто съешь их, окей? И успокойся, я знаю, что ты лучше Ашера. Ты ведь из-за него психуешь...

— Ты ни хрена не знаешь.

— Знаю.

— Нет. Ты ни хрена не знаешь. Но это ничего, потому что я умный. Умнее тебя.

— Зато я скромная.

— Во-первых, к счастью, это не так, а во-вторых, скромность существенно усложняет существование. Забудь о ней.

— Это с чего бы?!

— Ты должна мне верить. Потому что я умный.

Как же он меня бесит!

— Так ты съешь блинчики?

— Нет.

— Тогда сам их выбрасывай! — рывкаю я и вся разобиженная уйду.

Я сказала, что Шон купил мне машину? В смысле он ее еще в день аварии купил, как только прошлую увезли на эвакуаторе. Теперь у меня ярко-красная мазда RX8. У Шона RX7, у меня RX8. Почему? Потому что она как кофемашина: той же марки, и система безопасности в ней проверена. Это Шон так «учел пожелания». Но скандал был. Он не посоветовался со мной ни насчет оплаты, ни насчет модели, ни насчет, черт его дери, цвета. А вместо оправданий сказал, что «розовая хренотень» около его дома будет стоять только после его смерти.

Собственно, он даже не подозревал, насколько близок к последней! С тех пор воюем. Типа я ему блинчики, он мне их назад. И на машине я в университет не езжу, использую в качестве такси самого Картера. И все время демонстративно молчу. Будь он любым другим мужчиной — сломался бы уже на следующий день, но, полюбуйтесь, авария случилась в понедельник, а сегодня суббота, и мы все еще на ножах.

Что ж, обновим машинку? Я собираюсь навеститься к Мадлен. И слопать все, что она любовно приготовила Клеггу. Собственно, я бы могла и сама, но это как знак капитуляции в нашей с Шоном войне. Не стану же я готовить для себя одной? Это совсем мелко. Вот и приходится прибегать к помощи полезных знакомых.

— Я приехала поесть, — сообщаю я Мадлен.

— Проходи, — смеется она. — Если это единственный способ тебя заманить, то я согласна. Я как раз откопала новый рецепт.

Мы с Робертом, как вы помните, ступили на путь примирения, но атмосфера все еще несколько напряженная. И хотя я думала, что он сможет просто принять как факт, что

теперь я с Шоном, Роб ученый и живет по принципу «Сократ мне друг, но истина дороже». Я знаю, что Мадлен из-за этого переживает, она вообще наделена даром эмпатии, но кроме как просто поддерживать беседу, ей ничего не остается.

Практически праздничное застолье (да, столько всего вытащила из холодильника Мадлен) прерывает внезапный звонок в дверь. По удивлению на лицах Клеггов я понимаю, что кроме меня в гости они никого не ждут, и только Роб открывает, с порога доносится:

— Давай сюда ведьму!

Ошеломленная пауза.

— Конелл, полагаю, это наш драгоценный ректор о тебе. Потому что моя жена на ведьму никак не тянет.

— Роберт! Немедленно пригласи профессора и не смей так говорить о Джоанне!

— О нет, спасибо. — Я поднимаюсь из-за стола и топаю в прихожую. Клегг и Картер в квартире с одним единственным выходом, если не считать окон? Нет, нет и нет. На такое я добровольно не подпишусь. Жизнь у нас одна, лопнувшие барабанные перепонки не восстанавливаются...

— Ну, Джо, ну пожалуйста. — Бросается за мной Мадлен, а на глазах у нее слезы. — Ты же так редко появляешься у нас после... после...

После Керри. Тут не один, а целых три запрещенных приема: давление на чувство вины, умершая подруга и слезы. Грязно она играет, ой грязно! Но, черт возьми, действительно! Беспомощно смотрю на мужчин. Кажется, Робу требуется вся сила воли, чтобы сделать этот крошечный шаг в сторону и впустить в свой дом самого Картера. Видимо, плачущая Мадлен — настоящая бомба не только для меня. Она ведь гору многолетней ненависти с места сдвинула.

— Открою вино, — наконец, произносит Клегг и сбегает. Думаю, ему нужно переварить случившееся и набраться мужества для последующих героических свершений. А мы с Шоном неуютно топчемся в прихожей, стараясь не встречаться глазами. Если наедине и на работе мы худо-бедно определили границы комфортных зон, то в компании моих друзей... Это что-то за пределами невразумительное. Как мы можем по-дружески общаться с людьми, если даже наедине никогда не достигали подобного взаимопонимания? Наши отношения, боюсь, навсегда останутся в рамках учитель-ученица. Он у нас умный и читает мне лекции о скромности. Ага, ага. Пусть попробует с Мадлен такое повернуть. Она же его без труда заткнет за пояс, начав рассуждать об уюте и мире во всем мире. И сделает это осознанно. У нее свои защитные механизмы, и очень действенные, кстати сказать. Вот бы и мне подобному научиться!

Наконец, Картер делает несколько совершенно деревянных шагов по направлению к гостиной, и я той же самой утиной походкой следую за ним. Я уж было думала, что он так и будет изображать неодушевленный инородный объект, неизвестно откуда появившийся в семейном гнездышке, как вдруг его натура являет себя во всей красе:

— Клегг, ты что, издеваешься? Зачем тебе на самом виду фото моего отца? А его глобус на кафедре? Ты что, фетишист? Хочешь, ради тебя покопаюсь в закромах и поищу оставшееся от него старье? — убивает он всех присутствующих.

Там фото Бенжамина Картера?! Я никогда не видела этого человека... Прямо сейчас подскочила бы и побежала посмотреть. Интересно же! Но пока тут один хмырь, не стану удовлетворять свое любопытство, в следующий раз погляжу. А то ведь и мне достанется.

— Он был хорошим человеком, — огрызается Клегг, воинственно размахивая

найденной бутылкой. — В отличие от тебя, другие люди это ценят.

— Он был приятным, вежливым и воспитанным, но не хорошим. Это совсем не одно и то же. Он использовал одних, чтобы доказать что-то другим.

— Ты хочешь сказать, что он использовал меня, чтобы заставить тебя ревновать?! — На лице Клегга аж пятна проступают.

— Естественно. Сначала тебя, затем — Карину. Но это даже на Джастина не оказало никакого эффекта.

Клегг уже открывает рот и на воспитательский манер поднимает палец, но снова вмешивается Мадлен:

— Сегодня никто не ругается! — угрожающим тоном заявляет она. — Займетесь этим, когда рядом не будет дам.

Судя по взгляду Картера, к дамам он отнес только Мадлен, а я все еще не переросла звание ведьмы. А, кстати, очень даже: ведьма и хмырь — отличная парочка уродов, коими мы, без сомнения, являемся. Особенно здесь и сейчас.

Пока Роб разливает вино, мы с Шоном пытаемся устроиться на стульях так, чтобы и не мешать друг другу, и сидеть по возможности рядом. Глядя на Мадлен, которая ухитряется накладывать Роберту овощи, приготовленные на пару, я начинаю всерьез подозревать, что у нас с Картером неправильно все, потому что если я возьмусь накладывать в его тарелку хоть что-нибудь, дай Бог нескольких пальцев не досчитаюсь...

— Предлагаю тост! — улыбается Мадлен. — За новые компании. Это ведь так здорово! — Роберт вздыхает, но, обняв жену за талию, начинает пить вино.

Мы как чужие на празднике жизни, как люди другой реальности. И так всегда было.

— Джоанна, почему ты сразу не пригласила к нам профессора? — спрашивает Мадлен. — Твои друзья — наши желанные гости.

Угу, только он мне не друг. Мы вместе живем. Мы вместе спим. Мы скованы невидимыми негласными условиями, которые не дают нашему союзу развалиться...

— Мадлен, — вдруг подает голос Шон. — Мы все здесь не идиоты, и прекрасно знаем, почему она меня не приглашает. Ты уверена, что хочешь услышать причины вслух?

— По-моему, вам с Робертом давно пора перестать лелеять институтские обиды и перестать цепляться друг к другу. Когда вы вместе учились...

Я недоуменно моргаю и перебиваю Мадлен.

— Вместе учились? Я думала, Роб преподавал...

— Джоанна, прости за вопрос, но вы что, даже не разговариваете? Ты хоть что-нибудь о своем сожителе знаешь? Хоть бы погуглила что ли для приличия, — вздыхает Роб, а я поджимаю губы, потому что нечего возразить. — Шон Картер, как нетрудно догадаться, закончил школу экстерном, затем поступил в университет, на один курс со мной и каждый раз тыкал всех носом в то, что вот он такое юное дарование, а мы ножки ему целовать недостойны. А затем...

— Роберт, замолчи. Я хоть раз осуждала то, как живешь ты? Нет. Тогда почему я каждый раз слышу обвинения в свой адрес..? — Но ровно в этот момент Шон закрывает мне рот ладонью, и последующие слова превращаются в странное мычание. Зачем он это сделал?

— Мы разговариваем, — внезапно сообщает Картер. — Например, о блинчиках. — Скашиваю на него глаза.

— О блинчиках? Вы хотите блинчиков? — тут же откликается Мадлен и уже вскакивает со стула, но я начинаю кричать сквозь ладонь Шона и махать руками. — Тогда почему вы

разговариваете о блинчиках?

— Потому что так удобно. Мы не обсуждаем белизну манжет, новые рецепты и школьные годы.

Есть темы опасные, а есть безопасные. Сегодня безопасная тема дня — блинчики. — Я аж зажмуриваюсь. — Это совершенно типичное поведение — просто избегаешь того, что не нравится. По этой же причине вчера мы обсуждали нужно открывать или закрывать жалюзи на кухне, когда уходишь на работу, позавчера — выключать компьютер или переводить в режим гибернации. И так начиная с понедельника, когда темой дня стал цвет машины. И все это не случайно, именно в понедельник все и началось, потому что Джоанна попала в аварию, из-за письма от детей Керри, которые пришло на старый адрес, потому она боится, что Лайонел и его отпрыски узнают, что она переехала и вполне себе довольна своей новой жизнью. — И снова я пытаюсь закричать сквозь ладонь Шона, умоляюще таращусь на Клеггов, но им интересно, и помогать мне никто не собирается. — А еще безопасные темы не дают добраться до обсуждения пятнадцатиминутного поцелуя прямо посреди проезжей части.

И только сказав это, он убирает ладонь от моего рта. Но Шон прав. Я действительно, как мне казалось, придумала гениальный план — бесить его бытовой ерундой, чтобы не дать заговорить о случившемся. Вот только он меня, как всегда, просчитал. Просчитал и не сказал, что намного, намного хуже. Он понимает, он, дьявол его подери, все понимает. Мне так хочется ударить Шона, и снова ударить, и еще ударить... чтобы вколотить слова в него снова, чтобы он вообще обо всем забыл. Но так не бывает. Он просто знает.

— Смирись, тебе не одурачить меня. Я умнее.

— Я тебе облегчаю жизнь, тебе разве не нравится просто забывать о неудобствах? — раздраженно спрашиваю я.

— Не тебе решать, что есть для меня неудобство. Что ты вообще можешь об этом знать?

— Шон, я не хочу об этом говорить.

— Да, давай лучше поговорим о блинчиках. Потому что обо всем остальном ты говорить отказываешься, но даже я знаю, что иногда открывать рот приходится. — И Клегги, главное, уже переглядываются...

— Сейчас вернусь, — говорю и ухожу в ванную. Стоя там, я пытаюсь прийти в себя и понять, что вообще происходит и что теперь с этим делать. С другой стороны, Шон может догадываться о чем угодно, но раз молчит, то его все устраивает. Его я устраиваю. Какой бы я ни была.

Как только мы возвращаемся в домик Шона, я начинаю выяснять отношения. Нельзя же позволить ему рассказывать такие личные вещи моим друзьям и дальше!

— Ты не имел права говорить об этом Роберту и Мадлен, — сухо сообщаю я.

— С чего вдруг?

— Ты должен был сообщить о своем божественном знании мне, а не им!

— А в этом есть толк?

— Не обязательно выставлять меня идиоткой!

— Я такой, какой есть. И я всегда таким был. И твои осветленно-окрыленные мотивы меня не исправят. — Это сказано с таким цинизмом, что я вздрагиваю. На что вообще я надеюсь? Хмырь ведь! — С тобой разговаривать бесполезно, ты делаешь вид, что не

слышишь. И пока тебя не пнешь — ничего не делаешь. Лежишь на песочке, притворяясь глухонемой, и жалеешь себя. Ты даже готова прогибаться под любые обстоятельства, лишь бы было удобно и не пыльно!

— То есть с помощью Хелен, с помощью Клеггов ты меня пытаешься расшевелить?

— Естественно. Сколько можно бегать кругами от правды?

— Я не бегаю кругами от правды! И от какой, к черту, правды?

— Зачем ты приехала? — задает он вопрос, по-видимому, тот самый, правдивый.

— Я думала, что тебя в наших отношениях все устраивает!

— Зачем ты приехала?

— Потому что ты звал, а мне так удобно!

— К хренам твои увертки! — рявкает Шон мне в лицо. — Ты увидела, что Хелен стремительно летит вниз, что идет время, а мир к лучшему не меняется, и потому собрала свой розовый саквояжик, закинула его в багажник и притащилась сюда, чтобы остаться. Остаться! Ты пришла не за сексом, Конелл, и я это знаю. Ты приехала ради меня. И поэтому ты целуешься со мной

посреди проезжей части.

— Точно. И поэтому ты теперь снова начнешь меня хлестать по щекам и унижать перед моими друзьями! Я тебе этого позволять не собираюсь! — Гневно скрещиваю руки на груди.

— Я не унижал тебя. — Он вцепляется пальцами в мои ребра, почти до боли, будто пытается привлечь еще больше внимания. — Я не хочу, чтобы ты ушла, и веду себя соответственно ситуации. Но ты этого опять не видишь, только и делаешь, что поклоняешься трем обезьянам⁵!

— Что? — выдыхаю я, широко распахивая глаза.

— Что? — передразнивают меня. — Неужели не замечаешь, как все изменилось?

— Что изменилось? Ты сам сказал, что никогда не станешь другим.

— Я — нет, но это не означает, что осталось прежним мое отношение к тебе! — Стою и сосредоточенно грызу губы. — Мне нравится, что ты здесь, да и почему бы нет? Я знаю тебя, а ты — меня. Мы уже изломаны друг под друга. Или, может, по-твоему этого недостаточно? — спрашивает он, вглядываясь мне в лицо. И это было бы смешно, если бы не было так честно. Мы не пощадили друг друга. А время не пощадило нас. Тяжело признавать, что все будет не так, как мечталось в детстве, но однажды смиряться приходится. — Конелл, слышишь меня? — тем временем, зовет Шон, отрывая от мрачной философии бытия. — Я не собираюсь тебя отталкивать.

После этих слов я медленно и осторожно прижимаюсь своими губами к его, а в голове только одна мысль: говорил ли ты Карине, что любишь? И скажешь ли когда-нибудь мне? Я хочу, хочу, чтобы ты мне это сказал. Хочу! Пусть это ничего не изменит в тебе или для тебя, в моей жизни это бы многое расставило по местам! Я бы хотела, чтобы когда мы были не вместе, ты бы сидел в своем кабинете и вспоминал обо мне, чтобы не мог дожидаться, когда я вернусь. Не вслух и не громко. Но об этом бы знала я. Только я. Потому что именно это чувствую сама, а в одностороннем порядке любить очень больно...

Глава 23. И вот...

Я рывком распахиваю дверь в кабинет Шона и, обрадовавшись, что он один, выкрикиваю:

— Ты выкинул Кена Оягаву?! — И бросаю на стол газету.

— Да, — спокойно отвечает Картер. — Он идиот.

— И что? Не только он. Том, например, тоже.

— Кто? — хмурится Шон.

— Том!

— И кто такой Том? — раздраженно переспрашивает он, будто не знать по именам Бабочек — совершенно обычное дело.

— Сицилийский параллельщик! — почти терпеливо поясняю я.

— А его звали Том? — хмурится Шон в попытке вспомнить. — Что ж, он хотя бы тихий, внимания не привлекает. Хочешь и его вышвырнуть? Это можно устроить.

— Если ты решил организовать глобальную чистку среди Бабочек — начни с Пани.

— Ты когда-нибудь успокоишься? — с усталым, но тем не менее довольным видом интересуется он. Ему, черт возьми, нравится, что я ревную! Вы только посмотрите на это!

— Только если ты ее вышвырнешь, — тут же нахожу лазейку.

— Никогда. А все потому что пока она работает, я могу отдыхать. Но я мог бы удовлетворить твоё желание, если бы ты назвала своей Бабочкой Каддини...

— Черт возьми, Картер, Оягава же потеряет все...

— И это мои проблемы? — выгибает бровь Шон. — Это Манфред развел долбаную преемственность, не я. То, что Такаши молодец, не означает, что я должен привечать в Бабочках всех его домашних животных. Оягава всего лишь выскочка, который путается под ногами. Пора от него избавляться. К тому же, уверен, Такаши догадывался и уже нашел местечко для своего подопечного.

— То есть ты этот прессинг Такаши устраивал не просто так? — Он так и не простил японцу, что тот не позволил мне войти в состав Бабочек, а взял своего человека? Удивительно теплая мысль.

— На выходных думаю съездить в дом отца, — внезапно сообщает мне Шон, и я удивленно встречаюсь с ним взглядом, позабыв о прошлых обидах и их удачном разрешении. Я ничего не слышала о доме его отца... — Предлагаю на него полюбоваться и тебе. Нужно решить, что с ним сделать: сдать, продать или переехать.

— Ты мне предлагаешь переехать с тобой? — пытаюсь уточнить я.

— Я предлагаю съездить в дом моего отца и решить, что с ним сделать: сдать...

— Продать или переехать. Я расслышала. Просто удивлена.

— Удивление заставляет тебя переспрашивать? Это лишено всякого смысла. — Закатываю глаза.

Мы не больше месяца вместе, не то чтобы я считала... считала, конечно. Послезавтра месяц будет. И вроде как пока обломков мебели не наблюдается. И он предлагает мне съездить в дом его отца... Который, по-видимому, простаивает больше десяти лет. Ну, либо это изощренный способ избавиться от меня с помощью обвала крыши, либо все еще серьезнее, чем я смела надеяться. И у меня было... недостаточно времени, чтобы к этому подготовиться.

— Хорошо, давай... съездим.

Но я явно слабо представляла, на что подписываюсь. Поясню: несмотря на весьма теплую погоду, на мне сапоги, плотные штаны и кофта с длинными рукавами. А все потому, что вокруг этого дома некогда был сад. В общем, некогда это был сад, а теперь — декорации к фильму “Джуманджи”. И, думается мне, с соседнего дерева сейчас прыгнет как минимум десяток гадких змеюк! Все по сценарию.

— Если я увижу хоть одного таракана, то начну так орать, что не только твоя Йол услышит, — бурчу я недовольно.

— Пожалей животных. Представляешь, больше десяти лет сидят на диете. Слабости простительны. — Хмырь изволит шутить? Судя по всему — да!

После этого Шон начинает торжественное шествие к дому, а я при каждом шаге нервно оглядываюсь по сторонам, сдерживая крик “мама, я хочу домой!”. Нет, серьезно, вы видели когда-нибудь австралийских жуков? Да они размером с мою ладонь! Осторожно переставляя ноги и пытаясь уберечь лицо от веток, я стараюсь поспевать за Шоном. Но когда, наконец, вижу перекошенное крыльцо дома, мне становится жутко. Ну вот, теперь я уверена, что здесь-то, в этом кошмарном месте, от меня и избавятся. Дом огромный, есть куда прятать труп. Шуутка.

А Картер уже взбирается по ступенькам. Те скрипят, полагая, что он слишком толстый. Дверь тоже открывается с пинка... Кошмар, короче. Спешу успеть за Шоном, только бы не остаться здесь, снаружи, одной. Но внутри, надо сказать, ничуть не лучше. Стекла грязные, и на них паутина (мысли о пауках прочь!), свет внутрь почти не проникает. Мебель закрыта чехлами, но навряд ли это ее спасло. Думается мне, если сесть на диван, он рассыплется в пыль. Воздух влажный и спертый, кажется, будто легкие отказываются его принимать. Бригаду операторов со сценаристами, и фильм ужасов у вас в кармане!

Шон одет в джинсы и футболку, которые я купила ему на Сицилии. Наверное, он решил, что ни на что другое подобная одежда не годится.

— Ты уверен, что хочешь что-то с этим домом делать? По-моему, ему стоит просто дать развалиться окончательно, — ворчу я, дергаясь от скрипа половиц под ногами.

— Это один из памятников архитектуры Сиднея, Джо, — отвечает он.

— Думаю, даже Селия Штофф согласится, что этому памятнику еще один памятник нужен. Можно даже вполне себе архитектурный.

На мое нытье, как и ожидалось, внимания никто не обращает, и мы ходим по комнатам первого этажа, осматриваем и анализируем. Насколько же сильно Шон презирал отца, если позволил чуть ли не дворцу, в котором тот жил, прийти в такое состояние? Здесь ведь было очень уютно. Дом, настоящий дом, жилой, с пушистыми коврами и массивными креслами. Однако, сдается мне, как только у Шона появилась возможность уехать из этого места и начать самостоятельную жизнь, это он и сделал, что с лихвой подтверждают размеры его нынешнего жилища. Интересно, каким на самом деле человеком был Бенжамин Картер? На одной из полок я вижу рамки для фотографий, туда и направляюсь. На стекле столько пыли, что не понять, кто изображен. Стираю ее рукавом и кривлюсь, потому что мне, как всегда, везет, и на снимке запечатлены Пани с Франсин. Я, конечно, все понимаю, но навряд ли весь дом Бенжамин Картера усеян ее фотками. Просто мое невезение носит кармический характер!

Шон иронию тоже оценивает. Хмыкнув, снимает с полки другую фотографию и протягивает мне. Я снова протираю стекло и обнаруживаю, что на ней вылитый Джастин,

только чуть старше. Они с Бенжамином похожи как две капли воды, а вот Шону от отца не досталось, считай, ничего. Их роднит лишь одно: знакомый огонек в глазах, который появляется только когда мой ректор что-то замышляет. Значит ли это, что мужчина, именем которого назван наш университет, был тем еще интриганом? Полагаю, да, тем более что его лучший друг — Эмилио Юнт.

Шон, тем временем, протягивает мне следующую фотографию. На ней изображена женщина. Знакомые жесткие черные кудри и темные глаза, отчего-то капельку грустные. Она на снимке моложе, чем Шон сейчас, и мне приходится гнать прочь мысли о том, что Керри тоже навсегда останется юной и красивой.

— Что именно с ней случилось? — спрашиваю я, потому что чувствую — расскажет.

С полминуты Шон колеблется, а потом отвечает:

— Разрыв аневризмы. Мы шли по улице. Она упала. Приехала скорая. Врачи факт смерти констатировали сразу, проинформировали отца и забрали нас с матерью обоих в больницу. Ее собирались вскрывать, чтобы установить причину случившегося, а меня просто не стали оставлять одного на улице. Разговаривать с врачами я отказался, сидел и молчал. Шесть часов ждал, пока меня заберут.

— Твой отец приехал спустя шесть часов? — в ужасе спрашиваю я.

— За мной приехал Эмилио Юнт, — сухо информируют меня. Внутри становится так холодно и жутко. Да, пожалуй, у него есть причины недолюбливать отца и все, что с ним связано. — Мы еще не были на кухне, — безразлично напоминает Шон, и приходится бросить как попало фотографии, чтобы не плутать в царстве паутин одной.

В кухне, видимо, была роскошная мебель, кое-где еще сохранились орнаменты в виде гроздьев винограда. Они были вырезаны из дерева, причем очень искусно. А теперь эта красота обратилась в труху. Тумбы перекошились, ящики прогнили и развалились, отчего столовое серебро рассыпалось по полу. Шон проверки ради толкает ногой стол, и тот с жалобным скрипом заваливается набок, будто только этого и ждал. Фантастика. Кажется, кухне досталось больше всего.

Вернувшись в гостиную, Шон стягивает с кресел и столика грязные чехлы и несколько раз нажимает на сидения коленом. Учтывая, как повел себя стол на кухне, мера отнюдь не лишняя. Он садится первым, будто подавая мне пример. Я осторожно размещаюсь на самом краешке, чуть ерзаю, чтобы проверить его надежность. Только после этого решаюсь откинуться на кожаную спинку. Ну что ж, хоть что-то сохранилось. Это утешает.

— Ты должен понимать, что реконструкция обойдется в целое состояние и потребует много времени.

— Денег мне не жаль. А необходимых для жизни помещений не так много, с остальным можно хоть всю жизнь играть в конструктор. И очень удачно, что в этом мире существует человек, который считает себя моим другом и является, по совместительству, алчным директором строительной компании.

Ашер, сдается мне, озолотится... И довольно забавно, что я о нем почти забыла. Даже не подумала, что его можно привлечь к работе...

— Прежде чем решать вопрос о доме, нужно его отремонтировать (хотя бы частично). Потому что пока каждый вошедший испугается обвала крыши...

— Крыша тут в самом лучшем состоянии, поверь. Мы с отцом ее вручную перестилали за год до его смерти. Это была последняя попытка помириться со мной. После, к счастью, он

нашел себе игрушку в лице Пани, а от меня отстал. — И вдруг глаза Шона загораются энтузиазмом. — Кстати, уверен, что в этом доме в наилучшем состоянии сохранилось кое-что другое.

— Что?

— Винный погреб.

— Картер! Не смей лезть в погреб! Лестница там трухлявая, вся прогнившая, как я тебя вытаскивать стану? Правильно, никак! Я маленькая и беспомощная. А пока спасательный отряд проберется сквозь джунгли, попытаюсь отыскать дом, ты умрешь от кровопотери.

— Лестница там металлическая, но твоя забота поражает в самое сердце, — сообщает мне Шон, и, видимо, сердце ему ни к чему, поскольку мгновением позже он уже лезет в подвал.

— Она проржавела! — кричу я вслед, однако с места сдвинуться боюсь. Мало ли кого в этом дьявольском местечке можно обнаружить? Подозрительно посматриваю на телефон. По всем законам фильмов ужасов здесь не должно быть сигнала. Но он стопроцентный, что еще раз доказывает, что мы в кошмаре под названием “реальность”. Сжимаю ладошками аппарат, с набранным на экране номером экстренной помощи. Жду до первого крика.

Не думаю, что смогла бы жить в доме, который увидела в таком состоянии! Картер и в кипящей лаве жить бы согласился, если там будет Wi-Fi с хорошим сигналом, но я-то нет. В смысле Wi-Fi — отличная штука, но не кипящая же лава!

И тут я слышу грохот. Ну все, точно разбился. А я даже не знаю где погреб. Топать туда вслепую, в полутьме? Ужас...

— Картер! — кричу я. — Шон! — Но никто не откликается. Медленно поднимаюсь из кресла, выхожу в коридор, на что-то налетаю, и начинаю визжать от ужаса.

— Джо, заткнись! — Визжу. — Заткнись, кому сказал! Это я.

— А кто грохотал в подвале?

— Проржавевшая лестница, — коротко информируют меня о моей же правоте, а затем протягивают добытые бокалы. Понятия не имею, где Шон их взял.

— За выпивкой ты и на тот свет полезешь, — бурчу недовольно, и мне впихивают в руки оба бокала. «Неси и не вякай». Красота. Начинаю их обнюхивать. Затхлость, но, вроде, плесени нет. — Ну как, ничего? — издевается Шон, глядя на мою предельно сосредоточенную мордочку.

— Грязные. Я из них пить не буду!

— Будешь. Хотя бы потому, что основную массу гадости уже вдохнула, пока так обстоятельно изучала. А это, между прочим, калифорнийское мерло. С винодельни, — помахивает Шон бутылкой прямо у меня перед носом.

Калифорнийское, мммм, вкууусное. Дом, Штаты. Хмырь ведь! Искуситель злосчастный! Я просто вынуждена согласиться. Выбора лишили!

Штопора тут нет, и Картер просто откалывает горлышко бутылки. Теперь в вине еще и осколки? Миниатюра на тему «последний завтрак». Да-да, еще утро. А мы уже пьем. Не обращайтесь внимания, я просто ворчливый нытик.

Если говорить по делу, то мы садимся в кресла и пьем вино. Разумеется, оно просто потрясающее. Калифорнийское, с характерным запахом, вкусом. Но как бы то ни было, в обваливающийся подвал бы я за ним не полезла!

— Получше всяких Дон Периньон, — бормочу довольно.

— Нет, — отрезает Шон, но от второго бокала не отказывается. Я еще и половины не

выпила, а он уже второй приканчивает! Вздыхаю.

— Может, возьмем бутылку и пойдем отсюда? Или тебе нужно поностальгировать? — жалобно предлагаю я.

— Позвоню Ашеру. Пусть начинает, — игнорируют мой вопрос.

— Позвони, — кисло отвечаю я, выбрасывая в топку мысли о скорейшем побеге.

— Ты так и не озвучила свое мнение по поводу того, что делать с домом.

— Сначала ремонт.

— Нет, сначала мне нужно определить, насколько глубокий ремонт требовать. В конце концов, дом можно просто привести в божеский вид.

— А раньше ты хотел его продать? — начинаю прощупывать почву.

— Нет, — говорит Шон, почти приканчивая бутылку. — Хотел бы продать — уже продал бы. Всегда думал, что перееду, когда дорасту до него.

— Один? В такой огромный дом?

— Нет. Это бессмысленно, этот дом — настоящая черная дыра. В его ремонт сколько ни вложи — все равно мало. Для одного все это держать глупо. Поэтому я спрашиваю: ты согласишься сюда въехать со мной или будешь сначала тридцать лет это обсуждать?

— Тридцать лет? Что-то ты размахнулся, — желчно сообщаю я, но на провокации реакции никакой, и приходится говорить по существу: — Совместный переезд — это очень серьезно, Шон. Тут есть, что обсуждать.

— Тут нечего обсуждать. Кладешь чемодан в багажник, садишься в машину, едешь, останавливаешься, вытаскиваешь чемодан. — О да, Шон не мог не впечатлиться внешней легкостью итога моих многомесячных терзаний. — Только на этот раз будет ДВА чемодана.

Приходится вздохнуть. Но ведь я не собираюсь отказываться от Шона из-за одного лишь дома, верно?

— Давай так, — говорю, вздохнув. — Когда дом будет отремонтирован, мы посмотрим на него еще раз. И если он не покажется мне ни жутким, ни пугающим, я... — сглотнув комок в горле, — перееду вместе с тобой.

Перевожу взгляд на Шона и вижу, что он... улыбается. Не ядовито, не насмешливо, даже не победно. Просто улыбается. Спокойно. Будто знает что-то мне неизвестное. Его улыбка меня пугает, заставляет перебирать варианты дальнейшего развития событий, но тот, что наступает в реальности превосходит все... Потому что, внезапно, Картер достает коробочку, и поскольку я с такими уже сталкивалась, даже не приходится дважды смотреть, чтобы понять для чего она. Вот только это же Шон! Я потрясена до глубины души, не ожидала, даже предположить не могла. Сижу и не могу даже руку протянуть, я просто жду, что в этом мире что-то изменится. Потому все происходящее сейчас — сплошной разрыв шаблона.

Да, черт возьми! Я могла бы ожидать каких-то действий хотя бы, когда он нацепил на меня серги Эстер и потащил к Юнту, но здесь и сейчас? Он делает мне предложение в пыльном доме, полном трухлявой мебели, при том, что его, некогда белая, футболка стала серо-коричневой от грязи? Да это последнее, что бы я предположила сегодня утром, днем, да и несколько минут назад тоже!

В попытке найти логику, я начинаю спешно готовиться к неприятностям. Глаза мечутся по комнате в поисках опасности, так как когда кольцо притащил Брюс, я упала в обморок, а когда Ашер лишь заговорил о браке — чуть не закашлялась до смерти. Но только здесь я ожидаю подлянку на каждом шагу. Уверена, на этот раз меня ждет обвал крыши. Вот, клянусь, Шон соврал, что с ней все в порядке! Однако, время идет, тарантулы из-под столов

не выползают, скрежещущих звуков не раздаётся... Точнее звуков вообще не раздаётся. Тут настолько тихо, что бьёт по нервам. Шон сидит, наблюдает за моими действиями и молчит. Лучше бы хоть что-то сказал, потому что вокруг звенит тишина, и весь скучный окружающий мир сжимается и сжимается до одной точки — бархатной коробочки на столике. Не на что отвлечься. Вообще. И я прилипаю к ней взглядом, не могу сконцентрироваться ни на чем другом. Может быть, потолок все-таки упадет мне на голову? Это было бы проще, не пришлось бы решать, как себя вести. Сломались все правды и истины, в которые я верила почти десять лет. А, кстати, с чего бы? Вдруг я неправа? Может быть, никакое передо мной не кольцо? Гонимая надеждой, я в несколько порывистых движений протягиваю руку и осторожно касаюсь загадочного трофея. Но попытка избежать правосудия успехом не оканчивается. Там действительно кольцо. Самое красивое кольцо в мире. Из белого золота, почему-то с двумя рельсами и бриллиантом, не таким вульгарным, как у Ашера, немногим больше стекляшки Брюса. Но, черт его дери, моим бриллиантом! Совершенно точно моим! Мысли о том, что я не очень-то настроена идти замуж за Шона вылетают из головы в момент, потому что я хочу это кольцо. Оно мое и для меня!

После этой мысли все становится чуточку понятнее и прозрачнее, ровно настолько, чтобы обрести голос.

— Картер?

Да, звучит странно и сипло, но этого, видимо, достаточно, потому что Шон и сам начинает говорить. Разумеется, не стандартными «люблю-не-могу-умоляю-стань-моей-половинкой». Ха! Это было бы слишком банально, у него, как всегда, свой взгляд на происходящее! Весьма раздражающий, кстати сказать.

— Все будет не так, как ты думаешь. И не так как ты хочешь, — сообщают мне, даже не озвучив толком притязаний. Многообещающее начало. — То, что считаю своим, я не делю и не выпрашиваю. Потому что у меня есть основания считать это своим, и остальные условности — обычная бессмысленная суэта. Я знаю, как именно нужно поступать в той или иной ситуации, и не обращаю внимания на «сложно» и «невозможно». Именно поэтому не слушаю советы. Да, я сложный человек. Тебе придется многие вещи принимать как данность и списывать на безосновательное упрямство, махнув рукой. Не лезть, не пытаться понять или изменить. И хотя, уверен, ты уже итак это знаешь, я считаю своим долгом предупредить, потому что хочу, чтобы ты начала, наконец, со мной считаться. Я хочу, чтобы ты стала моей. Насовсем. Это значит, что я никогда не отпущу тебя, не дам тебе развод, не позволю спать в другой спальне или жить в другом месте и не взять мою фамилию. Ты не сможешь больше «наш» дом назвать «твой», как ты это делаешь сейчас и делала всегда. Джоанна, место, где живет человек, называется «мой дом», а не чей-то там, будто одно твое присутствие в доме мужчины, с которым ты живешь — великая уступка. Это не так, и я каждый день буду напоминать тебе об этом. О том, что для тебя одной, лучше всех именно я. Я буду с тобой и для тебя всегда. На свой манер, как умею, но это обещать могу.

Вот только вместо того, чтобы расчувствоваться, я начинаю злиться:

— Я... не понимаю... твое “всегда”! — вдруг взрываюсь я. — Мы прожили четыре года вместе. И ты вышвырнул меня из своего дома так, как даже с собакой не смог! Ты... ты искалечил меня и ушел! Сейчас мы вместе меньше месяца, и ты вдруг посмел заговорить о каких-то гарантиях? Шон, ты изменял мне, намеренно унижал меня, заставлял тебя ненавидеть, ты сделал меня инвалидом. А теперь заявляешь, что никогда не позволишь уйти?

Не слишком ли много на себя берешь?!

— Да, именно это я и делал, — отвечает он просто и спокойно, заставляя потерять запал, превращая гнев в обиды и сожаления, — но ты ушла.

— Ты этого и добивался! — огрызаюсь я.

— Да. И с тех пор я учел свои ошибки, потому никогда не стану поступать с тобой так, как раньше.

— С чего я должна тебе поверить? — желчно интересуюсь я.

— Я расскажу только один раз — сегодня, — и никогда не стану повторять снова. Советую засунуть обиды подальше и попытаться понять, пока такая возможность есть. — Он замолкает на мгновение, и в тишине гостиной отчетливо слышится мое недовольное сопение. Да, вероятно, стоит сбавить обороты и все-таки выслушать историю журнального столика, уверена, речь пойдет именно о нем. — Ты не пришла ко мне в тюрьму, — начинает Шон, а я возвращаюсь мыслями в те жуткие дни. Да, так и было. — Вызвала Алекса и Карину из другого, черт возьми, полушария, а сама не пришла. Ты должна была прийти, я этого ждал, в те несколько дней у меня не было ничего другого, я просто сидел, предвкушал, как ты появишься у гребаной решетки, продумывал в деталях слова, которые скажу тебе. А ты все разрушила. Ты. Просто. Не пришла. Да, тебя могли не пропустить, но обязательно поглумились бы над этим. У всего есть две стороны, тюремщики бы поиздевались, а я бы узнал, что ты приходила. Этого я тоже ждал. Однако ты даже не попыталась. Я думал, как выгоню тебя, так ничего и не рассказав, но на должность хорошего я и не претендую. Хорошей из нас двоих была ты, и в эту игру играли мы в четыре руки. Ты должна была прийти.

Я был в бешенстве, потому что Леклеру удалось меня напугать, и крыть было нечем. Но еще я злился, потому что мой устоявшийся привычный мир трещал по швам. Ты же не пришла. А я привык, что ты приходишь. Привык, что ты где-то рядом, под боком. С надушенными крашеными волосами и в дурацких детских платьях в цветочек. Так в чем было дело? Что случилось? Ты испугалась, уехала? Или вдруг начала презирать меня за этот арест настолько, что не потрудилась даже появиться?

И вдруг ко мне заявляются Алекс и Карина и сообщают, что вообще-то ты никуда не уехала, а сидишь себе преспокойненько у меня дома, но идти отказываешься. И что? Получается, ты неплохо себе существовала одна, без меня, в то время как я сходил с ума эти несколько суток, казавшихся годами, и думал, дьявол тебя подери, не о Леклере, обвинениях и незавидной участи, которая ждала бы меня, стоило Бюро найти хоть малейшие доказательства моей незаконной деятельности, а о твоём нежелании меня видеть! Я безумно на тебя злился и никак не мог понять, когда мы успели поменяться местами. Когда-то, где-то и как-то что-то сломалось и вдруг я начал от тебя чего-то ждать. Причем невозможного. Вероятно, виной всему время и то, что я очень долго схожусь с людьми и терять их, в итоге, тяжелее, чем другим, но как бы то ни было, результат был именно таков: иронично, но мы поменялись местами. И плюс ко всему, я знал, насколько ты решительна и мстительна. Знал, что ты не простишь мне того, что я с тобой сделал. Даже хуже, если почувствуешь эту власть — станешь в открытую пользоваться. Ты находишь малейшую слабость и начинаешь бить именно туда. Как это было с Пани. Я знал, что худшей стервы, чем ты, не встречал и навряд ли встречу, но до того момента никогда не думал, что это может выйти боком мне самому. О

нет, ты бы не простила, но мне, по-видимому, оказалось нужно именно это.

Возвращаясь домой после освобождения, я хотел сделать тебе не менее больно, а уж это я умею. Стоит ранить твое самолюбие, и ты начинаешь сходить с ума. Я был зол и пьян, а ты сидишь на мягком диване, и якобы так рада, что меня выпустили. Отлично, рада видеть? Так какого черта, спрашивается, ты тогда не пришла на меня в камере полюбоваться? Будто все вместе сговорились меня добить. И Леклер, и ты, и Алекс с Пани с бесконечными расспросами и советами. И, главное, стоишь ты вся такая напоказ белая и невинная, ну олицетворенная жертва. А, на самом деле, пострадавший чуть ли не впервые в жизни я. Клянусь, в тот момент я хотел одного — никогда тебя больше не видеть. Будто нет тебя, а, следовательно, и проблем тоже. Хотел, чтобы ты ушла, хотел, чтобы ты меня боялась. Но я не собирался толкать тебя на адский столик. Я даже не ожидал, что так получится. Не ожидал, что стекло может причинить такой вред... Поэтому я просто развернулся и ушел. Я хотел, чтобы ты считала меня монстром и больше на глаза не попадалась. Только утром, протрезвев, я понял, что сделал.

— Тебе удалось заставить меня думать о тебе как о монстре.

— Знаю. Слышала о том, что отрывать надо быстро, не давая возможности испугаться? Я сделал все, как по учебнику. Надеялся, что таким образом все, что нас связывало порвется. Не хотел давать тебе даже малейшую власть надо мной. Но я добился только одного: чтобы ты ушла. Отомстил за то, что ты была дрянью, которая бы не простила четырех лет морального прессинга. Но то, что я, фактически, применил к тебе силу, должно было стать последней каплей. Я не прогадал, и ты ушла. И с тех пор я, как последний идиот, мечтал о том, чтобы ты вернулась. Я не представлял, в какой ад превращаю обе наши жизни. Но, черт возьми, это казалось таким логичным: ты была маленькой девчонкой. Я был старше на целую жизнь, но дело даже не в этом. Мы казались диаметрально противоположностями. Я не из тех, кто умеет радоваться, а ты только и делала, что хохотала, срывала ромашки и носила розовые кружевные сарафаны. И, тем не менее, научила меня самой жестокой истине: не пренебрегай людьми — внезапно они могут стать для тебя много большим, чем ты хочешь, но оказаться беспощадными. Ведь, если приглядеться, за крашеными космами и вечно хлопающими ресницами скрывается мстительная непрощающая стерва. Это в тебе было с самого начала, а теперь просто отчетливее проступило, — глядя на мое молчаливое возмущение, сообщает мне Шон. — Не надо протестов и оправданий. Это действительно так, с тобой безумно сложно, и с возрастом ты стала еще противнее и депрессивнее, но я хочу тебя именно такую. Наконец-то ты стала женщиной, которая может меня принять со всеми моими минусами и недостатками. Джо, у меня было много времени на размышления, я полностью отдаю себе отчет в том, что делаю. Больше ты меня не напугаешь, что бы ни натворила. Только я тебя не отпущу, даже если попытаешься. Это все.

И, пользуясь всем вышесказанным, я, наконец, задаю вопрос, без ответа на который фигурки мой ректор получит!

— Ты меня любишь? Скажи, что ты меня любишь!

И хотя я знаю, что, собственно, именно это мне и сообщили развернуто и подробно, также, что Шон с трудом сдерживается от того, чтобы закатить глаза, он сухо и смиренно отвечает:

— Люблю.

Хм, Джоанна Картер. Это звучит куда лучше, нежели Джоанна Монтомери, Джоанна Циммерман или даже Джоанна Прескотт. Да, определенно лучше. Когда мы находим

подходящего мужчину, мы примеряем на себя его фамилию, чем лучше она звучит, тем больше у него шансов. Это не меркантильность, просто так работает женское подсознание. Фамилию Шона я уже давно примерила и осталась довольна, не потому ли только его выкрутасы терпела целых четыре года?

Я смотрю на Шона и обнаруживаю, что он все еще ждет ответа. А? Он все еще сомневается? Да забирай, будто я кому-то еще нужна. Хотя, если честно, мне-то и самой никого другого не надо... Достаяю из коробочки такое желанное мое колечко и надеваю его на палец. Красивое, такое красивое! А потому сажусь на колени Шона, запускаю пальцы в его кудрявые волосы. И, главное, я знаю, что ни один другой человек в этой роли его бы не устроил. Даже Пани. Ей не говорил, что не отпустит. А если бы сказал, то и сделал, он не фанат пустых обещаний.

Держать в руках сердце и разум одного из самых опасных людей планеты, что может быть заманчивее? Именно так: и сердце, и разум. Ведь он так долго обо мне думал, мечтал. Неплохие условия продажи в добровольное рабство! И я бросаюсь к его губам, совсем как он это делает. Словно всю жизнь запрещали. Задыхаюсь и шепчу его имя и какие-то слова о том, что согласна. Возможно, он был прав, при чем декорации, если мы так долго шли друг к другу?

Но как бы то ни было, Шон не соврал мне ни словом. Если вы думаете, что с тех пор он начал носить меня на руках, то это не так. По крайней мере, от уборки прокисших и зловонных блинчиков (да-да, тех самых), никакая пламенная любовь меня не спасла... А ведь я, считай, подписала контракт, первым пунктом которого значится очень удобная для некоторых строчка «Шон Картер всегда прав».

Роль моей подружки невесты досталась Селии Штофф. Хотя она не ладит с Шоном и является сестрой человека, за которого я собиралась замуж. Но у меня не так много друзей, и пришлось обратиться именно к ней. В общем-то, компромисс мы нашли во всем, кроме одного вопроса: она не понимает, почему я отказываюсь от свадьбы века, а у меня начинает дергаться глаз от мысли о том, что придется бегать по всему Сиднею, чтобы найти самые свежие цветочки. Лично я хочу выйти замуж, причем поскорее, а то мои долгосрочные помолвки плохо заканчиваются. Да, все верно, я вовсе не против стать миссис Картер! А раз так, то все обговорено и спешно претворяется в жизнь. Медовый месяц мы проведем в Осаке у Такаши. Там будем доделывать проект, осваивать Японию и заниматься сексом. По-моему, план безупречный. А студенты... да куда не денутся эти студенты! Шон без труда все решил с университетом и Бабочками, это вообще не вопрос, а вот на моих плечах лежит задача посложнее.

Я давно не виделась с родителями. Довольно непросто выйти из машины и постучать в дверь. Старенькая тойота Брюса припаркована рядом с отцовским шевроле, и это зрелище вызывает отторжение: я до сих пор переживаю из-за того, что в нашем разрыве самые близкие люди поддержали не меня. Набравшись мужества, выбрасываю из головы грустные мысли и направляюсь к дому.

— Ханна... — ахает мама с порога, и бросается меня обнимать. Папа перенимает эстафету, а Брюс просто топчется на заднем плане. Это ничего, все в порядке, ведь я приехала, чтобы объявить, что наконец-то нашла мужчину, которому действительно нужна. Настоящего мужчину. Своего. Сделаем вид, что почти десять лет обид не в счет.

Пока папа обнимает меня за плечи, мама ставит чай. Это кажется правильным, но мы

слишком долго не были настоящей семьей, и приходится вспоминать прошлые привычки.

С тех пор как Брюс переехал к моим родителям, я у них не появлялась. И теперь с удивлением отмечаю множественные изменения, произошедшие в доме. Сделанная вручную добротная мебель, автомастерская, организованная прямо в гараже. В ней, рассказывают мне, работают папа с Брюсом и соседский мальчишка. Последний появляется после занятий в школе и, в основном, только помогает, но парнишка смысленный и далеко пойдет. Именно так жили люди в Миссисипи, который я привыкла считать своим домом, но, как это ни странно, порядками нашей Родины живут родители, а мое сердце ныне бьется в ритме большого города. Сиднея.

Что ж, не без огорчения вынуждена признать, что пусть для меня Брюс — негодяй, который ни во что меня не ставил, но для папы он хороший друг, помощник и единомышленник. И нечего в своих бедах винить родных — если бы я вышла замуж за человека, который им симпатичен настолько, им было бы безумно приятно, остальное — только мой недосмотр. Кого же еще винить в том, что голову я использовала лишь для того, чтобы волосы красить? А тут настоящая идилия: папа делает лучше Брюса, тот — папу, а мама тихонько умиляется. Ничего-ничего, как познакомлю их с Шоном поближе, пусть тоже поломают голову на тему моего выбора! Боже, я не должна так злорадствовать от этой мысли.

— Так чему мы обязаны твоим визитом? — спрашивает папа. В отличие от мамы он не привык притворяться, что в мире царит добро и справедливость. Наверное, я пошла в него.

— Я выхожу замуж. И приехала, чтобы пригласить вас на свадьбу.

А ответ на мое заявление, однако, просто убийственный:

— Что, опять? — удивляется папа. Будто уж и не чаял увидеть меня в подвенечном платье.

— Не смешно, — кисло отвечаю я.

— Ну, просто я думал, что вы с Ашером разошлись насовсем, — поясняют мне причину замешательства. Упс, ну да, я совсем забыла, что прошло всего-то четыре с хвостиком месяца. Не могу понять, хорошо или плохо, что родители считают меня верной настолько.

— Эм, пап, я не об Ашере, — осторожно начинаю я, но вдруг вмешивается мама, проявляющая просто чудеса проницательности.

— Она собирается замуж за своего австралийского друга, правильно, Ханна? — и вешает на крючок снятый фартук.

— Откуда ты знаешь? — вполне искренне удивляюсь я. Мама, конечно, гуру отношений (это ее неоспоримое достоинство), но она же нас с Шоном вместе видела считанное количество раз!

— Ну, детка, не делай такие удивленные глаза. В ту ночь, когда самолет разбился, вы сидели рядом, и он что-то тебе говорил, а ты просто слушала. Тогда я все и поняла.

— Что ты поняла? Он всего лишь переводил мне репортаж о крушении самолета, потому что в итальянском, я не ноль, а настоящий минус! — мрачною я. Неужели все было очевидно еще тогда?!

— Да что бы ни было, Ханна. Просто я никогда такого не видела. Ты очень умная девочка, поэтому обычно слушают тебя, другим тебя чему-то учить ты не позволяешь. Даже нам с Джоном. Перебиваешь, отмахиваешься, и приходится отступать. Но с ним ты вела себя иначе. Ты ловила каждое слово, пыталась поспорить, что-то доказать, будто его мнение имеет значение. Тогда-то я и заподозрила, что он — тот самый человек, с которым вы жили

вместе. Не суть. Лучше скажи, почему ты приехала одна, а не с ним. Мы же его почти не знаем. Мы видели его на Сицилии и лишь дважды после этого. И каждый раз он практически не разговаривал с нами.

— Не принимай это на свой счет, мамочка. Это для него норма. И я его не привезла с собой, потому что он вам не понравится. И вы ему тоже. Такой уж он человек. Он не станет рассказывать о себе, не будет пить чай, не сыграет с папой в шахматы, — мстительно указываю на Брюса, — он не сделает ради вас вид, что он лучше, чем есть на самом деле. И ради меня тоже. Но он много для меня значит, и это самое главное.

— Джо, а что-нибудь хорошее ты нам о нем сказать можешь? — хмурится папа. — Я бы успокоился, если бы услышал хоть что-нибудь хорошее.

Мне приходится немножко подумать, что же такого хорошего в Шоне, чтобы они не волновались.

— Он любит меня. Он меня защищает. Иногда он мне улыбается, только мне, поэтому я ценю его улыбки. Еще он разделяет мои интересы. Нам легко вместе жить, легко работать. Просто легко. И все чудесно, правда.

И, к счастью, мне верят, но я сказала отнюдь не всю правду. Есть одно «но». Да, все чудесно, но «но» тоже есть. И поэтому я сижу в машине с тонированными стеклами, которые не позволят трем маленьким человечкам понять, кто за ними спрятался. Джулиан, Марион и Кики несчастными не выглядят. Они играют в салочки на газоне перед домом, своим смехом привлекая внимание всех проходящих мимо людей. Выходит, Лайонел был прав. Без меня им вовсе не плохо. Скучаю лишь я одна. Так больно, ужасно больно знать, что я все придумала, что мешала жить собственными жизнями ради своего блага... Ну и что остается? Развернуть машину и поехать домой, к Шону, к моему Шону. Все забыть. Мое настоящее — он, лишь он один. К черту! К черту, к черту, к черту!

Я влетаю в дом на окраине Сиднея, но Шона нет. Дьявол, куда он делся? Точно торнадо, проношусь по всем помещениям, распахиваю каждую дверь, отказываясь верить, что после гостиной и компьютерной комнаты, собственно, продолжать поиски бессмысленно. Ну где же он, когда так нужен? Он должен быть здесь, для меня! Дьявол! Собираюсь уже упасть на диван и разрыдаться от жалости к самой себе, но вдруг хлопает дверь, и я бросаюсь в прихожую. Спорю, Шон ничего не успевает понять, а я сдираю с него пиджак, вырываю из рук пакет и швыряю на пол, не обращая внимания на разлетающиеся по полу хрупкие микросхемы. Плевать на них, мне необходимо забыться. С ним. В нем. Чтобы прошли последние отголоски боли.

Я тяну его в гостиную, вынуждая нас обоих сблизиться насколько это вообще возможно. Полубезумно, до боли, кусаю его губы, шепчу имя, не позволяю оторваться от меня даже ради глотка воздуха в надежде, что он заполнит рваные раны в груди собой, в надежде, что только его мне будет достаточно.

Между диваном и уже вовсе не стеклянным столиком мы сплетаемся в клубок совершенно невероятным образом, пытаюсь влезть друг другу под кожу, кажется, только подобная степень близости меня бы устроила. Потому что если он — все, что у меня есть, то нужно сделать так, чтобы он стал всем, что мне нужно. Может, это не так сложно? Ведь если я лишусь всего мира, сожалеть о нем я не стану, но если я потеряю Шона — мир мне не нужен.

Каждым движением он точно выталкивает из меня болезненные воспоминания. Я

больше не знаю имен детей Керри и, как выглядит ее лицо, я даже не уверена в том, что такое рай. Кажется, он где-то здесь. В этот самый счастливый момент мой мир сокращается, перестает быть тревожным, огромным и пугающим. Он сужается до одного лишь Шона. И я понимаю, что чертова любовь — защитный механизм, который не дает нам потонуть в тревогах, съедающих наши души. Какое счастье, что я нашла свою панацею. В нем.

— Как же я люблю тебя, — шепчу я, обхватывая руками его лицо, и пусть в черных глазах не отражается ни капли удивления, эти слова становятся катализатором, лишая нас остатков разума.

О нет, он больше от меня не уйдет никуда, не отпущу! Буду ходить хвостом, дышать его запахом, греться от тепла тела, заряжаться спокойствием и уверенностью, пока болезненный узел в груди не развяжется вовсе.

Глава 24. Новая жизнь

Мое венчание должно состояться в небольшой, милой церкви. Шон и религия — вещи чуточку несовместимые, но я настояла, потому что это успокоило бы родителей, да и вообще, в фильмах это всегда красивая церемония, а я девочка, падкая на все блестящее. У меня не будет пышных торжеств со всенародными гуляниями (опыт с Ашером меня вовсе не впечатлил, особенно если учесть, сколько сил было брошено на организацию и чем закончилось), но желание привнести хотя бы частичку сказки в собственную свадьбу из меня не выбить ничем.

Однако, стоит отметить, что сказочности, на самом деле, больше, чем достаточно. Церемония вообще ужасно чудная, если учесть состав приглашенных. Представили? Нет? Ну так я с удовольствием перечислю: шафер Алекс с женой (бывшей любовницей жениха), Ашер (мой несостоявшийся благоверный, ныне приглашенный со стороны Картера) и Селия (его сестра, но подруга невесты), Роб (который искренне ненавидит Шона) и Мадлен (единственная Швейцария из всех имеющихся), мои родители (от которых будущий зять, спорю, будет бегать кругами, лишь бы не попасться), и (спорю, в отместку за мою семью) Эмилио Юнт с дамой в зеленом, Джастин и Аня (любимая родня, за право пригласить которую пришлось повоевать), а также Грейс и Каддини (ага, из общего у нас только студенты...). Прямо скажем, если на что у нас с Шоном взгляды диаметрально противоположные, то это на приятную компанию. Ну, хоть Йол тут нет — уже радость.

А теперь о приятном. Мое платье стоит целое состояние. Оно не пышное, кружевное и выглядит так, буквально стекает по моему телу на пол, оставляя за собой длинный-длинный шлейф, который ныне подметает пол, так как идея позвать Марион и остальную часть семьи Керри погибла под гнетом моей нерешительности. Сложную прическу я делать не стала — ограничилась новым цветом волос (лунное сияние, называется... стоп, вы же не подумали, что я на радость некоторым превратилась в шатенку снова? Вот еще!), и теперь фата держится на двух заколках, коими подколоты волнистые пряди, а все потому, что нужна она исключительно для изначального выпендрежа и мне одной, а меня одну все и без лишних сложностей устраивает.

Все совсем не так, как в прошлый раз. Не нервно, в своем темпе, без репетиций и газетчиков. Я настолько уверена в правильности своего решения, что мне не нужны другие

люди, чтобы претворить в жизнь задуманное. Даже Керри, которая казалась настолько необходимой раньше. Что там, мне бы и одного лишь Шона хватило... эм, ну и священника со свидетелями. Остальное — декорации, их присутствие приятно, но не обязательно.

— Выглядишь счастливой, — говорит папа, ласково улыбаясь и накрывая рукой мою ладошку.

— Я счастлива, — киваю я.

— Ты и должна быть.

Когда мы подходим к массивным дверям, Селия проскальзывает внутрь, и до нашего слуха доносятся первые аккорды музыки. Не марша Мендельсона. Ненавижу его. Никогда не являлась фанатом, а теперь он и вовсе ассоциируется с худшим днем всей моей жизни. С Ашером. И Керри. На этот раз я выбрала менее претенциозную мелодию. Попыталась понять, что именно является нашим с Шоном. Думаю, это было правильным решением, ведь мы не самая банальная парочка.

Гостей на церемонии так мало, что они поместились на первых двух рядах лавочек. Нет ни строгой рассадки людей, ни правил поведения. Думаю, сегодня Селия Штофф оказалась в своем персональном аду. Закусываю щеки изнутри, чтобы не улыбнуться. Черт возьми, разве я не должна думать о возвышенном и прекрасном? Невесты должны быть счастливыми, эфемерными, а я рассуждаю про себя об одержимости Селии порядком. Конелл — все еще Конелл — соберись немедленно!

Наконец, решаюсь перевести взгляд на своего ректора. Немножко боюсь, совсем чуть-чуть, и это связано не с Шоном, а с воспоминаниями о том, как все сломалось в прошлый раз. Да, виноват в случившемся с Керри был не Ашер, и не свадьба с ним, но сердце считает иначе...

Однако, на этот раз никаких дурных предзнаменований нет и в помине. Шон выглядит отлично, что, вообще-то, ни разу не ново. Он всегда хорошо одет — должность обязывает, — и всегда так же невозмутим, как сейчас. Невозмутимость. Это совсем не то, что обычно невеста ждет от своего нареченного. Но меня она успокаивает. Если Шон уверен в том, что делает, — фигурки его свернешь с цели. Как мне было сказано? С его характером придется мириться, многое списывая на врожденные чудачества. Ну и ладно, в общем-то, и я не ожидала, что его сразит мой свадебный наряд. Не думаю, что доживу до тех времен, когда он скажет «классно выглядишь, Джо, это кружево ручной работы?».

Внезапно меня за руку начинают чуть-чуть тянуть, и приходится выплыть в реальность и начать реагировать на происходящее адекватно.

— Все, Джо, — шепчет папа, наклоняясь, чтобы меня приобнять. — Дальше ты одна. Помни, мы с мамой тебя очень любим.

Итак, друзья мои, мы собрались здесь, чтобы доказать всем и каждому, что они были неправы. И зловредная разлучница Пани, и странным образом вбивший между нами клин Ашер, и Роберт Клегг, уверенный на все сто, что ничего иного, нежели журнальный столик, Картера и Конелл ожидать и не могло... Но вот мы здесь, перед алтарем. Он и я. Чтобы даль клятву уважать друг друга до конца своих дней, втайне ненавидя светлые волосы и привычку от нечего делать хвататься за бутылку, с трудом вынося истерические припадки, совместные перелеты и многое-многое другое. Легко не было и навряд ли когда-либо будет, но самое лучшее с неба и не падает. Стоит согласиться.

Как только эту мысль я доношу и до священника (ну, чуть более коротко и емко), Шон хватая меня за талию и жадно целует. Осталось только заставить присутствующих

отвернуться, а то, ну, не целомудренно оно как-то. Наконец, когда этот поцелуй становится уже просто до неприличия долгим, и мой мозг на мгновение включается, я отстраняюсь и обнаруживаю, что на лицах гостей глупые-глупые улыбочки а-ля «теперь мы все-все про вас знаем!»! Приходится сделать вид, что юбка ну уж очень длинная, и я только сейчас это заметила и очень заинтересовалась.

Ресторан выкуплен до самого вечера, а лично мне в такой компании находиться достаточно длительное время страшно. Я надеюсь, Шон не станет прятаться от моей мамы в туалете, и я смогу воспользоваться им в качестве щита от особо надоедливых.

Надо сказать, мне везет. Шон, наверное, решил, что если он отмучается сегодня, то до следующего рождества будет свободен. А вот фиг ему, я запланировала более частые встречи с родными, а уж чтобы мама от допроса отступилась... Ха, Картер, да ты пролетаешь! Она спрашивает моего благоверного о семье до десятого колена, гастрономических увлечениях и хобби, которое, по ее мнению, у него быть просто обязательно. Именно на последнем Картер не выдерживает:

— Я увлекаюсь компьютерами. И всем, что к этим компьютерам можно подключить. И всем, что в них можно запихать. А еще всем, куда с помощью компьютера можно долезть. — Мама аж икает от удивления.

— Но разве это не ваша работа?

— Она самая.

— Тогда это не хобби, — встает на защиту своей точки зрения мама.

— Всего лишь распространенное заблуждение, — вяло спорит Шон, надеясь, что она отстанет.

— Нет, чтобы развиваться разносторонне, человек должен иметь хобби.

— А еще загородный дом, белый забор, зеленый газон и улыбку в тридцать два зуба.

— Разумеется! — восклицает мама, возмущенная скептицизмом зятя.

— Но не выйдет.

— Нужно всего лишь приложить достаточно усилий...

— Как бы я ни старался, зуб, который я выбил, пока строил белый забор отцу, обратно не вырастет, и по вашему желанию избытком бредовых увлечений я не обрасту.

У мамы отвисает челюсть, а папа уже начинает успокаивающе ее поглаживать по спине, лишь бы она не вступила в дальнейшую дискуссию. Будто это возможно.

— Ханна, может быть у вас могло бы быть общее занятие...

— Мам...

— О, у нас есть общие занятия и всегда были. Мы оба любим компьютеры, а трахаться так и вовсе обожаем. А теперь вы нас извините.

Семеня за Шоном в коридор, я разрываюсь от противоречивых эмоций. С одной стороны, кое-кто — хмырь и гад, тут даже не поспоришь, с другой, у мамы отсутствует инстинкт самосохранения. Я же предупреждала, что во мнениях они с Шоном не сойдутся, так нет же, эта упрямец решила проверить... А мне теперь, что делать?

В качестве компенсации морального ущерба мне удастся сделать лишь одно — заставить Шона отмучиться положенное количество часов среди гостей. Думаю, это получилось всего лишь по одной причине: мама теперь к нему даже не приближается.

Еще бы, так вышло, что я никогда не знакомила родителей со своими друзьями. Пока

мы жили в Миссисипи, я была слишком мала и влюблена в своего соседа, а когда уехали — не задерживались на одном месте достаточно долго, чтобы завести какие-либо серьезные отношения. Ну а переезды закончились в Сиднее, где я, собственно, осталась без родительского надзора вовсе. Да что уж там, даже Брюса папа и мама знали до того, как мы с ним начали встречаться. Иными словами, родным никогда не приходилось делать вид, что они не замечают, как школьный приятель гладит меня по коленке под обеденным столом или урывает поцелуй, пока ему показывают дом семейства Конелл. И вдруг кое-кто сообщает моей крайне впечатлительной мамочке, что, в общем-то, их доченьке на недостаток интима жаловаться не приходится! Ей определенно нужно переварить услышанное. Но, может, оно и к лучшему, по крайней мере, остаток мероприятия образцово ведут себя все. Вообще все.

И, в совокупности, наша лишенная помпезности свадьба оказывается на удивление легкой и даже почти приятной, но ближе к концу я начинаю не на шутку волноваться. Дело в том, что мне не сообщили ни малейшей информации по поводу первой брачной ночи. Да, я честно пыталась себя уверить, что Шон мой муж, и доверять я ему обязана, но, прости Господи, предложение он мне ухитрился сделать в доме с привидениями. Мало ли что еще взбредет в его нестандартно мыслящую головушку. Поэтому, пока мы едем в свадебном лимузине, я внимательно слежу за картинкой за окном, и все больше и больше убеждаюсь, что направляемся мы... ко мне домой. Никогда не думала, что скажу такое, но именно этим Шон меня почти разочаровывает. Ну в отель бы привез что ли, там хоть наша первая ночь состоялась, а тут... Ну блин...

— Ты, должно быть, шутишь, — говорю я, старательно подавляя обиду.

— Спокойно, Джоанна, тебе понравится, — невозмутимо отзывается Шон, и я отчего-то немножко успокаиваюсь. В конце концов, этот человек умеет удивлять. Не всегда в хорошем смысле, но со стопроцентным попаданием.

Собственно, верила я не зря, потому что сюрприз для меня определенно имеется. Моя квартира... она ну просто девственная, ни мебели, ни света. А посреди гостиной стоит пресловутая стремянка, которая так ждала, но в итоге все равно не стала свидетельницей бурного интима. О да, кажется, мы с Шоном всегда заканчиваем начатое, только обычно со второй попытки.

Пока я пытаюсь осознать увиденное, ну а также представить варианты... короче, вы поняли, чего именно, меня начинают раздевать. Весьма пылко. Стремянка сразу как-то отходит на второй план, в конце концов здесь около сотни квадратных метров одного лишь пола. Он тоже годится. И, кстати, я еще не заглядывала в спальню. Картер, конечно, все делает на совесть, но, надеюсь, очищая мою квартиру от мебели, кровать он вниманием обошел. Она может очень даже пригодиться.

Наконец, мое платье превращается в горку кружева у наших ног, и я стою перед Шоном в роскошном нежно-розовом белье, откровенном до неудобства. Секунд двадцать муж — заметьте, муж! — меня изучает, а потом разворачивается, идет к горке коробок, берет оттуда костюм из старых домашних штанов и топа (ну очень похожих на те, что были на мне в памятный день) и пихает комок одежды мне в руки. Ч-что, простите? Напялить на такую красоту старые тряпки?

— Даже не думай...

— Лезь!

И тут меня пробивает на форменное нытье:

— А можно это не надевать? Да и вообще, зачем лезть на стремянку? Здорово, что она

здесь есть, но мы же обязательно упадем. Она жутко неустойчивая!

— Я ее закрепил.

— Закрепил? То есть как?

— Клеем и гвоздями.

— Ты... ты что, испортил мой паркет?! — вспыхиваю я.

Но тут, пожав плечами, Шон произносит три волшебных слова, которые мечтает услышать каждая женщина:

— Я его починю.

На милость таким словам приходится сдаться. И поэтому в старых трениках поверх роскошного белья я сижу на стремянке и чувствую себя идиоткой. Черт возьми, я замуж вышла, но делаю вид, будто мне и впрямь жизненно необходима чертова люстра! Как бы на другое рассчитывала. Утешаюсь мыслью, что Шон вообще вспомнил о нашем звездном фиаско, а это дорогого стоит.

Тем не менее, к люстре Картер даже не притрагивается. Его внимание целиком и полностью сосредоточено на мне, а точнее на моем декольте. Я отчетливо вспоминаю прошлый раз, все было так же. Он стоял передо мной, а я полагала, что Шон сорвется, не сдержится, но глубоко заблуждалась.

Улыбнувшись, касаюсь ладонью его живота и, наконец, воплощаю свою эротическую фантазию, которая, можно уже и не врать, преследовала меня месяцами. Медленно и осторожно тянусь к плечам Шона. Тусклый свет разрисовывает его тело тенями, которые сводят меня с ума, и, не выдержав, я касаюсь горячей кожи губами. Стремянка при этом покачивается, металлический рельеф ступенек впивается в мою задницу, хм... возможно, одеться было не такой уж плохой идеей. Шон тоже наклоняется ко мне, ревниво отрывая от единоличного наслаждения, но в этот момент стремянка все-таки не выдерживает, и талантливые, не в меру предприимчивые молодожены летят на пол под мой пронзительный визг. Это было настолько жутко, что приходится потратить несколько секунд на то, чтобы поверить, что все живы.

— Дурацкая какая-то идея, — сообщаю я, пытаюсь отдышаться. — В прошлый раз нас уберегло провидение.

— Точнее я, — бормочет раздраженно Шон. — Так и знал, что этим кончится.

— Наверяд ли, — фыркаю я, а должна бы громко возмущаться. — Или нет? Ты поэтому в прошлый раз ушел?

— Я ушел, потому что ты собиралась со мной переспать и свалить. Ты же сучка. Ты хотела получить все и с минимальными затратами. Ну и чтобы ты мучилась, страдала и рыдала наутро под столом.

— Ты знал, что я сидела под столом?

— Я же не идиот.

Я улыбаюсь и ничего не могу с собой поделать.

— Если у тебя все жизненно важные органы целы, я предлагаю закончить начатое. Но на полу!

За время медового месяца мы Такаши изрядно утомили. Не сказать, что требовали много внимания, но и оставить нас на произвол японской судьбы он не решился. Поэтому пару раз в неделю он стабильно устраивал нам выходы в значные места города и окрестностей, а по выходным — целые экскурсии. Шон, разумеется, не был поклонником

подобного досуга, но, видимо, решив, что раз он сеньор Хакер, то все ему должны, не мешал японцу рассыпаться в любезностях. А я... ну тоже как бы не жаловалась. Когда еще помотришь чужую страну изнутри?

Еще мы усиленно, даже, возможно, чересчур, писали проект. Каждый будний день спешили в университет к Такаши и устраивали смесь IT-лаборатории с переговорным пунктом. Но это дало очень хороший результат. К моменту отлета в Сидней основная часть была закончена.

Собственно, неприятных воспоминаний у меня об Осаке на этот раз не осталось вовсе. Я нарасовалась вдоволь. Накупила себе пачку кимоно и рассекала в них по улицам, привлекая недоуменные взгляды японцев. Высоченная блондинка на бешеных шпильках в их национальном наряде. Ха-ха. Я даже палочки в волосы втыкала. Шон, однако, к моим заскокам относился весьма снисходительно, полагаю, ему нравилось то, как легко снимается данная сувенирная одежда, ну а мне-то все равно. Не ворчит, и ладно.

В общем, было классно, и вернувшись в Сиднейский быт я даже несколько загрустила. Университет, Каддини с Грейс и их неугомонность вперемешку со скептицизмом, а мне парить бы в небе и дальше. В конце концов, я счастливо вышла замуж и еще не отошла от потрясения, но на это никто не заморачивается.

— Смотри, Док, что я обнаружил, — сообщает мне студент. — В Силиконовой долине провели исследования...

Остается только грустно посматривать на стопку распечаток, которые мне собираются показать, и когда к нам в кафетерий заявляется Шон, я правда вижу в нем спасение. Господи, как вот как можно быть такой наивной?

— Я выставил на продажу твою квартиру. Подпиши. — Ч-что? Да я чуть кофе не выплевываю прямо ему в лицо. А, может, и стоило бы.

— С какой это стати? — начинаю возмущаться. — Ты не имеешь права распоряжаться моей собственностью. Особенно той, которая приобретена до свадьбы.

— Точно. И потому я собираюсь заставить тебя избавиться от нее добровольно. — Нормально! — Я тебя предупреждал. Я ведь уже просил тебя продать эту гребаную квартиру, по-хорошему просил. Но ты, как всегда, не услышала. Если дело в Лайонеле и его отпрысках, заведи себе абстрактный абонентский ящик, но квартиру продай.

Просматриваю бумаги, но только для того, чтобы удостовериться, что это хмырь не шутит... А он, воспользовавшись моментами и приняв мои действия за знак капитуляции, уходит. О нет, фигушки! Ха! Не на ту напал! Я спешу за ним в конференц-зал, где скоро соберутся все проректоры, отступаясь на каблуках.

— ШОН! Ты настоящий козел! Не вздумай продавать мою квартиру! — рычу я, захлопывая дверь. — Если мы с тобой поругаемся, мне нужно время и место, чтобы перекипеть!

— Пожалуйста, мой отель всегда в твоём распоряжении. Раньше нас обоих это полностью устраивало.

— Поправка, это тебя все устраивало, а меня — нисколько. Я чувствовала себя приживалкой! И что значит твой отель?

— Да, пожалуйста, дорогая, чувствуй себя как угодно, не стесняйся, но квартиру продай. — Seriously! Слов нет.

— Ты охренел? И вообще мне не ответил: что значит твой отель?

— Это значит, что отель принадлежит мне. Кстати, так и быть, можешь не стесняться и сказать «наш отель», я как-нибудь переживу, а тебе, глядишь, легче станет.

Кривлюсь.

— А с моей точки зрения все выглядит иначе, и очень даже скверно: у тебя есть целый отель, а мне нельзя оставить за собой маленькую квартирку!

— Точно, он не оформлен на тебя и при разводе ты его не получишь, но, постой-ка, развода ты тоже ни хрена не получишь, так о чем речь? Я же сказал, этот отель и твой тоже, можешь делать с ним что хочешь, даже лить элей на уши Юнта, чтобы тот оставил за мной право на небольшой доход от сего заведения, подвинуться?

— При чем здесь развод и Юнт? Я просто хочу что-то свое!

— Джоанна Картер. — Меня аж прошивает от непривычного обращения, и Шон, разумеется, это замечает. — Делая тебе предложение я выдал самую длинную речь за всю свою жизнь. Продуманную, спланированную. Потому что посчитал важным предупредить о рисках. А ты, мать твою, хоть что-нибудь запомнила? А вот зря, лишних слов там не было. Если бы я не посчитал нужным донести до тебя каждую из своих мыслей, то не распинался бы, а молча напялил кольцо и потащил к судье. Но ты все равно хлопала ушами, покивала и забыла все на хрен! — При этом Шон даже ухитряется продемонстрировать, как именно, по его мнению, я хлопала ушами. В ответ принимаю оскорбленный вид. — А я нет! Так что подписывай бумаги и не вздумай теперь разыгрывать жертву несправедливости.

Может, и так, но что-то я не слышала слов «ты будешь наложницей без права голоса и собственности»!

— Я не хочу избавляться от квартиры. Это унижительно! Как ты не понимаешь? — возмущаюсь, надув губы.

— Я даже пытаться понять не стану. Либо тебе стоит запастись терпением на годы вперед. Мне потребовалось больше десяти лет, чтобы решиться переехать в дом отца. Ты хочешь, чтобы теперь я десять лет злился из-за твоей квартиры? Ты меняешь страны, города, дома, машины, мужчин и объекты своей гиперзаботы за недели, а я родился, крестился, учился и даже женился в Сиднее, и если Сидней смоем цунами я лучше тут сдохну, чем переберусь куда-нибудь еще. И именно поэтому я говорил, что тебе придется приспособливаться, потому что сам я предпочитаю подгонять не себя, а под себя. И тебя тоже. В общем, просто возьми ручку и подпиши чертовы бумаги! — И протягивает мне свой паркер. — Или я сделаю это сам, и меня, весьма вероятно, посадят, а тебе, как сердобольной супруге, придется носить мне печенье.

Вздыхнув, прижимаю документы к груди.

— Мне нужно время! — Говорю я.

Шон долго смотрит на меня, а потом кивает:

— До конца недели. Или я тебе на лбу вытатуирую свое имя, будешь в зеркало смотреться и проникаться этим великим чувством собственной принадлежности. — Ура, сбылась больная мечта Шона Картера. Теперь он может терроризировать меня в еще одном качестве. Не, ну не козел ли?

На выходных мы с Шоном едем взглянуть, как продвигаются работы в доме Бенжамина

Картера. У Ашера было несколько месяцев на то, чтобы с ним поработать, и раз он уже более или менее облагорожен, я должна ответить на сакраментальный вопрос: смогу ли жить в этом месте. Решение непростое. С домиком Шона у меня связано множество воспоминаний, и плохих, и хороших, но он определенно мне не чужой, а особняк — да. И единственная причина, по которой стоило бы согласиться, — то, что решение совместное, общее. В доме Картера я бы никогда и не подумала изменить... да хоть цвет штор, а здесь уже что-то сделано под меня и по моему желанию. Чувство принадлежности не отнять. Это как бы компенсация за квартиру (продать которую я все еще не согласилась).

Но это лишь логические размышления, а на деле принять решение проще. Дело в том, что дом Бенжамина Картера просто не узнать. В смысле, я бы его не узнала в любом случае, ведь в прошлый раз даже не разглядела — ветки мешали, — а теперь вылезая из машины Шона и стою, открыв рот. Джунгли пропали, и передо мной семейное гнездышко с рождественской открытки. Только побольше и без гирлянды над входом.

Ах да, и еще поджидающий на крылечке Ашер как-то не в тему. Глядя на этого чужого мужчину, который кроме презрения ныне ничего не вызывает, я не могу понять, как согласилась выйти за него замуж... Думаю, ему не менее неловко от наших встреч, но Картер — мстительная зараза, которая теперь будет сталкивать нас раз за разом.

— Привет, Ашер, — сухо говорю я.

— Привет. Как медовый месяц?

— Чудесно. Как и любой медовый месяц. — Кроме нашего, во время которого ты, козел, огибал Большой Барьерный Риф в компании грудастых красоток. Ну, в смысле, я так думаю... ну а что делать месяц на яхте посреди океана в одиночестве? — Есть что посмотреть?

Серьезно, я бы лучше на дом посмотрела, чем на тебя любовалась...

— Да, конечно. — И церемонно распахивает дверь.

Мне даже внутрь входить не нужно, что обалдело заморгать. Дом, бывший ранее пыльный склепом, больше с ним не ассоциируется вовсе. Как я понимаю, к работам над домом приобщили Селию Штофф, которая поразмышлять над Сиднейской достопримечательностью была только рада, и в результате передо мной отреставрированный узорчатый паркет, новенькая резная деревянная лестница, ступеньки которой так и манят посидеть. Пока я рассматриваю это чудо, Ашер объясняет Шону, что времени ему хватило только на каркас здания, памятные гостиную с кухней, а также пару спален на втором этаже. Остальное все еще подлежит ремонту. Выслушав его, Картер оборачивается ко мне и спрашивает.

— Мы сюда переедем?

— Ну, на дом с привидениями больше не похоже, — очень не в тему отвечаю я.

— Твоя пронизательность потрясает воображение, — язвят мне в ответ.

— Перестань язвить, Картер, я итак делаю все возможное. Если бы вот так запросто притащила тебя в Миссисипи, ты бы своим нытьем свел меня в могилу.

— Так мы переедем или нет?

— Мы переедем, если ты продашь свой дом.

— Само собой, я продам дом, — выгибает бровь Шон. — Или ты думаешь, что я собираюсь таскаться туда, попадая в аварии?

Черт, он продает дом, чтобы переехать. А я-то, блин, надеялась, выменять право оставить квартиру, мотивировав это тем, что он домом жертвовать не собирается. Так ведь

фиг мне, все просчитал!

— Ну?

— Что ну? Как документы подпишешь, так и начнем собирать чемоданы!

Глава 25. NV

Наш с Шоном переезд состоялся спустя пару недель. Огромный дом встретил нас весьма дружелюбно. По ночам не скрипел, пугать не спешил, но привыкать было к чему, хотя, как выяснилось, жить здесь, в компании Картера весьма удобно. Неожиданно. Поначалу думала, что убью гада, по крайней пока паковали и разбирали чемоданы, мы чуть не подрались, но, например, сейчас сидим на лестнице, попиваем дорогущее вино и созерцаем собственное новое жилище.

— Довольно мило, — сообщаю я.

— Мило? — переспрашивает Шон.

— Это означает, что я вроде как одобряю дом.

— Ты его одобрила, когда согласилась переехать.

— А теперь удостоверюсь, что приняла правильное решение.

— Ты поздновато, если учесть, что все договора с риелторами уже подписаны.

— Я понимаю, просто... куда нам на двоих столько места, Шон? — почти плаксиво спрашиваю я и мысленно даю себе подзатыльник. Опять я за старое. Ну что он может мне сказать утешающего? Может, собаку предложит завести. Наверное, стоит согласиться, хоть повеселее будет...

— Я не противник детей, — огорошивает меня Шон, и я потрясенно застываю. — Я не ненавижу их из принципа. Они бесят меня точно так же, как любые незнакомые люди. Думаю, со временем, я бы смог к ним привыкнуть. Но родить я тебе никогда не позволю.

— Но Шон, только представь, какие были бы у нас чудесные... — начинаю в соловьем заливаться, окрыленная его признанием.

— Я бы их ненавидел.

— Нет, ты бы их любил. Это же твои...

— Джоанна, я ненавидел отца и не выношу брата. Для меня «родная кровь не водица» — всего лишь поговорка. А если бы ты умерла при родах, то лучше бы и детям не выжить, потому что я бы всю жизнь их винил и ненавидел. Я не Лайонел. И не Киану. Встреть я другую крашенную блондинку с ужасным акцентом и красным нетбуком подмышкой, я бы не стал петь хвалебные оды небесам. Дорогие люди незаменимы, и глупо считать иначе.

От правдивости его слов глаза наполняются слезами. Всегда она болезненная, эта правда, а тем более настолько обнаженная. Точно кровь, хлынувшая из перерезанного горла надежды, обливает сердце. Вроде, и тепло, но так горько.

Я не уверена, что смогла бы полюбить чужих детей как своих. У них должны быть кудряшки Шона и мои ямочки на щеках, и блестящие способности к техническим наукам, конечно. Мне это нужно. Но, видимо, все-таки не судьба. Шон есть Шон. Если сказал, то так и будет, даже хитростью не возьмешь. На аборт отправит даже дважды не подумав.

Приходится скриться на весь день, и за ужином я решаюсь только на нейтральный разговор, хотя выходит не очень...

— Статья вчера вышла. Каддини ею весь день точно флагом размахивал. Кстати, ты собираешься продлевать проект по квантовому компьютеру, потому что я...

— Не сейчас.

— Не сейчас? А когда? Подождешь годик, пока фонды о нас забудут, или инициативу перехватят конкуренты? — Разговор об этом давно не велось, не до того было. Из-за Керри и прочих неприятностей, со студентами работал Шон, а я спустила на тормозах. Но в последнее время Грейс и Каддини и вовсе были брошены на произвол судьбы из-за нашей поездки в Японию. А теперь вдруг выясняется, что Шон так занят проектами для Бабочек, что про кванты и думать забыл. Какое уж там финансирование...

— Джоанна, не сейчас. В ближайшее время у меня другие дела.

— Ясно, я поняла, но, может, тогда я могла бы...

Он поднимает голову и так на меня смотрит, что я замолкаю на полуслове, сраженная догадкой.

— Это как-то связано с делами с Йол? С Кристофером? Ты его опасешься?

Мои слова его не удивляют. То есть синеглазка все рассказала, но он молчал, пытался не поднимать тему.

— Джоанна, не лезь в это дело, — говорит он.

Не знаю почему, но верю угрозе.

— Шон, объясни мне, что вообще происходит. Я думала, он от нас отстал...

— Я же говорил, он один из наших заказчиков.

— Ну так откажи ему! Ты же теперь главный...

— Чтобы меня подставили, как Монацелли? — огрызается он, и у меня кровь начинает шуметь в ушах. Так вот чего он боится... Есть человек, который знает всю правду о сокрытии улики, и может ее рассказать. Мы определенно не в безопасности.

Вместе с окончанием сессии подходит к концу и проект, с которым Шон так спешил. Посему, есть что отметить. Я предложила пригласить на праздничный ужин и Каддини, ведь парень нам уже почти родной. Сначала Картер отнесся к идее с должным скептицизмом, но я сделала глаза кота из Шрека, и Шон, скривившись, сказал, что согласится на что угодно, лишь бы я перестала изображать «это». В общем, сейчас у меня на экране ноутбука парочка новеньких вкусных рецептов, а в груди — концентрированный энтузиазм, который регулярно поддерживается все новыми и новыми порциями кофеина. Кстати об этом!

Смотрю на часы. Уже три... что, черт возьми, Шон делает там со студентами? Может, ему помочь принять экзамен? А то ведь надо еще домой попасть и все приготовить к приходу парнишки-итальянца. Ну а как же? Раньше я его в гости не приглашала, нужно произвести впечатление прекрасной хозяйки!

Позвякивая ключами от кафедры в такт стуку каблучков по плитке пола, танцующей походкой направляюсь в экзаменационную аудиторию, отчего-то вспоминая вчерашний разговор с мисс Адамс. Она несколько недель меня избегала, а вчера, наконец, объяснила причину: секретарь ректора понятия не имеет, как теперь называть его жену. За прежнюю мисс Конелл можно и головы лишиться, доктор Картер, вроде как, у нас Шон, а миссис Картер — конкретное умаление моих заслуг (в конце концов, я не какая-нибудь домохозяйка). В общем, обсуждения такого важного и щепетильного вопроса закончились тем, что мы решили перейти на поименные обращения. Да, мы знакомы много-много лет,

и можно было бы себе позволить подобные вольности, но все не так просто. Да ладно, вы хоть знаете, как зовут эту женщину? Присцилла! Только представьте, прихожу я такая к Шону в приемную, и вопрошаю: «Присцилла, дорогая, а ректор на месте?» Да я же со смежу на месте умру. А вместе со мной все окружающие.

Но еще более грустно то, что мисс Адамс с не меньшим трудом назвала меня Джоанной, когда мы сегодня утром встретились на парковке. То есть для нее я тоже Присцилла. Вот ужас-то...

А затем я распахиваю дверь аудитории Шона, и все посторонние мысли вылетаю из головы в момент, даже дыхание перехватывает. Там не только Картер и студенты. Там еще и люди из моего родного невадского ВВС! Это же сам...

— Даркен?! — выкрикиваю я, и чуть по лбу себя не бью. Ну молодец, мисс Невозмутимость!

— Привет, Джо, — отвечает он, кривовато улыбаясь.

Знакомьтесь, Даркен Вебстер, его папа — четырехзвездный генерал, и об этой маленькой его особенности вам сообщит каждая собака, которая с августейшим сынком знакома! Он носит папочкино имя и статус так, будто это главная заслуга его жизни. И, ну нет, сам он тоже не дурак, не оболтус и не разгильдяй, а очень даже завидная партия (на что, собственно, я некогда и купилась как дурочка), но он из отличной семьи, и, по всеобщему мнению, это самое, просто архиважное. Американ дрим как она есть.

— Что они здесь делают?! — спрашиваю у Шона.

— Сидят, — невозмутимо отвечают мне, будто я только что не проорала в присутствии мужа имя своего бывшего на весь университет. — Наблюдают, как я принимаю экзамен. — И указывают на последнего несчастного студента, который сидит напротив ректора и едва на парту не падает от усердия, пытаюсь под таким давлением вспомнить хоть что-нибудь.

— И это, по-твоему, самая типичная ситуация в мире? — всплескиваю руками, пребывая в полном недоумении и негодовании. — Выйди-ка со мной на минутку! — И с королевским видом направляюсь к выходу.

— У тебя последний шанс хоть что-нибудь списать, — сообщает студенту Шон и закрывает за нами дверь, чтобы господа из ВВС не развесили уши и прочие части тела.

А меня, между тем, аж трясет. Я понятия не имею, чего теперь ждать. Мой с трудом налаженный мирок трещит по швам. Что здесь вообще происходит? Ни малейшего представления!

— Ты их сюда притащил?! — рычу я, тыкая в Картера длинным ногтем, чтобы скрыть собственное замешательство.

— Когда бы это я успел, по-твоему? Уверяю тебя, они весьма самостоятельные ребята. Сами притащились.

— И что они хотят?

— Чтобы я слетал с ними в Штаты, — вполне миролюбиво отвечает Шон.

— Но их четверо, и все они прилетели за тобой?!

— Вообще-то за вами обоими, — сообщает Даркен, решивший нарушить наш маленький тет-а-тет.

— А она вам зачем? — мрачнеет Шон. Видимо, это как-то связано с делами Бабочек. Ведь вмешались они уже однажды в Пентагон-скандал, сдав меня на руки ФБР.

— Приказ, — пожимает наш конвоир плечами.

— Я никуда не полечу!

— Мы гарантируем ее безопасность, — игнорируя меня, отвечает Даркен Шону. — Речь пойдет об амнистии для Джона Конелла.

Мой отец? Опять?

— Но почему? — удивленно моргаю я, подавляя желание себя больно ущипнуть, чтобы удостовериться, что это не сон.

— Требования выполнены, и фактор давления больше ни к чему, — пожимает плечами Даркен, а у меня отвисает челюсть.

— Да что происходит-то?! Картер!!!

— Сама Картер! — отвечают мне, а потом, пока я пытаюсь смириться с правомерностью обзывательства, топают к аудитории и кричат прямо в дверной проем. — Эй ты, придешь на пересдачу в начале следующего семестра.

Мда, вокруг стены могут рушиться, но чтобы Шон авансом поставил кому-то экзамен? Да никогда в жизни! Плюс в происходящем вижу только один: раз Картер говорит о пересдаче в начале семестра, то думает, что все обойдется.

Я даже не знаю, смеяться или плакать. Никак не разберусь, в каком именно месте меня обвели вокруг пальца. Точно только одно — мы летим в Штаты.

Господа из ВВС позволяют взять с собой одни лишь паспорта, и так странно видеть в нашем с Шоном доме человека, который некогда был моей вроде как большой любовью...

Даркен Вебстер — мой мистер Америка Номер Два. Первым был парень, с которым я переспала по невероятнейшей глупости, и он растрепал на весь ВВС содержание моей татуировки на заднице. Разумеется, ему был тут же объявлен бойкот, однако это ничуть не помогло, и новость облетела маленький военный мирок в момент. Насмешки и издевки сыпались из каждого угла, но открыто поинтересоваться природой моей страстной любви к штату Миссисипи догадался только Даркен. Разумеется, вопрос я восприняла в штыки и заявила, что моя личная жизнь его не касается... а спустя всего три недели мне наглядно доказали степень неправомочности данного утверждения.

Даркен безумно льстил самолюбию, еще бы, такой завидный жених, за ним выстраивались очереди, но я считала себя выше остальных претенденток. Почему? Да потому что была любого программиста на базе вне зависимости от пола и возраста. Глупая, наивная девчонка. Даркен Вебстер — не Шон Картер. Ему было совершенно наплевать, чем я там занимаюсь. Он ценил другое. То, что я была единственной симпатичной девчонкой на всю военную базу, при этом явно в него влюбленной...

А глупенькая Джоанна тысячу раз примерила фамилию Вебстер и запаслась каталогами свадебных платьев, прикинула какие у нас будут дети... Ведь было явно видно, несколько Даркен ко мне привязан. Мы проводили вместе много времени, делились очень личным. Свидания за пределами базы (чего добиться было отнюдь не просто, но сыну генерала же не откажут), бесконечные букеты белых роз, банкеты в компании начальства... Он даже познакомил меня с родителями и младшим братом, а я, хлюпая носом, рассказала ему о том, как появились на моей спине уродливые шрамы. В общем, Джоанна искренне полагала, что козлов на ее век уже хватило, а уютный домик за белым заборчиком — никакой не мираж... но. Но. Но. Но.

Но Даркен не спешил делать мне предложение. Как я уже сказала, он красиво ухаживал, не позволял в отношении меня ни малейшей грубости, но, черт возьми, я была ему не ровня

и, в итоге, это стало решающим фактором. Даже его родители понимали, что он никогда не уронит себя подобным мезальянсом и не препятствовали, но я-то верила, ждала, больше года лелеяла надежду...

А потом прозрела, когда мальчишка из числа моих подчиненных, ухитрился взорвать суперкомпьютер, и у меня случился нервный срыв с последующей депрессией. Начальство моей пассивностью было очень недоволено, и мне выписали принудительный внеплановый отпуск с целью «снизить давление». Но этого показалось мало, и я сделала огромную глупость.

Я пошла искать Даркена. Чуть не умоляла его поехать со мной, поддержать, говорила какие-то глупости о любви, знала, что если он попросится в сопровождающие, ему не откажут. Ему никогда не отказывали. Однако, вместо сочувствия дождалась только совета обратиться к врачу. «Подлечить нервы». Собственно, урок я усвоила, и вместо того чтобы отправиться к маме, устроила себе масштабную экскурсию. Объехала шестнадцать штатов, в том числе и Миссисипи, а затем, спустя месяц, вернулась на военную базу с абсолютно пустым кошельком и планом коварной мести.

Помню тот день. Солнце палило нещадно, и чтобы казаться свеженькой как огурчик, я просидела двадцать минут в машине со включенным на полную катушку кондиционером, затем нацепила голливудскую улыбку и танцующей походкой направилась к изморенным жарой коллегам. Новенький шарф, всего один раз надетый салатный сарафан, полный комплекс процедур в спа-салоне... Кажется, лучше я не выглядела никогда. Разумеется, измотанные жарой и изоляцией мужчины застыли пораскрывав рты.

— Всем привет, а вот и я! Как вы здесь без меня? — спросила я, сия улыбкой во все тридцать два зуба.

Первым из присутствующих мне ответил (да-да) Брюс Монтгомери, и, вспомнив, что он дружен с отцом, я решила дополнить им образ гламурной красотки, заодно дав окончательную отставку Даркену.

Так в моей жизни появился мистер Америка Номер Три. И, в конец концов, превратил мою жизнь в кошмар. А Даркен Вебстер... ну, он не один раз пытался наладить отношения, вот только я не даю вторых шансов. Никому. Кроме Шона.

Пожалуй, я все-таки рада, что он увидел счастливое гнездышко четы Картер.

В аэропорту я кусаю губы и ужасно нервничаю. Мое будущее висит на волоске, а я так ничего и не узнала, поскольку на всем мероприятии стоит гриф секретности, и маски будут сняты только на военной базе. Хотела бы сказать, что доверилась Шону безоговорочно, но это не так, иначе почему бы я, только Шон отвернулся, вытащила из кармана его пиджака снотворное и вышвырнула в мусорное ведро?

Я не хочу уезжать, я не хочу уезжать! Кручу в руках посадочный талон, пока Картер проверяет все свои карманы в поисках заветных таблеток.

— Должно быть, ты оставил снотворное дома, — бросаю я как бы невзначай, даже головы не поворачиваю. Даркен видел, как я украла пузырек, но не сдает, справедливо рассудив, что моя совесть — не его забота.

Чувствую, как Шон сверлит меня глазами. Он точно помнит, что не забывал таблетки, но если уж он меня втянул в это мероприятие, не позволив увильнуть, я отказываюсь сходить с ума в трезвом рассудке в одиночестве, равно как и спать мертвым сном в присутствии людей, которые могут причинить мне вред. Кажется, Шон все-таки понимает и

подыгрывает:

— Да, должно быть оставил.

А потом он раздраженно оглядывается и, наконец, наклоняется к моему уху.

— Не бесись, — наконец, тихо говорит он. — Нам ничего не грозит.

— Я не могу. Вдруг меня схватят прямо в аэропорту... И тебя, кстати, тоже, — шиплю в ответ, чувствуя облегчение уже оттого что он не делает вид, будто так и было задумано.

— Не могут. Иначе мисс Адамс опубликует много всего крайне занимательного. И Пани с Такаши тоже в стороне не останутся. Мы в безопасности, Джо.

Это совсем не успокаивает, однако продолжить разговор не удастся, так как самолет начинает разгоняться, и Шон откидывается в кресле. Я знаю, что ему будет ужасно плохо, вот только мне не стыдно. Ни капельки. Хмырь! Клялся в болезни и радости вместе? Вот и терпи давай!

А он и терпит. Но если я рассчитывала на помощь во время перелета, то здорово просчиталась, — все с точностью до наоборот. Это Шона нужно поддерживать, причем буквально. Думала, из самолета он выползет на четвереньках, но внезапно Картер обнаружил в себе второе дыхание и, только мы оказались на территории США, в аэропорту Лос-Анджелеса, рванул к прилавку с сигаретами. Не знаю, чем именно ему это помогло, но теперь Шон выглядит лучше. А меня, к слову, не схватили на границе, и это тоже вселяет оптимизм!

Однако по мере того как наш внедорожник приближается к военной базе, я становлюсь все более подавленной, неразговорчивой. Неровная дорога заставляет хвататься за плечо Шона, и я делаю вид, будто это единственная причина, и мне совсем не хочется кричать и плакать, чтобы он меня поддержал, обнял, прижал к себе. Или, скажем, разбудил.

Но время идет, расстояние сокращается, и вскоре мы останавливаемся у знакомых воротам. Нас выгоняют из машины, начинают обыскивать на предмет оружия. Даром что до белья не раздевают, сволочи. Вот вам и «добро пожаловать в ВВС США» снова.

К счастью, оружия нет (даже спички Шону оставили), а затем загрузили нас в машину снова и покатали к зданию. От одного лишь вида построек прошлое накатывает волнами. Кажется, это было в другой жизни. Более поверхностной, почти картонной. Нереальной. С каких пор годы, проведенные вдали от Сиднея, потеряли свое значение? Ведь я рассчитывала прожить среди этих людей всю свою жизнь. И никогда бы не узнала, насколько лживыми, жестокими и беспринципными могут быть мои земляки. Каждый человек хочет чувствовать себя защищенным, а я теперь вспоминаю об Америке с дрожью.

Но ноги об этом ничего не знают, стоит им оказаться в знакомых коридорах, они сами несут меня в IT-лабораторию, где я провела целых два года. Потому, когда возглавляющий процессию Даркен сворачивает в другой пролет, я сбиваюсь с шага. Становится вдруг стыдно перед Шоном, делаю вид, что оступилась, что вовсе не хочу вернуться... Зачем? Он не может думать, что я скучаю по Америке. И я не скучаю. Но почему, почему я прилетела сюда по одному лишь зову? Из-за отца? Или чтобы собрать недостающие детальки пазла?

Занятая своими мыслями, не сразу замечаю, что Даркен остановился и недоверчиво поднимаю глаза на табличку кабинета, около которого мы оказались. Понимала, что, скорее всего, нас ведут к полковнику, но хочется удостовериться, оттянуть момент встречи с человеком, который всегда вызывал у меня зубную боль. Ожидания оправдываются в полной мере. На темном металле лазером выгравировано «полковник К. Белфорт». Вздохнув, перевожу взгляд на стучащего в дверь Даркена. Ну почему бы не дать нам минутку

подготовиться? Так нет же! И в голове, как назло, чистый лист. Ни планов, ни идей. А ведь лишними они не будут!

— Прибыли, сэр, — отчитывается Даркен, и изнутри слышится приказ входить.

Я останавливаюсь ровно посередине между дверью и столом полковника. Ближе подходить не хочется. Медленно, словно привыкая, поднимаю глаза и смотрю точно в лицо мужчине, который так коварно улыбается, будто знает тайну сотворения мира.

— Шон и Джоанна... Картер, — смакует он. — Сдается мне, вас стоит поздравить.

Ну разумеется он не мог бы не съязвить. Я бы хотела сказать, что мы и без его поздравлений неплохо существуем, но все, что могу выдать из себя:

— Полковник.

— Хм, — стучит он пальцами по столу и улыбается еще шире. — Думаю, учитывая причины, по которым мы собрались, титулы и звания можно отбросить. Можете звать меня по имени — Кристофер.

Глава 26. Пентагон

Более четырех лет назад

Свадьбы Керри доказала нам обоим, что как бы то ни было, пусть с грехом пополам и полными карманами странностей, но мы... пара. И так и было. Факт был прожит и принят. На сим вопросы оказались исчерпаны. С тех пор Шон доставал меня только в дежурном порядке, а я ничего иного и не ждала. Работала себе с Клеггом на пару над проектом, строила по кирпичику свое светлое академическое будущее и отчетливо осознавала, что однажды переступлю через Картера и даже не оглянусь. Нормальный такой план, ничего необычного, все в духе Джоанны... но Пентагон стоило бы заметить пораньше, а не когда у всех сдали нервы.

Тем не менее, даже когда Шон сообщил мне правду, я не очень-то поверила, ведь идея взять Пентагон «снаружи», шла вразрез со всем, что я знала. Не учла, что может быть замешан человек «из своих», тот, кто принадлежит к инфраструктуре. Например, Кристофер, являвшийся полковником ВВС...

Иными словами, волнения Шона мне не были понятны. Или, например, то, что он постоянно пропадал в Европе, практически утратив ко мне интерес. Это задевало. Если мы утратили последнюю связь, что мне вообще оставалось? И однажды вечером я решила выяснить отношения... А еще лучше — убедиться, что померещилось. Таким образом, подгадав момент, когда он останется на кухне наедине с бутылкой, подошла сзади и с намеком провела рукой по спине. Но внезапно все вышло из-под контроля.

— Убирайся, — рывкнул на меня Шон, проворно вскакивая на ноги. Разумеется, я не ожидала, и тоже шарахнулась прочь. Ну что я сделала? Да ничего.

— Может, тогда уж насовсем?! — спросила я.

— Кстати, отличная идея.

— И мы уже это проходили. Тебе придет в голову меня вернуть, и что тогда?

— Ты снова с радостью повиснешь на моей шее как последняя шваль, — фыркнул он и взялся за стакан.

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне! — сорвалась я на крик.

— Я делаю все, что хочу. Потому что это мой дом, мой мир и моя жизнь! Не тебе

диктовать мне правила.

— Ты просто урод... — начала я.

Он с размаху шарахнул кулаком по столу, да так, что трещина пошла, а бутылка виски оказалась на полу, чудом не разбившись.

— Тогда убирайся, — прошипел Шон в тишине кухни, и я даже не подумала послушаться.

Новость о взломе Пентагона застала меня вместе с выпуском утренних новостей в булочной напротив отеля Шона Картера. Меня предупреждали, и даже не раз, но такого я все равно не ожидала. Совсем. Выскочила из очереди, так и не купив себе кофе, и бросилась к конфискованной машине Шона. Думала ли я, что это сделал Шон? Я была почти уверена в его виновности. И все равно собиралась защищать.

Я так спешила, что споткнулась о порожек домика Шона и едва устояла на ногах, но даже внимания не обратила и бросилась искать Картера. А он безмятежно сидел на ступеньках домика и курил и равнодушно наблюдал за прыгающей вокруг Франсин. Собаке не было дела до общемировой катастрофы, ей бы поиграть, раз уж хозяин соизволил во двор выйти.

— У тебя хоть алиби есть? — спросила я, не в состоянии поверить, что Шон так спокоен.

— Только если виски внезапно заговорит, — насмешливо ответил Картер, даже глаз на меня не подняв, и снова затянулся. Его чертова самоирония на меня подействовала хуже любого крика.

Я задрожала от ярости, вцепилась в его рубашку и попыталась сбросить со ступенек. Он вскочил, начал отмахиваться от меня, и в итоге мы завальсировали на лесенке, попеременно теряя равновесие. Ситуацию спасли перила.

— Ты ведь это сделал! — зашипела я прямо ему в лицо. — ТЫ!

— Я же сказал, что не стану трогать Пентагон! Забыла?

— О, давно ли ты держишь данные мне обещания?

— А нахрен обещать, если можно этого не делать? — казалось, искренне удивился Шон. — К тому же, я не самоубийца, чтобы так подставиться.

— А тогда кто самоубийца?! — воскликнула я. — По-моему именно ты любишь примерять образ конченного ублюдка, потакая собственной жажде разрушать все вокруг, и себя за компанию.

— Ты, бл*ть, вообще о чем?

— Я о твоей машине. И Киану.

— О, а я думал, что самоубийцей в том случае выступала ты.

— Да, бывает, делаешь глупость, а остановиться не можешь, потому что получаешь настоящий взрыв на адреналиновой подстанции. Но, несмотря на то, что я собиралась тебя убить, ты сделал все, чтобы я осталась рядом. Хотел посмотреть на результат. Любой другой бы бежал прочь. Поэтому...

— Конелл, одно дело спутаться со слетевшей с катушки малолеткой, и совсем другое — вальяжно разместиться на электрическом стуле.

В тот миг я ему поверила. У Шона Картера с головой все на зависть в порядке.

— Но кто, кто кроме тебя мог это сделать? — спросила я нервно.

— Ты такая смешная, — хмыкнул Картер и потер подбородок. — Бабочки, конечно.

— Но вы же с ними так близки... Неужели они могли...

— Купить можно кого угодно. Вопрос в цене, — в очередной раз повторил он фразу, которая уже мозоль мне на мозге натерла! Я так отчаянно искала аргументы против, что чуть не пропустила приказ: — Раздевайся.

Это меня повергло в шок. Какого лешего?! Я попыталась отступить, но сзади были перила.

— Все с ног на голову перевернулось, но ты вдруг вспомнил о сексе?! Совсем двинулся?!

— Ну так ведь ты пришла меня утешать, а не только обвинять. Не так ли? Давай уже, переходи к основному действию!

— Я пришла не утешать и не обвинять, хотела удостовериться, что у тебя есть алиби.

— Что ж, его нет, а раз все так, давай уже, переходи к части про утешение. Тем более что именно об этом ты меня умоляла меньше суток назад и настолько расстроилась отказом, что сбежала из дома...

— Я... отпусти меня! — рывкнула я, вырываясь из крепких и, признаться, отнюдь не нежеланных объятий.

Но в этот момент раздался звонок в дверь. Так в нашей жизни впервые появился интерпол.

Думаю, вы точно так же, как и я, не заметили, что на кухне, в которую я даже не заглянула, меня ждала сверкающая своей новизной столешница. Боже, я так боялась подглядывать за Шоном Картером, что пропустила все его двери, за которыми скрывалось самое важное.

Наши с Шоном жизни будто спряталась за шторкой из дерьмовых полиэстеровых костюмчиков — попервоначалу господ из интерпола. И говоря это, я не преувеличиваю. Они доставали не только Картера, меня тоже. Быть подружкой потенциального преступника — что являться соучастником. Приходится выбирать сторону и отвечать за свой выбор.

Например, на следующее же утро, стоило Шону шагнуть за порог дома, в дверь позвонили, и я даже не усомнилась в том, кого увижу. Правосудие явилось по душу моей совести. Однако, один небезызвестной козел научил оную тысяче и одному способу быстренько заткнуться. И был абсолютно прав. Правда жестока: то, что люди могут получить силой, они все равно получают. Вопрос в одном лишь времени. Однако, постойте, если они мешают мне, зачем я стану помогать им?

— Чем могу быть полезна? — вежливо поинтересовалась я.

— Мисс Конелл, если я не ошибаюсь? — спросил меня мужчина, демонстрируя значок. Он был немногим старше Шона, однако смотрел так презрительно, что я почувствовала... брезгливость? Странно так. И, думаю, обоюдно. — Освальд Десктер, интерпол. Не могли бы мы поговорить с вами в доме мистера Картера?

— Ой-ой! Осторожнее! Доктора Картера. Или профессора Картера. Или ректора Картера. Он не устает жаловаться на необходимость учить толпу бездарей вроде меня, — пропела я, смягчая издевку ямочками на щеках. Внимание, подчеркнута безобидная особа. Ну, вряд ли они явились расспрашивать меня о Пентагоне, но если бы вдруг начали, я бы лучше стала как попугай твердить, что судя по IQ являюсь чем-то вроде зубочистки.

Как и ожидалось, меня просканировали взглядом, дабы удостовериться, что Шон имел все резоны жаловаться на тяжесть учительской участи. Соотношение цена/качество удовлетворило.

— Так мы войдем? — повторили вежливо. А ведь белых воротничков вокруг пальца не

обвести...

— Ордер? — спросила я, взмахивая ресницами и вспоминая свое детство, полное восторженных визгов по симпатичным актерам в ролях бравых полицейских.

— Мы не собираемся чинить обыск...

— Тогда простите, мне не хочется перемывать полы понапрасну, — отмахнулась я. — А требовать от вас снимать обувь невежливо.

И недвусмысленно шагнула за порог, закрывая за собой дверь. После этого улыбка Освальда Декстера превратилась в откровенно кровожадную. Короче, пьеса с дурой в главной роли провалилась с треском.

— Прячете что-нибудь? — спрашивает Освальд, копируя мою манеру хлопать глазами.

— Разве что труп Пентагона, — закивала я.

— То есть вы прекрасно понимаете, зачем мы здесь. И понимаете, что он у вас в доме быть очень даже может.

— Я в курсе, насколько хорош Шон. И еще я в курсе, что он не идиот. Вы заявили к нему домой уже на следующий день. Так зачем...

— Самоуверенность рождает иллюзию безнаказанности. Например, мы все равно окажемся в доме, — многозначительно приподнял брови господин Я-Представляю-Интерпол.

— Я в этом не сомневаюсь. Не понимаю другого: почему в этот дом вас должна выпустить я? Он не мой, а я абсолютно уверена, что Шон невиновен.

— А с чего бы вдруг? Вас той ночью с ним не было. Кстати... а где вы были?

— В отеле.

— Одна?

— Почему это вас так удивляет.

— Это не типичное поведение студентки, влюбленной в своего учителя.

Влюбленной?! Я вас умоляю, не смешите!

— Может, Пентагон Шон и не трогал, но это не мешает ему быть редкостной скотиной.

Почтившие меня своим присутствием джентльмены, коротко, но емко переглянулись. Я буквально увидела ментальную ручку, которая подставила галочку в графе «не все гладко». И, наверное, именно так меня и запомнили. Чтобы впоследствии навести ищейку покрупнее...

Шон никогда не говорил о том, насколько тяжело давалось ему новое соседство, но скрыть свое состояние не мог. Не раз и не два я заставала его утром глядящим в окно. А однажды вернулась домой и обнаружила там форменный погром. Было перевернуто вверх дном все. Думала, обыск, оказалось, нет. Картер искал прослушку.

— И зачем ты это делаешь? Все равно новую поставят! — попыталась вразумить я своего ректора, который в тот миг вспарывал отверткой диванные подушки. А он резко обернулся и как рявкнет:

— Если они мне снесли сеть в университете, то пусть заново ставят чертовы жучки тоже! — Ну, справедливо. — Вот чем им сеть мешала? Вместе с маршрутизаторами все уперли!

— С маршрутизаторами?! — изумилась я. — Вот гады! Давай что ли помогу.

В общем, дом громили в четыре руки. Чуть ли не всю мебель поубивали, но стоимость маршрутизаторов окупил. Блин, даже в ванной парочку передатчиков обнаружили... В

результате, я уснула на кухонном столе часа в два ночи прямо посреди масштабного акта вандализма, а наутро обнаружила отсутствие хозяина дома. Что там, Шон и ночью не появился. Только на следующие сутки. Причем пришел и закрылся в компьютерной комнате, не сказав мне ни слова. С другой стороны, что слова? Запах женских духов был намного красноречивее...

С тех пор как появились копы, когда пал Пентагон, Картер даже не сделал попытки дотронуться до меня, а пропадать стал, напротив, значительно чаще. Его способ снятия стресса — пить и вести себя как конченный козел. Но кто бы удивился. Пару раз в мою голову вялой старческой походкой забрела мысль о том, чтобы собрать вещички и съехать, но меня так упорно дрессировали на сей счет, что я ее отметала еще до того, как та успевала оформиться в последовательность действий. Да еще и копы начали бы допрашивать как да почему... Обидно только, что попытки донести до Шона мысль «гонорея — штука неприятная», как всегда, потерпели крах. Задушевный разговор у нас состоялся лишь однажды, и этой темы он коснулся очень-очень вскользь.

— Уж лучше бы того, кто это сделал, схватили, — пробурчала я и, опустив голову, начала ковырять ногтями кутикулы пальцев. — Чтобы все вернулось на круги своя.

— Ты же понимаешь, что как раньше уже никогда не будет.

— Почему? — наивно удивилась я.

— Мы с остальными были... вроде как приятелями, но теперь один из нас подставил других, и доверие разрушено. Что далеко ходить? Любая деятельность уже приостановлена, — и стукнул пальцами по кухонному столу.

— Все вернется.

— За последний месяц я не получил от Манфреда ни одного имэйла, Джоанна. Понимаешь, что это значит? Нас разобзили на всех уровнях. — И это было сказано с такой горечью, что я схватилась за чашку, дабы не расплакаться. Из-за себя. Из-за него. Если что и имело для Шона значение, то это Бабочки. Я не успела подержаться за мечту, а он — да. И ему было больнее. — Советую забыть о Манфреде и его крылатых подопечных.

— И о тебе? — прищурилась я.

Некоторое время Шон молчал, изучая мое лицо. В тишине кухни был отчетливо слышен бег секундной стрелки. Двенадцать. Двенадцать секунд он просто молчал и смотрел.

— Только не говори мне, что — бла-бла-бла — Бабочки стоят того, чтобы ходить по улицам, страшась дорогу перейти в неполюженном месте.

— Наверное...

— Наверное?

— Я не знаю! — выкрикнула я, чувствуя, что разговор свернул на очень опасную территорию. — Я таковой не была! Но все еще хочу... Я не верю, что все закончилось.

Шон отреагировал то ли странно, то ли не очень: просто схватил пачку крекеров и ушел.

Я была не так уж и неправа. Осада интерпола продержалась пару-тройку месяцев и исчезла в тот день, когда Пани сделала эпохальное признание в том, что действительно занималась взломами на заказ. Однако, мы с Шоном узнали о нем... своеобразно. К тому моменту я и мой ректор пришли к своего рода соглашению. Я выбросила рубашки, от которых разило духами, а Шон отомстил, обставив гостиную в духе берлоги столь холостяцкой, что ступившая туда шпилька сдалась бы и растворилась сама по себе. И именно в тот памятный день мы окончательно помирились, а привыкание к новому интерьеру устроили не сложно угадать каким образом. Признаться, освоение новых территорий шло не

слишком просто. Диван казался слишком жестким, и в попытке усесться поудобнее, при этом не расцепив объятий, я задела пульт от новенького плазменного телевизора. Он упал, экран включился, и мы оба замерли, услышав в сводке новостей знакомое имя... Пока не закончился репортаж, мы с Картером сидели, вцепившись друг в друга, а когда все закончилось, я откашлялась, высвободилась и ушла. Знала, что Шону было неприятно знать, что его предала женщина, которую он любил. Но утешение — не мой конек, тем более что с виски у Картера отношения куда как более теплые.

Долгое время мы жили спокойно, наслаждаясь присутствием только друг друга, в то время как внимание ищек было обращено на обитателей северного полушария. Сначала Пани, затем — слетевший с катушек Марко, и, наконец, Такаши — комплекта ради... Они брали измором. Устраивали прессинг. Доставали близких, усложняли жизнь, не разрешали покидать страну... Я все это знаю, потому что тайком почитывала газеты и онлайн-сводки. Шону не говорила, но казалось важным быть в курсе, потому что пока ищейки крутились там, мы оставались в относительной безопасности. Но шли недели, месяцы, а расследование результатов не давало, и все отчетливее понималось, что возвращение интерпола совершенно неизбежно. Однако я прогадала. Они не вернулись. Они прислали Бюрошных ублюдков. И методы у оных отличались.

То утро было великолепным, как и любое другое, с которого начинается самый большой кошмар вашей жизни. Чашка кофе, беготня по двору за Франсин, приятная музыка в плеере. Но еще стук в дверь, щелчок замка и значок ФБР.

— Агент Эндрю Крамер. У нас ордер на арест Шона Картера, — объявили мне с порога тыча в лицо «полномочиями» в лице власти имущей железячки.

— В чем его обвиняют? — тут же бросилась я выяснять детали.

— Это секретная информация, — то ли сообщили, то ли не сообщили мне и чуть не растоптали, спеша заковать Картера в наручники.

А к моим глазам будто применили фотошопный фильтр размытия по Гауссу. Я, вроде, и не плакала, но ничего не видела, а сфокусировать зрение смогла только когда коренастый коротко стриженный агент так толкнул Шона, что тот с трудом сохранил равновесие. Эта нестыковка отрезвила (еще бы, вон как с моим ректором обращаются!), и я бросилась наперерез процессии.

— Шон, пожалуйста, что происходит? — закричала я, хватаясь за его плечо.

— Прочь с дороги, — прошипел Картер мне в лицо и двинулся вперед с таким видом, будто хозяином положения был он, а не толпа людей в вонючих полиэстеровых костюмах.

Все случившееся заняло от силы минут двадцать, никак не больше, а я еще час стояла около открытой двери, не зная что делать. Шон был гадом, мог дать взятку или обхамить ни за что, мог превысить скорость, но если к нему в дом заявляется ФБР, то он не просто закурил в неподобающем месте. Это Пентагон. Ну или взлом, Боже, я молилась о том, чтобы это был последний. Не могла поверить, что Шон мне солгал. Почему-то его честность казалась важной.

Может, дело в том, что несмотря на все неприятные моменты, именно в отсутствии искренности его обвинить было невозможно. Будто это давало призрачный шанс на нормальную жизнь. Ну, по-картеровски нормальную, в смысле без цветочков и пастельной палитры в гостиной.

Я понятия не имела, что делать. Искать тайный сундучок, припрятанный на случай

необходимости «выкупа» из полиции? Пойти и узнать, в чем его обвиняют? Или действовать хитрее и заставить это выяснить людей, с которыми Шон не может не считаться? Я решила в пользу последнего и набрала номер Алекса.

Узнать куда отправили Шона труда не составило (в конце концов, у меня была поддержка мисс Адамс, пардон, Присциллы... Хотя, какой, блин, Присциллы? Мисс Адамс!), но это не помогло мне набраться решимости туда пойти. И я понятия не имела, что сказать Шону, кроме как «а ну колись, про Пентагон врал»? Отличный вопросик, учитывая, что вокруг толпа блюстителей закона! Оставался вариант с поддержать. Но чем? Мне ведь даже причину задержания никто не сообщил! Оставалось надеяться только на Алекса и Карину.

Я встретила друзей Шона в аэропорту, но не предложила им пожить в домике на окраине Сиднея. По законам гостеприимства должна была, однако не смогла. Казалось, что это станет актом капитуляции, перечеркнет многолетнюю ненависть, которую я испытывала к Пани.

Думается мне, мисс Каблучки все понимала и сама была не прочь убраться. И верно, какие у нее могли остаться права на домик Шона, если я в нем прожила чуть не в два раза дольше? Она могла быть Картеру подругой в глазах всех, кроме меня. Больной ребенок? Тяжелое финансовое положение? Да бросьте, оправдания можно найти даже самым омерзительным поступкам. Но черта с два я бы приняла ее поступок! Не в этой реальности!

В общем, Алекс и Карина разместились в отеле, из которого собирались отправиться в участок уже ранним утром. Этим я и воспользовалась. Точнее мы. Мы с Керри. А именно сели в машину подруги и поехали следом.

Почему-то казалось, что мисс Каблучки сделает все, чтобы скрыть от меня правду, но расстроится или нет — будет очевидно. Оставалось застучать ее на выходе из участка. Керри конечно, поведала мне, какая я идиотка, но за руль села без возражений. Наверное, потому что не сделай она как говорю, я бы... я бы ее побила, наверное. В общем, следуя на редкость глупому плану, мы остановились в проулке около здания, в которое зашли Алекс и Пани, и вылезли за машины.

— И что дальше, моя ты Ненси Дрю? — издевательски спросила подруга.

— Будем ждать.

— Чего ждать-то? Сходи и спроси в лоб.

— Нет! А что если это он?

— Ну, он с самым честным видом повторит, что невиновен, а ты поверишь и успокоишься.

— Он уже и говорил, и обещал, а я все равно сомневаюсь. Ведь он никогда со мной не считался.

— Вот именно.

— Что именно?

— Это он не тебе, а себе обещал. Ты просто рядом стояла и попала под обстрел чистосердечных признаний. Так что это не он. Поэтому даже не спрашивай, просто поддержи. Ты его подружка, это логично! Никто даже не удивится.

— Но мне нечего ему сказать!

— Так давай тогда речь подготовим. Например, дорогой Шон, — произнеся это имя, Керри аж передернулась. Естественно, только у меня хватило безрассудства сблизиться с

ректором настолько, чтобы звать его по имени. Остальные люди нормальные. — Я искренне (искренне!) за тебя переживаю, так что ты давай освобождайся и приходи сегодня вечером ужинать домой. Я накрою стол и надену красивое белье...

— В прошлый раз такое закончилось скандалом, — забрюзжала я.

— Но не в общественном же месте, — подмигнула подруга. — В данный момент он безобиден как младенец. Заодно развлечешься.

— Керри, хватит пороть чушь! Я на нервах.

— А я тебя, между прочим, успокоить пытаюсь. Делаю то, что положено подруге.

— Тихо! Идут! — зашептала я. — Быстро они что-то.

И вот как назло Пани встала ко мне спиной. Я не увидела ни расстройства, ни беспокойства, ни облегчения... только рыжие волосы, чтоб их все вырвать к чертям собачьим!

— Видишь, я же говорила? — злорадно пропела Керри и попыталась вытолкать меня из укрытия. — Иди, давай, ему будет приятно тебя увидеть.

Я начала отбиваться.

— Хватит! — рявкнула я. — Садись за руль и вези меня обратно, они сейчас поедут к Шону домой.

— Они переживут, если ты скажешь, что решила его проведать! Ну давай, Джо, не трусь!

— НЕТ! Он козел, и я к нему не пойду!

— И после этого ты еще удивляешься, что он влюбился в мисс Каблучки, а в тебя — нет? Она к нему из другого полушария прилетела, а ты несколько шагов сделать не в состоянии. Упрямая ослица!

— Да пожалуйста, вот пусть ее и любит, а я уж как-нибудь переживу! Раньше надо было думать, нечего теперь жаловаться на мою невнимательность!

После этого Керри закатила глаза, развернулась и потопала к машине. Она была права. Она всегда была мудрее меня. Ну почему, почему я ее не послушала?

Объяснения Пани и Алекса были путанными, картинку совсем не прояснили. Сказали что речь о каком-то взломе (разумеется, я о нем ничего не знала), но доказательства очень-очень косвенные, и вообще происходит нечто странное. И история получалась такая запутанная, что хотелось пойти и расспросить самой. Отчего я этого не сделала? Может, хотела наказать Шона, а может просто пыталась доказать, что стала соответствовать его шаблонам, не исключено, что если бы в Сиднее не было Пани, я бы изменила решение, но она была. А разве могла я броситься утешать своего мужчину на глазах у женщины, ради которой он меня предал?

Я знала часы, в которые проходил суд, я нервничала, ходила по дому и ждала. Я корила себя за то, что подозревала Картера во взломе Пентагона, что не поверила, и просто собиралась встретить, увидеть, что он вернулся домой, что он в порядке. Но шли часы, в гостиную становилось все темнее, и мне оставалось только переживать. Да, мне позвонили и сказали, что все благополучно, однако...

Было уже очень-очень поздно. А суд закончился в четыре часа дня. Не могли же его задержать снова. Или могли? Да нет, конечно, нет. Тогда где они с Алексом так долго мотались? Может, он просто как всегда не хотел возвращаться ко мне, предпочитая какую

угодно компанию, кроме моей? А ведь я переживала! Кстати, зачем? Знала ведь, что он не захочет меня видеть.

Именно на этой моей мысли входная дверь хлопнула. Я помимо воли сжалась в комок в ожидании скандала. Да, я позвонила Алексу. И не могла за это не получить.

— Ну и как ты тут без меня, дорогая? — спросил Шон таким тоном, что меня затрясло от страха и наплыва дурных предчувствий.

— Ты вернулся, — решила не вестись на провокации я.

— О, я заметил. А ты уверена, что заметила? — Вот что он нес?

— Шон, о чем ты? — устало спросила я, уже не скрывая собственного раздражения. Избежать конфликта не удастся. Он уже в худшем из возможных настроений.

— Какое печальное выражение лица, сейчас расплачусь.

— Хватит!

Он и перестал. Просто взялся за бутылку виски и, забыв обо всех правилах приличия, сделал затяжной глоток из горла. Это было дурным знаком. Наконец, оторвавшись от бутылки, Шон уставился на меня и продолжил:

— Ты позвонила Алексу. Какое право ты имеешь вмешиваться в мои дела, Джоанна Конелл?! Ты правда думаешь, что без твоей помощи я остался бы без адвоката?

— Нет, но...

— Ты вызвала моих друзей. На кой хрен ты это сделала?

— Ты в своем уме? Я хотела как лучше.

— Ты хотела как лучше для тебя. Тебе было страшно, и ты вызвала подмогу, чтобы не пришлось самой выпутываться из неприятностей? Напугала их, взбесила меня. Нахрена ты влезла?!

— Я подумала, что раз они твои друзья, ты захочешь их поддержки. В отличие от моей. Они не чужие и тоже замешаны в скандале по поводу Пентагона!

— А ты не думай, Джоанна, сиди и улыбайся, только это у тебя и получается!

Я задохнулась от возмущения. Это было просто вопиюще несправедливо! Он хотел заставить меня заплакать, но вместо этого я разозлилась.

— Это неправда. Ты так не думаешь!

— Я думаю, что ты просто пустышка, Конелл. Маленькая глупая девочка, которая только о себе и думает. Или, по-твоему, это мне было нужно, чтобы Алекс и Карина отводили от меня нелепейшие обвинения непонятно в чем?

— Я вообще не знала, в чем тебя обвиняют, — ткнула я в него пальцем. — Когда у меня на глазах на твоих запястьях застегивали наручники, ты мне ни слова не сказал!

— А должен был? — умиленно спросил Шон. — Разве я тебе хоть что-то вообще должен? Уж либо сидела бы тихо, как всегда, либо собирала свои пожитки и валила отсюда, если нейдет! — А затем подошел ближе и навис надо мной. Угрожая. Подавляя. — Ты самонадеянная идиотка. Всегда была! Посмотри. — Он одним молниеносным движением схватил меня за затылок, заставляя встать и, одновременно, наклоняя над поверхностью журнального столика, в которой я увидела собственное тусклое отражение. — Эти вечно надутые губки и светлые волосы. Ты одержима внешней атрибутикой, потому что внутри пусто. Бестолковая пустышка! Ты ничего не видела, ничего не испытывала, и потому для тебя я самый страшный кошмар, верно? — Черт, вероятно он уже пришел не совсем трезвый.

Да уж стоя в его захвате, склонившись над стеклянным столиком, куда он может меня в любой момент бросить, пожалуй, о страхе не поспоришь...

— Ты отвратителен! — выкрикнула я.

— Отвратителен, — хмыкнул он и сделал еще один затяжной глоток. — Знаешь, Конелл, есть такое правило: со временем все черствеют. Если ты не в состоянии терпеть мою отвратительность, ищи себе компанию в детском саду! Никто тебя не держит. Ты же просто инфантильная идиотка, которая не в состоянии признать, что никакая ты не жертва. Для тебя имеет значение только то, сколько раз тебе изменили и нагрубил. Потому что ты ребенок. Дядя сказал, что ты плохая, и ты плачешь, дядя приласкал, и ты счастлива. Вот она суть наших — с позволения сказать — отношений. Ты маленькая девочка со взрослыми желаниями и доходящими до абсурда амбициями. Тебе было любопытно прыгнуть в мою постель. И ты это сделала. Тебе было любопытно, а что еще ты можешь с меня получить? Ты заработала себе достойное образование и более чем роскошный круг знакомств. Большого не получишь, хоть всю жизнь болтайся в этом доме.

— Это ТЫ эмоционально застрял на уровне ребенка. Ты не в состоянии общаться с людьми. Кто-то когда-то тебя обидел, и ты носишься со своей обидой, перекидывая ее на каждого человека. Твоя мать умерла, верно? Джастин сказал, что она умерла, и с тех пор твоя крыша не в порядке! — А вот это было определено лишнее.

— Вооот даже как, — расхохотался Картер и рывком притянул меня за волосы к себе. — И ты, верно, думаешь, что перегнешь меня своей мягкостью и добротой? Очнись, в тебе нет ни того, ни другого. Ты не добрая и не чудесная. Ты всего лишь помнишь каждый раз, когда тебя дернули за косичку, и не повторяешь ошибок в надежде, что тебя станут меньше обижать. Уверяю, Конелл, за что обидеть найдут. Иначе не бывает! Невозможно избежать разочарований. Дело в другом — в том, как ты к ним относишься. А для тебя каждый кривой взгляд — катастрофа мирового масштаба. Открой глаза, проконтролировать все на свете нереально! Даже пытаться ненормально, противоестественно. Если ты не будешь беречь собственные нервы, никто кроме этим заниматься не станет! Так что дело не во мне. Я не сломлен, не обижен и не раздавлен. Меня не от чего спасать, Джоанна. Во мне нечего искать, все просто. Ты же вдоль и поперек меня изучить успела! Сколько лет мы живем вместе? Да, кстати, сколько? Три? Четыре года? Ну и сколько еще нужно, чтобы понять, что открывать во мне нечего? Хочешь, чтобы я помог тебе в поисках правды? Так вот она: я люблю компьютеры и не люблю людей. Вот я. Здесь. Я такой. Во мне НЕТ противоречий. Не нравится — проваливай.

— Не уверяй меня, что у тебя нет эмоций. Очень даже есть!

— Конечно, есть, но они просты и логичны.

— Логичны? Это по какой такой логике ты уже полчаса на меня орешь? Ни хрена подобного, Картер, ты просто злишься, что увидел вместе Пани и Алекса.

Он устало потер ладонью лицо.

— Тебя еще не тошнит? — Я вопросительно подняла брови. — От Пани. Меня от этой темы уже тошнит!

— Поверь, аж наизнанку выворачивает. Но если нет, за что ты злишься? Не может быть это банальный телефонный звонок! Тем более что Алекс твой друг. Его внимание тебе нисколько не навредит! И мне тоже. Да, у меня сдали нервы, и я сняла трубку. Я не пуленепробиваемая, как ты. У меня эмоции есть. И мне было тяжело.

— Ей. Ей было тяжело! — вдруг заорал он и пинком опрокинул кресло. Я перепугалась. — Тяжело сидеть в камере и не знать, что можно сделать. А знаешь, что еще тяжело? Объясняться какого хрена моя «подружка» звонит в истерике на другой континент и

умоляет приехать, если и так все уже благополучно разрешилось!

— Если бы ты хотя бы в известность...

— Пришла бы и спросила, раз уж ты так переживала! — заорал он снова. Я вздрогнула. Ну не могла я стойко переносить его твяканье!

— Ты бы выгнал меня! — резонно заметила я.

— Конечно, выгнал бы! И, кстати, именно этим сейчас и займусь. Убирайся! Забирай свои вещи и проваливай.

— Шон, ты...

— Я сказал вон отсюда! — И второе кресло присоединилось к первому. Мне стало действительно страшно. Но, честно говоря, перед знакомыми уже достало объясняться, почему мой бойфренд меня как собаку опять вышвыривает из дома посреди ночи! Эта мысль, словно дятел, злобно долбилась в голове. А потому я не сдалась. Но ведь и он не отстал. — Ты оглохла?

— Успокойся, — попыталась вразумить я его.

— А я спокоен. — И снова отпил виски. Злой Шон — ладно, не привыкать, но злой пьяный Шон — территория несколько неизведанная. — И когда ты уйдешь, я стану еще спокойнее. Проваливай!

— Куда я пойду ночью?!

— Это не мои проблемы! К Клеггу вали, к Керри, да какая мне, на хрен, разница. Или предложи кому-нибудь еще тебя трахнуть в обмен на кров, поверь мне, тебя возьмут с руками и ногами, ты стоишь каждого цента арендной платы.

Это окончательно взорвало мне мозг. Да как он смеет говорить такое?! Я бросилась на него. Но это было, конечно, и глупо, и тщетно. Он просто перехватил мои поднятые для удара руки, а потом прошипел:

— Убирайся вон, — и сильно оттолкнул от себя.

Я не удержала равновесие. Мир остановился. Момент падения был точно такой же, как в фильмах показывают. Все замедлилось, голова отключилась. А потом шипы боли обожгли спину. И я попыталась закричать, но удар вышиб из груди весь воздух. Ножки столика, которые недостаточно прочно крепились к стеклянной столешнице, отломались и отъехали в сторону, оставляя мне лишь короткий момент невесомости, а затем — мягчайшую перину из острых осколков.

Я чувствовала, что под спиной становится все теплее и теплее. Кровь. Было ужасно больно. На несколько мгновений я даже ослепла, а когда зрение вернулось, Шон стоял надо мной, и на его лице не было видно ни тени сожаления. Он просто сделал еще глоток виски, развернулся и ушел, хлопнув дверью спальни.

А я не могла сесть, даже думать было больно. Уже почти, почти позвала Шона, но страх победил. Его отсутствующее бесстрастное лицо запечатлелось в памяти навсегда. Он псих, маньяк, а вдруг он окончательно спятил и может меня убить? Долго лежать нельзя, а то я рискую умереть от кровопотери... Есть ли на спине артерии? Я понятия не имела. Но позвоночник-то точно имеется. Для того, чтобы убедиться, что все не совсем плохо, я попыталась пошевелить пальцами ног и рук. Удалось. Это хорошо, да? Я попыталась сесть, но стало еще больнее, я не сдержала вскрик, перепугалась, что вернется Шон, зажала рот рукой и, не переставая всхлипывать, ползком направилась к двери.

Я ползла по улице, стирая кожу на ладонях и коленях, оставляя за собой кровавую дорожку. А когда миновала несколько домов, решила позвонить в скорую по сотовому,

который, к счастью, ни на минуту не выпускала из рук. Я лишь надеялась, что меня спасут раньше, чем я истеку кровью.

Он не мог понять, откуда исходил стук. То ли в дверь барабанили, то с ним случилось худшее похмелье в жизни. Пил. Да, вчера он пил. Охренеть сколько выпил, но и причина имелась. Задержание, бездоказательное обвинение, однако в том, что он действительно делал, и, наконец, крушение жизненной теории. Определенно, алкоголь не был лишним. Хотя количество... можно было остановиться намного раньше. Сначала выпили с Алексом (за снятие обвинений, конечно), потом тот отправился к жене, а горе-хакер предпочел задержаться в баре и выпить еще. Лишь бы домой не идти, лишь бы ее не видеть. Он бы с большим удовольствием узнал, что ее сбил автобус, и этот запредельный эгоизм имеет под собой основу не из одного лишь упрямства и желания ужалить побольнее.

С каких, нахрен, пор, ему это стало важным, ведь он сделал все для сохранения «стерильных» отношений. А теперь размяк и передумал? Как все остальные тряпки этого мира? Доигрался до того, что в попытке доказать, будто не слабак, и она ничего для него не значит, швырнул на журнальный столик, развернулся и ушел... Смутно помнил произошедшее, темно было, злость на нее перекрыла все, да и выпил столько, что картинка расплывалась, помнил только как толкнул, сам не понял, откуда на обычном для него месте вдруг взялся столик, но развернуться и уйти казалось важным... Будто без этого он показал себя недостаточным ублюдком. А ведь она, наверное, пострадала...

— Картер! Открывай, мать твою! — раздался крик от дверей.

Голова отозвалась болью. Ну что ж, значит, не померещилось, до горячки не допился. Но в горле сухо, будто наждачкой прошлись, и подняться с кровати — адски сложно. Не обращая внимания на стуки и вопли Алекса и Карины, прошел на кухню и налил себе воды. Подумал. Запил еще виски. Головной болью он и во время очередной мигрени помучается, так по кой черт ему терпеть пытку сейчас?

— Шон, я вижу тебя в кухонном окне, немедленно открывай дверь! — не унимались гости.

Не до них было. Картер медленно и осторожно прошел в комнату Джо. Открыл дверь. Вещи все на месте, значит, сборы не устраивала, но не определишь спала ли в кровати. К безусловным достоинствам Джоанны Конелл относилось именно то, что она всегда оставляла после себя порядок. Если бы не это, он бы ее в своем доме терпеть точно не стал...

Он всегда был вспыльчив и отходчив, но на этот раз гнал любые мысли о примирении. Нет. Он уже возвращал ее, и не раз, вот только она никогда не ценила. Как и все ее сверстники, была эгоистично уверена, что мир ей задолжал исполинский кусман... чего-то. И простору этого «чего-то» он не уставал поражаться. Оставьте меня в университете, всему, что знаете, научите, влюбитесь, женитесь, детей признайте, а я, так и быть, раздвину ноги. Будто ей, черт ее дери, было менее приятно, когда он каждой фрикцией выбивал из нее эту детскую дурость, заставляя откидывать все крамольно-меркантильные мыслишки.

И кто бы знал, что с виду пустышка может оказаться опасным соперником! Раздражающая заноза, настолько мелкая, что жаль брать иголку, чтобы выковырять.

Слабенький warning, необнуленная переменная в среде, в общем-то, самостоятельно стирающей из памяти лишний мусор... И — бамц — программа выдает неожиданный

результат.

А эта х*уета заморская, перешагнув ведь и опереться о тебя не постесняется. Ни секунды беспокойства она не заслуживала — от подобных сорняков и не избавишься толком, — а он все равно стоит и проверяет на месте ли паспорт, не свалила ли она к своей розовой мамочке в Элитные Штаты первым же рейсом, да эконом-классом.

Завибрировал телефон в кармане. И пусть злился, на нее, на себя, надеялся, что она звонит, что с присущей театральностью сообщит, что уходит, а он ответит, что красную ковровую дорожку ей в помощь. Но нет, на дисплее имя Алекса. Да, бл*ть, неужто непонятно, что не настроен он на бурное дружеское общение сегодня?!

Решительно захлопнул дверь и зашагал по направлению к гостиной. Но вошел туда и замер, увидев россыпь окровавленных осколков на ковре. И бурые пятна были значительно больше, чем он мог предположить... Стоял как истукан и смотрел, не зная, что делать. Сердце билось как бешеное. Не напугал, ведь, искалечил.

— Картер, считаю до трех, и начинаю выламывать дверь!

Если бы не Алекс и не мысль, что Пани увидит кровь, он бы так и стоял, не состоянии понять, как и когда допустил такое. Картеру, естественно, было начхать на нежные чувства рыжей женушки друга, но учитывая историю их с Джоанной взаимоотношений, рисковать не стоило даже в малом. Бросился к двери, приоткрыл, и буквально втащил Алекса в щелку, за грудки.

— Иди отсюда нахрен, — вдруг сообщил и, шокируя друзей, оттолкнул Карину подальше, спеша захлопнуть дверь.

— Ты вообще с катушек слетел? — начал возмущаться Алекс и попытался впустить жену, но Шон ему не позволил.

— Пойдем.

Алексу не нужно было даже второго взгляда, чтобы понять, что случилось. Ни слова не сказал — бросился окна зашторивать, а потом обернулся и, яростно кинулся на Картера, схватил его за грудки и приложил об стену. Сопротивляться тот даже не подумал — поделом.

— Ты совсем спятил?! — шепотом спросил Елисеев, хотя интонации больше напоминали крик.

— Ты только-только вышел победителем из зала суда, хотя все знают, что ты виновен, и бросился убивать собственную подружку? — И снова ударил друга о стену. — Скотина, где она сейчас?! Она жива хоть?!

— Без понятия, — честно ответил Картер. — Но обязан выяснить.

Алекс, наконец, его отпустил и засунул руки в карманы, снова осмотрел сцену.

— Как это случилось? Что произошло?

Шону ужасно не хотелось отвечать на этот вопрос, но, наверное, стоило выслушать мнение человека, который знает ситуацию и не является заинтересованной стороной. Потому что поселившийся внутри клубок страха никак не желал распутываться. Он просто не мог поверить, что настолько потерял контроль, что натворил подобное.

— Сначала мы орали друг на друга, а потом она бросилась на меня с кулаками, и я ее толкнул.

— На столик? Ты толкнул ее на столик?

— Я его не видел. Пьян был, — огрызнулся Картер, точно пытаясь защититься от отвратительной правды.

— Ну, может, суд и проникнется, — раздраженно рявкнул Алекс, воздевая руки к небу. — Если не узнает, как ты обращался с Джоанной все эти годы!

Это было правдой. Как еще могли закончиться отношения, основанные на взаимном унижении? Всю душу друг другу вымотали, причем она старалась ничуть не меньше. Он уже давно готов на многое закрыть глаза, но ведь поймала за руку, и раз за разом не позволяла приблизиться. Жестами, взглядами, недвусмысленными поступками. Не спать в одной постели, не позволять ему приближаться к ее друзьям, не привязываться к его собаке, не считать своим место, к которому он ее приковал, не допускать отношениям выйти за стены кампуса и его дома. Она отлично умела мстить и ненавидеть. Каждая ее обида неоднократно выплескивалась ему в лицо подобно горячему кофе. Обжигала, заставляла помнить о боли... И, наконец, разъела, пробралась под кожу и поселилась там ядовитой змейкой. Выходит, он сильно переоценил свою неуязвимость.

Алекс продолжал что-то говорить, пытаться то ли вразумить, то ли отчитать, но Шон не слушал. Он уже набирал номер Клегга.

— Конелл, у тебя? — без приветствия спросил.

— Нет, а что? Вы опять поругались?

Но вызов был уже сброшен. Следующий номер — Керри — пришлось поискать. Когда Джоанны и там не оказалось, настал черед совершенно невероятных предположений. Ее университетские друзья-оболтусы, затем Мельбурнские близнецы... С кем еще она могла связаться? Родители? Наверяд ли...

— Надо обзвонить больницы, — наконец, признал он.

— И что ты им скажешь? — ехидно поинтересовался Алекс. — Что ты — тот урод, который с ней это сделал и теперь раскаиваешься?

— А я раскаиваюсь? — попытался издевательски изогнуть бровь Шон.

— Кончай храбриться, зеленая физиономия выдает. Давай, хватай ковер вместе со стеклом, в машину его. Надо спрятать улики.

— Потом. Сначала я ее найду, — сказал он так сипло, что сам вздрогнул, и уже схватился за телефон, но получил толчок в плечо, который заставил выронить из дрожащих рук мобильный.

— Если она в больнице, ты ей, кретин, ничем не поможешь, — прошипел Алекс. — А если уже в морге — тем более. Хочешь, чтобы Бюро заявилось сюда, и на тебя повесили новые обвинения, теперь уже в причинении тяжкого вреда здоровью Джоанны?! Тебя посадят, Картер, только повод дай. Они уже ждут...

Но все это он уже не слышал. Внутри точно прошлись огненным хлыстом, который снес остатки тонкой пленки, за которой находилось неконтролируемое бешенство. Злость, чувство вины грозили окончательно лишиться рассудка. В глазах темнело, а на сетчатке будто выжгли изображение распластанной по полу Джоанны. И ее испуганные глаза, в которых все еще виднелась слабая надежда на то, что он одумается...

Одумался, но поздно.

— Она не мертва! — заорал так что стены задрожали. На виске забила жила. — Я бы понял, если бы сделал такое. Я не думал ей вредить, не собирался. Но если бы я ее убил, я бы понял это!

— Успокойся. Ты сам сказал, что был мертвецки пьян.

Пинок, боль в ноге, и к обломкам столика присоединилось кресло. Не может быть, не может, не в этой реальности!

— Я не убивал ее, ты... ты просто не знаешь, не понимаешь!

И он с размаху уселся на диван, хватаясь за голову. Он не мог ее убить, не мог, он же помнил, как испуганно Джоанна смотрела на него. Она была жива и определенно не собиралась отключаться! С каких пор решающим стало то, убил он свою подружку или нет? Когда они дошли до такого?!

— Если думаешь, что это возможно, зачем помогаешь? — сипло спросил у друга.

— Потому что ты не убийца. И, поверь, я прекрасно все понимаю. Давай избавимся от ковра, а потом найдем ее. Картер, — Алекс сильно встряхнул его за плечо, заставляя поднять голову. — Мы найдем ее!

Вроде, должна была болеть только спина, но горело все. Руки, ноги, глаза. Издалека пару раз слышала что-то про плохую переносимость наркоза. Но просыпаться не хотелось, единственным желанием было увеличить дозу и как можно дольше пробыть в мире грез.

— Мисс, как вы себя чувствуете? — спросила медсестра, стоило впервые сдаться на милость пробуждения.

— Как будто меня прокатили по стеклу, — прохрипела. И не солгала. Казалось, меня не бросили на осколки, а как минимум по ним тащили.

— Ну-ну, не все так пло...

— Ханна, выйдите, пожалуйста, — раздался голос мягкий, но властный, и я сразу поняла, что явился мой врач.

— Да, доктор, — кивнула медсестра совершенно спокойно, без малейшего страха. Отчего-то это было важным. Наверное, потому что сама я была в ужасе, и встреча с неуравновешенным человеком снова стала бы последней каплей.

— Я доктор Купер, ваш лечащий врач. Вы перенесли операцию. Прошло без осложнений. Реабилитационный период будет долгим, но восстановление обещает быть практически полным. Ходить сможете, — сообщил он буднично.

— Хо-ходить? — всхлипнула я, борясь с подступающей истерикой. — Боже.

После этого доктор приблизился и утешающе сжал мою ладонь. Я знала, что жест дежурный, но стало... полегче.

— Помните, что произошло? Имя свое помните?

— Д-да. Джоанна Конелл, — прошептала я, а мужчина задумчиво кивнул.

— Я так и думал. Вами уже... интересовались.

— Что? — Я даже сесть попыталась, и, естественно, ничего не вышло. Доктор меня пришили к кровати.

— Мужчина. Имени не сказал. Звонил и спрашивал. Но с вами документов нет, и Джоанны Конелл у нас, соответственно, тоже нет. И так и будет, пока вы не напишете заявление в полицию, правильно?

И тут я вдруг живо представила, что будет, когда Шона выпустят из тюрьмы после того, как я стану причиной его заключения. Да он же пробыл в камере всего чуть, и не по моей вине, а в итоге я в больнице! Что бы с Шоном не случилось, виновата всегда была я! При чем за причинение вреда в пылу бытовой разборки его на всю жизнь не посадили бы, тем более если учесть, что я не гражданка Австралии, а он — человек со связями.

— Нет. Я не напишу заявление.

— Хорошо. Время подумать есть, не торопитесь, а пока в карте вы будете... — и занес

ручку над строчкой в медкарте.

— Зои Херроу.

— Отлично, Зои, желаю скорейшего выздоровления.

Доктор Купер держал собственную частную клинику. Понятия не имею, почему меня привезли именно к нему, но это стало спасением. Он не настоял на том, чтобы я написала заявление и под угрозой увольнения без рекомендаций запретил обитателям больницы болтать о девушке с порезами на спине, а еще не так давно потратился на стены и оборудование, и электронный документооборот наладить не успел... Он был послан мне Богом, не иначе.

Именно благодаря перечисленным обстоятельствам, я осталась жить в клинике без опасений, а в качестве компенсации за лечение и крышу над головой, написала ему систему электронного учета пациентов и обучила ей работников. Да и что, кроме дипломной работы, было мне делать, если долгое время передвигалась я в инвалидном кресле, а о случившемся знала только Керри, которой в целях конспирации было запрещено меня навещать? Наверяд ли моя посильная помощь покрыла затраты на лечение, но большего доктор Купер не потребовал. Если бы не он, не знаю, что бы со мной было...

Прошло три месяца, прежде чем я набралась смелости отправиться в американское консульство за новыми документами. Не к Шону же было за ними возвращаться. От одной мысли об этом передергивало. Но паспорт был необходим для получения диплома, а также резервации билета на самолет, который обещал унести меня домой из этого кошмара. Мысль была настолько заманчивой, что я переборола себя и вышла на улицу. Впервые с момента катастрофы. Вышла, чтобы, тяжело опираясь на трость, дойти до такси...

Обычный будний день. Обычный для последней недели.

Удостоверившись в том, что в больницах Джоанны нет, он решил последовать совету Алекса и, не дождавсь обвинений со стороны пострадавшей, сам сделал заявление о пропаже в полицию, пока этим не озаботились знакомые. Рассказал о ночной ссоре, умолчав только о столике. На мнение копов плевал — пусть считают его кем угодно, пусть знают, что орал как ненормальный на свою подружку, — только бы визиты в морги вопросов не вызывали. И даже почти ждал, что они все поймут, схватят его и посадят. Заслужил, мать вашу, заслужил ведь. Просто сначала должен был узнать, что с ней, где она. Черт с последствиями...

И теперь каждый его день начинался с поездки в морг. Лучшего способа испортить настроение, равно как и дойти до ручки, Картер не знал. Звук выдвигаемых холодильников начал мерещиться отовсюду, даже в университетских коридорах. Дошло до того, что он выставил проректора по науке из своего кабинета за сигнал сообщения на телефоне. Орал как конченный псих, а потом велел мисс Адамс отбирать телефоны у каждого визитера. Во сне он не единожды слышал скрежет холодильника, видел лицо Джоанны... а затем просыпался, не уверенный, что это злая шутка воображения. К слову, тем утром ему попалась девушка по-настоящему на нее похожая. Стройная, высокая, с копной крашенных волос, у корней которых уже начал пробиваться естественный каштановый... И пребывая под впечатлением от собственного сна, он попросил перевернуть тело, чтобы удостовериться, что на заднице девушки отсутствует до боли знакомая дурацкая розовая татуировка. Только после этого смог дышать. Казалось, копам нравилось его мучить. Будто

обследовать задницы симпатичных блондинок чуть за двадцать они без его участия не могли.

Хотя, признаться, он бы не позволил себя отстранить. Будто если набрать должное количество пыточных часов, то он станет меньшим ублюдком... Выстрадать, бл*ть, право на искупления грехов...

— Картер! — Клегг, чтоб его.

Ну точно чирей на заднице! Шон не собирался с ним разговаривать. Пошел дальше, делая вид, что внезапно оглох. Отвали. Не до тебя!

— Где Конелл? На телефон не отвечает и не пришла на дипломную консультацию! — Это было точно лишнее подтверждение. Конелл, и вдруг не пришла на консультацию. Остановился, обернулся. — Понятия не имею, что ты с ней сделал, — продолжал расплескивать яд Клегг, подходя ближе. За его спиной нервно перетаптывались двое мальчишек из группы Джо. Шон не помнил имен, но знал, что идея поискать его — ректора-из-ада — принадлежала им. — Но я знаю, что это ты.

— Профессор... — неуверенно начал один из парней, обомлев от подобных обвинений.

— Где она? — рявкнул Клегг, не обратив внимания на попытку вразумить. Видимо, обожатель холодной войны перешел в наступление.

Вокруг уже начали собираться студенты-зевачи. Обычно ему было до лампочки, но на глазах у всех обсуждать исчезновение Джоанны не собирался.

— Катись отсюда, — на взгляд Шона, это было очень даже миролюбиво, потому он просто развернулся и пошел дальше, но Клегг грубо схватил за руку. Да какого хрена ему надо?! Картер и без докучливого супервайзера подружки на взводе! Он развернулся и схватил Роберта за грудки. Как же хотелось врезать ему, выпустить пар. Стало бы легче, определенно...

— Не лезь не в свое дело. Джоанна — не твоя забота, ясно?

Он знал, что несет чушь, что в отличие от него Клегг заботился о Джо всегда. Помогал, привечал. Да, может, отчасти, ему, Шону, в отместку, но какая разница? Сам-то он даже этого не делал! Даже не мог ее найти. Причем с полицией!

Мужчина перед ним не был виноват ни в чем, и ничего из него не выбить кулаками. В эту игру он уже сыграл, результат не понравился, а потому просто выпустил Клегга.

— Вы двое, держите этого... от меня подальше, пока никто не пострадал. — Велел, а потом скрылся в ближайшей уборной, в которой, по счастливой случайности, никого не оказалось.

Тяжело оперевшись о раковину обеими руками, взглянул в зеркало. Сам мертвеца напоминать начал. Горящие глаза с синяками под ними, сероватая кожа. И уже чуть голос не сорвал, пока орал на всех подряд... Самостоятельный. Доигрался! Какой идиот мог надеяться, что ее найдет полиция? Пора вводить тяжелую артиллерию.

Достал из кармана телефон. У обычных людей на быстром наборе номера родственников, у него — совсем другие люди.

— Шон, мальчик мой. Я как раз вспоминал о тебе, — раздался обманчиво ласковый голос.

— Эмилио, мне нужна помощь. — Знал, что платить придется, но выбора не было.

— Я внимательно слушаю.

— Мне нужно, чтобы ты нашел одну девушку. Американка, белая, двадцать три, крашенная блондинка, рост примерно пять футов и девять дюймов (около 175 см), с розовой

татуировкой на заднице...

— С твоим именем? — не преминул поддеть Юнт.

— Не понял вопроса.

— Татуировка с твоим именем?

— Нет, с признанием в любви штату Миссисипи, — огрызнулся, разозлившись от одного лишь предположения, что Джоанна Конелл могла хоть что-то для него сделать, настолько это не соответствовало правде. — Лучше бы ее имя спросил, а не содержание тату!

— И как же ее имя? — не стал докучать подстрекатель.

— Джоанна Конелл.

— Джоанна Конелл, — протянул Юнт и хмыкнул. — Она тебе дорога?

— Я с ней спал. Просто помоги найти. — Шон ненавидел то, что приходилось признаваться Юнту. Он никогда не обсуждал с ним подобные вопросы, хотя тот до и после смерти отца не оставлял попыток сунуть нос в его жизнь. Ради Эстер, как он говорил. Шон предпочитал не знать, что связывало его мать с этим человеком до того, как отец на ней женился, но понимал, что что-то было, иначе с чего бы тому носиться с ним точно курице с яйцом? Этой лазейкой он воспользовался впервые.

— Окей, как скажешь. С чего предлагаешь начать поиски?

— Больницы и морги проверил. Остались аэропорты и американское консульство.

К счастью, Юнту хватило ума больше вопросов не задавать, а перейти к делу. Об отсутствии результатов исправно отчитывался, понимал, что отсутствие информации грозит свести сына друзей с ума... Однако потом, примерно за полтора месяца до защиты дипломов выпускного курса факультета защиты информации, ответ из консульства пришел положительный.

Шон был там в день, когда она получала паспорт. Видел, как она вышла из такси, опираясь о трость и медленно побрела ко входу. Проследил за ней до маленькой частной клиники, узнал имя, под которым скрывалась все это время, и остальные подробности, а потом долго не мог поверить в услышанное.

Джоанна сказала полиции, что попала в аварию, но подробностей не помнит. Доктор Эдвард Купер подтвердил у нее наличие временной потери памяти. И заверил, что та вернется. Естественно. Как пересечет границу Австралии — так сразу!

Шон знал, что на этот шаг ее толкнул страх. И хотя все надеялись на его присутствие, не появился на защите Джоанны. Знал, что она не хочет его видеть. И, вероятно, никогда не захочет.

Глава 27. Разоблаченные

Настоящее время

Несколько секунд информация до меня не доходит вовсе. А потом я начинаю... хохотать. Истерично так, пополам сложившись. Потому что идиотка. Здесь никогда не звали полковника по имени, на базе это не принято. Если кому-то подходит прозвище, оно цепляется намертво, а уж полковник свою власть носил точно знамя... Нет, не так, иногда он своей властью пользовался настолько открыто, что даже приближаться к нему лишний раз не хотелось. Естественно, мне и в голову не приходило поинтересоваться его первым

именем. Ну «К», так «К». Да я сама сменила одно «К» на другое, даже не придав этому значения... Откуда, блин, знать, что за буквой целый Кристофер спрятался?

К моему нервному срыву, однако, относятся с... пониманием. Посматривают раздраженно, но, в принципе, догадываются, что женщина в шоке — не то, с чем можно легко справиться. Лучше дать ей успокоиться самой. И, сделав вид, что мои всхлипывания и задыхания не превосходят типичного значения шума, начинают разговор о делах. Я пытаюсь вслушиваться в их диалог, вынуждая себя не хлюпать и не икать. А ведь внимания заслуживает...

— Ну, сеньор Хакер, я надеюсь, у вас все готово? — спрашивает полковник, подчеркивая свеженький и сверкающий статус Шона, приобретенный не без его участия.

— Разумеется, — отвечает ему Картер. Но, стойке-ка... Готово? Что готово? С трудом вспоминаю, как Картер упомянул однажды, будто Кристофер — наш заказчик. То есть все это время мы писали проект под человека, который сдал Монацелли?! Как же мне не нравится то, что Шон это скрыл... Да и вообще, сдается мне, история грязная!

— Смотрю, вы не очень-то любите делиться с супругой собственными достижениями, — замечает мое замешательство полковник.

— Достижениями? — желчно интересуется Шон.

— Разумеется, достижениями. Не думаю, что кто-либо еще из ныне живущих решился бы совершить такой... подвиг.

Шон на это не отвечает. Молча идет к голографическому столу. Хочется вцепиться в его пиджак. Ну хоть притормозить что ли. Как он смеет оставлять меня одну? А вдруг на меня бросятся и, скажем, голову отгрызут? Кристофер-то наш с сюрпризом! Что еще он мог задумать? И если проект сдает Шон, то зачем ему я?

От размышлений меня отрывает только появление голограммы. Я не так много их в жизни видела, чтобы не полюбоваться на это чудо, но еще большее удивление вызывает тот факт, что передо мной наша планета. Шон голографический глобус писал? Зачем? Данных о состоянии Земли у ВВС более чем достаточно, судя по одним лишь лидерам⁶. На первый взгляд голограмма — излишество. Каприз.

— Вон она, — тем не менее восхищенно говорит полковник и приближается к модели, едва дыша. Не понимаю... ничего не понимаю. — Как это работает? — спрашивает он, испытующе глядя на Картера.

На краткий миг Шон встречается со мной глазами, но затем совершает несколько манипуляций, и картинка начинает приближаться, обрастая деталями. Совсем как в google map. Вот только в объеме... Впечатляет и даже больше. Но есть вопрос: где, как, а главное, когда Шон работал над такой масштабной графикой? Я никогда не видела голографического оборудования ни в университете, ни в офисе Бабочек...

А потом картинка приближается еще, и еще, и еще, и вот я уже вижу нашу военную базу и перемещающихся по ней людей... Ч-что? Целую минуту тупо таращусь на фигурку с подписью Даркен Вебстер, а потом меня точно в лоб ударяет осознание, что все это время нашим с Такаши тайным проектом было задание Кристофера... Под изумительный голографический интерфейс, которым, как я понимаю, Шон занимался не один год, причем почти ничего кроме этого не успевая, мы с остальными Бабочками писали «начинку». Чтобы, мать вашу, дать Соединенным Штатам Америки, доступ до всей — всей! — информации о перемещениях людей по территории планеты Земля. Молодцы, однако, ребята! Масштабно мыслят. Хотя, хаха, одного не учли. Если информацию о собственных

передвижениях люди предоставить могут, то появление новых неодушевленных объектов... и тут осознание меня простреливает еще раз.

— Хм, ты знаешь, что пропало из данных Пентагона, Джоанна?

У меня аж дыхание перехватывает.

— Нет.

— Карты.

— Карты? — Это кажется совершенно невероятным. Зачем кому-то могли понадобиться карты?

Итак, поздравляю, Джо! Вот ты и узнала и зачем, и кому.

— Впечатляет, — вдохновенно шепчет полковник. — Это даже лучше, чем я предполагал...

Они начинают что-то обсуждать, Шон объясняет принципы работы, но я не слышу. Я пытаюсь связать все воедино. Вроде все сходилось, но, дьявол, не понимаю! Монацелли совершенно точно сознался. Он даже передо мной не отрицал своего участия.

— А можно спросить? — желчно вырывается у меня. — Если у вас свои дела, и вдвоем весьма комфортно, то зачем здесь я? Чтобы дать возможность насладиться шоком идиотки, которую на раз обвели вокруг пальца?!

И мне уже пофигу, кто есть полковник, я зла, обижена и чувствую, будто мной воспользовались все окружающие.

— Ну что вы, доктор... Картер, — начинает полковник. — Вам всего лишь дали то, чего вы хотели на самом деле. — И, главное, так невинно улыбается.

— Я хотела, чтобы с моего отца сняли обвинения, но вместо этого вы нарушили обещание, и перевели в разряд преступников всю мою семью и даже потенциального жениха! — срываюсь на крик. — И это притом, что, видимо, я наилучшим образом выполнила ваш план по устранению неудобных. Ведь и Манфред, и Леклер представляли из себя угрозу, стоило им рты пораскрывать! Но вы...

— Видите ли, на тот момент имел место конфликт интересов, — елейным голосом перебивает меня полковник. — Но я держу обещания. Мы обговорили условия, но не время. И обвинения будут сняты... сегодня. Не только с вашего отца — с вас тоже. Поэтому вы здесь. Все честно, — пожимает он плечами так, будто все это малозначительно!

— Конфликт интересов? Это, часом, не с совестью ли? — язвлю. Картер же недовольно поджимает губы.

— С профессором, — указывает на Шона. В моих висках начинает пульсировать боль. Это нехорошие предчувствия рвутся наружу. — Я пока схожу за бумагами, а вы все обсудите. В том числе наше с ним соглашение. Думаю, сеньор Хакер, вашей благоверной не помешает узнать все, как оно было на самом деле. Ведь, уверен, вы не хотите, чтобы она думала, будто ею... недостаточно дорожили.

И, насвистывая веселый мотивчик — наверняка чтобы не рассмеяться в голос — полковник покидает комнату. А Картер молчит. Ну, раз так, то можно смело переходить к части с обвинениями.

— Ты мне лгал. Все это время. Все эти годы!

— Я не лгал. Недоговаривал.

— Недоговаривал он! — бешусь.

— В точку. — Гребаная лаконичность! Я хочу деталей. И уже набираю в рот воздух,

чтобы начать изрыгать его вместе с пламенем, но Шон, кажется, понимает, что довел меня до точки невозвращения, и начинает объясняться подробнее. — Как я уже говорил, криминалист из тебя паршивый. Разве Пентагон так спустили бы на тормозах, если бы это был не внутренний заказ США? Да брось, Конелл! Шумиху развели, чтобы народу мозги помыть. Не могли они передать это, — указывает он на глобус, — постороннему исполнителю! Место имела инсценировка взлома. Как ты сама справедливо заметила, модель нарушает права человека. А теперь не они виноваты, а горе-хакер. — И пожимает плечами. Ага, ну естественно, такое же каждый день происходит! — Ко мне обратились напрямую, не через Манфреда, пообещали кресло сеньора Хакера. Тогда мы с Кристофером и придумали план. Первого письма с предложением взять Пентагон — моего письма не было. Это вранье. А остальные — да, и их разослал я. Сам взяться не мог — ко мне пришли бы к первому, поэтому сделал рокировку, поменяв местами нас с Монацелли — заказчика и исполнителя. Это и сбило всех с толку. Да, было опасно потом предлагать работу Карине, но как минимум ей — она же взломщик — необходимо. К счастью, Пани голову в петлю не сунула, а то пришлось бы тяжко. Такаши я трогать не стал, побоялся, что он согласится, и пошел сразу на Марко. В то же время Кристофер хорошенько промыл мозги Мафреду, не без причины уверяя его в том, что я хочу на его место, и надо укреплять позиции. И они решились. Но получилось так, что концы в воду прятал и я, и Монацелли, и военные США. Все окончательно запуталось, виноватых не найти.

Однако Леклер... О, Льюис Леклер имел нюх гончей. Настоящий гений. Невзирая на улики, он не верил, что я не при чем и как клещ прицепился. Так все усложнил, что стало проблемой не только обнародовать документы — даже проектом заниматься. Благодаря этому типу я прокопался с моделью намного дольше, чем думал, да еще и в одиночку, без шансов на помощь. А потом все-таки настал момент, когда понадобились специалисты. Пришлось выбирать из этого замкнутого круга...

— И тогда придумали подключить меня — вроде и своего человека, но напрямую не заинтересованного.

— Ты никогда не задумывалась, каким образом оказалась в Неваде, несмотря на то, что твой отец просил для тебя место на другой военной базе?

— Кристофер? — опасно спрашиваю.

— Именно. Он не выпускал тебя из виду никогда. Да, я рассчитывал на тебя как на запасного игрока. И было бы намного хуже, если бы ты осталась в Сиднее. Тем более что знал — настанет тот день, когда тебя можно будет заманить в Австралию снова. Кристофер с огромным удовольствием мне подыграл. Я, конечно, надеялся, что ты примешь предложение Монацелли и присоединишься к команде, но, как видишь, сработал план Б — Леклер.

— Но поскольку это только у меня проблемы с именами начальства, Леклер в момент догадался, кто есть Кристофер, и военные от него избавились, — вздыхаю я. — Вместе с Монацелли. — Но... постойте-ка... Заманить меня в Австралию... — Шон, а как все-таки мой отец попал на Сицилию?

По лицу вижу, что этого-то вопроса и опасались.

— Заслуга Брюса. Ему был дан приказ...

— Приказ сделать мне предложение?!

— И взять с собой твоих родителей.

— Боже мой.

— Предполагалось, что ты не согласишься. Жениться на тебе он не собирался. И в Сидней лететь тоже. Если бы ты отказала, он бы беспрепятственно вернулся в Штаты. Но сложилось как сложилось, и спектакль пришлось доигрывать.

Они больные. Все. Вообще. На всю голову. Мне становится страшно.

— А дальше, Картер? Что было дальше? Ты ведь не остановился и продолжал и дальше загонять меня в ловушку, точно дичь. И теперь наверняка скажешь, что все остальные неприятности — тоже твоих рук дело. Сорванная свадьба, то, что Лайонел свалил из Сиднея даже не попрощавшись. Как ты сказал? Дорогие люди незаменимы, и глупо считать иначе. А ведь я не говорила тебе, что Лайонел нашел женщину, похожую на Керри. Не придала этому значения, но...

— Химическая завивка, краска для волос и отсутствие денег творят чудеса, — самодовольно заявляет Шон, даже не скрывая, что это он подсунул Лайонелу суррогат! — А с Ашером... раз Мария Бессель не сработала, оставался Юнт. Естественно. Быть в контрах с человеком, который не стесняется действовать грязно, недопустимо. А уверенный в своей безнаказанности Ашер открыто пошел поперек, несмотря на то, что видел тебя на яхте. Понимаешь, Джоанна, посторонних женщин туда не приводят. Не то место, не та компания. У него не было выбора, кроме как отказаться от свадьбы.

Наверное, Шон думает, что эти слова должны меня утешить, но, если честно, я в ужасе. Он уверен в том, что все это делалось ради меня, а не адреналина и решения головоломок?

Аутисты обычно отлично играют в шахматы, просчитывают ходы как никто. Я сама неплоха в этой игре, но провернуть такое ради цели, а не процесса... Самообман все это. Просто развлечение для взрослых. А пострадает кто? Разумеется, я! Значит, нужно, что-то делать:

— Холодно, дай мне твой пиджак.

— Не бойся, с делом Кристофера покончено, еще пара часов, и нам будет никто не страшен, — говорит Картер, накидывая мне на плечи плотную ткань. И я киваю, незаметно прощупывая карман. Бинго!

В этот самый момент, будто для того чтобы удержать мое доверие, Шон меня целует. Дабы усыпить подозрения, приходится ответить. А потом я изображаю улыбку и, сославшись на необходимость посещения уборной, сбегая из этого ада. Опять же, ноги сами несут меня по коридорам к знакомым помещениям. Я захожу в комнатку, прилегающую к залу с суперкомпьютерами и достаю из кармана пиджака Картера пачку сигарет. Не могу оставаться на базе среди людей, которые считают себя вправе распоряжаться чужими жизнями! Но для того чтобы скрыться нужна... паника.

Глоток дыма в момент отравляет мои легкие, и первую затяжку я бестолково выкашливаю, только вторая достигает детектора и вызывает сигнал тревоги. Разумеется, система пожарной безопасности — совсем не то, на что я рассчитываю, она ведь совершенно точно определяет где расположен очаг возгорания. О нет, моя цель крупнее. Но пока не до того. Помещение, в котором я нахожусь, знакомо мне как свои пять пальцев. Я слишком часто здесь бывала, чтобы не знать, где можно спрятаться. Но места между шкафом и стеной так мало, что мужчине не втиснуться в щель никогда, а вот сушеной вобле вроде меня — пожалуйста. И потому, выбежавшие из комнаты с суперкомпьютером господина кричат что-то о том, что нарушитель спокойствия уже ушел, а раз они ближе всех, то им и

догонять. Ну, я именно на это и рассчитывала. А еще понимала, что они не идиоты, охрану у архиважной машины оставят. Поэтому направляясь завоевывать новые территории, прихватила в качестве оружия стульчик. Его должно хватить, ведь ВВС или нет, а оставленный секьюрити — что-то среднее между Каддини и Робертом Клеггом. А значит не убить бы мальчонку ненароком...

IT-люди — когорта особая. Несмотря на то что стоит обернуться, и парнишка воочию увидит помещение, где произошел инцидент, следит он за происходящим исключительно на мониторе. Меня заметил лишь в отражении, а предпринять и вовсе ничего не успел. Ну а дальше приходится торопливо переодеться в форму военного и... сделать то, чем я занималась... ну не меньше полутора лет — навести снаряды... на эту самую военную базу. Вот она — та паника, после которой можно будет драпать отсюда, причем очень-очень быстро.

Думаете я сошла с ума? Разве что немножко... но, дьявол, рядом ведь Шон Картер. Он определенно сможет отозвать разрушителей, а пока ему будет не до меня, я благополучно смоюсь.

До запуска снаряда осталось пятнадцать минут

А теперь... бежим.

Выбегая в коридор, ухитрюсь затеряться в толпе военных, которые ищут меня. Вижу, как всего в паре метров проходят Шон и полковник. Прячусь за широкими спинами бывших сослуживцев, ведь если кто и может опознать меня с полувзгляда, то это Картер. К счастью, сейчас ему не до того. Пятнадцать минут — не так уж много, если учесть, что Шон впервые видит мою защиту. Наконец, полковник-Кристофер гонит прочь свору «солдатни», среди которой затерялась и я, веля найти «паршивку». Ну, окей, ищем.

И вдруг, разнообразия ради, удача медленно, но верно, переползает на сторону жертвы: по пути нас перехватывает Даркен и велит направляться караулить транспортный отсек, ведь Джоанна Конелл не пройдет и пары метров на своих шпильках по песку, а босиком да летом в пустыне много не нагуляешь. Она возьмет машину. Точно возьмет. И он прав. Я собиралась дожидаться патрульных рейдов и присоединиться к одному из них. Тайно, конечно.

Однако... и ждать не надо.

— Я еду патрулировать территорию за пределами базы, — сообщает вдруг Даркен, и я знаю, что это мой шанс. Чувствую. Как можно менее заметно забираюсь в машину, пока он уговаривает охрану разрешить ему покинуть территорию. Ему настолько верят, что даже внедорожник не обыскивают.

Но только мы покидаем территория, как удача то ли изменяет мне, то ли, напротив, улыбается, выпрямившись в полный рост. Потому что мой водитель хмыкает:

— Ну и что это было?

Пару секунд делаю вид, что я все еще часть коврика. Ну а вдруг? В фильмах же всегда герой-идиот подает голос в ответ на такую вот фразу, а потом выясняется, что он сам себя обнаружил, а разговаривали вообще по блютуз-гарнитуре. Но Даркен оборачивается и подмигивает.

— Ты... ты знал, что я тут? — Короче, не быть мне хамелеоном. Увы.

— Естественно. — Еще раз увы.

— И знал, что я запустила боеголовки? — Ага, тест на адекватность.

— Ну а кому еще такой бред в голову придет? — фыркает он. Определенно адекватен.

— Но это же...

— Детский сад. Полковник с Картером их в два счета отзовут, — фыркает Даркен. — Пятнадцать минут. Сдурела? Да они еще в шахматы партию разыграть успеют.

— Но я как бы гробить всех вокруг не собиралась... — удостоверившись, что трибунал мне не светит, повисаю между передними сидениями внедорожника, ловя каждое слово своего внезапно нарисовавшегося соучастника. — Тогда зачем ты меня вывез с базы?

— Потому что ты, наконец, образумилась. Он инвалидом тебя сделал, а теперь промыл мозги, при этом не переставая врать! Это первый поступок, не противоречащий инстинкту самосохранения. Я подумал, тебе просто необходимо дать фору в этой гонке. А мне все равно ничего не сделают.

Вот он, генеральский сынок. Хоть кого-то думать научили в обход приказов. Не то что Брюс с колечком на Сицилии. Эх, Даркен, а ведь могло сложиться... Стоп, Джоанна Картер, а ну-ка быстро образумилась! То, что Шон все-таки козел, не отменяет свинские наклонности всех остальных твоих бойфрендов!

— Не лезь в мои дела, Даркен! Тебя это не касается.

— Мне показалось, или ты только что предложила высадить тебя посреди пустыни, и дать уникальную возможность прыгать от бархана к бархану, спасаясь от патрульных самолетов? Миссисипи, не будь душой, без меня тебе ни за что не выбраться. Или ты надеешься, на то что тебя поймают, на то, что он до тебя доберется снова?

Вопрос на миллион долларов. Шон сказал, что никогда не отпустит. И, судя по всему, и впрямь готов на что угодно, лишь бы удержать... Шантаж, подкуп, игры на человеческих чувствах... Но я хорошо знаю этого человека. Есть одном местечко, где он до меня не доберется никогда. А точнее местечек-то много, но все они в самолете. То есть если я буду перемещаться достаточно часто и осторожно, то все будет хорошо. Я смогу спрятаться. Главное, добраться до аэропорта и обналичить как можно больше денег, чтобы была возможность забыть о кредитке... и мобильном телефоне. И очень-очень много чем еще. Ад, а не жизнь. Связалась, ты, Миссисипи, на свою голову с C++! Но уж если мозгов нет, то их нет совсем. Вздыхаю я и, скрепя сердце, достаю из телефона аккумулятор.

— Умница, — хвалит меня Даркен.

Ну почему последнее слово всегда должно оставаться за мужчинами? Черта с два. Не теперь! Отныне я отказываюсь подчиняться требованиям окружающих. Поплясала под чужую дудку, и хватит! Если Шону так нравится строить козни на пару с Кристофером, вот пусть с ним и живет. А я умываю руки!

— Правь-ка молча, генеральский сынок, пока я не передумала.

И вот, наконец, когда Даркену, вроде, и сказать нечего, разговор себя исчерпывает. До самого города доезжаем в молчании, а затем я беру такси в аэропорт. Оно стоит небольшое состояние и «светит» мою карточку, но шанс нельзя не использовать.

Кредитку не заблокировали, не совсем понимаю почему, но рада. Смогла снять наличность в банкомате, затем купила билет на ближайший рейс, а также глянцевого журнала большого формата. Маскируюсь, да. Но осторожно осматриваю помещение. Толку ноль, на волне паранойи подозрительными кажутся все. Тем более раз меня еще никто не нашел. Seriously, у них же полно самолетов, так почему меня еще не нагнали? Неужели полковник вдруг отказал Шону в помощи в деле поимки сбежавшей женушки? Или семейные терки в область его интересов не входят?

Хотя, какая разница? Уж в чем сомнений нет, так это в том, что Шон Картер будет пытаться меня вернуть. В конце концов, этот человек ради цели готов сложить в корзину головы всех помешавших... И именно это меня так тревожит. Его поведение всегда было аномальным, но то, что он готов играть в салочки с законом — ни в какие ворота. Обиделась, да, в носу щиплет от сдерживаемых слез.

Кстати, о законе... интересно, на пути в США меня пропустили в аэропорту лишь один раз, или обвинения и впрямь сняты? Не хотелось бы, чтобы теперь подхватили под ручки прямо на контроле... По паспорту я теперь Джоанна Картер, и как Шон с Юнтом его мне сделали, даже знать не хочу, но не устаю надеяться, что он меня спасет...

За стеклянной перегородкой кабинки сидит мужчина с бесстрастным лицом. Мужчина — это хорошо, для меня их братия должна быть генетически уязвима. Если, конечно, не брать в расчет представителей сексуальных меньшинств... В сторону подобные мысли, и без них есть от чего сойти с ума! Пытаюсь улыбнуться, но получается плохо, потому что губы дрожат. С самого детства боюсь паспортного контроля, а сейчас, наконец, причина появилась... Мужчину, кстати сказать, моя попытка оскалиться ни разу не трогает. А еще его не беспокоит то, что мне ко все-таки подходят два сотрудника службы безопасности, и велют идти с ними.

В первые несколько секунд я начинаю перебирать варианты. Наступить на ногу каблуком туфли (ну, я прикупила себе новенький наряд. Серьезно, форма ВВС США для побега не очень-то годится), но понимаю, что меня скрутят в два счета, устроить бег с препятствиями тоже не слишком умно — поймают как делать нечего... остается сдаться и надеяться на мирное урегулирование вопроса.

Меня, к счастью, не пихают и не толкают, просто сопровождают в комнатку, где есть только стол, несколько стульев и телефон. Наглядная демонстрация права на законный звонок. Жуть-то какая...

— Просто ждите, — сообщают мне будущий распорядок. А звучит, однако, угрожающе...

Ждать приходится недолго. Всего через минуту в комнатку врывается разъяренный Картер, и я вскакиваю со стула, готовясь держать оборону.

— Отличный спектакль. Только смысла его я не понял! — чеканя каждый слог, сообщают мне. — И план тоже редкостно хреновый.

Судя по виду Шона, меня действительно догоняли не без участия самолетов. Выглядит он как восставший мертвец. Я могла бы вырубить своего драгоценного одним пальцем.

— А чего ты ждал?! — намеренно громко спрашиваю. Пусть мучается! Сполна заслужил! — Признался, что использовал меня в своих интересах, водил за нос несколько лет... И ведь явно делал это для себя, пытался доказать, что можешь все на свете!

После этих моих слов случается нечто совершенно невообразимое: у Картера буквально челюсть отвисает. Такого я не видела никогда, и сдается мне, больше не увижу. Причем Шон смотрит так, что даже я начинаю сомневаться в собственном здравомыслии. Наконец, отмерев, он опирается обеими ладонями о стол и начинает медленно, угрожающе говорить:

— И как же тебе это в голову-то бестолковую пришло, а? — Вздох.

Пытаюсь защититься:

— Тебе хватило наглости использовать меня, несмотря на то, что нас разделяло полмира!

— Джоанна, если бы я смог тебя вычеркнуть из собственной жизни, забыть обо всем

случившемся, это избавило бы меня от половины проблем, но ведь черта с два! Виновен разве что в одном: сдалась мне ты, дура блондинистая! Не спорь, дура и есть, раз ухитрилась придумать, что попытки тебя вернуть являются доказательством безразличия. Окей, я смог совместить приятное с полезным, но не легко и просто, а потому что долго думал, как бы это осуществить. Однако, вместо благодарности, меня обвиняют в том, что я помог добиться амнистии для Джона Конелла, позволил Кристоферу избавиться тебя от неприкрытого лжесвидетельствования в суде (поверь, менее убедительно сыграть на Сицилии было просто невозможно), взял в Бабочки, дал место в университете — фактически, сделал то, о чем ты грезила еще в юности, предоставил жилье твоим родителям и даже липовому женишку, не позволил сделать глупость и выйти замуж за человека, который по щелчку Юнта обменял тебя на пару нулей в банковском счете... и теперь ты заявляешь, что все это я сделал для себя, заставив пойти на великую жертву — невозможность поселиться на исторической Родине?! — В этом месте Шон не выдерживает, ударяет ладонью по столу и, вздрогнув от громкого звука, начинает тереть пальцами виски. — Поверь, Джо, если бы я мог послать тебя к черту, я был бы стократ счастливее. Достала. Ей Богу, может, и заслужил, но достала!

— Достала? Это я тебя достала?! Вообще-то, кое-кто — не стану показывать пальцем — прилично так выиграл на всем вышперечисленном!

— Так. Чего еще ты хочешь? Чего, бл*ть, тебе бескорыстного от меня понадобилось еще?!

— Детей! — всплескиваю руками.

— Это все?

— То есть все?

— То есть обещаю, что если получишь детей, больше никогда доставать меня своими «не верю тебе — эгоцентричной скотине» не станешь.

— Клянусь, — радостно выкрикиваю я, уверенная, что получила все счастье мира, но вдруг осознаю, что ошиблась с формулировкой, а Шон уже достает телефон. — Ой, нет, стой, это должны быть наши дети. Твои и мои.

— Это невозможно, и ты уже пообещала, — отвечают мне и подносят телефон к уху.

— Куда ты звонишь? В приют? Я не хочу приемных детей, я...

— Добрый день, мисс Адамс. Помните, о чем я вас просил? Все в силе. Отправляйте Да, все в порядке, Джоанна в курсе. Через пару дней будем.

— Что ты сделал? И я в курсе чего? — Ноль внимания. — Шон, что будет делать мисс Адамс?

— Доставать нам детей. — И тяжкий вздох с закатыванием глаз. — До последнего надеялся собакой откупиться.

У меня отнимает дар речи.

Пока Шон мечтал умереть прямо в кресле самолета (ну или хотя бы закусить стюардессой, так он распекал болезную), я перебивала варианты развития событий. Выпытать информацию без применения кипящего масла не удалось, а с оным, к несчастью, на борт не пускают. Приют? Суррогатное материнство? Что эти двое затеяли? Ну скажите, я же с ума схожу!

Когда самолет приземляется в Сиднее и табло, возвещающее о запрете использования электронных приборов, погасает (ага, я трусишка и соблюдаю правила), включаю телефон и обнаруживаю, что завалена звонками и сообщениями по самые уши... И все они от Лайонела

Прескотта. Во рту становится сухо-сухо. На часах пять утра, и перезвонить, вроде, нельзя, но страшно, ведь явно что-то случилось!

— Шон... Шон, нам нужно поехать в Ньюкасл.

— Мне в Ньюкасл точно ни к чему, — сообщают мне замогильным голосом. Дождаясь своей очереди на выход из салона, Картер едва на ногах держится. Ну, верю, что тут еще скажешь? И так полмира облетели за последние несколько суток.

— Окей, поезжай домой, помрешь еще.

— Спасибо. За сострадание, — фыркают в ответ.

Наконец, берем два такси, одно из которых отвезет меня в Ньюкасл. Перелет был тяжелым, никто и не спорит, но в крови столько адреналина, что отдых мне еще месяц не грозит... Я должна узнать, что случилось у Лайонела, а еще сообщить родителям, что обвинения сняты (со всеми этими волнениями забыла упомянуть — полковник обещание исполнил!). Не зная, куда рвануть сначала, сижу и бормочу себе под нос, пугая водителя:

— К маме или к Лайонелу? К маме или к Лайонелу? — Никак не могу решить. Хватаюсь за телефон. — Каддини, куда сначала ехать? К маме или к Лайонелу?

— Док, шесть утра, я же сплю! — ноет в трубку студент.

— Точно. Значит, к маме. Спасибо!

— Легла бы поспала, чем родных допекать спозаранку, — вздыхает он и отключается.

К двери родительского дома бегу бегом, стучусь как слоненок, и, думается мне, именно поэтому когда папа открывает дверь, в руках он держит бейсбольную битку.

— Джо? — удивляется, а затем обнимает, при этом невольно, но очень чувствительно, прикладывая меня своим «средством самообороны». Тут же начинает извиняться, и хотя моя несчастная спина не очень солидарна с политикой безвозмездности, уверяю его, что все в порядке.

— С нас сняли обвинения, — объявляю как можно радостнее, все еще потирая поясницу.

— Да? Здорово, — пожимает папа плечами. Он определенно доволен, но совсем не так, как я ожидала.

— Ты не понял. Вы теперь можете вернуться в Штаты!

— А зачем, Джо? — удивляется отец, откровенно шокируя свое чадо. — Работы для меня там больше нет, а здесь дела идут прекрасно, плюс рядышком, наконец, наша девочка, счастливая, влюбленная. Внуками, надемся, порадует. — Эти заявления будто с ног на голову весь мой мир переворачивают... а как же Штаты? Разве папе и маме не полагается любить место, где они прожили большую часть жизни? — Ну что ты все на пороге топчешься? Давай проходи.

— Ханна здесь? — выскакивает из спальни мама. Одета она в халат, волосы растрепаны, а на щеке след от подушки.

— Зои, нас помиловали, представляешь? — улыбается папа.

— Чудесно-то как, Джон. Пойдемте завтракать. Я сейчас вафли испеку.

Боже, если даже Брюс скажет, что ему в Австралии чудесно живется, я сойду с ума. Обещаю! Неужели единственным человеком, который переживал по поводу сложившейся ситуации, была я одна? Или так редко общалась с родными, что не заметила, насколько хорошо им в Австралии? В моей голове когда-то отложилось, что Сидней им не по нраву, но, видимо, Ньюкасл — совсем другое дело, и единственный человек, застрявший в прошлом —

именно ваш покорный слуга.

Завтрак мы с мамой готовим праздничный, в конце концов повод имеется, и я даже стараюсь быть милой с Брюсом, который — гип-гип — свалит, наконец, в Штаты, и не будет как бельмо на глазу, но червячок грызет, не дает покоя. Что случилось с Лайонелом? Терпения хватает ровно до восьми утра, а потом я вскакиваю с места и чуть не бегом бросаюсь выяснять причину, по которой до меня так настойчиво пытались достучаться.

Войти в дом Керри, зная, что ее больше нет, очень тяжело. Это место теперь напоминает храм, хотя раньше было совсем иным. Воспоминания, связанные с гнездышком семьи Прескотт, были наполнены теплом и светом, несмотря на темные для меня времена, а теперь по сравнению с ним даже наш с Шоном огромный пустоватый особняк кажется эталоном уюта.

Лайонел, открывает мгновенно. Будний день, ожидала его увидеть в деловом костюме, готового выходить на работу, но он в домашней одежде, и сердце сжимается от недобрых предчувствий. Надо срочно искать катастрофу!

— Что-то с детьми? — вместо приветствия спрашиваю я и, оттолкнув его, влетаю в дом. — Джулиан! — кричу.

— Доброе утро, Джо. Я бы пригласил тебя пройти, но, боюсь, это уже неактуально, — шутит, однако, хозяин.

— Извини. Ты до смерти меня напугал, — хватаясь за голову, пытаюсь успокоиться. Да, Лайонел мне так ничего и не объяснил, но если бы что-то случилось с малышами, не вел бы себя настолько невозмутимо.

— Джоанна? — раздается детский крик сверху. — Девчонки, там Джо!

И Джулиан буквально бегом бросается по лестнице вниз. А за ним две малышки. У меня сердце замирает — даже не знаю, кого спасать. К счастью, Джулиан достаточно взрослый, чтобы устоять на ногах, а выловить чуть ли не кубарем скатывающихся по ступенькам малюток помогает Лайонел. Отчитывает, разумеется, но не сильно, понимает, что скучали. А я прижимаю к себе Кики и поражаюсь тому, насколько она похожа на Керри. Просто копия! И пахнет сладко-сладко, ванилью. Живо вспоминаются дни, когда я с ней возилась как с родной дочкой.

— Джулиан, сходите пока погулять, а мы с Джоанной сейчас приготовим завтрак. Уверяю, вы успеете наобщаться вдоволь.

— А Оливия не присоединится?

— Она поздно легла, — только и отмахивается.

О, дружок, да ты вкусил свой фунт лиха... Керри, спорю, тебя провожать не забывала... Что тут сказать? Да ничего. И Джулиан, не по-детски мрачно взглянув на меня, уводит капризничающих сестер во двор. Сдается мне, с Оливией не сложились отношения не только у меня. Встаю напротив окна и смотрю, как парнишка аккуратно покачивает двойные качели, на которых, крепко вцепившись в перила, сидят Марион и Кики. Он очень повзрослел. Пугающе сильно...

— Почему ты не на работе? — спрашиваю у Лайонела, оборачиваясь.

— Потому что мне дали выходной для сбора вещей.

— Вещей?

— Да. Ты не могла бы бекон пожарить? — спрашивает он, протягивая мне сковороду.

Не спрашиваю, вижу, что Лайонел набирается решимости. — Поэтому я и звонил тебе. Меня переводят в Канберру. Это назначение мечты, я пять лет его добивался.

— О, мои поздравления, правда!

— Не спеши, — сухо хмыкает он. — Я не ожидал, что должность достанется мне теперь, когда Керри умерла. Из-за детей я в последнее время сильно отстал в этой гонке... — Мне отчетливо вспоминается звонок Шона... кажется, я знаю, кто помог Лайонелу получить место. Этот кто-то очень любит играть на чужих амбициях! — На мое место здесь — представь себе — даже человека уже нашли, никто не ожидал, что я могу отказаться. Но эта работа потребует всех сил и времени, а у меня трое детей. Оливия хорошая, но она совсем не... — И замолкает, будто испугался договаривать.

— Совсем не Керри, — заканчиваю я его мысль, посыпая специями бекон. Пытаюсь скрыть эмоции, подавить преждевременную радость. — Я понимаю.

— Нет, не понимаешь... — воинственно начинает он. — Она не такая как Керри, но все же чуточку такая же...

Его утверждение могло бы быть лишено всякого смысла, если бы я не чувствовала нечто подобное по отношению к другому человеку. И, не поднимая глаз, говорю:

— Понимаю, уж представь себе. Селия тоже не такая как Керри, но чуточку такая же. И с ними нам полегче.

Всего на несколько секунд, Лайонел сжимает в своей ладони мою руку, и я чувствую тепло и свет — неизменные спутники Керри. Да, Лайонел поступил со мной некрасиво, но только рядом с ним и с малышами я не сомневаюсь в том, что наша дружба стоила каждой минутки преследовавшей месяцами боли... Она все еще живет. В них. И с ними.

— Ну так что? — не сдержавшись, подталкиваю я Лайонела, не в состоянии ждать больше ни секунды. — Ты не договорил.

— Ты их крестная. Керри хотела, чтобы в случае его ты взяла на себя заботу о наших детях.

— И, по-твоему, переезд с новой подружкой на более теплое местечко — тот самый случай? — Я хочу этого, но не смогла не задеть Лайонела. Дети уже потеряли мать, а он...

— Ты была права. Ты это хочешь услышать? Они грустные. Все время грустные. Я понятия не имел, на что подписываюсь. Растить троих детей тяжело. И я не справляюсь. Оливия пытается помогать, но она тоже работает, устает... Плюс, если я лишусь своего места, на что мы все будем жить? — И, наконец, начинает он нападать.

А мне вдруг вспоминаются слова Шона. О том, что настоящая любовь заставляет находить выход. Он ведь говорил о любви вообще, а не только о той, которая связывает половинок в единое целое. Не из-за нее ли я бросилась с головой в Сицилийскую авантюру, хотя понятия не имела, как и чем смогу помочь отцу? Такие ситуации, как сейчас у Лайонела — призма для приоритетов. Он мог бы найти новую работу, но предпочел поискать человека, который заберет детей. Устал, опустил руки. Разумеется, о своем выборе начнет жалеть, но вернуться трудно. И, надеюсь, Шон не дремлет...

— Джо?

— Что ты предлагаешь? Ты должен сказать это вслух, — хрипло говорю, из последних сил сохраняя спокойствие.

— Я предлагаю тебе взять опеку над детьми, — на одном дыхании выпаливает Лайонел.

После этих слов по моим щекам начинают течь слезы. Я понятия не имею, как Шон

догадался. Возможно, тогда, в кошмарах, я оправдывалась перед Керри за то, что отдала ее детей чужой женщине. Ну или авария и детские рисунки выдали меня с головой. Да, черт возьми, разве это важно? Нет. Суть в том, что он как всегда смолчал, чтобы потом, однажды, дать мне то, чего я отчаянно хотела в самой темной глубине сердца.

Наши желания — странная штука, они не всегда правильны, зачастую противоречивы, но это не умаляет их силы, вопрос лишь в том, что ты предпочтешь: прикрыться условностями или попытаться добиться желаемого, невзирая на мораль и общественное мнение. Однажды я уже вынуждена была ответить на этот вопрос, и... нашла свое счастье. Пожалуй, я готова подыграть Шону Картеру. Я все-таки понимаю, почему он боролся за меня и Бабочек, переставляя людей точно шахматные фигурки.

— Да. Я согласна, — выдавливаю из себя.

Знаю, что ответ я отрицательно, Лайонел бы вздохнул с облегчением и побежал искать новую работу, прикрывшись обстоятельствами. Он такой. Но не я. Я не собираюсь отказываться от своего шанса на счастье. Правда ли я стерва? Может быть. Ну и пусть! Все мы не безгрешны. И не вам меня судить.

Эпилог

— Смотри! Э-у-й-о!

— Гав-гав!!

— Йохоу!

— Гав!!!

— Ты жульничаешь! Это не буква! — вопит Марион под дверь нашей спальни. Ну почему именно здесь? За что? В этом доме комнат пятнадцать, но нет, наша дверь будто единственная.

— А по-твоему, э-у-й-о — буква?! — возмущается Джулиан.

— Я же просил тебя не учить мелюзгу алфавиту перед сном, — шипит Шон. — Суббота, семь утра, а они изобретают у нас под дверь неизвестные миру гласные...

— Я, вообще-то работаю! — огрызаюсь. — И бываю дома только рано утром и по вечерам. Когда еще я могу учить детей? Ты же мне не помогаешь!

— Еще как помогаю.

— Шантаж Джулиана не в счет!

— Шантаж — самый лучший стимул в обучении... — начинает Шон толкать свою любимые революционные речи.

— Они проснулись? — вопрошает Марион, пытаясь заглянуть под дверь, и мы мигом замолкаем, притворяясь спящими. Вдруг уйдут?

— Гав! Гав-гав-гав!

— Тупая твоя псина. Только внешне на Франсин похожа! — шиплю на Картера.

— Отличная собака. Это все три спиногрыза, они кого угодно доведут.

— Гав-гав-гав-гав-гав!

— Это не спиногрызы, а дети. Де-ти! И вообще, сейчас дети молчат, а собака все равно надрыгается. Это ли не доказательство?

Но раздается звонок в дверь.

— Очевидно, бедняга надрыгается, так как учуяла твою ненормальную матушку, —

злорадствует Шон. — Ты открываешь.

— С чего это я?

— Мои родственники, к счастью, в гости не ходят. — Самодовольство так и прет...

Напяливаю халат, выхожу в коридор, а дверь мстительно оставляю открытой. Любвеобильные и лишённые инстинкта самосохранения малышки тут же устремляются в проем. На лице Шона отражается неприкрытый ужас, а они уже ныряют в теплую кровать. Я-то, в отличие от некоторых, разрешаю понежиться под боком. Мне и самой в кайф... Но не Шону, хехе.

Спускаюсь вниз, не переставая гадко хихикать. Картера я люблю, но к сочувствию это не имеет никакого отношения. Иногда наше противостояние — сплошное удовольствие. Распахиваю дверь, и меня тут же начинают душить в объятиях. Мама, папа, затем мистер и миссис Роббинс. Вы не ошиблись. В отличие от Лайонела, родители Керри от внуков не отказались, и теперь, на беду Картера, у нас огромная, счастливая семья.

— Где Шон? — плотоядно вопрошает мама прямо с порога. Она чудесная. Но мстительная. Свадебную выходку Шона она так и не простила, и теперь ищет все уязвимые местечки непомерного самолюбия.

— Он еще спит, — стараюсь мирно урегулировать вопрос.

— Тогда пойдем будить! — радостно заявляет она. — Саванна, держи запеканку, я иду приветствовать зятя!

В отличие от Шона, я родительские визиты люблю. Готовить не приходится... Кстати, ездят они часто. Раз в две недели, да еще и ночевать иногда остаются. А что? Места предостаточно.

Пока мама обнимает и целует Джулиана, бегу в спальню. Шон, конечно, с мамой здорово прокололся тогда, и поделом ему, но он спит голым, а этого зрелища мама точно не перенесет.

— Вытащи их отсюда! — шипит Картер, старательно не пуская детей под одеяло. Сдерживая хохот, велю малышам идти встречать гостей, и только они скрываются в коридоре, Шон выскакивает из кровати и начинает натягивать штаны. Я же просто умираю от хохота.

— Шооон, — поет мама. Мда, на рубашку ему времени не хватило. — Здравствуй, дорогой!

И врывается в спальню. Вижу, Картера воспитывали иначе. Ему и в голову не приходило, что моя матушка зайдет в супружескую опочивальню. Он настолько обескуражен, что мама прилагает немало усилий, чтобы заставить его наклониться для поцелуя.

— Пойдем, я принесла твою любимую запеканку.

Не уверена, что Шон любит запеканку моей мамы, но, вроде, не отказывается, и на том спасибо.

— А хоть одеться можно?

— Конечно-конечно!

— А зубы почистить? — выясняет пределы терпимости «любимый зять».

— После еды почистишь. К тебе пришли гости.

Когда выходим в коридор, нас чуть не сшибают трое детей, преследующих затравленно озирающуюся по сторонам молчаливую собаку. В одну сторону пролетают, заставляя

животное врезаться в стену, затем — обратно.

— А ну оставили в покое Кики! — рявкает Картер. Все трое сразу по стойке смирно выстраиваются.

— Значит, к младшенькой привязался? Это так трогательно, — умиляется мама.

— Это собаку зовут Кики, — злорадно обламывает маму Шон.

— Никак не могу понять, зачем было называть собаку и ребенка одним именем! — восклицает она.

— Затем, что, согласно документам, ребенка зовут Констанс. Пока хоть кто-то в этом мире может подумать, будто эти дети мои, дурацкими кличками их звать не будут! Девочку зовут Констанс, а собаку — Кики!

— О, я впервые в жизни с тобой согласна, — снова умиляется мама.

— Сказала женщина, которую Джоанну называет Ханной, — бормочет себе под нос Шон. А я молчу, нет, серьезно, тут хоть слово вставишь — закопают. В словесных поединках я по сравнению с ними дилетант.

Наконец, всей толпой (во главе с песочным лабрадором по кличке Кики) спускаемся вниз. Не жизнь, а сказка. Стол уже накрыт, гости торопятся рассесться, но Шон внезапно хватает Джулиана за шкуру:

— Выучил? — Энергичный кивок. — А ну давай быстро пять языков программирования!

— Ассемблер, Фортран, Java, РНР и-и-и... и C++.

— Ну естественно, куда же без C++, — желчно говорит Картер, а я закатываю глаза, но благоразумно помалкиваю, пока на меня не ополчились. Серьезно, мне что, до конца жизни припоминать тот случай будут?

Поскольку возражать сегодня побаиваюсь, оставляю без внимания протянутую Джулиану конфетку. Он дрессирует ребенка. И у него, черт его дери, получается учить намного лучше. Я вон Кики... ой, Констанс никак алфавиту не научу. А Шон решил вырастить из старшенького хакера нового поколения, и напролом идет к своей цели. Снова.

Раскладываю по тарелкам еду. Папа, тем временем, начинает беседу:

— Шон, а я тут вчера видел заметку о том, что сеньор Хакер так и не составил список лучших программистов. Решили отказаться от традиции? Негоже рушить старые заветы, тем более такие значимые... — Гробовое молчание. — Эм, я решил, что найти интересную всем тему не помешает, — несколько испуганно оправдывается он.

Шон на это не отвечает, да, собственно, и интересна тема, разве что, мне, потому миссис Робинс берет беседу в свои руки, ухитряясь при этом с завидным проворством запихивать Кики... тьфу ты, Констанс в рот желеобразное нечто весьма гадкого вида. Застолье длится ровно до тех пор, пока в двери не звонят снова. На этот раз явились Клегги... с новыми порциями угощений. И если Шон прибывшим не радуется, то Роб просто сияет. И есть отчего.

— Итак, поскольку здесь собралась такая чудесная компания, я спешу сделать объявление, которого все так долго ждали, — говорю я, поднявшись и притворно скромно сложив ручки. Догадываясь о содержании, Шон с силой сжимает в руках нож. Ну-ну, почти испугалась. — Итак, своей Бабочкой-преемницей я назначаю... Роберта Клегга!

Но сквозь аплодисменты и поздравления прорывается точно рык раненого животного.

— Можно тебя на пару слов, милая? — И нож с грохотом приземляется на стол. Хорошо

хоть не в глаз неудобным...

Мне почти совестно. Почти, но все же нет. Закрываемся в кабинете, и Шон начинает орать, угрожать, чуть ли не умолять забрать свои слова назад, взять Каддини, да хоть мисс Адамс, и то толку будет больше. Сообщает, что уберет Клегга точно так же, как ставленника Такаши... Но я ему не верю, раз за разом повторяю, что Каддини и сам добьется, когда время придет, и параллельщики нам просто необходимы, а если бы Шон Клегга ненавидел хоть вполовину так сильно, как говорит, то выгнал бы из университета взащей, и уже давно.

Орем друг на друга долго, смачно, в какой-то момент начинаю подозревать, что нас и гости слышат, и дети, и даже собака не лает и не воет именно по этой причине. Но с последней не угадала. Псина попросту не могла руководствоваться скудным умишком, что лишний раз подтверждает мамин стук в дверь:

— Шон, твоя Кики только что отгрызла каблук от моей туфли.

Картер обреченно вздыхает. Чувствую, сегодня его довели как никогда. Причем коллективно.

— Не волнуйтесь, Зои, я его починю, а если нет, то куплю вам пару обуви, или две, или три, или сколько угодно, только оставьте нас, чтоб вас всех, хоть на пару минут!

— Поняла, — невинно и кротко сообщает мама и усердно топает под дверью, изображая удаляющиеся шаги.

— И отчего меня так часто стали посещать мысли о суициде? — риторически вопрошает Картер.

— Ничего, ты привыкнешь. И к детям, и к маме, и к Клеггу... ко всему. Нужно всего лишь время, — пытаюсь настроить его на миролюбивый лад. Но в этот миг раздается грохот, звон посуды, дружный громкий вопль, а затем жалобный такой скулеж собаки. Вот она какая — моя американская мечта. За что, как говорится, боролись... — Боже, надеюсь, что и я привыкну тоже, — добавляю сквозь слезы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Во-первых, данный файл для меня стал сюрпризом, и я бы хотела сказать огромное человеческое спасибо людям, которые подарили мне его, которые поддержали и поддерживают меня в любое время, которые пожелали мне больше верить в себя. Это мои самые родные и близкие: моя лучшая подруга, муж и сестра. Без них не было бы моих сетевых публикаций и без них (зная себя точно говорю) еще долго не было бы вычитанного файла Дела Кристофера.

Также, конечно, я хотела бы поблагодарить своих друзей, кто помогал вычитывать книгу, освобождал мне драгоценные минутки на написание текста: Лену Буравчук и Алену Лубенец. Спасибо за то, что понимаете, как важно, когда кто-то есть на подхвате, знаете, что у меня не тысяча рук и не тридцать шесть часов в сутках, чтобы все успевать.

Еще я в последнее время часто слышу «прочитал пару глав, не зацепило, пошел искать где трава зеленее, но потом по той или иной причине вернулся, и не пожалел». После такого невольно задаешься вопросом: а сколько же тех, кто не вернулся? Так вот, я говорю СПАСИБО каждому, кто дает шанс высказаться таким людям, как я, кто все еще открыт новому, может слышать, смотреть не только на имена, кто еще не зачерствел в этот век

литературной пресыщенности.

Спасибо, что вы со мной!

Notes

[

←1

]

простейшее объявление переменной с именем «a»

[

←2

]

Более широкий диапазон.

[

←3

]

Если в прошлый раз Шон метафорически относит Хелен к классу объектов, которые нужны только для одной функции, то здесь Джоанна присваивает ей высшую степень «необходимости».

[

←4

]

Отдельно это слово переводится как «неразрешимый».

[

←5

]

Три обезьяны — изображение трёх обезьян, символизирующих буддистскую идею недеяния зла, отрешённости от неистинного. «Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нём, то я защищён от него».

[

←6

]

лазерные измерители состояния атмосферы, а также поверхности Земли.